

Arkhiv Russkoi Revolyutsii

АРХИВЪ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. Гессеномъ

I

1921

Задачи Архива

Всякая революція, — въ томъ и заключается внутренній смыслъ ея, — нарушаетъ установленный ходъ государственной и общественной жизни, она стремится разбить тѣ формы, безъ которыхъ соціальная жизнь по самому существу своему обойтись не можетъ, и которыя тѣмъ больше ее стѣсняютъ, чѣмъ прочнѣе онѣ сами отвердѣваютъ, и чѣмъ дальше отъ нихъ уходитъ непрестанно стремящаяся впередъ жизнь. Русская революція зашла въ этомъ направленіи, пожалуй, гораздо дальше, чѣмъ всѣ предыдущія, и освободившаяся отъ всякихъ формъ жизнь безудержно разлилась по всему необъятному пространству великой Россіи. Привычная размѣренная поступь смѣнилась колебательнымъ движеніемъ, все бродитъ, сталкивается, перекрещивается. Навыки и привычки отринуты, каждый шагъ приходится обдумывать самостоятельно и каждому нужно дѣйствовать на свой образецъ. Типическія явленія уничтожены, нѣтъ ничего устоявшагося и разрушена всякая связь и зависимость между различными и ближайшими частями прежде единаго цѣлаго. Этотъ великій переломъ не находитъ ни малѣйшаго отраженія и въ печати. Въ совѣтской Россіи существуетъ только большевистская пресса, всецѣло поглощенная агитаціонными задачами и не освѣщающая внутренней жизни страны, внѣ совѣтскихъ границъ печать имѣетъ единственной цѣлью борьбу съ большевиками, и тщетно старались бы мы за страстной, съ обѣихъ сторонъ ослѣпленной, полемикой уловить біеніе пульса подлинной жизни.

При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности составить себѣ сколько-нибудь отчетливое представленіе о тѣхъ событіяхъ и процессахъ, которые происходили за годы революціи среди русскаго народа. Совѣтскій режимъ и его постепенное видоизмѣненіе, добровольческое движеніе, его успѣхи и неудачи, роль и бытъ русской эмиграціи, разбросавшейся по всѣмъ частямъ свѣта, отношеніе странъ цивилизованнаго міра къ русскому вопросу и пребывающимъ въ нихъ русскимъ, положеніе русскихъ въ новыхъ государствахъ, образовавшихся изъ тѣла Россіи, — все это извѣстно

только какими-то случайными уродливыми отрывками, и лишь во внѣшнихъ, рѣзкихъ проявленіяхъ, заставляющихъ забывать, что за ними скрываются живые милліоны, которые при всякихъ условіяхъ ведутъ свою жизнь, имѣютъ свой бытъ и думаютъ свою думу. —

Это состояніе полной распыленности и грозной неизвѣстности напоминаетъ о неотложной практической задачѣ, которую переживаемое, неповторяемое время властно ставитъ на очередь.

Задача заключается въ томъ, чтобы сохранить письменный слѣдъ развертывающихся передъ нами трагическихъ событій. Многое изъ того, что каждому изъ насъ привелось видѣть или въ чемъ участвовать, осталось единственнымъ въ своемъ родѣ и больше уже нигдѣ не повторилось. Поэтому, если сейчасъ не записать всего, чему каждый свидѣтелемъ былъ, внутри ли Россіи, или на границахъ ея въ рядахъ боровшихся съ большевиками, или во вновь образовавшихся изъ тѣла Россіи государствахъ, или, наконецъ, среди русской эмиграціи во всѣхъ странахъ міра, то многое изъ фактическихъ данныхъ пропадаетъ безслѣдно и такой недостатокъ можетъ безнадежно затруднить раскрытіе истиннаго смысла переживаемаго нами величайшаго историческаго перелома. Глазамъ современнаго наблюдателя русская дѣйствительность представляется закружившейся въ какомъ-то бѣсовскомъ хаосѣ, который тяжело удручаетъ и колеблетъ вѣру въ будущее Россіи. Врядъ-ли однако можетъ подлежать серьезному сомнѣнію, что среди этого потрясающаго хаоса историческій величавый процессъ властно совершаетъ свой вѣковѣчный ходъ и, какъ бы причудливо не рисовались намъ событія, какими бы случайными они не казались намъ, какъ бы безформенно они не нагромождались, они могутъ лишь затемнить, скрыть отъ насъ закономѣрность совершающагося, могутъ даже потрясти и задержать ее, но не въ силахъ ее опрокинуть и уничтожить. И чѣмъ сложнѣе всѣхъ предыдущихъ русская революція, чѣмъ безудержнѣе размахъ ея, чѣмъ запутавнѣе подъ ея воздѣйствіемъ международныя отношенія, которыя въ свою очередь не мало вліяли на ходъ ея, тѣмъ отвѣтственнѣе становится задача будущаго изслѣдователя, тѣмъ труднѣе будетъ разобраться среди гигантскихъ обломковъ и осколковъ и опредѣлить ту линію, по которой проходитъ равнодѣйствующая боровшихся силъ и настроеній и вокругъ которой складывались и перемежались отдѣльные безчисленные эпизоды. Если фактопись этихъ эпизодовъ будетъ неполной, если многихъ индивидуальныхъ штриховъ будетъ недоставать, то, очевидно, общее представленіе сложится неправильное, уродливое и равнодѣйствующая окажется проведенной невѣрно, смыслъ событій останется скрытымъ навсегда.

Вотъ почему первѣйшій, подлинно священный, долгъ каждаго, кто сознательно относился къ событіямъ, въ которыхъ онъ прямо или косвенно принималъ участіе, или которыя онъ наблюдалъ, по свѣжей памяти — занести

на бумагу свои воспоминанія и впечатлѣнія, не задумываясь надъ формой и способомъ изложенія. Конечно, трудно разсчитывать на трезвое и безпристрастное отношеніе къ событіямъ, которыя еще разыгрываются, къ пожарищамъ, которыя еще дымятся, къ крови, человѣческой крови, которая еще льется широкими потоками. Трудно ждать уравновѣшенности, когда настроенія изо дня въ день такъ капризно мѣняются, когда все склоняются передъ видимостью, передъ успѣхомъ. Тѣмъ болѣе трудно, что упомянутая необходимость отказаться отъ всѣхъ навыковъ и традицій и дѣйствовать по своему разумѣнію, на свой страхъ, порождая сильнѣйшее напряженіе и въ связи съ этимъ усталость и недовольство, съ другой стороны, толкаетъ наиболѣе энергичныя натуры на смѣлые и рѣшительные и ни передъ чѣмъ не останавливающіеся шаги. Со всѣхъ сторонъ въ полномъ вооруженіи выходятъ спасители Россіи и пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаетъ атаманщина, которая врядъ-ли достигла уже своего апогея.

Соотвѣтственно этому каждый склоненъ ставить себя въ центрѣ событій, вести разсказъ, исходя изъ того, что онъ все предвидѣлъ и что, еслибы осуществился бы его планъ дѣйствій, то все пошло бы иначе. Чѣмъ полнѣе авторъ отдается этимъ размышленіямъ, тѣмъ опредѣленнѣе центръ тяжести его воспоминаній перемѣщается: они утрачиваютъ интересъ съ точки зрѣнія той характеристики эпохи, которую силятся дать, но пріобрѣтаютъ цѣнность для характеристики самого пишущаго, какъ одного изъ представителей даннаго момента...

Нужно вообще твердо помнить, что даже и при наивысшей объективности воспоминанія и дневники даютъ богатѣйшій, незамѣнимый матеріалъ автобіографическій, наиболѣе ярко выступаетъ въ нихъ личность самого пишущаго, какъ бы мало онъ не выдвигалъ себя: по тому, что онъ видѣлъ, на что обращалъ вниманіе, что бросалось ему въ глаза, какія черты характера въ окружающихъ его лицахъ онъ подчеркивалъ, по всему этому прежде всего можно безошибочно опредѣлить его собственное міросозерцаніе, его душевное и умственное состояніе. Если же прямо поставить себѣ цѣль дать характеристики, судить и оправдывать, жалѣть и пророчествовать, то ничего, кромѣ автобіографическаго матеріала, воспоминанія представлять не будутъ, и только съ этой точки зрѣнія они будутъ интересны для уясненія себѣ сущности данной эпохи.

Главная трудность заключается не въ томъ, чтобы преодолѣть пристрастіе и предвзятость, важнѣе всего отрѣшиться отъ своей собственной личности, не дѣлать ее центральной фигурой. Въ настоящее время, когда всѣ авторитеты разрушены, когда все вообще поколеблено до самыхъ основаній своихъ, никто не вправѣ навязывать читателю свои выводы — предсказанія, никто не вправѣ претендовать на то, чтобы имъ вѣрили. Предоставимъ каждому дѣлать свои заключенія, которыя вообще еще слишкомъ

преждевременны, позаботимся лишь о томъ, чтобы предупредить невѣрные выводы, основанные на недостаточномъ знаніи фактической обстановки, облегчимъ возможность оріентироваться въ происходящемъ.

Нѣтъ, пожалуй, болѣе вреднаго и празднаго занятія, чѣмъ искать теперь правыхъ и виноватыхъ. Никакой натяжки нѣтъ въ томъ, если сказать, что виноватыхъ нѣтъ, или еще вѣрнѣе, что мы всѣ виноваты и вина еще больше увеличится, если мы станемъ искать, на кого намъ свою вину переложить. Пока еще нельзя отдать себѣ полнаго отчета въ томъ, что именно произошло и какъ глубоки въ сущности тѣ измѣненія, которыя вызваны переворотомъ, всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы какъ можно полнѣе и точнѣе отразить случившееся.

Въ этомъ и заключается задача «Архива» русской революціи. Эта задача очевидно совершенно исключаетъ всякую предвзятость и партійность. Исчерпывающая цѣль изданія — дать правдивую картину, содѣйствовать выясненію исторической истины, при чемъ и литературное изложеніе отступаетъ на задній планъ. Не только мемуары, для печати спеціально написанные, но всякіе дневники, письма, всякаго рода записи въ самой безпритязательной формѣ могутъ имѣть огромное значеніе для разрѣшенія поставленной задачи. Въ главныхъ чертахъ, матеріалъ, подлежащій опубликованію въ Архивѣ распадается на слѣдующія основныя группы:

1) Порядки и событія внутри совѣтской Россіи.
2) Организація, продвиженіе и пораженіе добровольческихъ армій, отношенія къ иностраннымъ отрядамъ и миссіямъ, порядки во временно отнятыхъ у большевиковъ областяхъ.
3) Роль и бытъ русской эмиграціи въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта.
4) Иностранное вмѣшательство, отношеніе представителей общественнаго мнѣнія Европы и другихъ частей свѣта, отношеніе государственныхъ дѣятелей.

Предпринимая настоящее изданіе, мы не скрываемъ отъ себя, насколько трудна и отвѣтственна задача его и мы приложимъ всѣ усилія, чтобы расчистить дорогу объективной исторической истинѣ. Само собой разумѣется, однако, что степень ея достиженія вполнѣ зависитъ отъ того, проникнутся ли пишущіе сознаніемъ высокаго долга свидѣтельствовать въ этотъ часъ великихъ испытаній одну только правду и всю правду.

Временное Правительство

В. Набокова

I

Ровно годъ тому назадъ*, въ эти самые дни, 20—22 Апрѣля, произошли въ Петербургѣ событія, все значеніе которыхъ для судьбы войны и судебъ нашей Родины тогда еще не могло быть въ достаточной степени понято и оцѣнено. Теперь уже ясно видно, что именно въ эти бурные дни, когда впервые послѣ торжества революціи открылось на мгновеніе уродливо-свирѣпое лицо анархіи, — когда вновь, во имя партійной интриги и демагогическихъ вожделѣній, поднятъ былъ Ахеронтъ, и преступное легкомысліе, безсознательно подавая руку предательскому политическому разсчету, поставило Временному Правительству ультиматумъ и добилось отъ него роковыхъ уступокъ и отступленій въ двухъ основныхъ вопросахъ — внѣшней политики и организаціи власти —, въ эти дни закончился первый, блестящій и побѣдный, фазисъ революціи и опредѣлился — пока еще неясно — путь, поведшій Россію къ паденію и позору.

Это не значитъ, конечно, что въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ, когда на развалинахъ самодержавія — формально отжившаго еще 17 Октября 1905 года, но фактически еще цѣлыхъ 11 лѣтъ пытавшагося сохранить свое значеніе, — организовывалась новая, свободная Россія, — что въ этотъ короткій періодъ все обстояло благополучно. Напротивъ того: внимательный и объективный взглядъ могъ бы въ первые же дни «безкровной революціи» найти симптомы грядущаго разложенія. Теперь, post factum, когда просматриваешь газеты того времени, эти симптомы кажутся такими несомнѣнными, такими очевидными! А тогда тѣ люди, которые взвалили на свои плечи неслыханно тяжелую задачу управленія Россіей, — въ особенности на первыхъ порахъ, — какъ будто предавались иллюзіямъ. Они хотѣли вѣрить въ конечный успѣхъ; безъ этой вѣры, откуда бы могли они почерпнуть нравственныя силы? И впервые должна была пошатнуться ихъ вѣра именно въ эти роковые апрѣльскіе дни, когда «революціонный Петроградъ» вынесъ на площадь жизненный для Россіи вопросъ о задачахъ ея внѣшней политики и на красныхъ знаменахъ впервые появились надписи, призывавшія къ сверженію Временнаго Правительства или отдѣльныхъ его членовъ.

* Писано 21 Апр. 1918 г.

Съ этого момента началсямартирологъ Временнаго Правительства. Можно констатировать, что уходъ Гучкова и принесеніе Милюкова въ жертву требованіямъ Исполнительнаго Комитета Петербургскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ были для Врем. Правительства первымъ ударомъ, отъ котораго оно уже болѣе не оправилось. И, въ сущности говоря, послѣдующіе шесть мѣсяцевъ, съ ихъ періодическими потрясеніями и кризисами, съ тщетными попытками создать сильную коалиціонную власть, съ фантастическими совѣщаніями въ Малахитовомъ Залѣ и въ Московскомъ Большомъ Театрѣ, — эти шесть мѣсяцевъ были однимъ сплошнымъ умираніемъ. Правда, въ началѣ Іюля былъ одинъ короткій моментъ, когда словно поднялся опять авторитетъ власти: это было послѣ подавленія перваго большевистскаго выступленія. Но этимъ моментомъ Вр. Правительство не сумѣло воспользоваться, и тогдашнія благопріятныя условія были пропущены. Они болѣе не повторились. Легкость, съ которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть послѣднее коалиціонное Правительство Керенскаго, обнаружила его внутреннее безсиліе. Степень этого безсилія изумила тогда даже хорошо освѣдомленныхъ людей...

Съ первыхъ дней переворота я стоялъ довольно близко къ Временному Правительству; въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ (до перваго кризиса) занималъ должность управляющаго дѣлами Вр. Правительства, а впослѣдствіи находился съ нимъ — по разнымъ поводамъ и при разныхъ обстоятельствахъ — въ довольно тѣсномъ контактѣ. Къ сожалѣнію, я не велъ тогда ни дневника, ни какихъ либо систематическихъ записей. Занятый съ утра и до поздней ночи, я еле находилъ время для того, чтобы выполнять всю выпавшую на мою долю работу. Поэтому, у меня не сохранилось почти никакихъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ тому времени. Я долго колебался, стоитъ ли теперь, по прошествіи столькихъ мѣсяцевъ, приниматься за перо и пытаться записать то, что уцѣлѣло въ памяти. Трудность этой задачи увеличена тѣми условіями, въ которыхъ я теперь нахожусь, — проживая въ «медвѣжьемъ углу» Крыма, уже цѣлый мѣсяцъ совершенно отрѣзаннаго отъ всей остальной Россіи и только что занятаго нѣмцами. У меня подъ рукой нѣтъ ничего для облегченія работы памяти, если не считать кипы номеровъ «Рѣчи», по счастію сохранившихся у И. И. Петрункевича и имъ мнѣ предоставленныхъ. Правда, это очень драгоцѣнное пособіе, но оно не могло, конечно, отражать хода той внутренней, закулисной политической жизни, которая, какъ это всегда бываетъ, направляла и всецѣло опредѣляла ходъ жизни внѣшней. Въ теченіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, что я находился на посту Управляющаго дѣлами Врем. Правительства, я чуть не ежедневно присутствовалъ при закрытыхъ его засѣданіяхъ, гдѣ я былъ единственнымъ лицомъ, не принадлежавшимъ оффиціально къ составу Правительства. Впослѣдствіи я подробнѣе коснусь вопроса о моемъ положеніи и о тѣхъ причинахъ, которыя побудили меня мириться въ теченіе моей кратковременной работы съ этимъ положеніемъ только свидѣтеля, но не участника политическаго «творчества» Врем. Правительства. Сейчасъ я хочу только констатировать, что, насколько мнѣ извѣстно, отъ всѣхъ этихъ совѣщаній не осталось никакого слѣда. Записывать пренія въ самомъ засѣданіи я не могъ, въ виду ихъ строго конфиденціальнаго характера. Это, конечно, вызвало бы протестъ прежде всего со стороны Керенскаго, всегда очень подозрительно и ревниво относившагося

ко всему, въ чемъ онъ могъ усматривать покушеніе на «верховныя прерогативы» Вр. Правительства. Писать же post factum у меня не было времени. Думаю, что ни одинъ изъ министровъ не имѣлъ возможности дѣлать какіе либо записи послѣ засѣданія. Само собою разумѣется, что теперь, годъ спустя, я не имѣю ни малѣйшей возможности систематически возстановить то, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

И тѣмъ не менѣе, я все-таки рѣшилъ приступить къ этимъ запискамъ. Какъ ни скуденъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ моя память, все же было бы, думается мнѣ, жаль, еслибы этотъ матеріалъ погибъ безслѣдно. Я считалъ бы крайне важнымъ, чтобы всѣ тѣ, кто такъ или иначе оказались причастными работѣ Вр. Правительства, поступили бы также. Будущій историкъ соберетъ и оцѣнитъ всѣ эти свидѣтельства. Они могутъ оказаться очень разноцѣнными, но ни одно изъ нихъ не будетъ лишеннымъ цѣны, если пишущій задастся двумя абсолютными требованіями: не допускать никакой сознательной неправды (отъ ошибокъ никто не гарантированъ) и быть вполнѣ и до конца искреннимъ.

Вступленіе это мнѣ казалось необходимымъ, такъ какъ оно пояснитъ самый характеръ моихъ воспоминаній и мое собственное отношеніе къ этимъ запискамъ. Приступаю къ моему повѣствованію.

II

Какъ только вспыхнула война, я немедленно — 21 Іюля 1914 года — получилъ бумажку, увѣдомлявшую меня, что я, въ качествѣ офицера ополченія, призываюсь въ 318-ую пѣшую Новгородскую дружину и обязанъ явиться въ мѣсто формированія этой дружины, въ г. Старую Руссу. Не собираюсь сейчасъ подробно касаться всего, пережитаго мною, сперва въ Старой Руссѣ, потомъ въ Выборгѣ, гдѣ дружина находилась до Мая 1915 года, затѣмъ въ мѣстечкѣ Гайнашѣ, на берегу Рижскаго залива, на полпути между Перновомъ и Ригой. Я былъ сперва дружиннымъ адъютантомъ, потомъ въ Гайнашѣ, гдѣ изъ трехъ дружинъ былъ образованъ полкъ (подъ названіемъ 434-го пѣх. Тихвинскаго), — полковымъ адъютантомъ, и въ этотъ первый годъ войны былъ свидѣтелемъ работы по подготовленію тыла, протекавшей, вѣроятно, болѣе или менѣе одинаково по всей Россіи. Думаю, что мои наблюденія въ этой области также не будутъ лишены нѣкотораго интереса, но покамѣстъ откладываю записываніе этого матеріала, а также и всего того, что относится къ моей службѣ въ Азіатской части Главнаго Штаба, куда я былъ совершенно для себя неожиданно и безъ всякаго своего участія переведенъ изъ Гайнаша въ Сентябрѣ 1915 года и гдѣ оставался до самаго переворота, заставшаго меня временно исполняющимъ обязанности дѣлопроизводителя этого учрежденія. Если я здѣсь упоминаю о своей военной службѣ, то только для того, чтобы пояснить, что съ Іюля 1914 года и до Марта 1917 года я не принималъ никакого участія въ политикѣ. Даже вернувшись въ Петербургъ, я не возобновилъ ни публицистической работы въ газетѣ «Рѣчь»*, ни работы въ

* Если не считать ряда фельетоновъ, явившихся плодомъ моей поѣздки въ Англію въ Февралѣ 1916 года и впослѣдствіи напечатанныхъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Изъ воюющей Англіи».

Центральномъ Комитетѣ партіи народной свободы. Открыто вернуться къ той и другой я — въ силу своего положенія офицера, служащаго въ Главномъ Штабѣ — не могъ, сдѣлать же это, такъ сказать, конспиративно у меня не было никакой охоты, да и не было бы въ такомъ тайномъ участіи большого смысла. Какъ бы то ни было, мнѣ важно, для поясненія многаго дальнѣйшаго, констатировать это обстоятельство. Съ начала войны и до самой революціи я былъ оторванъ отъ политической и — въ частности — отъ партійной жизни и слѣдилъ за нею только извнѣ, какъ сторонній наблюдатель. Мнѣ были неизвѣстны сложныя отношенія, развившіяся въ эти годы внутри Думы и въ нѣдрахъ нашего Ц. К. Я совершенно не зналъ Керенскаго, — мое знакомство съ нимъ было чисто внѣшнее, мы кланялись при встрѣчѣ и обмѣнивались банальными фразами, — о политической его физіономіи я могъ судить только по его рѣчамъ въ Думѣ, о которыхъ я никогда не былъ высокаго мнѣнія. Конечно, въ силу моей близости къ редакціи «Рѣчи», личныхъ отношеній съ Милюковымъ, Гессеномъ, Шингаревымъ, Родичевымъ и другими, я не могъ, да и не хотѣлъ, вполнѣ терять связь — вѣрнѣе, контактъ — съ партіей и политикой; и не потерялъ ея. Но все же внѣшняя моя отчужденность была причиной того, что послѣ переворота, на первыхъ порахъ моей возобновившейся политической дѣятельности, я не сразу могъ разобраться въ той сложной сѣти и личныхъ, и партійныхъ отношеній, которая опутала — отчасти сковала — работу Вр. Правительства. Я многаго не зналъ и многаго, поэтому, не понималъ. Это отразилось и на собственной моей роли, какъ будетъ видно далѣе.

Перехожу къ внѣшнимъ фактамъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности.

23 Февраля жена моя должна была вернуться изъ Раухи, въ Финляндіи, куда она уѣхала съ сыномъ еще въ серединѣ Января и гдѣ оставалась нѣсколько дней послѣ возвращенія сына, поправляясь отъ бронхита. Я ѣздилъ на вокзалъ ее встрѣчать и живо помню, какъ на пути домой я разсказывалъ ей и полковнику Мятлеву (котораго мы въ своемъ автомобилѣ довезли до его дома на Исаакіевской площади), что въ Петербургѣ очень неспокойно, рабочее движеніе, забастовки, большія толпы на улицахъ, что власть проявляетъ нервность и какъ бы растерянность и, кажется, не можетъ особенно разсчитывать на войска — въ частности, на казаковъ *. Въ пятницу, 24-го, и въ субботу, 25-го, я ходилъ, какъ всегда, на службу. 26-го, въ воскресенье, Невскій получилъ видъ военнаго лагеря, — онъ былъ оцѣпленъ. Вечеромъ я былъ у І. В. Гессена, у котораго по воскресеньямъ обычно собирались друзья и знакомые. На этотъ разъ я, помнится, засталъ у него только Губера (Арзубьева), который вскорѣ ушелъ. Мы обмѣнивались впечатлѣніями. Происходившее намъ казалось довольно грознымъ. То обстоятельство, что власть — высшая — находилась въ такую критическую минуту въ рукахъ такихъ людей, какъ кн. Голицынъ, Протопоповъ и ген. Хабаловъ, не могло не внушать самой серьёзной тревоги. Тѣмъ не менѣе, еще 26-го вечеромъ мы были далеки отъ мысли, что ближайшіе дватри дня принесутъ съ собою такія колоссальныя, рѣшающія событія всемірно-историческаго значенія.

* Не такъ давно, въ Апрѣлѣ 1918 года, Мятлевъ, находящійся въ Ялтѣ, при встрѣчѣ напомнилъ мнѣ объ этой поѣздкѣ и о моемъ разсказѣ.

Возвращаясь домой съ Малой Конюшенной, я не могъ взять обычный путь — прямо на Невскій и Морскую, такъ какъ черезъ Невскій меня бы не пустили. Я прошелъ переулкомъ на Большую Конюшенную, потомъ черезъ Волынкинъ переулокъ па Мойку, черезъ Пѣвческій мостъ, Дворцовую площадь, совершенно пустынную, мрачную, огромную, мимо Невскаго, по Адмиралтейскому проспекту. Проходя мимо градоначальства, я не могъ не обратить вниманія на большое количество автомобилей (10—12), стоявшихъ передъ подъѣздомъ. Вернулся я въ началѣ перваго, встревоженный и съ мрачвыми предчувствіями.

Утромъ въ понедѣльникъ, 27-го, я, какъ всегда, въ десять часовъ утра отправился на службу. Азіатская часть Главнаго Штаба помѣщалась тогда въ зданіи бывшаго Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, на Караванной противъ Симеоновскаго моста. Проходя по Караванной и поровнявшись со скверомъ, я былъ остановленъ какимъ-то господиномъ со знакомымъ лицомъ (кто онъ такой — я ни тогда, ни потомъ вспомнить не могъ), который мнѣ сказалъ, что на Кирочной — стрѣльба, что часть солдатъ взбунтовалась. Онъ упомянулъ, помнится, о Преображенскомъ полкѣ. Придя затѣмъ въ помѣщеніе Азіатской части, я никакихъ новыхъ свѣдѣній не получилъ. Началась обычная работа, шедшая въ этотъ день какъ-то вяло. Тѣмъ не менѣе мы (мои сослуживцы и я) досидѣли обычное время — до трехъ часовъ, и въ три часа я пошелъ домой, по Невскому, по которому въ это время уже былъ свободный проходъ и толпились массы народу.

Къ вечеру Морская — насколько можно было видѣть изъ оконъ, въ особенности, изъ боковыхъ оконъ тамбура, выходящаго на улицу и дающаго возможность обозрѣвать ее до «Асторіи», съ одной стороны, и до Конногвардейскаго переулка, съ другой, совершенно вымерла. Начали проноситься броневики, послышались выстрѣлы изъ винтовокъ и пулеметовъ, пробѣгали, прижимаясь къ стѣнамъ, отдѣльные солдаты и матросы. Временами отдѣльные выстрѣлы переходили въ оживленную перестрѣлку. Временами, — но всегда на короткое время, — все затихало. Телефонъ продолжалъ работать и свѣдѣнія о происходившемъ въ теченіе дня передавались мнѣ, помнится, моими друзьями. Въ обычное время мы легли спать. Съ утра 28 Февраля возобновилась сильнѣйшая пальба на площади, а также въ той части Морской, которая идетъ отъ лютеранской кирки къ Поцѣлуеву мосту. Выходить было опасно — отчасти изъ-за стрѣльбы, отчасти потому, что съ офицеровъ начали срывать погоны, и уже ходили слухи о насиліяхъ надъ ними со стороны солдатъ. Часовъ въ 11 утра (можетъ быть, даже раньше) подъ окнами нашего дома прошла большая толпа солдатъ и матросовъ, направляясь къ Невскому. Шли безпорядочно и нестройно, офицеровъ не было. Въ эту толпу, повидимому, стрѣляли — не то изъ Асторіи, не то изъ Министерства Земледѣлія: точно это никогда не было установлено, да и самый фактъ стрѣльбы также не установленъ, — возможно, что это было позднѣе выдумано. Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли выстрѣловъ (если они были), или по какимъ либо другимъ побужденіямъ, эта толпа начала громить Асторію. Оттуда начали къ намъ являться «бѣженцы»: сестра моя съ мужемъ — адмираломъ Коломейцовымъ, потомъ семья цѣлая, съ маленькими дѣтьми, приведенная знакомыми англійскими офицерами, потомъ еще другая семья нашихъ отдаленныхъ родственниковъ Набоковыхъ. Все это кое-какъ размѣстилось у насъ въ домѣ.

Весь вторникъ, 28-го, а также среду, 1-го Марта, я не выходилъ изъ дому. Было много хлопотъ по устройству неожиданныхъ и невольныхъ гостей, но большая часть дня проходила въ какомъ-то тупомъ и тревожномъ ожиданіи. Точныхъ свѣдѣній было мало. Извѣстно было только, что центральнмъ пунктомъ является Государственная Дума, а къ вечеру 1-го Марта уже говорили, что весь Петербургскій гарнизонъ, а также нѣкоторыя прибывшія изъ окрестностей части присоединились къ возставшимъ.

Утромъ 2-го Марта уже офицеры могли свободно появляться на улицахъ, и я рѣшилъ отправиться въ Азіатскую часть выяснить положеніе. Придя туда, я засталъ на первой большой площадкѣ огромную толпу служащихъ, офицеровъ и писарей. Я быстро прошелъ въ наше собственное помѣщеніе, но черезъ нѣкоторое время пришли мнѣ сказать, что меня просятъ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу происшедшихъ событій. Я пошелъ къ собравшимся. Меня встрѣтили апплодисментами. Мы всѣ перешли въ большую залу. Я взобрался на столъ и сказалъ краткую рѣчь. Точно не помню своихъ словъ, — смыслъ ихъ заключался въ томъ, что деспотизмъ и безправіе свергнуты, что побѣдила свобода, что теперь долгъ всей страны ее укрѣпить, что для этого необходима неустанная работа и огромная дисциплина. На отдѣльные вопросы я отвѣчалъ, что я самъ еще не въ курсѣ происшедшихъ событій, но что собираюсь днемъ въ Государственную Думу и тамъ все, конечно, узнаю въ подробности, а завтра мы всѣ можемъ вновь собраться. На этомъ мы и покончили, служащіе разошлись, оживленно разговаривая. Я недолго пробылъ въ Азіатской части, гдѣ не было ни начальника ея, ген. Манакина, ни ближайшаго его помощника, ген. Давлетшина, и гдѣ, разумѣется, въ этотъ день ни о какой работѣ нельзя было думать. Вернувшись домой, я позавтракалъ, и въ два часа снова вышелъ съ намѣреніемъ пробраться въ Государственную Думу.

На углу Невскаго и Морской я какъ разъ столкнулся со всѣмъ составомъ служащихъ Главнаго Штаба, которые шли въ Государственную Думу для того, чтобы заявить Временному Правительству, о сформированіи котораго только-что стало извѣстно, свое подчиненіе ему. Я къ нимъ присоединился, мы пошли по Невскому, Литейной, Сергіевской, Потемкинской, Шпалерной. На улицахъ была масса народу. Вездѣ видны были взволнованныя, возбужденныя лица, уже висѣли красные флаги. Въ то время, какъ мы проходили мимо Аничкова дворца, какой-то старикъ, интеллигентнаго вида и прилично одѣтый, увидя меня (я шелъ съ края), сошелъ съ тротуара, подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и, потрясая ее, благодарилъ меня «за все то, что вы сдѣлали», прибавляя съ большой энергіей и рѣшительностью: «но только Романовыхъ намъ не оставляйте, намъ ихъ не нужно!» На Потемкинской мы встрѣтили довольно большую толпу городовыхъ, которыхъ вели подъ конвоемъ, — повидимому, изъ манежа Кавалергардскаго полка, куда они были заключены при началѣ возстанія.

Въ эти 40—50 минутъ, пока мы шли къ Государственной Думѣ, я пережилъ неповторившійся больше подъёмъ душевный. Мнѣ казалось, что въ самомъ дѣлѣ произошло нѣчто великое и священное, что народъ сбросилъ цѣпи, что рухнулъ деспотизмъ... Я не отдавалъ себѣ тогда отчета въ томъ, что основой происшедшаго былъ военный бунтъ, вспыхнувшій стихійно вслѣдствіе условій, созданныхъ тремя годами войны, и что въ этой

основѣ лежитъ сѣмя будущей анархіи и гибели... Если такія мысли и являлись, то я гналъ ихъ прочь.

Когда мы подошли къ Шпалерной, она оказалась совершенно запруженной войсками, направлявшимися къ Думѣ. Приходилось нѣсколько разъ останавливаться и довольно долго ждать. То и дѣло проползали моторы, съ трудомъ прокладывая себѣ дорогу черезъ толпу. Площадь передъ зданіемъ Думы была переполнена такъ, что яблоку негдѣ было упасть; на аллеѣ, ведущей къ подъѣзду, происходила невѣроятная давка, раздавались крики; у входныхъ воротъ какіе-то молодые люди еврейскаго типа опрашивали проходившихъ; по временамъ слышались раскаты «ура». Одну минуту я уже отчаялся дойти до подъѣзда Думы и потерялъ связь съ моими товарищами. Наконецъ, протискиваясь и проталкиваясь, я добрался до ступеней подъѣзда. Въ это время на возвышеніе, устроенное передъ дверью, — а можетъ быть — на открытый автомобиль (мнѣ съ моего мѣста не было хорошо видно) взобрался В. Н. Львовъ и сказалъ привѣтственную коротенькую рѣчь по адресу тѣхъ воинскихъ частей, которыя находились на площади. Его плохо было слышно и рѣчь его не производила никакого впечатлѣнія. Когда онъ кончилъ и спустился къ дверямъ Думы, туда хлынула толпа, давка стала еще сильнѣе. Не помню уже, какъ я оказался въ вестибюлѣ. Внутренность Таврическаго дворца сразу поражала своимъ необычнымъ видомъ. Солдаты, солдаты, солдаты, съ усталыми, тупыми, рѣдко съ добрыми или радостными лицами; всюду слѣды импровизированнаго лагеря, соръ, солома; воздухъ густой, стоитъ какой-то сплошной туманъ, пахнетъ солдатскими сапогами, сукномъ, потомъ; откуда-то слышатся истерическіе голоса ораторовъ, митингующихъ въ Екатерининскомъ залѣ, — вездѣ давка и суетливая растерянность. Уже ходили по рукамъ листки со спискомъ членовъ Временнаго Правительства. Помню, какъ я былъ изумленъ, узнавъ, что министромъ юстиціи назначенъ Керенскій. (Я не понималъ тогда значеніе этого факта и ожидалъ, что на этотъ постъ будетъ назначенъ Маклаковъ.) Такой же неожиданностью было назначеніе М. И. Терещенка. Встрѣтившійся мнѣ знакомый журналистъ, по моей просьбѣ, взялся показать мнѣ дорогу къ комнатамъ, гдѣ находились Милюковъ, Шингаревъ и другіе мои друзья. Мы пошли какими-то корридорами, комнатушками, вездѣ встрѣчая множество знакомыхъ лицъ, — по дорогѣ попался намъ кн. Г. Е. Львовъ. Меня поразилъ его мрачный, унылый видъ и усталое выраженіе глазъ. Въ самой задней комнатѣ я нашелъ Милюкова, онъ сидѣлъ за какими-то бумагами, съ перомъ въ рукахъ; какъ оказалось, онъ выправлялъ текстъ рѣчи, произнесенной имъ только-что, — той рѣчи, въ которой онъ высказывался за сохраненіе монархіи (предполагая, что Николай II отречется или будетъ свергнутъ). Около него сидѣла Анна Сергѣевна (его жена). Милюковъ совсѣмъ не могъ говорить, онъ потерялъ голосъ, сорвавъ его, повидимому, ночью, на солдатскихъ митингахъ. Такими же беззвучными охрипшими голосами говорили Шингаревъ и Некрасовъ. Въ комнатахъ была разнообразная публика. Почему-то находился тутъ кн. С. К. Бѣлосельскій (генералъ), ожидавшій, по его словамъ, Гучкова, — очень растерянный. Черезъ нѣкоторое время откуда-то появился Керенскій, — сопровождаемый гр. Алексѣемъ Орловымъ-Давыдовымъ (героемъ процесса съ Пуаре), — взвинченный, взволнованный, истеричный. Кажется, онъ пришелъ прямо изъ засѣданія Исполнительнаго

Комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, гдѣ онъ заявилъ о принятіи имъ портфеля министра юстиціи — и получилъ санкцію въ формѣ переизбранія въ товарищи предсѣдателя комитета. Насколько Милюковъ казался спокойнымъ и сохраняющимъ полное самообладаніе, настолько Керенскій поражалъ какой-то потерей душевнаго равновѣсія. Помню одинъ его странный жестъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ всегда (т.-е. до того, какъ принялъ на себя роль «заложника демократіи» во Вр. Правительствѣ): на немъ былъ пиджакъ, а воротничекъ рубашки — крахмальный, съ загнутыми углами. Онъ взялся за эти углы и отодралъ ихъ, такъ что получился, вмѣсто франтовскаго, какой-то нарочито-пролетарскій видъ . . . При мнѣ онъ едва не падалъ въ обморокъ, причемъ Орловъ-Давыдовъ не то давалъ ему что-то нюхать, не то поилъ чѣмъ-то, не помню.

Въ сосѣдней комнатѣ происходило какое-то военное совѣщаніе. Я издали увидѣлъ генераловъ Михневича и Аверьянова.

Кажется, въ то время уже говорили о томъ, что Гучковъ и Шульгинъ уѣхали въ Псковъ, — и говорили какъ-то неодобрительно-скептически.

Дѣлать въ Думѣ мнѣ было нечего. Вести сколько-нибудь систематическій разговоръ съ людьми смертельно усталыми — было невозможно. Пробывъ нѣкоторое время, вобравъ въ себя атмосферу — лихорадочную, сумасшедшую какую-то — я направился къ выходу. По дорогѣ, въ одной изъ маленькихъ комнатъ, я встрѣтилъ П. Б. Струве, который находился въ Думѣ, если не ошибаюсь, чуть ли не со вторника. Настроеніе его было крайне скептическое. Мы съ нимъ недолго поговорили на тему о необычайной сложности и трудности создавшагося положенія. Потомъ я направился домой.

На другой день, 3 Марта, я утромъ, въ обычное время, пошелъ въ Азіатскую часть. На углу Морской и Вознесенскаго я встрѣтилъ М. А. Стаховича, который сообщилъ мнѣ, какъ о совершившемся фактѣ, объ отреченіи Николая II (за себя и за сына) и о передачѣ имъ престола Михаилу Александровичу. Это же самое подтвердилъ мнѣ М. П. Кауфманъ (бывшій министръ народнаго просвѣщенія), котораго я встрѣтилъ недалеко отъ Караванной. Придя на службу, я засталъ опять крайнее оживленіе, толпу народа на лѣстницѣ и въ большомъ залѣ засѣданій, и снова ко мнѣ обратились съ просьбой сдѣлать какія-нибудь разъясненія по поводу создавшагося положенія. Я согласился. Въ залѣ собрались всѣ служащіе, пришелъ и почтенный ген. Агаповъ, начальникъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба. Въ своей рѣчи я подѣлился тѣми свѣдѣніями, которыя у меня были (правда, крайне скудными), — сказалъ, что фактъ отреченія царя долженъ разрѣшить вопросъ и для всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ вѣрноподданической лояльности quand-même, и затѣмъ, останавливаясь на предстоящей задачѣ, развивалъ вчерашнія свои мысли о необходимости положить всѣ свои силы на работу и на поддержку безусловной дисциплины. Вслѣдъ за мною говорили и другіе, въ томъ числѣ ген. Агаповъ. Настроеніе было очень твердое и хорошее, никакихъ диссонансовъ не было замѣтно. Помню даже, что Агаповъ поднялъ нѣкоторые ближайшіе практическіе вопросы, требующіе, какъ онъ указалъ, немедленнаго рѣшенія для того, чтобы не останавливать налаженной работы и не вносить разстройства въ нормальный ходъ дѣлъ.

Пробывъ недолго со своими сослуживцами, я рѣшилъ отправиться къ

начальнику Азіатской части, ген. Манакину, не выходившему изъ дому по нездоровью (кажется, онъ по телефону просилъ меня зайти къ нему). Была чудная, солнечная, морозная погода. Не успѣлъ я придти къ ген. Манакину и поговорить съ нимъ, какъ къ нему позвонили изъ моего дома и жена сказала мнѣ, что меня просятъ немедленно, отъ имени князя Львова, на Миллiонную 12, гдѣ находится — въ квартирѣ кн. Путятина — вел. кн. Михаилъ Александровичъ. Я тотчасъ распростился съ ген. Манакинымъ и поспѣшилъ по указанному адресу, разумѣется, пѣшкомъ, такъ какъ ни извозчиковъ, ни трамвая не было. Невскій представлялъ необычайную картину: ни одного экипажа, ни одного автомобиля, отсутствіе полиціи и толпы народа, занимающія всю ширину улицы. Передъ въѣздомъ въ Аничковъ дворецъ жгли орлы, снятые съ вывѣсокъ придворныхъ поставщиковъ.

Я пришелъ на Миллiонную, должно быть, уже въ третьемъ часу. На лѣстницѣ дома № 12 стоялъ караулъ Преображенскаго полка. Ко мнѣ вышелъ офицеръ, я себя назвалъ, онъ ушелъ за инструкціями и тотчасъ же вернувшись, пригласилъ меня наверхъ.

Раздѣвшись въ прихожей, я вошелъ сперва въ большую гостинную (въ ней, какъ я узналъ, въ это утро происходило то совѣщаніе Михаила Александровича съ членами Временнаго Правительства и Вр. Комитета Госуд. Думы, которое закончилось рѣшеніемъ велик. князя отказаться отъ навязаннаго ему «наслѣдія»). Въ слѣдующей комнатѣ — повидимому, будуарѣ хозяйки — сидѣлъ кн. Львовъ и Шульгинъ. Кн. Львовъ объяснилъ мнѣ мотивъ моего приглашенія. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ самомъ Вр. Правительствѣ мнѣнія по вопросу о томъ, принимать ли Михаилу Александровичу престолъ, или нѣтъ, — раздѣлились. Милюковъ и Гучковъ были рѣшительно и категорически за и дѣлали изъ этого вопроса punctum saliens, отъ котораго должно было зависѣть участіе ихъ въ кабинетѣ. Другіе были напротивъ на сторонѣ отрицательнаго рѣшенія. Вел. князь выслушалъ всѣхъ и просилъ дать ему подумать въ одиночествѣ (я предполагаю, что онъ посовѣтовался съ своимъ секретаремъ Матвѣевымъ, которому онъ очень довѣрялъ, и что тотъ былъ сторонникомъ отказа). Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся въ комнату, гдѣ происходило совѣщаніе, и заявилъ, что при настоящихъ условіяхъ онъ далеко не увѣренъ въ томъ, что принятіе имъ престола будетъ на благо родинѣ, что оно можетъ послужить не къ объединенію, а къ разъединенію, что онъ не хочетъ быть невольной причиной возможнаго кровопролитія и потому не считаетъ возможнымъ принять престолъ и предоставляетъ рѣшеніе (окончательное) вопроса Учредительному Собранію.

Тутъ же кн. Львовъ прибавилъ, что въ результатѣ этого рѣшенія, Милюковъ и Гучковъ выходятъ изъ состава Вр. Правительства. «Что Гучковъ уходитъ, это не бѣда: Вѣдь оказывается (sic), что его въ арміи терпѣть не могутъ, солдаты его просто ненавидятъ. А вотъ Милюкова непремѣнно надо уговорить остаться. Это ужъ дѣло Ваше и Вашихъ друзей, помочь намъ». На мой вопросъ, зачѣмъ меня просили придти, кн. Львовъ сказалъ, что нужно составить актъ отреченія Михаила Александровича. Проектъ такого акта набросанъ Некрасовымъ, но онъ не законченъ и не вполнѣ удаченъ, — а такъ какъ всѣ страшно устали и больше не въ состояніи думать, не спавъ всю ночь, то меня и просятъ заняться этой работой. Тутъ же онъ передалъ мнѣ черновикъ Некрасова, сохранившійся до

настоящаго времени въ моихъ бумагахъ, вмѣстѣ съ окончательно установленнымъ текстомъ.

Здѣсь я хотѣлъ бы открыть скобку, прервать на минуту нить моего разсказа, и коснуться вопроса объ отреченіи Михаила Александровича по существу.

Много разъ впослѣдствіи я возвращался мысленно къ этому моменту, и теперь вотъ, въ концѣ Апрѣля 1918 года, когда я пишу эти строки, въ Крыму, завоеванномъ нѣмцами («временно занятомъ», какъ они говорятъ), переживъ всѣ горькія разочарованія, всѣ ужасы, все униженіе и весь позоръ этого кошмарнаго года революціи, стоя у разбитаго корыта истерзанной, загаженной, расчлененной Россіи, испытавъ всю мерзость большевистской вакханаліи, убѣдившись въ глубокой несостоятельности тѣхъ силъ, на долю которыхъ выпала задача созданія новой Россіи, я спрашиваю себя: не было ли больше шансовъ на благополучный исходъ, если бы Михаилъ Александровичъ принялъ тогда корону изъ рукъ царя?

Надо сказать, что изъ всѣхъ возможныхъ «монархическихъ» рѣшеній это было самымъ неудачнымъ. Прежде всего, въ немъ былъ неустранимый внутренній порокъ. •Наши основные законы не предусматривали возможности отреченія царствующаго императора и не устанавливали никакихъ правилъ, касающихся престолонаслѣдія въ этомъ случаѣ. Но, разумѣется, никакіе законы не могутъ устранить или лишить значенія самый фактъ отреченія, или помѣшать ему. Это есть именно фактъ, съ которымъ должны быть связаны извѣстныя юридическія послѣдствія.. И такъ какъ, при такомъ молчаніи основныхъ законовъ, отреченіе имѣетъ тоже самое значеніе, какъ смерть, то очевидно, что и послѣдствія его должны быть тѣ же, т. е. — престолъ переходитъ къ законному наслѣднику. Отрекаться можно только за самого себя. Лишать престола то лицо, которое по закону имѣетъ на него право, — будь то лицо совершеннолѣтній или несовершеннолѣтній, — отрекающійся императоръ не имѣетъ права. Престолъ россійскій — не частная собственность, не вотчина императора, которой онъ можетъ распоряжаться по своему произволу. Основываться на предполагаемомъ согласіи наслѣдника также нѣтъ возможности, разъ этому наслѣднику не было еще полныхъ 13-ти лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, даже если бы это согласіе было категорически выражено, оно подлежало бы оспариванію, здѣсь же его и въ поминѣ не было. Поэтому, передача престола Михаилу была актомъ незаконнымъ. Никакого юридическаго титула для Михаила она не создавала. Единственный законный исходъ заключался бы въ томъ, чтобы послѣдовать тому же порядку, какой имѣлъ бы мѣсто, если бы умеръ Николай II. Наслѣдникъ сдѣлался бы императоромъ, а Михаилъ — регентомъ. Еслибы рѣшеніе, принятое Николаемъ II, не оказалось для Гучкова и Шульгина такой неожиданностью, они, быть можетъ, обратили бы вниманіе Николая на недопустимость такого рѣшенія, предлагающаго Михаилу принять корону, на которую онъ — при живомъ законномъ наслѣдникѣ престола — не имѣлъ права.

Я касаюсь этой стороны вопроса потому, что она не является только юридической тонкостью. Несомнѣнно, она значительно ослабляла позицію сторонниковъ сохраненія монархіи. И, несомнѣнно, она вліяла и на психику Михаила. Я не знаю, обсуждался ли вопросъ съ этой точки зрѣнія въ утреннемъ совѣщаніи, но, несомнѣнно, что Николай II самъ (едва-ли

сознательно) сдѣлалъ наибольшее для того, чтобы затруднить и запутать создавшееся положеніе. Правда, имъ — по словамъ акта объ отреченіи — руководили чувства нѣжнаго отца, не желающаго разстаться съ сыномъ. Какъ ни почтенны эти чувства, не въ нихъ, конечно, можетъ онъ найти себѣ оправданіе.

Принятіе Михаиломъ престола было бы, такимъ образомъ, какъ выражаются юристы, ab initio vitiosum, съ самаго начала порочнымъ. Но допустимъ, что эта — такъ сказать, формальная — сторона дѣла была бы оставлена безъ вниманія. Какъ обстояло положеніе по существу?

Разсуждая a priori, можно принести очень сильные доводы въ пользу благопріятныхъ послѣдствій положительнаго рѣшенія.

Прежде всего, оно сохраняло преемственность аппарата власти и его устройства. Сохранена была бы основа государственнаго устройства Россіи, и имѣлись бы налицо всѣ данныя для того, чтобы обезпечить монархіи характеръ конституціонной. Этому способствовали бы и тѣ условія, при которыхъ воцарился бы Михаилъ, и его личныя черты: — прямота и несомнѣнное благородство характера, лишеннаго, при томъ, властолюбія и деспотическихъ замашекъ. Устраненъ былъ бы роковой вопросъ о созывѣ Учредительнаго Собранія во время войны. Могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторской властью, и фактически вынужденное завоевать и укрѣплять эту власть, а настоящее конституціонное правительство, па твердыхъ основахъ закона, въ рамки котораго вставлено бы было новое содержаніе. Избѣгнуто бы было то великое потрясеніе всенародной психики, которое вызвано было крушеніемъ престола. Словомъ сказать, переворотъ былъ бы введенъ въ извѣстныя границы, — и, можетъ быть, была бы сохранена международная позиція Россіи. Были шансы сохраненія арміи.

Но все это, къ сожалѣнію, только одна сторона дѣла. Для того, чтобы она была рѣшающей, необходимъ былъ рядъ условій, которыхъ налицо не было. Принявъ престолъ изъ рукъ Николая, Михаилъ сразу имѣлъ бы противъ себя тѣ силы, которыя въ первые же дни революціи выступили на первый планъ и захотѣли овладѣть положеніемъ, войдя въ ближайшій контактъ съ войсками Петербургскаго гарнизона. Эти возставшія войска къ тому времени (3 Марта) уже были отравлены. Реальной опоры они не представляли. Несомнѣнно, для укрѣпленія Михаила потребовались бы очень рѣшительныя дѣйствія, не останавливающіяся передъ кровопролитіемъ, передъ арестомъ Исполнительнаго Комитета Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, передъ провозглашеніемъ, въ случаѣ попытокъ сопротивленія, осаднаго положенія. Черезъ недѣлю, вѣроятно, все вошло бы въ надлежащія рамки. Но для этой недѣли надо было располагать реальными силами, на которыя можно бы было безоглядно разсчитывать и безусловно опереться. Такихъ силъ не было. И самъ по себѣ Михаилъ былъ человѣкомъ, мало или и совсѣмъ не подходившимъ къ той трудной, отвѣтственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть. Онъ не обладалъ ни популярностью въ глазахъ массъ, ни репутаціей умственно выдающагося человѣка. Правда, его имя было незапятнано, онъ остался непричастнымъ всѣмъ темнымъ перипетіямъ скандальной хроники Распутинской, — онъ даже нѣкоторое время былъ какъ бы въ оппозиціи, — но всего

этого, конечно, было недостаточно для того, чтобы твердой и увѣренной рукой взяться за руль государственнаго корабля. Я не вижу тѣхъ элементовъ, которые его бы поддержали, — не во имя своихъ личныхъ интересовъ, а во имя интересовъ высшихъ. Кадеты, три недѣли спустя, выкинувшіе республиканскій флагъ (объ этомъ я подробнѣе скажу въ своемъ мѣстѣ), такой опорой не могли быть. Бюрократія, дворянство, придворныя сферы? Все это было совсѣмъ не организовано, совершенно растерялось и боевой силы не представляло. Наконецъ, приходится считаться съ тѣмъ общимъ настроеніемъ, которое преобладало въ эти дни въ Петербургѣ: это было опьяненіе переворотомъ, былъ безсознательный большевизмъ, вскружившій наиболѣе трезвые умы. Въ этой атмосферѣ монархическая традиція — лишенная, къ тому же, глубокихъ элементовъ внутренней жизни — не могла быть дѣйственной, объединяющей и собирающей силой...

Такимъ образомъ, я такъ формулирую тотъ окончательный выводъ, къ которому я уже давно пришелъ. Еслибы принятіе Михаиломъ престола было возможно, оно оказалось бы благодѣтельнымъ или, по крайней мѣрѣ, дающимъ надежду на благополучный исходъ. Но, къ несчастію, вся совокупность условій была такова, что принятіе престола было невозможно. Говоря тривіальнымъ языкомъ, изъ него бы «ничего не вышло». И прежде всего, это долженъ былъ чувствовать самъ Михаилъ. Если «мы всѣ глядимъ въ Наполеоны», то онъ — меньше всѣхъ. Любопытно отмѣтить, что онъ очень подчеркивалъ свою обиду по поводу того, что братъ его «навязалъ» ему престолъ, даже не спросивъ его согласія. И было бы еще интереснѣе знать, какъ бы онъ поступилъ, еслибы объ этомъ согласіи его заранѣе спросилъ Николай?...

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Само собою разумѣется, при данныхъ обстоятельствахъ мнѣ не приходилось заниматься размышленіями на тему о томъ, правильно ли, или неправильно принятое рѣшеніе. Одно для меня было ясно: необходимо было удержать Милюкова въ составѣ Вр. Правительства, во что бы то ни стало, а затѣмъ надо было, въ отношеніи того ближайшаго дѣла, для котораго меня призвали, найти вполнѣ ясную, опредѣлительную и точную формулировку отреченія великаго князя. Въ первомъ отношеніи я обѣщалъ кн. Львову употребить всѣ усилія и все вліяніе, которое я могъ имѣть на Милюкова, при чемъ я имѣлъ въ виду встрѣтиться съ нимъ вечеромъ въ Таврическомъ дворцѣ. Что касается акта отреченія, то я тотчасъ же остановился на мысли попросить содѣйствіе такого тонкаго и осторожнаго спеціалиста по государственному праву, какъ бар. Б. Э. Нольде. Съ согласія кн. Львова, я позвонилъ къ нему, онъ оказался по близости, въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, и пришелъ черезъ $^1/_4$ часа. Насъ помѣстили въ комнатѣ дочери кн. Путятина. Къ намъ же присоединился В. В. Шульгинъ. Текстъ отреченія и былъ составленъ нами втроемъ, съ сильнымъ видоизмѣненіемъ некрасовскаго черновика. Чтобы покончить съ внѣшней исторіей составленія, скажу, что послѣ окончанія нашей работы, составленный текстъ былъ мною переписанъ и черезъ Матвѣева представленъ великому князю. Измѣненія, имъ предложенныя (и принятыя), заключались въ томъ, что было сдѣлано (первоначально отсутствовавшее) указаніе на Бога и въ обращеніи къ населенію словомъ «прошу» было замѣнено

проектированное нами «повелѣваю». Вслѣдствіе такихъ измѣненій, мнѣ пришлось еще разъ переписать историческій документъ. Въ это время было около шести часовъ вечера. Пріѣхалъ М. В. Родзянко. Вошелъ и вел. князь, который при насъ подписалъ документъ. Онъ держался нѣсколько смущенно — какъ-то сконфуженно. Я не сомнѣваюсь, что ему было очень тяжело, но самообладаніе онъ сохранялъ полное, и я, признаться, не думалъ, чтобъ онъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ важности и значеніи совершаемаго акта. Передъ тѣмъ, какъ разойтись, онъ и М. В. Родзянко обнялись и поцѣловались, при чемъ Родзянко назвалъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ.

Для того, чтобы найти правильную форму для акта объ отреченіи, надо было предварительно рѣшить рядъ преюдиціальныхъ вопросовъ. Изъ нихъ первымъ являлся вопросъ, связанный съ внѣшней формой акта. Надо ли было считать, что въ моментъ его написанія, Михаилъ Александровичъ уже былъ Императоромъ, и что актъ является такимъ же актомъ отреченія, какъ и документъ, подписанный Николаемъ II? Но во-первыхъ, въ случаѣ рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ, отреченіе Михаила могло вызвать такія же сомнѣнія относительно правъ другихъ членовъ императорской фамиліи, какія, въ сущности, вытекали и изъ отреченія Николая II. Съ другой стороны, этимъ санкціонировалось бы невѣрное предположеніе Николая II, будто онъ вправѣ былъ сдѣлать Михаила Императоромъ. Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу, что создавшееся положеніе должно быть трактуемо такъ: Михаилъ отказывается отъ принятія верховной власти. Къ этому, собственно, должно было свестись юридически цѣнное содержаніе акта. Но по условіямъ момента, казалось необходимымъ, не ограничиваясь его отрицательной стороной, воспользоваться этимъ актомъ для того, чтобы — въ глазахъ той части населенія, для которой онъ могъ имѣть серьёзное нравственное значеніе, — торжественно подкрѣпить полноту власти Вр. Правительства и преемственную связь его съ Госуд. Думой. Это и было сдѣлано въ словахъ «Вр. Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Первая часть формулы дана Шульгинымъ, другая мною. Опять-таки, съ юридической точки зрѣнія можно возразить, что Михаилъ Александровичъ, не принимая верховной власти, не могъ давать никакихъ обязательныхъ и связывающихъ указаній насчетъ предѣловъ и существа власти Вр. Правительства. Но, повторяю, мы въ данномъ случаѣ не видѣли центра тяжести въ юридической силѣ формулы, а только въ ея нравственно-политическомъ значеніи. И нельзя не отмѣтить, что актъ объ отказѣ отъ престола, подписанный Михаиломъ, былъ единственнымъ актомъ, опредѣлившимъ объемъ власти Вр. Правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшившимъ вопросъ о формахъ его функціонированія, — въ частности (и главнымъ образомъ) вопросъ о дальнѣйшей дѣятельности законодательныхъ учрежденій. Какъ извѣстно, въ первой деклараціи Вр. Правительства оно говорило о себѣ, какъ о «кабинетѣ», и образованіе этого кабинета разсматривалось какъ «болѣе прочное устройство исполнительной власти». Очевидно, при составленіи этой деклараціи было еще неясно, какія очертанія приметъ временный государственный строй. Съ момента акта отказа считалось установленнымъ, что Вр. Правительству принадлежитъ въ полномъ объёмѣ и законодательная власть. Между тѣмъ еще наканунѣ въ составѣ Вр. Правительства поднимался (по

словамъ Б. Э. Нольде) вопросъ объ изданіи законовъ и принятіи финансовыхъ мѣръ въ порядкѣ ст. 87 осн. зак.

Можетъ показаться страннымъ, что я такъ подробно останавливаюсь на содержаніи акта объ отказѣ. Могутъ сказать, что актъ этотъ не произвелъ большого впечатлѣнія на населеніе, что онъ былъ скоро забытъ, засловенъ событіями. Можетъ быть, это и такъ. Но все же несомнѣвно, что съ болѣе общей исторической точки зрѣнія актъ 3 Марта имѣлъ очень большое значеніе, что онъ является именно историческимъ актомъ, и что значеніе его, можетъ быть, еще скажется въ будущемъ. Для насъ же въ тотъ моментъ, въ самые первые дни революціи, когда еще было совершенно веизвѣстно, какъ будетъ реагировать вся Россія и иностранныя державы-союзницы на переворотъ, на образованіе Вр. Правительства, на все создавшееся новое положеніе, казалось безконечно важнымъ каждое слово. И мвѣ кажется, что мы были правы.

Я уже упомянулъ о томъ, что работа наша затянулась до вечера. Когда мы вышли, было уже темно. Если память мнѣ не измѣняетъ, я не возвращался домой, а прямо поѣхалъ въ Госуд. Думу, чтобы увидѣться съ Милюковымъ, показать ему захваченный мною черновикъ акта, принять мѣры къ его оглашенію въ печати. Но прежде всего, конечно, я долженъ былъ выполнить данвое мною кн. Г. Е. Львову обѣщаніе — употребить всѣ усилія, чтобы убѣдить Милюкова, не выходить изъ состава Вр. Правительства.

Для меня, конечно, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что еслибы Милюковъ настоялъ на своемъ рѣшеніи, результатомъ были бы самыя серьёзныя — можетъ быть, даже гибельныя — осложненія. Не говоря уже о впечатлѣвіи разлада съ первыхъ же шаговъ, о послѣдствіяхъ для партіи, которая была бы сразу сбита съ толку, — о тяжеломъ положеніи остающихся мивистровъ-кадетовъ, — съ уходомъ Милюкова Вр. Правительство теряло свою крупнѣйшую умственную силу и единственнаго человѣка, который могъ вести внѣшнюю политику и котораго знала Европа. Въ сущности этотъ уходъ былъ бы настоящей катастрофой.

Придя въ Таврическій дворецъ, я тотчасъ нашелъ Милюкова. Съ нимъ въ этотъ день на ту же тему уже говорилъ Винаверъ, также убѣждавшій его измѣнить свое рѣшеніе. Я прочиталъ ему текстъ отказа Михаила. Его этотъ текстъ удовлетворилъ и, кажется, послужилъ окончательнымъ толчкомъ, побудившимъ его, остаться въ составѣ Вр. Правительства. Кто и когда повліялъ въ томъ же смыслѣ на Гучкова, я не знаю.

Съ Милюковымъ по-прежнему была Анна Сергѣевна. Отъ нея я услышалъ трагическое извѣстіе объ убійствахъ въ Гельсингфорсѣ и о грозномъ положеніи во фронтѣ. Она сама казалась совершенно подавленной этими событіями. Меня они чрезвычайно потрясли. Сразу же въ радостное ликованіе врывались мрачныя, скорбныя ноты, не предвѣщавшія ничего хорошаго. Я долженъ тутъ же отмѣтить, что сразу же было высказано убѣжденіе, приписывающее эти убійства нѣмецкой агитаціи.

Въ какой мѣрѣ германская рука активно участвовала въ нашей революціи, — это вопросъ, который никогда, надо думать, не получитъ полнаго, исчерпывающаго отвѣта. По этому поводу я припоминаю одинъ очень рѣзкій эпизодъ, происшедшій недѣли черезъ двѣ, въ одномъ изъ закрытыхъ,

засѣданій Вр. Правительства. Говорилъ Милюковъ, и не помню, по какому поводу, замѣтилъ, что ни для кого не тайна, что германскія деньги сыграли свою роль въ числѣ факторовъ, содѣйствовавшихъ перевороту. Оговариваюсь, что я не помню точныхъ его словъ, но мысль была именно такова и выражена она была достаточно категорично. Засѣданіе происходило поздно ночью, въ Маріинскомъ дворцѣ. Милюковъ сидѣлъ за столомъ. Керенскій, по своему обыкновенію, нетерпѣливо и раздраженно ходилъ изъ одного конца залы въ другой. Въ ту минуту, какъ Милюковъ произнесъ приведенныя мною слова, Керенскій находился въ далекомъ углу комнаты. Онъ вдругъ остановился и оттуда закричалъ: «Какъ? Что́ Вы сказали? Повторите?» и быстрыми шагами приблизился къ своему мѣсту у стола. Милюковъ спокойно и, такъ сказать, увѣсисто повторилъ свою фразу. Керенскій словно осатанѣлъ. Онъ схватилъ свой портфель и, хлопнувъ имъ по столу, завопилъ: «Послѣ того, какъ г. Милюковъ осмѣлился въ моемъ присутствіи оклеветать святое дѣло великой русской революціи, я ни одной минуты здѣсь больше не желаю оставаться». Съ этими словами онъ повернулся и стрѣлой вылетѣлъ изъ залы. За нимъ побѣжалъ Терещенко и еще кто-то изъ министровъ, но, вернувшись, они сообщили, что его не удалось удержать и что онъ уѣхалъ домой (въ министерство юстиціи, гдѣ онъ тогда жилъ). Я помню, что Милюковъ сохранилъ полное хладнокровіе и на мои слова ему: «Какая безобразная и нелѣпая выходка!» отвѣчалъ: «да, это обычный стиль Керенскаго. Онъ и въ Думѣ часто продѣлывалъ такія штуки, вылавливая у политическаго противника какую-нибудь фразу, которую онъ потомъ переиначивалъ и пользовался ею, какъ оружіемъ». По существу, никто изъ оставшихся министровъ не высказалъ ни одного слова по поводу фразы, вызвавшей негодованіе Керенскаго, но всѣ находили, что его слѣдуетъ сейчасъ же успокоить и уговорить, — объяснивъ ему, что въ словахъ Милюкова не было общей оцѣнки революціи. Кто-то (кажется, Терещенко) сказалъ, что къ Керенскому слѣдовало бы поѣхать князю Львову. Другіе съ этимъ согласились (Милюковъ держался пассивно, — конечно, весь этотъ инцидентъ былъ ему глубоко противенъ). Кн. Львовъ охотно согласился поѣхать «объясниться» съ Керенскимъ. Конечно, все кончилось пуфомъ, но тяжелое впечатлѣніе осталось. Впрочемъ, было ли хотя одно закрытое засѣданіе, которое бы не оставило такого впечатлѣнія? Но объ этомъ — позже...

Въ этотъ же вечеръ въ Таврическомъ дворцѣ (3 Марта) Милюковъ сказалъ мнѣ, что на меня разсчитываютъ для одного изъ открывающихся крупныхъ постовъ, и спросилъ, согласился ли бы я принять должность финляндскаго генералъ-губернатора. Я сразу же и очень рѣшительно отказался. Помимо всякихъ соображеній личнаго характера, прежде всего, необходимости уѣхать изъ Петербурга, мое отрицательное отношеніе вызывалось сознаніемъ моей полной неподготовительности къ завѣдыванію финляндскими дѣлами. Я никогда ими спеціально не интересовался, у меня въ Финляндіи не было ни связей, ни даже близкихъ знакомствъ, я плохо оріентировался въ тамошнихъ политическихъ настроеніяхъ и партійныхъ теченіяхъ.

Отказавшись отъ какого-либо административнаго поста, я самъ предложилъ свои услуги въ качествѣ «Управляющаго дѣлами Временнаго Правительства», — должность, соотвѣтствующая прежнему управляющему дѣлами Совѣта Министровъ. Я считалъ, что постъ этотъ, съ внѣшней

стороны какъ бы второстепенный, въ условіяхъ новаго временнаго государственнаго строя, въ функціонированіи котораго оставалось такъ много еще неяснаго и неопредѣленнаго, — пріобрѣталъ особое значеніе. Здѣсь, въ сущности говоря, предстояло создать твердыя внѣшнія рамки правительственной дѣятельности, дать ей правильную, однообразную форму, разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, которые никого изъ министровъ въ отдѣльности не интересовали. Но помимо того, — не отдавая себѣ еще въ то время отчета въ той атмосферѣ, въ которую я попаду, — связанный тѣсными партійными отношеніями съ рядомъ министровъ, я ожидалъ, что въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства мнѣ будетъ предоставленъ совѣщательный голосъ. Впослѣдствіи я вернусь къ вопросу о томъ положеніи, которое для меня создалось и которое привело меня, при первомъ же кризисѣ, связанномъ съ уходомъ Милюкова и Гучкова, рѣшительно заявить о своемъ желаніи покинуть постъ управляющаго дѣлами.

Милюковъ не могъ не согласиться съ тѣми доводами, которые я ему привелъ. Мы съ нимъ еще побесѣдовали на тему о возможныхъ кандидатахъ на постъ Финляндскаго генералъ-губернатора. О моемъ старомъ пріятелѣ М. А. Стаховичѣ въ то время еще рѣчь не заходила, и я не знаю, кто предложилъ эту кандидатуру, оказавшуюся, если не во всѣхъ, то во многихъ отношеніяхъ вполнѣ удачной. Не помню, въ тотъ же-ли вечеръ, или на другое утро вопросъ о моемъ назначеніи Управляющимъ дѣлами былъ рѣшенъ положительно. Во всякомъ случаѣ, уже въ субботу, 4 Марта, я присутствовалъ въ вечернемъ засѣданіи Вр. Правительства, происходившемъ въ большомъ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, въ зданіи министерства на площади Александровскаго театра.

Въ первые дни существованія Вр. Правительства (четвергъ 2-го и пятницу 3 Марта) не могло быть, конечно, рѣчи ни о какомъ организованномъ дѣлопроизводствѣ. Но какое-то подобіе канцеляріи пришлось импровизировать немедленно, при чемъ дѣло это было поручено Я. Н. Глинкѣ, завѣдывавшему дѣлопроизводствомъ Госуд. Думы. Онъ воспользовался силами канцеляріи Думы. Долженъ, однако, указать, что запись перваго — чрезвычайно важнаго — засѣданія Вр. Правительства, въ которомъ оно установило основныя начала своей власти и своей политики, была сдѣлана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно. Когда я ознакомился съ этой записью, то пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе и сказалъ объ этомъ Милюкову. Прочитавъ запись, онъ квалифицировалъ ее гораздо рѣзче меня. Тогда же было условлено, что онъ возьметъ эту запись и возстановитъ по памяти ходъ и рѣшенія перваго засѣданія, послѣ чего Вр. Правительство, провѣривъ въ полномъ составѣ журналъ, подпишетъ его. Запись П. Н. дѣйствительно взялъ, но за два мѣсяца своего пребыванія на посту министра Иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ, повидимому, необходимаго досуга, чтобы выполнить эту работу. Сколько разъ я ему о ней ни напоминалъ, онъ всегда смущенно улыбался и обѣщалъ, въ ближайшіе дни заняться ею, — да такъ и не исполнилъ своего обѣщанія. Такъ и осталась запись неиспользованной, — кажется, онъ и не вернулъ ея. Этимъ объясняется, что журналы (печатные) засѣданій Вр. Правительства начинаются съ № 2.

Скажу здѣсь вкратцѣ о томъ, какъ мною была организована канцелярія

Вр. Правительства. Прежде всего надо было разрѣшить вопросъ о моемъ помощникѣ, — о лицѣ, на долю котораго должна была выпасть значительнѣйшая доля черной канцелярской работы. Очевидно, такимъ лицомъ могъ быть только человѣкъ, которому бы я всецѣло и до конца могъ довѣрять, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не долженъ былъ быть чуждъ той канцеляріи Совѣта Министровъ, которой предстояло превратиться въ канцелярію Врем. Правительства. Само собою разумѣется, что первому изъ этихъ требованій не удовлетворялъ тогдашній помощникъ (или товарищъ) управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ (И. Н. Лодыженскаго) — А. С. Путиловъ, котораго я лично совсѣмъ не зналъ и который, при томъ, даже не пользовался симпатіями своихъ сослуживцевъ. Мой выборъ остановился на А. М. Ону. Я его зналъ съ 1894 года, служилъ пять лѣтъ вмѣстѣ съ нимъ (съ 1894 до 1899 года, когда я вышелъ въ отставку) въ Государственной канцеляріи, абсолютно довѣрялъ его лояльности и его готовности отдать свои силы работѣ. Съ другой стороны, я считалъ, что онъ имѣетъ солидный дѣловой опытъ, занимая должность помощника статсъ-секретаря Госуд. Совѣта, и что онъ для канцеляріи не будетъ homo novus. Въ самой канцеляріи (гдѣ я нашелъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ слушателей въ Училищѣ Правовѣдѣнія — гг. Киршбаума, Фрейганга) я не предполагалъ встрѣтить особеннаго предубѣжденія противъ себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ ожидать, что въ тѣ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ я работалъ съ канцеляріей, у меня установятся съ нею такія исключительно сердечныя отношенія. Долженъ здѣсь засвидѣтельствовать, что въ огромномъ большинствѣ своемъ служащіе канцеляріи оказались вполнѣ на высотѣ своей задачи, требовавшей отъ нихъ совершенно исключительной трудоспособности, добросовѣстности и «дискретности». У меня остались самыя лучшія воспоминанія о нашей общей работѣ и о нашемъ прощаніи, когда я получилъ отъ нихъ адресъ, очень тепло составленный. Что касается А. М. Ону, то я не разочаровался ни въ его преданности и готовности работать, ни въ прекрасныхъ качествахъ его ума и сердца. Долженъ прибавить, что наши личныя отношенія были все время и остались наилучшими, и что кромѣ горячей признательности и искренняго уваженія я къ нему никакихъ чувствъ питать не могу. О своихъ намѣреніяхъ по его адресу я его оповѣстилъ по телефону еще въ субботу, получилъ отъ него согласіе. Предстояло еще оформить мое собственное положеніе. Очевидно, назначеніе меня управляющимъ дѣлами Вр. Правительства было несовмѣстимо съ дальнѣйшимъ пребываніемъ прапорщикомъ. Уже въ субботу, 4-го, вечеромъ А. И. Гучковъ подписалъ приказъ, коимъ я увольнялся, по этому случаю, въ отставку. Въ понедѣльникъ, 6-го, я въ Маріинскомъ дворцѣ принялъ канцелярію. Представлялъ ее мнѣ А С. Путиловъ, утромъ посѣтившій меня. Онъ привѣтствовалъ меня рѣчью, я отвѣтилъ тоже короткой рѣчью. Потомъ пришелъ И. Н. Лодыженскій и мы съ нимъ довольно долго бесѣдовали въ бывшемъ его служебномъ кабинетѣ. Все обошлось вполнѣ корректно, доброжелательно, по хорошему. Но въ примѣненіи къ Лодыженскому и къ Путилову я впервые столкнулся съ тѣмъ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи ушедшихъ въ отставку чиновниковъ, достигшихъ болѣе или менѣе высокихъ степеней, который впослѣдствіи долженъ былъ причинить Вр. Правительству столько затрудненій. Такъ какъ я не намѣренъ, да и не могъ бы, держаться въ этихъ запискахъ хронологическаго

порядка, то я и коснусь сейчасъ этого вопроса, благо онъ подвернулся подъ перо.

Какъ извѣстно, въ первые дни и даже въ первыя недѣли революціи, и въ прессѣ, и въ разныхъ публичныхъ рѣчахъ любили развивать — наряду съ темой о «безкровномъ» характерѣ революціи, — пролившей съ тѣхъ поръ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи и развитіи, такія рѣки крови, — еще и тему о волшебной ея быстротѣ, о той легкости, съ какой былъ признавъ новый строй всѣми тѣми силами, которыя, казалось, были надежнѣйшей и вѣрнѣйшей опорой стараго порядка. Въ числѣ этихъ была и бюрократія — всероссійская и въ частности петербургская. Я припоминаю, что еще въ 1905 году, на первомъ, послѣ 17 Октября, съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей (въ Москвѣ, въ домѣ Морозовой на Воздвиженкѣ) былъ поставленъ вопросъ о коренномъ обновленіи всей мѣстной администраціи, главнымъ образомъ, конечно, губернаторовъ), при чемъ выставлялось соображеніе, что отъ слугъ абсолютизма нельзя ожидать ни готовности, ни умѣнья служить новому строю, — что они будутъ ему недоброжелательствовать и проявлять къ нему то отношеніе, которое на современномъ революціонномъ жаргонѣ получило пазваніе «саботажа». Я тогда выступалъ противъ этого предположенія. Я указывалъ, что едва ли въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточное количество подготовленныхъ идейныхъ работниковъ, способныхъ немедленно впречься въ сложную государственную машину, — съ другой же стороны, шутливо напоминая извѣстное изреченіе Кукольника «прикажетъ государь, могу быть акушеромъ», я доказывалъ, что отъ мѣстныхъ администраторовъ (въ ихъ большинствѣ, конечно) не приходится ожидать той стойкости убѣжденій и глубины приверженности старымъ началамъ, того упорства, которыя устояли бы противъ властнаго mot d'ordre'а, даннаго сверху (предполагая, разумѣется, искренность и «подлинность» этого mot d'ordre). Мнѣ возражалъ тогда И. И. Петрункевичъ. Къ сожалѣнію, я не присутствовалъ при этомъ возраженіи, въ которомъ Ив. Ил., очень удачно и остроумно воспользовавшись моей цитатой, при общемъ смѣхѣ заявилъ, что онъ не хотѣлъ бы быть той роженицей, которую обслуживалъ бы такой «по Высочайшему повелѣнію акушёръ», и что въ данномъ случаѣ участь этой роженицы была бы участью Россіи. При всемъ остроуміи этого возраженія, оно меня не убѣдило. Ибо главнымъ основаніемъ непріемлемости старыхъ администраторовъ выставлялась не ихъ техническая неподготовленность (много ли у насъ вообще технически подготовленныхъ людей?), а ихъ внутреннее отношеніе, ихъ настроеніе, — и только въ этомъ отношеніи и имѣла смыслъ моя цитата. Я хотѣлъ сказать — и думаю теперь, — что огромное большинство бюрократіи нисколько не заражено стремленіемъ быть plus royaliste que le roi, — оно охотно бы признало fait accompli, подчинилось бы новому порядку и никакимъ «саботажемъ» не стало бы заниматься. Конечно, и въ центрахъ, и па мѣстахъ, какъ тогда, въ 1905 году, такъ и теперь, въ 1917-мъ, были отдѣльные люди, которыхъ ихъ прежняя дѣятельность и совершенно опредѣленная, яркая политическая физіономія дѣлала и принципіально, и практически непріемлемыми для новаго строя. Эти единицы и подлежали бы изъятію.

Вр. Правительство поступило, какъ извѣстно, иначе. Однимъ изъ первыхъ — и однимъ изъ самыхъ неудачныхъ — его актовъ была знаменитая

телеграмма князя Львова отъ 5 Марта, отправленная циркулярно всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ: «придавая самое серьёзное значеніе въ цѣляхъ устроенія порядка внутри страны и для успѣха обороны государства обезпеченію безостановочной дѣятельности всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, Вр. Правительство признало необходимымъ устранить губернатора и вице-губернатора отъ исполненія обязанностей», при чемъ управленіе губерніей временно возлагалось на предсѣдателя губернской управы въ качествѣ губернскаго комиссара Вр. Правительства. Не говоря о томъ, что въ цѣломъ рядѣ губерній, гдѣ предсѣдателемъ управы являлось лицо, назначенное старымъ правительствомъ, это распоряженіе сводилось къ лишенной всякаго смысла и основанія замѣнѣ однихъ чиновниковъ — другими, далеко не лучшими, даже и въ коренныхъ земскихъ губерніяхъ оно привело — во многихъ случаяхъ — къ явной чепухѣ. Предсѣдатель управы былъ нерѣдко ставленникомъ реакціоннаго большинства, а губернаторъ — лицомъ вполнѣ пріемлемымъ и не обладавшимъ никакой реакціонной окраской. Вр. Правительство очень скоро — почти тотчасъ же — убѣдилось въ томъ, что разсматриваемая мѣра была крайне необдуманной и легкомысленной импровизаціей. Но что было ему дѣлать? И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оно должно было считаться не съ существомъ, не съ дѣйствительными реальными интересами, а съ требованіями революціонной фразы, революціонной демагогіей и предполагаемыми настроеніями массъ. Такъ, всему этому была принесена въ жертву вся полиція, личный составъ которой (а также и жандармеріи) нѣсколько мѣсяцевъ спустя естественнымъ образомъ влился въ ряды наиболѣе разбойныхъ большевиковъ («рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше»).

Результатомъ такой политики явилось массовое увольненіе — и выходъ въ отставку — добровольный или вынужденный — цѣлаго ряда высшихъ чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ. Къ этому же приводила ликвидація ряда учрежденій и, наконецъ, естественное прекращеніе работы (напр., въ Государственномъ Совѣтѣ). И вотъ ставился вопросъ: какъ быть съ этой многочисленной арміей людей, очутившихся, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, въ положеніи «раковъ на мели»? Ничтожное меньшинство этихъ людей не заслуживало вниманія и не возбуждало симпатій, — среди нихъ были, конечно, и люди вполнѣ обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи. Но подавляющее большинство представляли люди, многіе годы добросовѣстно тянувшіе бюрократическую лямку, дожившіе иногда до преклонныхъ лѣтъ, обремененные многочисленными семьями, — люди, всю жизнь бывшіе совершенно чуждыми политикѣ, но честно и усердно трудившіеся. А среди членовъ Госуд. Совѣта были такіе люди, какъ Н. С. Таганцевъ, А. Ѳ. Кони и другіе, менѣе извѣстные люди, но вполнѣ почтенные и безупречные.

Теперешніе хозяева положенія (часъ которыхъ, впрочемъ, уже пробилъ*, гг. большевики, конечно, не задавались, никогда подобными вопросами и самая ихъ возможность встрѣтила бы со стороны Ленинныхъ и Троцкихъ откровенное глумленіе. Для нихъ совершенно безразлична судьба отдѣльныхъ людей. «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ» — вотъ удобный

* Такъ можно было думать въ Апрѣлѣ 1918 года . . .

отвѣтъ на все. Да имъ и не приходится и не приходилось сталкиваться съ описанными затрудненіями, потому что никто, конечно, не могъ быть столь наивнымъ, чтобы обращаться къ нимъ, ожидая отъ нихъ справедливаго и человѣческаго отношенія. Съ совершенно спокойной совѣстью они выбросили на улицу весь сенатъ и всю магистратуру, и трагически безвыходное положеніе людей, работавшихъ всю жизнь и на старости лѣтъ оказавшихся въ буквальномъ смыслѣ слова безъ куска хлѣба, ихъ нисколько не смущаетъ.

Вр. Правительство было въ иномъ положеніи. Не обладая якобинской неустрашимостью, въ ея частомъ сочетаніи съ якобинской же безсовѣстностью, оно оказывалось въ крайнемъ затрудненіи при разрѣшеніи и общаго вопроса о судьбѣ членовъ ликвидируемыхъ учрежденій, и частныхъ вопросовъ о судьбѣ отдѣльныхъ лицъ. Возьму, какъ одну изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій, вопросъ о членахъ Государственнаго Совѣта по назначенію. Среди нихъ были люди, не имѣвшіе никакихъ заслугъ передъ страной, назначенные по соображеніямъ черносотенной политики, для образованія реакціоннаго большинства, — но были, какъ я уже упомянулъ, государственные люди, такіе, какъ Кони или Таганцевъ, а также рядъ лицъ, для которыхъ Госуд. Совѣтъ былъ вѣнцомъ долгой и безупречной службы въ рядахъ администраціи или магистратуры. По закону, члены Госуд. Совѣта по назначенію получали содержаніе, каждый разъ опредѣляемое персонально Верховной Властью. Равнымъ образомъ и пенсіи членамъ Госуд. Совѣта не опредѣлены общимъ образомъ въ законѣ. Въ ближайшее же время послѣ переворота, въ первыя же недѣли, когда выяснилось съ полной несомнѣнностью, что Госуд. Совѣтъ, какъ учрежденіе, обреченъ на совершенную праздность до Учредительнаго Собранія, причемъ Учредит. Собраніе его, конечно, не сохранитъ (ни вообще, ни, тѣмъ болѣе, въ теперешнемъ его видѣ), наиболѣе добросовѣстные и тактичные члены Госуд. Совѣта почувствовали неловкость своего положенія и нравственную невозможность получать крупное содержаніе, не дѣлая ничего, и возбудили вопросъ объ умѣстности подачи въ отставку. При этомъ они считались (какъ мнѣ точно извѣстно изъ личныхъ переговоровъ съ нѣкоторыми изъ нихъ) съ соображеніями двоякаго рода.

Вр. Правительство не упразднило съ самаго начала Госуд. Совѣта, какъ учрежденія. Потому, членамъ по назначенію, не считавшимъ возможнымъ продолжать пользоваться преимуществами своего положенія, приходилось бы подавать прошенія объ отставкѣ, т.-е. брать инціативу на себя. Еслибы одни подали прошенія, а другіе нѣтъ, получилась бы, очевидно, нелѣпость: на мѣстахъ остались бы лица, прежде всего и болѣе всего дорожившія своими окладами и положеніемъ, а уволены бы были наилучшіе. Кромѣ того, мнѣ приходилось слышать опасенія (искренности которыхъ я не имѣлъ никакого основанія не вѣрить, принимая во вниманіе, отъ кого они исходили), что подача такихъ прошеній рядомъ лицъ одновременно или непосредственно одними вслѣдъ за другими могло бы произвести впечатлѣніе какой-то демонстраціи противъ Вр. Правительства, производимой наиболѣе авторитетными людьми, — а это, конечно, меньше всего входило въ ихъ намѣренія. Наконецъ, last not least, возникалъ вопросъ о личной матеріальной судьбѣ, тревожившій всѣхъ тѣхъ, кто существовалъ только жалованіемъ, и кто не могъ разсчитывать ни на полученіе другого мѣста, ни на

частный заработокъ. Такихъ, конечно, было немало. И всѣ они спрашивали, — будетъ ли имъ назначена пенсія, и въ какомъ размѣрѣ. — Въ самомъ началѣ Вр. Правительство въ двухъ случаяхъ назначило пенсіи въ размѣрѣ 7—10 тысячъ (кажется, дѣло шло о В. Н. Коковцовѣ и объ А. С. Танѣевѣ, но, можетъ быть, здѣсь я ошибаюсь). И тотчасъ же митинговыя рѣчи передъ домомъ Кшесинской (съ первыхъ же дней ставшимъ штабъ-квартирой большевизма) подхватили этотъ фактъ. «Вр. Правительство даетъ многотысячныя пенсіи, расточая народныя деньги на слугъ стараго царскаго режима.» Соціалистическія газеты вторили этимъ обвиненіямъ. Мнѣ особенно памятны подленькія статейки г. Гойхбарта (къ сожалѣнію, одного изъ сотрудниковъ «Права») въ «Новой Жизни». Весь этотъ шумъ произвелъ на Вр. Правительство большое впечатлѣніе. И когда, наконецъ, пришлось поставить во всемъ объёмѣ вопросъ о членахъ Гос. Совѣта (такъ какъ въ связи съ этимъ печать и митинги завопили по поводу того, что члены Гос. Совѣта продолжаютъ получать содержаніе), Правительство потратило цѣлыхъ два засѣданія на обсужденіе его — и не могло придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Нѣкоторые изъ членовъ Госуд. Совѣта, соотвѣтственно ихъ собственному желанію были назначены въ Сенатъ (и получили, стало быть, сенаторскіе оклады). Судьба другихъ такъ и осталась — при мнѣ — неразрѣшенной. Были ли впослѣдствіи приняты какія-нибудь общія мѣры, я не знаю. Припоминаю, въ связи съ этимъ, эпизодъ, произведшій на меня крайне грустное впечатлѣніе. Н. С. Таганцевъ, съ которымъ меня связывали двадцатилѣтнія дружескія отношенія, какъ-то попросилъ меня (по телефону), побывать у него. Оказалось, что онъ хотѣлъ лично мнѣ передать собственноручно имъ написанное прошеніе объ отставкѣ и о назначеніи ему пенсіи (впослѣдствіи онъ былъ назначенъ въ 1-ый департаментъ Сената и былъ предсѣдателемъ того отдѣленія, въ которое я зачислился; объ этомъ — позже). Передавая мнѣ бумагу, онъ не могъ сдержать своего волненія и всхлипнулъ. «Да, голубчикъ, очень тяжело!» — сказалъ онъ, — «вѣдь я всю жизнь ждалъ осуществленія новаго строя. Все, чего я достигъ — я, сынъ крестьянина, записавшагося въ купцы 3-ей гильдіи, чтобы дать мнѣ образованіе, — всего этого я достигъ только своимъ трудомъ, я никому ничѣмъ не обязанъ. И вотъ теперь — я оказываюсь никому ненужнымъ и возвращаюсь въ первобытное состояніе».

Сюда же относится и другой эпизодъ. Героемъ его былъ малопочтенный человѣкъ, — Липскій, товарищъ и въ свое время правая рука финляндскаго генералъ-губернатора, имѣвшій репутацію одного изъ наиболѣе воинствующихъ бобриковцевъ. Революція его совершенно выбросила за-бортъ, онъ, помнится, даже былъ вначалѣ арестованъ и вывезенъ изъ предѣловъ Финляндіи. Политическая его физіономія была такова, что о назначеніи ему какого-нибудь оклада нельзя было и мыслить. Меня онъ зналъ потому, что въ концѣ 90-хъ годовъ онъ служилъ въ Госуд. Канцеляріи. И вотъ — начались его посѣщенія. Онъ разсказалъ мнѣ, что положеніе его совершенно безвыходное. Женѣ его предстояла какая-то тяжелая операція, ее приходилось помѣстить въ санаторію, — у него въ Петербургѣ не было пристанища, «мы ютимся у знакомыхъ», поиски частной службы оказались тщетными. Онъ умолялъ меня помочь, посодѣйствовать тому, чтобы ему назначили сенаторское жалованье (онъ былъ сенаторомъ).

Что я могъ ему сказать? Я понималъ, что его дѣло безнадежно, — по человѣчеству я видѣлъ, что человѣкъ просто гибнетъ. Къ несовершенствамъ моимъ, какъ политическаго дѣятеля, я долженъ причислить то мое свойство, которое въ подобныхъ случаяхъ мѣшаетъ мнѣ сказать «туда ему и дорога»... Въ революціонную эпоху политическому дѣятелю приходится быть жестокимъ и безжалостнымъ. Тяжело тѣмъ, кто къ этому органически неспособенъ!

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ субботу, 4 Марта, Н. В. Некрасовъ просилъ меня и Н. И. Лазаревскаго прибыть къ нему въ министерство путей сообщенія для выполненія порученія, даннаго Вр. Правительствомъ. Порученіе состояло въ томъ, чтобы написать первое воззваніе Вр. Правительства ко всей странѣ, излагающее смыслъ происшедшихъ историческихъ событій и profession de foi Вр. Правительства, а также политическую программу, болѣе опредѣленную и полную, чѣмъ та, которая заключалась въ первой деклараціи, сопровождавшей самое образованіе Вр. Правительства. Часа въ два мы встрѣтились съ Н. И. и вмѣстѣ отправились въ министерство. Тамъ кипѣла лихорадочная дѣятельность, бѣгали служащіе, сидѣло, стояло, ходило множество народа. Не безъ труда розыскали мы Некрасова, предсѣдательствовавшаго въ какомъ-то совѣщаніи. Пришлось немного подождать, совѣщаніе при насъ закончилось, и Некрасовъ повелъ насъ внутреннимъ ходомъ изъ зданія министерства въ квартиру министра. Тамъ, въ кабинетѣ министра, мы нашли члена Гос. Думы, А. А. Добровольскаго, тоже принявшаго, по собственной охотѣ (и, конечно, съ общаго согласія), участіе въ нашей работѣ. Некрасовъ объяснилъ намъ программу воззванія и его задачи и оставилъ насъ. Тотчасъ мы принялись за работу, она продолжалась часовъ до шести-семи вечера. Шла она очень скоро, и результатомъ ея явился проектъ, сохранившійся въ моихъ бумагахъ, но не увидѣвшій свѣта. Этотъ проектъ былъ на другой день доложенъ Н. В. Некрасовымъ Вр. Правительству, но, какъ я потомъ узналъ, встрѣтилъ нѣкоторыя частичныя возраженія. А. А. Мануиловъ внесъ предложеніе — передать его Ѳ. Ѳ. Кокошкину (утромъ пріѣхавшему изъ Москвы) для передѣлки. Это было принято. Какимъ-то образомъ очутился при этомъ М. М. Винаверъ, въ качествѣ сотрудника Кокошкина, при чемъ этотъ послѣдній предоставилъ ему написать текстъ воззванія заново и — какъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ самъ Кокошкинъ — текстъ этотъ, цѣликомъ написанный Винаверомъ, былъ имъ, Кокошкинымъ, внесенъ Вр. Правительству, которое его санкціонировало безъ измѣненія. Въ концѣ того же мѣсяца, на страницахъ «Рѣчи», Винаверъ обратился также съ чѣмъ-то вродѣ манифеста «къ еврейскому народу», причемъ этотъ документъ начинался тѣми же словами: «Свершилось великое».

Вечеромъ того же дня происходило первое при моемъ участіи — вѣрнѣе, въ моемъ присутствіи — засѣданіе Вр. Правительства, въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ залѣ совѣта. Тамъ же происходило второе и третье засѣданіе, 5-го и 6-го Марта. Съ 7-го Марта засѣданія были перенесены въ Маріинскій дворецъ и происходили тамъ во все время, пока я былъ управляющимъ дѣлами, а также и впослѣдствіи, до премьерства Керенскаго, переѣхавшаго (въ срединѣ Іюля) въ Зимній дворецъ и перенесшаго засѣданія въ Малахитовый залъ.

Эти первыя засѣданія имѣли — вполнѣ понятно! — характеръ хаотическій. Много времени отнимали всякія мелочи. Помню, что чуть ли не въ первомъ засѣданіи, въ субботу, Керенскій объявилъ, что онъ въ товарищи себѣ беретъ Н. Н. Шнитникова, и помню, что этотъ незначительный фактъ произвелъ тогда на меня большое и крайне отрицательное впечатлѣніе. Здѣсь для меня впервые проявилась одна изъ основныхъ чертъ этого рокового человѣка. Эта черта — абсолютная неспособность разбираться въ людяхъ и правильно ихъ оцѣнивать. Шнитниковъ — личность, достаточно хорошо извѣстная. Человѣкъ добрый и вполнѣ порядочный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ съ узко-предвзятымъ отношеніемъ къ каждому вопросу. Ни въ адвокатурѣ, ни въ городской думѣ, ни въ какой-либо другой сферѣ онъ — какъ хорошо извѣстно — никогда не пользовался ни малѣйшимъ авторитетомъ. И его Керенскій хотѣлъ поставить рядомъ съ собою, во главѣ всего судебнаго вѣдомства! Само собою разумѣется, онъ бы этимъ достигъ только одного: полнаго дискредитированія своего собственнаго и своего товарища. Помню, что стоило нѣкотораго труда отговорить Керенскаго. Но нужно замѣтить, что, наряду съ внезапностью и стремительностью, его рѣшенія отличались всегда большой неустойчивостью и перемѣнчивостью. Это впослѣдствіи проявилось въ цѣломъ рядѣ случаевъ, о которыхъ я скажу въ свое время.

Въ самые первые дни вопросъ о судьбѣ отрекшагося императора оставался совершенно неопредѣленнымъ. Какъ извѣстно, немедленно послѣ своего отреченія Николай II уѣхалъ въ ставку. Вр. Правительство сначала отнеслось къ этому обстоятельству какъ-то индифферентно. Ни въ субботу, ни въ воскресенье, ни въ понедѣльникъ не заходила рѣчь въ засѣданіяхъ, гдѣ я присутствовалъ, о необходимости, принять какія-либо мѣры. Возможно, конечно. что вопросъ этотъ уже тогда обсуждался въ частныхъ совѣщаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, для меня было большою неожиданностью, когда во вторникъ, 7 Марта, я былъ приглашенъ въ служебный кабинетъ кн. Львова, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ я нашелъ кромѣ членовъ Вр. Правительства еще и членовъ Госуд. Думы Вершинина, Грибунина и — кажется — Калинина, при чемъ выяснилось, что Вр. Правительство рѣшило лишить Николая II свободы и перевезти его въ Царское Село. Императрицу Александру Федоровну также рѣшено было признать лишенной свободы. Мнѣ было поручено редактировать соотвѣтствующую телеграмму на имя ген. Алексѣева, который въ то время былъ начальникомъ штаба верховнаго Главнокомандующаго. Это было первымъ, мною скрѣпленнымъ, постановленіемъ Вр. Правительства, опубликованнымъ съ моей скрѣпой...

Не подлежитъ сомнѣнію, что при данныхъ обстоятельствахъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ Николаемъ II, представлялъ очень большія трудности. При болѣе нормальныхъ условіяхъ не было бы, вѣроятно, препятствій къ выѣзду его изъ Россіи въ Англію, и наши союзническія отношенія были бы порукой, что не будутъ допущены никакія конспиративныя попытки къ возстановленію Николая II на престолѣ. Можетъ быть, еслибы правительство немедленно, 3-го или 4-го Марта, проявило больше находчивости и распорядительности, удалось бы получить отъ Англіи согласіе на пріѣздъ туда Николая, и онъ былъ бы тотчасъ вывезенъ. Не знаю, были ли предприняты тогда какіе-нибудь шаги въ этомъ направленіи. Думается,

что нѣтъ. Отъѣздъ въ ставку осложнилъ положеніе, вызвавъ большое раздраженіе Исполнительнаго Комитета совѣта раб. и солд. депутатовъ и соотвѣтствующую агитацію, результатомъ которой и явился демонстративный актъ Вр. Правительства. Вѣдь, въ сущности говоря, не было никакихъ основаній — ни формальныхъ, ни по существу — объявлять Николая II лишеннымъ свободы. Отреченіе его не было — формально — вынужденнымъ. Подвергать его отвѣтственности за тѣ или иные поступки его, въ качествѣ императора, было бы безсмыслицей и противорѣчило бы аксіомамъ государственнаго права. При такихъ условіяхъ, правительство имѣло, конечно, право принять мѣры къ обезвреженію Николая II, оно могло войти съ нимъ въ соглашеніе объ установленіи для него опредѣленнаго мѣстожительства и установить охрану его личности. Вѣроятно, отъѣздъ въ Англію и для самого Николая былъ бы всего желательнѣе. Между тѣмъ, актомъ о лишеніи свободы завязанъ былъ узелъ, который и по настоящее время* остался не распутаннымъ. Но этого мало. Я лично убѣжденъ, что это «битьё лежачаго», — арестъ бывшаго императора, — сыграло свою роль и имѣло болѣе глубокое вліяніе въ смыслѣ разжиганія бунтарскихъ страстей. Онъ придавалъ «отреченію» характеръ «низложенія», такъ какъ никакихъ мотивовъ къ этому аресту не было указано. Затѣмъ, пребываніе Николая II въ Царскомъ селѣ, въ двухъ шагахъ отъ столицы, отъ бушующаго Кронштадта, все время волновало и безпокоило Вр. Правительство, — не въ смыслѣ возможности какихъ-нибудь попытокъ реставраціоннаго характера, а наоборотъ — опасеніемъ самосуда, кровавой расправы. Были моменты, когда, подъ вліяніемъ все усиливающейся бунтарской проповѣди, эти опасенія становились особенно грозными.

Какъ бы то ни было, послѣ прибытія Николая II въ Царское Село, всякій дальнѣйшій путь оказался фактически отрѣзаннымъ, — увезти бывшаго императора за-границу въ ближайшіе же дни стало совершенно невозможнымъ. Значительно позже, уже въ премьерство Керенскаго, рѣшено было увезти всю царскую семью въ Тобольскъ, при чемъ эта мѣра была обставлена очень конспиративно, — настолько, что, кажется, о ней даже не всѣ члены Вр. Правительства были освѣдомлены.

Вечеромъ 7 Марта впервые Вр. Правительство засѣдало, какъ мною уже было упомянуто, въ Маріинскомъ дворцѣ. Въ первые недѣли засѣданія назначались два раза въ день — въ четыре часа и въ девять часовъ. Фактически дневное засѣданіе начиналось (какъ и вечернее) съ огромнымъ запозданіемъ и продолжалось до восьмого часа. Вечернее засѣданіе заканчивалось всегда глубокой ночью. Обычно, во второй своей части оно бывало закрытымъ, т.-е. удалялась канцелярія, — я оставался одинъ.

Здѣсь умѣстно сказать о внѣшнемъ ходѣ тѣхъ засѣданій Вр. Правительства, коихъ я былъ свидѣтелемъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ революціи.

Какъ я сейчасъ сказалъ, засѣданія неизмѣнно начинались съ очень большимъ запаздываніемъ. Я дожидался начала въ своемъ служебномъ кабинетѣ, занятый какой-нибудь работой или пріемомъ ежедневныхъ многочисленныхъ посѣтителей. Мнѣ приходили сказать, когда набиралось достаточное количество министровъ для открытія засѣданія. Аккуратнѣе другихъ

*** Май-Іюнь 1918 г. Позднѣйшее примѣчаніе (16/29 Іюля 1918 г.): 16 Іюня въ Екатеринбургѣ этотъ узелъ разрубленъ «товарищемъ» Бѣлобородовымъ.**

былъ кн. Львовъ, также И. В. Годневъ (государственный контролеръ) и А. А. Мануиловъ. Иногда засѣданія начинались при очень небольшомъ кворумѣ министровъ, имѣвшихъ спѣшныя дѣла не крупнаго значенія. Эти дѣла тутъ же докладывались ими и получали разрѣшеніе. Не сразу удалось добиться установленія опредѣленной повѣстки и того, чтобы дѣла, подлежащія докладу, сообщались заранѣе Управляющему дѣлами. Въ первыхъ засѣданіяхъ, которыя велись очень хаотично, министры докладывали дѣла, причемъ то или другое рѣшеніе записывалось очень приблизительно. Я добился того, что, какъ общее правило, каждое представленіе, вносимое Вр. Правительству, заканчивалось проектомъ постановленія, который, разумѣется, могъ подвергаться измѣненіямъ въ зависимости отъ хода и исхода сужденій. Что касается сужденій, происходившихъ въ засѣданіяхъ, то сразу рѣшено было ихъ формально не записывать, а также не отмѣчать разногласій при голосованіяхъ, не вносить особыхъ мнѣній въ журналъ и т. д. Исходной точкой, при этомъ, было стремленіе, избѣгнуть всего того, что могло нарушить единство правительства и отвѣтственность его въ цѣломъ за каждое принятое рѣшеніе. Веденіе подробнаго протокола каждаго засѣданія представляло бы, кромѣ того, и рядъ существенныхъ затрудненій, трудно преодолимыхъ. Члены Вр. Правительства склонны были — особенно въ началѣ — съ нѣкоторой подозрительностью и недовѣріемъ относиться къ присутствію въ засѣданіяхъ чиновъ канцеляріи. Подробное записываніе всего того, что говорилось, вызвало бы протестъ, требованіе провѣрки, и въ концѣ концовъ, при массѣ вопросовъ, разсматриваемыхъ въ каждомъ засѣданіи, ни одинъ журналъ не былъ бы закончепъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что за рѣдкими исключеніями, сужденія, происходившія въ открытыхъ засѣданіяхъ, не представляли большого интереса. Министры приходили въ засѣданіе всегда до послѣдней степени утомленные. Работа каждаго изъ нихъ, конечно, превышала нормальныя человѣческія силы. Въ засѣданіяхъ часто разсматривались очень спеціальные вопросы, чуждые большинству, и министры часто полу-дремали, чуть-чуть прислушиваясь къ докладу. Оживленіе и страстныя рѣчи начинались только въ закрытыхъ засѣданіяхъ, а также въ засѣданіяхъ съ «контактной комиссіей» Исполнительнаго Комитета Совѣта раб. и солд. депутатовъ.

Здѣсь мое положеніе было особенно тягостнымъ и здѣсь я сразу почувствовалъ, что роль моя существенно разнится отъ той, которую я себѣ представлялъ, идя на сравнительно второстепенный постъ управляющаго дѣлами. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Въ составѣ Вр. Правительства у меня были друзья — личные и политическіе, — были случайные знакомые, были, наконецъ, люди, съ которыми я встрѣтился впервые. Къ первымъ я относилъ: Милюкова, Шингарева, Некрасова, Мануилова, отчасти кн. Львова. Ко вторымъ — Керенскаго, Гучкова, Терещенко. Къ третьимъ — Коновалова, В. Н. Львова, И. В. Годнева. Изъ второй группы лучше другихъ я зналъ М. И. Терещенко, при чемъ, однако, это знакомство было чисто свѣтское. Я сохранилъ о немъ представленіе, какъ о блестящемъ молодомъ человѣкѣ, очень пріятномъ въ обращеніи, меломанѣ и театралѣ, чиновникѣ особыхъ порученій при Теляковскомъ. Скачокъ къ министру финансовъ Вр. Правительства былъ, конечно, очень великъ, и мнѣ трудно было сочетать новую роль Терещенка со старымъ моимъ представленіемъ о немъ. Но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, у меня не было никакихъ основаній ожидать отъ него какого-либо иного отношенія, кромѣ полнаго дружелюбія. Гучкова я зналъ со времени общеземскихъ съѣздовъ 1905 года. Онъ сразу отнесся ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и предупредительностью. То же самое приходится мнѣ сказать и о трехъ лицахъ третьей группы. Для меня нѣтъ сомнѣній, что, не будь въ составѣ правительства Керенскаго, я бы чувствовалъ себя въ средѣ Вр. Правительства совершенно свободно, не обрекъ бы себя на молчаніе, на ту роль пассивнаго слушателя и свидѣтеля, которая, въ концѣ концовъ, стала для меня совершенно невыносимой.

Въ связи съ этимъ, мнѣ хотѣлось бы здѣсь свести мои впечатлѣнія, какъ о Керенскомъ, такъ и о другихъ. Я не собираюсь давать имъ исчерпывающую характеристику: для этого у меня, прежде всего, нѣтъ достаточно матеріала. Но, какъ-никакъ, я встрѣчался со всѣми этими людьми ежедневно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; я видѣлъ ихъ въ очень важныя и отвѣтственныя минуты, я могъ пристально наблюдать ихъ, а потому, полагаю, даже и отрывочныя мои впечатлѣнія не лишены нѣкотораго интереса и могутъ, со временемъ, когда эти мои замѣтки, въ томъ или другомъ видѣ, будутъ использованы, войти въ общую массу историческихъ матеріаловъ о русской революціи 1917 года и ея дѣятеляхъ.

A tout seigneur tout honneur. Начну съ Керенскаго.

Прошло семь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ Керенскаго, но мнѣ не стоитъ никакого труда вызвать въ памяти его внѣшній обликъ. Я впервые съ нимъ познакомился лѣтъ восемь тому назадъ. Наши встрѣчи были совершенно мимолетныя, случайныя: на Невскомъ, на какой-нибудь панихидѣ и т. п. Мнѣ про него говорили (еще до избранія его въ Госуд. Думу), что это человѣкъ даровитый, но не крупнаго калибра. Его внѣшній видъ — нѣкоторая франтоватость, бритое актерское лицо, почти постоянно прищуренные глаза, непріятная улыбка, какъ-то особенно открыто обнажавшая верхній рядъ зубовъ, — все это вмѣстѣ взятое мало привлекало. Во всякомъ случаѣ, ни въ немъ самомъ, ни въ томъ, что приходилось о немъ слышать, не только не было ничего, дающаго хотя отдаленную возможность предполагать будущую его роль, но вообще не было никакихъ данныхъ, останавливающихъ вниманіе. Одинъ изъ многихъ политическихъ защитниковъ, далеко не перваго разряда. Въ большой публикѣ его стали замѣчать только со времени его выступленій въ Госуд. Думѣ. Тамъ онъ въ силу партійныхъ условій фактически оказался въ первыхъ рядахъ и, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ былъ головою выше той сѣрой компаніи, которая его въ Думѣ окружала, — такъ какъ онъ былъ недурнымъ ораторомъ, порою даже очень яркимъ, а поводовъ къ отвѣтственнымъ выступленіямъ было сколько угодно, то естественно, что за четыре года его стали узнавать и замѣчать. При всемъ томъ, настоящаго, большого, общепризнаннаго успѣха онъ никогда не имѣлъ. Никому бы не пришло въ голову поставить его, какъ оратора, рядомъ съ Маклаковымъ или Родичевымъ, или сравнить его авторитетъ, какъ парламентарія, съ авторитетомъ Милюкова или Шингарева. Партія его въ четвертой Думѣ была незначительной и маловліятельной. Позиція его по вопросу о войнѣ была, въ сущности, чисто циммервальдской. Все это далеко не способствовало образованію вокругъ его имени какого-либо ореола. Онъ это чувствовалъ и, такъ какъ самолюбіе его — огромное и болѣзненное, а самомнѣніе —

такое же, то естественно, что въ немъ очень прочно укоренились т а к і я чувства къ своимъ выдающимся политическимъ противникамъ, съ которыми довольно мудрено было совмѣстить стремленіе къ искреннему и единодушному сотрудничеству. Я могу удостовѣрить, что Милюковъ былъ его bête noire въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не пропускалъ случая отозваться о немъ съ недоброжелательствомъ, ироніей, иногда съ настоящей ненавистью. При всей болѣзненной гипертрофіи своего самомнѣнія, онъ не могъ не сознавать, что между нимъ и Милюковымъ — дистанція огромнаго размѣра. Милюковъ вообще былъ несоизмѣримъ съ прочими своими товарищами по кабинету, какъ умственная сила, какъ человѣкъ огромныхъ, почти неисчерпаемыхъ знаній и широкаго ума. Я ниже постараюсь опредѣлить, въ чемъ были недостатки его, по моему мнѣнію, какъ политическаго дѣятеля. Но онъ имѣлъ одно огромное преимущество: позиція его по основному вопросу, — тому вопросу, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ весь ходъ революціи, вопросу о войнѣ, — позиція эта была совершенно ясна и опредѣленна и послѣдовательна, тогда какъ позиція «заложника демократіи» была и двусмысленной, и недоговоренной и, по существу, ложной. Въ Милюковѣ не было никогда ни тѣни мелочности, тщеславія, — вообще, личныя его чувства и отношенія въ ничтожнѣйшей степени отражались на его политическомъ поведеніи; оно ими никогда не опредѣлялось. Совсѣмъ наоборотъ у Керенскаго. Онъ весь былъ сотканъ изъ личныхъ импульсовъ. . . . .
. . . .

Трудно даже себѣ представить, какъ должна была отразиться на психикѣ Керенскаго та головокружительная высота, на которую онъ былъ вознесенъ въ первые недѣли и мѣсяцы революціи. Въ душѣ своей онъ всетаки не могъ не сознавать, что все это преклоненіе, идолизація его, — не что иное, какъ психозъ толпы, — что за нимъ, Керенскимъ, нѣтъ такихъ заслугъ и умственныхъ или нравственныхъ качествъ, которыя бы оправдывали такое истерически-восторженное отношеніе. Но несомнѣнно, что съ первыхъ же дней душа его была «ушиблена» той ролью, которую исторія ему — случайному, маленькому человѣку — навязала, и въ которой ему суждено было такъ безславно и безслѣдно провалиться. . . . . . .
. . . .

Я сейчасъ сказалъ, что въ «идолизаціи» Керенскаго проявился какой-то психозъ русскаго общества. Это, можетъ быть, слишкомъ мягко сказано. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было не спросить себя, каковъ политическій багажъ того, въ комъ рѣшили признать «героя революціи», что имѣется въ его активѣ? Съ этой точки зрѣнія любопытно т е п е р ь, когда «облетѣли цвѣты, догорѣли огни», перечитать въ газетной передачѣ faits et gestes Керенскаго за 8 мѣсяцевъ, его рѣчи, его интервью... Если онъ дѣйствительно былъ героемъ первыхъ мѣсяцевъ революціи, то этимъ самымъ произнесенъ достаточно вѣскій приговоръ этой революціи.

Съ упомянутымъ сейчасъ болѣзненнымъ тщеславіемъ въ Керенскомъ соединялось еще одно непріятное свойство: актерство, любовь къ позѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко всякой пышности и помпѣ. Актерство его, я помню, проявлялось даже въ тѣсномъ кругу Вр. Правительства, гдѣ, казалось бы, оно было особенно безполезно и нелѣпо, такъ какъ всѣ другъ друга хорошо знали и обмануть не могли. Одинъ изъ эпизодовъ такого актерства —

столкновеніе съ Милюковымъ, по поводу заявленія этого послѣдняго о роли нѣмецкихъ денегъ въ русской революціи, — разсказанъ выше.

Тѣ, кто были на такъ называемомъ Государственномъ Совѣщаніи въ большомъ Московскомъ театрѣ, въ Августѣ 1917 года, конечно, не забыли выступленій Керенскаго, — перваго, которымъ началось совѣщаніе, и послѣдняго, которымъ оно закончилось. На тѣхъ, кто здѣсь видѣлъ или слышалъ его впервые, онъ произвелъ удручающее и отталкивающее впечатлѣніе. То, что онъ говорилъ, не было спокойной и вѣской рѣчью государственнаго человѣка, а сплошнымъ истерическимъ воплемъ психопата, обуяннаго маніей величія. Чувствовалось напряженное, доведенное до послѣдней степени желаніе произвести впечатлѣніе, импонировать. Во второй — заключительной — рѣчи онъ, повидимому, совершенно потерялъ самообладаніе и наговорилъ такой чепухи, которую пришлось тщательно вытравлять изъ стенограммы. До самаго конца онъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ положеніи. За четыре-пять дней до октябрскаго большевистскаго возстанія, въ одно изъ нашихъ свиданій въ Зимнемъ дворцѣ, я его прямо спросилъ, какъ онъ относится къ возможности большевистскаго выступленія, о которомъ тогда всѣ говорили. «Я былъ бы готовъ отслужить молебенъ, чтобы такое выступленіе произошло» — отвѣтилъ онъ мнѣ. «А увѣрены ли Вы, что сможете съ нимъ справиться?». «У меня больше силъ, чѣмъ нужно. Они будутъ раздавлены окончательно.»

Единственная страница изъ всей печальной исторіи пребыванія Керенскаго у власти, дающая возможность смягчить общее сужденіе о немъ, это его роль въ дѣлѣ послѣдняго нашего наступленія (18 Іюня). Въ своей рѣчи на московскомъ совѣщаніи я указалъ на эту роль въ выраженіяхъ, быть можетъ, даже преувеличенныхъ. Но несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ въ Керенскомъ проявилось подлинное горѣніе, блеснулъ патріотическій энтузіазмъ, — увы! слишкомъ поздно...

Чрезвычайно любопытно было отношеніе Керенскаго къ Исполнительному Комитету Совѣта раб. и солд. депутатовъ. Онъ искренно считалъ, что Вр. Правительство обладаетъ верховной властью и что Исполн. Комитетъ не вправѣ вмѣшиваться въ его дѣятельность. Онъ относился съ враждой и презрѣніемъ къ Стеклову-Нахамкесу, который въ теченіе перваго мѣсяца былъ porte-parole Исполнительнаго Комитета въ засѣданіяхъ Вр. Правительства и контактной комиссіи. Нерѣдко послѣ конца засѣданія и въ a parte во время засѣданія онъ негодовалъ на слишкомъ большую мягкость кн. Львова въ обращеніи съ Стекловымъ. Но самъ онъ рѣшительно избѣгалъ полемики съ нимъ, ни разу не попытался отстоять позицію Вр. Правительства. Онъ все какъ-то лавировалъ, все какъ-то хотѣлъ сохранить какое-то свое особенное положеніе «заложника демократіи» — положеніе фальшивое по существу и ставившее Вр. Правительство нерѣдко въ очень большое затрудненіе.

Мои личныя отношенія съ Керенскимъ пережили нѣсколько стадій. Въ самомъ началѣ, при моемъ вступленіи въ должность управляющаго дѣлами, онъ чувствовалъ ко мнѣ большое недовѣріе. Ему, повидимому, казалось, что я усиливаю чисто-кадетскій элементъ во Вр. Правительствѣ, и онъ старался мнѣ помѣшать играть какую-либо политическую роль. Я отлично сознавалъ, что всякая попытка съ моей стороны принять участіе въ обсужденіи того или другого вопроса, хотя бы въ закрытыхъ засѣданіяхъ Вр. Правительства,

вызоветъ рѣзкій протестъ со стороны Керенскаго, — во имя прерогативъ Вр. Правительства — и поставитъ меня въ крайне неудобное положеніе. Въ сущности говоря, именно благодаря присутствію Керенскаго, моя роль оказалась настолько несоотвѣтствующей тому, что я ожидалъ, что на первыхъ же порахъ у меня возникъ вопросъ, оставаться ли мнѣ на моемъ посту? И если я на этотъ вопросъ не отвѣтилъ сразу отрицательно и ушелъ только тогда, когда произошелъ первый кризисъ и составъ Вр. Правительства, съ уходомъ Милюкова (и Гучкова), пополнился Черновымъ, Церетели, Скобелевымъ и Пѣшехоновымъ, то поступилъ я такъ исключительно въ интересахъ дѣла, которое хотѣлъ оставить вполнѣ налаженнымъ и устроеннымъ. Впослѣдствіи, когда Керенскій убѣдился, что я не питаю никакихъ личныхъ замысловъ, онъ измѣнилъ свое отношеніе. Это выразилось не только въ сдѣланныхъ мнѣ предложеніяхъ занять министерскій постъ, но и во всемъ характерѣ личнаго обращенія. Наконецъ, въ самое послѣднее время, Керенскій пытался черезъ меня вліять на партію народной свободы и получить ея поддержку въ Совѣтѣ россійской республики. Объ этомъ я скажу ниже.

Послѣ всего сказаннаго, едва ли кто заподозритъ меня въ пристрастіи, если я все-таки не могу присоединиться къ тому потоку хулы и анаѳематствованія, которымъ теперь сопровождается всякое упоминаніе имени Керенскаго. Я не стану отрицать, что онъ сыгралъ воистинѣ роковую роль въ исторіи русской революціи, но произошло это потому, что бездарная, безсознательная бунтарская стихія случайно вознесла на неподходящую высоту недостаточно сильную личность. Худшее, что можно сказать о Керенскомъ, касается оцѣнки основныхъ свойствъ его ума и характера. Но о немъ можно повторить тѣ слова, которыя онъ неданно — съ такимъ изумительнымъ отсутствіемъ нравственнаго чутья и элементарнаго такта — произнесъ по адресу Корнилова. «По своему» онъ любилъ родину, — онъ въ самомъ дѣлѣ горѣлъ революціоннымъ паѳосомъ, — и бывали случаи, когда изъ-подъ маски актера пробивалось подлинное чувство. Вспомнимъ его рѣчь о взбунтовавшихся рабахъ, его вопль отчаянія, когда онъ почуялъ ту пропасть, въ которую влечетъ Россію разнуздапная демагогія. Конечно, здѣсь не чувствовалось ни подлинной силы, ни ясныхъ велѣній разума, но былъ какой-то искренній, хотя и безплодный, порывъ. Керенскій былъ въ плѣну у своихъ бездарныхъ друзей, у своего прошлаго. Онъ органически не могъ дѣйствовать прямо и смѣло и, при всемъ его самомнѣніи и самолюбіи, у него не было той спокойной и непреклонной увѣренности, которая свойственна дѣйствительно сильнымъ людямъ. «Героическаго» въ смыслѣ Карлейля въ немъ не было рѣшительно ничего. Самое черное пятно въ его кратковременной карьерѣ — это исторія его отношеній съ Корниловымъ, но объ ней я говорить не буду, такъ какъ знаю о ней только то, что общеизвѣстно.

Къ Керенскому мнѣ придется еще не разъ вернуться на протяженіи моего разсказа. Покамѣстъ ограничиваюсь написаннымъ и перехожу къ другому лицу, на котораго вся Россія возлагала такія колоссальныя ожиданія и которыхъ онъ не оправдалъ.

Я зналъ кн. Г. Е. Львова со времени 1-ой Думы. Хотя онъ числился въ рядахъ партіи народной свободы, но я не помню, чтобы онъ принималъ сколько-нибудь дѣятельное участіе въ партійной жизни, въ засѣданіяхъ фракціи

или центральнаго комитета. Думаю, я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что у него была репутація чистѣйшаго и порядочнѣйшаго человѣка, но не выдающейся политической силы. Онъ, послѣ роспуска 1-ой Думы, также былъ въ Выборгѣ, но не принималъ участія въ совѣщаніяхъ и не подписалъ воззванія. Я помню, что онъ остановился въ тѣхъ же номерахъ, въ которыхъ жилъ я и Д. Д. Протопоповъ, и тотчасъ по пріѣздѣ заболѣлъ и такъ и не выходилъ изъ номера до отъѣзда изъ Выборга. Протопоповъ приписывалъ болѣзнь тому волненію, въ которомъ онъ находился. Подобно многимъ изъ насъ, онъ въ душѣ не сочувствовалъ воззванію, не вѣрилъ въ него, считалъ его ошибкой, но сознавалъ свое безсиліе воспрепятствовать ему, не имѣя никакого другого пріемлемаго и яркаго плана дѣйствій. Помню его блѣдное, разстроенное лицо, его безпомощную фигуру. Съ тѣхъ поръ я его 11 лѣтъ не встрѣчалъ. Какъ и всѣ, я считалъ его отличнымъ организаторомъ, возлагалъ большія упованія на его огромную популярность въ земской России и въ арміи. Выше я уже упомянулъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня первой встрѣчей съ кн. Львовымъ въ Таврическомъ дворцѣ, въ день конституированія Вр. Правительства. Я бы сказалъ, что это впечатлѣніе было пророческое. Правда, въ ближайшіе дни кн. Львовъ внѣшне преобразился, загорѣлся какой-то лихорадочной энергіей и, какъ мнѣ казалось, — по крайней мѣрѣ въ первое время — какой-то вѣрой въ возможность устроить Россію.

Задача министра-предсѣдателя въ первомъ Вр. Правительствѣ была дѣйствительно очень трудна. Она требовала величайшаго такта, умѣнья подчинять себѣ людей, объединять ихъ, руководить ими. И, прежде всего, она требовала строго опредѣленнаго, систематически осуществляемаго плана. Въ первые дни послѣ переворота авторитетъ Вр. Правительства и самого Львова стоялъ очень высоко. Надо было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, прежде всего, для укрѣпленія и усиленія власти. Надо было понять, что всѣ разлагающія силы наготовѣ начать свою разрушительную работу, пользуясь тѣмъ колоссальнымъ переворотомъ въ психологіи массъ, которымъ не могъ не сопровождаться политическій переворотъ, такъ совершенный и такъ развернувшійся. Надо было умѣть найти энергичныхъ и авторитетныхъ сотрудниковъ и либо самому отдаться всецѣло Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, либо — разъ оказывалось невозможнымъ по настоящему совмѣщать обязанности министра внутреннихъ дѣлъ съ ролью премьера, — найти для первой должности настоящаго замѣстителя.

Я не хочу сказать ничего пренебрежительнаго, — а тѣмъ паче — дурного о Д. М. Щепкинѣ или о кн. С. Д. Урусовѣ, но я думаю, что отъ нихъ трудно было ожидать того, чего не могъ дать самъ кн. Львовъ. Щепкинъ — добросовѣстнѣйшій и трудолюбивѣйшій работникъ, прекрасный человѣкъ, полный энергіи и bonne volonté. Но онъ не могъ импонировать ни опытомъ, ни общественнымъ авторитетомъ, ни личной своей индивидуальностью, — самъ это прекрасно сознавалъ и въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ былъ парализованъ этимъ сознаніемъ. Князь Урусовъ видимо совершенно растерялся въ новой обстановкѣ, плохо оріентировался, чувствовалъ себя совершенно не на мѣстѣ. Какъ-никакъ, вся его бюрократическая карьера протекла въ условіяхъ, радикально противуположныхъ тѣмъ, въ которыхъ онъ очутился. И онъ прошелъ какой-то блѣдной тѣнью, тоже одушевленной самыми лучшими намѣреніями, но безсильной

ихъ осуществить. И онъ смогъ бы быть помощникомъ и исполнителемъ, но нельзя было отъ него ожидать рѣшимости, инициативы, творчества.

То обстоятельство, что Министерство Внутреннихъ дѣлъ — другими словами, все управленіе, вся полиція — осталось совершенно неорганизованнымъ, сыграло очень большую роль въ общемъ процессѣ разложенія Россіи. Въ первое время была какая-то странная вѣра, что все какъ-то само собою образуется и пойдетъ правильнымъ, организованнымъ путемъ. Подобно тому какъ идеализировали революцію («великая», «безкровная»), идеализировали и населеніе. Имѣли, напр., наивность думать, что огромная столица, со своими подонками, со всегда готовыми къ выступленію порочными и преступными элементами, можетъ существовать безъ полиціи, или же съ такими безобразными и нелѣпыми суррогатами, какъ импровизированная, щедро оплачиваемая милиція, въ которую записывались профессіональные воры и бѣглые арестанты. Всероссійскій походъ противъ городовыхъ и жандармовъ очень быстро привелъ къ своему естественному послѣдствію. Аппаратъ, хоть кое-какъ, хоть слабо, но все же работавшій, былъ разбитъ вдребезги. Городовые и жандармы во множествѣ пошли на пополненіе большевистскихъ рядовъ. И постепенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ начала развиваться анархія. Ростъ ея сразу страшно увеличился послѣ большевистскаго переворота. Но самъ переворотъ сталъ возможнымъ и такимъ удобоисполнимымъ только потому, что исчезло сознаніе существованія власти, готовой рѣшительно отстаивать и охранять гражданскій порядокъ.

Было бы, конечно, въ высшей степени несправедливо возлагать всю отвѣтственность за совершившееся на кн. Львова. Но одно должно сказать, какъ бы сурово не звучалъ такой приговоръ: кн. Львовъ не только не сдѣлалъ, но даже не попытался сдѣлать что-нибудь для противодѣйствія все растущему разложенію. Онъ сидѣлъ на козлахъ, но даже не пробовалъ собрать возжи. Сколько я пережилъ мучительныхъ засѣданій, въ которыхъ съ какою-то неумолимой ясностью выступали наружу все безсиліе Временнаго Правительства, разноголосица, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда однихъ къ другимъ, и я не помню ни одного случая, когда бы раздался со стороны министра-предсѣдателя властный призывъ, когда бы онъ высказался рѣшительно и опредѣленно. При всемъ томъ, кн. Львовъ былъ осаждаемъ буквально съ утра до вечера. Безпрерывно несся потокъ срочныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи съ требованіями указаній, разъясненій, немедленнаго осуществленія безотлагательныхъ мѣръ. Къ Львову обращались по всевозможнымъ поводамъ, серьёзнымъ и пустымъ, — какъ къ главѣ правительства и какъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, — безпрерывно вызывали его по телефону, пріѣзжали къ нему въ министерство и въ Маріинскій дворецъ. Первоначально я пытался установить часъ для ежедневнаго своего доклада и полученія всѣхъ нужныхъ указаній, но очень скоро убѣдился, что эти попытки совершенно тщетны, а въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ удавалось осуществлять, онѣ оказывались и совершенно безполезными. Никогда не случалось получить отъ него твердаго, опредѣленнаго рѣшенія, — скорѣе всего онъ склоненъ бывалъ согласиться съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое ему предлагали. Я бы сказалъ, что онъ былъ воплощеніемъ пассивности. Не знаю, было ли это сознательной политикой или результатомъ ощущенія

своего безсилія, но казалось иногда, что у Львова какая-то мистическая вѣра, что все образуется какъ-то само собой. А въ иные моменты мнѣ казалось, что у него совершенно безнадежное отношеніе къ событіямъ, что онъ весь проникнутъ сознаніемъ невозможности повліять на ихъ ходъ, что имъ владѣетъ фатализмъ и что онъ только для внѣшности продолжаетъ играть ту роль, которая — помимо всякаго съ его стороны желанія и стремленія — выпала на его долю.

Въ избраніи Львова для занятія должности министра-предсѣдателя — и въ отстраненіи Родзянко — дѣятельную роль сыгралъ Милюковъ и мнѣ пришлось впослѣдствіи слышать отъ П. Н., что онъ нерѣдко ставилъ себѣ мучительный вопросъ, не было ли бы лучше, если бы Львова оставили въ покоѣ и поставили Родзянка, человѣка, во всякомъ случаѣ, способнаго дѣйствовать рѣшительно и смѣло, имѣющаго свое мнѣніе и умѣющаго на немъ настаивать.

Тяжелое впечатлѣніе производило на меня и отношеніе кн. Львова къ Керенскому. Мои помощники по канцеляріи нерѣдко имъ возмущались, усматривая въ немъ недостаточное сознаніе своего достоинства, какъ главы правительства. Часто было похоже на какое-то робкое заискиваніе. Конечно, здѣсь не было никакихъ личныхъ мотивовъ. У кн. Львова абсолютно они отсутствовали, онъ чуждъ былъ честолюбія и никогда не цѣплялся за власть. Я думаю, онъ былъ глубоко счастливъ въ тотъ день, когда освободился отъ ея бремени. Тѣмъ удивительнѣе, что онъ не умѣлъ использовать тотъ нравственный авторитетъ, съ которымъ онъ пришелъ къ власти. Тономъ власть имѣющаго говорилъ во Вр. Правительствѣ не онъ, а Керенскій...

Въ естественной послѣдовательности мнѣ приходится теперь говорить о Гучковѣ, — но это мнѣ всего труднѣе.

Прежде всего, я очень мало могъ наблюдать Гучкова въ составѣ Вр. Правительства. Значительную часть времени онъ отсутствовалъ, занятый поѣздками на фронтъ и въ Ставку. Потомъ — въ срединѣ Апрѣля — онъ хворалъ. Но главное: во все время его пребыванія въ должности военнаго и морского министра онъ былъ для внѣшняго наблюденія почти непроницаемъ. Теперь, оглядываясь назадъ на это безумное время, я склоненъ думать, что Гучковъ съ самаго начала въ глубинѣ души считалъ дѣло проиграннымъ и оставался только par acquit de conscience. Во всякомъ случаѣ, ни у кого не звучала съ такой силой, какъ у него, нота глубочайшаго разочарованія и скептицизма, поскольку вопросъ шелъ объ арміи и флотѣ. Когда онъ начиналъ говорить своимъ негромкимъ и мягкимъ голосомъ, смотря куда-то въ пространство слегка косыми глазами, меня охватывала жуть, сознаніе какой-то полной безнадежности. Все казалось обреченнымъ.

Первое засѣданіе, всецѣло посвященное вопросу о положеніи на фронтѣ, было, должно быть, 7 Марта, вечеромъ того дня, когда засѣданія Вр. Правительства были перенесены въ Маріинскій дворецъ. Я могу возстановить эту дату потому, что въ этомъ засѣданіи рѣшено было составить то воззваніе къ арміи и къ населенію, которое появилось 10-го Марта. Оно было поручено мнѣ, написано мною на другой день, 8-го, обсуждалось въ дневномъ засѣданіи 9-го и было принято почти безъ измѣненій. (Почему-то

оно не помѣщено въ изданномъ Государственной Канцеляріей сборникѣ и сохранилось только въ Вѣстникѣ Вр. Правительства и въ газетахъ.) Я помню, что въ этомъ засѣданіи сказались двѣ точки зрѣнія на значеніе происшедшихъ событій для военныхъ нашихъ операцій. Одна была та, которая оффиціально высказывалась въ рѣчахъ и сообщеніяхъ: согласно этой точкѣ зрѣнія, устанавливалась причинная связь между плохимъ веденіемъ войны царскимъ правительствомъ и революціей. Въ революціи какъ бы концентрировался взрывъ протеста противъ бездарнаго, неумѣлаго, измѣнническаго (Штюрмеръ!) поведенія этого царскаго правительства. Революція должна была все это измѣнить, она должна была создать болѣе полную, болѣе искреннюю и потому болѣе плодотворную связь между нами и великими европейскими демократіями, нашими союзниками. Съ этой точки зрѣнія революція могла разсматриваться, какъ положительный факторъ въ дѣлѣ веденія войны. Предполагалось, что командный составъ будетъ обновленъ, что найдутся даровитые и энергичные генералы, что дисциплина быстро возстановится. Долженъ съ грустью сказать, что наши партійные взгляды все время стремились поддерживать этотъ оффиціальный оптимизмъ. У нѣкоторыхъ, какъ напр. у А. И Шингарева, онъ сохранился до очень поздняго времени — до осени 1917 г. Я считаю, что неправильное пониманіе того значенія, которое война имѣла въ качествѣ фактора революціи, и нежеланіе считаться со всѣми послѣдствіями, которыя революція должна была имѣть въ отношеніи войны, — и то и другое сыграло роковую роль въ исторіи событій 1917 года. Я припоминаю, какъ въ одну изъ моихъ поѣздокъ куда-то въ автомобилѣ вмѣстѣ съ Милюковымъ, я ему высказалъ (это было еще въ бытность его министромъ иностранныхъ дѣлъ) свое убѣжденіе, что одной изъ основныхъ причинъ революціи было утомленіе войной и нежеланіе ее продолжать. Милюковъ съ этимъ рѣшительно не соглашался. По существу же онъ выразился такъ: «кто его знаетъ, можетъ быть, еще благодаря войнѣ все у насъ еще кое-какъ держится, а безъ войны скорѣе бы все разсыпалось». Конечно, отъ одного сознанія, что война разлагаетъ Россію, было бы не легче. Ни одинъ мудрецъ ни тогда, ни позже не нашелъ бы способа закончить ее безъ колоссальнаго ущерба — моральнаго и матеріальнаго — для Россіи. Но еслибы въ первыя же недѣли было ясно сознано, что для Россіи война безнадежно кончена и что всѣ попытки продолжать ее ни къ чему не приведутъ, — была бы по этому основному вопросу другая оріентація и — кто знаетъ? — катастрофу, быть можетъ, удалось бы предотвратить. Я не хочу этимъ сказать, что одинъ только фактъ революціи разложилъ армію, и менѣе, чѣмъ кто-либо, я склоненъ преуменьшать гибельное значеніе той преступной и предательской пропаганды, которая сразу же началась. Менѣе, чѣмъ кто-либо, я склоненъ оправдывать, въ отношеніи этой пропаганды, дряблость и равнодушіе Вр. Правительства. Но все же я глубоко убѣжденъ, что сколько-нибудь успѣшное веденіе войны было просто несовмѣстимо съ тѣми задачами, которыя революція поставила внутри страны, и съ тѣми условіями, въ которыхъ эти задачи приходилось осуществлять. Мнѣ кажется, что и у Гучкова было это сознаніе. Я помню, что его рѣчь въ засѣданіи 7 Марта, вся построенная на тему «не до жиру, быть бы живу», дышала такой безнадежностью, что на вопросъ, по окончаніи засѣданія, «какое у васъ мнѣніе по этому вопросу?», я ему отвѣтилъ, что по-моему,

если его оцѣнка положенія правильна, то изъ нея нѣтъ другого вывода, кромѣ необходимости сепаратнаго мира съ Германіей. Гучковъ съ этимъ, правда, не соглашался, но опровергнуть такой выводъ онъ не могъ. Въ этотъ же памятный вечеръ онъ предложилъ мнѣ, послѣ засѣданія, поѣхать съ нимъ на квартиру военнаго министра (которую онъ въ то время уже занялъ) и присутствовать при разговорѣ его по прямому проводу съ ген. Алексѣевымъ. «Посмотримъ, что онъ намъ скажетъ?» Сообщенія ген. Алексѣева были въ высшей степени мрачны. Въ томъ колоссальномъ сумбурѣ, который создался въ первые же дни революціи, онъ сразу распозналъ элементы грядущаго разложенія и огромную опасность, грозившую арміи. Гучковъ сообщилъ ему предполагаемое содержаніе воззванія и спросилъ его, полагаетъ ли онъ, что такое воззваніе будетъ полезно. Алексѣевъ отвѣтилъ утвердительно. Кстати скажу, что почти одновременно съ составленнымъ мною воззваніемъ появилось аналогичное, написанное въ военномъ министерствѣ, а также приказъ по войскамъ. Всѣ они развивали тѣ же мысли, и всѣ остались совершенно безплодными.

Гучковъ — и это характерно — первый изъ среды Вр. Правительства пришелъ къ убѣжденію, что работа Вр. Правительства безнадежна и безполезна, и что «нужно уходить». На эту тему онъ неоднократно говорилъ во второй половинѣ Апрѣля. Онъ все требовалъ, чтобы Вр. Правительство сложило свои полномочія, написавъ себѣ самому нѣкую эпитафію, съ діагнозомъ положенія и прогнозомъ будущаго. Извѣстная декларація Вр. Правительства отъ 23 Апрѣля (о которой я впослѣдствіи буду еще говорить) ведетъ свое происхожденіе отъ этихъ разговоровъ. «Мы должны дать отчетъ, что нами сдѣлано, и почему мы дальше работать не можемъ, — написать своего рода политическое завѣщаніе». Декларація 23 Апрѣля оказалась, однако, въ иныхъ тонахъ и съ иными выводами. Я думаю, что она была той послѣдней каплей, которая переполнила чашу и вызвала рѣшеніе Гучкова уйти изъ состава Вр. Правительства.

За тѣ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ Гучковъ занималъ должность военнаго министра, роль его во Вр. Правительствѣ оставалась неясною. Въ засѣданіяхъ, какъ я уже сказалъ, онъ бывалъ рѣдко. Высказывался еще рѣже. Въ возникавшихъ конфликтахъ онъ старался вносить ноту примиренія, но въ томъ памятномъ столкновеніи между Керенскимъ и Милюковымъ по вопросу о цѣляхъ войны и задачахъ внѣшней политики онъ какъ-то остался въ тѣни, не оказалъ поддержки ни той, ни другой сторонѣ. Да и вообще, онъ какъ будто умышленно уходилъ въ эту тѣнь. Его уходъ изъ состава Вр. Правительства былъ неожиданностью. Помню, что Некрасовъ назвалъ этотъ уходъ — «ударомъ въ спину». Но самъ Гучковъ рѣшительно доказывалъ, что кн. Львовъ долженъ былъ ждать отставки военнаго министра, что онъ, Гучковъ, о ней категорически предупреждалъ.

Въ составѣ Вр. Правительства чрезвычайно характерной фигурой былъ И. В. Годневъ, — государственный контролёръ. Я его совершенно не зналъ, даже въ лицо, и впервые съ нимъ встрѣтился въ засѣданіяхъ Вр. Правительства. Постоянно встрѣчая его фамилію въ думскихъ отчетахъ въ связи съ разнаго рода юридическими вопросами и спорами по толкованію закона, я составилъ себѣ представленіе о немъ, какъ о знатокѣ нашего права, какъ о человѣкѣ, хотя, быть можетъ, и не получившемъ юридическаго

спеціальнаго образованія, но пріобрѣвшемъ соотвѣтствующія познанія на практикѣ и умѣющемъ оріентироваться въ юридическихъ вопросахъ. Кромѣ того, я полагалъ, что Годневъ — одна изъ крупныхъ политическихъ фигуръ Государственной Думы. Хорошо помню мое впечатлѣніе отъ перваго знакомства съ Годневымъ. На немъ самомъ, на всей его повадкѣ и, конечно, всего болѣе на тѣхъ пріёмахъ, съ какими онъ подходилъ къ тому или другому политическому или юридическому вопросу, лежала печать самой простодушной обывательщины, глубочайшаго провинціализма, что-то въ высшей степени наивное и ограниченное. Въ его преклоненіи предъ началомъ законности было нѣчто почтенное и даже трогательное, но, такъ какъ онъ былъ совершенно неспособенъ разобраться въ постоянныхъ столкновеніяхъ новаго порядка съ неотмѣненными правилами основныхъ законовъ, то на каждомъ шагу онъ попадалъ въ тупикъ, испытывалъ мучительное недоумѣніе, искренно волновался. Какъ политическая величина, онъ держался совершенно пассивно; и также волновался во всѣхъ случаяхъ, когда въ средѣ правительства происходили какія-нибудь рѣзкія пререканія и несогласія. Человѣкъ безусловно чистый, исполненный самыхъ лучшихъ намѣреній и заслуживающій самаго нелицемѣрнаго уваженія, онъ былъ — въ средѣ Вр. Правительства — воплощеннымъ недоразумѣніемъ и, повидимому, оставался на своемъ мѣстѣ только по инерціи и потому, что на это мѣсто не было желательныхъ кандидатовъ. Какъ только выяснилась кандидатура Кокошкина (въ Іюлѣ), Годневъ, безропотно сидѣвшій съ Церетели и Скобелевымъ, также безропотно и, навѣрно, съ облегченнымъ сердцемъ передалъ Кокошкину свою должность.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ также, какъ и Годневъ, былъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями и также поражалъ своей наивностью да еще какимъ-то невѣроятно легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, — не къ своему спеціальному дѣлу, а къ общему положенію, къ тѣмъ задачамъ, которыя дѣйствительность каждый день ставила передъ Вр. Правительствомъ. Онъ выступалъ всегда съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ, и вызывалъ неизмѣнно самое веселое настроеніе не только въ средѣ правительства, но даже у чиновъ канцеляріи.

Говоря о В. Н. Львовѣ, я не могу здѣсь же не записать эпизода, случившагося гораздо позднѣе, но имѣющаго тѣсную связь съ характеристикой Львова.

Это было въ двадцатыхъ числахъ Августа (1917 года), во вторникъ на той недѣлѣ, въ концѣ которой Корниловъ подступилъ къ Петербургу. Утромъ ко мнѣ позвонилъ Львовъ и сказалъ мнѣ, что у него есть важное и срочное дѣло, по которому онъ пытался переговорить съ Милюковымъ, какъ предсѣдателемъ Центральнаго Комитета, и съ Винаверомъ, какъ товарищемъ предсѣдателя, но ни того, ни другого ему не удалось добиться (кажется, они были въ отъѣздѣ), и потому онъ обращается ко мнѣ и проситъ назначить время, когда бы онъ могъ со мной повидаться. Мы условились, что онъ будетъ у меня въ шесть часовъ вечера. Я нѣсколько запоздалъ возвращеніемъ домой и, когда пришелъ, засталъ Львова у себя въ кабинетѣ. У него былъ таинственный видъ, очень значительный. Не говоря ни слова, онъ протянулъ мнѣ бумажку, на которой было написано приблизительно слѣдующее (списать я текста не могъ, но помню очень отчетливо: «Тотъ генералъ, который былъ Вашимъ визави за столомъ,

просить Васъ предупредить министровъ к. д., чтобы они такого-то Августа (указана была дата, въ которую произошло выступленіе Корнилова, пять дней спустя; кажется, 28-го Августа; сейчасъ я не могу точно ее возстановить, но по газетамъ это не трудно сдѣлать) подали въ отставку, въ цѣляхъ созданія правительству новыхъ затрудненій и въ интересахъ собственной безопасности». Это было нѣсколько строкъ по срединѣ страницы, безъ подписи. Не понимая ничего, я спросилъ Львова, что значитъ эта энигма, и что требуется, собственно говоря, отъ меня? «Только довести объ этомъ до свѣдѣнія министровъ к. д.». «Но, сказалъ я, едва-ли такія анонимныя указанія и предупрежденія будутъ имѣть какое бы то ни было значеніе въ ихъ глазахъ». «Не разспрашивайте меня, я не имѣю права ничего добавить». «Но тогда, повторяю, я не вижу, какое практическое употребленіе я могу сдѣлать изъ Вашего сообщенія». Послѣ нѣкоторыхъ загадочныхъ фразъ и недомолвокъ, Львовъ наконецъ заявилъ, что будетъ говорить откровенно, но беретъ съ меня слово, что сказанное останется между нами, «иначе меня самого могутъ арестовать». Я отвѣтилъ, что хочу оставить за собою право передать то, что узнаю отъ Львова, Милюкову и Кокошкину, на что онъ тотчасъ же согласился. Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: «Отъ Васъ я ѣду къ Керенскому и везу ему ультиматумъ: готовится переворотъ, выработана программа для новой власти съ диктаторскими полномочіями. Керенскому будетъ предложено принять эту программу. Если онъ откажется, то съ нимъ произойдетъ окончательный разрывъ, и тогда мнѣ, какъ человѣку, близкому къ Керенскому и расположенному къ нему, останется только позаботиться о спасеніи его жизни». На дальнѣйшіе мои вопросы, имѣвшіе цѣлью, болѣе опредѣленно выяснить, въ чемъ же дѣло, Львовъ упорно отмалчивался, заявляя, что онъ и такъ уже слишкомъ много сказалъ. Насколько я помню, имя Корнилова не было произнесено, но несомнѣнно сказано, что ультиматумъ исходитъ изъ Ставки. На этомъ разговоръ закончился и Львовъ поѣхалъ къ Керенскому. Насколько можно судить изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя впослѣдствіи были опубликованы, Львовъ въ этомъ первомъ разговорѣ съ Керенскимъ совсѣмъ не выполнилъ того плана, о которомъ онъ мнѣ сообщалъ. Онъ не ставилъ никакихъ ультиматумовъ (это было сдѣлано въ концѣ недѣли, послѣ того, какъ Львовъ съѣздилъ въ Москву и снова вернулся), а просто говорилъ о какихъ-то положеніяхъ и требованіяхъ, исходящихъ отъ какихъ-то общественныхъ группъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ разговоръ самъ Керенскій, и Львовъ этого не опровергъ. Я, къ сожалѣнію, не имѣлъ потомъ случая встрѣтиться съ Львовымъ, и весь инцидентъ до настоящаго времени остался для меня недостаточно разъясненнымъ. Но одно для меня несомнѣнно. Или Львовъ по дорогѣ въ Зимній дворецъ рѣзко измѣнилъ свои намѣренія, или — Керенскій уже пять дней зналъ о томъ, что готовится. Я лично склоняюсь скорѣе ко второму предположенію. Къ сожалѣнію, въ то время, когда я пишу эти строки*, я еще не знакомъ съ книгой Керенскаго, въ которой онъ излагаетъ свои показанія по дѣлу Корнилова, разукрашивая ихъ разными позднѣйшими добавленіями. Но если дѣйствительно столь отвѣтственныя порученія были даны такому человѣку, какъ В. Н. Львовъ,

* Конецъ Іюля 1918 г.

то это только свидѣтельствуетъ о томъ, что инициаторы переворота очень плохо разбирались въ людяхъ и дѣйствовали крайне легкомысленно... Милюковъ впослѣдствіи выражалъ предположеніе, что Львовъ «жестоко напуталъ» во всей этой исторіи. Повторяю, она осталась для меня загадочной. Долженъ еще прибавить, что о разговорѣ моемъ я въ тотъ же вечеръ сообщилъ Кокошкину, а также другимъ нашимъ министрамъ (Ольденбургу и Карташову), съ которыми видѣлся почти ежедневно въ квартирѣ А. Г. Хрущева. Помню, что я просилъ ихъ обратить вниманіе на поведеніе Керенскаго въ вечернемъ засѣданіи. Впослѣдствіи они мнѣ сообщили, что Керенскій держался какъ всегда, никакой разницы.

Къ характеристикѣ В. Н. Львова еще добавлю: когда Милюковъ въ двухъ засѣданіяхъ познакомилъ Вр. Правительство съ нашими «тайными» договорами, ничего не могло быть искреннѣе, непосредственнѣе и наивнѣе негодованія Львова. Онъ характеризировалъ эти договоры, какъ разбойничьи и мошенничьи и, кажется, высказывался за немедленный отказъ отъ нихъ. Въ особенности возмущался онъ Италіей и тѣми «аннексіями» (тогда еще это слово не стало крылатымъ), которая она себѣ выговорила. Съ такой же непосредственностью онъ говорилъ объ «идіотахъ и мерзавцахъ», засѣдающихъ въ Синодѣ. Доклады его бывали проникнуты какимъ-то почти комическимъ отчаяніемъ. Несомнѣнно, В. Н. Львовъ имѣлъ не одну положительную черту: онъ не былъ политическимъ интриганомъ, онъ всею душою отдавался той задачѣ, которую себѣ поставилъ: оздоровленіе высшаго церковнаго управленія. Къ несчастію, эта задача была ему рѣшительно не по плечу. Также, какъ и Годневъ, онъ безропотно уступилъ свое мѣсто, когда оно понадобилось для другого. И несмотря на всю развитую имъ за пять мѣсяцевъ пребыванія въ должности оберъ-прокурора энергію, я не знаю, оставила ли его дѣятельность хоть какіе-нибудь слѣды въ «вѣдомствѣ православнаго исповѣданія».

Я уже выше упомянулъ о томъ, какой неожиданностью для меня было появленіе на посту министра финансовъ М. И. Терещенко. Сперва я даже не хотѣлъ вѣрить, что дѣло идетъ о томъ самомъ блестящемъ молодомъ человѣкѣ, который нѣсколько лѣтъ до того появился на петербургскомъ горизонтѣ, проникъ въ театральныя сферы, сталъ извѣстенъ, какъ страстный меломанъ и покровитель искусства, а съ начала войны, благодаря своему колоссальному богатству и связямъ, сдѣлался виднымъ дѣятелемъ въ Красномъ Крестѣ. Позднѣе, я зналъ, онъ сталъ во главѣ Кіевскаго военно-промышленнаго комитета и на какомъ-то съѣздѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, произнесъ рѣчь, которую можно характеризовать какъ рѣчь «кающагося капиталиста». Это было единственнымъ его общественнымъ выступленіемъ, о которомъ я зналъ. Я не зналъ, что онъ былъ въ довольно, повидимому, тѣсныхъ отношеніяхъ съ Гучковымъ и съ Некрасовымъ и пользовался расположеніемъ Родзянко. До сихъ поръ я точно не знаю, кто выставилъ его кандидатуру. Я слышалъ, что онъ отъ нея упорно отказывался. Въ настоящее время о немъ сохранилось воспоминаніе главнымъ образомъ, какъ о министрѣ иностранныхъ дѣлъ, пробывшемъ на этомъ посту въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ начала Мая по конецъ Октября, когда свергнуто было Вр. Правительство. Какъ министръ финансовъ, онъ — за два мѣсяца пребыванія въ этой должности, — кажется, не оставилъ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда. Занятъ онъ былъ главнымъ образомъ выпускомъ

знаменитаго займа свободы. Я помню, что когда ему приходилось докладывать Вр. Правительству, его доклады были всегда очень ясными, не растянутыми, а напротивъ, сжатыми, и прекрасно изложенными. По существу я не берусь судить о его качествахъ, какъ министра финансовъ. Онъ отлично схватывалъ внѣшнюю сторону вещей, умѣлъ оріентироваться, умѣлъ говорить съ людьми — и говорить именно то, что должно было быть пріятно его собесѣднику и соотвѣтствовать взглядамъ послѣдняго. Въ своей дѣятельности, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ задался цѣлью слѣдовать политикѣ Милюкова, но такъ, чтобы совѣтъ рабочихъ депутатовъ ему не мѣшалъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ надуть — и одно время это ему удавалось... Въ Сентябрѣ 1917 года соціалисты въ немъ разочаровались и ничего больше отъ него не ждали, а Сухановъ-Гиммеръ на страницахъ «Новой Жизни» уже значительно раньше началъ противъ него кампанію. Въ Іюлѣ и Августѣ онъ, вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Керенскимъ, составлялъ тріумвиратъ, направлявшій всю политику Вр. Правительства, — и въ этомъ качествѣ онъ несетъ отвѣтственность за слабость, двуличность, безпринципность и безплодность этой политики, вѣчно лавировавшей, вѣчно искавшей компромисса тогда, когда выходъ изъ положенія могъ заключаться только въ отказѣ отъ компромисса, въ рѣшительности и опредѣленности. Въ Октябрѣ — главнымъ образомъ со времени образованія «Совѣта россійской республики» — Терещенко демонстративно порвалъ съ соціалистами. Я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ его бурнаго объясненія съ Керенскимъ и его настояній, чтобы Вр. Правительство освободило его отъ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, при чемъ онъ указывалъ на меня, какъ на своего преемника. Но все это было слишкомъ поздно. М. И. Терещенка постигла печальная судьба. Онъ хотѣлъ завоевать общія симпатіи, общее расположеніе. Между тѣмъ онъ нигдѣ, рѣшительно ни въ какомъ общественномъ кругѣ, ни въ какой политической группѣ не пустилъ прочныхъ корней, никто имъ не дорожилъ, никто не ставилъ его высоко. Ce n'était pas un caractère. Замѣчательно при этомъ, что дипломатическіе представители союзниковъ относились къ Терещенку съ гораздо большими симпатіями, чѣмъ къ Милюкову. Его souplesse, самая его свѣтскость, отсутствіе у него твердыхъ убѣжденій, продуманнаго плана, полный его диллетантизмъ въ вопросахъ внѣшней политики, — все это дѣлало изъ него, при данныхъ обстоятельствахъ, человѣка, чрезвычайно удобнаго для разговоровъ. А за все время существованія Вр. Правительства вся наша международная политика ограничивалась разговорами.

Къ концу существованія Вр. Правительства, послѣ ухода изъ его состава Н. В. Некрасова, Терещенко воспылалъ ненавистью къ соціалистамъ. Онъ перемѣнилъ фронтъ. Я имѣю основаніе думать, что на такую перемѣну настроенія повліяла Корниловская исторія. Я не знаю, какъ держался Терещенко въ то время, когда развивалась самая исторія, но его очень потрясло самоубійство Крымова, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Травля, поднятая противъ Корнилова всѣмъ «соціалистическимъ фронтомъ», была для него очень тяжела и непріятна, возмущала его: объ этомъ онъ мнѣ самъ говорилъ. На этой почвѣ, я думаю, произошло и нѣкоторое охлажденіе между нимъ и Керенскимъ. Въ то же самое время онъ до самаго конца вѣрилъ — или хотѣлъ вѣрить — въ возможность возрожденія арміи и возстановленія фронта. На эту тему я говорилъ съ

нимъ въ Сентябрѣ или Октябрѣ 1917 года. Онъ категорически утверждалъ, что Алексѣевъ къ веснѣ 1918 года можетъ подготовить новую армію. Когда послѣдній военный министръ Вр. Правительства, ген. Верховскій, прямо заявилъ въ военной комиссіи совѣта республики, что Россія больше воевать не можетъ, Терещенко реагировалъ на это заявленіе очень рѣзко. Его столкновеніе съ Верховскимъ въ засѣданіи комиссіи было однимъ изъ самыхъ памятныхъ эпизодовъ послѣднихъ дней жизни Вр. Правительства.

Увы, приходится признать, что по существу Верховскій былъ правъ...

Резюмируя свое мнѣніе о Терещенкѣ, я сказалъ бы, что при всѣхъ его выдающихся способностяхъ и несомнѣнной bonne volonté, онъ не былъ и не могъ быть на высотѣ политической задачи, выпавшей ему на долю. Роль его была для него столь же не по плечу, какъ и для большинства прочихъ министровъ. Столь же мало, какъ они, могъ онъ «спасти Россію». А въ Мартѣ-Октябрѣ 1917 года Россію приходилось спасать въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.

Къ числу мало знакомыхъ мнѣ членовъ Вр. Правительства принадлежалъ, наконецъ, и А. И. Коноваловъ — министръ торговли и промышленности. Я въ первый разъ съ нимъ встрѣтился въ Таврическомъ дворцѣ, въ первые же дни революціи, и наблюдалъ его въ теченіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, что я состоялъ въ должности управляющаго дѣлами Вр. Правительства. Затѣмъ я его совсѣмъ потерялъ изъ виду и встрѣтился съ нимъ вторично уже при Вр. Правительствѣ послѣдней формаціи, въ которомъ онъ былъ замѣстителемъ предсѣдателя.

Вотъ человѣкъ, о которомъ я, съ точки зрѣнія личной оцѣнки, не могъ бы сказать ни одного слова въ сколько-нибудь отрицательномъ смыслѣ. И на посту министра торговли, и позднѣе, когда — къ своему несчастію — онъ счелъ долгомъ патріотизма согласиться на настоянія Керенскаго и вступилъ вновь въ кабинетъ, — притомъ, въ очень отвѣтственной и очень тягостной роли замѣстителя Керенскаго, — онъ неизмѣнно былъ мученикомъ, онъ глубоко страдалъ. Я думаю, онъ ни минуты не вѣрилъ въ возможность благополучнаго выхода изъ положенія. Какъ министръ промышленности, онъ ближе и яснѣе видѣлъ катастрофическій ходъ нашей хозяйственной разрухи. Впослѣдствіи, какъ замѣститель предсѣдателя, онъ столкнулся со всѣми отрицательными сторонами характера Керенскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коноваловъ въ Октябрѣ 1917 г. уже совершенно отчетливо сознавалъ, что война для Россіи — кончена. Когда — въ это именно время (даже раньше, въ Сентябрѣ, но уже послѣ образованія послѣдняго кабинета) въ квартирѣ кн. Григорія Николаевича Трубецкого (на Сергіевской, въ домѣ Вейнера, — тамъ, гдѣ мы жили въ 1906—07 году, зимой) собралось совѣщаніе, въ которомъ участвовали Нератовъ, бар. Нольде, Родзянко, Савичъ, Маклаковъ, М. Стаховичъ, Струве, Третьяковъ, Коноваловъ и я (кажется, я перечислилъ всѣхъ; Милюкова не было, онъ въ это время былъ въ Крыму, куда уѣхалъ послѣ Корниловской исторіи), для обсужденія вопроса о томъ, возможно ли и слѣдуетъ ли оріентировать дальнѣйшую политику Россіи въ сторону всеобщаго мира, Коноваловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поддержалъ точку зрѣнія бар. Нольде, который въ подробномъ, очень глубокомъ и тонкомъ

докладѣ доказывалъ необходимость именно такой оріентаціи. Къ несчастію, это было все равно уже слишкомъ поздно...

Но это все касается второго періода дѣятельности Коновалова. Въ первомъ составѣ Вр. Правительства я не помню, чтобы онъ игралъ замѣтную роль. Чаще всего, мнѣ кажется, онъ жаловался; жаловался на то, что Вр. Правительство не въ достаточной степени занято разрухой промышленности, растущей не по днямъ, а по часамъ, — разрухой, въ виду безмѣрно растущихъ требованій рабочихъ. Краснорѣчивымъ онъ никогда не былъ, онъ говорилъ чрезвычайно просто и искренно, такъ-сказать, безхитростно, но мнѣ кажется, что раньше всего въ его обращеніяхъ къ Вр. Правительству зазвучали паническія ноты. И въ частныхъ разговорахъ онъ нерѣдко обращался къ этимъ темамъ, словно искалъ одобренія и нравственной помощи. Для меня представляется неразрѣшимой загадкой, какъ могъ А. И. Коноваловъ пойти вторично во Вр. Правительство, съ его предсѣдателемъ Керенскимъ. Повидимому, онъ счелъ долгомъ патріотизма не отказываться и думалъ, что до Учредительнаго Собранія удастся дотянуть. Этотъ миражъ — Учредит. Собраніе — во многихъ умахъ тогда возбуждалъ совершенно непостижимыя надежды. Но о значеніи идеи Учредит. Собранія въ дѣятельности Вр. Правительства я буду говорить особо...

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ А. И. Коноваловымъ при трагическихъ обстоятельствахъ, въ день сверженія Временнаго Правительства, 26 Октября. Объ этомъ днѣ мнѣ также придется говорить въ своемъ мѣстѣ.

До сихъ поръ я касался характеристики и роли во Вр. Правительствѣ тѣхъ лицъ, которыя не являлись моими партійными единомышленниками. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я въ этой обстановкѣ познакомился впервые. Теперь мнѣ остается сказать о четырехъ министрахъ ка-детахъ: Милюковѣ, Шингаревѣ, Некрасовѣ, Мануиловѣ, которыхъ я зналъ давно, хотя личная близость у меня была только съ Милюковымъ.

Меньше всего я зналъ Мануилова. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Мануиловъ — москвичъ, въ засѣданіяхъ Центр. Ком. онъ никогда не принималъ особенно дѣятельнаго участія, а внѣ этихъ засѣданій я почти съ нимъ не встрѣчался. Долженъ сказать, что и за два мѣсяца моего участія въ дѣлахъ Вр. Правительства, Мануиловъ все время оставался въ тѣни. Онъ очень рѣдко, почти никогда не принималъ участія въ страстныхъ политическихъ преніяхъ, происходившихъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Я припоминаю, что по отношенію къ основной контроверзѣ, возникшей въ первый же мѣсяцъ, — по вопросу внѣшней политики, отношенія къ цѣлямъ войны, — Мануиловъ очень вяло поддерживалъ Милюкова, — я бы сказалъ даже, что фактической поддержки вовсе и не было. Съ другой стороны, Мануиловъ какъ-то скорѣе другихъ проникся безнадежностью въ отношеніи дѣятельности Вр. Правительства вообще и чаще и раньше другихъ говорилъ о необходимости ухода Вр. Правительства, въ виду невозможныхъ условій работы, создаваемыхъ контролемъ и постоянной помѣхой со стороны совѣта рабочихъ депутатовъ. Спеціальная его дѣятельность въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія не отличалась той авторитетностью, которой можно было отъ него ожидать. Очень возможно, что это была не его вина, — не вина его личныхъ качествъ. При другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ, эти качества сдѣлали бы изъ него образцоваго

министра просвѣщенія, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія ни въ его широкихъ взглядахъ, ни въ его большихъ знаніяхъ, ни въ общихъ положительныхъ сторонахъ его, какъ политика и администратора. Но, по существу, онъ не былъ боевой натурой, борцомъ. Онъ и раньше главнымъ методомъ борьбы избиралъ — подачу въ отставку. Это, можетъ быть, было правильно при Кассо, но здѣсь, въ данный моментъ, требовалось что-то другое. Мануиловъ, быть можетъ, оказался бы вполнѣ подходящимъ на посту министра земледѣлія; — хотя мнѣ представляется, что онъ вообще не походилъ, по своему темпераменту, по настроенію, къ данному революціонному моменту. Онъ не импонировалъ никому. И вмѣстѣ съ тѣмъ, его уравновѣшенной натурѣ духовнаго европейца глубоко претила та атмосфера безудержнаго демагогическаго радикализма, въ которой орудовали всякіе Чарнолусскіе. Помню его отчаяніе во время учительскаго съѣзда. Именно въ области народнаго просвѣщенія зловѣщія стороны нашего радикализма-якобинства выразились особенно рельефно и, если въ концѣ-концовъ эта область получила въ качествѣ руководителя г. Луначарскаго, то здѣсь скорѣе всего можно сказать: tu l'as voulu, Georges Dandin. Среди другихъ министровъ, Мануиловъ имѣлъ исключительно «дурную прессу». На него нападали и справа, и слѣва: справа — за бездѣятельность и апатію передъ растущей революціонной волной, за реформу орѳографіи (въ которой онъ, какъ извѣстно, былъ не причемъ: это безобразіе лежитъ на совѣсти академіи наукъ). Слѣва его обвиняли въ бюрократизмѣ, въ сохраненіи канцелярской рутины, въ призывѣ дѣятелей стараго режима. Особенное раздраженіе вызвало назначеніе Герасимова. Мануиловъ не умѣлъ отбиваться и огрызаться. Онъ приходилъ въ уныніе и отчаяніе. Въ сущности говоря, онъ, быть можетъ, былъ вполнѣ правъ, признавая положеніе безнадежнымъ. Но и въ этомъ случаѣ ему слѣдовало дѣйствовать иначе: рѣшительнѣе, — я бы сказалъ — демонстративнѣе. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ остался какой-то тусклой фигурой и, если всѣ привѣтствовали его назначеніе, то уходъ его и замѣна С. Ф. Ольденбургомъ не только не вызвали ни съ чьей стороны сожалѣнія, но даже въ симпатизирующихъ ему кругахъ оцѣнивались скорѣе положительно, чѣмъ отрицательно.

Труднѣе всего мнѣ говорить о Некрасовѣ. Я уже упоминалъ, въ началѣ моихъ записокъ, что, вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія въ Центр. Комитетѣ, я былъ очень плохо освѣдомленъ насчетъ создавшихся тамъ (и въ Госуд. Думѣ) личныхъ взаимоотношеній. Только значительно позднѣе моего вступленія въ должность управляющаго дѣлами Вр. Правительства я имѣлъ бесѣду съ А. И. Шингаревымъ, который раскрылъ мнѣ глаза. Онъ разсказалъ мнѣ про ту «подземную войну», которую издавна велъ Некрасовъ противъ Милюкова. Я тогда только понялъ многое въ поведеніи Некрасова, котораго я до того, по старой памяти, считалъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Милюкову друзей. Но все-таки для меня оставалось неяснымъ, къ чему стремится Некрасовъ. Однако, съ каждымъ днемъ все яснѣе обозначался уклонъ Некрасова въ сторону соціалистовъ, приближеніе его къ Керенскому, на котораго онъ пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе и съ которымъ все чаще и чаще пѣлъ въ унисонъ. — Я все-таки недостаточно близко знаю Некрасова, чтобы съ увѣренностью судить о немъ, но я боюсь, что втеченіе своего пребыванія у власти онъ

прежде всего, больше всего руководимъ былъ побужденіями честолюбія. Онъ стремился играть первую роль, — и онъ достигъ цѣли, но лишь для того, чтобы вдохновить постыдное поведеніе Керенскаго въ дѣлѣ Корнилова и затѣмъ сойти со сцены съ поврежденной политической репутаціей, оставленный всѣми прежними друзьями (даже такимъ преданнымъ и близкимъ, какъ И. П. Демидовъ), съ кличкой «злого генія русской революціи». А между тѣмъ Некрасовъ, по моему глубокому убѣжденію, одинъ изъ немногихъ крупныхъ людей, выдвинувшихся на политической аренѣ за послѣдніе годы. У него огромныя дѣловыя способности, умѣніе оріентироваться, широкій кругозоръ, практическая смѣтка. Человѣкъ умный, хитрый, краснорѣчивый, онъ умѣетъ казаться искреннимъ и простодушнымъ, когда это нужно. Но, очевидно, этическія его свойства (говорю, разумѣется, не о личныхъ, а объ общественно-политическихъ) не находятся на высотѣ его интеллектуальныхъ качествъ. Я охотно вѣрю, что въ концѣ концовъ онъ стремился къ побѣдѣ тѣхъ идей, которыя объединяли его съ товарищами по партіи. Но для этого онъ избралъ путь необычайно извилистый и въ концѣ концовъ зашелъ въ тупикъ. Мнѣ представляется, что въ данный моментъ (1918 годъ) онъ долженъ быть однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей и что его политическая карьера завершилась окончательно. Довѣрія онъ ни въ комъ больше не вызоветъ, а довѣріе есть, какъ ни какъ, абсолютно необходимое условіе для политическаго дѣятеля. Разъ проявленная двуличность — никогда не забывается. Некрасовъ оставилъ именно впечатлѣніе двуличности, — маски, скрывающей подлинное лицо. И это особенно чувствуется потому, что всѣ его внѣшніе пріемы подкупаютъ своимъ видимымъ добродушіемъ. «Faux bonhomme» — какъ выражаются мѣтко французы — пожалуй, самая непріятная разновидность человѣка вообще, политическаго дѣятеля въ частности.

Въ концѣ концовъ, если имѣть въ виду, что ка-детскій элементъ въ составѣ Вр. Правительства олицетворялся прежде всего Милюковымъ, приходится сказать, что только одинъ Шингаревъ былъ безусловно, всей душой и до конца, поддержкой и помощью лидера партіи.

Когда я пишу эти строки, прошло уже болѣе полугода со дня трагической смерти Шингарева, — и все же какъ-то трудно, даже въ этихъ запискахъ съ полной свободой говорить о покойномъ. Слишкомъ крупной цѣной заплатилъ онъ за подвигъ своей жизни. Но все же я постараюсь и здѣсь писать всю правду, какъ она мнѣ представляется. А правда эта заключается въ томъ, что Шингаревъ всю свою жизнь оставался по существу тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ бы остаться при болѣе нормальныхъ условіяхъ: русскимъ провинціальнымъ интеллигентомъ, представителемъ третьяго элемента, очень способнымъ, очень трудолюбивымъ, съ горячимъ сердцемъ и высокимъ строемъ души, съ кристально-чистыми побужденіями, чрезвычайно обаятельнымъ и симпатичнымъ, какъ человѣкъ, но въ концѣ концовъ, «разсчитаннымъ» не на государственный, а на губернскій или уѣздный масштабъ. Совершенно случайно онъ сдѣлался финансистомъ. Благодаря своему таланту и трудолюбію, онъ въ этой области настолько освоился, что могъ удачно выступать на думской трибунѣ въ оппозиціонномъ направленіи и одерживать побѣды. Но настоящимъ знатокамъ — теоретикамъ и практикамъ — онъ совершенно не могъ импонировать. Слишкомъ очевиденъ былъ его дилеттантизмъ, слабая подготовка, ограниченный

кругозоръ. Благодаря личнымъ своимъ качествамъ, своей удивительной привлекательности, онъ въ Думѣ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ, самыхъ любимыхъ депутатовъ. Пресса съ нимъ носилась. Правительство очень съ нимъ считалось. Масса народу по тѣмъ или другимъ причинамъ къ нему обращалась ежедневно. Въ партіи его популярность была огромна. Если она уступала популярности Милюкова, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что Милюковъ ставился выше, какъ умственная величина, какъ духовный вождь и руководитель, какъ государственный человѣкъ, — но Шингарева больше любили, особенно въ провинціи, гдѣ его выступленія — доклады, лекции — всегда пользовались исключительнымъ успѣхомъ. Средніе круги чувствовали больше свою духовную связь съ Шингаревымъ, чѣмъ съ Милюковымъ. Онъ былъ имъ ближе, казался болѣе своимъ. Какъ ораторъ, Шингаревъ уступалъ, разумѣется, и Маклакову, и Родичеву (когда Ф. И. въ ударѣ). Сила въ немъ чувствовалась очень рѣдко. Образности, яркости въ его рѣчахъ не найти. Приковывать вниманіе, ударять по сердцамъ, потрясать — онъ совершенно не могъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ рѣчахъ — всегда къ тому же, очень многословныхъ — не чувствовался тотъ огромный запасъ идей и знаній, который такъ явственно ощущался у Милюкова. Онъ не очаровывалъ, какъ Маклаковъ, не волновалъ и не натягивалъ нервовъ, какъ Родичевъ. Но онъ говорилъ легко и свободно, ходъ его мыслей всегда былъ очень ясенъ и доступенъ, нерѣдко его полемика бывала находчивой и остроумной, манера и голосъ очень подкупали. Если его можно было безъ всякаго сожалѣнія перестать слушать, то почти никогда не приходилось чувствовать, что его и не стоило слушать. Достоевскій говоритъ въ «Бѣсахъ», что ни одного оратора нельзя слушать больше 20 минутъ. Для нашей провинціальной публики это совершенно не вѣрно. Она любитъ многословіе и принимаетъ испытываемую ею скуку за доказательство серьёзности и цѣнности рѣчи или лекцій. Недаромъ пользовались всегда въ провинціи огромнымъ успѣхомъ такія сѣрыя бездарности, какъ Гредескулъ.

Къ концу четвертой Думы авторитетъ Шингарева стоялъ очень высоко. И для всякаго объективнаго наблюдателя былъ ясенъ ростъ его самомнѣнія и самоувѣренности, въ особенности послѣ заграничной поѣздки членовъ Думы весною 1916 года. Чувствовалось, что у Шингарева слегка кружилась голова отъ той высоты, на которую его, скромнаго земскаго врача, вознесла не случайная удача, не чужая рука, а его собственная работа. Безъ Госуд. Думы Шингаревъ прожилъ бы честную и чистую жизнь интелигентнаго мѣстнаго дѣятеля, самоотверженнаго труженика. Госуд. Дума выдвинула его въ первые ряды и подготовила всѣхъ къ тому, что Шингаревъ явился однимъ изъ безспорнѣйшихъ кандидатовъ на министерскій портфель, какъ только старая бюрократія пала. И здѣсь онъ сразу утонулъ въ морѣ непомѣрной, недоступной силамъ одного человѣка работы. Онъ мало кому довѣрялъ, мало на кого полагался. Онъ хотѣлъ самъ во все входить, а это было физически невозможно. Онъ работалъ, вѣроятно 15—18 часовъ въ день, сразу переутомился, и какъ-то очень скоро потерялъ бодрость и жизнерадостность. Въ засѣданіяхъ Вр. Правительства онъ выступалъ очень много, но здѣсь-то именно и оказались недостаточными его силы. Онъ и въ этихъ засѣданіяхъ чувствовалъ себя на трибунѣ Государственной Думы, говорилъ длительно, страшно многорѣчиво,

утомлялся самъ и утомлялъ другихъ до крайности. При этомъ нельзя было обидѣть его ничѣмъ больше, какъ словами: «Андрей Иванычъ, нельзя ли покороче». Онъ въ этихъ случаяхъ отвѣчалъ: «Я могу и совсѣмъ не говорить», тѣмъ самымъ заставляя упрашивать себя... Къ Керенскому, ко всему соціалистическому болоту онъ относился отрицательно и враждебно, но не только не могъ энергически съ ними бороться, а наоборотъ, такими мѣропріятіями, какъ созданіе земельныхъ комитетовъ и передача имъ необрабатываемыхъ помѣщичьихъ земель, а также (уже на посту министра финансовъ) ничѣмъ неоправдываемымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ повышеніемъ ставокъ подоходнаго налога, онъ игралъ въ руку соціалистамъ, наживая себѣ непримиримыхъ враговъ въ средѣ земельныхъ собственниковъ и имущихъ классовъ вообще. Своему закону о введеніи хлѣбной монополіи онъ самъ плохо вѣрилъ. Кстати сказать, установленныя въ этомъ законѣ цѣны вплоть до послѣдней минуты безпрестанно мѣнялись. Кажется, въ концѣ концовъ пришлось на многія изъ нихъ махнуть рукой. По вопросамъ общеполитическимъ и внѣшней политики Шингаревъ былъ неизмѣнно на сторонѣ Милюкова, но я не припоминаю какихъ-либо сильныхъ или яркихъ его выступленій. Послѣ своего окончательнаго ухода изъ состава Вр. Правительства, Шингаревъ сталъ чрезвычайно раздражительнымъ, желчнымъ, — я бы сказалъ — озлобленнымъ. Въ Центр. Комитетѣ было трудно съ нимъ спорить, такъ какъ всякое возраженіе воспринималось имъ очень болѣзненно, словно нѣчто, лично противъ него направленное. Онъ говорилъ порою чрезвычайно рѣзко. Личныя несчастія (смерть жены), постигшія его въ этотъ періодъ времени, надо думать, сильно потрясли его и безъ того измученные нервы. Онъ сталъ тяжелымъ, и лишь по отношенію къ немногимъ (ко мнѣ въ томъ числѣ) онъ сохранилъ вполнѣ и прежнюю манеру, и прежнее обращеніе. Н. И. Лазаревскій разсказывалъ мнѣ, что съ Шингаревымъ было очень трудно работать. Онъ — по словамъ Н. И. — былъ необыкновенно подозрителенъ и недовѣрчивъ по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто его окружалъ, за исключеніемъ небольшого кружка близкихъ ему лицъ, лично имъ избранныхъ. Гибель его въ Январѣ 1918 г. одинъ изъ самыхъ трагическихъ и въ тоже время безсмысленныхъ эпизодовъ кровавой исторіи большевизма.

Какъ мнѣ уже, кажется, пришлось выше сказать, несомнѣнно, что во Вр. Правительствѣ перваго состава самой крупной величиной — умственной и политической — былъ Милюковъ. Его я считаю, вообще, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей и хотѣлъ бы попытаться дать ему болѣе подробную характеристику.

Мнѣ много и часто приходилось слушать Милюкова: въ Центральномъ Комитетѣ, на партійныхъ съѣздахъ и собраніяхъ, на митингахъ и публичныхъ лекціяхъ, въ государственныхъ учрежденіяхъ. Его свойства, какъ оратора, тѣсно связаны съ основными чертами его духовной личности. Удачнѣе всего онъ бываетъ тогда, когда приходится вести полемическій анализъ того или другого положенія. Онъ хорошо владѣетъ ироніей и сарказмомъ. Своими великолѣпными схемами, подкупающими логичностью и ясностью, онъ можетъ раздавить противника. На митингахъ, ораторамъ враждебныхъ партій никогда не удавалось смутить его, заставить растеряться. О внѣшней формѣ своей рѣчи онъ мало заботится. Въ ней нѣтъ образности, пластической красоты. Но въ ней никогда нѣтъ того, что французы называютъ

du remplissage. Если онъ и въ рѣчахъ, и въ писаніяхъ бываетъ многословенъ, то это только потому, что ему необходимо съ исчерпывающей полнотой высказать свою мысль. И тутъ также сказывается его полное пренебреженіе къ внѣшней обстановкѣ, соединенное съ рѣдкой неутомимостью. Въ поздніе ночные часы, послѣ цѣлаго дня жаркихъ преній, когда доходитъ до него очередь, онъ неторопливо и методически начинаетъ свою рѣчь, и тотчасъ же для него исчезаютъ всѣ побочныя соображенія: ему нѣтъ дѣла до утомленія слушателей, онъ не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, что они, быть можетъ, просто не въ состояніи слѣдить за теченіемъ его мыслей. И въ газетныхъ своихъ статьяхъ ему также нѣтъ дѣла до соображеній чисто журналистическихъ. Если ему нужно 200 строкъ, онъ напишетъ 200 строкъ, но если въ нихъ не умѣстится его мысль и его аргументація, ему совершенно будетъ безразлично, что передовая статья растянется на три газетныхъ столбца.

И Милюковъ, какъ и многіе другіе, живетъ и жилъ въ крайне неблагопріятный для его личныхъ дарованій историческій моментъ. Волею судебъ Милюковъ оказался у власти въ такое время, когда прежде всего необходима была сильная, не колеблющаяся и не отступающая передъ самыми рѣшительными дѣйствіями власть, — когда требовалась высшая степень единства и солидарности членовъ правительства, полное ихъ довѣріе другъ къ другу. Онъ очутился во главѣ вѣдомства, дѣлающаго иностранную политику, причемъ во взглядахъ на предпосылки этой политики существовало глубокое разногласіе между Милюковымъ и тѣмъ теченіемъ, которое олицетворялось въ Керенскомъ. Керенскій въ моемъ присутствіи причислялъ себя, если не прямо къ циммервальдцамъ, то во всякомъ случаѣ къ элементамъ, духовно очень близкимъ Циммервальду. Милюковъ и въ прессѣ, и съ трибуны Госуд. Думы, съ самаго начала велъ упорную борьбу съ Циммервальдомъ. Онъ былъ абсолютно чуждъ и враждебенъ идеѣ мира безъ аннексій и контрибуцій. Онъ считалъ, что было бы и нелѣпо и просто преступно съ нашей стороны, отказаться отъ «самаго крупнаго приза войны» (такъ Грей называлъ Константинополь и проливы) во имя гуманитарно-космополитическихъ идей интернаціональнаго соціализма. А главное — онъ вѣрилъ, что этотъ призъ дѣйствительно не вышелъ изъ нашихъ рукъ. Это находится въ связи съ общими его взглядами на значеніе революціи для войны. Здѣсь — самый ключъ къ пережитой Россіей трагедіи.

Хорошо извѣстно, какъ относился Милюковъ къ угрозѣ надвигающейся войны въ Іюнѣ и Іюлѣ 1914 года. Онъ писалъ о ней, какъ о грозной и страшной опасности, чреватой огромными бѣдствіями. Конечно, ни онъ, ни кто другой изъ политическихъ дѣятелей не отдавалъ и не могъ себѣ отдавать отчета въ томъ, во что Европу превратитъ война — и что она сдѣлаетъ съ Россіей. И прежде всего, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не повѣрилъ бы, еслибы ему сказали въ 1914 году, что тогдашніе тринадцатилѣтніе дѣти окажутся участниками войны, — что черезъ четыре года она будетъ въ полномъ разгарѣ и что къ этому времени будетъ мало надежды на сколько-нибудь близкій ея конецъ. Но все же Милюковъ хорошо сознавалъ, во-первыхъ, какой страшный рискъ сопряженъ для Россіи съ объявленіемъ европейской войны, и во-вторыхъ — какъ трудно ожидать, чтобы «историческая власть», оказавшаяся столь безнадежно

и безгранично бездарной и несостоятельной въ дѣлѣ мирнаго управленія Россіей, могла вырости до высоты той задачи, которая ей выпадала. Поэтому, въ рядѣ статей въ «Рѣчи», онъ со всею силою убѣжденія призывалъ къ хладнокровію и самообладанію, къ умѣренности. Хорошо также извѣстно, съ какой злобой тогда на него обрушилась наша воинствующая націоналистическая пресса, съ «Новымъ Временемъ» во главѣ. Рѣчь шла о «заступничествѣ за Сербію» и, такъ какъ Милюковъ считался болгарофиломъ, а слѣдовательно — сербофобомъ, то въ его выступленіяхъ усмотрѣли — или имъ приписали — враждебное отношеніе къ «маленькой Сербіи» и равнодушіе къ международному престижу Россіи. Поднялась бѣшеная травля, имѣвшая результатомъ закрытіе «Рѣчи» (правда, кратковременное) въ день объявленія войны. Война началась, — и сразу же Милюковъ занялъ по отношенію къ ней совершенно опредѣленное положеніе. И въ Госуд. Думѣ, и въ партіи, и на страницахъ «Рѣчи» онъ повелъ энергичнѣйшую кампанію въ направленіи поднятія военнаго энтузіазма. Лозунгъ «война до побѣднаго конца» относится къ позднѣйшему времени, но корни его доходятъ до самыхъ первыхъ дней войны. Когда выяснилось, что Англія присоединяется къ Франціи и Россіи, убѣжденіе въ возможности быстраго окончанія войны и разгрома Германіи стало положительно господствующимъ. Я живо помню, какъ въ Августѣ или Сентябрѣ гр. П. Н. Игнатьевъ (давній мой другъ, съ которымъ я въ студенческіе годы былъ очень близокъ), встрѣченный мною за обѣдомъ въ ресторанѣ, совершенно серьёзно и, повидимому, самъ вполнѣ вѣря въ осуществимость этого плана, разсказывалъ мнѣ, что Ренненкамфъ идетъ прямо на Берлинъ, обходя крѣпости и оставляя заслоны, и что онъ ручается головой, что черезъ два мѣсяца будетъ въ Берлинѣ. Я также помню, какъ я впервые изъ Старой Руссы, гдѣ формировалась моя дружина, писалъ А. И. Каминкѣ о томъ, что я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ огромности начатаго предпріятія и въ невозможности сколько-нибудь скораго его осуществленія. Но первые наши успѣхи въ Восточной Пруссіи, а потомъ и въ Галиціи, очень укрѣпили наши надежды, — и только страшныя неожиданности второй половины зимы 1914—1915 года обнаружили, какъ легковѣсны онѣ были. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко измѣнилась тактика Госуд. Думы въ отношеніи правительства. Mot d'ordre'омъ осени 1914 года была поддержка кабинета, нѣчто въ родѣ французскаго «Union Sacré». Но къ веснѣ 1915 года обнаружилось, что поддерживать Сухомлинова, Маклакова и Щегловитова значить вести Россію сознательно къ пораженію и къ катастрофѣ. И началась борьба. Ходъ и перипетіи этой борьбы извѣстны. Извѣстна и роль, которую игралъ въ ней Милюковъ, и вотъ тутъ съ самаго начала и сказалось то трагическое недоразумѣніе, которое отразилось на всемъ теченіи русской революціи и привело къ гибели Россіи.

Во имя чего велась борьба? Очевидно, прежде всего и, такъ сказать, ex professo — во имя созданія въ Россіи такого правительства, которое было бы способно исправить уже сдѣланныя ошибки и заблужденія, и успѣшно организовать снабженіе и пополненіе арміи. Другими словами, борьба имѣла цѣлью поставить такую власть, которая бы лучше, умѣлѣе воевала. Между тѣмъ, всѣ правительственныя перемѣщенія пріобрѣтали все болѣе и болѣе характеръ какой-то безумной министерской чехарды. Люди приличные и дѣльные, въ родѣ кн. Щербатова или Поливанова, недолго

пробыли на своихъ постахъ. На ихъ мѣста назначались либо такія несостоятельныя бездарности, какъ ген. Шуваевъ, либо прямо зловѣщія фигуры, вродѣ Алексѣя Хвостова, а впослѣдствіи Штюрмера. Чувствовалось дыханіе безумія и смерти. За кулисами орудовали Распутинъ, кн. Андронниковъ и другіе проходимцы. Царь, съ самаго начала войны и до катастрофы, постигшей его въ первые дни Марта 1917 года, абсолютно не отдавалъ себѣ отчета въ роковомъ значеніи развертывающихся событій. Тѣ, кто пережилъ въ Петербургѣ зимы 1915—1916 и 1916—1917 гг., хорошо помнятъ, какъ съ каждымъ днемъ наростало сознаніе какой-то неизбѣжной катастрофы. Мнѣ передавали, что еще въ 1914 г., въ засѣданіи Центральнаго Комитета партіи к. д., немедленно послѣ начала войны (я въ это время уже былъ въ Старой Руссѣ), Родичевъ воскликнулъ: «Да неужели вы думаете, что съ этими дураками можно побѣдить?» Постепенно выяснялось, что безуміе нашей внутренней политики, тотъ духъ безотвѣтственнаго авантюризма, полнаго пренебреженія къ интересамъ родины, которымъ вѣяло вокругъ трона, вполнѣ отчужденнаго отъ всей страны, занятаго слабымъ, ничтожнымъ, двуличнымъ человѣкомъ, — все это должно было повести либо къ необходимости заключить сепаратный миръ, либо къ перевороту. И передовое русское общественное мнѣніе, давно извѣрившееся въ Николаѣ II, постепенно пришло къ сознанію, что, какъ краснорѣчиво выразился Кокошкинъ въ своей рѣчи о республикѣ и монархіи, нельзя одновременно быть съ царемъ и быть съ Россіей, — что быть съ царемъ значитъ быть противъ Россіи.

1 Ноября 1916 года Милюковъ произнесъ свою знаменитую рѣчь на тему: «Глупость или измѣна?» Направленная непосредственно противъ Штюрмера, рѣчь эта мѣтила, однако, гораздо выше. Имя императрицы Александры Ѳеодоровны въ ней прямо упоминалось. Всѣ помнятъ, какое она произвела огромное впечатлѣніе, но не всѣ, вѣроятно, отдавали себѣ отчетъ въ ея будущихъ послѣдствіяхъ. Только гораздо позже, уже послѣ переворота, стало ходячимъ, особенно въ устахъ друзей Милюкова, утвержденіе, что съ рѣчи 1 Ноября слѣдуетъ датировать начало русской революціи. Самъ Милюковъ, я думаю, смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ боролся за министерство общественнаго довѣрія, за изолированіе и обезсиленіе царя (разъ выяснилось, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ царь не можетъ стать положительнымъ факторомъ въ управленіи страною и въ дѣлѣ веденія войны), за возможность активнаго и отвѣтственнаго участія творческихъ силъ въ государственной работѣ. Думаю, что въ теченіе зимы 1916—1917 гг. для него выяснилась необходимость болѣе рѣшительнаго переворота собственно въ отношеніи Николая II. Но я полагаю, что онъ, какъ и многіе другіе, представлялъ себѣ скорѣе нѣчто въ родѣ нашихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка и не отдавалъ себѣ отчета въ глубинѣ будущихъ потрясеній. Съ другой стороны основная позиція Милюкова по отношенію къ войнѣ становилась все болѣе и болѣе рѣшительной, все тѣснѣе связывалась съ позиціей союзниковъ, въ частности Англіи, и дѣлалась все непримиримѣе въ отношеніи Германіи. Я хорошо помню, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня и на нѣкоторыхъ близкихъ людей, собравшихся за обѣдомъ у І. В. Гессена въ тотъ день, когда телеграфъ принесъ извѣстіе о первыхъ германскихъ мирныхъ предложеніяхъ. Для насъ это было фактомъ потрясающаго значенія, прежде всего

потому, что въ немъ блеснулъ лучъ слабой и очень отдаленной, но все же — надежды на возможность мира. Съ такой стороны мы прежде всего и оцѣнивали этотъ фактъ. Милюковъ сразу и рѣшительно облилъ насъ ледяной водой. Спокойно и даже весело онъ заявилъ, что германскія предложенія имѣютъ значеніе только постолько, поскольку они свидѣтельствуютъ о тяжеломъ положеніи Германіи, — что въ этомъ только смыслѣ ихъ слѣдуетъ понимать и привѣтствовать, но что единственное возможное реагированіе на нихъ — это категорическое и возможно болѣе рѣзкое ихъ отклоненіе. Очевидно, только глубочайшая вѣра въ «побѣдный конецъ» и въ возможность для Россіи вести войну до такого конца, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться его плодами, диктовали Милюкову такое отношеніе. Самъ Милюковъ недавно въ одномъ письмѣ назвалъ то настроеніе, которое владѣетъ руководящими кругами въ Европѣ, «военнымъ азартомъ». Я думаю, что этотъ азартъ лежитъ въ основѣ всей международной политики съ начала войны. Вступленіе въ нее Италіи, потомъ Румыніи, а, позднѣе всѣхъ, — Америки диктовалось не какими-либо правильно понятыми и законными національными интересами, а тѣмъ менѣе какими-либо соображеніями или побужденіями политической этики, а всецѣло азартомъ, развивающимся въ душѣ того, кто присутствуетъ при огромной игрѣ съ колоссальными ставками и знаетъ, что отъ него зависитъ принять участіе въ этой игрѣ, тѣмъ самымъ обезпечивая себѣ участіе въ будущемъ дѣлежѣ добычи. Извѣстные договоры съ Италіей и Румыніей иного значенія, какъ договоровъ о дѣлежѣ добычи, не имѣютъ. Конечно, къ этой добычѣ стремились во имя національныхъ, а не какихъ-либо личныхъ интересовъ. Конечно и Милюковъ, ухватившійся и до самаго конца цѣпко державшійся за обѣщаніе Константинополя и проливовъ, думалъ только о благѣ Россіи. Но въ концѣ концовъ всѣ завоевательныя стремленія точно также могутъ быть всегда оправдываемы ссылкой на заботу о благѣ страны. Подлинное отношеніе Милюкова къ войнѣ гораздо ближе всегда было къ Romain Rolland, чѣмъ къ Barrès и Action française. Тотъ кругъ идей и настроеній, который владѣлъ Милюковымъ въ годы 1914—1917, былъ лишь поверхностной накипью, онъ даже ощущался Милюковымъ, какъ нѣчто ему чуждое, и выходъ изъ этого круга идей и настроеній долженъ былъ ощущаться имъ какъ «духовное» освобожденіе. Какъ я себѣ представляю, это освобожденіе состоитъ въ возвращеніи къ объективнымъ критеріямъ, соотвѣтствующимъ не той или другой ближайшей цѣли практической политики, а основнымъ идеямъ справедливости, гуманности, отрицанія крови и насилія.

Какъ бы то ни было, изъ того, что сказано въ предшествующихъ строкахъ, уже вытекаетъ съ полной очевидностью неизбѣжность будущихъ конфликтовъ, какъ въ средѣ самого Вр. Правительства, такъ и между нимъ и окружавшими его элементами, наиболѣе причастными къ революціонному движенію въ тѣсномъ смыслѣ слова. Самой вліятельной фигурой въ составѣ Вр. Правительства оказался «заложникъ демократіи» — Керенскій. Еслибы кому-нибудь пришло въ голову, въ день образованія Вр. Правительства назвать Керенскаго военнымъ министромъ, то, я думаю, самъ Керенскій, несмотря на свой безграничный апломбъ, смутился бы. А всѣ другіе приняли бы такое предложеніе за насмѣшку, за глупую шутку. Между тѣмъ, черезъ два мѣсяца Керенскій оказался «провиденціальнымъ» военнымъ министромъ. Въ еще большей степени это приходится сказать о верховномъ главнокоман-

дующемъ. Я помню продолжительное засѣданіе въ Маріинскомъ дворцѣ, посвященное обсужденію и рѣшенію вопроса о томъ, кого слѣдуетъ назначить на эту должность — Алексѣева (въ то время бывшаго начальникомъ штаба Верх. Главнокомандующаго) или Брусилова. За послѣдняго особенно стоялъ Родзянко. Я представляю себѣ, какой эффектъ произвело бы, при этихъ условіяхъ, предложеніе кандидатуры Керенскаго. И оно, навѣрно, сочтено бы было просто за шутку дурного тона. И оно, опять-таки, осуществилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Мнѣ кажется, нѣтъ лучшаго критерія степени стремительности въ дѣлѣ возобладанія идей Циммервальда и связаннаго съ нимъ разрушенія нашей арміи, какъ эти два назначенія. Но, въ сущности говоря, зачатки будущаго разложенія уже заключались въ томъ фактѣ, что основной вопросъ — отношеніе къ войнѣ — былъ, при составленіи Вр. Правительства, обойденъ: иначе, какъ допустить, что въ рядахъ его вмѣстѣ съ Милюковымъ оказался Керенскій, взгляды котораго достаточно были извѣстны изъ его рѣчей въ Госуд. Думѣ?

Нужно замѣтить, что въ первые дни и даже недѣли существованія Вр. Правительства вопросы внѣшней политики, связанные съ войной, какъ-то совсѣмъ не выдвигались. Оставалось нераскрытымъ глубокое внутреннее противорѣчіе, заключавшееся въ томъ, что переворотъ, будучи фактически результатомъ военнаго бунта, по существу долженъ былъ повести къ разрушенію дисциплины и разложенію сперва въ Петербургскомъ гарнизонѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ этотъ гарнизонъ становился питомникомъ большевизма, очагомъ заразы, — разложеніе должно было проникнуть и дальше; между тѣмъ, по оффиціальной идеологіи, революція должна была поднять нашу военную силу, такъ какъ отнынѣ войска боролись не за ненавистный самодержавный строй, а за освобожденную Россію. Извѣстно, что въ первое время многіе наивные люди думали (и даже писали въ газетахъ), будто Германія очень была смущена патріотическимъ порывомъ русской революціи; она-де сперва возложила на эту революцію большія надежды, но теперь должна убѣдиться, что «сознательная» русская армія, завоевавшая себѣ свободу, будетъ для нея гораздо страшнѣе... и т. д. Не знаю, вѣрилъ ли кто въ самомъ дѣлѣ этому вздору, но, повторяю, онъ былъ не только развиваемъ на страницахъ газетъ, но многократно и настойчиво преподносился оффиціально (напр., при пріёмахъ пословъ, а также многочисленныхъ военныхъ депутацій, которыя стали являться въ концѣ Марта). А между тѣмъ незамѣтно и помаленьку начался подкопъ противъ лозунга «войны до побѣднаго конца», во имя другого — «мира безъ аннексій и контрибуцій». Постепенно начались въ составѣ Вр. Правительства жалобы на то, что Милюковъ ведетъ какую-то свою международную политику и ведетъ ее совершенно самостоятельно. Начало обнаруживаться внутреннее расхожденіе, но на первыхъ порахъ довольно неясно и нерѣшительно. Если я не ошибаюсь, впервые вопросъ былъ поставленъ рѣзко послѣ появленія въ печати бесѣды съ Милюковымъ по вопросу о задачахъ войны (въ № отъ 23 Марта «Рѣчи»), за недѣлю, приблизительно, было опубликовано пресловутое воззваніе совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ къ народамъ всего міра (отъ 14 Марта), въ которомъ впервые показала свое истинное лицо группа вожаковъ Исполнительнаго Комитета. Ничего, конечно, нельзя себѣ представить болѣе противуположнаго другъ другу, чѣмъ эти два документа. Не знаю, подъ вліяніемъ ли своихъ друзей, или непосредственно — Керенскій

былъ приведенъ опубликованіемъ бесѣды съ Милюковымъ въ состояніе большого возбужденія. Кажется, онъ только-что вернулся изъ Москвы. Я живо помню, какъ онъ принесъ съ собой въ засѣданіе номеръ «Рѣчи» и — до прихода Милюкова, — по свойственной ему манерѣ, неестественно похохатывая, стуча пальцами по газетѣ, приговаривалъ: «Ну нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ». Когда вопросъ былъ поставленъ, Милюковъ заявилъ, что его бесѣда появилась въ противовѣсъ интервью съ Керенскимъ, напечатаннымъ, если не ошибаюсь, въ Московскихъ газетахъ. Не помню, въ этомъ ли именно или въ другомъ, близкомъ по времени, совѣщаніи Керенскій въ очень рѣзкой формѣ доказывалъ Милюкову, что если при «царизмѣ» (одно изъ гнусныхъ выраженій революціоннаго жаргона, чуждаго духу русскаго языка) у министра иностранныхъ дѣлъ не могло и не должно было быть своей политики, а была политика императора, то и теперь у министра иностранныхъ дѣлъ не можетъ быть своей политики, а есть только политика Вр. Правительства. «Мы для Васъ — Государь Императоръ». Милюковъ, внѣшне хладнокровно, но внутренно сильно возбужденный, на это отвѣчалъ приблизительно такъ: «Я и считалъ, и считаю, что та политика, которую я провожу, — она и есть политика Вр. Правительства. Если я ошибаюсь, пусть это мнѣ будетъ прямо сказано. Я требую опредѣленнаго отвѣта и въ зависимости отъ этого отвѣта буду знать, что мнѣ дальше дѣлать». Здѣсь былъ прямой и рѣшительный вызовъ, и на этотъ разъ Керенскій спасовалъ. Устами кн. Львова Вр. Правительство удостовѣрило, что Милюковъ ведетъ не свою самостоятельную политику, а ту, которая соотвѣтствуетъ взгляду и планамъ Вр. Правительства. Выходъ изъ получившагося неловкаго положенія былъ найденъ въ томъ, чтобы принять за правило — не давать на будущее время никакихъ отдѣльныхъ политическихъ интервью. Въ то же самое время было выражено пожеланіе, чтобы Милюковъ возможно скорѣе сдѣлалъ Вр. Правительству подробный докладъ съ цѣлью полнаго его ознакомленія съ международнымъ положеніемъ во всѣхъ его деталяхъ и, прежде всего, со всѣми знаменитыми «тайными договорами». Это было сдѣлано уже въ первой половинѣ Апрѣля, но еще до того, въ концѣ Марта, опубликована была декларація Вр. Правительства по вопросу о задачахъ войны.

Иниціатива этой деклараціи исходила отъ Церетели. Примѣрно въ серединѣ Марта онъ вернулся изъ ссылки и въ началѣ 20-хъ чиселъ появился въ контактной комиссіи, замѣнивъ Стеклова. Онъ съ особенной настойчивостью, съ самаго начала, — вѣроятно, въ первомъ же засѣданіи, въ которомъ онъ участвовалъ, сталъ проводить мысль, что нужно, не теряя времени обратиться къ арміи, къ населенію, съ торжественнымъ заявленіемъ, заключающимъ въ себѣ, во-первыхъ, рѣшительный разрывъ съ имперіалистическими стремленіями и, во-вторыхъ, обязательство безотлагательно предпринять шаги, направленные къ достиженію всеобщаго мира. Онъ доказывалъ, что если Вр. Правительство сдѣлаетъ такую декларацію, послѣдуетъ небывалый подъёмъ духа въ арміи, что ему и его единомышленникамъ можно будетъ тогда съ полной вѣрой и съ несомнѣннымъ успѣхомъ приступить къ сплачиванію арміи вокругъ Вр. Правительства, которое сразу пріобрѣтетъ огромную нравственную силу. «Скажите это», говорилъ онъ, «и за вами всѣ пойдутъ, какъ одинъ человѣкъ». Я помню, что тогда еще его тонъ и манера дѣйствовали подкупающе. Въ нихъ ощущалось страстное,

подлинное убѣжденіе. Въ своихъ возраженіяхъ Милюковъ главнымъ образомъ касался второго пункта и доказывалъ совершенную недопустимость и въ лучшемъ случаѣ безплодность обращенія, при данныхъ условіяхъ къ союзникамъ съ какими-либо разговорами о мирѣ. Церетели настаивалъ, причемъ нѣсколько комическое впечатлѣніе производили его увѣренія, что если только основная мысль, директива будетъ признана, Милюковъ сумѣетъ найти тѣ тонкіе дипломатическіе пріемы, съ помощью которыхъ эта директива осуществится. Но въ этомъ второмъ пунктѣ Милюковъ никакой уступки не сдѣлалъ. Также рѣшительно онъ уперся и по вопросу объ аннексіяхъ и контрибуціяхъ.

Я теперь себя спрашиваю: не было ли бы лучше, еслибы тогда Милюковъ дѣйствительно поставилъ ультиматумъ не по поводу только этихъ злосчастныхъ словъ, а въ отношеніи самой мысли въ нихъ заключающейся и нашедшей, въ концѣ концовъ, себѣ мѣсто въ деклараціи, правда, въ нѣсколько смягченныхъ и умышленно двусмысленныхъ выраженіяхъ? Для меня этотъ вопросъ — ретроспективно — имѣетъ и личное значеніе. Какъ и при самомъ первомъ моментѣ, когда грозилъ уходъ Милюкова изъ-за вопроса о Михаилѣ, такъ и теперь мнѣ казалось, что этотъ уходъ будетъ имѣть роковыя послѣдствія съ точки зрѣнія международнаго положенія и отношенія къ намъ союзниковъ. Мнѣ казалось, что слѣдуетъ идти, въ случаѣ необходимости, даже на самыя большія уступки, только для того, чтобы сохранить Милюкова въ составѣ Вр. Правительства. И здѣсь я считалъ возможнымъ нѣкоторый макіавелизмъ. Я помню, что мы вдвоемъ съ Милюковымъ обсуждали и исправляли текстъ деклараціи за завтракомъ въ «Европейской гостинницѣ», куда мы пріѣхали прямо со съѣзда партіи народной свободы, открывшагося 25 Марта въ зрительномъ залѣ Михайловскаго театра. Я убѣждалъ его согласиться на включеніе тѣхъ словъ деклараціи (объясняющихъ, чего не хочетъ Россія отъ войны), въ которыхъ иносказательно фигурировали «аннексіи и контрибуціи». Я говорилъ, что слова эти допускаютъ очень широкое и очень субъективное толкованіе, что, поскольку въ нихъ заключается отказъ отъ завоевательной политики, они соотвѣтствуютъ и нашимъ взглядамъ, но что они вовсе не имѣютъ такого значенія, которое могло бы связать насъ въ будущемъ, на мирной конференціи, въ случаѣ, если война закончится въ пользу нашу. Я помню, что мы нѣсколько разъ мѣняли текстъ, пока не нашли тѣхъ выраженій, съ которыми въ концѣ концовъ примирился Милюковъ. Въ этомъ примиреніи оставалась нѣкоторая reservatio mentalis. Но и помимо того, развѣ, если сравнить послѣдовательныя деклараціи Вильсона, ту, напримѣръ, которая доказывала, что настоящая война должна окончиться безъ того, чтобы кто-нибудь побѣдилъ, съ тѣми, которыя инсценировали и сопровождали объявленіе войны Америкой, развѣ въ нихъ нѣтъ явныхъ противорѣчій? Думать, что простая правительственная декларація, не имѣющая договорнаго характера, связываетъ всѣ послѣдующія правительства — разумѣется, нельзя. Но и то правительство, которое выпустило данную декларацію, связано ею лишь постолько, поскольку она заключаетъ въ себѣ извѣстные непреложные принципы правительственной политики. Уже давнымъ давно доказано, что такого «принципа» — «безъ аннексій и контрибуцій» — выставить было нельзя, что это принципъ двусмысленный и практически не дающій никакого разрѣшенія ряду вопросовъ.

Недаромъ послѣдующая терминологія выработала выраженіе «дезаннексія». Превращеніе Дарданеллъ и Босфора въ русскій каналъ, разумѣется, трудно было бы совмѣстить съ строгимъ толкованіемъ словъ деклараціи. Но если наступили бы тѣ обстоятельства, при которыхъ стало бы возможнымъ такое превращеніе, кто бы помнилъ слова этой деклараціи и кто бы рѣшился ими аргументировать противъ Россіи? Другое дѣло, еслибы русское правительство expressis verbis отказалось отъ тѣхъ возможныхъ выгодъ, которыя были ей обезпечены международными договорами, и заявило бы этотъ отказъ другимъ договаривающимся сторонамъ. Но этого не было, — да и не могло быть сдѣлано Милюковымъ. Самъ онъ на партійномъ съѣздѣ, послѣдовавшемъ за его отставкой, вполнѣ искренно и очень убѣдительно утверждалъ и доказывалъ, что онъ ничего не уступилъ конкретнаго и ни въ чемъ не повредилъ интересамъ Россіи. Но съ другой стороны, трудно отрицать, что во всей этой позиціи было что-то искусственное. Искусственность эта заключалась, впрочемъ, не въ томъ или другомъ толкованіи отдѣльныхъ выраженій деклараціи, а въ томъ, что по существу была пропасть между отношеніемъ къ войнѣ и ея задачамъ Милюкова и тѣхъ соціалистическихъ группъ, которыя вліяли на Керенскаго. Я помню случай, когда эта искусственность была какъ-то особенно подчеркнута, особенно болѣзненно воспринята. Это произошло нѣсколько дней спустя послѣ пріема Вр. Правительствомъ делегаціи французскихъ и англійскихъ соціалистовъ. Рѣчь Милюкова была всецѣло выдержана въ свойственныхъ ему тонахъ и по сущности своей соотвѣтствовала традиціямъ русской иностранной политикѣ во время войны. Послѣ Милюкова говорилъ Керенскій. Онъ говорилъ по-русски — при чемъ Милюковъ переводилъ его рѣчь на англійскій языкъ (а одинъ изъ французовъ — съ англійскаго на французскій). И вотъ здѣсь дѣйствительно ощущалось разительное противорѣчіе, — противорѣчіе въ самомъ духѣ, въ самой отправной точкѣ зрѣнія. Здѣсь стало ясно, что въ самомъ Вр. Правительствѣ есть два враждебныхъ другъ другу основныхъ теченія. И было несомнѣнно, что рано или поздно — скорѣе рано, чѣмъ поздно — искусственная комбинація Керенскій-Милюковъ должна будетъ разрушиться. И вотъ здѣсь я и нахожу отвѣтъ на поставленный мною выше вопросъ — не было ли бы лучше, еслибы Милюковъ еще раньше деклараціи 28 Марта поставилъ ультиматумъ и ушелъ бы изъ Вр. Правительства, не дожидаясь событій 20—23 Апрѣля — выступленія войскъ, вызваннаго нотой министра иностранныхъ дѣлъ отъ 18 Апрѣля? Я думаю, что по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ Милюкову слѣдовало идти въ составъ Вр. Правительства, ему слѣдовало въ немъ оставаться, борясь до конца, въ интересахъ того дѣла, которому онъ служилъ. Революція съ самаго начала создавала компромиссы, искусственныя сочетанія. Компромиссным было отношеніе Вр. Правительства къ совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, компромиссомъ было и сосуществованіе въ кабинетѣ двухъ лицъ, радикально неспособнымъ идти рука объ руку, — Керенскаго и Милюкова. Эти компромиссы оказались гнилыми и не остановили катастрофическаго хода русской революціи. Но они, при данныхъ условіяхъ, были неизбѣжны, — отказаться отъ нихъ для насъ ка-детовъ означало бы стать на точку зрѣнія «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» или — во всякомъ случаѣ — умыть руки. Тѣмъ горше сознавали бы мы свою отвѣтственность за дальнѣйшія событія.

Въ томъ, что до сихъ поръ много сказано о роли Милюкова во Врем. Правительствѣ, я касался только той стороны этой роли, которая связана была съ международной политикой. Надо сказать, что въ моей памяти, по крайней мѣрѣ, это остается и наиболѣе яркой стороной. Я не помню, чтобы Милюковъ ставилъ ребромъ какіе-нибудь вопросы внутренней политики, чтобы онъ требовалъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Повидимому, онъ все-таки полагался больше, чѣмъ слѣдовало, и на государственный инстинктъ русскаго народа, и на здравое пониманіе имъ своихъ интересовъ. Онъ не понималъ, не хотѣлъ понимать и не мирился съ тѣмъ, что трехлѣтняя война осталась чуждой русскому народу, что онъ ведетъ ее нехотя, изъ-подъ палки, не понимая ни значенія ея, ни цѣлей, — что онъ ею утомленъ и что въ томъ восторженномъ сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена революція, сказалась надежда, что она приведетъ къ скорому окончанію войны. Онъ не зналъ, какую благодарную почву найдутъ въ русской арміи тѣ ядовитыя сѣмена, которыя съ первыхъ же дней стали открыто въ ней сѣять безотвѣтственные агитаторы. Потому онъ не проявилъ рѣшительнаго, ультимативнаго противодѣйствія допущенію въ предѣлы Россіи пассажировъ знаменитаго запломбированнаго вагона. Надо сказать, что по отношенію къ этимъ пассажирамъ у Вр. Правительства были самыя глубокія иллюзіи. Думали, что уже самъ по себѣ фактъ «импорта» Ленина и К°. германцами долженъ будетъ абсолютно дискредитировать ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія и воспрепятствовать какому бы то ни было успѣху ихъ проповѣди. И дѣйствительно, на разныхъ митингахъ эта тема о «запломбированномъ вагонѣ» всегда имѣла большой успѣхъ. Но это не помѣшало развитію путемъ «Правды», «Окопной Правды» и ряду другихъ анархическихъ листковъ самой бѣшеной и самой разрушительной пропаганды. Теперь гг. большевики показываютъ намъ, какъ беззастѣнчивая власть можетъ задушить — безъ всякихъ экивоковъ — враждебную ей печать. Вр. Правительство было связано своими декларaціями о свободѣ слова, всей своей идеологіей. Оно смотрѣло на газетную пропаганду совершенно пассивно. Отчасти въ этой пассивности сказывалось тоже сознаніе своего безсилія, которое помѣшало Вр. Правительству принять рѣшительныя мѣры противъ такихъ явленій прямо уголовнаго характера, какъ захватъ особняка Кшесинской и устройства изъ него цитадели и публичной каѳедры самаго разнузданнаго большевизма. Теперь, конечно, легко упрекать Вр. Правительство за эту пассивность. Но если перенестись мысленно въ ту эпоху и вызвать въ себѣ вновь то настроеніе, которое тогда было преобладающимъ, то станетъ яснымъ, что иначе правительство не могло дѣйствовать, не рискуя остаться въ полномъ одиночествѣ. — Кто бы его поддержалъ? Петербургскій гарнизонъ не былъ въ его рукахъ. «Буржуазные» классы, неорганизованные, не боевые, были бы, конечно, на его сторонѣ, но ограничились бы платоническимъ сочувствіемъ. А, между тѣмъ, здѣсь недостаточно было такого сочувствія, хотя бы и со стороны очень многочисленныхъ группъ населенія.

Не такъ давно мнѣ пришлось съ Милюковымъ говорить на эти темы. Мы коснулись вопроса о томъ, была ли возможность предотвратить катастрофу, еслибы въ самомъ началѣ Вр. Правительство поставило вопросъ о власти ребромъ, оперлось на Государственную Думу, не допустило бы политической роли Совѣта и Исполнительнаго Комитета и, въ случаѣ

сопротивленія, арестовало бы его главарей. Я считалъ и считаю эту возможность чисто-теоретической. Но Милюковъ утверждалъ, что въ первые дни переворота гарнизонъ былъ въ рукахъ Госуд. Думы, и еслибы этотъ первый моментъ не былъ упущенъ, положеніе могло быть спасено. Очевидно, съ этимъ связанъ и вопросъ о Михаилѣ. Еслибы династія удержалась на тронѣ, власть и ея престижъ были бы сохранены. Но я не вижу, какимъ образомъ это могло бы удасться Вр. Правительству безъ монарха. Какія силы сохранили бы его престижъ и авторитетъ? А главное, какъ бы оно справилось съ вопросомъ о войнѣ, — этимъ оселкомъ всей революціи?

Я хорошо помню, что Милюковъ неоднократно возбуждалъ вопросъ о необходимости болѣе твердой и рѣшительной борьбы съ ростущей анархіей. Это же дѣлали и другіе. Но я не помню, чтобы были предложены когда-нибудь какія-нибудь опредѣленныя практическія мѣры, чтобы онѣ обсуждались Вр. Правительствомъ. Отсутствіе хорошо организованной полицейской силы и безусловно преданной правительству силы военной парализовали его. Здѣсь и былъ зародышъ разрушенія, и росту его не могла воспрепятствовать вся огромная энергія, проявленная Вр. Правительствомъ въ дѣлѣ органическаго законодательствованія. А кромѣ того, каждый изъ министровъ былъ настолько поглощенъ своимъ вѣдомствомъ, что ни у кого изъ нихъ не было времени практически обдумывать то, что касалось другихъ вѣдомствъ и предлагать какія-нибудь конкретныя мѣры. Въ частныхъ совѣщаніяхъ обсуждались лишь общеполитическіе вопросы. Конечно, Милюковъ неоднократно обращалъ вниманіе, хотя бы, напримѣръ, на необходимость покончить съ безобразнымъ скандаломъ, невозбранно творившимся передъ домомъ Кшесинской и въ немъ самомъ. Но какъ это сдѣлать? — на этотъ вопросъ у него отвѣта не было.

Исторія ухода Милюкова, навѣрно, очень полно имъ изложена въ уже написанномъ первомъ томѣ исторіи русской революціи. Фактически, конечно, этотъ уходъ былъ дѣломъ рукъ соціалистовъ, которымъ въ данномъ случаѣ помогъ Альберъ Тома̀, пріѣхавшій 9 Апрѣля въ Петербургъ. Не помню, до пріѣзда ли Тома̀ или уже въ 10-хъ числахъ Апрѣля Милюковъ въ одно утреннее мое посѣщеніе сказалъ мнѣ, что онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, не лучше ли ему передать портфель министра иностранныхъ дѣлъ Терещенкѣ («онъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ въ этихъ вопросахъ безграмотный и хоть съ послами будетъ въ состояніи говорить»), съ тѣмъ, чтобы Мануиловъ взялъ финансы (а, можетъ быть, Шингаревъ — финансы, а Мануиловъ земледѣліе), передавъ портфель министра народнаго просвѣщенія ему, Милюкову. Но я не поддерживалъ этой мысли, и Милюковъ вскорѣ самъ ее оставилъ. Какъ разъ въ это же время вернулся въ Россію Черновъ, и кампанія противъ Милюкова началась во всю. Въ томъ совмѣстномъ засѣданіи Временнаго Правительства съ Комитетомъ Государственной Думы и Исполнит. Комитетомъ Совѣта депутатовъ, въ которомъ обсуждались вопросы внѣшней политики, и сдѣлано было Черновымъ заявленіе о томъ, что пора-де Россіи перестать говорить съ Европой языкомъ «бѣдной родственницы», онъ прямо заявилъ, со свойственными ему пошлыми ужимками, сладенькой улыбкой и кривляніями, что и онъ и его друзья безгранично уважаютъ П. Н. Милюкова, считаютъ его участіе во Вр. Правительствѣ необходимымъ, но что по ихъ мнѣнію онъ бы лучше могъ развернуть свои таланты на любомъ другомъ посту, хотя бы въ

качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Въ тоже время произошелъ рѣзкій инцидентъ съ Керенскимъ, въ связи съ даннымъ имъ бюро прессы оффиціознымъ communiqué о томъ, что предстоитъ опубликованіе правительственнаго сообщенія по вопросамъ иностранной политики. О томъ, что это communiqué дано Керенскимъ, я узналъ отъ Л. Львова (игравшаго въ бюро главную роль). Мнѣ было хорошо извѣстно, что ни о чемъ подобномъ пе было рѣчи во Вр. Правительствѣ и я усмотрѣлъ въ поступкѣ Керенскаго недопустимый подвохъ, чтобы не сказать провокацію. Тотчасъ же я сообщилъ объ этомъ Милюкову въ происходившемъ въ то время засѣданіи Вр. Правительства. По окончаніи засѣданія Милюковъ обратился съ вопросомъ, кто далъ такое завѣдомо несоотвѣтствующее дѣйствительности communiqué прессѣ. Керенскій нѣсколько смутился, пытался увиливать, говоря, что онъ не отвѣчаетъ за ту форму, въ которой пресса передала его слова, но въ концѣ концовъ заявилъ, что при сложившихся обстоятельствахъ такое сообщеніе онъ считаетъ необходимымъ. Тогда Милюковъ сказалъ кн. Львову, что, если Керенскій не опровергнетъ сообщенія, онъ, Милюковъ, немедленно подастъ въ отставку. Такъ какъ уже было поздно и всѣ устали, рѣшено было обсудить вопросъ вечеромъ. Произошло очень бурное засѣданіе, въ которомъ Керенскій почувствовалъ себя совершенно одинокимъ, такъ какъ даже его наиболѣе твердые сторонники находили допущенный имъ пріемъ совершенно неприличнымъ и невозможнымъ. Ему пришлось уступить, и онъ по телефону (изъ моего кабинета) сдѣлалъ требуемое опроверженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, былъ поднятъ вопросъ о томъ, что декларація о задачахъ войны оффиціально не сообщена союзникамъ, и потому является какъ бы документомъ лишь для внутренняго употребленія, что, разумѣется, подрываетъ его значеніе. Соотвѣтственно этому предъявлено было требованіе оффиціально увѣдомить дипломатическихъ представителей о взглядѣ Вр. Правительства по данному вопросу. Противъ этого трудно было спорить, Милюкову пришлось согласиться; и тогда уже было рѣшено, что нота министра иностранныхъ дѣлъ будетъ обсуждена во всемъ составѣ Вр. Правительства, что и произошло. Въ то время А. И. Гучковъ былъ боленъ, у него было ослабленіе сердечной дѣятельности, и засѣданія происходили у него. Я очень отчетливо помню, что доложенный Милюковымъ проектъ при первомъ его прочтеніи произвелъ на всѣхъ, и даже на Керенскаго, впечатлѣніе безспорно пріемлемаго, — мало того, впечатлѣніе, что Милюковъ здѣсь проявилъ максимумъ уступчивости и готовности идти на встрѣчу своимъ противникамъ. Потому вначалѣ пренія еле завязались, но потомъ Керенскій сталъ придираться къ отдѣльнымъ выраженіямъ, предлагая крайне неудачный варіантъ, настроеніе стало портиться, обычный личный антагонизмъ далъ себя почувствовать въ повышенномъ тонѣ и рѣзкихъ выходкахъ. Все-таки, въ концѣ концовъ, удалось обойти разногласія и объединиться на одномъ текстѣ, — на томъ, который былъ опубликованъ. Милюковъ, помнится, въ концѣ засѣданія подчеркнулъ, что стало быть правительство цѣликомъ солидарно съ даннымъ документомъ и беретъ на себя отвѣтственность за его содержаніе. Керенскій не возражалъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ здравый смыслъ и разумное отношеніе къ дѣлу оказались въ немъ сильнѣе партійныхъ шоръ. Съ другой стороны, въ данной обстановкѣ онъ, повидимому, не счелъ возможнымъ консультировать своихъ друзей, добросовѣстно увѣренный, что и для нихъ нота является вполнѣ

пріемлемой. Она была опубликована въ № отъ 20 Апрѣля. — Произошли извѣстныя событія, подробно изложенныя въ тогдашнихъ газетахъ. Такъ какъ демонстраціи были направлены противъ Милюкова, Вр. Правительство вынуждено было оффиціально заявить, что нота была имъ одобрена безъ разногласія съ чьей бы то ни было стороны. Въ сущности говоря, вся эта демонстрація была совершеннѣйшимъ пуфомъ и вызвала очень внушительныя контръ-демонстраціи. Но создалось обостренное и повышенное настроеніе. Вѣроятно тотъ фактъ, что въ вопросѣ о нотѣ Керенскій вынужденъ былъ солидаризоваться формально съ Милюковымъ, обострилъ и личный антагонизмъ. Соціалисты упорно продолжали свою работу, Тома̀ игралъ двусмысленную роль и отзывался о Милюковѣ пренебрежительно и враждебно *. Но такъ какъ къ тому времени Милюковъ окончательно рѣшилъ не уступать, то ясно было, что долженъ произойти кризисъ уже по иниціативѣ Вр. Правительства. Онъ и произошелъ. Какую роль при этомъ играли прочіе министры ка-деты — я не берусь теперь сказать. Милюкову былъ предложенъ портфель министра народнаго просвѣщенія, онъ категорически отказался и уѣхалъ изъ засѣданія уже не министромъ. На слѣдующее утро мы съ Винаверомъ были у него, по порученію Центр. Комитета, и долго и настойчиво уговаривали его остаться и согласиться принять портфель министра народнаго просвѣщенія. Намъ казалось, что уходъ Милюкова одновременно съ введеніемъ въ составъ правительства соціалистовъ есть начало крушенія. Конечно, мы при этомъ находили, что, оставаясь въ правительствѣ, Милюковъ, хотя и занимая постъ министра народнаго просвѣщенія, долженъ имѣть возможность вліять на иностранную политику и быть все время въ ея курсѣ. Это было осуществимо въ связи съ возникшимъ тогда проектомъ особаго совѣщанія, выдѣленнаго изъ состава Вр. Правительства и долженствовавшаго вѣдать вопросы обороны, а наряду съ ними и общіе вопросы международной политики. Это совѣщаніе было придумано противъ Милюкова. Мы предлагали ему при измѣнившихся условіяхъ воспользоваться имъ въ интересахъ дѣла и остаться въ правительствѣ, обусловливая свое дальнѣйшее пребываніе тѣмъ, что онъ будетъ однимъ изъ членовъ совѣщанія. Милюковъ не согласился. Сперва онъ спорилъ, но потомъ, когда аргументы были исчерпаны, онъ сказалъ буквально слѣдующее: «Возможно, что ваши доводы правильны, но у меня есть внутренній голосъ, говорящій мнѣ, что я не долженъ имъ слѣдовать. Когда у меня бываетъ такое ясное и опредѣленное сознаніе, — хотя бы и немотивированное, — необходимой линіи поведенія, я слѣдую ему. Я не могу поступить иначе». Мы поняли, что вопросъ исчерпанъ, и ретировались. — Съ этой минуты начался между Милюковымъ и Вр. Правительствомъ разрывъ по существу.

Я уже упомянулъ о деклараціи-воззваніи 23 Апрѣля, въ которой было обѣщано обращеніе къ соціалистамъ съ предложеніемъ имъ принять участіе въ правительствѣ. Это воззваніе было развитіемъ той идеи (на которой, чуть не съ самаго начала, настаивалъ Гучковъ, а потомъ и Мануиловъ), что Вр. Правительство должно уйти, сказавъ странѣ, что оно сдѣлало и

* Въ это же время Вр. Прав. пришло къ рѣшенію о необходимости пополнить свой составъ соціалистами (см. декларацію 23 Апрѣля). Милюковъ былъ принципіально противъ этого и очень нехотя согласился на текстъ деклараціи. Объ этомъ я хочу сказать еще отдѣльно.

почему дальнѣйшія усилія оно считаетъ безплодными: своего рода эпитафія или политическое завѣщаніе. Но воззваніе фактически не заявляло объ уходѣ правительства. Оно, въ сущности, раскрывало во всемъ ея объемѣ картину того, что происходило въ странѣ и дѣлало выводъ: или — крушеніе и гибель «завоеваній революціи», или — поддержка власти населеніемъ, призываемымъ къ добровольному подчиненію. Составленіе этого документа было поручено Кокошкину. Милюковъ впослѣдствіи утверждалъ, что Кокошкинскій текстъ, благодаря Керенскому, превратился въ отвлеченное соціологическое разсужденіе, лишенное всякой практической силы. Это — преувеличенный отзывъ. Керенскимъ — и даже не имъ, а редакціей «Дѣла Народа» — было введено въ воззваніе только нѣсколько строкъ, которыя, дѣйствительно, довольно туманно и отвлеченно излагали причины происходившей неурядицы, и видѣли ея корни въ томъ, что старыя общественно-политическія скрѣпы рухнули прежде, чѣмъ успѣли сложиться и окрѣпнуть новыя связи. Это, конечно, была «соціологія», но вполнѣ безобидная и не она придавала основной тонъ воззванію. Если оно было слабымъ документомъ (а я считаю его однимъ изъ слабѣйшихъ), то не по винѣ Керенскаго, и, конечно, тѣмъ болѣе, не по винѣ Кокошкина. Оно было слабо въ своемъ основномъ тонѣ, и нельзя отрицать, что его идеологія — ставящая во главу угла добровольное подчиненіе гражданъ ими же избранной власти — очень было сродни идеологіи анархизма. Во всякомъ случаѣ, суть дѣла была не въ этихъ увѣщаніяхъ, а въ призывѣ соціалистовъ. Кажется, Вр. Правительство само не вѣрило, что они откликнутся. Но соціалисты поняли, что дальнѣйшій отказъ создалъ бы противъ нихъ сильное орудіе и сдѣлалъ бы ихъ положеніе «безотвѣтственныхъ критиковъ» и «контролёровъ» крайне затруднительнымъ. — Они пошли въ министры. Въ сущности говоря, съ этой минуты можно было сказать, что дни Вр. Правительства, поставленнаго «побѣдоносной революціей», — сочтены, что мы перешли въ періодъ всякихъ министерскихъ кризисовъ, изъ которыхъ каждый ослабляетъ власть, — что остановиться на пути къ торжеству большевистскихъ стремленій будетъ невозможно. Еслибы Милюковъ не ушелъ въ первые дни Мая, — все равно ему было не по пути съ Церетели и Скобелевымъ.

«Контактная Комиссія», о которой я уже неоднократно упоминалъ, была образована совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 10 Марта, причемъ въ первый ея составъ вошли Чхеидзе, Скобелевъ, Стекловъ-Нахамкесъ, Филипповскій и Сухановъ. Въ концѣ Марта Церетели замѣнилъ Стеклова. Впрочемъ, если память мнѣ не измѣняетъ, они первое время участвовали совмѣстно. Значительно позже появился Черновъ. Въ теченіе первыхъ недѣль существованія Вр. Правительства засѣданія въ контактной комиссіи происходили часто, раза три въ недѣлю, иногда и больше, всегда по вечерамъ, довольно поздно, по окончаніи засѣданія Вр. Правительства, въ этихъ случаяхъ всегда сокращаемаго. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ засѣданіяхъ былъ Стекловъ. Я впервые тогда съ нимъ познакомился, — не подозрѣвалъ ни того, что онъ — еврей, ни того, что за его благозвучнымъ псевдонимомъ скрывается отнюдь не благозвучная подлинная фамилія. Тѣмъ менѣе, конечно, могла быть извѣстна исторія, — впослѣдствіи раскрытая Л. Львовымъ, — о томъ, къ какимъ униженнымъ всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ прибѣгалъ Нахамкесъ для того, чтобы «легализировать» свой псевдонимъ и оффиціально замѣнить имъ свою подлинную фамилію. Но

какъ бы то ни было, съ первой же встрѣчи на меня произвела самое отвратительное впечатлѣніе его манера, вполнѣ подходящая къ фамиліи, въ которой какъ-то органически сочетались «нахалъ» и «хамъ». Тонъ его былъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ томъ, что Вр. Правительство существуетъ только по его милости и до тѣхъ поръ, пока это ему угодно. Онъ какъ бы разыгрывалъ роль гувернёра, наблюдающаго за тѣмъ, чтобы довѣренный ему воспитанникъ велъ себя, какъ слѣдуетъ, не шалилъ, исполнялъ его требованія и всегда помнилъ, что ему то и то позволено, а вотъ это — запрещено; при этомъ — постоянно прорывающееся сознаніе своего собственнаго могущества и подчеркиваніе своего великодушія. Сколько разъ мнѣ пришлось выслушивать фразы, въ которыхъ прямо или косвенно говорилось: «Вы (т.-е. Вр. Правительство) очень хорошо, вѣдь, знаете, что стоило бы намъ захотѣть, и мы безпрепятственно взяли бы власть въ свои руки, при чемъ это была бы самая крѣпкая и авторитетная власть. Если мы этого не сдѣлали и **пока** не дѣлаемъ, то лишь потому, что считаемъ васъ въ настоящее время болѣе соотвѣтствующими историческому моменту. Мы согласились допустить васъ къ власти, но именно потому вы въ отношеніи насъ должны помнить свое мѣсто, — вообще, не забываться, не предпринимать никакихъ важныхъ и отвѣтственныхъ шаговъ, не посовѣтовавшись съ нами и не получивъ нашего одобренія. Такъ должны вы помнить, что стоитъ намъ захотѣть, и васъ сейчасъ же не будетъ, такъ какъ никакого самостоятельнаго значенія и вѣса вы не имѣете». Онъ не упускалъ случая развивать эти мысли. Помню, по какому-то случаю кн. Львовъ упомянулъ о томъ потокѣ привѣтствій и благопожеланій, который ежедневно приноситъ сотни телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи, обѣщающихъ Вр. Правительству помощь и поддержку. «Мы — тотчасъ же возразилъ Стекловъ — могли бы вамъ сейчасъ же представить гораздо большее, въ десять разъ большее количество телеграммъ, за которыми стоятъ сотни тысячъ организованныхъ гражданъ, и въ этихъ телеграммахъ отъ насъ требуютъ, чтобы мы взяли власти въ свои руки». Это была тоже другая сторона позиціи: «Мы — дескать, т.-е. Исполн. Комитетъ, своимъ тѣломъ заслоняемъ васъ отъ враждебныхъ ударовъ, — мы внушаемъ подчиненнымъ намъ массамъ довѣріе къ вамъ». Эта сторона была особенно непріятна Керенскому, который съ первыхъ же шаговъ стремился ставить дѣло такъ, что именно онъ, Керенскій, являясь «заложникомъ демократіи», и продолжая формально носить званіе товарища предсѣдателя Исполн. Комитета, считалъ — или хотѣлъ, чтобы другіе считали, что именно онъ, Керенскій, привлекаетъ къ Вр. Правительству всѣ сердца «широкихъ массъ». Оттого онъ менѣе другихъ выносилъ Нахамкеса и съ наибольшимъ раздраженіемъ реагировалъ — въ составѣ Вр. Правительства — на его тонъ. Онъ считалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его положеніе во Вр. Правительствѣ не даетъ ему возможности полемизировать съ Стекловымъ и «отдѣлывать» его. Онъ, поэтому, часто уклонялся отъ участія въ засѣданіяхъ съ контактной комиссіей, а когда бывалъ въ нихъ, то только «присутствовалъ», сидя возможно дальше, храня упорное молчаніе и лишь злобно и презрительно поглядывая своими всегда прищуренными близорукими глазами на оратора и на другихъ. А по окончаніи засѣданія, оставшись наединѣ съ коллегами-министрами, онъ зачастую съ большой страстностью обрушивался на кн. Львова, упрекая его въ слишкомъ большой мягкости и деликатности и изумляясь, что онъ

допустилъ тѣ или другія заявленія Нахамкеса, не отвѣтивъ на нихъ, какъ слѣдуетъ.

Надо сказать, что Стекловъ въ иныхъ случаяхъ возбуждалъ раздраженіе даже среди своихъ «друзей», вѣрнѣе говоря, среди другихъ членовъ контактной комиссіи, такъ какъ друзей у него, повидимому, немного. Бывали случаи, когда Чхеидзе или Скобелевъ перебивали то или другое его заявленіе или же тотчасъ вслѣдъ за нимъ замѣчали, что въ данномъ вопросѣ Стекловъ говоритъ лишь отъ своего имени и выражаетъ свое субъективное мнѣніе и что «у насъ этого не было постановлено». Впрочемъ, это ничуть не смущало Стеклова... Бывало даже, что онъ тутъ же пытался вступать въ полемику со своими коллегами. И, въ сущности говоря, я не знаю, кто изъ нихъ былъ въ самомъ дѣлѣ способенъ противопоставить себя Стеклову въ отношеніи безграничнаго апломба и способности беззастѣнчиво отождествлять себя и свой голосъ съ голосомъ «трудящихся массъ». Впослѣдствіи разглашеніе исторіи со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ («припаденіе къ стопамъ») было сильно использовано противъ Стеклова, и онъ вынужденъ былъ, на время — и даже надолго — стушеваться. Но въ первыя недѣли онъ въ самомъ дѣлѣ игралъ какую-то роль. На первомъ съѣздѣ делегатовъ совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ, 29 Марта, онъ выступалъ съ изложеніемъ исторіи отношеній между Вр. Правительствомъ и Исп. Комитетомъ, при чемъ развивалъ проектъ введенія во всѣ вѣдомства комиссаровъ совѣта «для неусыпнаго надзора за всею дѣятельностью Вр. Правительства». Мысль объ этихъ комиссарахъ создавала одинъ изъ самыхъ острыхъ конфликтныхъ вопросовъ. Она была оставлена только тогда, когда введеніе въ составъ Вр. Правительства соціалистовъ сдѣлало его болѣе «надежнымъ» въ глазахъ совѣта раб. и солд. депутатовъ.

Изъ числа другихъ членовъ контактной комиссіи двое — Филипповскій и Сухановъ — почти никогда не говорили, по крайней мѣрѣ за то время, что я принималъ участіе въ дѣлахъ Вр. Правительства. Послѣ Стеклова чаще другихъ выступалъ Скобелевъ. Его я раньше тоже совсѣмъ не зналъ. Это одинъ изъ самыхъ самыхъ малюсенькихъ людей, мало одаренныхъ, очень ограниченныхъ, но случайно, благодаря тому, что Госуд. Дума создала всероссійскую трибуну для ихъ политическихъ выступленій, инспирируемыхъ, а порою прямо продиктованныхъ изъ-за кулисъ, — сдѣлавшихся извѣстными во всей Россіи въ качествѣ porte-voix «рабочихъ массъ». Онъ и старался, — и старался добросовѣстно, — быть такимъ porte-voix. Даромъ слова онъ, кажется, вовсе не обладаетъ. Не знаю, можетъ быть, въ роли митинговаго оратора, въ сочувствующей ему средѣ, онъ можетъ производить извѣстное впечатлѣніе, но здѣсь, гдѣ трафаретовъ не было, а приходилось брать содержаніемъ рѣчи, онъ неизмѣнно оказывался необыкновенно бѣднымъ, безпомощнымъ, скучнымъ — и робкимъ. Все же нельзя отрицать, что въ немъ было больше привлекательности, чѣмъ въ окружавшихъ его. Онъ казался простодушнымъ, болѣе искреннимъ, — болѣе добросовѣстнымъ, чѣмъ они. И, пожалуй, онъ — подъ вліяніемъ атмосферы Госуд. Думы — болѣе отдавалъ себѣ отчета въ огромности создавшихся затрудненій. Впрочемъ, еще недавно, въ Кіевѣ, мнѣ приходилось слышать отъ Шульгина, что Чхеидзе уже въ самые первые дни, чуть ли не часы, революціи впадалъ въ полное отчаяніе и, хватаясь за голову, говорилъ, что все пропало. Чхеидзе — гораздо болѣе красочная фигура, чѣмъ

Скабелевъ. Въ немъ всегда было, на мой взглядъ, что-то трагп-комическое, — во всемъ даже его внѣшнемъ обликѣ, въ выраженіи лица, въ манерѣ говорить, въ акцентѣ. И, конечно, самымъ трагическимъ было то, что такой человѣкъ, какъ Чхеидзе, оказался «вождемъ демократіи» всей Россіи, предсѣдателемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, вліятельной фигурой и, по крайней мѣрѣ въ то время, будущимъ кандидатомъ въ предсѣдатели Учредительнаго Собранія, а пожалуй — и въ президенты россійской республики. Въ засѣданіяхъ съ контактной комиссіей онъ выступалъ тогда, когда надо было придать особую вѣскость заявленію или запросу. Но, кажется, и онъ относился отрицательно къ Стеклову.

Засѣданія съ контактной комиссіей происходили не каждый день и не въ опредѣленные дни. Инпціатива пхъ чаще всего исходила отъ самой комиссіи: сообщалось оттуда (обыкновенно это дѣлалъ Чхеидзе), что комиссія желала бы имѣть совѣщаніе съ Вр. Правительствомъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, правительство заранѣе не было увѣдомлено о томъ, какіе будутъ поставлены вопросы, и на этой почвѣ порою происходили довольно забавныя неожиданности, обнаружпвавшія всю степень разности во взглядахъ на относительное значеніе того или другого факта или мѣропріятія. Я помню, что однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе привлекавшихъ вниманіе на первыхъ порахъ, былъ вопросъ о похоронахъ жертвъ революціи. Совѣтъ раб. депутатовъ съ большой безцеремонностью хотѣлъ монополизировать эту церемонію. Не предваряя Вр. Правительство, Исполнит. Комитетъ назначилъ день, опубликовалъ церемоніалъ похоронъ и выбралъ мѣстомъ для братской могилы — Дворцовую площадь, гдѣ, какъ извѣстно, даже приступили къ рытью могилы. Послѣ долгихъ утомительныхъ и нелѣпыхъ пререканій, этотъ вопросъ наконецъ былъ ликвидированъ, правительство сговорилось съ Исполнит. Комитетомъ и произошла одна изъ тѣхъ грандіозныхъ демонстрацій, успѣхъ которыхъ зависитъ отчасти отъ наличности массы праздныхъ людей, готовыхъ стать участниками или зрителями торжественныхъ шествій, отчасти отъ настроенія, жаждущаго вылиться въ какую-то демонстрацію, и находящаго себѣ здѣсь удовлетвореніе.

Какъ я уже сказалъ, примѣрно въ концѣ Марта въ засѣданіяхъ контактной комиссіи появился Церетели. Для меня это была совсѣмъ незнакомая фигура. Во времена второй Думы я его слышалъ неоднократно на каѳедрѣ, но не имѣлъ случая съ нимъ встрѣчаться. Первое впечатлѣніе безусловно подкупало въ его пользу. Имя его было окружено ореоломъ политическаго мученичества, самаго подлиннаго и трагическаго. Краткая его карьера во второй Думѣ, привлекшая къ нему всѣ симпатіи, закончилась 10-тилѣтней ссылкой, протекавшей, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, въ самыхъ тягостныхъ для него условіяхъ. Наружность его какъ-то соотвѣтствовала тому представленію, которое создавалось о его характерѣ, нравственномъ обликѣ. Его восточнаго типа лицо красиво и тонко, а большіе черные глаза то горятъ, то подернуты какой-то тоскливой задумчивостью. Онъ очень незаурядный ораторъ. Его акцентъ, менѣе замѣтный, менѣе грубый, чѣмъ у Чхеидзе, порою, придаетъ особенно выразительную силу тому, что онъ говоритъ. Онъ можетъ достигать большой силы, особенно, въ сочувствующей ему атмосферѣ, и когда говоритъ на излюбленныя соціалъ-демократическія темы. Но рядомъ съ этимъ онъ можетъ быть, и нерѣдко

бываетъ, нестерпимо трескучимъ, по существу безсодержательнымъ и фальшивымъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ особенно памятны двѣ его рѣчи — одна, сказанная въ торжественномъ засѣданіи всѣхъ четырехъ Думъ, 27 Апрѣля, и другая — въ Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи. Особенно тяжело было слушать послѣднюю, такъ ясно было, что Церетели самъ совершенно не вѣритъ тому, что говоритъ. Между тѣмъ обычно его рѣчь производитъ впечатлѣніе большой убѣжденности и искренности, и въ этомъ одно изъ условій ея успѣха. Конечно, если подходить къ его рѣчамъ съ какими-нибудь требованіями глубокаго содержанія, обилія идей, разносторонних знаній — придется испытать полное разочарованіе. Кругъ руководящихъ идей Церетели очень малъ и узокъ, это, въ сущности говоря, ординарнѣйшій марксистскій трафаретъ, крѣпко усвоенный еще на студенческой скамьѣ. Все, что внѣ этого трафарета, все, что требуетъ внутренняго проникновенія, индивидуальнаго подхода, самостоятельной работы мысли, — все это оставляетъ Церетели совершенно безпомощнымъ.

Лично съ нимъ мнѣ пришлось войти въ болѣе близкое соприкосновеніе въ срединѣ Сентября 1917 года, въ тѣхъ, организованныхъ Керенскимъ, совѣщаніяхъ съ представителями политическихъ партій, результатомъ которыхъ было образованіе кабинета послѣдней формаціи (съ Кишкинымъ, Коноваловымъ, Третьяковымъ, Смирновымъ, Малянтовичемъ, Масловымъ) и учрежденіе Совѣта россійской республики. Самой характерной чертой его тогдашняго настроенія былъ страхъ предъ ростущей мощью большевизма. Я помню, какъ онъ, въ бесѣдѣ со мною глазъ на глазъ, говорилъ о возможности захвата власти большевиками. «Конечно, — говорилъ онъ, — они продержатся не болѣе двухъ-трехъ недѣлъ, но подумайте только, какія будутъ разрушенія! Этого надо избѣжать, во что бы то ни стало». Въ его голосѣ звучала неподдѣльная паническая тревога. Онъ въ то время вѣрилъ въ спасительное значеніе Совѣта Россійской республики. Это названіе придумано имъ (или его единомышленниками). Онъ мнѣ предложилъ его въ тотъ вечеръ, когда я пришелъ, по уговору, на квартиру Скобелева, чтобы обсудить проектъ министерской деклараціи, составленной Церетели. Въ этотъ вечеръ у меня было очень нужное для меня свиданіе въ другомъ мѣстѣ, и я хотѣлъ быть свободнымъ пораньше. Каюсь, возможно, что въ силу этого обстоятельства я съ недостаточной внимательностью отнесся и къ тексту деклараціи, и къ предложенію назвать вновь создаваемое учрежденіе «Совѣтомъ Россійской республики». Долженъ, однако, прибавить въ свое оправданіе, что предыдущій опытъ настроилъ меня скептически въ отношеніи всякихъ декларацій. Я постепенно приходилъ къ убѣжденію, что эта вѣчная торговля изъ-за отдѣльныхъ словъ и выраженій, какое-то старовѣрческое упорство въ отстаиваніи однихъ и въ оспариваніи другихъ, все это — самое жалкое и безплодное византійство, важное и интересное только для партійныхъ кружковъ, разныхъ центральныхъ комитетовъ и проч., но на жизни, совершенно не отражающееся, ей чуждое. Все содержаніе деклараціи было уже напередъ выяснено въ совѣщаніяхъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ выработана была программа министерства. Редакція этой программы казалась для меня второстепенной. Благодаря этому въ первоначальномъ проектѣ, установленномъ Церетели и принятомъ мною, оказалось 2—3 очень неудачныхъ мѣста, которыя были исправлены или даже изъяты А. Я. Гальперномъ, тогдашнимъ

управляющимъ дѣлами Вр. Правительства (сейчасъ я не могу припомнить содержаніе этихъ lapsus'овъ). Церетели протестовалъ по телефону, но въ концѣ концовъ уступилъ. Что касается названія «Совѣтъ Россійской республики», то мнѣ, какъ ка-дету, надлежало, конечно, рѣшительно возразить, такъ какъ мы считали совершенно неправильнымъ установленіе формальной квалификаціи того временнаго строя, который установился въ дни переворота и долженъ былъ дожить до Учредит. Собранія. Я помню, что когда Церетели съ нѣкоторой восторженностью заявилъ мнѣ: «Мы придумали названіе: Совѣтъ Россійской республики. Правда, хорошо? Какъ вы думаете, В. Д.? Мнѣ кажется, это сразу произведетъ большое впечатлѣніе и создастъ симпатіи». Я отвѣтилъ, что болѣе подходящимъ было бы названіе «Совѣтъ Россійскаго государства» или «Совѣтъ при Вр. Правительствѣ» *, но первое названіе слишкомъ сближало новое учрежденіе съ прежнимъ Государственнымъ Совѣтомъ, а второе какъ бы сводило его на уровень обыкновенной совѣщательной коллегіи при правительствѣ. Потому, я не сталъ спорить противъ предложенія Церетели...

Мнѣ придется еще вернуться ко всей этой затѣѣ съ «Совѣтомъ Россійской республики», которой я здѣсь коснулся только въ связи съ характеристикой Церетели. Какъ извѣстно, онъ тогда же, въ концѣ Сентября, уѣхалъ на Кавказъ и вернулся въ Петербургъ только въ началѣ Ноября, послѣ большевистскаго захвата. Тогда, встрѣтившись со мною въ Городской Думѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Да, конечно, все, что мы тогда дѣлали было тщетной попыткой остановить какими-то ничтожными щепочками разрушительный стихійный потокъ».

Здѣсь я хочу только вставить еще одинъ эпизодъ, характерный уже не для Церетели. Онъ просто фактически находится въ связи съ исторіей учрежденія Совѣта республики. Когда былъ установленъ текстъ «Положенія» объ этомъ учрежденіи, мы условились съ П. Н. Малянтовичемъ — только-что назначеннымъ новымъ министромъ юстиціи, — что я приду къ нему для окончательнаго проредактированія текста. Онъ мнѣ предложилъ очень поздній часъ, 12 ночи, — я согласился. Засталъ я его въ столь мнѣ памятномъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ кабинетѣ въ квартирѣ генералъ-прокурора, очень озабоченнаго... Онъ повѣдалъ мнѣ причину своей озабоченности. Она касалась пресловутаго Н. Д. Соколова, котораго Керенскій назначилъ за два-три мѣсяца до того сенаторомъ перваго департамента. У Соколова вышло столкновеніе съ первоприсутствующимъ по вопросу о мундирѣ. Соколовъ не захотѣлъ подчиниться рѣшенію, принятому сенаторами, сохранить для открытыхъ засѣданій и общихъ собраній мундиръ. Онъ явился въ одно изъ такихъ засѣданій въ сюртукѣ и имѣлъ довольно бурное, повидимому, пререканіе съ Враскимъ (меня въ этомъ засѣданіи не было), въ результатѣ чего вынужденъ былъ удалиться. Тогда онъ прислалъ заявленіе министру юстиціи, въ которомъ указывалъ на то, что сенатъ поставилъ совершенно незаконное и произвольное требованіе, заставляя сенаторовъ, надѣвать на себя «эмблемы рабства» (этими словами онъ обозначалъ пуговицы на мундирѣ съ изображеніемъ двуглаваго орла надъ закономъ), и самъ въ свою очередь требовалъ рѣшенія вопроса

* Замѣчательно, что впослѣдствіи это послѣднее названіе очень защищалъ А. А. Демьяновъ въ засѣданіи Врем. Прав., въ которомъ былъ заслушанъ и утвержденъ проектъ.

законодательнымъ путемъ въ демократическомъ духѣ. Малянтовичъ былъ страшно озадаченъ. «Какъ вы думаете, что нужно сдѣлать?» спрашивалъ онъ меня. Я ему иронически отвѣчалъ, что не задумывался надъ этимъ серьёзнымъ и сложнымъ вопросомъ, и прибавилъ, что на его мѣстѣ бросилъ бы заявленіе Н. Д. Соколова въ корзину подъ столъ. «Какъ можно! Вѣдь вы же знаете Николая Дмитріевича. Онъ этого такъ не оставитъ. Я уже думаю образовать по этому вопросу какую-нибудь комиссію. Главное, сейчасъ очень трудно вводить новыя пуговицы. Откуда ихъ взять? И онѣ будутъ для сенаторовъ новымъ большимъ расходомъ . . .» Такъ какъ я не отвѣчалъ ничего, онъ со вздохомъ закончилъ: «Можетъ быть, вы потомъ что-нибудь надумаете по этому вопросу . . .»

Такимъ ничтожнымъ, жалкимъ вздоромъ занимался членъ Вр. Правительства за мѣсяцъ до переворота . . . Такъ, кажется, и остался до самаго конца открытымъ вопросъ о пуговицахъ . . .

*
* *

Когда теперь, болѣе года спустя, я мысленно хочу вновь пережить первые два мѣсяца существованія Вр. Правительства, въ моемъ воспоминаніи возникаетъ довольно хаотическая картина. Припоминаются отдѣльные эпизоды, бурныя столкновенія, возникавшія иногда совершенно неожиданно, безконечныя пренія, затягивавшія засѣданіе порою до глубокой ночи. Припоминается ежедневная лихорадочная работа, начинавшаяся съ утра и прерывавшаяся только завтракомъ и обѣдомъ. Я жилъ у себя на Морской, въ пяти минутахъ ходьбы отъ Маріинскаго дворца, это было очень удобно. Припоминаются безпрестанные телефоны, ежедневные посѣтители, — почти полная невозможность сосредоточиться. И припоминается основное настроеніе: все переживаемое представлялось н е р е а л ь н ы м ъ. Не вѣрилось, чтобы намъ удалось выполнить двѣ основныя задачи: продолженіе войны и благополучное доведеніе страны до Учредительнаго Собранія . . .

Извѣстно, что постановленіе Вр. Правительства объ образованіи особаго совѣщанія по изготовленію закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе состоялось лишь въ концѣ Марта. Способъ комплектованія этого учрежденія (назначеніе лицъ, представленныхъ группами и партіями) былъ выбранъ такой, который обезпечивалъ бы полное къ нему довѣріе. Но къ сожалѣнію это комплектованіе сильно затянулось. Фактически въ этомъ болѣе всего былъ виноватъ Исполнит. Комитетъ совѣта раб. депутатовъ, страшно запоздавшій представленіемъ своихъ кандидатовъ. Нужно, однако, сказать, что и вся постановка вопроса объ Учредит. Собраніи заключала въ себѣ внутренній порокъ, и это безсознательно ощущалось съ первыхъ же дней. Нерѣдко мнѣ приходилось впослѣдствіи слышать такія мнѣнія: Вр. Правительство должно было немедленно, въ первые же дни, образовать небольшую комиссію изъ нѣсколькихъ наиболѣе знающихъ и авторитетныхъ юристовъ, поручить имъ въ двухнедѣльный срокъ выработать законъ о выборахъ и назначить выборы возможно скорѣе, въ Маѣ, напримѣръ. Помню, что такую мысль высказывалъ, въ числѣ другихъ (нѣсколько неожиданно), Л. М. Брамсонъ. Лично я, съ первыхъ же дней пребыванія въ должности управляющаго дѣлами, неоднократно и настойчиво заговаривалъ съ кн. Львовымъ о необходимости возможно скорѣе поднять въ конкретной формѣ

и разрѣшить вопросъ. Но всегда оказывались другія, болѣе настоятельныя, не терпящія отлагательства дѣла. Когда же образовано было наконецъ особое совѣщаніе и началась разработка закона, весь аппаратъ оказался настолько сложнымъ и громоздкимъ, что стало невозможнымъ разсчитывать на сколько-нибудь быстрое окончаніе работы и назначеніе выборовъ въ близкомъ будущемъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что другой планъ — образованіе маленькой комиссіи, быстрая разработка закона, назначеніе выборовъ возможно скорѣе — былъ и осуществимъ и цѣлесообразенъ! Я этого не думаю. Прежде всего, для меня несомнѣнно, что начался бы немедленный походъ противъ правительства, съ обвиненіемъ его въ намѣреніи составить законъ кабинетнымъ, бюрократическимъ путемъ. Всякіе недостатки этого закона ставились бы на счетъ правительству. Подрывался бы авторитетъ составителей — и, конечно, выполненнаго ими проекта. Думаю, что и сами составители оказались бы въ величайшемъ затрудненіи по ряду коренныхъ, принципіальныхъ рѣшеній, — хотя бы, напримѣръ, по вопросу о той или другой системѣ выборовъ — мажоритарной или пропорціональной, или по вопросу объ участіи въ выборахъ чиновъ дѣйствующей арміи и флота, или, наконецъ, по организаціи выборовъ на окраинахъ. Но допустимъ, что всѣ эти затрудненія удалось бы преодолѣть. Какъ можно было организовать выборы въ Россіи, сверху до низу потрясенной переворотомъ, въ Россіи, еще не имѣющей ни демократическаго самоуправленія, ни правильно налаженнаго мѣстнаго административнаго аппарата? А выборы въ арміи?.. Но, конечно, самый огромный рискъ заключался бы въ самомъ созывѣ Учредит. Собранія. Наивные люди могли теоретически представлять себѣ это собраніе и роль его въ такомъ видѣ: собралось бы оно, выработало бы основной законъ, разрѣшило вопросъ о формѣ правленія, — назначило бы правительство и облекло его всею полнотою власти для окончанія войны, а затѣмъ разошлось бы... Это можно себѣ представить, но кто повѣритъ, что такъ въ самомъ дѣлѣ могло случиться? Еслибы до Учредит. Собранія удержалась какая-нибудь власть, то созывъ его былъ бы несомнѣнно началомъ анархіи.

Теперь опытъ съ Учредит. Собраніемъ продѣланъ. Вѣроятно сами большевики въ Октябрѣ еще не представляли, что уже въ началѣ Января, два мѣсяца спустя послѣ переворота, удастся такъ легко раздѣлаться съ этимъ собраніемъ. Какъ извѣстно, одно изъ обвиненій, предъявленныхъ ими Вр. Правительству, заключалось въ томъ, что Вр. Правительство затягивало выборы... А когда для нихъ Учредит. Собраніе оказалось неподходящимъ, они безъ колебаній его разогнали. Еслибы Вр. Правительство чувствовало подлинную, реальную силу, оно могло сразу объявить, что созывъ Учредит. Собранія произойдетъ по окончаніи войны, — и это, конечно, по существу было бы единственно правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, послѣ того, какъ отказъ Михаила Александровича сдѣлалъ необходимой постановку вопроса о формѣ правленія. Но Вр. Правительство не чувствовало реальной силы. Ибо съ первыхъ же дней его существованія началась та борьба, въ которой на одной сторонѣ стояли всѣ благоразумные и умѣренные, но увы! — робкіе, неорганизованные, привыкшіе лишь повиноваться, неспособные властвовать элементы общества, а на другой — организованное rascality, со своими тупыми, фанатическими, а порою безчестными вожаками.

Центромъ тяжести всего положенія сразу сталъ вопросъ объ арміи.

Недѣли черезъ три послѣ переворота, начиная съ двадцатыхъ чиселъ Марта, стали прибывать въ Петербургъ депутаціи съ фронта. Цѣлью ихъ пріѣзда выставлялось съ одной стороны — заявить Вр. Правительству о своей готовности, поддержать новый строй и защищать свободу, а съ другой — уяснить себѣ настоящую сущность отношеній между Вр. Правительствомъ и совѣтомъ раб. депутатовъ. — Депутаціи прибывали ежедневно, съ разныхъ фронтовъ, отъ разныхъ частей, въ болѣе или менѣе многочисленномъ составѣ, съ командирами и офицерами во главѣ, съ красными значками и красными знаменами. Почти всегда Вр. Правительство принимало ихъ въ ротондѣ Маріинскаго дворца. Помню, какъ въ началѣ меня поражала картина внутренности этого дворца и какъ трудно было сочетать ее со старыми воспоминаніями, относящимися къ эпохѣ до-реформеннаго Совѣта и моей службы въ Государственной канцеляріи. Тогда Маріинскій дворецъ былъ святилищемъ высшей бюрократіи. Въ немъ помѣщались Государственный Совѣтъ съ Государственной канцеляріей, Комитетъ Министровъ и его канцелярія и канцелярія по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Въ великолѣпныхъ залахъ дворца, устланныхъ бархатными коврами, обвѣшанныхъ тяжелыми драпировками, уставленныхъ золоченой мебелью, безшумно двигались необыкновенно статные камеръ-лакеи въ расшитыхъ ливреяхъ и бѣлыхъ чулкахъ, разнося чай и кофе. Въ дни засѣданій Пленума (по понедѣльникамъ) царила какая-то взволнованная торжественность. Внушительныя фигуры по большей части престарѣлыхъ сановниковъ, въ лентахъ и орденахъ, — военные и придворные мундиры, — сдержанные разговоры — все создавало какую-то атмосферу недоступности, оторванности отъ низменной будничной жизни. Въ эти дни человѣкъ въ пиджакѣ показался бы какой-то неприличной и дикой аномаліей, еслибы онъ вдругъ очутился въ средѣ этихъ выхоленныхъ, нарядныхъ, осанистыхъ людей.

Сейчасъ все это исчезло безслѣдно. Маріинскій дворецъ подвергся радикальному «опрощенію». Въ его роскошныя залы хлынули толпы лохматыхъ, небрежно одѣтыхъ людей, въ пиджакахъ и косоворткахъ самого пролетарскаго вида. Великолѣпные лакеи, смѣнивъ ливреи на сѣрыя тужурки, потеряли всю свою представительность. Прежнее торжественное священнодѣйствіе замѣнилось крикливой суетой. Все это произошло хотя и постепенно, но въ очень короткій промежутокъ времени. Въ первыя недѣли въ Маріинскомъ дворцѣ собиралось только Вр. Правительство да Юридическое Совѣщаніе. Тогдашній «революціонный» городской голова, Ю. Н. Глѣбовъ, настойчиво хлопоталъ о томъ, чтобы большой залъ Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ аванъ-заломъ, былъ предоставленъ Городской Думѣ для ея засѣданій. Я также настойчиво противодѣйствовалъ этой попыткѣ, которая и провалилась. Но зато Маріинскій дворецъ очень скоро сталъ центральнымъ мѣстомъ всякихъ комиссій, а когда начало свои работы Совѣщаніе по выработкѣ закона о выборахъ въ Учредит. Собраніе, бывали дни, когда всѣ залы, до ротонды включительно, были заняты комиссіями. Въ Мартѣ еще этого не было, ротонда почти всегда бывала свободна, и ею пользовались для пріёма воинскихъ депутацій.

Какъ больно, какъ тягостно сейчасъ вспоминать объ этихъ депутаціяхъ! Сколько выслушано было нами заявленій о готовности поддержать всѣми силами «Народное Временное Правительство», дружно отстаивать свободу и неприкосновенность родины, не слушать смутьяновъ, не поддаваться на

происки враговъ! Какія горячія, часто восторженныя рѣчи! Правда, лица солдатъ по большей части выражали — въ лучшемъ случаѣ — какую-то растерянную тупость; правда, въ словахъ офицеровъ не чувствовалось ни увѣренности, ни властности, и часто рѣзала революціонная фраза, гибельная по своему духу. Правда, казалась непонятной и неправдоподобной эта внезапная революціонная сознательность, и шевелился въ душѣ вопросъ: не есть ли это просто голосъ бунтарства, не сказывается ли здѣсь элементарный протестъ противъ всякой дисциплины, всякаго подчиненія? Главной темой рѣчей былъ почти неизмѣнно вопросъ объ отношеніяхъ между Вр. Правительствомъ и Совѣтомъ раб. депутатовъ. Часто говорилось, что армія смущена и недоумѣваетъ подъ впечатлѣніемъ какого-то двоевластія, что ей нужна единая власть. Въ отвѣтъ на это изъ устъ представителей правительства слышались довольно-таки елейныя заявленія о томъ, что никакого двоевластія нѣтъ, что между нимъ, Вр. Правительствомъ, и Совѣтомъ раб. депутатовъ полное единеніе, взаимное довѣріе, наилучшія отношенія. Говорилось и на тему о войнѣ, но здѣсь какъ-то меньше всего чувствовалось увѣренности.

Первыя депутаціи производили и на Вр. Правительство и на самыхъ депутатовъ сильное впечатлѣніе. Казалось, что устанавливается какая-то духовная связь съ арміей, и что можно будетъ удержать или даже воссоздать крѣпкую и стойкую военную силу. Но это только казалось. Прибывавшія съ фронта депутаціи вступали въ контактъ не только съ правительствомъ, но и съ Совѣтомъ депутатовъ. Правительство ограничивалось тѣмъ, что принимало ихъ въ залахъ Маріинскаго дворца, выслушивало, отвѣчало, депутаціи кричали ему «ура» — и уходили въ Таврическій дворецъ, гдѣ имъ прежде всего внушали убѣжденіе въ величіи и всемогуществѣ Совѣта раб. депутатовъ и его Исполнительнаго Комитета, и гдѣ всевозможные безотвѣтственные люди занимались демагогической и анархической пропагандой. Эту же пропаганду они встрѣчали вездѣ, — на уличныхъ митингахъ, въ казармахъ, — они входили въ соприкосновеніе съ разнузданными и развращенными элементами петербургскаго гарнизона, гордящимися тѣмъ, что «мы сдѣлали революцію», и сами развращались. Въ результатѣ, паломничество депутацій отъ армій въ Петербургъ сдѣлалось средствомъ зараженія и разложенія войскъ, а не ихъ оздоровленія.

Когда въ срединѣ Апрѣля ген. Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ засѣданіяхъ Вр. Правительства (собиравшагося, по случаю болѣзни А. И. Гучкова, на его квартирѣ) обрисовывалъ настроеніе въ арміи, я хорошо припоминаю, какое чувство жути и безнадежности меня охватывало. Выводъ былъ совершенно ясенъ. Несмотря на всѣ оговорки, приходилось уже тогда констатировать, что революція нанесла страшнѣйшій ударъ нашей военной силѣ, что ея разложеніе идетъ колоссальными шагами, что командованіе безсильно. Обнаружилось въ командномъ составѣ два теченія, два типа людей. Одни очень скоро поняли, что они могутъ удержаться на своихъ мѣстахъ только безудержнымъ потаканіемъ революціонизированныхъ солдатъ, заискиваніемъ, утрированіемъ новыхъ «товарищескихъ» отношеній, — по-просту говоря — подличаніемъ передъ солдатами. Эти лица, конечно, только способствовали разрушенію дисциплины, утратѣ сознанія воинскаго долга, — вообще, гибели арміи. Другіе не хотѣли мириться съ новыми порядками и новымъ духомъ, пытались имъ

противодѣйствовать, проявить власть, — и либо попадали въ трагическія исторіи. либо оказывались неудобными въ глазахъ болѣе высокаго начальства и были смѣщаемы со своихъ должностей. Такимъ образомъ, лучшіе, наиболѣе сильные, наиболѣе добросовѣстные элементы исчезали, а оставалась либо жалкая дрянь, либо особенно ловкіе люди, умѣвшіе балансировать между двумя крайностями.

Въ моихъ бумагахъ хранится нѣсколько писемъ, въ то время и позже мною полученныхъ отъ гр. Н. Н. Игнатьева, человѣка, прослужившаго всю свою жизнь на военной службѣ, командовавшаго во время войны Преображенскимъ полкомъ, — настоящаго офицера и притомъ очень неглупаго, вдумчиваго и серьёзнаго человѣка. Если не ошибаюсь, революція застала его либо начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, либо начальникомъ гвардейской пѣхотной дивизіи. Эти его письма произвели на меня большое впечатлѣніе. Они подтвердили мои худшія догадки. Сейчасъ ихъ у меня нѣтъ подъ рукой, и я не могу провѣрить даты, но мнѣ помнится, что очень скоро въ этихъ письмахъ зазвучала такая нота: надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что война кончена, что мы больше воевать не можемъ и не будемъ, потому что армія стихійно не хочетъ воевать. Умные люди должны придумать способъ ликвидировать войну безболѣзненно, иначе произойдетъ катастрофа... Я показалъ одно изъ писемъ Гучкову. Онъ его прочелъ и вернулъ мнѣ, сказавъ при этомъ, что онъ получаетъ такія письма массами. «Что же вы думаете по этому поводу?» спросилъ я. Онъ только пожалъ плечами и отвѣтилъ что-то въ родѣ того, что приходится надѣяться на чудо. Но чудо не произошло, процессъ пошелъ естественнымъ и необходимымъ путемъ и привелъ къ естественному и необходимому концу.

Большевистскій переворотъ

(Октябрь 1917 г.)

Въ одномъ изъ мартовскихъ засѣданій Временнаго Правительства, въ перерывѣ, во время продолжавшагося разговора на тему о все развивающейся большевистской пропагандѣ, Керенскій заявилъ — по обыкновенію, истерически похохатывая: «А вотъ погодите, самъ Ленинъ ѣдетъ... Вотъ когда начнется по настоящему!» По этому поводу произошелъ краткій обмѣнъ мнѣніями между министрами. Уже было извѣстно, что Ленинъ и его друзья собираются прибѣгнуть къ услугамъ Германіи для того, чтобы пробраться изъ Швейцаріи въ Россію. Было также извѣстно, что Германія какъ будто идетъ этому на встрѣчу, хорошо учитывая результаты. Если не ошибаюсь, Милюковъ (да, именно онъ!) замѣтилъ: «Господа, неужели мы ихъ впустимъ при такихъ условіяхъ?» Но на это довольно единодушно отвѣчали, что формальныхъ основаній воспрепятствовать въѣзду Ленина не имѣется, что, наоборотъ, Ленинъ имѣетъ право вернуться, такъ какъ онъ амнистированъ, — что способъ, къ которому онъ прибѣгаетъ для совершенія путешествія, не является формально преступнымъ. Къ этому прибавляли, — уже съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности подходя къ вопросу, что самый фактъ обращенія къ услугамъ Германіи въ такой мѣрѣ подорветъ авторитетъ Ленина, что его не придется бояться. Въ общемъ, всѣ смотрѣли довольно поверхностно на опасности, связанныя съ

пріѣздомъ вождя большевизма. Этимъ былъ данъ основной тонъ. Связанное своими провозглашеніями свободъ, само безпрерывно митингуя, Вр. Правительство не считало возможнымъ противодѣйствовать, хотя бы, самой необузданной и разрушительной пропагандѣ, устной и въ печати.

Въ газетахъ того времени нашло себѣ отраженіе то странное и неожиданное впечатлѣніе, которое произвелъ пріѣздъ Ленина и его первыя выступленія. Даже Стекловъ-Нахамкесъ нашелъ нужнымъ заявить, что Ленинъ, повидимому, потерялъ контактъ съ русской дѣйствительностью. «Правда» не сразу сумѣла подняться до уровня своего идейнаго вождя. Въ Исполнит. Комитетѣ первоначальное смущеніе скоро перешло въ опредѣленную враждебность. Но колоссальную настойчивость и самоувѣренность Ленина нельзя было, конечно, побѣдить такъ просто. Все послѣдующее показало, до какой степени ясно, даже въ деталяхъ, былъ продуманъ планъ. Онъ немедленно, шагъ за шагомъ, началъ осуществляться, причемъ главнымъ рычагомъ было утомленіе арміи войною и начавшееся на фронтѣ, подъ прямымъ вліяніемъ Петербургскаго переворота, быстрое, — можно сказать, катастрофическое, — разложеніе.

По своимъ воспоминаніямъ, мнѣ приходится констатировать, что Вр. Правительство съ изумительной пассивностью относилось къ этой гибельной работѣ. О Ленинѣ почти никогда не говорили. Помню, Керенскій уже въ Апрѣлѣ, черезъ нѣкоторое время послѣ пріѣзда Ленина, какъ-то сказалъ, что онъ хочетъ побывать у Ленина и побесѣдовать съ нимъ, и въ отвѣтъ на недоумѣнные вопросы, пояснилъ, что «вѣдь онъ живетъ въ совершенно изолированной атмосферѣ, онъ ничего не знаетъ, видитъ все чрезъ очки своего фанатизма, около него нѣтъ никого, кто бы хоть сколько-нибудь помогъ ему оріентироваться въ томъ, что происходитъ». Визитъ, сколько мнѣ извѣстно, не состоялся. Не знаю, отклонилъ ли его Ленинъ, или Керенскій самъ отказался отъ своего намѣренія. Затѣмъ, какъ я уже, кажется, отмѣчалъ, неоднократно возникали во Вр. Правительствѣ разговоры по поводу безобразій, творившихся съ домомъ Кшесинской, — частной собственностью, захваченной явно-насильственнымъ способомъ и ежедневно подвергавшейся порчѣ и разрушенію. Но дальше разговоровъ дѣло не шло. Когда повѣренный Кшесинской возбудилъ у мирового судьи искъ о выселеніи организацій, произвольно завладѣвшихъ особнякомъ, Керенскій съ удовольствіемъ указывалъ, что вотъ наконецъ вступили на правильный путь. Но когда его спросили, какимъ же образомъ будетъ приведено въ исполненіе рѣшеніе мирового судьи, онъ отвѣтилъ, что это его не касается, что это — дѣло администраціи, исполнительной власти, Министерства внутреннихъ дѣлъ, — каковое министерство въ то время находилось въ нѣтяхъ. Какъ извѣстно, въ концѣ концовъ удалось выселить большевиковъ, но дѣло уже было сдѣлано, — они вполнѣ и до конца использовали свою площадную трибуну.

Въ первомъ, до извѣстной степени организованномъ, выступленіи противъ Вр. Правительства, 19—21 Апрѣля, когда войска пришли къ Маріинскому дворцу съ плакатами, требовавшими отставки Милюкова, еще не была ясна роль большевиковъ. Выступленіе это было ликвидировано, какъ извѣстно, вполнѣ безболѣзненно. Населеніе Петербурга въ огромной своей массѣ реагировало вполнѣ опредѣленно въ пользу Вр. Правительства. Въ эти дни Гучковъ хворалъ, и засѣданія происходили у него на квартирѣ. Я помню бурный день, начавшійся появленіемъ войскъ на площади Маріин-

скаго дворца и закончившійся безпрерывнымъ митингомъ передъ домомъ военнаго министерства, и горячими оваціями по адресу Милюкова и Гучкова. Въ тотъ день еще чувствовалась большая моральная сила Вр. Правительства, остававшаяся — увы! — совершенно неиспользованной... Петербургъ тогда какъ бы впервые почуялъ возможность будущихъ потрясеній, и въ массѣ своей сказалъ, что онъ ихъ не хочетъ.

Исторія Іюльскихъ дней — дней второго выступленія войскъ, на этотъ разъ уже имѣвшаго характеръ настоящей попытки возстанія, — когда-нибудь будетъ изслѣдована во всѣхъ подробностяхъ, и выяснится весь тайный ходъ ея. Я хочу только вспомнить свои личныя переживанія и впечатлѣнія. Въ то время я уже давно пересталъ быть управляющимъ дѣлами Вр. Правительства. Оффиціальныя мои занятія были, однако, довольно разнообразны, такъ какъ я работалъ въ Юридическомъ Совѣщаніи и въ комиссіяхъ и пленумѣ Совѣщанія по составленію закона о выборахъ въ Учредит. Собраніе. Кромѣ того, я былъ членомъ комиссіи по пересмотру и введенію въ дѣйствіе Уголовнаго Уложенія. Кстати сказать: какъ больно теперь вспомнить всю эту напряженную работу, поглотившую столько труда, энергіи, времени, — работу, часто очень высокаго качества (я, конечно, имѣю въ виду работу коллектива, а не свое личное участіе) — и оставшуюся абсолютно безплодной, на половину забытой!..

О томъ, что готовится вооруженное выступленіе большевиковъ, уже давно ходили толки. Керенскій находился на фронтѣ. Пропаганда уличная, митинговая и газетная съ каждымъ днемъ становилась необузданнѣе. Послѣ первыхъ извѣстій объ успѣхахъ въ первые дни наступленія (18 Іюня) стали приходить тревожные слухи. Настроеніе создавалось безпокойное, подавленное.

2 Іюля у насъ было назначено въ помѣщеніи Центральнаго Комитета засѣданіе, по обыкновенію въ $8^1/_2$ часовъ вечера. Отправившись туда послѣ обѣда, я замѣтилъ, подходя къ набережной, очень большое оживленіе. По Милліонной было много солдатъ, какія-то части стояли на Марсовомъ полѣ, около начала Милліонной. Слышались шумные разговоры, что-то разсказывали объ идущихъ съ того берега Невы демонстраціяхъ. Суворовская площадь была запружена народомъ. Уже пройдя мимо англійскаго посольства, я увидѣлъ, что по Троицкому мосту, съ Петербургской стороны, движется большая толпа со знаменами и плакатами. Иду дальше. На Французской набережной меня обгоняетъ моторъ, наполненный вооруженными солдатами, расположившимися внутри и лежащими на переднихъ крыльяхъ съ наведенными впередъ винтовками. Тѣ же безумныя, тупыя, звѣрскія лица, какія мы всѣ помнимъ въ февральскіе дни... Промчался въ томъ же направленіи броневикъ. Придя въ помѣщеніе Центральнаго Комитета, я встрѣтилъ тамъ одну изъ служащихъ въ секретаріатѣ, и узналъ отъ нея, что засѣданіе состоится не здѣсь, а на Фурштадтской: — она назвала номеръ. Я отправился на Фурштадтскую. На углу Шпалерной и Литейной трудно было двигаться. Стояли плотныя массы народу, слышались нестройные крики, а съ Литейной шли вооруженные толпы рабочихъ, направлявшіяся затѣмъ налѣво по Шпалерной, къ Таврическому дворцу и къ Смольному. На плакатахъ были большевистскія надписи: «Долой министровъ-капиталистовъ», «Вся власть Совѣтамъ» и др. Лица были мрачныя, злобныя. Я пошелъ по Литейной къ Фурштадтской, но придя къ указанному

мнѣ дому, долженъ былъ убѣдиться, что мнѣ, повидимому, дали невѣрный адресъ. Пришлось идти обратно на Французскую набережную, выяснить недоразумѣніе, и вернуться вновь на Фурштадтскую, получивъ уже правильное указаніе. Засѣданіе происходило въ одной изъ квартиръ большого дома, съ двумя парадными подъѣздами. Я засталъ Центральный Комитетъ въ довольно большомъ составѣ. Предсѣдательствовалъ Милюковъ. Обсуждался проектъ обращенія къ населенію. Обмѣнъ мнѣніями шелъ какъ-то вяло, — поминутно выходили въ сосѣднюю комнату, звонилъ телефонъ, происходили a parte. Мы сидѣли уже больше часа, когда пришли сообщить, что къ дому подъѣхалъ броневикъ и что выходъ на улицу занятъ солдатами. Это извѣстіе вызвало оживленный разговоръ по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли какъ-нибудь и куда-нибудь укрыть Милюкова и Шингарева*: — провести ихъ по черному ходу, отвести въ какую-нибудь другую квартиру. Но оба они заявили, что если хозяевъ квартиры не смущаетъ ихъ дальнѣйшее пребываніе, они останутся. Засѣданіе продолжалось, и обсужденіе закончилось безъ какихъ-либо инцидентовъ. Кажется, и Милюковъ, и Шингаревъ остались ночевать въ квартирѣ. Выяснилось, что броневикъ уѣхалъ и что выходъ на улицу свободенъ. Былъ двѣнадцатый часъ ночи, было душно и пыльно. Мнѣ предстоялъ большой путь. Я рѣшилъ пойти по Литейной, Пантелеймоновской, мимо Лѣтняго сада и Марсова поля на Мойку и черезъ Дворцовую площадь прямо къ Исаакію. Несмотря на поздній часъ, на Литейномъ было совсѣмъ дневное оживленіе. То и дѣло сходились кучками, шли солдаты съ винтовками, матросы, — гудѣли автомобили. Поближе къ Марсову полю стало тише и пустыннѣе. Я прошелъ свой путь безъ всякихъ инцидентовъ и, дойдя (по Адмиралтейскому бульвару) до Вознесенскаго проспекта, свернулъ на-лѣво. Передъ гостинницей «Англія» стояла кучка встревоженныхъ жильцовъ, — среди нихъ моя кузина, Катя Д., сказавшая мнѣ, что войска стоятъ на Морской, вдоль площади (Маріинской) и на улицахъ, и что меня едва-ли пропустятъ. Я, однако, направился мимо дома Мятлевыхъ и германскаго посольства къ Морской и прошелъ безпрепятственно. Войска были расположены двумя длинными шеренгами, захватывавшими и часть Морской, — до итальянскаго посольства, примѣрно.

Повидимому, это были войска, вызванныя правительствомъ для охраны Маріинскаго дворца.

Ходъ событій въ послѣдующіе дни припоминается мнѣ смутно. Физіономія города быстро измѣнилась. Исчезли автомобили частныхъ людей, по улицамъ помчались броневики и моторы, набитые вооруженными рабочими и солдатами. То и дѣло, въ разныхъ мѣстахъ вспыхивала перестрѣлка, съ разныхъ сторонъ начинали трещать выстрѣлы. Многочисленная публика, переполнявшая тротуары Невскаго Проспекта, вдругъ шарахалась въ сторону, бросалась опрометью бѣжать, чуть не сбивая съ ногъ встрѣчныхъ. То и дѣло, появлялись большіе отряды, шедшіе куда-то съ красными знаменами и плакатами уже отмѣченнаго содержанія. Стояли чудесные жаркіе дни, сіяло солнце, — какой-то разительный контрастъ между жизнью природы и тревожными, взволнованными впечатлѣніями отъ всего происходя-

* Шингаревъ только что ушелъ изъ состава Вр. Правительства, вмѣстѣ съ Мануиловымъ.

щаго. Маріинскій дворецъ опустѣлъ, въ засѣданія комиссій никто почти не являлся. Я ходилъ по улицамъ, бывалъ въ редакціи «Рѣчи», старался оріентироваться въ томъ, что совершалось. Кн. Львовъ и кое-кто изъ министровъ находились въ штабѣ округа (на Дворцовой площади). Разсказывали, что въ первый день была сдѣлана неудачная попытка арестовать Вр. Правительство. Всѣ чего-то напряженно ждали... Кончилась вся исторія, какъ извѣстно, прибытіемъ вѣрныхъ правительству войскъ съ фронта (кавалерійская дивизія), изоляціей и послѣдующимъ обезоруженіемъ возставшихъ, полной побѣдой правительства и временной — увы! — ликвидаціей большевизма. Это былъ моментъ, который Вр. Правительство вполнѣ могло использовать для окончательной ликвидаціи Ленина и К⁰. Оно не рѣшилось это сдѣлать. Новая правительственная декларація содержала лишь новыя уступки соціализму и циммервальдизму, — затѣмъ покинулъ свой постъ кн. Львовъ и правительство перешло къ Керенскому...

Послѣ іюльскаго кризиса, образованія новаго министерства, созыва Московскаго Государственнаго Совѣщанія, корниловской исторіи и временнаго функціонированія такъ-называемой «директоріи», — учрежденіе «Совѣта Россійской республики» и призывъ въ составъ правительства представителей торгово-промышленнаго элемента (Третьякова, Смирнова, Коновалова), а также видныхъ к.-д. (Кишкина) — были послѣдней попыткой противупоставить нѣчто ростущей волнѣ большевизма. Я принималъ дѣятельное участіе въ этомъ послѣднемъ фазисѣ существованія Вр. Правительства. Милюковъ и Винаверъ были въ отъѣздѣ, я фактически стоялъ во главѣ Центральнаго Комитета. Выше я уже разсказалъ кое-какіе эпизоды, относящіеся къ этому времени. Когда выяснилось, что Церетели, игравшій въ переговорахъ наиболѣе видную роль (со стороны соціалистовъ), уѣзжаетъ на Кавказъ и въ засѣданіяхъ Совѣта не будетъ принимать участія, я спросилъ его, съ кѣмъ же намъ придется имѣть дѣло при партійныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ. Онъ указалъ на Ф. Дана (Гурвича).

Какъ извѣстно, при созданіи Совѣта республики сговаривавшіяся стороны (соціалисты и к.-д., главнымъ образомъ) преслѣдовали совершенно опредѣленную цѣль — укрѣпленіе Вр. Правительства въ его борьбѣ съ большевизмомъ. Нужно было разрѣдить атмосферу, дать правительству трибуну, съ которой оно могло выступать оффиціально и открыто передъ всей страной, дать ему реальную поддержку въ лицѣ партій, выступившихъ въ коалицію и представленныхъ въ самомъ правительствѣ. Для всего этого требовалось, конечно, прежде всего твердое и ясное рѣшеніе всѣхъ партій въ двухъ направленіяхъ: борьбы съ большевизмомъ, — поддержки власти. Когда заключена была работа по намѣчанію будущихъ членовъ Совѣта республики, я и Аджемовъ сговорились съ Гоцомъ, Даномъ и Скобелевымъ и условились встрѣтиться (на квартирѣ Аджемова), чтобы выяснить дальнѣйшій планъ дѣйствій и установить тактическій планъ.

Если не ошибаюсь, мы раза два собирались у Аджемова, и я живо вспоминаю то чувство безнадежности и раздраженія, которое постепенно овладѣвало мною во время этихъ разговоровъ. Я Дана зналъ мало, встрѣчался съ нимъ въ 1906 году, и съ тѣхъ поръ его не видалъ. Его отношеніе къ создавшемуся положенію вещей имѣло очень мало общаго съ отношеніемъ Церетели. На наше (съ Аджемовымъ) опредѣленное заявленіе, что главнѣйшей задачей вновь учрежденнаго Совѣта мы считаемъ

созданіе атмосферы общественнаго довѣрія вокругъ Вр. Правительства и поддержки его въ борьбѣ съ большевиками, Данъ отвѣтилъ, что онъ и его друзья не склонны напередъ обѣщать свое довѣріе и свою поддержку, что все будетъ зависѣть отъ образа дѣйствій правительства, и что, въ частности, они не видятъ возможности встать на точку зрѣнія борьбы съ большевиками прежде всего и во что бы то ни стало... «Но вѣдь въ этомъ-то и заключалась вся цѣль нашего соглашенія», возражали мы, «а Ваше теперешнее отношеніе есть опять-таки прежнее двусмысленное, невѣрное, колеблющееся довѣріе — «постолько, посколько», которое ничуть не помогаетъ правительству и не облегчаетъ его задачи». Данъ вилялъ, мямлилъ, велъ какую-то талмудическую полемику... Мы разошлись съ тяжелымъ чувствомъ, — съ сознаніемъ, что начинается опять старая канитель, что наши «лѣвые друзья» неисправимы, и что всѣ затраченныя нами усилія, направленныя къ тому, чтобы добиться соглашенія и поддержки власти въ ея борьбѣ съ анархіей и бунтарствомъ, едва ли не пропали даромъ.

Въ концѣ-концовъ, какъ извѣстно, оно такъ и оказалось. Вр. Правительство не имѣло въ Совѣтѣ республики опредѣленнаго и прочнаго большинства, которое бы его поддержало. Рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣлъ, какъ мнѣ кажется, демонстративный уходъ большевиковъ, послѣ котораго крайнюю лѣвую пришлось занять интернаціоналистамъ, связаннымъ довольно тѣсно съ прочимъ соціалистическимъ болотомъ. Совѣтъ оказался весьма громоздкой машиной и много времени прошло на то, чтобы его сорганизовать и пустить въ ходъ. Совѣщаніе старшинъ можно было смѣло назвать синедріономъ. Подавляющая часть его состава были евреи. Изъ русскихъ были только Авксентьевъ, я, Пѣшехоновъ, Чайковскій... Помню, что на это обстоятельство обратилъ мое вниманіе Маркъ Вишнякъ, сидѣвшій — въ качествѣ секретаря — рядомъ со мною (я былъ товарищемъ предсѣдателя).

Въ предварительныхъ переговорахъ выяснилось, что въ предсѣдатели Совѣта намѣченъ Авксентьевъ, въ товарищи предсѣдателя — Пѣшехоновъ, Крохмаль и я, въ секретари — Вишнякъ. Съ Авксентьевымъ я раньше не былъ знакомъ, — его сумбурно-безсодержательная рѣчь на Московскомъ Совѣщаніи (произнесенная имъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ) произвела на меня очень невыгодное впечатлѣніе. Болѣе близкое знакомство въ теченіе Октября и Ноября измѣнило это впечатлѣніе. Лично Авксентьевъ очень привлекательный человѣкъ, — несомнѣнно искренній, отнюдь не страдающій самомнѣніемъ, хорошо отдававшій себѣ отчетъ въ томъ, что Россія находится на краю бездны. Какъ предсѣдатель Совѣта, онъ держалъ себя безукоризненно, а въ личныхъ отношеніяхъ былъ и корректенъ. и пріятенъ. При всемъ томъ, однако, о немъ менѣе всего можно было бы сказать, чтобы онъ былъ выдающейся, сильной личностью, способной импонировать другимъ и вести ихъ за собою. Какъ предсѣдатель, онъ показалъ полную объективность и безпристрастіе, но конечно ему трудно было за одинъ мѣсяцъ — даже меньше — завоевать себѣ какой бы то ни было авторитетъ.

Одна изъ практическихъ задачъ, которыя наша партія себѣ поставила въ совѣтѣ, заключалась въ томъ, чтобы добиться удаленія ген. Верховскаго съ поста военнаго министра. Онъ съ самаго начала обнаружилъ свою полную несостоятельность и представлялся прямо какой-то загадочной фигурой,

какимъ-то психопатомъ, не заслуживающимъ никакого довѣрія. Противъ Верховскаго выступили въ Совѣщаніи сперва Аджемовъ, чрезвычайно рѣзко и страстно, а потомъ К. Н. Соколовъ (пользовавшійся матеріалами, доставленными ему Аджемовымъ). Нѣсколько времени спустя, — должно быть, въ десятыхъ числахъ Октября, придя утромъ изъ кабинета Авксентьева, гдѣ происходило засѣданіе президіума, въ залъ засѣданія совѣта, я засталъ Шингарева, Милюкова и Аджемова совѣщающимися. Они сообщили мнѣ, что пришелъ въ Маріинскій дворецъ посланецъ отъ ген. Верховскаго и передалъ отъ имени послѣдняго, что онъ желалъ бы побесѣдовать по серьёзнымъ вопросамъ съ лидерами к.-д. и проситъ, въ случаѣ ихъ на то согласія, указать какое-либо нейтральное мѣсто, гдѣ бы можно было собраться. Мы предложили Верховскому, пріѣхать въ Маріинскій дворецъ, но онъ по телефону отвѣтилъ, что предпочелъ бы, сойтись гдѣ-нибудь не такъ на виду. Тогда остановили выборъ на моей квартирѣ, на Морской. Время было назначено 2 часа дня. Мнѣ кажется, что кромѣ названныхъ выше лицъ отъ к.-д. участвовалъ также Ф. Ф. Кокошкинъ. Верховскій пріѣхалъ аккуратно въ назначенный часъ, въ сопровожденіи адъютанта. Мы усѣлись въ моемъ кабинетѣ, кругомъ. Верховскій сразу вошелъ in medias res, заявилъ, что онъ хотѣлъ бы знать мнѣніе лидеровъ к.-д. по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли немедленно принять всѣ мѣры — въ томъ числѣ воздѣйствіе на союзниковъ — для того, чтобы начать мирные переговоры. Затѣмъ онъ сталъ мотивировать свое предложеніе и развернулъ отчасти знакомую намъ картину полнаго развала арміи, отчаяннаго положенія продовольственнаго дѣла и снабженія вообще, гибель конскаго состава, полную разруху путей сообщенія, съ такимъ выводомъ: «При такихъ условіяхъ воевать дольше нельзя, и всякія попытки продолжать войну только могутъ приблизить катастрофу».

Мое положеніе было психологически очень трудное. Не менѣе, какъ за мѣсяцъ до того, я принималъ участіе въ частномъ совѣщаніи, созванномъ кн. Григоріемъ Ник. Трубецкимъ, какъ разъ по этому вопросу. Въ этомъ засѣданіи были Терещенко и Нератовъ, а изъ приглашенныхъ припоминаю Родзянко, Коновалова, Третьякова (оба уже были министрами), Савича (члена Госуд. Думы), Стаховича Мих. Ал., Маклакова, П. Б. Струве, бар. Б. Э. Нольде, — кажется, всѣ, Милюковъ отсутствовалъ, его въ то время не было въ Петербургѣ. Вопросъ собственно сводился къ тому, допускаетъ ли коньюнктура даннаго момента оріентацію въ сторону мира и требуется ли такая оріентація нашимъ военнымъ положеніемъ.

За время, довольно долго предшествовавшее этому совѣщанію, я неоднократно и со все ростущей тревогой задумывался надъ этимъ вопросомъ. Мнѣ пришлось разъ довольно случайно, въ Зимнемъ дворцѣ, поговорить на эти темы съ Терещенкомъ и высказать ему мои опасенія. Онъ, въ сущности, ихъ раздѣлялъ, но все же утверждалъ, что по словамъ генерала Алексѣева возможно оздоровленіе и реорганизація арміи и подготовка къ весенней кампаніи, — пока же нужно и можно держать фронтъ. Долженъ сказать, что меня нисколько не убѣдили его соображенія. Когда затѣмъ, главнымъ образомъ по иниціативѣ бар. Нольде и Аджемова, вопросъ былъ поставленъ въ Центральномъ Комитетѣ у насъ (это было, должно быть, въ двадцатыхъ числахъ Сентября и также въ отсутствіи Милюкова), бар. Нольде сдѣлалъ обширный

докладъ, сводившійся къ тому, что чѣмъ дольше продолжается война, тѣмъ больше и невознаградимѣе наши потери, что армія наша все въ большей степени становится добычей большевизма, что по всему ходу дѣлъ можно уже теперь предвидѣть окончаніе войны «ни въ чью», безъ рѣшительной побѣды съ чьей бы то ни было стороны, и что намъ нужно напрячь всѣ силы для того, чтобы побудить союзниковъ къ мирнымъ переговорамъ, такъ какъ о сепаратномъ мирѣ, понятное дѣло, не можетъ быть рѣчи.

Центральный Комитетъ отнесся къ докладу и ко всему въ немъ развитому ходу мыслей — въ подавляющемъ большинствѣ своемъ — отрицательно. Защищали его, сколько мнѣ помнится, только А. А. Добровольскій (очень рѣшительно и опредѣленно) и я. Никакихъ постановленій сдѣлано не было, было рѣшено дождаться возвращенія Милюкова и вновь поставить во всемъ объёмѣ вопросъ о войнѣ и о международной политикѣ. Кстати сказать, это обсужденіе такъ и не состоялось. Милюковъ вернулся только около 10-го Октября (послѣ нашего московскаго съѣзда), а черезъ двѣ недѣли произошелъ большевистскій переворотъ.

На совѣщаніи у Трубецкого бар. Нольде болѣе или менѣе точно воспроизвелъ всю свою аргументацію. И на этотъ разъ она въ общемъ не встрѣтила сочувствія. Особенно рѣзко возражалъ М. В. Родзянко, возражалъ и Савичъ, и другіе. Суть возраженій заключалась отчасти въ оспариваніи факта полнаго и безповоротнаго разложенія нашей арміи, отчасти въ указаніи, что нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ разсчитывать на склонность нашихъ союзниковъ отнестись сколько-нибудь благопріятно къ какой бы то ни было нашей иниціативѣ въ постановкѣ вопроса о мирныхъ переговорахъ. Я и тутъ поддерживалъ Нольде. А. И. Коноваловъ съ большимъ жаромъ и искренностью также присоединился къ его выводамъ. Помню его слова о томъ, что то правительство, которому удалось бы дать Россіи миръ, пріобрѣло бы огромную популярность и сдѣлалось бы чрезвычайно сильнымъ.

Мнѣ пришлось уйти до конца засѣданія и я не слыхалъ рѣчей Струве и Маклакова, но, какъ мнѣ потомъ сказали, изъ нихъ только послѣдній отчасти поддерживалъ Нольде. Было рѣшено періодически собираться для обмѣна мнѣніями, но вторичнаго собранія уже не было.

Само собою разумѣется, что и въ Центральномъ Комитетѣ, и въ этомъ совѣщаніи у Трубецкого, мое положеніе было иное, чѣмъ при бесѣдѣ съ Верховскимъ. Онъ къ намъ обращался, какъ къ лидерамъ к.-д. Наиболѣе авторитетными среди насъ были, конечно, Милюковъ и Шингаревъ. Они сразу обрушились на Верховскаго. Мнѣ приходилось молчать, — тѣмъ болѣе что какъ бы ни была обоснована и доказательна аргументація Верховскаго, его собственная несостоятельность была слишкомъ очевидна и ожидать отъ него планомѣрной и успѣшной дѣятельности въ этомъ сложнѣйшемъ и деликатнѣйшемъ вопросѣ было невозможно. Онъ и здѣсь, и раньше всею своею личностью вызывалъ опредѣленно-отрицательное отношеніе. Можно было опасаться, что, предоставленный своей собственной иниціативѣ, онъ заведетъ насъ въ безвыходный тупикъ. Кромѣ того, все его недавнее прошлое было настолько — въ политическомъ отношеніи — сомнительно, что не исключалось предположеніе, что онъ просто играетъ въ руку большевикамъ. Разговоръ закончился тѣмъ, что Верховскій спросилъ: «Такимъ образомъ я не могу разсчитывать на Вашу поддержку въ этомъ направленіи?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, всталъ и раскланялся, — а

па другой день, въ вечернемъ засѣданіи комиссіи Совѣта Республики (комиссіи по военнымъ дѣламъ) повторилъ въ дополненномъ видѣ всю свою аргументацію, съ тѣми же выводами. Здѣсь произошло его столкновеніе съ Терещенкомъ, поставившимъ ему въ упоръ вопросъ (на который онъ долженъ былъ отвѣтить утвердительно): «Можетъ ли онъ, Верховскій, подтвердить, что все, имъ сказанное, впервые говорится въ засѣданіи комиссіи, и что въ правительствѣ никакого обмѣна мнѣніями по этому вопросу не было?» Верховскій отвѣтилъ, что дѣйствительно онъ до настоящаго времени такого доклада въ засѣданіи Вр. Правительства не дѣлалъ. Впечатлѣніе получилось совершенно скандальное. Верховскій былъ уволенъ въ отпускъ, при чемъ подразумѣвалось, что онъ изъ отпуска не вернется. А черезъ нѣсколько дней произошелъ большевистскій переворотъ.

Въ эти октябрскіе дни, въ хорошо мнѣ знакомомъ домѣ № 10 на Адмиралтейской набережной, въ бывшей квартирѣ моего тестя, теперь занятой А. Г. Хрущовымъ (это была квартира управляющаго дворянскимъ банкомъ) ежедневно, въ шестомъ часу, собирались министры к.-д. (Коноваловъ, Кишкинъ, Карташовъ, примыкающій Третьяковъ), вмѣстѣ съ делегированными въ эти совѣщанія членами Центральнаго Комитета — Милюковымъ, Шингаревымъ, Винаверомъ, Аджемовымъ и мною. Цѣль этихъ совѣщаній заключалась въ томъ, чтобы, во-первыхъ, держать министровъ въ постоянномъ контактѣ съ Центральнымъ Комитетомъ и, съ другой стороны, имѣть постоянное и правильное освѣдомленіе обо всемъ, происходящемъ въ правительствѣ. Въ этихъ нашихъ собраніяхъ Коноваловъ имѣлъ всегда крайне подавленный видъ и, казалось, что онъ потерялъ всякую надежду. «Ахъ, дорогой В. Д., худо, очень худо!» — эту его фразу я хорошо помню, онъ неоднократно говорилъ мнѣ ее (ко мнѣ онъ относился съ особеннымъ довѣріемъ и доброжелательностью). Въ особенности его угнеталъ Керенскій. Онъ къ тому времени окончательно разочаровался въ Керенскомъ, потерялъ всякое довѣріе къ нему. Главнымъ образомъ его приводило въ отчаяніе непостоянство Керенскаго, полная невозможность положиться на его слова, доступность его всякому вліянію и давленію извнѣ, иногда самому случайному. «Сплошь и рядомъ, чуть ли не каждый день такъ бываетъ» — говорилъ онъ. «Сговоришься обо всемъ, настоишь на тѣхъ или другихъ мѣрахъ, добьешься, наконецъ, согласія. — «Такъ такъ, Александръ Ѳедоровичъ, теперь крѣпко, рѣшено окончательно, перемѣны не будетъ?» — Получаешь категорическое завѣреніе. Выходишь изъ его кабинета — и черезъ нѣсколько часовъ узнаешь о совершенно иномъ рѣшеніи, уже осуществленномъ, или, въ лучшемъ случаѣ, о томъ, что неотложная мѣра, которая должна была быть принята именно сейчасъ, именно сегодня, опять откладывается, возникли новыя сомнѣнія или воскресли старыя, — казалось бы, уже устраненныя. И такъ изо дня въ день. Настоящая сказка про бѣлаго бычка». Особенно безпокоило его и всѣхъ насъ военное положеніе Петербурга и роль полковника Полковникова, къ которому онъ не чувствовалъ ни капли довѣрія. Повидимому, Керенскій въ эти дни находился въ періодѣ упадка духа, подвинуть его на какія-нибудь энергическія мѣры было совершенно невозможно, а время шло, большевики работали во всю, все меньше и меньше стѣсняясь. Положеніе съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе грознымъ. Слухи о предстоящемъ въ ближайшіе дни выступленіи большевиковъ ходили по городу, волнуя и

тревожа всѣхъ. Въ эти дни было отдано — совершенно академическое — распоряженіе объ арестѣ Ленина.

Накануне большевистскаго возстанія, какъ извѣстно, Керенскій появился въ Совѣтѣ республики, сообщилъ о раскрытомъ заговорѣ и просилъ поддержки и полномочій. Случайно меня не было въ это время въ Маріинскомъ дворцѣ, я вернулся немного спустя и засталъ картину полной растерянности. Происходилъ обычный тягостный и въ данныхъ условіяхъ особенно поражавшій своимъ ничтожествомъ и ненужностью процессъ — отыскиванія такихъ компромиссныхъ формулъ, которыя могли бы быть поддержаны какимъ ни на есть большинствомъ. К.-д. въ концѣ-концовъ своей формулы не предложили, рѣшивъ примкнуть къ формулѣ народныхъ соціалистовъ и кооперативовъ, но эти послѣдніе голосовали далеко не дружно, и въ результатѣ, послѣ провѣрки голосованія путемъ выхода въ двери, большинства не составилось. Въ наиболѣе рѣшительный моментъ Совѣтъ республики оказался несостоятельнымъ, онъ не далъ правительству нравственной поддержки, — напротивъ того, онъ нанесъ ему моральный ударъ, обнаруживъ его изолированность. Я не рѣшусь сказать, что иное голосованіе предотвратило бы на сколько-нибудь долгій срокъ теченіе событій и помѣшало бы большевикамъ, но результатъ этого печальнаго и постыднаго дня не могъ не поднять ихъ духа, не окрылить ихъ надеждой, не придать имъ рѣшимости. И съ другой стороны въ этотъ день съ особенной яркостью выказались отрицательныя черты нашей «революціонной демократіи», ея близорукая тупость, фанатизмъ словъ и формулъ, отсутствіе государственнаго чутья. Никакое разумное, сильное, настоящее правительство съ такими элементами работать бы не могло. Мы разошлись, крайне подавленные.

На другой день, часу въ десятомъ утра, когда я еще былъ въ своей уборной, ко мнѣ постучала прислуга и сказала, что меня хотятъ видѣть два офицера. Я велѣлъ просить ихъ въ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ нимъ. Офицеры эти (одинъ, сколько помнится, штабсъ-капитанъ, другой — поручикъ) были мнѣ незнакомы. Они казались крайне взволнованными. Назвавъ себя и свою должность, старшій изъ нихъ сказалъ: «Вы, вѣроятно, уже въ курсѣ событій и знаете, что началось возстаніе; почта, телеграфъ, телефонъ, арсеналъ, вокзалы захвачены, всѣ главные пункты въ рукахъ большевиковъ, войска переходятъ на ихъ сторону, сопротивленія никакого, дѣло Вр. Правительства проиграно. Наша задача — спасти Керенскаго, увезти его поскорѣе на автомобилѣ, на встрѣчу тѣмъ оставшимся вѣрными Вр. Правительству войскамъ, которыя двигаются къ Лугѣ. Всѣ наши моторы захвачены или испорчены. Мы пріѣхали просить васъ, не можете ли вы либо сами дать два закрытыхъ автомобиля, либо указать намъ, къ кому мы бы могли обратиться за этими автомобилями. Сейчасъ каждая минута дорога». Я былъ до такой степени пораженъ этими словами, что въ первую минуту подумалъ, нѣтъ ли тутъ мошенническаго покушенія съ цѣлью получить моторъ и увезти его. Я спросилъ, гдѣ же находится Керенскій? Офицеръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ штабѣ округа, въ кабинетѣ Полковникова. Я предложилъ еще два-три вопроса, а затѣмъ долженъ былъ объяснить офицерамъ, что у меня самого имѣется только одинъ старенькій ландолэ Бенца, для городской ѣзды, малосильный и потрепанный, — абсолютно не соотвѣтствующій предполагаемой

цѣли, — а другія какія-либо машины я затрудняюсь указать, такъ какъ послѣ всѣхъ реквизицій — до и послѣ переворота — у меня нѣтъ знакомыхъ, которые обладали бы такими машинами. Такимъ образомъ, я никакой пользы принести не могу. Офицеры тотчасъ же ушли, сказавъ, что они отправятся искать въ другихъ мѣстахъ. Проводивъ ихъ, я предупредилъ жену о происходящихъ событіяхъ и немного погодя вышелъ изъ дому и пошелъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ каждое утро, въ одиннадцатомъ часу, собирался президіумъ Совѣта республики. Тамъ уже было довольно много народу. Преобладало растерянное, взволнованное, безпомощное настроеніе. Фракція с.-р. отсутствовала совершенно, с.-д. также было немного. Авксентьевъ не зналъ, что дѣлать. Членовъ было слишкомъ мало, чтобы начать засѣданіе, а главное — отсутствовала вся его фракція. Послѣ довольно долгаго ожиданія, собравшіеся члены Совѣта стали проявлять нетерпѣніе и начали требовать, чтобы либо было открыто засѣданіе, либо было заявлено, что оно не состоится. Тогда Авксентьевъ собралъ сеніоренъ-конвентъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Въ это время приставъ Совѣта сообщилъ, что сейчасъ Керенскій проѣхалъ черезъ площадь, направляясь къ Вознесенскому проспекту — въ открытомъ (sic!) автомобилѣ, съ двумя адъютантами, имѣя позади себя второй закрытый моторъ. О томъ, гдѣ прочіе члены Вр. Правительства и что они дѣлаютъ, — никто ничего не зналъ... Собрался сеніоренъ-конвентъ. Очень короткое время спустя, послѣ открытія засѣданія, Е. Д. Кускова (не входившая въ составъ сеніоренъ-конвента) попросила разрѣшенія войти, и сообщила, что прибылъ отрядъ солдатъ, съ офицеромъ во главѣ, что всѣ выходы на площадь заняты, и что офицеръ желаетъ видѣть предсѣдателя. Въ отвѣтъ было заявлено, что предсѣдатель занятъ, что происходитъ засѣданіе совѣта старшинъ, и что, когда оно кончится, можно будетъ переговорить съ предсѣдателемъ. Черезъ нѣкоторое время Е. Д. Кускова вновь вошла въ комнату и передала, что начальникъ отряда предлагаетъ всѣмъ собравшимся и всѣмъ членамъ совѣта немедленно покинуть Маріинскій дворецъ, иначе будутъ приняты рѣшительныя мѣры, вплоть до стрѣльбы. Впечатлѣніе получилось ошеломляющее. Никто, повидимому, не соблазнялся перспективой лечь костьми во славу Совѣта россійской республики, и не было никакого повода вспоминать знаменитые историческіе прецеденты, такъ какъ Совѣтъ республики былъ учрежденіемъ совершенно случайнымъ, выдуманнымъ ad hoc, ни въ какомъ отношеніи не подходящимъ подъ понятіе народнаго представительства. Идейной почвы для защиты его во что бы то ни стало — совершенно не было. Съ полной ясностью ощущалось, что дѣло Совѣта тѣсно связано съ положеніемъ Вр. Правительства. Въ отвѣтъ на поставленный ультиматумъ была наскоро составлена трафаретная формула о примѣненномъ къ Совѣту насиліи и о томъ, что при первой возможности онъ будетъ созванъ вновь. Кажется, кто-то предложилъ собрать всѣхъ наличныхъ членовъ Совѣта въ залѣ общаго собранія, но это предложеніе не было принято, такъ какъ количество членовъ быстро таяло и никакой внушительной демонстраціи нельзя было ожидать. Когда мы вышли въ аванъзалъ, непосредственно примыкающій къ залу общаго собранія, оказалось, что вся лѣстница и первая передняя наверху сплошь заняты вооруженными солдатами и матросами. Они стояли двумя шеренгами, съ обѣихъ сторонъ лѣстницы. Обычныя безсмысленныя, тупыя, злобныя физіономіи. Я думаю

ни одинъ изъ нихъ не могъ бы объяснить, зачѣмъ онъ здѣсь, кто его послалъ и кого онъ имѣетъ передъ собою. Я шелъ съ Милюковымъ, мнѣ хотѣлось убѣдиться въ томъ, что онъ безпрепятственно вышелъ изъ дворца. Въ большой прихожей внизу было большое скопленіе солдатъ и матросовъ, стоявшихъ также шеренгами до дверей. Подъѣздъ былъ занятъ снаружи, выпускалъ изъ подъѣзда морской офицеръ. Каждый выходящій предъявлялъ свой именной билетъ. Думая, что это дѣлается съ цѣлью выясненія личностей и выполненія заранѣе данныхъ указаній, я былъ совершенно убѣжденъ, что Милюковъ и я самъ — будемъ арестованы. Мы шли къ дверямъ гуськомъ, я впереди его. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ выходить изъ дверей, на подъѣздѣ произошла какая-то заминка, движеніе остановилось. Прошли двѣ-три томительныя минуты. Какъ и во всѣ подобныя минуты, мною въ жизни пережитыя, я ощущалъ только большой подъёмъ нервовъ, ничего болѣе. Насъ выпустили. Мнѣ показалось, что, взглянувъ на билетъ Милюкова, офицеръ заколебался, но во всякомъ случаѣ это продолжалось только одну секунду, — и мы съ нимъ вдвоёмъ очутились на площади. Я его позвалъ къ себѣ позавтракать, но онъ сказалъ мнѣ, что предпочитаетъ отправиться домой, и мы разстались, пожавъ другъ другу руку. Вновь мы съ нимъ встрѣтились уже только въ 1918 году, 10/23 Іюня, въ Кіевѣ, послѣ кошмарныхъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ...

Вернувшись домой, я нѣкоторое время побылъ у себя, и около трехъ часовъ направился къ однимъ знакомымъ, живущимъ на Фонтанкѣ, недалеко отъ угла Вознесенскаго проспекта. Около четырехъ часовъ я оттуда позвонилъ домой, справляясь, нѣтъ ли чего новаго. Жена мнѣ сообщила, что только-что заѣзжалъ посланецъ отъ А. И. Коновалова (газетный сотрудникъ) и передалъ настойчивое приглашеніе прибыть въ Зимній дворецъ, гдѣ собираются члены Совѣта республики и представители общественныхъ организацій. Тамъ, будто бы, происходитъ засѣданіе Вр. Правительства, въ нормальныхъ условіяхъ, подъ охраной военной силы. Я удивился этому неожиданному приглашенію, но, разумѣется, тотчасъ же рѣшилъ ему послѣдовать. На Подъяческой я сѣлъ въ трамвай, доѣхалъ до Конногвардейскаго бульвара, тамъ пересѣлъ и доѣхалъ до Дворцовой площади. Оказалось, что площадь оцѣплена. Солдаты стояли рѣдкими шеренгами вдоль аллеи, идущей параллельно Александровскому саду, кругомъ площади и вдоль рѣшетки, окружающей дворцовый садъ. По тротуарамъ толпилось довольно много народу. Трудно было понять, что происходитъ и какое назначеніе имѣли разставленныя войска. Вѣрный своей привычкѣ, — въ подобныхъ случаяхъ избѣгать разспросовъ, — я вынулъ имѣющійся у меня пропускъ въ Зимній дворецъ (этимъ пропускомъ я пользовался при посѣщеніи засѣданій Вр. Правительства), молча предъявилъ его первому попавшемуся солдату, и безпрекословно былъ имъ пропущенъ. Безпрепятственно я прошелъ черезъ ворота и вошелъ во дворецъ обычнымъ путемъ, черезъ Салтыковскій подъѣздъ, поднялся по лѣстницѣ и прошелъ въ Малахитовый залъ. Тамъ я засталъ такую картину: Въ залѣ находились всѣ министры, за исключеніемъ Н. М. Кишкина (онъ былъ въ это время въ зданіи штаба округа, тутъ же на Дворцовой площади, и «организовывалъ» оборону, — какъ извѣстно, съ весьма плачевнымъ результатомъ). Чрезвычайно взволнованнымъ казался Коноваловъ. Министры группировались кучками, одни ходили взадъ и впередъ по залѣ, другіе стояли у окна, —

С. Н. Третьяковъ сѣлъ рядомъ со мною на диванъ и сталъ съ негодованіемъ говорить, что Керенскій ихъ бросилъ и предалъ, что положеніе безнадежное. Другіе говорили (помнится, Терещенко, бывшій въ повышенно-нервномъ, возбужденномъ состояніи), что стоитъ только «продержаться» 48 часовъ — и подоспѣютъ идущія къ Петербургу вѣрныя правительству войска. Мой приходъ очень привѣтствовали. Оказалось, что Коноваловъ разослалъ посланцевъ во всѣ стороны, созывая «живыя силы», которыя были бы готовы группироваться вокругъ правительства и поддержать его. Кое-кого изъ посланцевъ по дорогѣ задержали большевики, но другіе доѣхали по назначенію и передали приглашеніе. На него, однако, никто не откликнулся, кромѣ меня. Само собою разумѣется, что присутствіе мое оказалось совершенно безполезнымъ. Помочь я ничѣмъ не могъ, и когда выяснилось, что Вр. Правительство ничего не намѣрено предпринимать, а занимаетъ выжидательно-пассивную позицію, я предпочелъ удалиться, — какъ разъ въ ту минуту (въ началѣ 7-го часа), когда пришли сказать Коновалову, что поданъ обѣдъ. Въ корридорѣ я встрѣтилъ журналистовъ, съ Л. М. Клячко-Львовымъ во главѣ. Они сообщили мнѣ, что собираются остаться со Вр. Правительствомъ до конца. На самомъ дѣлѣ, они побыли послѣ меня очень недолго и съ трудомъ выбрались изъ дворца, я же вышелъ совершенно свободно — и пошелъ домой. Минутъ через пятнадцать-двадцать послѣ моего ухода, всѣ выходы и ворота были заняты большевиками, уже никого больше не пропускавшими. Такимъ образомъ, только счастливая случайность помѣшала мнѣ «раздѣлить участь» Вр. Правительства и пройти черезъ всѣ послѣдовавшія мытарства, закончившіяся Петропавловской крѣпостью.

Вечеръ этого бурнаго дня я, помнится, провелъ дома. На другой день, часамъ къ двумъ, я отправился въ Городскую думу. Утромъ нашъ Центр. Комитетъ собрался въ домѣ графини С. В. Паниной и продолжалъ ежедневно собираться въ теченіе ближайшихъ 10—15 дней, то у Паниной, то у В. А. Степанова, — разъ у Кутлера, въ тотъ день, когда юнкерами была произведена попытка захвата телефонной станціи. Днемъ ежедневно собиралась Городская дума, а по вечерамъ — образовавшійся немедленно послѣ переворота «Комитетъ спасенія родины и революціи» засѣдалъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, воспользовавшись помѣщеніемъ Крестьянскаго союза.

Городская дума въ эти дни напоминала собой огромный растревоженный муравейникъ. Всѣ залы, комнаты, кулуары, лѣстницы кишѣли людьми. Кого только тутъ не приходилось встрѣчать! Но увы, только въ самые первые дни можно было предаваться иллюзіямъ и думать, что Городская дума вмѣстѣ съ Комитетомъ спасенія смогутъ стать какимъ-то организующимъ центромъ, который окажетъ большевикамъ сильное сопротивленіе. Очень скоро стало ясно, что никакой дѣйствительной, организованной силы въ ихъ распоряженіи не имѣется. Къ числу самыхъ тяжелыхъ моихъ воспоминаній я отношу воспоминаніе о поѣздкѣ — вмѣстѣ съ Авксентьевымъ и, помнится, Шрейдеромъ (городскимъ головой) и Исаевымъ (предсѣдателемъ городской думы) къ англійскому послу Бьюкенену. Поѣздка эта была предпринята на другой день послѣ переворота. Она имѣла цѣлью, «успокоить» посла, увѣрить его, что успѣхъ большевистскаго возстанія — чисто-кажущійся, мишурный, что Керенскій ведетъ цѣлый корпусъ на выручку Петербурга и Вр. Правительства... Богъ знаетъ, въ какой степени

сами мы вѣрили этимъ успокоительнымъ заявленіямъ... Бьюкененъ, котораго я видѣлъ передъ своей поѣздкой въ Англію въ Январѣ 1916 года въ этомъ самомъ кабинетѣ, гдѣ онъ теперь насъ принималъ, былъ разстроенъ и угнетенъ. Разговоръ плохо клеился, тѣмъ болѣе, что Авксентьевъ съ трудомъ изъяснялся по-французски. При упоминаніи объ ожидаемомъ корпусѣ посолъ нѣсколько оживился, но все же въ общемъ этотъ никчемный визитъ оставилъ у меня отвратительное впечатлѣніе. Вспоминались широковѣщательныя рѣчи при пріемѣ пословъ Вр. Правительствомъ въ Маріинскомъ дворцѣ, — рѣчи, звучавшія увѣренностью въ силѣ правительства и въ величіи революціи, — и невольно сопоставлялся тотъ моментъ, такой еще недавній, съ позорными переживаніями большевистскаго coup de main. Какъ извѣстно, ближайшіе же дни обнаружили всю тщету надеждъ на военную силу, закончившись разгромомъ казаковъ Краснова и бѣгствомъ Керенскаго.

Засѣданія городской думы были сплошной истерикой. Основной тонъ давался городскимъ головой, Г. И. Шрейдеромъ, человѣкомъ, во многихъ отношеніяхъ почтеннымъ, но какъ будто лишеннымъ задерживающихъ центровъ. Смѣхотворный «Всероссійскій земскій соборъ», имъ созванный во исполненіе будто бы состоявшагося постановленія городской думы (на самомъ дѣлѣ были сумбурныя пренія и принято было нѣчто въ родѣ пожеланія), оказался полной неудачей: при данныхъ условіяхъ ничего другого нельзя было ожидать. Большевики, вѣроятно, относились съ большой ироніей къ этой попыткѣ «организаціи общественнаго мнѣнія» и продолжали дѣлать свое очень реальное дѣло. Что касается ежедневныхъ думскихъ засѣданій, то они носили характеръ сплошнаго митинга. Не было никакой повѣстки, никакого плана занятій. Все проходило въ видѣ срочныхъ, спѣшныхъ, внѣочередныхъ заявленій. Чаще всего ихъ дѣлалъ самъ городской голова. Вслѣдъ затѣмъ начинались бурныя пренія. Большевики въ массѣ своей послѣ переворота перестали ходить въ засѣданія, но оставили представителей фракціи: гласнаго Кобозева, отвратительнѣйшаго субъекта, и кого-то еще. Эти господа вначалѣ пробовали отругиваться, но потомъ по большей части сидѣли молча и черезъ нѣкоторое время тоже перестали являться въ засѣданія. Въ нашей фракціи первую скрипку игралъ бѣдный А. И. Шингаревъ. Онъ выступалъ постоянно, съ большой страстностью, неизмѣнно обзывая большевиковъ предателями и убійцами. Увы, мы не могли подозрѣвать, что эти выступленія были его лебединой пѣснью... Нѣсколько позже пріѣхалъ изъ Москвы (гдѣ его засталъ переворотъ) Винаверъ. Но я не помню какихъ-нибудь его яркихъ выступленій въ этотъ періодъ.

Отъ гор. думы въ Комитетъ спасенія родины и революціи были отъ фракціи к.-д. делегированы гр. С. В. Панина, кн. В. А. Оболенскій и я. Мы очень аккуратно посѣщали эти засѣданія, особенно въ первые дни, когда еще казалось, что вокругъ комитета можно объединить какія-то дѣйственныя силы, что-то такое предпринять. Но наше личное положеніе въ комитетѣ было довольно своеобразное. Составъ его, ex professo, былъ «демократическій», въ томъ особенномъ смыслѣ этого слова, который исключаетъ изъ понятія «демократіи» всѣ не-соціалистическіе элементы. Ни одинъ изъ насъ, поэтому, не вошелъ въ составъ бюро комитета. Между тѣмъ, вся сколько-нибудь реальная работа комитета протекала въ бюро.

Отсюда шла и организація военнаго выступленія (юнкеровъ), приведшая къ такому трагическому финалу. Въ самомъ же комитетѣ занимались резолюціями, — по обыкновенію, споря о каждой фразѣ, о каждомъ отдѣльномъ словѣ, точно отъ этихъ фразъ и словъ зависѣло спасеніе «родины и революціи». Количество собиравшихся все таяло, безцѣльность и безплодность засѣданій все больше и больше бросалась въ глаза... Такъ проходили первые дни послѣ переворота. Утромъ — засѣданія Центр. Комитета, разговоры, такъ-называемая «информація», на-половину, если не больше, состоявшая изъ разныхъ непровѣренныхъ слуховъ и фантастическихъ разсказовъ, потомъ длинныя, утомительныя, совершенно безплодныя пренія, заканчивавшіяся принятіемъ какого-нибудь проекта воззванія или никому ненужной резолюціей. Тѣ 15—20 человѣкъ, которые собирались, слишкомъ ясно, слишкомъ несомнѣнно ощущали свое полное безсиліе, оторванность, отсутствіе организацій, на которыя они могли бы опираться. То же самое ощущалось и въ городской думѣ, и въ комитетѣ спасенія...

Въ первые дни казалось, что вопросъ о возможности какой бы то ни было избирательной кампаніи, связанной съ Учредительнымъ Собраніемъ, рѣшается самъ собою отрицательно. Помнится, я самъ высказывался въ этомъ смыслѣ и въ Центр. Комитетѣ, и во Всероссійской Комиссіи по выборамъ. Послѣдняя рѣшила временно прекратить свои занятія, и дѣйствительно не собиралась въ теченіе двухъ (приблизительно) недѣль. Всѣ ожидали, что большевики начнутъ кампанію противъ Учредительнаго Собранія. Они оказались хитрѣе. Какъ извѣстно, въ своемъ первомъ манифестѣ они поставили Вр. Правительству въ вину, что оно медлило созывомъ Учредит. Собранія, и въ теченіе перваго мѣсяца послѣ переворота они афишировали свои стремленія къ этому созыву. И только почувствовавъ свои силы, — или, правильнѣе говоря, — убѣдившись въ безсиліи противниковъ, они сперва осторожно, а потомъ откровенно и грубо открыли свой походъ. Избирательной кампаніи въ Петербургѣ они въ теченіе Ноября не препятствовали. Первый митингъ, организованный нашей партіей, былъ назначенъ, если не ошибаюсь, на воскресенье, 5 Ноября. Долженъ былъ выступать А. И. Шингаревъ. Мы ожидали большевистскихъ демонстрацій, обструкціи и т. п. Ничего этого не произошло. Какъ обыкновенно бываетъ, митингъ привлекъ исключительно ка-детскую или сочувствующую к.-д. публику, — къ тому же онъ происходилъ въ Тенишевскомъ училищѣ, въ Литейномъ раіонѣ, — этой цитадели кадетства, — и прошелъ онъ, какъ передавали, съ большимъ подъёмомъ. Послѣ того была цѣлая серія митинговъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Я выступалъ въ Тенишевскомъ училищѣ, въ залѣ Калашниковской биржи, въ гимназіи на Казанской, въ Лугѣ и Петергофѣ. Кромѣ того, — по особымъ приглашеніямъ, — въ залѣ Главнаго штаба (для чиновъ его) и въ обществѣ «Саламандра» (для служащихъ). Возможно, что были и другія выступленія, которыхъ я сейчасъ не припомню. Представители другихъ (соціалистическихъ) партій на этихъ митингахъ почти не выступали, большевики отсутствовали совершенно. Настроеніе публики въ общемъ было тревожное и угрюмое...

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Комитета спасенія родины и революціи, гр С. В. Панина сообщила мнѣ, что очень желательно мое участіе въ засѣданіи товарищей министровъ Вр. Правительства, назначенномъ

у А. А. Демьянова, въ его квартирѣ на Бассейной. Если не ошибаюсь, я былъ только въ одномъ засѣданіи (въ первомъ), и вспоминаю о немъ съ величайшимъ отвращеніемъ. Это было собраніе людей, совершенно растерявшихся. Въ немъ принимали участіе, кромѣ товарищей министровъ, и три министра-соціалиста, выпущенныхъ, какъ извѣстно, большевиками въ первые же дни изъ Петропавловской крѣпости. Когда они (Никитинъ, Малянтовичъ, Гвоздевъ) вошли въ комнату, Демьяновъ попытался было «встрѣтить ихъ аплодисментами», но его никто не поддержалъ. Болѣе чуткіе люди понимали, что аплодировать тутъ нечему. Освобожденіе министровъ-соціалистовъ произошло при обстоятельствахъ, отнюдь для нихъ не почетныхъ. Казалось бы, когда имъ было заявлено, что они свободны, но что другіе — «буржуазные» — министры остаются въ крѣпости, простое чувство товарищеской солидарности должно было побудить ихъ категорически протестовать противъ такого различія (абсурдность котораго подчеркивалась тѣмъ, что вѣдь глава Вр. Правительства былъ соціалистъ), — и притомъ протестовать не словами только, не письменными заявленіями, а фактически, дѣйственно, отказавшись отъ предоставляемой имъ при такихъ условіяхъ свободы. Пусть бы ихъ насильно выдворили изъ крѣпости: противъ силы, конечно, ничего не подѣлаешь. Но уйти такъ, какъ они ушли, — этически было недопустимо, и я вполнѣ понимаю, что когда А. И. Коновалову было объ этомъ уходѣ сказано, онъ былъ крайне подавленъ. Какъ бы для полноты картины, одинъ изъ министровъ (кажется, Гвоздевъ) нашелъ возможнымъ и нужнымъ попросить свиданія съ М. И. Терещенкомъ, чтобы «посовѣтоваться» съ нимъ и спросить, какъ отнесется онъ и другіе, остающіеся въ крѣпости, министры къ освобожденію соціалистовъ! Что могъ на это отвѣтить бѣдный Терещенко? Разумѣется, онъ сказалъ, что слѣдуетъ воспользоваться любезностью большевиковъ, но настоящія свои чувства онъ все-таки вполнѣ скрыть не могъ, и, повидимому, также былъ угнетенъ, — такъ передавалъ самъ его собесѣдникъ... Разумѣется, не было недостатка въ благовидныхъ предлогахъ, объясняющихъ поведеніе министровъ-соціалистовъ. Они, дескать, вышли для того, чтобы «вести борьбу», сохранить видимость «аппарата власти» и — въ первую голову — добиваться освобожденія остальныхъ членовъ Вр. Правительства. Фактически, сразу обнаружилось, что они во всѣхъ этихъ направленіяхъ совершенно безсильны. Наиболѣе, повидимому, чуткій изъ нихъ — А. М. Никитинъ — явно страдалъ отъ создавшагося положенія. Въ томъ засѣданіи, въ которомъ я присутствовалъ, онъ съ большимъ волненіемъ интерпеллировалъ Гвоздева, требуя, чтобы Гвоздевъ вмѣстѣ съ нимъ, Никитинымъ, отправился въ Смольный, чтобы потребовать въ категорической формѣ и «ни передъ чѣмъ не останавливаясь», освобожденіе оставшихся въ заключеніи министровъ, а въ случаѣ отказа — потребовать, чтобы освобожденные были вновь посажены!.. Однако, Гвоздевъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія послѣдовать этому зову, и прочіе присутствовавшіе — въ первую голову Демьяновъ — доказывали Никитину, что его планъ фантастиченъ, неосуществимъ, что задача заключается въ томъ, чтобы «сберечь» обломки Вр. Правительства... И въ концѣ-концовъ, Никитинъ отказался отъ своего намѣренія.

Эпизодъ съ Никитинымъ — самое яркое, что осталось въ моей памяти отъ всего этого засѣданія. Оно велось крайне сумбурно, Демьяновъ, въ

качествѣ предсѣдателя, не умѣлъ ни ставить вопросы, ни конкретизировать пренія. Было обычное нестерпимое многословіе, безконечныя рѣчи, которыхъ никто не слушаетъ. Настроеніе въ общемъ было отвратительное, а у иныхъ — въ особенности у Гвоздева — просто какое-то паническое. Въ качествѣ конкретныхъ мѣръ борьбы обсуждалась, кажется, только одна: чиновничья забастовка, — и надо сказать, что эта забастовка и героически-безумное выступленіе юнкеровъ были единственными, реально проявленными формами сопротивленія большевикамъ.

Въ дальнѣйшемъ я не принималъ больше участія въ этихъ собраніяхъ, такъ какъ оффиціальное мое положеніе во Вр. Правительствѣ совершенно не уполномочивало меня на то, личное же мое отношеніе было вполнѣ отрицательное.

Въ связи съ начавшейся избирательной кампаніей, недѣли черезъ двѣ послѣ переворота, Всероссійская Комиссія по выборамъ рѣшила собраться въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ канцеляріей, въ Маріинскомъ дворцѣ, откуда внутренняя и внѣшняя большевистская охрана въ то время была уже уведена, — чтобы обсудить вопросъ о томъ, возобновить ли ей свою дѣятельность, или нѣтъ. Помимо политическихъ сомнѣній, вопросъ этотъ вызывалъ и серьёзныя юридическія сомнѣнія. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ должна была протекать избирательная кампанія и предстояло совершиться выборамъ, несомнѣнно предвидѣлось, что цѣлый рядъ требованій избирательнаго закона (касающихся сроковъ, составовъ комиссій и т. п.) не могли быть соблюдены. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, представлявшихся и раньше, до переворота, Всероссійская Комиссія вносила соотвѣтствующее представленіе Вр. Правительству, съ проектомъ постановленія, допускавшимъ (въ законодательномъ порядкѣ) отступленіе для отдѣльнаго случая отъ общаго требованія закона. Большевистскій переворотъ устранялъ возможность этого пути, такъ какъ Вр. Правительство фактически было свергнуто, а вновь образовавшуюся совѣтскую власть Всероссійская Комиссія не могла признать. Такимъ образомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, оказывалось фактически невозможнымъ соблюсти требуемые закономъ сроки, или образовать избирательную комиссію въ составѣ, требуемомъ по закону, получалось безвыходное положеніе. Всероссійская Комиссія, по самому своему положенію, могла работать только при наличности правительства. Этими соображеніями мы руководились, когда, тотчасъ послѣ переворота, рѣшили прервать дѣятельность комиссіи, принявъ мѣры къ сохраненію ея дѣлопроизводства и документовъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ это время всѣ — и мы въ томъ числѣ — ни минуты не вѣрили въ прочность большевистскаго режима и ожидали его быстрой ликвидаціи. Независимо отъ этихъ соображеній, тотъ повсемѣстный сумбуръ и хаосъ, который наступилъ вслѣдъ за переворотомъ, прервалъ дѣятельность всѣхъ учрежденій по выборамъ и — временно, по крайней мѣрѣ, — остановилъ стоящую съ ними въ непосредственной органической связи дѣятельность Всероссійской Комиссіи.

Однако, дни шли за днями, — и положеніе мѣнялось въ томъ смыслѣ, что бездѣятельность Всероссійской Комиссіи могла очень легко быть истолкована въ смыслѣ злостнаго ея намѣренія тормозить выборы, «саботировать» ихъ. Поступали съ мѣстъ телеграммы съ запросами, какъ быть, состоятся ли выборы, какія директивы должны служить руководствомъ для мѣстныхъ

учрежденій по выборамъ. Съ другой стороны, большевистское «правительство», нагло обвинивъ Вр. Правительство въ намѣреніи «затянуть» выборы, само какъ будто готовилось содѣйствовать созыву Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ, т.-е. 28 Ноября. Всѣ эти обстоятельства побуждали комиссію вновь обсудить вопросъ о дальнѣйшей своей дѣятельности. Съ этой цѣлью и рѣшено было собраться.

Въ назначенный день придя въ Маріинскій дворецъ, я засталъ очень смущенныхъ чиновъ канцеляріи. Оказалось, что предсѣдатель комиссіи, Н. Н. Авиновъ, экстренно и неожиданно выѣхалъ въ Москву, и предсѣдательскія обязанности переходили ко мнѣ, — и первое, что приходилось мнѣ, въ качествѣ предсѣдательствующаго, выполнить, было объясненіе съ прибывшими по порученію Совѣта народныхъ комиссаровъ представителями его — завѣдующимъ дѣлами Бончъ-Бруевичемъ и какимъ-то солдатомъ. По словамъ чиновъ канцеляріи, эти два лица, прибывъ во дворецъ, разспросили о мѣстопребываніи Всероссійской Комиссіи и, получивъ соотвѣтствующія указанія, отправились въ канцелярію и потребовали, чтобы имъ показали дѣлопроизводство, и вообще освѣдомили ихъ насчетъ дѣятельности комиссіи. Имъ было заявлено, что сейчасъ долженъ придти товарищъ предсѣдателя комиссіи, замѣняющій отсутствующаго предсѣдателя, и предложено было подождать меня и объясняться со мною.

Бончъ-Бруевича я немного зналъ по встрѣчѣ съ нимъ въ Кіевѣ осенью 1913 года, на дѣлѣ Бейлиса. Тогда онъ былъ весь — почтительность. Если я не ошибаюсь, я съ нимъ обѣдалъ у С. В. Глинки. Такъ какъ мы съ нимъ тогда говорили только о дѣлѣ Бейлиса, то у меня не могло о самомъ Бончъ-Бруевичѣ составиться никакого представленія. Какъ я впослѣдствіи узналъ, онъ попалъ въ завѣдующіе дѣлами Совѣта комиссаровъ по протекціи Стеклова-Нахамкеса, — былъ креатурой этого послѣдняго. Брамсонъ разсказалъ мнѣ, что онъ пользовался самой отвратительной репутаціей и считался человѣкомъ, нечистымъ на руку. Въ исторіи возникновенія газеты «Новая Жизнь» онъ сыгралъ опредѣленно-грязную роль, по словамъ А. И. Коновалова. Здѣсь, въ Маріинскомъ дворцѣ, онъ встрѣтился со мною, какъ старый знакомый, подчеркнуто-вѣжливо, и заявилъ, что Совѣтъ народныхъ комиссаровъ живо интересуется вопросомъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе и желалъ бы выяснить себѣ роль Всероссійской Комиссіи. Я пригласилъ его и спутника его — солдата — въ залу, служившую чайной комнатой (рядомъ съ аванъ-залой), туда же пришелъ Л. М. Брамсонъ (второй товарищъ предсѣдателя), и мы приступили къ бесѣдѣ. Я выяснилъ Бончъ-Бруевичу точку зрѣнія Всероссійской Комиссіи, въ основѣ которой лежало непризнаніе вновь возникшей власти «Совнаркома»*. Бончъ-Бруевичъ пытался начать убѣждать меня въ томъ, что власть большевиковъ столь же — если не болѣе — законнаго происхожденія, какъ и власть Вр. Правительства, но я отклонилъ этотъ разговоръ. Къ этому я прибавилъ, что сейчасъ предстоитъ совѣщаніе комиссіи, на которомъ будетъ вновь обсужденъ вопросъ о дальнѣйшей работѣ. «Могу ли я надѣяться, что вы поставите меня въ извѣстность о результатахъ обсужденія?» Я отвѣтилъ, что оффиціально ни въ какія

* Тогда еще это подлое выраженіе не было въ употребленіи. Называю его „подлымъ" по ассоціаціи представленій.

сношенія съ Совѣтомъ комиссія, навѣрно, не вступитъ, но ему, Бончъ-Бруевичу, я готовъ, въ видѣ частнаго разговора, и, если комиссія не будетъ противъ этого возражать, — сообщить о послѣдующемъ рѣшеніи. Онъ этимъ вполнѣ удовольствовался. Солдатъ, бывшій съ нимъ, почти не принималъ участія въ разговорѣ и только разъ вмѣшался для того, чтобы «отъ имени фронта» заявить о томъ огромномъ нетерпѣніи, съ которымъ ожидаются выборы, и о необходимости всячески имъ содѣйствовать. Въ отвѣтъ ему было указано, что именно большевистскій переворотъ, произведенный наканунѣ выборовъ и за мѣсяцъ до Учредительнаго Собранія, нанесъ огромный ударъ всему дѣлу выборовъ и поставилъ подъ сомнѣніе возможность ихъ осуществленія. — На этомъ разговоръ кончился, и оба нашихъ собесѣдника удалились. Я открылъ засѣданіе комиссіи и послѣ непродолжительныхъ дебатовъ мы приняли рѣшеніе — возобновить дѣятельность комиссіи, совершенно игнорировать большевистское правительство и въ случаѣ возникновенія такихъ вопросовъ, которые требовали бы разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, предоставлять мѣстнымъ органамъ выпутываться изъ затрудненія, отнюдь, однако, не санкціонируя отступленій отъ закона. При этомъ предполагалось, что Учредит. Собраніе, при провѣркѣ полномочій своихъ членовъ, будетъ считаться съ создавшимся безвыходнымъ положеніемъ и признаетъ несущественными тѣ отступленія (въ отношеніи, главнымъ образомъ, сроковъ и состава комиссій), которыя будутъ допущены мѣстными организаціями. На другой день я позвонилъ утромъ къ Бончъ-Бруевичу и передалъ ему слѣдующее: «Прежде всего, мнѣ поручено вамъ сообщить, что Всероссійская Комиссія постановила безусловно игнорировать Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, не признавать его законной властью и ни въ какія отношенія съ нимъ не вступать. Этимъ собственно кончается оффиціальная часть нашей съ вами бесѣды. Частнымъ образомъ, согласно данному Вамъ мною обѣщанію, могу сообщить Вамъ, что комиссія постановила возобновить свои занятія, и тотчасъ же къ нимъ приступила». Бончъ-Бруевичъ горячо меня благодарилъ . . .

Тутъ же я долженъ отмѣтить, что большевистское правительство не имѣло, повидимому, ни малѣйшаго представленія ни о составѣ комиссій, ни о ея функціяхъ, и повидимому полагало, что комиссія по существу руководитъ выборами и имѣетъ возможность влять на ихъ ходъ и исходъ. Но какъ бы то ни было, въ теченіе ближайшихъ двухъ-трехъ недѣль комиссія могла работать безпрепятственно. Мы собирались ежедневно въ Маріинскомъ дворцѣ, неоднократно мнѣ приходилось предсѣдательствовать, въ виду частыхъ поѣздокъ Н. Н. Авинова въ Москву. У насъ были оживленныя сношенія съ мѣстными органами, ежедневно приходили кипы телеграммъ, свидѣтельствовавшихъ объ огромныхъ затрудненіяхъ, которыя испытывались на мѣстахъ. По большей части эти телеграммы просили у Всероссійской Комиссіи разрѣшенія допустить тѣ или другія изъятія или отклоненія отъ требованій избирательнаго закона, — и комиссія, безсильная выполнить эти просьбы, вынуждена была оставлять ихъ безъ отвѣта.. Наряду съ этимъ, было, однако, множество случаевъ, когда приходилось давать разъясненія закона, всякія указанія. Затѣмъ, само собою разумѣется, что изъ получаемыхъ телеграммъ складывалась общая картина выборовъ, хотя и неполная, и отрывочная. Большевистская власть, послѣ

визита Бончъ-Бруевича, совершенно перестала интересоваться дѣятельностью комиссіи. Около 20 Ноября рѣшено было перенести дѣлопроизводство и засѣданія комиссіи въ Таврическій дворецъ. Это было выполнено въ мое отсутствіе. Я 19-го Ноября уѣхалъ въ Москву и вернулся 22-го, въ среду, къ вечеру. Вернувшись, я узналъ, что 23-го утромъ назначено засѣданіе уже въ Таврическомъ дворцѣ. Въ самый день моего отъѣзда, часъ спустя послѣ того, какъ я уѣхалъ на вокзалъ, въ домѣ моемъ былъ произведенъ обыскъ, подробности котораго мнѣ до сихъ поръ неизвѣстны. 23-го, часа два послѣ того, что комиссія приступила къ своимъ занятіямъ, явился комендантъ Таврическаго дворца — большевистскій прапорщикъ, фамилію котораго я позабылъ, и потребовалъ отъ имени Совѣта народныхъ комиссаровъ, чтобы комиссія разошлась. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Авиновъ, который отвѣтилъ, отъ имени всей комиссіи, категорическимъ отказомъ. Офицеръ удалился, — поѣхалъ за инструкціями въ Смольный — и вернулся съ бумагой, подписанной Ленинымъ и содержавшей предписаніе — весьма нелѣпо редактированное — арестовать «ка-детскую» комиссію по выборамъ и препроводить ее въ Смольный.

Заключеніе наше въ Смольномъ продолжалось пять дней. Всѣ эти пять дней мы провели въ узкой, низенькой, тѣсной комнаткѣ, въ которую приходилось подниматься по лѣсенкѣ, ведущей изъ нижняго корридора. Насъ было человѣкъ 12—15: точно не помню. Человѣка 4—5 уходили ночевать въ другую камеру. «Среди присутствовавшихъ» припоминаю: Авинова, Брамсона, бар. Нольде, Вишняка, Гронскаго, двухъ членовъ Госуд. Думы (одного октябриста, другого — мирнообновленца [прогрессиста], фамиліи ихъ мною совершенно позабыты), редактора извѣстій комиссіи, Добраницкаго и трехъ солдатъ, представителей фронта, В. М. Гессена, не арестованнаго вмѣстѣ съ нами, но явившагося добровольно, сѣвшаго подъ арестъ, пробывшаго съ нами сутки (кажется) и чуть ли не насильственно удаленнаго на второй день *.

Въ первый день намъ было очень неважно. Въ комнатѣ были деревянныя лавки, стулья, двѣ скверныхъ постели, на которыхъ спали наши два старшихъ сочлена — члены Госуд. Думы, больше ничего. Я спалъ на узенькой деревянной лавкѣ, Вишнякъ — на столѣ. Ни бѣлья, ни тюфяковъ намъ не дали. О пищѣ или хотя бы о чаѣ тоже въ первый день не было и рѣчи, и еслибы жена бар. Нольде не принесла провизіи (она первая узнала о случившемся и успѣла кое-что собрать), мы бы остались голодными. Со второго дня все наладилось, мы стали обѣдать въ общей столовой, семьи приносили обильную провизію, появились походныя кровати, бѣлье, принесли еще два-три тюфяка, — и мы провели остальные дни очень весело и оживленно. Единственное, что насъ смущало, была полная неопредѣленность нашей судьбы и грозящая намъ перспектива, быть отправленными въ «Кресты». Допрашивали насъ въ первый уже вечеръ, допросъ производился нѣкіимъ Красиковымъ, — присяжнымъ повѣреннымъ послѣдняго разбора, — и неизмѣнно заключалъ въ себѣ вопросъ, на который мы неизмѣнно отвѣчали отрицательно: «Признаете ли вы властъ

* Добраницкій и другіе члены фронтовой комиссіи не были арестованы и сидѣли по собственному настоянію. Ихъ тоже пытались удалить и они употребили военныя хитрости (съ переодѣваніями), чтобы вернуться въ нашъ составъ.

Совѣта народныхъ комиссаровъ?» Я, въ концѣ допроса, категорически поставилъ вопросъ: какая причина нашего ареста? И получилъ отвѣтъ: «непризнаніе власти народныхъ комиссаровъ».

Въ понедѣльникъ, 27-го Ноября, наканунѣ дня, назначеннаго для открытія Учредит. Собранія, часа въ три, въ нашу комнату вошелъ лохматый матросъ — членъ слѣдственной комиссіи — и «именемъ народной власти» объявилъ намъ, что мы свободны. Не могу сказать, чтобы это извѣстіе особенно меня обрадовало. Слишкомъ ясно сознавалось, что нашъ арестъ и наше освобожденіе — простая случайность въ надвигающихся стихійныхъ бѣдствіяхъ, что освобожденные сегодня, мы завтра же можемъ снова быть посаженными, и, быть можетъ, въ гораздо худшихъ условіяхъ. — Прежде, чѣмъ разойтись, мы въ послѣдній разъ пили чай и закусывали, хотѣли составить актъ, излагающій процедуру нашего допроса и освобожденія, но потомъ рѣшили отложить его до другого дня и собраться во вторникъ утромъ въ Таврическомъ дворцѣ, сойдясь предварительно въ квартирѣ Л. М. Брамсова. Однако, какія-то обстоятельства помѣшали мнѣ, во время придти къ Брамсону, и когда я добрался до квартиры, оказалось, что мои коллеги уже ушли въ Таврическій дворецъ. Я поспѣшилъ вслѣдъ за ними. Чѣмъ ближе я подходилъ, тѣмъ гуще были толпы народа. Я хотѣлъ войти во дворецъ съ Таврической, но стоявшие у входа солдаты меня не пустили. На мое заявленіе, что я членъ Всероссійской Комиссіи по выборамъ и иду въ засѣданіе комиссіи, мнѣ отвѣтили: «Обратитесь къ комендавту». «А гдѣ комендантъ?» «Это другой входъ, со Шпалерной». Я отправился на Шпалерную, но тамъ пройти было совершенно невозможно. Густая толпа стѣной окружала рѣшетку, слышались крики, была сильная давка. Я вернулся на Таврическую, толкнулся въ другой подъѣздъ, тамъ оказался болѣе нерѣшительный солдатъ, — я, напротивъ, обнаружилъ большую рѣшительность — и прошелъ. Какъ только я вошелъ во дворецъ, я узналъ о произведенныхъ утромъ, часа за два до того, арестахъ въ домѣ графини Паниной: самой С. В., Шингарева, Кокошкина, кп. Павла Дм. Долгорукова... Комиссія уже засѣдала. Оказалось, что комендантъ уже приходилъ и требовалъ, чтобы она разошлась, при чемъ въ комнату были введены вооруженные солдаты. Комиссія, однако, отказалась разойтись и продолжала засѣдать, въ присутствіи солдатъ. Нѣсколько времени спустя къ намъ явился Г. И. Шрейдеръ и еще два-три члена Учредит. Собранія, узнавшие, что комиссіи чинятъ препятствія. Вызвали комендавта, вступили съ нимъ въ бурныя объясненія, потребовали увода солдатъ. Комендантъ сослался на полученныя отъ Урицкаго (комиссара Таврическаго дворца) распоряженія и пошелъ къ нему за указаніями. Черезъ нѣкоторое время пришелъ Урицкій. Какъ сейчасъ помню эту отвратительную фигуру плюгаваго человѣчка, съ шляпой на головѣ, съ наглой еврейской физіономіей... Онъ также потребовалъ, чтобы мы разошлись, и пригрозилъ пустить въ ходъ оружіе. Шрейдера и другихъ членовъ Учредит. Собранія въ это время уже не было, они пошли въ засѣданіе. Мы потребовали, чтобы Урицкій снялъ шляпу, — онъ поспѣшилъ это сдѣлать. Дальнѣйшие переговоры ни къ чему не привели; Урицкій ушелъ, мы продолжали засѣданіе, ожидая каждую минуту, что насъ начнутъ силой разгонять. Этого, однако, не произошло, мы закончили наши занятія, исчерпавъ всѣ предметы, и часа въ два разошлись, условившись

собраться на другой день опять-таки у Брамсона и поступить сообразно обстоятельствамъ.

На другой день я вышелъ изъ дому часовъ въ десять, далекій отъ мысли, что я больше не переступлю его порога — ни въ 1917 году, ни, вѣроятно, въ 1918 году...

По дорогѣ къ Брамсону я прочелъ декретъ, ставящій партію к.-д. внѣ закона и предписывающій арестъ ея руководителей. Придя къ Брамсону, я былъ встрѣченъ оживленными привѣтствіями: всѣ думали, что я арестованъ.

Въ тотъ же день, подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ близкихъ мнѣ лицъ, я рѣшилъ уѣхать въ Крымъ, гдѣ семья моя находилась уже съ половины Ноября, воспользовавшись гостепріимствомъ графини С. В. Паниной. По невѣроятной случайности, мнѣ удалось безъ труда получить въ конторѣ спальныхъ вагоновъ билетъ I класса и мѣсто до Симферополя. Не возвращаясь домой и отдавъ по телефону всѣ нужныя распоряженія, я вечеромъ выѣхалъ, взявъ только самыя необходимыя вещи. Въ воскресенье, 3 Декабря, я благополучно добрался до Гаспры. Здѣсь я провелъ всю зиму, весну и часть лѣта безвыѣздно, — пережилъ большевистскій захватъ Крыма, потомъ нѣмецкое нашествіе. 7 Іюня я уѣхалъ въ Кіевъ, намѣреваясь пробраться въ Петербургъ. Это, однако, мнѣ не удалось, 22 Іюля я вернулся въ Гаспру, послѣ $5^1/_2$ довольно мучительныхъ недѣль, проведенныхъ въ Кіевѣ. — Заканчиваю эту часть своихъ записокъ 25 Сентября (8 Октября), когда только-что получены извѣстія о колоссальной важности событіяхъ въ Германіи и Болгаріи...

Влад. Набоковъ

На внутреннемъ фронтѣ

П. Н. Краснова

I

Первые признаки разложенія Россійской Арміи

Въ Апрѣлѣ 1917 года 2-ю Сводную казачью дивизію, которой я командовалъ около двухъ лѣтъ и съ которой былъ почти все время въ бояхъ, смѣнила на позиціи подъ Пинскомъ 172-ая пѣхотная дивизія, и ее отвели въ тылъ, на отдыхъ. Я тогда же рѣшилъ подать рапортъ объ увольненіи меня въ отставку. Новые порядки, введенные Временнымъ Правительствомъ, отсутствіе какой бы то ни было власти у начальниковъ, передача въ руки комитетовъ всѣхъ полковыхъ дѣлъ, быстро расшатывали армію. Пока дивизія стояла на позиціи, въ непосредственной близости къ непріятелю, она держалась. Нарядъ исполнялся правильно, офицеровъ слушались, форму одежды соблюдали. 10-го Апрѣля къ намъ въ дивизію пріѣзжалъ кн. Павелъ Долгоруковъ, членъ к.-д. партіи. Онъ смотрѣлъ собранную для этого случая Донскую бригаду — 16-й и 17-й Донскіе полки, и сказалъ весьма патріотическую рѣчь. На рѣчь отвѣчали я и начальникъ штаба IV кавалерійскаго корпуса, генералъ-маіоръ Черячукинъ, а затѣмъ одинъ урядникъ 16-го полка, который отъ имени казаковъ клялся, что казачество не положитъ оружія и будетъ драться до послѣдняго казака съ нѣмцами, — до общаго мира въ полномъ согласіи съ союзниками. Кн. Павелъ Долгоруковъ ѣздилъ со мною въ окопы, занятые пластунскимъ дивизіономъ. Онъ присутствовалъ при смѣнѣ пластуновъ съ боевого участка, видѣлъ ихъ жизнь въ окопахъ и былъ пораженъ ихъ выправкою, чистотою одежды, молодцеватыми отвѣтами и знаніемъ своего дѣла. Все это онъ мнѣ высказалъ въ самой лестной формѣ и потомъ задумчиво добавилъ:

— Если бы это было такъ во всей арміи! .. — А что? спросилъ я.

Мы на позиціи были далеки отъ жизни. Въ гости къ намъ никто не пріѣзжалъ, письма политики не касались, газеты были старыя. Мы вѣрили, рили, что великая безкровная революція прошла, что Временное Правительство идетъ быстрыми шагами къ Учредительному Собранію, а учредительное собраніе къ конституціонной монархіи съ великимъ княземъ Михаиломъ

Александровичемъ во главѣ. На совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ смотрѣли, какъ па что-то въ родѣ нижней палаты будущаго парламента.

— Я видѣлъ Московскій гарнизонъ, сказалъ кн. Долгоруковъ. Онъ ужасенъ. Никакой дисциплины. Солдаты открыто торгуютъ форменною одеждою и дезертируютъ. Армія вышла изъ повиновенія. Спасти можетъ только наступленіе и побѣда. — И наступленіе не спасетъ, — отвѣчалъ я, — потому что такая армія побѣды не дастъ.

Я помню, что тогда же меня спросили, какъ я смотрю на переходъ въ наступленіе революціонными войсками, съ комитетами во главѣ. Я отвѣтилъ, что, какъ русскій человѣкъ, я очень хотѣлъ бы, чтобы оно завершилось побѣдою, но, какъ военному, сорокъ лѣтъ вѣрившему въ незыблемость принциповъ военной науки, мнѣ будетъ слишкомъ больно сознавать, что я сорокъ лѣтъ ошибался.

Какъ только казаки дивизіи соприкоснулись съ тыломъ, они начали быстро разлагаться. Начались митинги съ вынесеніемъ самыхъ дикихъ резолюцій. Напримѣръ, требовали раздѣлить суммы, хранящіяся въ денежномъ ящикѣ (16-й Донской полкъ), выдать въ постоянную носку обмундированіе 1-го срока, съ великими трудами заготовленное для 1918 года (почти всѣ полки), требовали, чтобы офицеры, приходя на ученье, здоровались съ каждымъ казакомъ за руку (1-й Волгскій полкъ), увеличенія числа отпускныхъ казаковъ. Всѣ эти требованія отклонялись, но казаки сами стали проводить ихъ въ жизнь. 16-й Донской казачій полкъ разобралъ полковые цейхгаузы и вырядился во все новое, когда и старое было хорошо. Примѣру его частично послѣдовали и другіе полки. Казаки перестали чистить и регулярно кормить лошадей. О какихъ бы то ни было занятіяхъ нельзя было и думать. Масса въ четыре съ лишнимъ тысячи людей, большинство въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ, т.-е. крѣпкихъ, сильныхъ и здоровыхъ, притомъ не втянутыхъ въ ежедневную тяжелую работу, болтались цѣлыми днями безъ всякаго дѣла, начинали пьянствовать и безобразничать. Казаки украсились алыми бантами, вырядились въ красныя ленты и ни о какомъ уваженіи къ офицерамъ не хотѣли и слышать. — Мы сами такіе же, какъ офицеры, — говорили они, — не хуже ихъ.

Потребовать и возстановить дисциплину было невозможно. Всѣ знали, — потому что многіе казаки были этому очевидцами, — что пѣхота, шедшая на смѣну кавалеріи, шла съ громадными скандалами. Солдаты разстрѣляли на воздухъ данные имъ патроны, а ящики съ патронами побросали въ рѣку Стырь, заявивши, что они воевать не желаютъ и не будутъ. Одинъ полкъ былъ застигнутъ праздникомъ Святой Пасхи на походѣ. Солдаты потребовали, чтобы имъ было устроено разговѣнье, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитетъ бросились по деревиямъ искать яйца и муку, но въ разоренномъ войною Полѣсьѣ ничего не нашли. Тогда солдаты постановили разстрѣлять командира полка за недостаточную къ нимъ заботливость. Командира полка поставили у дерева и цѣлая рота явилась его разстрѣливать. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ солдатами, клялся и божился, что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы достать разговѣнье, и цѣною страшнаго униженія и жестокихъ оскорбленій выторговалъ себѣ жизнь. Все это осталось безнаказаннымъ, и казаки это знали.

Меня на ст. Видиборъ, 4-го Мая, на глазахъ у эшелоновъ 16-го и 17-го Донскихъ полковъ арестовали солдаты и повели подъ конвоемъ со стрѣльбою вверхъ въ Видиборскій комитетъ. Тамъ меня обвинили въ томъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ генераловъ, которые ради помѣщиковъ и иностранныхъ капиталистовъ настаиваютъ па продолженіи войны. Однимъ изъ обвинителей былъ казакъ 17-го Донского казачьяго полка, Воронковъ. Потомъ меня подъ конвоемъ же отправили въ Минскъ, гдѣ меня долженъ былъ судить какой-то трибуналъ при Армейскомъ комитетѣ. На мое заявленіе, что есть начальство, которое, если я въ чемъ виноватъ, будетъ меня судить и что никто не смѣетъ задерживать меня при исполненіи служебныхъ обязанностей — мнѣ нагло было заявлено, что единственное начальство, которое они признаютъ, это мѣстный Видиборскій комитетъ, а на Главнокомандующаго имъ плевать. Комитетъ выше Главнокомандующаго. Въ Минскѣ, однако, мои конвойные растерялись, дали мнѣ возможность повидать коменданта станціи, передать о всемъ случившемся въ штабъ Западнаго фронта, меня доставили къ Главнокомандующему фронтомъ, генералу отъ кавалеріи Гурко, который меня сейчасъ же освободилъ и отправилъ къ дивизіи.

Все это осталось безъ наказанія. Стоило только начальству возбудить какое-либо дѣло противъ солдата, какъ на защиту его поднимались комитеты. Въ ротахъ собирались митинги, солдатская масса волновалась и начальство испуганно бросало дѣло.

Пѣхота, смѣнявшая насъ, шла по бѣлорусскимъ деревнямъ, какъ татары шли по покоренной Руси. Огнемъ и мечомъ. Солдаты отнимали у жителей все съѣстное, для потѣхи разстрѣливали изъ винтовокъ коровъ, насиловали женщинъ, отнимали деньги. Офицеры были запуганы и молчали. Были и такіе, которые сами, ища популярности у солдатъ, становились во главѣ насильническихъ шаекъ.

Ясно было, что арміи нѣтъ, что она пропала, что надо, какъ можно скорѣе, пока можно, заключить миръ и уводить и распредѣлять по своимъ деревнямъ эту сошедшую съ ума массу. Я писалъ рапорты вверхъ; — вверху — ближайшее строевое начальство — командиръ корпуса, тѣ, кто имѣетъ непосредственное отношеніе къ солдату, встрѣчали ихъ сочувствіемъ, но выше, въ штабѣ особой арміи — генералъ Балуевъ, въ военномъ министерствѣ, во главѣ котораго сталъ А. Ө. Керенскій, къ нимъ относились скептически.

— Къ этому надо привыкнуть, — говорили тамъ. Создается армія на новыхъ началахъ, «сознательная» армія. Безъ эксцессовъ такой переворотъ обойтись не можетъ. Вы должны во имя родины потерпѣть.

Я горячо любилъ свою дивизію, свидѣтельницу столькихъ славныхъ побѣдъ. Я сталъ собирать офицеровъ, комитеты и казаковъ, вести съ ними горячія, страстныя бесѣды, возбуждая въ нихъ прежнее полковое и войсковое самолюбіе, напоминая о великомъ прошломъ и требуя образумиться.

— «Правильно! правильно!» — раздавались голоса; толпа, какъ будто бы понимала и сознавала ошибки свои, хотѣла становиться на правильный путь, но уходилъ я, раздавался чей-нибудь безшабашный голосъ: — «Товарищи! — это что же, генералъ-то насъ къ старому режиму гнетъ! Подъ офицерскую, значитъ, палку!» и все шло прахомъ.

Въ головѣ всѣ рѣшили, что война кончена. — «Какая нонче война! — нонче свобода!»

Это звучное, славное слово стало синонимомъ самыхъ ужасныхъ насилій.

Мнѣ было совѣстно получать жалованье за то, что я ничего не дѣлалъ и жилъ своею жизнью, и я поѣхалъ въ штабъ Особой Арміи настаивать на отставкѣ.

Однако, командующій Арміей, генералъ Балуевъ, моей отставки не принялъ, основываясь на приказѣ Керенскаго, никого изъ лицъ командного состава отъ службы не увольнять, но понявши, что мнѣ оставаться въ дивизіи, гдѣ авторитетъ мой былъ поколебленъ, нельзя, предложилъ мнѣ принять въ командованіе 1-ю Кубанскую дивизію.

10-го Іюня я прибылъ въ дивизію, расположенную въ окрестностяхъ города Мозыря.

II

Въ 1-й Кубанской казачьей дивизіи. Казачьи настроенія

1-ая Кубанская казачья дивизія была второочередная, составленная преимущественно изъ казаковъ старшихъ сроковъ службы. Она сильно пострадала вслѣдствіи безкормицы и плохого снабженія. Люди были оборваны. Много было босыхъ. Лошади истощали до такой степени, что лежали и не могли подняться. Казаки голодали. Такое очень тяжелое положеніе было весьма выгоднымъ для меня. Заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго состоянія дивизіи я надѣялся привлечь сердца казаковъ къ себѣ и возстановить порядокъ и дисциплину.

Надо отдать справедливость — всѣ мнѣ пошли навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ. Командующій Арміей приказалъ отпустить внѣ очереди сапоги, шаровары, рубахи и шинели для казаковъ, довольствіе было улучшено, Мозырьское земство и окрестные помѣщики приложили всѣ усилія, чтобы дать наилучшее размѣщеніе полкамъ и выкормить лошадей. Отъ Кубанскаго войска удалось добиться пополненій. Всѣ полковыя суммы, которыя на счастье оказались въ цѣлости, были мобилизованы, и завѣдующіе хозяйствомъ съ представителями отъ комитетовъ поѣхали кто въ Кіевъ, кто въ войско заказывать для казаковъ бешметы и черкески, которыхъ они давно не видали.

Эти хозяйственныя заботы отвлекали казаковъ отъ пустой митинговой болтовни и дивизія имѣла серьезный, домовитый, хозяйственный видъ. Сотенные и полковые комитеты совѣщались съ офицерами, какъ лучше, экономичнѣе и богаче одѣть и снабдить казаковъ. Когда же снабженіе начало приходить, а лошади поправляться и дѣлаться сытыми, я почувствовалъ, что между мною и полками установилась та связь, которая до нѣкоторой степени походила на дисциплину.

До революціи и извѣстнаго приказа № 1 каждый изъ насъ зналъ, что ему надо дѣлать, какъ въ мирное время, такъ и на войнѣ. День былъ расписанъ по часамъ, офицеры и казаки заняты, ни скучать, ни тосковать было некогда. Когда стояли въ тылу «на отдыхѣ» и тогда постепенно, послѣ исправленія всѣхъ матеріальныхъ погрѣшностей, начинали занятія, устраивали спортивные праздники и состязанія, къ которымъ нужно было готовиться, солдатскіе спектакли, пѣли пѣсенники и играли трубачи —

день былъ полонъ, онъ несъ свои заботы и свое утомленіе, полковая машина вертѣлась и каждый что-нибудь да дѣлалъ. Лодыри преслѣдовались и наказывались. Лущить сѣмячки было некогда. Послѣ революціи все пошло по иному. Комитеты стали вмѣшиваться въ распоряженія начальниковъ, приказы стали дѣлиться на боевые и не боевые. Первые сначала исполнялись, вторые исполнялись по характерному, вошедшему въ моду тогда выраженію постольку-поскольку. Безусый, окончившій четырехмѣсячные курсы, прапорщикъ, или просто солдатъ — разсуждалъ, нужно, или нѣтъ то, или другое ученіе и достаточно было, чтобы онъ на митингѣ заявилъ, что оно ведетъ къ старому режиму, чтобы часть на занятіе не вышла и началось бы то, что тогда очень просто называлось эксцессами. Эксцессы были разные — отъ грубаго отвѣта до убійства начальника, и всѣ сходили совершенно безнаказанно.

Дивизія принимала сытый и довольный видъ и было нужно ее занять. Но начать занятія надо было очень осторожно. Я рѣшилъ повести ихъ двухъ видовъ — бесѣды и манёвры въ полѣ. Бесѣды я велъ лично съ офицерами и чинами комитетовъ, а тѣ передавали ихъ въ сотняхъ. Казаковъ больше всего интересовали вопросы «даннаго политическаго момента» и, конечно, земля, земля и земля... Вотъ эти-то вопросы и пришлось затронуть и притомъ настолько осторожно, чтобы не обратить бесѣду въ митингъ, что было недопустимо, потому что подорвало бы дисциплину. Офицеры явились для меня великолѣпными помощниками. Я началъ съ объясненія различнаго устройства государствъ и образа правленій. Я слышалъ, какъ казаки совершенно серьезно говорили о республикѣ съ царемъ, или о монархіи, но безъ царя, и т. п. Потомъ я изложилъ программы политическихъ партій, цѣли настоящей войны, разсказалъ о значеніи Босфора и Дарданелъ, что особенно должно было заинтересовать Кубанцевъ, ведущихъ торговлю хлѣбомъ съ Марселью, вкратцѣ изложилъ исторію казачества и значеніе казаковъ для Россіи, показалъ на примитивныхъ, отъ руки сдѣланныхъ чертежахъ, взаимное соотношеніе казачьихъ войскъ и доказалъ географическую невозможность созданія самостоятельной казачьей республики, о чемъ мечтали многія горячія головы даже и съ офицерскими погонами на плечахъ. Говорилъ и о патріотизмѣ, о побѣдѣ — и, казалось, увлекъ казаковъ. Митинги съ истеричными рѣчами прекратились и смѣнились тихими, разумными бесѣдами съ офицерами; бесѣды эти нравились казакамъ. Сколько я могъ судить большинство склонялось къ тому, чтобы Россія была конституціонной монархіей или республикой, но чтобы казаки имѣли широкую автономію. Очень остро ставился земельный вопросъ, но и тутъ принципы кадетской программы имѣли перевѣсъ. «Такъ — дескать — будетъ прочнѣе и вѣрнѣе».

Маневры, которые я велъ параллельно съ бесѣдами и дѣлалъ неутомительными (2—6 часовъ) въ началѣ тоже нравились, но тутъ къ великому огорченію своему я наткнулся на отрицаніе войны. Война шла кругомъ. Въ двадцати верстахъ отъ насъ была позиція. Очень рѣдкій, правда, орудійный огонь былъ слышенъ на нашихъ бивакахъ, когда мы перешли въ селеніе Тростенецъ. Мы знали, что на югѣ было наступленіе, руководимое Корниловымъ и Керенскимъ и закончившееся позорнымъ бѣгствомъ нашихъ, но тѣмъ не менѣе, когда на маневрахъ я обучалъ рѣзать проволоку, метать ручныя гранаты, врываться въ окопы, а потомъ бросаться

въ конномъ строю въ преслѣдованіе, — я слышалъ разговоры, — что «намъ этого дѣлать не придется. Война кончена!»

Она шла кругомъ, но революція такъ сильно потрясла души казаковъ, что въ нихъ уже не укладывалось съ понятіемъ о гражданской свободѣ — необходимость, сражаться и умирать за родину. И это было ужасно.

Во 2-мъ Уманьскомъ, 2-мъ Полтавскомъ и 2-мъ Запорожскомъ полкахъ занятія шли особенно хорошо. Занимались для выправки, здоровья и бодрости даже сокольскою гимнастикой подъ музыку. Нѣсколько туже шло дѣло во 2-мъ Таманскомъ полку. Во всей дивизіи было установлено правило привѣтствовать другъ другу отданіемъ чести. Переходъ на новыя мѣста — около 200 верстъ, — дивизія, по моему настоянію, сдѣлала не по желѣзной дорогѣ, а походомъ, причемъ походомъ шелъ и стрѣлковый ея дивизіонъ. Весь походъ прошелъ въ образцовомъ порядкѣ, нигдѣ не было жалобъ жителей на обиды и притѣсненія. Казаки, напротивъ, щеголяли ласковостью и предупредительностью къ крестьянамъ.

Несмотря на всѣ эти внѣшніе успѣхи, на душѣ у меня было смутно. Я не обольщался этимъ. Глубоко зная казака и солдата, съ которымъ прожилъ одною жизнью 34 года, я чувствовалъ, что все это непрочно. Это было баловство — игра въ солдатики. Настанетъ часъ великаго испытанія, заскрежещутъ и завоютъ въ небѣ снаряды, налетятъ съ бомбами аэропланы, запоютъ пули и никакими разговорами, никакими бесѣдами я не заставлю ихъ идти впередъ, все разбѣжится и исчезнетъ, предавши офицеровъ. Не было страха передъ неисполненіемъ приказа, или команды, того страха, — который, странное дѣло, — сильнѣе страха смерти. Не было совѣсти и стыда. Я вспоминалъ, какъ раньше того, что я шелъ сзади цѣпей и покрикивалъ: — «Впередъ! — Впередъ! Ничего! Впередъ!» — было достаточно, чтобы командуемый мною полкъ бросился на штурмъ укрѣпленной позиціи. А бросились бы эти? — спрашивалъ я, глядя на нихъ мокнущихъ на походѣ подъ дождемъ. Я видѣлъ недовольныя, злыя лица, и отвѣчалъ — нѣтъ, не бросились бы. Раньше казаку или солдату стыдно было показать, что онъ голоденъ, страдаетъ отъ жары или холода, или промокъ — при пропусканіи колонны мимо себя я видѣлъ въ такихъ случаяхъ веселыя, какъ бы надъ самимъ собою смѣющіяся лица, и на вопросъ: — «что холодно!» — слышалъ веселый, бодрый отвѣтъ: — «никакъ нѣтъ!» — иногда сопровождаемый какою-либо острой солдатской шуткой надъ самимъ собою. Теперь этого не было. Всякое лишеніе, всякое неудобство вызывало косые, мрачные взгляды. Они стали «барами», «господами», они искали комфорта и радости жизни, — а это уже не солдаты и не казаки.

Внѣшне полки были подтянуты, хорошо одѣты и выправлены, но внутренне они ничего не стоили. Не было надъ ними «палки капрала», которой они боялись бы больше, нежели пули непріятеля, и пуля непріятеля пріобрѣтала для нихъ особое страшное значеніе.

Я переживалъ ужасную драму. Смерть казалась желанной. Вѣдь рухнуло все, чему молился, во что вѣрилъ и что любилъ съ самой колыбели въ теченіе пятидесяти лѣтъ — погибла армія.

И все-таки надѣялся. Думалъ, что постепенно окрѣпнетъ дивизія, вернется былая удаль — и мы еще сдѣлаемъ дѣла и спасемъ Россію отъ иноземнаго порабощенія.

Больше всего я боялся тогда, что казаковъ станутъ употреблять на различныя усмиренія неповинующихся солдатъ. Ничто такъ не портитъ и не развращаетъ солдата, какъ война со своими, разстрѣлы, аресты и т. п. Бывая у своего командира корпуса, генералъ-лейтенанта Я. Ѳ. Гилленшмидта, съ которымъ я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и на «ты», я постоянно просилъ его поберечь въ этомъ отношеніи дивизію и не посылать ее съ карательными цѣлями.

Просьба была не напрасная. По всей арміи пѣхота отказывалась выполнять боевые приказы и идти на позиціи на смѣну другимъ полкамъ, были случаи, когда своя пѣхота запрещала своей артиллеріи стрѣлять по окопамъ противника, подъ тѣмъ предлогомъ, что такая стрѣльба вызываетъ отвѣтный огонь непріятеля. Война замирала по всему фронту и Брестскій миръ явился неизбѣжнымъ слѣдствіемъ приказа № 1 и разрушенія арміи. И если бы большевики не заключили его, его пришлось бы заключить Временному Правительству.

20 Августа меня вызвали въ штабъ Особой Арміи, въ Домбровицу. Я засталъ вр. командующаго арміей, генерала Эрдели, въ большой тревогѣ. Командующій Арміей и штабъ опасались, что ихъ же войска могутъ арестовать и убить ихъ. Меня спрашивали, насколько въ этомъ отношеніи надежны казаки дивизіи и станутъ ли они на защиту начальства отъ своихъ солдатъ.

Что я могъ отвѣтить, оставаясь совершенно честнымъ?

Я могъ сказать только подлое слово, рожденное этимъ страшнымъ временемъ: — «постолько — посколько».

Казаки будутъ нести честно караульную службу, они не заснутъ на часахъ, они не допустятъ единичныхъ людей, въ равномъ числѣ они будутъ драться, но если на нихъ навалится сила, если ихъ много будетъ убито и ранено — я за нихъ не ручался.

Скоро пришлось съ печалью убѣдиться, что я не ошибался.

Въ тылу, въ глухой деревнѣ, вдали отъ желѣзной дороги, гдѣ я жилъ, мы очень мало знали о томъ, что происходитъ въ Россіи. Смутно слышали, что верховный главнокомандующій Корниловъ требуетъ полнаго возстановленія дисциплины въ арміи, возвращенія офицерамъ и урядникамъ прежней дисциплинарной власти, возстановленія полевыхъ судовъ и смертной казни за цѣлый рядъ преступленій. Это было приказано объявить въ полкахъ. Собранные мною съ этою цѣлью офицеры и полковые комитеты дивизіи разно восприняли это извѣстіе. Офицеры радовались этому, потому что видѣли въ этомъ возрожденіе арміи и ея боеспособности, солдаты и казаки повѣсили головы.

— Это значитъ, опять къ старому режиму, — печально говорили казаки... Значитъ, прощай свобода! Не отдалъ чести, али коня не почистилъ, какъ слѣдуетъ, и становись въ боевую!

Солдаты встревожились еще рѣшительнѣе.

— Этому не бывать. Корниловъ того хочетъ, а мы не хотимъ. Довольно!

Имя Корнилова становилось популярнымъ въ офицерской средѣ, офицеры ждали отъ него чуда — спасенія арміи, наступленія, побѣды и мира, —

потому что понимали, что продолжать войну уже больше нельзя, но и миръ получить безъ побѣды тоже нельзя. Для солдатъ имя Корнилова стало равнозначущимъ — смертной казни и всякимъ наказаніямъ. Корниловъ хочетъ войны, — говорили они, — а мы желаемъ мира.

Но о томъ, что Корниловъ ради спасенія Россіи хочетъ захватить власть въ свои руки, что онъ хочетъ стать диктаторомъ, — никто не думалъ. И не только казаки и офицеры, или я, но даже и командиръ корпуса объ этомъ не подозрѣвали.

Объ іюльскихъ дняхъ въ Петроградѣ и попыткѣ большевиковъ захватить власть мы знали мало. «Были безпорядки», — говорили въ дивизіи, и больше интересовались тѣмъ, кто убитъ и раненъ, такъ какъ были между ними и знакомые, но о роковомъ значеніи начавшейся борьбы за власть во время войны мы не думали. Слишкомъ были заняты своими злободневными текущими дѣлами.

И потому, когда, 24 Августа, я получилъ отъ генералъ-маіора Д. П. Сазонова, бывшаго помощника Походнаго Атамана великаго князя Бориса Владиміровича телеграмму: — «23 Августа, 16 часовъ 57 мин. Наштаверхъ приказалъ представить васъ назначенію коман-кор. третьяго коннаго. Будьте готовы по телеграммѣ выѣхать къ корпусу. Прошу заѣхать Ставку Штабатаманъ 10777 Генералъ Сазоновъ». — Она меня только удивила. По имѣвшимся у меня частнымъ свѣдѣніямъ III кавалерійскій корпусъ, которымъ командовалъ генералъ Крымовъ, находился гдѣ-то въ Херсонской губерніи, въ районѣ города Ананьева, и ѣхать въ него черезъ Ставку мнѣ было совсѣмъ не по пути. О томъ, что III кавалерійскій корпусъ уже перебрасывался къ Петрограду, мы въ своей деревенской глуши и не подозрѣвали.

Будь это назначеніе въ старое дореволюціонное время, оно меня, конечно, страшно обрадовало бы. III кавалерійскій корпусъ, бывшій раньше подъ командою гр. Келлера, пользовался необыкновенно громкой боевой репутаціей. Я имѣлъ счастіе, въ рядахъ этого корпуса командовать 10-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ и принять участіе въ громкой побѣдѣ корпуса надъ австрійцами у селеній Баламутовка, Малинцы, Ржавенцы и Топоруцъ, гдѣ мы захватили болѣе 6000 плѣнныхъ и большую добычу. 1-ая Донская дивизія, входившая въ составъ этого корпуса, была для меня родною дивизіей. Я въ ней командовалъ полкомъ въ мирное время въ Замостьи и съ нею продѣлалъ весь походъ 1914 года и до конца Апрѣля 1915 года. Всѣ офицеры, и даже казаки этой дивизіи, были не только моими боевыми товарищами, но, смѣло скажу, — были моими друзьями. Имѣть ее въ своемъ корпусѣ по-настоящему — это было бы величайшимъ счастіемъ.

Теперь, при общемъ развалѣ арміи и крушеніи всѣхъ идеаловъ, это давало только новыя огорченія и разочарованія, а главное задерживало меня на военной службѣ, которая при томъ характерѣ, который она приняла, становилась мнѣ противной и лишала меня возможности, уйти въ отставку...

Но, прежде чѣмъ отправиться въ Ставку, мнѣ пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ и убѣдиться въ томъ, что я не ошибся, считая, что полки моей дивизіи уже неспособны, выдержать сколько-нибудь сильное испытаніе.

III

Бунтъ III-й пѣхотной дивизіи. Убійство комиссара Юго-Западнаго фронта, Ѳ. Ѳ. Линде

Въ ту же ночь, 24-го Августа, мнѣ лично изъ штаба корпуса было передано по телефону, что полки пѣхотной дивизіи, стоявшей на позиціи у селенія Духче въ 18 верстахъ отъ моего штаба, отказываются исполнять боевые приказы по укрѣпленію позиціи, что ими руководитъ нѣсколько весьма зловредныхъ агитаторовъ, которыхъ надо изъять изъ ея рядовъ. На переданное требованіе, выдать этихъ агитаторовъ, солдаты 444-го пѣхотнаго полка отвѣтили отказомъ. Надо ихъ заставить выдать. Командиръ корпуса считаетъ, что достаточно будетъ назначить одинъ полкъ съ пулеметной командой.

Передававшій мнѣ приказаніе за начальника штаба корпуса, полковникъ Богаевскій добавилъ:

— Командиръ корпуса очень хотѣлъ бы, чтобы вы лично поѣхали съ полкомъ. Вѣроятно все обойдется благополучно. Туда пріѣдетъ комиссаръ фронта, Линде, который все это и сдѣлаетъ. Вы нужны только для декораціи. Солдаты должны увидѣть часть въ полномъ порядкѣ.

Я назначилъ 2-й Уманскій полкъ, лучше другихъ обмундированный, внѣшне выправленный, а главное, ближе расположенный къ селенію Духче. Съ полкомъ, кромѣ командира полка, полковника Агрызкова, пошелъ и командиръ бригады, смѣлый и рѣшительный кавказецъ, генералъ-маіоръ Мистуловъ. Въ 7 часовъ утра я пріѣхалъ въ деревню Славитичи, гдѣ былъ полкъ, и нашелъ его въ полномъ порядкѣ. Люди были отлично одѣты, лошади вычищены, но, объѣзжая взводы и вглядываясь въ лица казаковъ, я встрѣчалъ хмурые, косые взгляды и видѣлъ какую-то растерянность. Объяснивши казакамъ нашу задачу, я сказалъ имъ, что отъ ихъ дисциплинированности, отъ ихъ бодраго внѣшняго вида въ значительной степени зависитъ и успѣхъ самаго предпріятія. — Солдаты, — сказалъ я, — должны понять, что они ошибаются. Въ васъ они должны видѣть не враговъ, но старшихъ товарищей, понимающихъ долгъ службы и присяги!

— Постараемся, господинъ генералъ, отвѣтили казаки. Было рѣшено, что мы придемъ въ Духче съ музыкой и пѣснями.

Когда полкъ тронулся, я спросилъ у командира полка: — «Какъ настроеніе казаковъ?» — Увы, въ эти ужасные дни приходилось задавать этотъ, — такой дикій полгода тому назадъ, вопросъ о настроеніи, какъ справляются о настроеніи капризной женщины или больного.

— Ничего, — отвѣчалъ мнѣ Агрызковъ. — Я думаю, свое дѣло сдѣлаютъ. Офицеры хорошо съ ними говорили.

Въ 10 часовъ утра мы прибыли въ селеніе Духче, гдѣ насъ ожидалъ начальникъ пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Гиршфельдтъ. Онъ направилъ казаковъ къ пѣхотному биваку, приказавши окружить его со всѣхъ сторонъ, оставивъ одну сотню въ его распоряженіи. Видъ Уманцевъ, проходившихъ съ музыкой и пѣснями, привелъ его въ восторженное умиленіе. Смотрѣвшіе на казаковъ писаря и чины команды связи дивизіи тоже видимо были поражены ихъ видомъ и отзывались о казакахъ съ одобреніемъ.

— Настоящее войско! — говорили они. Значитъ, есть, сохранилось!..

Я остался въ штабѣ съ Гиршфельдтомъ ожидать комиссара Линде. Если я не ошибаюсь, Линде былъ тотъ самый вольноопредѣляющійся Л. Гв. Финляндскаго полка, который 20-го Апрѣля вывелъ полкъ изъ казармъ и повелъ его къ Маріинскому дворцу требовать отставки Милюкова.

Около 11-ти часовъ утра на автомобилѣ изъ г. Луцка пріѣхалъ комиссаръ фронта Ѳ. Ѳ. Линде. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ. Манерой говорить съ ясно слышнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, своимъ отлично сшитымъ френчемъ, галиффэ и сапогами съ обмотками, онъ мнѣ напомнилъ самоувѣренныхъ юныхъ нѣмецкихъ барончиковъ изъ прибалтійскихъ провинцій, студентовъ Юрьевскаго университета. Всею своею молодою, легкою фигурою, задорнымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ съ Гиршфельдтомъ, онъ показывалъ свое превосходство надъ нами, строевыми начальниками.

— Ну, еще бы, — говорилъ онъ, манерно морщась, на докладъ Гиршфельдта, что всѣ его увѣщанія не привели ни къ чему и виновные все еще не выданы. — Они васъ никогда не послушаютъ. Съ ними надо умѣть говорить. На толпу надо дѣйствовать психозомъ.

Онъ былъ въ нервномъ, сильно возбужденномъ пастроеніи. Его тѣшило то вниманіе, которое обращали на пего высыпавшіе толпами па улицы деревни солдаты.

— Комиссаръ! Комиссаръ! — слышалось по рядамъ, и онъ медленно, рисуясь, садился въ автомобиль съ Гиршфельдтомъ. Я поѣхалъ сбоку автомобиля верхомъ.

Виновный 444-й полкъ былъ расположенъ въ дивизіонномъ резервѣ на небольшой лѣсной прогалинѣ. Часть землянокъ была на прогалинѣ, часть тѣснилась по краямъ прогалины въ самомъ лѣсу. Съ прогалины шло двѣ дороги. Одна на деревню Духче, другая черезъ болотистую часть на позицію, которая была занята 443-мъ пѣхотнымъ полкомъ.

Когда мы подъѣзжали, казаки уже окончили окруженіе бивака 444-го полка. Они выставили заставу съ пулеметами по направленію къ позиціи. Они сидѣли на лошадяхъ съ обнаженными шашками и, казалось, готовы были ринуться на пѣхоту.

Командиръ пѣхотнаго полка встрѣтилъ насъ у края бивака и сообщилъ, что солдаты очень напуганы появленіемъ казаковъ и собираются поротно, ружей не разбираютъ. Зачинщики ему названы.

Гиршфельдтъ и Линде вышли изъ автомобиля. Былъ очень жаркій полдень. Солнце высоко стояло на синемъ небѣ, въ лѣсу пахло хвоею, можжевельникомъ. У землянокъ раздавались крики офицеровъ, приказывавшихъ выходить всѣмъ до одного и строиться поротно. Нѣкоторыя роты уже были готовы и строемъ сводились въ батальонныя колонны. Я и Мистуловъ сошли съ лошадей и слѣдовали пѣшкомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за Линде и Гиршфельдтомъ.

— Вотъ вторая рота (если память мнѣ не измѣняетъ), — сказалъ командиръ полка. Она главная зачинщица всѣхъ безпорядковъ.

Линде вышелъ впередъ. Лицо его было блѣдно, но сильно возбуждено. Онъ оглянулъ роту гнѣвными глазами, и сильнымъ, полнымъ возмущенія голосомъ началъ говорить. Я почти дословно помню его рѣчь.

— Когда ваша Родина изнемогаетъ въ нечеловѣческихъ усиліяхъ,

чтобы побѣдить врага, — отрывисто, отчетливо говорилъ Линде, и его голосъ отдавало лѣсное эхо, — вы позволили себѣ лѣнтяйничать и не исполнять справедливыя требованія своихъ начальниковъ. Вы не солдаты, а сволочь, которую нужно уничтожить. Вы зазнавшіеся хамы и свиньи, недостойные свободы. Я, комиссаръ Юго-Западнаго фронта, я, который вывелъ солдатъ, свергнуть Царское правительство, чтобы дать вамъ свободу, равной которой не имѣетъ ни одинъ народъ въ мірѣ, требую, чтобы вы сейчасъ же мнѣ выдали тѣхъ, кто подговаривалъ васъ не исполнять приказъ начальника. Иначе вы отвѣтите всѣ. И я не пощажу васъ!

Тонъ рѣчи Линде, манера его говорить и начальственная осанка сильно не понравились казакамъ. Помню, потомъ, мой ординарецъ, урядникъ, дѣлясь со мною впечатлѣніями дня, сказалъ: «Они, господинъ генералъ, сами виноваты. Уже очень ихъ рѣчь была не демократическая. Вы съ нами никогда такъ не говорите и не ругаетесь. Да и вамъ бы простили. А онъ что — свой же братъ солдатъ, членъ исполнительнаго комитета, а все сыплетъ: свиньи, да сволочи... Самъ-то кто? Нѣмецъ притомъ. Можетъ быть, солдаты его и за шпіона приняли».

Когда Линде замолчалъ, рота стояла блѣдная, солдаты тяжело дышали. Видимо, они не того ожидали отъ «своего» комиссара.

— Ну, что же! — грозно сказалъ Линде и пошелъ вдоль фронта.

Командиръ полка сталъ вызывать людей по фамиліямъ. Онъ уже зналъ зачинщиковъ. Выходившіе были смертельно блѣдны, тою зеленоватою блѣдностью, которая показываетъ, что человѣкъ уже не въ себѣ. Это были люди большею частью молодые, типичные горожане, можетъ быть, рабочіе, вѣрнѣе, люди безъ опредѣленныхъ занятій. Ихъ набралось двадцать два человѣка.

— Это и всѣ? — спросилъ Линде.

— Всѣ, — коротко отвѣтилъ командиръ полка.

Одинъ изъ вызванныхъ началъ что-то говорить. Линде бросился къ нему.

— Молчать! Сволочь! Негодяй! Послѣ поговоришь...

— Возьмите ихъ, — сказалъ онъ сопровождавшему его казачьему офицеру.

— Не выдадимъ!.. Товарищи! что же это!.. — раздалось изъ роты, и нѣсколько рукъ, сжатыхъ въ кулаки, поднялось надъ фронтомъ.

Я обернулся. Конная сотня, стоявшая шагахъ въ двадцати, грозно надвинулась, и люди стихли.

— Ведите этихъ подлецовъ, и при малѣйшей попыткѣ къ бѣгству — пристрѣлить, — сказалъ Гиршфельдтъ казачьему офицеру.

— Понимаю, — хмуро отвѣтилъ тотъ, скомандовалъ арестантамъ и повелъ ихъ, окруженныхъ казаками, изъ лѣса.

Дѣло было сдѣлано, настроеніе солдатъ было очень возбужденное, квадраты батальонныхъ колоннъ, выстроившихся на лѣсной прогалинѣ, были грозны, и я подумалъ, что хорошо будетъ, если Линде теперь же и уѣдетъ, пока солдаты не поняли своей силы и нашего безсилія. Я сказалъ это ему.

— Нѣтъ, генералъ. Вы ничего не понимаете, — сказалъ Линде. Первое впечатлѣніе сдѣлано. Надо воспользоваться психологическимъ моментомъ. Я хочу поговорить съ солдатами и разъяснить имъ ихъ ошибки. —

Линде и начальникъ дивизіи, генералъ Гиршфельдтъ сіяли счастьемъ отъ первой удачи; какая-то непреодолимая судьба несла ихъ въ самую пасть опасности. Они уже никого не слушались и Линде полагалъ вѣроятно, что онъ овладѣлъ массой. Мнѣ же было жутко на него смотрѣть. По лицамъ солдатъ второй роты я понялъ, что дѣло далеко не кончено, что судомъ комиссара они недовольны. Я приказалъ офицерамъ и урядникамъ разойтись между солдатами и наблюдать за ними. Насъ было едва пятьсотъ человѣкъ, разсыпанныхъ по всему лѣсу. Солдатъ въ 444-мъ полку было свыше четырехъ тысячъ, да много сходилось и изъ сосѣднихъ полковъ. Весь лѣсъ былъ сѣрымъ отъ солдатскихъ рубахъ.

Линде подошелъ къ первому батальону. Онъ отрекомендовался — кто онъ, и сталъ говорить довольно длинную рѣчь. По содержанію это была прекрасная рѣчь, глубоко патріотическая, полная страсти и страданія за Родину. Подъ такими словами подписался бы съ удовольствіемъ любой изъ насъ, старыхъ офицеровъ. Линде требовалъ безпрекословнаго исполненія приказаній начальниковъ, строжайшей дисциплины, выполненія всѣхъ работъ.

Нѣмцы изрѣдка постреливали со своей позиціи и германскія шрапнели, пущенныя съ далекихъ батарей, разрывались высоко надъ лѣсомъ въ ясномъ синемъ небѣ. Это еще болѣе возбуждало Линде. Онъ указывалъ на нихъ и говорилъ, что на боевой позиціи всякое преступленіе является измѣной Родинѣ и свободѣ. Говорилъ онъ патетически, страстно, сильно, мѣстами красиво, образно, но акцентъ портилъ все. Каждый солдатъ понималъ, что говоритъ не русскій, а нѣмецъ.

Кончивъ, Линде, несмотря на протестъ командира полка, хотѣвшаго держать людей все время въ строю и подъ наблюденіемъ, приказалъ разойтись людямъ 1-го батальона и пошелъ говорить со вторымъ. Люди перваго батальона разошлись по кучкамъ и стали совѣщаться. Нѣкоторые слѣдовали за Линде, и насъ уже сопровождала порядочная толпа солдатъ.

Ко мнѣ то-и-дѣло подходили офицеры 2-го Уманскаго полка и говорили:

— Уведите его. Дѣло плохо кончится. Солдаты сговариваются убить его. Они говорятъ, что онъ вовсе не комиссаръ, а нѣмецкій шпіонъ. Мы не справимся. Они и на казаковъ дѣйствуютъ. Посмотрите, что идетъ кругомъ. —

Дѣйствительно подлѣ каждаго казака стояла кучка солдатъ и слышался разговоръ.

Я снова пошелъ къ Линде и сталъ его убѣждать. Но убѣдить его было невозможно. Глаза его горѣли восторгомъ воодушевленія, онъ вѣрилъ въ силу своего слова, въ силу убѣжденія. Я сказалъ ему все.

— Васъ считаютъ за нѣмецкаго шпіона, сказалъ я.

— Какія глупости, — сказалъ онъ. Повѣрьте мнѣ, что это все прекрасные люди. Съ ними только никто никогда не говорилъ. —

Было около трехъ часовъ пополудни и сильно жарко. Линде уже не говорилъ рѣчей, но и онъ, и генералъ Гиршфельдтъ стояли въ плотной толпѣ солдатъ и отвѣчали на задаваемые имъ вопросы. Вопросы эти были все наглѣе и грубѣе. Изъ темной солдатской массы выступали уже опредѣленныя лица, которыя неотступно слѣдовали за Линде. Помню одного изъ нихъ. Неловкій парень, съ длинными, какъ у обезьяны руками, колченогій, съ круглымъ идіотскимъ лицомъ, блѣдная кожа котораго была покрыта ярко-желтыми веснушками, типичный дегенератъ, солдатъ этотъ все время привязывался съ самыми неожиданными вопросами, то къ Линде, то

къ Гиршфельдту. Я удивлялся терпѣнію Линде, съ какимъ онъ старался разъяснить самые острые вопросы.

Для того, чтобы изолировать казаковъ отъ вліянія солдатъ я приказалъ собрать оставшіяся четыре сотни на площадкѣ, приказалъ завести машину Линде и подать ее ближе, и рѣшительно вывелъ Линде изъ толпы.

— Вамъ надо уѣхать сейчасъ же, — строго сказалъ я. Я ни за что не отвѣчаю.

— Вы боитесь, — сказалъ Линде.

— Да, я боюсь, но боюсь за васъ. Вся злоба направлена противъ васъ. Меня, можетъ быть, и не тронутъ, побоятся казаковъ, но вамъ сдѣлаютъ худо. Уѣзжайте! —

Линде колебался. Лицо его было возбуждено, я чувствовалъ, что онъ упоенъ собою, влюбленъ въ себя и вѣритъ въ свою силу, въ силу слова.

Машина фыркала и стучала подлѣ, заглушая наши слова, шофферъ и его помощникъ сидѣли съ блѣдными лицами. Руки шоффера напряженно впились въ руль машины.

— Хорошо, я сейчасъ поѣду, — сказалъ Линде и взялся за дверцу автомобиля. Я пошелъ садиться на свою лошадь.

Но въ это мгновеніе къ Линде подошелъ командиръ полка. Онъ хотѣлъ еще болѣе убѣдить его уѣхать.

— Уѣзжайте, сказалъ онъ, 443-й полкъ снялся съ позиціи и съ оружіемъ идетъ сюда. Онъ хочетъ съ вами говорить.

— Какъ! воскликнулъ Линде, — самовольно сошелъ съ позиціи? Я поѣду къ нему. Я поговорю съ нимъ. Я сумѣю убѣдить его и заставить выдать зачинщиковъ этого гнуснаго дѣла. Надо вынуть заразу изъ дивизіи.

— Люди вооружены, сказалъ командиръ полка.

— Я, комиссаръ. Меня не тронутъ. Это мой долгъ, — сказалъ онъ. — Вѣдь вы знаете, сказалъ онъ мнѣ, — они обвиняютъ генерала Гиршфельдта въ томъ, что онъ продалъ нѣмцамъ за 40,000 рублей свою позицію. Какъ это глупо! За сорокъ тысячъ!! Вѣчно нелѣпая басня объ измѣнѣ генераловъ!

Въ это время въ лѣсу, въ направленіи позиціи раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Ко мнѣ подскочилъ взволнованный казачій офицеръ, начальникъ заставы, и растерянно доложилъ:

— Ваше превосходительство, пѣхота наступаетъ на насъ правильными цѣпями, въ строгомъ порядкѣ. Я приказалъ пулеметчикамъ открыть по нимъ огонь, но они отказались.

Я передалъ этотъ докладъ Линде и еще разъ просилъ его немедленно уѣхать.

— Но вѣдь это уже настоящій бунтъ! — сказалъ онъ, мой долгъ быть тамъ! Генералъ, вы можете не сопровождать меня. Я поѣду одинъ. Меня не тронутъ.

— Мой долгъ ѣхать съ вами, — сказалъ я и тронулъ свою лошадь рядомъ съ автомобилемъ.

Толпа, тысячъ въ шесть солдатъ, запрудила всю прогалину и ѣхать можно было очень тихо. Впереди изрѣдка раздавались выстрѣлы.

Вдругъ раздался чей-то отчаянный рѣзкій голосъ, покрывая общій гомонъ толпы.

— Въ ружье!..

Толпа точно ждала этой команды. Въ одну секунду всѣ разбѣжались по землянкамъ и сейчасъ же выскакивали оттуда съ винтовками. Рѣзко и сильно, сзади и подлѣ насъ застучалъ пулеметъ и началась бѣшеная пальба. Всѣ шесть тысячъ, а можетъ быть и больше, разомъ открыли бѣглый огонь изъ винтовокъ. Лѣсное эхо удесятерило звуки этой пальбы. Казаки шарахнулись и понеслись къ дорогѣ и мимо дороги на проволоку резервной позиціи.

— Стой! — крикнулъ я. Куда вы! Съ ума сошли! Стрѣляютъ вверхъ!

— Сейчасъ вверхъ, а потомъ и по васъ! — крикнулъ, проскакивая мимо меня, смертельно блѣдный мой вѣстовой Алпатовъ, уже потерявшій фуражку.

Полкъ, мой отборный конвой, трубачи — все исчезло въ одну секунду. Видна была только густая пыль по дорогѣ, да удаляющіеся тамъ и сямъ. упавшіе съ лошадей люди, которые вскакивали и бѣжали догонять сотни. Остался при Линде я, генералъ Мистуловъ и мой начальникъ штаба, генеральнаго штаба полковникъ Муженковъ. Но стрѣляли дѣйствительно вверхъ и у меня еще была надежда вывести Линде изъ этого хаоса.

Автомобиль повернули обратно, и мы поѣхали при громѣ пальбы снова на прогалину мимо землянокъ. Но въ это время пули стали свистать мимо насъ и щелкать по автомобилю. Ясно, что теперь уже автомобиль сталъ мишенью для стрѣльбы.

Шофферы остановили машину, во мгновеніе ока выскочили изъ нея и бросились въ лѣсъ. За ними выскочили и Линде съ Гиршфельдтомъ. Гиршфельдтъ побѣжалъ въ лѣсъ, а Линде бросился въ землянку. На спускѣ въ землянку какой-то солдатъ ударилъ его прикладомъ въ високъ. Онъ поблѣднѣлъ, но остался стоять. Видно ударъ былъ не сильный. Тогда другой выстрѣлилъ ему въ шею. Линде упалъ, обливаясь кровью. И сейчасъ же всѣ съ дикими криками, улюлюканіемъ бросились на мертваго. Мнѣ нечего было больше дѣлать. Я съ Мистуловымъ и Муженковымъ рысью поѣхалъ изъ лѣса. Выстрѣлы провожали насъ. Однако стрѣляли, не цѣлясь. Много пуль свистало надъ нами, но только одна ранила лошадь полковника Муженкова.

За лѣсомъ я сталъ нагонять пѣшихъ казаковъ. Они то шли, то бѣжали, то ложились. Ихъ было человѣкъ двадцать. Сзади нихъ шло два офицера и съ ними генералъ Гиршфельдтъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Уманцы! — сказалъ я имъ. — Ну, чего разбѣжались? Чего падаете? Пѣхота стрѣляетъ зря. Никого не убило. Видите, я ѣду верхомъ, на большой лошади, и то меня не тронуло.

— Его сила, ваше превосходительство! — отвѣчали изступленно казаки, всѣхъ перебьетъ. Нашихъ много полегло. Полъ полка нѣтъ.

Изъ этихъ немногихъ словъ мнѣ стало ясно одно. Полкъ надо собрать и успокоить. Верстахъ въ двухъ за лѣсомъ мы встрѣтили двуколку съ солдатомъ, на нее усадили уставшаго и запыхавшагося генерала Гиршфельдта и съ нимъ двухъ офицеровъ и приказали ѣхать въ штабъ дивизіи, въ деревню Духче. Я продолжалъ ѣхать шагомъ. Стрѣльба почти прекратилась, лишь изрѣдка свистала надъ нами какая-либо пуля. Мало-по-малу ко мнѣ начали собираться разсѣявшіеся по полямъ казаки.

Первымъ явился мой вѣстовой Алпатовъ, со сконфуженнымъ лицомъ и безъ фуражки.

— А мы думали, васъ убили, ваше превосходительство, улыбаясь, сказалъ онъ.

— Фу! да и дурной же! — сказалъ я ему. — Хороши будете безъ шапки!

— Я у пѣхоты скраду! — улыбаясь, отвѣчалъ Алпатовъ. — Какъ палили то! Страсть! Я думалъ, никто живъ не будетъ.

— Такъ вѣдь вверхъ! — съ досадою сказалъ я.

— И то вверхъ, — согласился Алпатовъ.

Недалеко отъ Духче полковникъ Агрызковъ собиралъ полкъ. Увидѣвши меня, онъ поскакалъ ко мнѣ.

— Полкъ сильно разстроенъ, — доложилъ онъ. Половина людей не знаю гдѣ. Надо идти домой, успокоить. Меня и васъ грозятъ убить. Говорятъ, что мы нарочно привели ихъ въ западню, чтобы истребить.

— Вы лучше спросите меня, полковникъ, гдѣ комиссаръ, котораго охранять вы были обязаны, — сухо сказалъ я ему.

— А гдѣ? — растерянно спросилъ Агрызковъ.

— Убитъ солдатами на моихъ глазахъ, сказалъ я.

Агрызковъ тяжело вздохнулъ и поѣхалъ за мной. Я направился къ полку. Видъ жидкихъ сотень казаковъ, растерянныхъ и растрепанныхъ, многихъ, потерявшихъ лошадей, былъ безотраденъ. Я молча объѣхалъ ряды и сказалъ Агрызкову: Соберите полкъ въ Духче и ожидайте тамъ приказаній.

Послѣ этого я поѣхалъ въ Духче. Тамъ все было спокойно. Я связался съ командиромъ IV кавалерійскаго корпуса телефономъ и доложилъ ему о происшествіи. Командиръ корпуса потребовалъ, чтобы я пріѣхалъ немедленно къ нему, къ нему же направилъ и Уманцевъ. Онъ былъ очень обезпокоенъ тѣмъ, что произошло, и вызвалъ къ штабу корпуса 2-й Полтавскій полкъ и броневыя машины.

Въ Духче пріѣхалъ генералъ отъ инфантеріи Волкобой, командиръ армейскаго корпуса, въ который входила пѣхотная дивизія, и сталъ совѣщаться съ Гиршфельдтомъ о томъ, что дѣлать. Я поѣхалъ верхомъ въ деревню Пожарки, гдѣ былъ штабъ IV кавалерійскаго корпуса.

Уже затемно, съ Муженковымъ и двумя вѣстовыми я пріѣхалъ въ Пожарки. На дворѣ господскаго дома стояло двѣ броневыя машины. Среди чиновъ штаба было волненіе, носились слухи, что вся III-я пѣхотная дивизія сошла съ фронта и идетъ на Пожарки. Я разсѣялъ эти слухи, да и телефонъ изъ Духче скоро сообщилъ намъ иныя, хотя и очень печальныя, извѣстія.

При моемъ отъѣздѣ, генералъ Волкобой, считавшій себя любимцемъ солдатъ, почтенный старикъ, съ сѣдой бородой, типичный русскій старикъ, «дѣдушка», какъ звали его солдаты, убѣдилъ Гиршфельдта поѣхать въ дивизію безъ конвоя и уговорить солдатъ повиноваться. Они поѣхали вдвоемъ на лѣсную прогалину. Тамъ ихъ окружила толпа солдатъ. Солдаты прежде всего потребовали освобожденія арестованныхъ — Волкобой тутъ же приказалъ ихъ отпустить. Потомъ схватили Гиршфельдта, повели его въ лѣсъ, раздѣли, привязали къ дереву, истязали и надругивались надъ нимъ, послѣ чего убили. Волкобой убѣжалъ въ землянку, плакалъ

и умолялъ пощадить его въ уваженіе къ его сѣдинамъ. Солдаты со смѣхомъ выволокли его изъ землянки, посадили въ автомобиль и, окруживъ издѣвавшимися надъ нимъ солдатами, отвезли въ штабъ его корпуса.

Вмѣстѣ съ Гиршфельдтомъ былъ убитъ командиръ полка и еще одинъ офицеръ. Убійства, наступающая темнота, лѣсъ, все подѣйствовало отрезвляюще на солдатъ и они тихо ушли на позицію и рѣшили сидѣть на ней и никуда не уходить. Не раскаяніе и не угрызеніе совѣсти руководили ими, но страхъ наказанія и сознаніе, что вина ихъ очень велика.

Ночью полковникъ Агрызковъ, убѣдившись въ плохомъ настроеніи казаковъ 2-го Уманскаго полка, увелъ ихъ за рѣку Стырь на свои квартиры. Въ полку никто не былъ убитъ. Было помято лошадьми нѣсколько казаковъ, да нѣсколько лошадей покалѣчилось на проволокахъ во время безумнаго бѣгства. Полтавцы, переговоривши съ Уманцами, постановили, что они на вѣрную смерть не пойдутъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ была разрушена вся та работа по пріобрѣтенію довѣрія, которую я дѣлалъ три мѣсяца.

Въ штабъ корпуса ночью прибылъ помощникъ комиссара Линде изъ Луцка и исполнительный комитетъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ гор. Луцка, — они утромъ хотѣли ѣхать творить судъ и расправу надъ виновниками убійства Линде и Гиршфельдта. Въ штабѣ же находился войсковой старшина Хоперсковъ, командиръ пластунскаго (не изъ казаковъ, а изъ солдатъ) дивизіона бывшей моей 2-й казачьей Сводной дивизіи и комитетъ дивизіона. Они явились по личному почину предложить командиру корпуса свои услуги по охранѣ штаба корпуса и возстановленію порядка на позиціи.

Утромъ предполагалось начать развѣдку и приступить къ смѣнѣ частей III-й дивизіи съ позиціи для отвода ея въ тылъ. Но мнѣ уже не пришлось принимать въ этомъ участія. Въ ночь на 26 Августа пришла изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго телеграмма, подписанная Корниловымъ. Я былъ назначенъ командиромъ III коннаго корпуса и Корниловъ требовалъ моего немедленнаго прибытія въ Ставку. Генералъ Гилленшмидтъ, у котораго въ корпусѣ я былъ больше двухъ лѣтъ и который очень меня любилъ, сердечно простился со мною.

— Поѣзжай немедленно, сказалъ онъ. Я не знаю, что тамъ, но чувствую, что тамъ тебѣ сразу предстоитъ работа. Богъ, да поможетъ тебѣ.

Въ тѣ печальные дни, когда не проходило недѣли, чтобы кто-либо изъ начальниковъ не былъ убитъ, то случайно, то умышленно, мы всѣ чувствовали себя обреченными на смерть и были къ ней готовы каждую минуту.

— Лишь бы не мучили, сказалъ мнѣ Гилленшмидтъ, говоря о смерти отъ руки своихъ же.

— Я не признаю мученій, отвѣчалъ я ему. Страшенъ первый ударъ Но онъ несомнѣнно вызываетъ притупленіе чувствительности, полубезсознательное состояніе, и дальнѣйшіе удары уже не даютъ ни болевого, ни моральнаго ощущенія.

26-го Августа я уѣхалъ изъ дер. Пожарки и въ тотъ же день, сдавши дивизію генералу Колесникову и отправивъ своихъ лошадей, ночью поѣхалъ на станцію Киверцы, чтобы ѣхать въ Могилевъ.

IV

Въ Ставкѣ у генерала Корнилова

28-го Августа, въ 4 часа утра, я прибылъ въ Могилевъ. Когда я въ 9 часовъ вышелъ, чтобы ѣхать въ Ставку, Могилевъ имѣлъ обычный видъ. На станціи, какъ и всегда, толпились офицеры, много было солдатъ ударныхъ батальоновъ съ голубыми щитами, нашитыми на лѣвомъ рукавѣ рубахи съ изображеніемъ бѣлой краской черепа и мертвыхъ костей. Не понравились они мнѣ. Чѣмъ-то бутафорскимъ вѣяло отъ этихъ неаккуратно сдѣланныхъ нарукавныхъ нашивокъ. Поразила меня еще и крайняя сдержанность, совсѣмъ необычная нашимъ, всегда такъ неумѣренно болтливымъ, офицерамъ. Какъ будто боялись другъ друга и другъ за другомъ слѣдили.

Такъ, ничего не зная о томъ, что происходитъ, я на штабномъ автомобилѣ, всегда отходящемъ въ 9 часовъ во дворецъ, отправился въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго. Я всю войну провелъ на позиціи. Въ Ставкѣ я никогда не былъ, даже въ штабахъ Арміи за всѣ три года войны счетомъ былъ три раза. Я съ любопытствомъ оглядывалъ большой городъ и массы солдатъ, ходившихъ по нему. Проѣхалъ взводъ туркменъ, и я полюбовался ихъ прекрасными статными лошадьми. Въ общемъ былъ полный порядокъ.

Послѣ небольшихъ формальностей меня пропустили въ домъ Верховнаго Главнокомандующаго. Главнокомандующій былъ занятъ и мнѣ предложили подождать на площадкѣ 2-го этажа парадной лѣстницы. Вскорѣ туда поднялся искалѣченный офицеръ. Онъ страстно, въ повышенномъ тонѣ сталъ говорить мнѣ о томъ, что батальонъ инвалидовъ постановилъ предоставить себя въ полное распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго и что онъ пріѣхалъ съ депутаціей заявить объ этомъ генералу Корнилову. О Корниловѣ онъ отзывался восторженно со слезами на глазахъ. «Тяжело же должно быть теперь положеніе Главнокомандующаго, — подумалъ я, — если инвалидамъ приходится его защищать». Во время разговора съ инвалидомъ меня потребовали въ кабинетъ начальника штаба. Начальникъ штаба сбивчиво и неясно, видимо сильно волнуясь, объяснилъ мнѣ, что только-что Корниловъ объявилъ Керенскаго измѣнникомъ, а Керенскій сдѣлалъ то же самое по отношенію къ Корнилову, что необходимо арестовать Временное Правительство и прочно занять Петроградъ вѣрными Корнилову войсками, тогда явится возможность продолжать войну и побѣдить нѣмцевъ. Съ этою цѣлью Корниловъ двинулъ на Петроградъ III-й конный корпусъ, который съ приданной къ нему Кавказской Туземной дивизіей разворачивается въ Армію, командовать которой назначенъ генералъ Крымовъ. Кавказская дивизія разворачивается въ Туземный корпусъ приданіемъ къ ней 1-го Осетинскаго и 1-го Дагестанскаго полковъ. Я же назначенъ принять отъ Крымова III-й конный корпусъ, чтобы освободить его для командованія арміей. Сложная работа разворачиванія Кавказской Туземной дивизіи въ корпусъ шла на походѣ, да и не на настоящемъ походѣ, а въ вагонахъ желѣзнодорожныхъ эшелоновъ. На деликатное дѣло военнаго переворота были брошены части съ только-что назначенными начальниками. Туземцы не знали Крымова, Уссурійская конная дивизія III-го корпуса не знала меня.

На мой вопросъ, гдѣ же я могу настигнуть свой корпусъ, начальникъ

штаба очень неувѣренно началъ говорить, что корпусъ можетъ быть уже въ Петроградѣ, или въ Псковѣ, въ Псковѣ навѣрное, что Туземцы или въ Павловскѣ, или на станціи Дно, что все движется эшелонами и въ данное время связи еще нѣтъ. Въ это время дверь кабинета начальника штаба распахнулась и въ нее быстрыми, твердыми шагами вошелъ невысокаго роста генералъ, аккуратно одѣтый, съ коротко остриженными черными волосами и черными нависшими надъ губою усами. Лицо его было смуглое, глаза узкіе, чуть косые и съ сильнымъ блескомъ, быстрые. Я никогда не видалъ раньше Корнилова, но сейчасъ же узналъ его по портретамъ. Я представился ему.

— Съ нами вы, генералъ, или противъ насъ? — быстро и твердо спросилъ меня Корниловъ.

— Я старый солдатъ, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ я, и всякое ваше приказаніе исполню въ точности и безпрекословно.

— Ну, вотъ и отлично. Поѣзжайте сейчасъ же въ Псковъ. Постарайтесь отыскать тамъ Крымова. Если его тамъ нѣтъ, оставайтесь пока въ Псковѣ; нужно, чтобы побольше было генераловъ въ Псковѣ. Я не знаю, какъ Клембовскій? Во всякомъ случаѣ явитесь къ нему. Отъ него получите указанія. Да поможетъ вамъ Господь! — Корниловъ протянулъ мнѣ руку, давая понять, что аудіенція кончена.

Поѣздъ на Псковъ отходилъ въ 2 часа дня, было всего половина 12-го и я пошелъ пѣшкомъ по Могилеву въ штабъ Походнаго Атамана. На улицахъ толпилось очень много ударниковъ изъ ударныхъ батальоновъ, они щеголевато отдавали честь, но видимо были смущены, собирались кучками и о чемъ-то шептались.

Въ штабѣ Походнаго Атамана у меня все были старые знакомые и сослуживцы. И начальникъ штаба, генералъ отъ кавалеріи Смагинъ, и Сазоновъ, и чины штаба, полковники Власовъ и Грековъ, были увѣрены въ полномъ успѣхѣ дѣла. Они мнѣ подробно разсказали о томъ, что Керенскій опредѣленно ведетъ армію къ полному разложенію и, если онъ останется у власти, солдаты покинутъ фронтъ и станутъ брататься съ нѣмцами. Керенскій совершенно подчинился исполнительному комитету совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, того совѣта, который издалъ приказъ № 1. Правительство ничего не стоитъ и ничего не понимаетъ; — Россіи угрожаетъ гибель. Спасти можетъ только диктатура, и въ рѣшительную минуту, когда самое существованіе Россіи висѣло на волоскѣ, Верховный Главнокомандующій взялъ на себя свергнуть Керенскаго и стать во главѣ Россіи до Учредительнаго Собранія.

Тутъ же мнѣ показали приказъ Корнилова, написанный въ сильныхъ, но слишкомъ личныхъ тонахъ. «Сынъ казака-крестьянина» звучало какъ-то не у мѣста и не отвѣчало всему тону приказа, написанному не по-крестьянски. Въ прекрасно, благородно, смѣло написанномъ приказѣ звучала фальшь. Я ее сейчасъ замѣтилъ. Въ штабѣ Походнаго Атамана ее не замѣчали, но солдаты и казаки уловили ее сразу и потомъ только ее и видѣли. Психологія тогдашняго крестьянина и казака была проста до грубости: — «долой войну. Подавай намъ миръ и землю. Миръ по телеграфу». — А приказъ настойчиво звалъ къ войнѣ и побѣдѣ. Керенскій, который лучше понималъ настроеніе массы, сейчасъ же учуялъ эту фальшь, и его контрприказъ, объявлявшій Корнилова измѣнникомъ и контръ-революціонеромъ,

говорившій о тѣхъ завоеваніяхъ революціи, которые солдатомъ понимались, какъ своевольничаніе, ничего недѣланіе, пьянство и отсутствіе какой бы то ни было власти, сразу завоевалъ симпатіи солдатской массы. Разговаривая со Смагинымъ и Сазоновымъ, я откровенно высказалъ и слѣдующіе свои взгляды по поводу всего дѣла.

Замышляется очень деликатная и сильная операція, требующая вдохновенія и порыва. Coup d'état, — для котораго неизбѣжно нужна нѣкоторая театральность обстановки. Собирали III-й корпусъ подъ Могилевымъ? Выстраивали его въ конномъ строю для Корнилова? Пріѣзжалъ Корниловъ къ нему? Звучали побѣдные марши надъ полемъ, было сказано какое-либо сильное увлекающее слово, — Боже сохрани — не рѣчь, а, именно, слово, — была обѣщана награда? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Ничего этого не было. Эшелоны ползли по желѣзнымъ путямъ, часами стояли на станціяхъ. Солдаты толпились въ красныхъ коробкахъ вагоновъ, а потомъ, на станціи, толпами стояли около какого-нибудь оратора — желѣзнодорожнаго техника, посторонняго солдата, — кто его знаетъ кого? Они не видѣли своихъ вождей съ собою и даже не знали, гдѣ они? Я помню, какъ гр. Келлеръ повелъ насъ на штурмъ Ржавендовъ и Топороуца. Молчаливо, весеннимъ утромъ на черномъ пахатномъ полѣ выстроились 48 эскадроновъ и сотень и 4 конныя батареи. Раздались звуки трубъ, и на громадномъ конѣ, окруженный свитой, подъ развѣвающимся своимъ значкомъ явился графъ Келлеръ. Онъ что-то сказалъ солдатамъ и казакамъ. Никто ничего не слыхалъ, но заревѣла солдатская масса «ура», заглушая звуки трубъ и потянулись по грязнымъ весеннимъ дорогамъ колонны. И когда былъ бой — казалось, что графъ тутъ же и вотъ-вотъ появится со своимъ значкомъ. И онъ былъ тутъ, онъ былъ въ полѣ и его видали даже тамъ, гдѣ его не было. И шли на штурмъ весело и смѣло.

Тутъ все начальство осталось позади. Корниловъ задумалъ такое великое дѣло, а самъ остался въ Могилевѣ, во дворцѣ, окруженный туркменами и ударниками, какъ будто и самъ не вѣрящій въ успѣхъ. Крымовъ неизвѣстно гдѣ, части не въ рукахъ у своихъ начальниковъ.

Легенда о «всадникѣ на бѣломъ конѣ», въѣзжающемъ побѣдителемъ въ городъ, слишкомъ сильно въѣлась въ народные умы, чтобы ею можно было пренебрегать, совершая coup d'état.

Все это я высказалъ въ штабѣ. Но меня разувѣрили и успокоили. Керенскаго въ арміи ненавидятъ. Кто онъ такой? — штатскій, едва-ли не еврей, не умѣющій себя держать фигляръ, а противъ него брошены лучшія части. Крымова обожаютъ, туземцамъ все равно, куда идти и кого рѣзать, лишь бы ихъ князь Багратіонъ былъ съ ними. Никто Керенскаго защищать не будетъ. Это только прогулка; все подготовлено.

Но тогда еще менѣе мнѣ было понятно, почему же въ эту прогулку не пошелъ сразу съ нами Корниловъ?

Въ штабѣ Походнаго Атамана горячо желали мнѣ успѣха, но сами волновались, сами боялись даже Могилева. Я хотѣлъ идти на станцію пѣшкомъ. Меня не пустили.

— Нельзя, милый другъ, сказалъ мнѣ Д. П. Сазоновъ. Мало ли что можетъ случиться? Мы тебѣ дадимъ автомобиль.

Смагинъ навязалъ сопровождать меня сотника Генералова, случайно

бывшаго у нихъ, опять-таки подъ тѣмъ предлогомъ, что мало ли что можетъ выйти, и всегда хорошо имѣть при себѣ вѣрнаго и надежнаго человѣка.

Въ часъ дня я былъ на станціи, получилъ мѣсто въ прямомъ скоромъ поѣздѣ и въ ожиданіи его сѣлъ обѣдать. На станціи я узналъ, что только-что уѣхалъ изъ Ставки въ Петроградъ на паровозѣ Филоненковъ*, пріѣзжавшій отъ Керенскаго уговаривать Корнилова. Разсказывавшій мнѣ это офицеръ сказалъ, что Корниловъ убѣдилъ Филоненкова въ правотѣ своего поступка и Филоненковъ будто бы теперь помчался уговаривать Керенскаго признать диктатуру Корнилова, при чемъ Корниловъ оставлялъ за Керенскимъ постъ министра юстиціи.

Въ разговоръ вмѣшался другой офицеръ и сталъ доказывать, что Керенскій никогда не примирится съ постомъ министра юстиціи, что онъ крайне честолюбивъ и самъ жаждетъ диктатуры, при этомъ разсказывалъ тѣ сплетни, которыя ходили тогда, что Керенскій спитъ въ постели императрицы и носитъ бѣлье императора.

Дѣлалось страшное, великое дѣло, а грязная пошлость выпирала отовсюду.

Въ 2 часа 50 минутъ я съ сотникомъ Генераловымъ сѣлъ въ отведенное намъ купе и поѣхалъ къ Петрограду.

Поѣздъ шелъ поразительно точно. Провожатый вагона говорилъ намъ, что всѣ желѣзнодорожники на сторонѣ Корнилова, что они мечтаютъ, чтобы кто-либо обуздалъ безпардонныя банды солдатъ, которыя носятся теперь по всѣмъ путямъ, загаживаютъ вагоны перваго класса, бьютъ стекла, срываютъ обивку и терроризируютъ всѣхъ желѣзнодорожниковъ.

По пути я обдумывалъ, что же мы должны будемъ дѣлать. Нашей задачей, сколько я могъ понять въ Ставкѣ, являлся — арестъ членовъ Временнаго Правительства и арестъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, иными словами захватъ Зимняго дворца, Смольнаго института и Таврическаго дворца. Какое и откуда сопротивленіе мы могли встрѣтить? Конечно, «краса и гордость революціи» — матросы вступятся за своего вождя и героя, можетъ быть, рабочіе и весьма вѣроятно Петроградскій гарнизонъ, который сталъ въ положеніе преторіанцевъ и боится, что Корниловъ отправитъ его на фронтъ. Нашихъ силъ было мало. Но, считаясь съ трусливымъ настроеніемъ Петроградскихъ солдатъ, съ тѣмъ, что корпусъ представляетъ изъ себя отборныхъ бойцовъ, считаясь съ тѣмъ, что уличный бой вести очень трудно и офицеры Петроградскаго гарнизона, училища и пр. вѣроятно на нашей сторонѣ, можно было разсчитывать и на успѣхъ. Хотѣлось только возможно скорѣе увидѣть корпусъ, собраннымъ въ полѣ, какъ грозная сила, со всѣми его батареями и пулеметами, а не имѣть его разбросаннымъ по путямъ желѣзной дороги.

Невольно задумывался и о своемъ положеніи. Въ случаѣ удачи — ореолъ славы Корнилова захватитъ и насъ, его сотрудниковъ, въ случаѣ крушенія дѣла, намъ придется раздѣлить его участь, — тюрьму, полевой судъ и смертную казнь. Однако чувствовалъ, что и въ этомъ случаѣ идти надо, потому что не только морально — всѣ симпатіи мои были на сторонѣ Корнилова, но и юридически я былъ правъ, такъ какъ получилъ

* Верховный комиссаръ.

приказаніе отъ своего верховнаго главнокомандующаго и обязанъ его исполнить. Характерно то, что ни я, ни генералы Смагинъ, Сазоновъ, ни офицеры штаба Походнаго Атамана, мы ни разу не останавливались надъ вопросомъ о томъ, къ какой политической партіи принадлежитъ Корниловъ и Крымовъ, куда будутъ они гнуть, если окажутся у власти. А между тѣмъ мы знали, что Корниловъ считался революціонеромъ, что Крымовъ, котораго почему-то считали монархистомъ и реакціонеромъ, игралъ какую-то таинственную роль въ отреченіи Государя Императора и сносился и дружилъ съ Гучковымъ. Мы всѣ такъ жаждали возрожденія арміи и надежды на побѣду, что готовы были тогда идти съ кѣмъ угодно, лишь бы выздоровѣла наша горячо любимая армія.

Спасти армію! Спасти какою угодно цѣною. Не только цѣною жизни, но и цѣною своихъ убѣжденій — вотъ, что руководило нами тогда и заставляло вѣрить Корнилову и Крымову.

V

На станціи Дно. Туземный корпусъ

Въ 6 часовъ утра, 29 Августа, мы прибыли на станцію Дно и здѣсь намъ заявили, что поѣздъ дальше не пойдетъ: между Вырицей и Павловскомъ путь разобранъ, идетъ перестрѣлка между всадниками Туземнаго корпуса и солдатами Петроградскаго гарнизона, вышедшими навстрѣчу. Всѣ пути были заставлены эшелонами съ частями Туземнаго корпуса. Въ залѣ I-го и II-го классовъ и въ буфетѣ, несмотря на ранній часъ, столпотвореніе вавилонское. Офицеры, всадники, солдаты. Кто спитъ на полу или на лавкѣ, кто уже обѣдаетъ, кто пьетъ чай, кто разложилъ карты и въ толпѣ откровенно диктуетъ приказаніе. Кухонный чадъ, волны табачнаго дыма и отсутствіе какого бы то ни было воинскаго порядка. Масса знакомыхъ — въ 1915 году я командовалъ 3-й бригадой Кавказской Туземной дивизіи — меня обступили. Никто толкомъ ничего не зналъ. Эшелоны застряли на всемъ пути, но никто не зналъ, что дѣлать, приказаній ни отъ кого получено не было. Осетины и Дагестанцы могли подойти только черезъ нѣсколько дней. Командиръ Туземнаго корпуса, князь Багратіонъ, находился верстахъ въ восьми отъ станціи въ какомъ-то имѣніи. Туда ѣхалъ командиръ Ингушскаго полка, полковникъ Мерчуле, я переговорилъ по телефону съ княземъ и поѣхалъ къ нему, чтобы сговориться.

Странно было проѣзжать по шоссированной дорогѣ между мокрыхъ, порыжѣлыхъ кустовъ ивы и смотрѣть на болотистыя луговины и уже золотыя березы, такія близкія и родныя мнѣ съ дѣтства, такъ напомнившія дачи и маневры всей моей жизни; и теперь предстояли тоже маневры, но только какіе!

По пути попадались всадники, и такъ не гармонировали они своими изношенными сѣрыми черкесками и рыжими папахами, своими поджарыми горскими лошадьми, сухими лицами съ длинными носами — съ печальной природой плаксиваго Сѣвера.

Князь Багратіонъ только-что всталъ. Ночью онъ получилъ пакетъ отъ Крымова и теперь пригласилъ меня разсмотрѣть съ нимъ присланную ему диспозицію. Диспозицію и планъ Петрограда, приложенный къ ней,

разсматривали таинственно, какъ заговорщики. Приказъ Крымова говорилъ о томъ, что дѣлать, когда Петроградъ будетъ занятъ. Какой дивизіи занять какія части города, гдѣ имѣть наиболѣе сильные караулы. Все было предусмотрѣно: и занятіе дворцовъ и банковъ, и караулы на вокзалахъ желѣзной дороги, телефонной станціи, въ Михайловскомъ манежѣ, и окруженіе казармъ, и обезоруженіе гарнизона — не было предусмотрѣно только одного — встрѣчи съ боемъ до входа въ Петроградъ. Самъ Крымовъ былъ въ Псковѣ, но собирался мчаться дальше въ самый Петроградъ, впереди своихъ войскъ. Прочитавши это приказаніе, князь Багратіонъ поѣхалъ со мною на станцію Дно. Тамъ былъ телефонъ съ Вырицей, откуда командиръ 3-й бригады, князь Гагаринъ, могъ донести Багратіону о томъ, что происходитъ.

Произошло же слѣдующее: третья бригада, шедшая во главѣ Кавказской Туземной дивизіи, у станціи Вырицы наткнулась на разобранный путь. Черкесы и ингуши вышли изъ вагоновъ и собрались у Вырицы, а потомъ пошли походнымъ порядкомъ на Павловскъ и Царское Село. Между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ, и они остановились. По донесеніямъ со стороны, вышедшіе на встрѣчу солдаты гвардейскихъ полковъ драться не хотѣли, убѣгали при приближеніи всадниковъ, но князь Гагаринъ не могъ идти одинъ съ двумя полками, такъ какъ попадалъ въ мѣшокъ. Надо было пододвинуть впередъ эшелоны Туземной дивизіи и начать движеніе III-го коннаго корпуса на Лугу и Гатчино, а гдѣ находился III-й конный корпусъ, никто точно не зналъ. Гдѣ-то тоже на путяхъ; а Уссурійская конная дивизія даже сзади. Надо было ударить по Петрограду силою въ 86 эскадроновъ и сотень, а ударили одною бригадою князя Гагарина въ 8 слабыхъ сотень, на половину безъ начальниковъ. Вмѣсто того, чтобы бить кулакомъ, ударили пальчикомъ — вышло больно для пальчика и нечувствительно тому, кого ударили.

На станціи Дно стояли эшелоны Кавказской Туземной дивизіи. Было очевидно, что подать ихъ впередъ эшелонами нельзя. Все равно, почему? Потому ли, что настроеніе желѣзнодорожниковъ послѣ воззванія Керенскаго измѣнилось и они уже были противъ Корнилова и называли его измѣнникомъ, потому ли, что технически, при разрушенномъ пути, нельзя было подать эшелоны впередъ, но эшелоны стояли, а кн. Багратіонъ не рисковалъ выгрузиться и идти походомъ къ Вырицѣ. Казалось далеко.

Мой поѣздъ на Псковъ долженъ былъ отойти въ 2 часа. Около этого времени на станцію прибыло 2 эшелона Приморскаго драгунскаго полка. Солдаты сейчасъ же выскочили изъ вагоновъ и собрались на опушкѣ лѣса за путями. У нихъ уже были воззванія Керенскаго и они горячо обсуждали, кто измѣнникъ, Корниловъ или Керенскій. Командиръ полка, полковникъ Шипуновъ, узнавши, что я нахожусь на станціи и что я назначенъ командиромъ III-го коннаго корпуса, пошелъ представиться мнѣ и просилъ меня поговорить съ солдатами.

Я отправился за пути. Солдатская толпа сейчасъ же обступила меня. Я вглядѣлся въ лица. Хорошія, славныя, честныя это были лица. Драгуны были прекрасно, щегольски одѣты и отлично выправлены. Я сказалъ имъ, кто я. Сказалъ, что я знаю полкъ еще по Японской войнѣ, когда былъ съ ними на охранѣ побережья у Кайджоо и видѣлъ ихъ въ бою подъ Дашичао. Я прочелъ и разъяснилъ имъ приказъ Корнилова.

— Мы должны исполнить приказъ нашего Верховнаго Главнокомандующаго, какъ вѣрные солдаты безъ всякаго разсужденія. Русскій народъ въ Учредительномъ Собраніи разсудитъ, кто правъ, Керенскій или Корниловъ, а сейчасъ нашъ долгъ повиноваться.

— Господинъ генералъ, — отвѣчалъ мнѣ солидный подпрапорщикъ, вахмистръ со многими георгіевскими крестами. — Оборони Боже, чтобы мы отказывались исполнить приказъ. Мы съ полнымъ удовольствіемъ. Только вишь ты, какая загвоздка вышла. И тотъ измѣнникъ, и другой измѣнникъ. Намъ дорогою сказывали, что генералъ Корниловъ въ Ставкѣ уже арестованъ, его нѣтъ, а мы пойдемъ на такое дѣло? Ни сами не пойдемъ, ни васъ подъ отвѣтъ подводить не хотимъ. Останемся здѣсь, пошлемъ развѣдчиковъ узнать, гдѣ правда, а тогда — съ нашимъ удовольствіемъ — мы свой солдатскій долгъ отлично понимаемъ.

Но оставаться на станціи Дно, когда каждая минута была дорога и каждый лишній солдатъ былъ нуженъ Крымову въ Псковѣ, я считалъ невозможнымъ.

— Хорошо, сказалъ я. Я съ вами согласенъ, что безъ развѣдки мы не можемъ кинуться въ бой. Вашъ путь идетъ черезъ Псковъ. Въ Псковѣ находится Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ. Я ѣду сейчасъ въ Псковъ и, если Главнокомандующій подтвердитъ приказъ генерала Корнилова — мы обязаны его исполнить.

— Совершенно правильно, — раздались голоса солдатъ. — Мы исполнимъ то, что намъ скажутъ въ штабѣ фронта. Такъ пусть и будетъ.

Я надѣялся на солидарность между генералами. Я былъ увѣренъ, что генералъ Клембовскій станетъ на точку зрѣнія Корнилова — необходимости спасать, но не разрушать армію.

Драгуны разошлись по вагонамъ и черезъ полчаса ихъ эшелоны потянулись по свободному пути на Псковъ.

Въ 5 часовъ пополудни прибылъ и мой Псковскій поѣздъ, и я поѣхалъ съ нимъ, обгоняя въ пути драгунскіе эшелоны.

VI

Въ эшелонахъ

Ночь была темная, августовская. На остановкахъ то я, то сотникъ Генераловъ выходили на станціи и ходили мимо драгунскихъ эшелоновъ. И почти всюду мы видѣли одну и ту же картину: гдѣ на путяхъ, гдѣ въ вагонѣ, на сѣдлахъ у склонившихся къ нимъ головами вороныхъ и караковыхъ лошадей сидѣли или стояли драгуны и среди нихъ юркая личность въ солдатской шинели. Слышались отрывистыя фразы.

— Товарищи, что же вы! Керенскій васъ изъ-подъ офицерской палки вывелъ, свободу вамъ далъ, а вы опять захотѣли тянуться передъ офицеромъ, да чтобы въ зубы вамъ тыкали. Такъ, что ли?

— Товарищи! Керенскій за свободу и счастіе народа, а генералъ Корниловъ за дисциплину и смертную казнь. Ужели вы съ Корниловымъ?

— Товарищи! Корниловъ измѣнникъ Россіи и идетъ вести васъ на бой на защиту иностраннаго капитала. Онъ большія деньги на то получилъ, а Керенскій хочетъ мира!..

Молчали драгуны, но лица ихъ становились все сумрачнѣе и сумрачнѣе.

Приверженцы Керенскаго пустили по желѣзнымъ дорогамъ тысячи агитаторовъ и ни одного не было отъ Корнилова.

Какая страшная драма разыгрывалась въ темной душѣ солдата въ эти дни? Какія ужасныя мысли медленно ползли и копошились въ его мозгу? Начальники съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, генераломъ Корниловымъ, вели солдатъ противъ Временнаго Правительства, того Временнаго Правительства, которое дало имъ неслыханную свободу, которое попустительствовало имъ въ ихъ преступленіяхъ противъ начальниковъ и, не отказываясь на словахъ, отказалось на дѣлѣ отъ войны, потому что лѣто, — періодъ упорныхъ сраженій, проходило тихо, если не считать двухъ неудавшихся наступленій іюньскаго на югозападномъ фронтѣ и іюльскаго на сѣверномъ, сорванныхъ солдатами, оставшимися совершенно безнаказанными.

Послѣ революціи — даже и помимо приказа № 1, между офицерами и солдатами появилась пропасть. Революція для солдата — это была свобода, а свобода — отрицаніе войны. Послѣ революціи и отреченія императора, война исчезла изъ понятія солдата. Вѣдь войну все время называли капиталистически-империялистской. Императора больше не было; для того, чтобы окончательно освободиться отъ войны, надо было теперь освободиться отъ капиталистовъ; объ этомъ откровенно кричали по всей арміи большевики. Такія рѣчи я слышалъ, когда меня, 5-го Мая, судилъ трибуналъ Видиборскаго солдатскаго совѣта, такихъ же рѣчей я наслушался и отъ солдатъ 111-й пѣхотной дивизіи передъ убійствомъ комиссара Линде. Солдатъ усталъ отъ войны, окопная жизнь ему на смерть надоѣла, его тянуло домой, на ту самую землю, которой онъ, наконецъ, добился. Дезертировать мѣшалъ страхъ наказанія и остатокъ совѣсти, и солдатъ ждалъ и прислушивался только къ одному слову, и это слово было миръ. Временное Правительство и особенно исполнительный комитетъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ это слово произносили часто, то принимая, то отрицая возможность мира, они думали, значитъ, о мирѣ, обсуждали его. Войны хотѣли только генералы и офицеры, потому что она имъ выгодна, такъ какъ даетъ имъ чины и награды — такъ внушали солдату, и солдатъ этому вѣрилъ. Керенскій вовсе не былъ популяренъ, какъ личность, какъ ораторъ, какъ идейный человѣкъ; смѣялись надъ его жестами и его паѳосомъ, но Керенскій былъ ихъ адвокатомъ и защитникомъ передъ офицерами и генералами, и потому былъ любимъ не какъ Керенскій, а какъ идея мира. Уже то, что онъ былъ штатскій, а не офицеръ, давало надежду солдатамъ, что онъ пойдетъ противъ войны за миръ, потому что ему-то миръ былъ нуженъ, а не война. И мы увидимъ, какъ отметнулась солдатская масса отъ своего кумира Керенскаго и готова была предать его, какъ только Керенскій пошелъ за войну, отказался отъ мира «по телеграфу». Миръ «по телеграфу» дали большевики, и солдатская масса пошла за ними.

Среди солдатской массы нѣкоторыя части выдѣлялись изъ общаго уровня. Вслѣдствіи воинственнаго воспитанія дома, вслѣдствіи того, что война давала не только одни несчастья, но и выгоды, которыми дорожили и дома, въ домашнемъ быту: — производство въ офицеры, георгіевскіе кресты, иногда добыча — на войну былъ взглядъ болѣе благожелательный. Эти части были части казачьи. Казаки вслѣдствіи своего воспитанія дольше не

принимали мира. Но и казаки были разные. Были воинственныя войска съ твердыми традиціями, и были войска невоинственныя съ традиціями молодыми, въ однѣхъ и тѣхъ же войскахъ были станицы воинственныя и миролюбивыя. Потому-то Корниловъ и выбралъ для выполненія своей цѣли казаковъ и горцевъ Кавказа, что въ нихъ идея мира «по телеграфу» не свила еще прочнаго гнѣзда и они согласны были повоевать еще.

На призывъ Корнилова къ войнѣ солдатская масса уже знала, какъ отвѣтить. Ей это подсказали опытные и умѣлые агитаторы. Арестовать офицеровъ и послать делегатовъ въ Петроградъ за указаніями. Всѣ шесть мѣсяцевъ послѣ революціи это было самое обычное дѣло. Чуть-что — выбрать делегатовъ, снабдить ихъ мандатами и — ай-да! въ Петроградъ въ исполкомъ, которому вѣрили, какъ Богу. Недовольны пищей, фельдфебель по старой привычкѣ смазалъ по уху за провинность, не смѣнили стараго ротнаго — въ исполкомъ, тамъ свои разсудятъ истиннымъ, правильнымъ, честнымъ солдатскимъ и рабочимъ судомъ!

Предоставленные самимъ себѣ, томящіеся въ застрявшихъ на путяхъ эшелонахъ, казаки и солдаты, смущаемые воззваніями Керенскаго и его агитаторами, и пошли по этой протоpенной за шесть мѣсяцевъ дорожкѣ — арестовать офицеровъ и послать делегаціи въ Петроградъ спросить, что дѣлать? Итакъ, въ то самое время, когда Крымовъ расписывалъ диспозицію занятія Петрограда, а ингуши и черкесы перестрѣливались съ гвардейскими стрѣлками, а Петроградскій гарнизонъ волновался и готовъ былъ сдаться Корнилову, Керенскій же и Временное Правительство не знали, что дѣлать, и думали о бѣгствѣ — вѣдь наступали на нихъ казаки и дикая дивизія съ самимъ безстрашнымъ Корниловымъ, — къ нимъ, которыхъ должны были арестовать, за совѣтомъ и помощью явились представители комитетовъ Донской и Уссурійской дивизіи и команда связи, составленная изъ солдатъ, а не горцевъ, какъ представители дикой дивизіи!

Ясно было, что все предпріятіе Корнилова рухнуло, еще и не начавшись.

Керенскій обласкалъ казаковъ. Онъ тутъ же произвелъ наиболѣе рѣчистыхъ и подхалимистыхъ двухъ казаковъ въ офицеры, велѣлъ имъ ѣхать обратно съ приказомъ остановиться и арестовать тѣхъ офицеровъ, которые будутъ требовать дальнѣйшаго движенія на Петербургъ. Генералу Крымову послалъ приказъ пріѣхать къ нему для переговоровъ. И твердый, волевой человѣкъ, генералъ Крымовъ послушался. Онъ сѣлъ въ автомобиль съ адъютантомъ подъесауломъ 9-го Донского казачьяго полка, Кульгавовымъ и помчался въ Петроградъ, предавая этимъ Корнилова.

Поѣхалъ онъ съ грознымъ рѣшеніемъ требовать отъ Керенскаго, угрожать ему, поѣхалъ глубоко взволнованный и сильно потрясенный...

Таковы были событія за тѣ сутки, которыя солдаты и казаки провели въ вагонахъ, стоя на станціяхъ замершей въ какомъ-то снѣ желѣзной дороги. Иногда по чьему-то никому неизвѣстному распоряженію къ какому-нибудь эшелону прицѣпляли паровозъ и его везли два, три перегона, сорокъ, шестьдесятъ верстъ и потомъ онъ оказывался гдѣ-то въ сторонѣ, на глухомъ разъѣздѣ безъ паровоза, безъ фуража для лошадей и безъ обѣда для людей. Въ то время, какъ штабъ Корнилова былъ парализованъ и, выпустивши части, на этомъ и успокоился, пособники Керенскаго въ лицѣ разныхъ мелкихъ станціонныхъ комитетовъ и совѣтовъ и даже просто сочувствующихъ Керенскому желѣзнодорожныхъ агентовъ и большевиковъ,

которые уже начали свою работу, запутывали положеніе корпуса до невозможнаго.

30 Августа части арміи Крымова, конной арміи, мирно сидѣли въ вагонахъ съ разсѣдланными лошадьми при полной невозможности мѣстами вывести этихъ лошадей изъ вагоновъ за отсутствіемъ приспособленій по станціямъ и разъѣздамъ восьми желѣзныхъ дорогъ: — Виндавской, Николаевской, Новгородской, Варшавской, Дно—Псковъ—Гдовъ, Гатчино—Луга, Гатчиво—Тосно и Балтійской! Они были въ Новгородѣ, Чудовѣ, на ст. Дво, въ Псковѣ, Лугѣ, Гатчино, Гдовѣ, Ямбургѣ, Нарвѣ, Везенбергѣ и на промежуточныхъ станціяхъ и разъѣздахъ! Не только начальники дивизій, но даже командиры полковъ не знали точно, гдѣ находятся ихъ эскадроны и сотни. Къ этому привело путешествіе по желѣзной дорогѣ арміи, направленной для гражданской войны. Отсутствіе пищи и фуража естественно озлобляло людей еще больше. Люди отлично понимали отсутствіе управленія и видѣли всю ту безтолковщину, которая творилась кругомъ, и начали арестовывать офицеровъ и начальниковъ. Такъ большая часть офицеровъ Приморскаго драгунскаго, 1-го Нерчинскаго, 1-го Уссурійскаго и 1-го Амурскаго казачьихъ полковъ были арестованы драгунами и казаками. Офицеры 13-го и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ были въ состояніи полуарестованныхъ. Почти вездѣ въ фактическое управленіе частями вмѣсто начальниковъ вступили комитеты. Начальнику 1-й Донской казачьей дивизіи, генералъ-маіору Грекову, удалось собрать нѣкоторыя части своей дивизіи подъ Лугой. Онъ рѣшилъ идти походомъ на Петроградъ. Но вернувшіеся изъ Петрограда члены комитета привезли приказъ оставаться и требованіе генералу Грекову явиться къ Керенскому. Генералъ Грековъ, понимая, что послѣ отъѣзда Крымова ему ничего не остается дѣлать, какъ ѣхать къ Керенскому, сѣлъ въ автомобиль и поѣхалъ въ Петроградъ. Еще раньше туда же отправился и начальникъ Уссурійской конной дивизіи, генералъ-маіоръ Губинъ, увлеченный къ Керенскому своимъ комитетомъ.

Генералъ Корниловъ разсчитывалъ на полное сочувствіе своему плану всего генералитета... Но... ошибся... Онъ былъ моложе многихъ. Были другіе, которымъ тоже хотѣлось играть роль... Генералъ Клембовскій вмѣсто помощи, или хотя бы нейтралитета по отношенію къ Корнилову, снесся съ Керенскимъ и покинулъ Псковъ, оставивъ вмѣсто себя начальника гарнизона, грубаго и ловкаго, не стѣсняющагося мѣнять убѣжденія Бончъ-Бруевича.

Такого было положеніе къ тому времени, когда я, наконецъ, добрался до города Пскова.

VII

Въ Псковѣ

На станцію Псковъ поѣздъ пришелъ въ 12 часовъ ночи на 30-ое Августа. Пассажирамъ было заявлено, что поѣздъ дальше не пойдетъ. Опять та же исторія — полотно дороги разрушено, движенія поѣздовъ нѣтъ. Такъ же, какъ станція Дно была переполнена офицерами и всадниками Кавказской Туземной дивизіи, станція Псковъ была переполнена офицерами и солдатами Приморскаго драгунскаго полка и солдатами Псковскаго гарнизона.

Я сталъ разспрашивать у офицеровъ объ обстановкѣ.
— Гдѣ генералъ Крымовъ?
— Утромъ уѣхалъ на Лугу, должно быть, сейчасъ тамъ.
Имѣя указаніе отъ генерала Корнилова соединиться возможно скорѣе съ Крымовымъ и принять отъ него командованіе III-мъ коннымъ корпусомъ, я пошелъ къ коменданту станціи просить отправить меня на паровозѣ или на дрезинѣ въ Лугу. Измученный, усталый комендантъ отнесся къ моей просьбѣ съ полнымъ участіемъ, но сослался на категорическое приказаніе штаба фронта ни одного человѣка не пропускать въ Петроградскомъ направленіи. Нужно разрѣшеніе штаба фронта.
— Дайте мнѣ телефонъ штаба, я буду говорить съ генераломъ Клембовскимъ, сказалъ я.
— Генерала Клембовскаго нѣтъ.
— Гдѣ же онъ?
— Поѣхалъ въ Петроградъ. Онъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.
— А Корниловъ? невольно спросилъ я.
— Не знаю. Или бѣжалъ, или арестованъ. Вы читали приказъ Керенскаго, объявляющій его измѣнникомъ.
— Читалъ. Но что изъ этого?
Впрочемъ, подумалъ я, комендантъ могъ ничего не знать. Это могла быть и провокація.
Мнѣ дали соединеніе со штабомъ фронта.
— Кто меня спрашиваетъ? услышалъ я голосъ.
— А позвольте спросить, кто у телефона, спросилъ я, все еще надѣясь, что это Клембовскій.
— Временно командующій Сѣвернымъ фронтомъ, генералъ-маіоръ Бончъ-Бруевичъ, а вы кто?
Я назвалъ себя и просилъ извиненія, что побезпокоилъ въ столь поздній часъ. Было около двухъ часовъ ночи.
— Я прошу васъ сейчасъ пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ нужно съ вами переговорить. Я посылаю за вами автомобиль, сказалъ мнѣ Бончъ-Бруевичъ.
Черезъ полчаса я былъ принятъ генераломъ Бончъ-Бруевичемъ въ присутствіи молодого человѣка съ блѣднымъ лицомъ и съ черными усиками, въ рубашкѣ съ солдатскими защитными погонами.
— Комиссаръ Савицкій, кинулъ мнѣ Бончъ-Бруевичъ, мы будемъ говорить при немъ. Какія вы задачи имѣете?
Я отвѣтилъ, что имѣю приказаніе явиться къ генералу Крымову, и никакихъ больше задачъ не имѣю.
— Генералъ Крымовъ, какъ-то загадочно проговорилъ Бончъ-Бруевичъ, находится въ Лугѣ, а пожалуй, что теперь и въ Петроградѣ. Вамъ не за чѣмъ ѣхать къ нему. Оставайтесь лучше здѣсь.
— Я получилъ приказаніе и я долженъ его исполнить. Я долженъ принять отъ него корпусъ и распутать ту путаницу, которая въ немъ происходитъ.
— А вы видите путаницу? спросилъ Бончъ-Бруевичъ.
Комиссаръ, присутствовавшій здѣсь, меня стѣснялъ, да и самъ Бончъ-Бруевичъ казался мнѣ подозрительнымъ. Я вскользь сказалъ о томъ, что

эшелоны застряли на путяхъ, люди и лошади голодаютъ и дальше это не можетъ продолжаться, такъ какъ грозитъ уничтоженіемъ конскому составу и можетъ вызвать голодныхъ людей на грабежи.

— Я съ вами совершенно согласенъ, сказалъ мнѣ генералъ Бончъ-Бруевичъ. Мы объ этомъ съ вами поговоримъ утромъ.

— Я буду васъ просить дать мнѣ автомобиль до Луги.

— Къ сожалѣнію не могу исполнить вашей просьбы. У насъ всѣ машины городского типа и не выдержатъ дороги, да и бензина нѣтъ.

Я видѣлъ, что генералъ Бончъ-Бруевичъ лгалъ. Не могло же не быть въ штабѣ фронта нѣсколькихъ полевыхъ машинъ, да до Луги и городская машина могла довезти? Я попрощался съ генераломъ Бончъ-Бруевичемъ и пошелъ проводить остатокъ ночи въ комендантское управленіе. Сидя въ комнатѣ дежурнаго адъютанта, я обдумывалъ, что же дѣлать? Первое, что мнѣ казалось необходимымъ — возстановить части. Вынуть ихъ изъ коробокъ, поставить по деревнямъ, или на бивакѣ, и накормить людей и лошадей. Все равно, съ голодными людьми и на некормленныхъ лошадяхъ далеко не уѣдешь.

Утромъ 30-го, я отправился къ генералу Бончъ-Бруевичу. Повидимому, за ночь онъ получилъ какія-либо извѣстія о проказахъ казаковъ на путяхъ, потому что онъ началъ съ того, что спросилъ у меня совѣта, что дѣлать съ эшелонами, которые загромоздили всѣ пути, остановили движеніе по желѣзной дорогѣ и прекратили подвозъ продовольствія на фронтъ. Я предложилъ сосредоточить Уссурійскую дивизію въ районѣ Везенберга, пользуясь тѣмъ, что она эшелонирована на путяхъ, идущихъ къ Нарвѣ и Ревелю, и Донскую въ районѣ Нарвы. Этимъ совершенно разгружалась бы Варшавская дорога, а я имѣлъ весь корпусъ въ кулакѣ и на путяхъ къ Петрограду, такъ что по соединеніи съ Крымовымъ могъ исполнить ту задачу, которая будетъ указана корпусу.

Генералъ Бончъ-Бруевичъ составилъ при мнѣ телеграмму, которую адресовалъ: «главковерху Керенскому».

— Вы видите, сказалъ онъ, продолжать то, что вамъ вѣроятно приказано и что вы скрываете отъ меня, вамъ не приходится, потому-что верховный главнокомандующій Керенскій, вотъ и все.

Я ушелъ. И все-таки я считалъ своимъ долгомъ отыскать Крымова, своего непосредственнаго начальника. Отъ Бончъ-Бруевича я пошелъ въ гаражъ попросить автомобиль, но получилъ тамъ отказъ: — машины испорчены, нѣтъ бензина. Полковникъ Зарубаевъ, завѣдывавшій гаражемъ, сообщилъ мнѣ, что какой-то американскій корреспондентъ, имѣющій собственный автомобиль, ѣдетъ въ пять часовъ въ Лугу, чтобы наблюдать бой между Корниловскими войсками и Петроградскимъ гарнизономъ и что онъ устроитъ меня съ нимъ. Я ухватился за это. Извѣстіе, что бой всетаки ожидается, говорило мнѣ, что, можетъ быть, не все еще потеряно и что свѣдѣнія Бончъ-Бруевича умышленно невѣрныя.

Въ комендантскомъ управленіи меня ожидалъ полевой жандармъ изъ штаба главнокомандующаго.

— Главнокомандующій приказалъ мнѣ озаботиться отводомъ вамъ квартиры, сказалъ онъ.

Такая заботливость о моей персонѣ меня удивила.

— Гдѣ же мнѣ отвели квартиру? спросилъ я.

— Въ кадетскомъ корпусѣ, я сейчасъ васъ туда могу отвезти.

Оставаться въ дежурной комнатѣ комендантскаго управленія было нельзя, я стѣснялъ адъютанта. Я забралъ свои вещи и съ своимъ ординарцемъ, кубанскимъ урядникомъ Пономаренко, и сотникомъ Генераловымъ отправился въ корпусъ.

На входной двери квартиры, въ которую меня вводили, было написано: «Комиссаріатъ сѣвернаго фронта». Въ прихожей толпились солдаты и какіе-то люди подозрительнаго вида.

— Вѣроятно вы ошиблись, сказалъ я жандарму, здѣсь помѣщеніе комиссаріата.

— Ничего, они обѣщали потѣсниться.

Дѣйствительно ко мнѣ вышелъ Савицкій и сказалъ, что я могу здѣсь располагаться. Какой-то предупредительный и весьма обязательный хорошо одѣтый юноша пошелъ показать мнѣ мою комнату. Это была большая комната въ два окна, выходящія во внутренній садъ. Въ комнатѣ стояла прекрасная мягкая постель, такъ и манившая къ покою послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

— Вотъ здѣсь электричество, показывалъ мнѣ юноша. Можно столъ поставить, стулья. Очень хорошо.

— Комната отличная, въ раздумьи сказалъ я. Меня поразилъ гулъ солдатскихъ голосовъ и какъ будто стукъ ружей за дверью. Я открылъ дверь. За дверью была просторная прихожая. Она наполнялась вооруженными солдатами.

— Вы что за люди? спросилъ я ихъ.

— Такъ что, господинъ генералъ, караулъ къ арестованному, бойко отвѣтилъ мнѣ бравый унтеръ-офицеръ.

— Благодарю васъ, сказалъ я любезному юношѣ, но комната мнѣ что-то не нравится. Въ ней будетъ слишкомъ шумно, а мнѣ надо заниматься.

И я спокойно прошелъ мимо караула, вышелъ во дворъ, а изъ двора на улицу, гдѣ еще стоялъ извощикъ съ моимъ чемоданомъ.

Куда ѣхать? Куда ѣхать? думалъ я.

Очевидно, что Псковъ не на сторонѣ Корнилова, — а тотъ, «кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Въ 5 часовъ дня за мною долженъ былъ пріѣхать американецъ и везти меня къ Крымову — къ своимъ, къ казакамъ. Оставалось ждать этого американца. А если онъ не пріѣдетъ, что вполнѣ возможно? Тогда все-таки ѣхать въ Лугу — къ казакамъ, къ родному 10-му Донскому полку. На чемъ? — на лошадяхъ Уральскихъ казаковъ конвоя Главнокомандующаго, на телѣгѣ, идти пѣшкомъ. Таково было мое рѣшеніе. Искать Крымова, но не бѣжать. Самое слово «бѣжать» мнѣ было противно. Я никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ни отъ кого, ни отъ чего не бѣгалъ... Рѣшилъ, что не побѣгу и теперь.

Американецъ, какъ и надо было ожидать, не пріѣхалъ, можетъ быть, и не было никакого американца.

Утомленіе сказывалось, а силы были нужны на завтра, чтобы ѣхать верхомъ, или идти пѣшкомъ. Мнѣ предложилъ переночевать у него тотъ самый комендантскій адъютантъ поручикъ Пилипенко, котораго я такъ стѣснялъ. Онъ имѣлъ комнату на окраинѣ города недалеко отъ вокзала въ

семействѣ вдовы доктора или офицера, убитаго на войнѣ; меня можно будетъ помѣстить вмѣстѣ съ сотникомъ Генераловымъ въ гостиной.

Къ 9-ти часамъ вечера, подготовивши все для поѣздки верхомъ на лошадяхъ уральскихъ казаковъ въ Лугу, я перебрался къ поручику Пилипенко. Приняли меня тамъ очень сердечно, угощали чаемъ съ печеньями и холоднымъ ужиномъ, устраивали койки и, наконецъ, около 12-ти часовъ ночи, мы улеглись на покой въ гостиной — я возлѣ рояля, а сотникъ Генераловъ у стѣны за какимъ-то трельяжемъ. Благодѣтель-сонъ сейчасъ же прогналъ всѣ думы, заботы, тревоги и волненія.

Но недолго онъ продолжался.

Сильные непрерывные звонки у входной двери меня разбудили. Я зажегъ свѣчу и посмотрѣлъ на часы. Былъ часъ ночи. Я спалъ меньше часа. Я сейчасъ догадался въ чемъ дѣло, но продолжалъ лежать, нарочно не вставая. Прислуга хозяйки зашлепала босыми ногами. Въ дверь стали раздаваться удары прикладами. Она отворилась, и прихожая наполнилась большимъ количествомъ людей, грозно стучавшихъ ружьями. Они не помѣщались въ прихожей и часть стучала винтовками по лѣстницѣ. Спросили меня.

Прислуга отвѣтила, что не знаетъ, кто у нихъ стоитъ, стоитъ какой-то генералъ, а фамиліи его не знаетъ. Въ комнатѣ хозяйки слышались охи и плачъ. Въ квартирѣ шелъ растерянный шорохъ, мой вѣрный ординарецъ Пономаренко, вѣроятно памятуя исторію съ Линде, моментально убѣжалъ на дворъ по черному ходу. Сотникъ Генераловъ сидѣлъ на постели и пугливо озирался. Было много комичнаго во всемъ этомъ, и это меня примирило.

Въ гостиную стали входить, стуча прикладами, юнкера школы прапорщиковъ сѣвернаго фронта, съ ними былъ ихъ офицеръ и какой-то молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ.

— Вы генералъ Красновъ? обратился штатскій ко мнѣ.

— Да, я генералъ Красновъ, отвѣчалъ я, продолжая лежать. А вамъ что отъ меня нужно?

— Господинъ комиссаръ проситъ васъ немедленно прибыть къ нему для допроса, отвѣчалъ онъ.

— Странный способъ приглашать для допроса генераловъ, вваливаясь къ нимъ съ вооруженною командой и наводя панику на несчастныхъ хозяевъ, сказалъ я.

— Такъ дѣлали при царскомъ режимѣ! вызывающе отвѣтилъ мнѣ молодой человѣкъ.

— Вѣроятно вы для того и свергали Государя Императора, чтобы повторять всѣ темныя стороны его царствованія, сказалъ я.

Это сконфузило вошедшаго, и онъ растерялся. Я медленно одѣвался. Золъ я былъ страшно. И не на то золъ, что меня арестовали. Я зналъ, что меня арестуютъ и куда-нибудь засадятъ, это естественно вытекало изъ неудачи Корниловскаго предпріятія, изъ арестовъ солдатами офицеровъ и отсутствія какихъ бы то ни было распоряженій отъ Корнилова и Крымова. Если не распоряжается Корниловъ, то распоряжается Керенскій, и тогда мы «измѣнники» и намъ прямой путь въ петлю. Волноваться объ этомъ не стоило. То, что меня взяли черезъ комиссара и юнкера, а не солдаты, это было хорошо. Я могъ надѣяться, что обойдется безъ «эксцессовъ»,

что будетъ допросъ и какое-то подобіе суда, а если такъ, то обвинить меня не такъ-то легко. Исполнилъ приказъ — вотъ и все. Но злило меня то, что мнѣ не дали выспаться, что мнѣ придется идти на допросъ не въ полной ясности ума, что меня разбудили и доставили столько волненій и безпокойства тѣмъ милымъ хозяевамъ, которые меня такъ радушно пріютили. И потому я будировалъ. Умышленно медленно одѣваясь и умываясь, я ворчалъ:

— Хорошее воспитаніе для будущихъ офицеровъ — арестовывать своихъ генераловъ, говорилъ я. Вѣроятно вы очень боялись стараго безоружнаго генерала, что пригнали чуть не цѣлую роту юнкеровъ.

Уже надѣвши шинель и пристегнувши шашку съ револьверомъ, я спросилъ:

— А автомобиль у васъ есть?

— Нѣтъ, извините, автомобиля нѣтъ, растерянно отвѣтилъ молодой человѣкъ. По тону его голоса я понялъ, что вѣчно правильная тактика никогда не обороняться, но всегда наступать, возымѣли свое дѣйствіе, и юноша подавленъ мною.

— Я пѣшкомъ не пойду, сказалъ я, усаживаясь на диванѣ.

— Какъ же быть-то? пробормоталъ юноша. У меня есть извозчикъ.

— Шагомъ не поѣду. Пусть сзади бѣжитъ рота. Это будетъ красиво по крайней мѣрѣ.

Юнкера фыркали, давясь отъ смѣха.

Офицеръ, бывшій съ юнкерами, понялъ, что я издѣваюсь надъ молодымъ человѣкомъ и вступился за него.

— Я полагаю, сказалъ онъ, что вы можете отпустить нарядъ. Сопротивленія мы не встрѣтили.

— А вы ожидали, что весь корпусъ съ пушками и пулеметами станетъ мнѣ на защиту, одинъ былъ при мнѣ казакъ, да и тотъ прошмыгнулъ мимо васъ, какъ заяцъ, — съ горечью сказалъ я. Не тѣ времена, господа, теперь, чтобы генералы могли сопротивляться.

Было рѣшено, что мы поѣдемъ съ молодымъ человѣкомъ на извозчикѣ, а юнкера пойдутъ по домамъ. Во второмъ часу мы молча поѣхали по городу. Ѣхалъ вооруженный шашкой и револьверомъ генералъ и съ нимъ штатскій. Ничего подозрительнаго. Возвращались, можетъ быть, съ какой-нибудь пирушки. Городъ былъ тихъ и пустыненъ. Мы никого не встрѣтили. Если бы я хотѣлъ бѣжать, я могъ бы бѣжать сколько угодно. Но я бѣжать не хотѣлъ.

VIII

На допросѣ у комиссара

Знакомое зданіе корпуса. Помѣщеніе комиссаріата. Какъ я былъ недальновиденъ, что отказался отъ комфортабельной комнаты съ пружинной кроватью. Все было бы гораздо скорѣе, я успѣлъ бы выспаться и не пришлось бы ночью ѣхать на плохомъ извозчикѣ.

Почти пустая просторная казеннаго типа комната. Тускло горитъ электричество. У простѣнка между окнами небольшой столъ. За нимъ три

человѣка. Посерединѣ молодой человѣкъ, съ блѣднымъ, красивымъ, одухотвореннымъ лицомъ, съ большими, возбужденными глазами. Маленькіе усы надъ правильнымъ ртомъ. Одѣтъ чисто въ форму поручика саперныхъ войскъ. Это, какъ я узналъ впослѣдствіи, поручикъ Станкевичъ, комиссаръ Сѣвернаго фронта и правая рука Керенскаго. Справа — маленькій, сгорбленный лохматый рыжій человѣкъ, въ рыжемъ пиджакѣ. Скомканная рыжая бороденка и усы, бѣгающіе рыжіе глазки — типичный революціонеръ, какъ ихъ описываютъ въ романахъ, какой-нибудь «товарищъ Миронъ», или «товарищъ Тарасъ» — вѣроятно въ свое время пострадалъ за убѣжденія. Но лицо умное и несмотря на всю свою некрасивость — симпатичное. Съ умными людьми всегда легче имѣть дѣло, подумалъ я. Это былъ помощникъ комиссара, Войтинскій, большевикъ, идейный человѣкъ, ставшій на защиту арміи отъ разрушенія. Я слышалъ про него много хорошаго. И, наконецъ, по лѣвую руку уже знакомый мнѣ вольноопредѣляющійся Савицкій. Этотъ пронизываетъ меня своими красивыми, черными глазами. Такъ и говоритъ: «Что, попался таки, голубчикъ!»

Справа, у стѣны, на диванѣ четыре человѣка, по костюму рабочіе. Лица тупыя, сѣрыя, безразличныя. Вѣроятно представители Псковскаго «исполкома». Весь трибуналъ на лицо.

Станкевичъ предложилъ мнѣ сѣсть. Начался допросъ. Почему я оказался въ эти тревожные дни въ Псковѣ? Отвѣтъ простъ: получилъ предписаніе вступить въ командованіе III-мъ коннымъ корпусомъ и ѣхать его принимать. У меня и предписаніе съ собою.

— Почему именно васъ, а не кого-либо другого намѣтилъ Крымовъ, а потомъ Корниловъ на должность командира III-го корпуса, спросилъ Войтинскій.

— Корпусъ мнѣ хотѣли дать давно, еще весною. Генералъ Алексѣевъ выдвигалъ меня на корпусъ и я зналъ, что получу или IV-й, или III-й. — Третій освободился раньше, мнѣ его и дали.

— Не дали ли его вамъ по политическимъ убѣжденіямъ? вкрадчиво спросилъ меня Войтинскій.

— Я солдатъ, гордо сказалъ я, и стою внѣ политики. Лучшимъ доказательствомъ вамъ служитъ то, что я оставался до послѣдней минуты при убитомъ на моихъ глазахъ комиссарѣ Линде и старался его спасти. А комиссаръ Линде одинъ изъ крупныхъ виновниковъ революціи.

Меня попросили подробно разсказать о смерти Линде, о чемъ въ Псковѣ только-что узнали. Я разсказалъ все, чему былъ очевидцемъ.

Мой разсказъ расположилъ судей въ мою пользу. Они стали совѣщаться между собою.

— Знаете ли вы, сказалъ мнѣ Войтинскій, что Корниловъ арестованъ своими войсками и Керенскій вступилъ въ верховное командованіе.

— Это вѣрно?

— Я вамъ говорю.

Я посмотрѣлъ на Войтинскаго. Да, этотъ человѣкъ не лжетъ. Онъ можетъ заблуждаться въ своихъ политическихъ теоріяхъ, но въ фактахъ онъ лгать не будетъ.

— Генералъ Алексѣевъ принялъ на себя должность начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, — продолжалъ Войтинскій.

— Это хорошо, сказалъ я. Генерала Алексѣева очень уважаютъ въ арміи.

— Вы видите, что вся эта авантюра, задуманная Корниловымъ, рухнула, сказалъ Станкевичъ, она пошла не на пользу, а во вредъ арміи. Въ частности въ III-мъ конномъ корпусѣ, считавшемся самымъ твердымъ, началось полное разложеніе. Необходимо теперь всѣмъ стать на работу и приняться за оздоровленіе арміи.

— Поздно, сказалъ я. Армія погибла. У насъ толпа опасная для насъ и безопасная для непріятеля.

Допросъ началъ принимать форму бесѣды. Я скоро понялъ, что Войтинскій и Станкевичъ на моей сторонѣ, обвинитель только одинъ — Савицкій, члены исполкома, какъ статисты въ плохомъ театрѣ дружно со всѣмъ соглашались.

Было рѣшено, что я дамъ подписку о томъ, что безъ вѣдома комиссара не выѣду изъ Пскова, и буду отпущенъ къ себѣ домой. Я написалъ эту записку. Вѣдь, оставаясь въ Псковѣ, я тѣмъ самымъ исполнялъ вторую часть приказа Корнилова, высказавшаго пожеланіе, чтобы побольше генераловъ было въ Псковѣ.

Станкевичъ былъ такъ любезенъ, что даже обѣщалъ послать моей женѣ телеграмму о томъ, что я живъ и здоровъ.

Въ третьемъ часу я вышелъ изъ комиссаріата и побрелъ пѣшкомъ отыскивать свою квартиру. Долго я бродилъ по мало знакомому мнѣ городу, пока наконецъ не нашелъ своего дома и не улегся продолжать спать уже при свѣтѣ наступающей зари.

На другой день, 31-го Августа, я былъ съ докладомъ о томъ, что произошло со мною ночью, у начальника штаба, генерала Вахрушева, а потомъ у и. об. главнокомандующаго Бончъ-Бруевича. Ни тотъ, ни другой не возмутились моимъ ночнымъ арестомъ.

— Что подѣлаете, сказалъ мнѣ своимъ грубымъ голосомъ Бончъ-Бруевичъ, бывшій на этотъ разъ одинъ безъ ассистента изъ комиссаріата. Вотъ вчера на улицѣ солдаты убили офицера за то, что онъ въ разговорѣ съ пріятелемъ сказалъ «совѣтъ собачьихъ и рачьихъ депутатовъ». И ничего не скажешь. Времена теперь такія. Ихъ власть. Я безъ нихъ ничего. И потому у меня порядокъ и красота. И дисциплина, какъ нигдѣ... Да, вы знаете, вѣдь Крымовъ-то вашъ — вчера застрѣлился.

— Какъ? спросилъ я.

— Въ Петроградѣ, у Керенскаго. Да! Вотъ какъ! Я его хорошо зналъ. Крутой былъ человѣкъ. А въ командованіе корпусомъ вы все-таки вступите, я переговорю съ генераломъ Алексѣевымъ по прямому проводу. Корпусъ надо успокоить. А васъ Донцы знаютъ...

На томъ мы и разстались, что я вступлю въ командованіе корпусомъ по полученіи разрѣшенія отъ Алексѣева, что корпусъ будетъ включенъ въ число войскъ сѣвернаго фронта и расквартированъ въ районѣ Пскова. Алексѣевъ отвѣтилъ приказомъ о допущеніи меня къ командованію корпусомъ и о подчиненіи корпуса главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ. Я пошелъ къ генералъ-квартирмейстру, генералу Лукирскому, чтобы намѣтить съ нимъ квартирные районы, написалъ приказъ корпусу о сосредоточеніи его къ Пскову и пошелъ къ помощнику начальника военныхъ сообщеній,

полковнику Карамышеву, чтобы съ нимъ вмѣстѣ распутать всѣ бродячіе эшелоны.

Штабу корпуса было отведено помѣщеніе въ квартирѣ смотрителя Псковской тюрьмы, гдѣ я вечеромъ того же дня и устроился вдвоемъ съ сотникомъ Генераловымъ — я и онъ — это былъ весь нашъ штабъ, а работы предстояло масса.

IX

Моральное состояніе III-го коннаго корпуса

Люди задумывали планы и планы эти казались имъ вполнѣ исполнимыми и великолѣпными, но вмѣшивалась судьба и разрушала всѣ эти планы и устраивала такъ, что результатъ того, что дѣлали люди, былъ совершенно обратенъ тому, чего они хотѣли достигнуть.

Крымовъ застрѣлился. Это неправда, что его будто бы убилъ на квартирѣ Керенскаго адъютантъ Керенскаго. Крымова всюду и вездѣ неотлучно сопровождалъ честнѣйшій и благороднѣйшій офицеръ подъесаулъ Кульгавовъ. Онъ мнѣ подробно доложилъ всѣ обстоятельства смерти Крымова и я не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ правдивости его показанія. Да у Крымова, какъ у человѣка сильной воли, было слишкомъ много причинъ, чтобы покончить съ собою.

Разговоръ его съ Керенскимъ былъ очень сильный. Крымовъ кричалъ на Керенскаго, потомъ поѣхалъ къ beau-frère'у Керенскаго, полковнику Барановскому, и у него прилегъ въ кабинетѣ на оттоманкѣ. Кульгавовъ былъ рядомъ въ комнатѣ. Никто не входилъ къ Крымову. Черезъ нѣкоторое время раздался выстрѣлъ. Кульгавовъ бросился въ комнату. Крымовъ лежалъ на оттоманкѣ смертельно раненый, револьверъ валялся на полу. Это не была инсценировка самоубійства, но само самоубійство. Черезъ нѣкоторое время Крымовъ скончался, и армія его, шедшая на Петроградъ, осталась безъ вождя.

Все разваливалось. Штабныя команды никого не признавали и не слушались. Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Солнышкинъ, слабый, безвольный человѣкъ, притомъ алкоголикъ, въ рѣшительныя минуты безнадежно напивавшійся, не могъ подобрать штаба. Начальникъ Уссурійской конной дивизіи, генералъ-маіоръ Губинъ былъ совершенно растерянъ. Почва ушла у него изъ-подъ ногъ и онъ не зналъ что дѣлать. Драгуны арестовали полковника Шипунова и большинство офицеровъ и ими правилъ, опираясь на комитетъ, его помощникъ, ловкій штабъ-офицеръ, надѣявшійся пройти, пользуясь смутой въ выборные командиры полка; въ Уссурійскомъ полку командиромъ былъ суетливый, но безтолковый полковникъ Пушковъ, въ остальныхъ полкахъ дивизіи командировъ не было, они были въ отсутствіи, а исправляющіе ихъ должность старались, какъ можно меньше дѣлать, руководствуясь тѣмъ мудрымъ правиломъ, что тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не ошибается. Въ порядкѣ была только 1-ая Донская дивизія.

И вотъ, потянулись комитеты къ комиссарамъ. Я еще не успѣлъ вступить въ командованіе корпусомъ, какъ увидѣлъ желтые погоны Уссурійцевъ въ садикѣ кадетскаго корпуса и среди нихъ Войтинскаго, увидѣлъ

драгунъ съ ихъ предсѣдателемъ комитета юнымъ мальчикомъ, вольноопредѣляющимся Левицкимъ, толпящихся возлѣ Станкевича.

Le vin est tiré, il faut le boire.

Спасать Россію не пришлось. Передо мною стояла задача болѣе скромная — спасать офицеровъ, оздоровлять корпусъ, возстановлять въ немъ порядокъ, хотя бы настолько, чтобы корпусъ не былъ опасенъ для мирныхъ жителей. Это могли сдѣлать по тогдашнему состоянію корпуса только комиссары.

Я пошелъ къ Станкевичу и Войтинскому.

И Станкевичъ, и Войтинскій, и Савицкій, въ особенности первые два, съ полною отзывчивостью, скажу болѣе — сердечностью отнеслись къ этому деликатному дѣлу уговариванія солдатъ и казаковъ и примиренія ихъ съ офицерами. Войтинскій, разминая свою рыжую бороденку, цѣлыми часами говорилъ съ комитетами и делегатами отъ сотень и эскадроновъ и отвѣчалъ на самые дикіе вопросы. Ему несли жалобы не только на то, что когда-то было претерпѣно отъ офицеровъ, но даже на то, что они въ будущемъ могли потерпѣть. Казаки и солдаты торговались, добиваясь удаленія нѣкоторыхъ офицеровъ — и почти всегда лучшихъ, наиболѣе честныхъ и стойкихъ и возвышенія различныхъ интригановъ и воровъ. Войтинскій ихъ убѣждалъ, совѣтовался со мною и взаимными усиліями работою до поздней ночи мы достигли того, что части вернули своихъ начальниковъ и стали имъ повиноваться.

Одною изъ цѣлей похода Корнилова на Петроградъ было уничтожить комиссаровъ и комитеты, которые были всѣми признаны крайне вредными, ближайшимъ результатомъ неудачи похода было усиленіе комиссаровъ и поднятіе значенія комитетовъ, признаніе самими начальниками ихъ необходимости. Я съ самаго начала революціи боролся противъ комитетовъ, низводя ихъ на степень только хозяйственнаго контроля, артели, кооператива для закупокъ, и первый комиссаръ, котораго я увидалъ былъ Линде — теперь мнѣ пришлось цѣлыми днями бесѣдовать съ комитетами и быть частымъ гостемъ у комиссара и его помощника и это было вызвано дѣйствительною необходимостью.

Но былъ результатъ и гораздо худшій. Неудача Крымова подняла большевиковъ и усилила ихъ позицію въ Петроградскомъ Совѣтѣ и не прошло и трехъ дней послѣ того, какъ Керенскій взялъ на себя бразды правленія въ арміи и флотѣ, какъ онъ почуялъ болѣе сильную опасность слѣва — со стороны большевиковъ. «Завоеваніямъ революціи» угрожали не правые круги, притихшіе и подавленные подъ солдатскимъ терроромъ, а анархія и большевизмъ. Какъ ни странно это было, но за первою помощью Керенскій обратился къ тому самому III-му конному корпусу, который шелъ арестовать его.

1-го Сентября къ Пскову собрались Приморскій драгунскій и Уссурійскій казачій полки и стали разгружаться и расходиться по деревнямъ; драгуны въ большомъ порядкѣ, уссурійцы въ порядкѣ относительномъ. Всѣ остальныя части были повернуты обратно и направлены на Псковъ, а 2-го Сентября въ 8 часовъ вечера за мною экстренно пріѣхалъ адъютантъ начальника штаба фронта и повезъ меня въ штабъ. Мнѣ передали шифрованную телеграмму отъ Верховнаго Главнокомандующаго Керенскаго о томъ, что въ виду возможности высадки нѣмцевъ въ Финляндіи и безпорядковъ

тамъ, необходимо сосредоточить 1-ю Донскую дивизію въ районѣ Павловскъ—Царское, штабъ въ Царскомъ, а Уссурійскую дивизію въ Гатчино—Петергофѣ, штабъ въ Петергофѣ.

Каждый изъ насъ, уже по самой дислокаціи корпуса, понималъ, что безпорядки въ Финляндіи и высадка нѣмцевъ это тотъ фиговый листокъ, которымъ прикрывались настроенія Смольнаго института и открытая пропаганда Ленина въ войскахъ Петроградскаго гарнизона.

Я былъ въ отчаяніи. Только-что сдѣланная работа успокоенія разрушалась. Кто повѣритъ, что ожидается высадка нѣмцевъ? — скажутъ: опять контръ-революція, опять измѣна. Вся надежда была на подпись Керенскаго и на комиссаровъ. И дѣйствительно Керенскому повѣрили, а Войтинскому и Станкевичу удалось уговорить полки, что приказъ надо исполнить. Но, конечно, главное было то, что никто ни оружіемъ, ни словами не мѣшалъ намъ въ походѣ — большевики еще не были готовы. Къ 6-му Сентября корпусъ сосредоточился на указанныхъ ему мѣстахъ.

X

Петроградскія настроенія

Въ революціонномъ Петроградѣ и его воинскихъ учрежденіяхъ я былъ первый разъ. 4-го Сентября я пріѣхалъ со штабомъ въ Царское Село и въ часъ дня являлся Главнокомандующему Петроградскимъ военнымъ округомъ. Таковымъ оказался мой старый знакомый по Л. Гв. Измайловскому полку, генералъ-маіоръ Тепловъ. Эта милѣйшая личность, гуманнѣйшій человѣкъ, любитель литературы, изящныхъ искусствъ, поэзіи, совсѣмъ не военный, всегда отличавшійся либеральными взглядами, былъ схваченъ Керенскимъ и посаженъ на мѣсто Главнокомандующаго. Главнокомандующимъ онъ кажется былъ всего пять дней.

26 лѣтъ я прослужилъ въ войскахъ гвардіи и Петроградскаго округа. Я помню округъ при великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ и я бывалъ въ штабѣ, когда начальникомъ штаба былъ Бобриковъ. Съ представленіемъ о штабѣ была связана извѣстная таинственность, серьезность, почти святость учрежденія. Важный швейцаръ, безупречная чистота прихожей и лѣстницы, тишина въ величественной пріемной, гдѣ висятъ портреты бывшихъ командующихъ войсками. Солидные посѣтители — генералы въ орденахъ и лентахъ, почтенныя вдовы, рѣдко штатскій, да и тотъ во фракѣ или вицъ-мундирѣ какого-либо вѣдомства.

Теперь у подъѣзда, во образѣ часовыхъ, стояло два юнкера 1-го военнаго Павловскаго училища. Я самъ окончилъ Павловское училище и былъ фельдфебелемъ роты Его Величества и потому знаю, что такое б ы л ъ юнкеръ Павловскаго училища на часахъ. Душевно — онъ священнодѣйствовалъ, тѣлесно это была прекрасно отдѣланная статуя, неподвижно замершая на своемъ посту — лѣпи съ него модель, или пиши картину.

Теперь у подъѣзда болтались, разговаривая и пересмѣиваясь, два молодыхъ человѣка, длинноволосыхъ, растрепанныхъ, небрежно, мѣшковато одѣтыхъ въ шинели съ священными для меня погонами Павловскаго училища. Было больно смотрѣть на нихъ. Да — демократизація арміи совершилась — она началась вотъ здѣсь, у этого строгаго зданія

Александровской эпохи, а окончилось подъ Тарнополемъ и Ригой, убійствомъ Линде и теперешнимъ моимъ положеніемъ корпуснаго уговаривателя...

Тотъ же швейцаръ, но растерянный, недоумѣвающій, не знающій что дѣлать. Онъ сидѣлъ въ углу у вѣшалки заваленной сотнями пальто и уже никому не помогалъ ни раздѣваться, ни одѣваться. Меня онъ узналъ и только безнадежно махнулъ рукой. По лѣстницѣ непрерывное движеніе вверхъ и внизъ солдатъ и молодыхъ людей, то по одиночкѣ, то группами, грязно, небрежно одѣтыхъ. Лѣстница и пріемная заплеваны и засыпаны сѣмечками. Каждый идетъ, куда ему угодно, на дверяхъ наклеены бумажки съ небрежно сдѣланными надписями, что за ними и, конечно, на первомъ планѣ — «политическій комиссаръ».

Въ пріемной, на меня, одѣтаго по формѣ, при походной амуниціи смотрѣли, какъ на чучело. Сюда каждый являлся по товарищески въ разстегнутой рубахѣ, безъ пояса, а многіе уже и безъ погонъ. Демократизація арміи завершила свой кругъ и подходила къ большевизму.

Тепловъ меня сейчасъ же принялъ. Въ его добрыхъ глазахъ стояли слезы. Большая борода посѣдѣла и была растрепана.

— Да, вотъ въ какомъ видѣ вы меня видите, сказалъ онъ. — А штабъ-то! Помните?..

Портреты начальниковъ штабовъ былой эпохи грозно смотрѣли на насъ со стѣнъ. Казалось ихъ души были съ нами и возмущенно шептались кругомъ. Въ громадныя окна глядѣлъ чудный сентябрьскій день и Александровская колонна съ Ангеломъ мира, осіянная солнцемъ. Тѣни прошлыхъ великолѣпныхъ парадовъ, бывшихъ на этой площади тѣснились въ воспоминаніи и надо всѣмъ лежала печать томительной и безысходной грусти. Тутъ, больше чѣмъ гдѣ-либо, понялъ я, что мы дошли до конца и дальше идти уже некуда. Дальше — пропасть.

— Какія указанія я вамъ могу дать? — говорилъ Тепловъ. Я здѣсь халифъ на часъ. Можетъ быть, завтра уже меня не будетъ. Скажу одно — идетъ борьба за власть. Съ одной стороны Керенскій, который всетаки хочетъ добра Россіи и хочетъ ее съ честью вывести изъ тяжелаго положенія — но подлѣ него никого, — съ другой, совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, которымъ уже овладѣли большевики съ Ленинымъ и который становится все болѣе и болѣе популярнымъ среди Петроградскаго гарнизона. Вы вызваны для борьбы противъ него, а сможете ли вы бороться?.. Да... тяжелыя времена!.. Но помочь, ничѣмъ не могу. Я... вѣдь до завтра.

Тепловъ и «до завтра» не досидѣлъ на своемъ посту. Въ тотъ же день изъ вечерней газеты я узналъ, что Керенскій отставилъ его и на его мѣсто назначилъ командовавшаго въ моемъ же корпусѣ 1-мъ Амурскимъ казачьимъ полкомъ генеральнаго штаба полковника Полковникова.

Полковниковъ — продуктъ новаго времени. Это типъ тѣхъ офицеровъ, которые дѣлали революцію ради карьеры, летѣли, какъ бабочки на огонь и сгорали въ ней безъ остатка. Въ японскую войну 1905 года — это двадцатидвухлѣтній офицеръ, донской артиллеристъ, проникнутый священнымъ пыломъ войны и жаждой славы. Онъ прекрасно и лихо работаетъ съ казаками. Послѣ войны — академія генеральнаго штаба; дальнѣйшая карьера идетъ гладко и къ 1917 году онъ командиръ 1-го Амурскаго полка — чуть-что не выборный, пользующійся большою популярностью среди

казаковъ. Походъ Крымова. Полковниковъ чуетъ своимъ хитрымъ сердцемъ, что солдаты и казаки колеблются, отрывается отъ полка и мчится въ Петроградъ къ Керенскому.

34-хлѣтній полковникъ становится главнокомандующимъ важнѣйшаго въ политическомъ отношеніи округа съ почти 200.000-ною арміею. Тутъ начинается метаніе между Керенскимъ и Совѣтомъ и вѣрность постольку-поскольку. Полковниковъ помогаетъ большевикамъ создать движеніе противъ Правительства, но потомъ ведетъ юнкеровъ противъ большевиковъ. Много дѣтской крови взялъ па себя онъ... И въ концѣ концовъ, Полковниковъ въ Мартѣ 1918 года звѣрски повѣшенъ большевиками на Дону, въ Задонской степи, на зимовникѣ Безуглова.

Но теперь — Полковниковъ, объ измѣнѣ котораго Корнилову зналъ весь корпусъ, становится начальникомъ и распорядителемъ корпуса. Полковникову приходилось докладывать секретные планы и совѣщаться съ нимъ о работѣ, не зная, съ кѣмъ онъ идетъ — съ большевиками, или противъ нихъ!

Керенскій, взявши на себя управленіе арміей, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности запутался до крайности. 30-го Августа его начальникъ штаба, генералъ Алексѣевъ, подтвердилъ мое назначеніе на постъ командующаго III-мъ коннымъ корпусомъ. Керенскій одобрилъ это, отдавалъ мнѣ приказанія, а 9-го Сентября, не смѣняя меня, допустилъ къ командованію тѣмъ же корпусомъ начальника 7-й кавалерійской дивизій, барона Врангеля.

Растерянный, истеричный, ничего не понимающій въ военномъ дѣлѣ, не знающій личнаго состава войскъ, не имѣющій никакихъ связей и въ то же время не любящій съ кѣмъ бы то ни было совѣтоваться, Керенскій кидался къ тѣмъ, кто къ нему приходилъ. Врангель случайно пріѣхалъ въ эту минуту въ Ставку. Керенскій зналъ, что Крымовъ застрѣлился, что корпусъ въ Петроградѣ и предложилъ Врангелю корпусъ, не думая обо мнѣ. Меня это только развязывало. Я подалъ рѣшительно въ отставку. Но тутъ ввязались въ дѣло казачьи комитеты. Они уже почуяли власть, притомъ въ Донской дивизіи я былъ любимъ, а Уссурійская начинала любить меня — комитеты явились къ Керенскому и потребовали, чтобы я остался командиромъ корпуса, потому что я казакъ и корпусъ казачій, а баронъ Врангель нѣмецъ. Керенскій сейчасъ же согласился съ комитетами, и меня оставили, а Врангелю стали искать другой корпусъ, чтобы онъ не обидѣлся.

Во главѣ военнаго министерства былъ поставленъ Верховскій — революціонный пажъ. Въ бытность въ Пажскомъ корпусѣ за какую-то продѣлку, показавшуюся корпусвому начальству слишкомъ либеральной, Верховскій былъ отправленъ рядовымъ въ Туркестанъ. Тамъ былъ произведенъ въ офицеры и кончилъ академію Генеральнаго штаба. Репутація либерала и революціонера осталась за нимъ. Верховскій былъ водворенъ на Мойку въ домъ военнаго министра. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, и пошелъ по самой модной линіи. Пріемная его наполнилась солдатами, делегатами и депутатами, онъ проводилъ, выслушивая ихъ, цѣлые дни, начиная пріемъ съ 8-ми часовъ утра. Когда я былъ у него со своей отставкой 18-го Сентября — ему представлялись какіе-то представители новаго, не то Польскаго, не то Украинскаго корпуса, бравые молодцы,

одѣтые въ опереточную форму съ малиновыми и голубыми лампасами на черныхъ рейтузахъ.

— Не правда ли, хорошо? Не правда ли, красиво? — говорили они мнѣ, охорашиваясь передъ тѣмъ, какъ войти въ кабинетъ министра.

Что же дала намъ революція въ смыслѣ правильныхъ назначеній на командныя должности и выдвиганія истинныхъ талантовъ? Прежде всего, новые правители стремились омолодить армію, выбить изъ нее старый режимъ и контръ-революцію и посадить людей, сочувствующихъ революціи и новымъ порядкамъ. Но свелось это къ тому, что стройная, можетъ быть, не всегда правильная и справедливая, но все-таки система назначеній по кандидатскому списку строго продуманному, послѣ самаго серьезнаго и тщательнаго разсмотрѣнія аттестацій, составленныхъ цѣлымъ рядомъ начальниковъ, смѣнилась чисто случайными назначеніями и самымъ неприличнымъ протекціонизмомъ. Всюду вылѣзали впередъ самые злокачественные «ловчилы», которые тянули за собою другихъ такихъ же и грязь и муть поднимались со дна арміи. Каждый начальникъ быстро понялъ характеръ Керенскаго и истеричность его натуры и многіе стали проталкиваться впередъ, валя тѣхъ, кто стоялъ по пути. Всякое средство было хорошо, всякая протекція годилась. Даже совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ было хорошее и, пожалуй, самое вѣрное средство занять высокое положеніе. Немудрено, что Верховскій и Полковниковъ протолкались впередъ.

Мнѣ нужно было смѣнить начальника Уссурійской дивизіи, который слишкомъ палъ духомъ и подпалъ подъ вліяніе комитета, и дивизіей фактически командовалъ его начальникъ штаба и предсѣдатель дивизіоннаго комитета, ловкій мальчишка, вольноопредѣляющійся Левицкій. Но Губинъ цѣплялся за мѣсто и ѣздилъ къ Керенскому, отстаивая свое право.

Въ трехъ полкахъ Уссурійской дивизіи не было командировъ, хорошій командиръ полка 1-й Донской дивизіи, войсковой старшина Бочаровъ не былъ утвержденъ въ должности. Мои ходатайства, мои просьбы и рапорты о назначеніяхъ валялись безъ отвѣта и все это не способствовало укрѣпленію порядка въ частяхъ корпуса.

У Керенскаго не было для его поста главнаго — воли. Не было власти — настоящей власти, а не позированія на власть; и подъ его командованіемъ армія, разрушенная снизу, въ корнѣ подточенная революціей — гибла сверху.

Есть такая скверная поговорка — «рыба съ головы воняетъ» — и вотъ въ эти-то дни тяжелый смертный духъ потянулъ отъ арміи, отъ тѣхъ начальниковъ, которые въ лучшемъ случаѣ ничего не дѣлали, въ худшемъ — работали на два фронта: и Временному Правительству, и большевикамъ.

Не хочется, да можетъ быть и не нужно — судьба все равно сурово покарала ихъ разстрѣлами, нищетой, эмигрантствомъ заграницей, — не хочется называть фамилій, но сколько людей въ это время уподобились той старушкѣ, которая стоя передъ изображеніемъ страшнаго суда, гдѣ были нарисованы ангелы въ раю и черти въ аду ставили двѣ свѣчи — одну ангелу, другую діаволу, ибо неизвѣстно куда попадешь, въ рай или въ адъ. Такъ и эти начальники кланялись и забѣгали, и возили свои доклады Керенскому и — въ Совѣтъ, на

всякій случай, а что изъ этого выходило — то будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Керенскаго за все время я ни разу не видалъ. Онъ меня къ себѣ не требовалъ, а мнѣ не за чѣмъ было идти къ нему. Чѣмъ онъ могъ мнѣ помочь? Съ меня довольно было и комиссаровъ. Я зналъ, что онъ мнѣ не довѣрялъ, потому что я былъ старорежимный генералъ и не скрывалъ своего отвращенія къ новымъ порядкамъ.

XI

Работа въ корпусѣ

Но, что бы ни было на душѣ, работать было нужно и работать, не покладая рукъ. Жизнь этого требовала.

Керенскій правильно учелъ значеніе присутствія III-го коннаго корпуса подъ Петроградомъ. Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ присмирѣлъ. Царскосельскій гарнизонъ, когда кругомъ стали Донцы, измѣнился до смѣшного. Солдаты начали чисто одѣваться и отдавать честь офицерамъ. Все это сдѣлало только то, что появились нерасхлюстанныя части, что у воротъ дворца великой княгини Маріи Павловны стоялъ чисто одѣтый часовой, который не лущилъ сѣмечекъ, казаки праздно не шатались по городу, а тѣ, кто появлялся на улицахъ, были чисто одѣты и отдавали щеголевато честь офицерамъ. Одна внѣшность уже вліяла оздоровляющимъ образомъ, надо было поддержать ее и воспитать снова офицеровъ и казаковъ.

Какъ и на Юго-Западномъ фронтѣ, и здѣсь интендантство Петроградскаго военнаго округа широко пошло мнѣ на помощь. Удалось получить даже сѣросиніе шаровары, о которыхъ такъ мечтали казаки. Я опять началъ съ матерьяльнаго, съ одежды и кухонь, но не оставлялъ и моральнаго воздѣйствія на части.

6-го Сентября начальники дивизій донесли мнѣ о томъ, что полки собраны и расквартированы въ указанныхъ имъ районахъ. 7-го числа въ 10 часовъ утра я былъ въ Пулковѣ въ районѣ расположенія 9-го и 10-го Донскихъ казачьихъ полковъ. Въ просторной сельской школѣ были собраны всѣ офицеры и большая часть урядниковъ полковъ. Прибыло много казаковъ, моихъ старыхъ сослуживцевъ, для того, чтобы посмотрѣть на меня.

Я коротко и совершенно откровенно разсказалъ офицерамъ и казакамъ обстановку. Я не скрывалъ отъ нихъ, что цѣль нашего присутствія въ Петроградѣ не столько угроза нѣмецкой высадки, сколько страшная темная работа большевиковъ, стремящихся захватить власть въ свои руки.

Дорогія мнѣ лица окружали меня. Я видѣлъ пламенные, восторженные взгляды моихъ соратниковъ подъ Бѣлжецемъ, Комаровымъ, Незвиской, Залещиками и многихъ, многихъ дѣлахъ. Я чувствовалъ, что среди нихъ я свой.

Я кончилъ.

— Ваше превосходительство! — раздались гуломъ голоса, не извольте ни о чемъ безпокоиться. Мы — Корниловцы! Велите — и мы вамъ Керенскаго самого предоставимъ. Мы понимаемъ, гдѣ порядокъ.

Я тронулся къ выходу. Толпа меня провожала. Старый бригадный командиръ, полковникъ Толоконниковъ, съ краснымъ лицомъ, длинными сѣдыми усами и сѣдою бородою, со слезами на выцвѣтшихъ блѣдно-сѣрыхъ глазахъ поднялъ руку и остановилъ потокъ голосовъ. «Неужели рѣчь? — подумалъ я, какъ это было бы безтактно и неумѣстно».

Но онъ, въ наступившей тишинѣ, произнесъ вѣрнымъ голосомъ первое слово Донского гимна-пѣсни. И всѣ офицеры и казаки, не сговариваясь, дружно грянули:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихій Донъ,
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ...

Всѣ сняли фуражки. Такъ подъ могучіе напѣвы этой пѣсни я сѣлъ въ автомобиль и съ нею въ сердцѣ и въ душѣ уѣхалъ изъ Пулкова въ Петроградъ въ штабъ округа, къ полковнику Полковникову.

Ну, эти, — думалъ я про казаковъ 9-го и 10-го полковъ, надежны. Эти не подведутъ — и рѣшилъ имѣть ихъ, какъ свой послѣдній резервъ.

Въ 5 часовъ дня того же 7-го Сентября я говорилъ въ Павловскѣ съ офицерами и представителями 13-го и 15-го Донскихъ казачьихъ полковъ. Слушали внимательно, но настроеніе было не то. Не было общаго слiянія и единой мысли. Производство Керенскимъ двухъ казаковъ-измѣнниковъ въ хорунжіе возымѣло свои дѣйствія. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ я говорилъ о томъ, что самочинные совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ мѣшаютъ работѣ правительства и ведутъ страну къ внутреннимъ потрясеніямъ и пролитію крови, что это только жажда власти и неприличная борьба за власть, кто-то сзади крикнулъ по-митинговому: — «неправда». Крикнувшаго сейчасъ же вытолкали сами казаки вонъ изъ помѣщенія, но впечатлѣніе рѣчи было потеряно. Я остался послѣ сообщенія и долго бесѣдовалъ съ офицерами и казаками. Здѣсь были аресты казаками офицеровъ, довѣріе было утеряно и тутъ надо было поработать и привести части въ порядокъ. Но командиры полковъ, полковники М. М. Ивановъ и Ситниковъ были мнѣ хорошо извѣстны, какъ доблестные офицеры, и они ручались, что не отстанутъ отъ 1-й бригады Толоконникова.

8-го Сентября я читалъ это же сообщеніе въ Гатчинѣ офицерамъ и представителямъ Уссурійскаго и Амурскаго полковъ и Уссурійскаго дивизіона. Сообщеніе дѣлалось въ громадномъ залѣ одной изъ Гатчинскихъ казармъ, приспособленномъ послѣ революціи для спектаклей; говорить пришлось со сцены и это, конечно, умаляло значеніе сообщенія начальника. Кромѣ того въ залъ набралось много постороннихъ солдатъ Гатчинской автомобильной школы. Несмотря на это, бесѣда прошла гладко. Оставшись потомъ съ офицерами, я съ грустью убѣдился, что здѣсь опасность угрожаетъ именно отъ офицеровъ. Большинство были безнадежно сѣры по своему образованію и воспитанію. Они нисколько не возвышались надъ рядовыми казаками, во многихъ отношеніяхъ были ниже ихъ. Но, главное, они не любили казаковъ. Возвысившись надъ ними дешевою цѣною четырехмѣсячныхъ курсовъ, или угодливостью передъ начальниками, они сторонились отъ казаковъ и тѣ отвѣчали имъ презрѣніемъ. При обходѣ мною помѣщеній, занятыхъ полками, я всюду видѣлъ грязь,

неряшливость и запущенность. Въ Амурскомъ полку нѣсколько казаковъ не имѣли сапогъ, бѣлье было заношено, шаровары и рубахи порваны. Маленькія монгольскія лошадки ихъ стояли понурившись, нечищенныя и некормленныя. На все отвѣтъ одинъ: Нѣтъ, не получали, не добились...

Здѣсь работа нужна была громадная, а работать было некому. Командира бригады не было. Командиръ Уссурійскаго полка, полковникъ Пушковъ, былъ не казакъ и не сумѣлъ сойтись ни съ офицерами, ни съ казаками, командиръ Амурскаго полка, Полковниковъ, милостью Керенскаго командовалъ всѣми нами, а вмѣсто него въ полку былъ штабъ-офицеръ, который для виду занимался широкой политикой отдѣленія Амурскихъ казаковъ отъ Россіи. Нѣсколько лучше былъ Уссурійскій дивизіонъ.

Вечеромъ я былъ въ Петергофѣ въ манежѣ Конногренадерскаго полка, по революціонной модѣ обращенномъ въ театръ-кабарэ, кинематографъ и еще какую-то пакость. Командиръ Приморскаго полка перестарался и, воспользовавшись громадностью помѣщенія, нагналъ весь полкъ. При моемъ приходѣ никто не всталъ, а командиръ полка не скомандовалъ «встать» и пришлось это скомандовать самому. Между какихъ-то павильоновъ и пестрыхъ кіосковъ толпились солдаты Приморскаго и казаки Нерчинскаго полковъ. На лицахъ въ большинствѣ — тупая скука, но у нѣкоторыхъ раздраженное любопытство съ примѣсью злорадства. Говорить опять пришлось съ эстрады. Поднявшись на нее, увидалъ, что въ манежѣ немало посторонняго элемента. Какіе-то штатскіе, какія-то дамы. Попросилъ удалиться. Ушли не безъ протеста, да могли и не уйти. Наступалъ вечеръ, въ углахъ манежа клубились сумерки. Бесѣда потеряла характеръ интимности. Вмѣсто яркихъ, выпуклыхъ фактовъ пришлось говорить общими мѣстами. Когда я началъ говорить о необходимости строевыхъ занятій и о томъ, какъ ихъ вести, чтобы заинтересовать солдата — большинство солдатъ демонстративно встало и начало уходить. Пришлось прикрикнуть на нихъ и заставить вернуться. Привычка къ митингамъ выявляла себя. Послѣ бесѣды раздались аплодисменты, а изъ темныхъ угловъ крики «долой» и свистки. Командиръ Приморскаго полка завѣрялъ меня, что это кричали не драгуны, а посторонніе, жаловался на то, что съ послѣднимъ пополненіемъ ему прислали развращенныхъ солдатъ, настоящихъ большевиковъ. Было уже темно, когда я сквозь густую толпу солдатъ проходилъ къ автомобилю. Однако враждебнаго отношенія къ себѣ не замѣтилъ. Старались не толкаться. Изъ толпы я выѣхалъ въ полной тишинѣ.

Гадко, склизко и противно было на душѣ, когда я вернулся. Строилъ планы работы, какъ оздоровить весь этотъ матеріалъ и всюду натыкался на одно главное препятствіе — не было офицеровъ. Офицеры — даже и лучшіе, кадровые, ушли отъ солдатъ, какъ солдаты ушли отъ офицеровъ. Испытавши униженіе ареста они уже боялись своихъ солдатъ и не вѣрили имъ.

Раньше мы говорили офицерамъ: станьте ближе къ солдату, не отходите отъ него, и офицеръ самоотверженно шелъ въ солдатскую землянку и былъ все время съ солдатомъ. Они повѣряли другъ другу свои думы, вмѣстѣ мечтали о славѣ, о наградѣ, о подвигахъ, объ отдыхѣ, о возвращеніи домой послѣ побѣды. Вмѣстѣ пѣли свои хорошія солдатскія пѣсни.

Какъ я скажу теперь офицеру: станьте ближе къ солдату, когда

тихой бесѣды быть не могло? Злобно отворачивались сѣрые глаза солдата отъ офицера и на кроткую бесѣду слышался дикій выкрикъ: «Га — мало кровушки нашей попили»...

Стѣна стояла между ними. Военнаго братства не было и надо было его вернуть. Конечно не спектаклями и кинематографами, а старою пѣснею, общими ученьями и маневрами...

Таковы были планы, таково было тяжелое мучительное настроеніе на душѣ въ эти сентябрьскіе дни, когда я даже не зналъ хорошенько, я, или баронъ Врангель, командуетъ III-мъ коннымъ корпусомъ.

XII

Отношеніе къ корпусу наверху

Въ серединѣ Сентября, ближе ознакомившись съ Петроградскими настроеніями и съ составомъ своего корпуса, я составилъ докладъ, въ которомъ указывалъ на необходимость въ противовѣсъ совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, Петроградскому гарнизону и вооруженнымъ рабочимъ для поддержки правительства и обезпеченья правильныхъ и спокойныхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе и самой работы Учредительнаго Собранія сосредоточить въ ближайшихъ окрестностяхъ Петрограда очень надежную конную часть съ большою артиллеріею, причемъ одну треть по очереди держать въ самомъ Петроградѣ. Сдѣлавши характеристику III-му конному корпусу, я предлагалъ: Уссурійскую дивизію, какъ мало надежную, убрать въ другое мѣсто. Вмѣсто нее въ корпусъ влить гвардейскую казачью и 2-ю казачью сводную дивизію; гвардейцевъ поставить въ ихъ постоянныхъ казармахъ, гдѣ они по привычкѣ перешли бы на мирное положеніе и возстановили бы внутренній порядокъ. Гвардейскимъ офицерамъ хорошо была знакома вся тактика городской войны и Петроградъ былъ имъ извѣстенъ до мелочей. Революціонные же казачьи полки 1-й, 4-й и 14-й отправить на Донъ, гдѣ они несомнѣнно оздоровѣли бы, соприкоснувшись со своими родителями.

Но кому я отдамъ этотъ докладъ?

По закону, я долженъ былъ представить его по командѣ — Полковникову.

А былъ я увѣренъ въ томъ, что Полковниковъ идетъ заодно съ правительствомъ, а не противъ него?

Былъ ли я увѣренъ въ самомъ Керенскомъ? По чистой совѣсти отвѣчу — нѣтъ.

Планъ былъ созданъ, разсмотрѣнъ съ начальникомъ 1-й Донской казачьей дивизіи, съ начальникомъ штаба и штабъ-офицеромъ генеральнаго штаба, всѣми одобренъ, его надо приводить въ исполненіе и приводить въ исполненіе спѣшно, потому что выборы не за горами, власти у меня для этого нѣтъ, а тѣмъ, у кого власть — я не вѣрю.

Пойти по старому пути къ комиссарамъ? — Но Войтинскаго и Станкевича, которымъ я вѣрилъ, что они не съ большевиками, здѣсь не было, это ихъ не касалось, а комиссаръ Петроградскаго округа, капитанъ Кузьминъ, произвелъ на меня отталкивающее впечатлѣніе очень хитраго человѣка, глубоко конспиративнаго, неизвѣстно къ чему стремящагося.

Я не политикъ и рѣшилъ идти прямымъ солдатскимъ путемъ. 16-го сентября я поѣхалъ къ Полковникому и доложилъ ему на словахъ, а потомъ передалъ и письменный докладъ. Съ его стороны я встрѣтилъ полное сочувствіе этому и мнѣ показалось, что мои подозрѣнія напрасны и что онъ въ полной мѣрѣ воспринялъ мою точку зрѣнія. Онъ обѣщалъ очень осторожно нащупать Керенскаго и сдѣлать ему объ этомъ докладъ.

— Съ Черемисовымъ (главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта) сказалъ онъ, говорить не стоитъ. Я уже имѣю приказаніе передать корпусъ ему и отправить васъ въ районъ г. Острова, гдѣ онъ войдетъ въ V-ю армію и будетъ считаться въ резервѣ Главнокомандующаго. Но это надо разстроить. Они думаютъ только о себѣ, а не о Россіи.

Тѣмъ не менѣе вернувшись въ штабъ корпуса въ Царское Село, я нашелъ приказаніе приступить къ перевозкѣ корпуса въ районъ Острова, и отдалъ объ этомъ распоряженія.

Но повидимому Полковниковъ все-таки попытался бороться за оставленіе III-го коннаго корпуса подъ Петроградомъ. Прошла недѣля, а мы не могли добиться эшелоновъ для спѣшной перевозки корпуса. Шла какая-то невидимая борьба. Въ штабѣ округа мнѣ передавали, что Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ очень недоволенъ присутствіемъ корпуса въ Царскомъ Селѣ и настаиваетъ, чтобы его убрали подальше.

Ну — подумалъ я — если Совѣтъ этого хочетъ, Керенскій непремѣнно это сдѣлаетъ, а потомъ будетъ каяться. Но будетъ поздно.

Такъ и вышло. 26-го Сентября пришло категорическое приказаніе идти къ Острову и къ 28-му Сентября всѣ части корпуса сосредоточились въ районѣ Острова по деревнямъ.

28-го Сентября я представлялся въ Псковѣ главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ, Черемисову. Въ ожиданіи пріема присматривался къ обстановкѣ. Адъютантъ съ громкой еврейской фамиліей представителей богатаго еврейскаго міра держался небрежно, свысока третируя меня и моего хорошаго знакомаго генерала Я. Д. Юзефовича, только-что назначеннаго командующимъ XII-й Арміей. У вѣстового въ рукахъ большевистская газета «Окопная правда». Изъ бесѣды съ Черемисовымъ выяснилъ, что онъ очень считается съ мѣстнымъ совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и большой сторонникъ демократизаціи арміи. Понялъ, что мнѣ съ нимъ не по пути. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать изъ Пскова, зашелъ къ комиссару Станкевичу. Этотъ молодой человѣкъ мнѣ больше нравился. Онъ-то хотя былъ искрененъ, и если мы и были разныхъ понятій, то я зналъ, что онъ честно хотѣлъ спасенія арміи и Россіи. Поговорили по душѣ о занятіяхъ и о необходимости перетасовать командный составъ корпуса.

На другой день, 29-го Сентября, ко мнѣ прибылъ молодой офицеръ съ университетскимъ значкомъ, отрекомендовавшійся поручикомъ Л. Гв. Егерскаго полка, Матушевскимъ, членомъ Исполнительнаго Комитета Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Онъ прибылъ съ бумагами изъ Ставки, предлагающими допустить его до ознакомленія съ корпусомъ.

Итакъ новая, побочная власть, знаменитый исполкомъ уже заинтересовался корпусомъ. Изъ разговора съ нимъ я понялъ, что моя докладная записка не секретъ для него.

Кто же сообщилъ? Полковниковъ или Керенскій? Или оба вмѣстѣ? Или записка забѣжала по пути въ исполкомъ, и исполкомъ обезпокоился.

Матушевскій пріѣхалъ съ самыми хорошими намѣреніями. Онъ слышалъ о томъ непримиримомъ отношеніи къ офицерамъ, которое существуетъ среди командъ штаба корпуса, онъ пріѣхалъ примирить и отъ имени совѣта, который пользуется исключительнымъ вліяніемъ на солдатъ поговорить съ корпуснымъ комитетомъ.

Надо было выгнать его. Но выгнать его — это окончательно порвать тѣ тонкія нити, которыми я только-что связывался со штабными командами. Рѣшили устроить засѣданіе штабного комитета, но въ своемъ присутствіи.

Вечеромъ я пришелъ въ засѣданіе, но оказалось, что Матушевскій забѣжалъ раньше меня и я засталъ не бесѣду, но форменный солдатскій митингъ со страстными рѣчами, съ криками «правильно» и «долой».

Однако при мнѣ всѣ затихли.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель комитета, солдатъ Соловьевъ, желчный, болѣзненный человѣкъ изъ Петербургскихъ мастеровыхъ, очень не глупый, съ которымъ даже пріятно было говорить съ глазу на глазъ, настолько вѣрно понималъ онъ всю нашу разруху и настолько искренно скорбѣлъ о прошломъ. Но онъ ненавидѣлъ офицеровъ всѣми фибрами своей души, ненавидѣлъ безпричинно за одно то, что они офицеры.

Говорилъ солдатъ Коржиковъ — искровой команды, большевикъ. Это тоже Петроградецъ, но изъ зажиточной купеческой семьи. Онъ страстно обвинялъ начальника искровой станціи и офицеровъ штаба въ измѣнѣ на фронтѣ. Измѣна заключалась въ томъ, что когда-то, еще до революціи начальникъ искровой станціи и другіе офицеры привели своихъ знакомыхъ дамъ на станцію, показывали имъ дѣйствіе искрового телеграфа, объясняли его устройство и принимали при нихъ радіотелеграмму. Въ этомъ была измѣна и предательство. Коржиковъ истерично кричалъ, требуя немедленной смѣны этихъ офицеровъ и преданія ихъ военно-революціонному суду. Глаза солдатъ горѣли злобою и ненавистью.

Послѣ него говорилъ Соловьевъ. Онъ еще подлилъ масла въ огонь и настроеніе командъ было таково, что казалось, что солдаты вотъ вотъ бросятся на офицеровъ и разорвутъ ихъ.

Тогда выступилъ Матушевскій. Онъ отрекомендовался членомъ исполкома и это произвело сильное впечатлѣніе на комитетъ. Говорилъ онъ отлично, съ пріемами мастера оратора, то понижая голосъ до шопота, то доводя его до страстнаго болѣзненнаго крика. Это была защита офицеровъ. Яркая, блестящая защита. Она не убѣдила солдатъ, но она утишила злобу и залила огонь страстей.

На этомъ надо было кончить и расходиться. Но тутъ выскочилъ съ ненужными и неумѣстными оправданіями начальникъ штаба Уссурійской дивизіи, генеральнаго штаба капитанъ Смирновъ, съ крайне безтактной рѣчью и все пропало. Началось общее возбужденіе и крики съ мѣстъ.

Пришлось сказать мнѣ. Я сказалъ о заслугахъ передъ Родиной III-го корпуса, о его славѣ и сказалъ, что этою славою корпусъ обязанъ офицерамъ.

Рѣчь моя усмирила солдатъ и мы разошлись болѣе или менѣе мирно.

За ужиномъ Матушевскій, котораго офицеры просили разсказать имъ

о таинственномъ исполкомѣ произнесъ горячее слово въ защиту большевиковъ, Ленина и Троцкаго.

Когда онъ кончилъ, кто-то изъ офицеровъ сказалъ: за ними никто не пойдетъ.

Матушевскій всталъ. Лицо его было блѣдно.

— За ними не посмѣютъ не пойти, — тихо почти шопотомъ произнесъ онъ. — Вы не знаете, кто такое Троцкій. Повѣрьте мнѣ, когда будетъ нужно, Троцкій не задумается поставить гильотину на Александровской площади и будетъ рубить головы всѣмъ непокорнымъ... И всѣ пойдутъ за нимъ...

Стояла гробовая тишина. Впечатлѣніе его словъ было ужасно. Я понялъ, что такъ оставить этого нельзя. Я всталъ и сказалъ нѣсколько словъ на тему о той Голгоѳѣ страстей, на которую восходитъ офицерство, о той великой крови, которую оно льетъ на защиту Родины. Послѣ Голгоѳы было Свѣтло-Христово воскресеніе, я глубоко вѣрую въ то, что кровь офицеровъ пролита не напрасно...

Матушевскій ночевалъ у меня и уѣхалъ рано утромъ. Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ: Въ васъ мы имѣемъ сильнаго противника... А, можетъ быть, мы еще сойдемся...

Ясно было одно: взоры исполкома обращены на насъ.

XIII

Во что бы то ни стало

На новыхъ квартирахъ я повелъ ту же работу, что когда-то велъ въ 1-й Кубанской дивизіи. Каждый день опредѣленная часть корпуса была на маневрѣ, почти всегда въ моемъ присутствіи, послѣ маневра разборъ, отдача въ приказѣ всѣхъ ошибокъ. Два раза въ недѣлю бесѣда съ офицерами. Во всѣхъ полкахъ съ 15-го Октября должны быть устроены полковыя учебныя команды для подготовки урядниковъ и широкія программы этихъ командъ были разосланы; во всѣхъ полкахъ были устроены библіотеки, для командъ штаба былъ намѣченъ рядъ ежедневныхъ бесѣдъ, по два часа по вечерамъ; предполагалось прочитать курсы географіи и исторіи Россіи, политической экономіи и военнаго искусства. Лекторы усиленно готовились къ этому по особымъ мною составленнымъ программамъ.

Разврату и разлагающей пропагандѣ большевизма я рѣшилъ противопоставить работу и силу образованія и просвѣщенія.

Дѣятельность моя, скрыть которую, конечно, нельзя было, обратила вниманіе. Одни сочувствовали и хотѣли посильно помочь, другіе мѣшали. Я уклонялся отъ посторонней помощи и по мѣрѣ силъ боролся съ мѣшающими.

1-го Октября ко мнѣ пріѣхалъ помощникъ комиссара, Савицкій, съ нимъ какая-то дама съ университетскимъ значкомъ и А. Гликбергъ, извѣстный поэтъ Саша Черный. Они говорили о какихъ-то библіотекахъ и чтеніяхъ для солдатъ. Когда я имъ разсказалъ, какъ въ глухихъ деревняхъ, по маленькимъ избамъ, часто безъ освѣщенія вечеромъ живутъ солдаты и казаки корпуса, какъ къ нимъ трудно добираться осенью по распутицѣ, когда и верхомъ съ трудомъ къ нимъ проѣдешь — они задумались.

— Но, если я буду сегодня читать одной группѣ, завтра другой, — робко сказала дама.
— Что читать? — спросилъ я.
— Чехова.
— Чехова? Десяти тысячамъ человѣкъ, по три и по четыре сразу? Когда же вы кончите?
Они уѣхали.
9-го Октября у меня былъ полковникъ пограничной стражи, Заневскій, пріѣхавшій отъ Главнокомандующаго «знакомиться съ настроеніемъ частей». Я его просто прогналъ, чему онъ, кажется, былъ даже радъ.
Все это было глупо, нудно, досадливо иногда, но не опасно.
Опасность угрожала съ другого конца и скоро уничтожила корпусъ безъ остатка.
6-го Октября штабъ Сѣвернаго фронта экстренно потребовалъ посылки 2 сотенъ и 2 орудій въ Старую Руссу, 2 сотенъ и 2 орудій въ Торопецъ и 2 сотенъ и 2 орудій въ Осташковъ.
Это было самое страшное. Это сразу прекращало воспитаніе солдатъ, вырывало части изъ рукъ старшихъ, болѣе опытныхъ начальниковъ, подрывало правильность снабженія и довольствія и ставило маленькія казачьи части въ густую солдатскую массу, уже обработанную большевиками. Я исполнилъ приказъ и отправилъ на эту службу весь Уссурійскій казачій полкъ и $1^1/_2$ изъ бывшихъ у меня шести Донскихъ батарей, но сейчасъ же написалъ въ штабъ фронта, кому только могъ, просьбу, этого не дѣлать, такъ какъ это разрушаетъ корпусъ, который можетъ понадобиться въ полномъ составѣ для борьбы противъ большевиковъ.
— Кому вы это пишете? — сказалъ мнѣ исправляющій должность начальника штаба, полковникъ С. П. Поповъ.
— Какъ кому? По командѣ. Главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ, или какъ по-большевистски называютъ, Главкосѣву Черемисову.
— Да развѣ вы не знаете, что Черемисовъ заодно съ большевиками, что онъ все время проводитъ въ Совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, стоитъ за полную демократизацію арміи и попускаетъ, а кто говоритъ, что и покровительствуетъ изданію большевистской газеты «Окопная Правда».
— Но что же дѣлать, Сергѣй Петровичъ? Выходитъ, что все начальство передалось большевикамъ. Тогда проще — устранить Временное Правительство и передать власть большевикамъ мирно. Столковаться съ ними, какъ это теперь говорится. Былъ Львовъ, сталъ Керенскій, ну, будетъ Ленинъ — хуже не будетъ. Это прямое послѣдствіе отреченія Государя.
— Да, это такъ.
— Что же, прикажете плыть по теченію?
— Но что вы сдѣлаете, если измѣнили верхи? Вѣдь все это дѣлается не безъ вѣдома Керенскаго. Керенскій самъ рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ.
— Керенскому это простительно. Онъ ничего не понимаетъ ни въ военномъ, ни въ государственномъ дѣлѣ, но о чемъ же думаютъ Черемисовъ и Лукирскій?
— Думаютъ, какъ угодить новому барину — «грядущему хаму».

— И мы молча будемъ пособничать, сказалъ я.
— Протестовать безполезно.
— Будемъ не только протестовать, но и бороться. Можетъ быть и мы сумѣемъ въ борьбѣ обрѣсти право свое.

Бумагу мы послали. Отвѣтомъ было приказаніе, поставить 5 сотень въ Псковѣ. Я поѣхалъ лично въ штабъ и эти пять сотень отстоялъ, но побѣда была вызвана не силой моего убѣжденія, а просто тѣмъ, что для нихъ не нашлось въ Псковѣ помѣщенія, да и совѣтъ высказался противъ помѣщенія казаковъ въ Псковѣ.

Итакъ съ Октября мѣсяца корпусъ оказался фактически въ распоряженіи у большевиковъ и большевики продолжали работу по его растасовкѣ.

8-го Октября штабъ потребовалъ два полка въ Ревель. Я отправилъ 13-й и 15-й полки. Это требованіе было якобы боевого характера. Послѣ занятія острова Эзеля нѣмцами командованіе фронтомъ опасалось за Ревель. Но что будетъ дѣлать кавалерія въ крѣпости, объ этомъ не думали.

9-го Октября потребовали еще одинъ полкъ съ двумя орудіями въ Витебскъ. Не безъ скандаловъ пошелъ Приморскій драгунскій полкъ. Полковой комитетъ заявилъ, что если это для дѣйствій противъ его братьевъ-солдатъ, то онъ не пойдетъ и работать, какъ жандармы не будетъ.

— Ну, а если ваши братья-солдаты дезертируютъ съ фронта, братаются съ нѣмцами, грабятъ и насилуютъ жителей — вы будете молчать и пособничать? Вѣдь это измѣна Родинѣ, — сказалъ я.
— И революціи, — поспѣшилъ добавить вольноопредѣляющійся Левицкій, опасаясь, что слово Родина вызоветъ обратное дѣйствіе.
— На это товарищи-солдаты неспособны, отвѣчалъ кто-то изъ комитета.
— А вы ручаетесь за нихъ?

Комитетъ молчалъ. Драгуны постановили идти. Мнѣ было не жалко ихъ отпускать. Въ случаѣ какого-либо движенія они не только не помогли бы, но внесли бы большую путаницу въ дѣйствія.

21-го Октября потребовали 6 сотень и 4 орудія въ Боровичи для усмиренія тамошняго гарнизона. Тамъ произошли обычные эксцессы. Убили начальника гарнизона и командира пѣхотнаго полка и ограбили лавки. Послалъ Уссурійскій дивизіонъ и часть Амурцевъ.

Такимъ образомъ къ 22-му Октября отъ 1-й Донской дивизіи оставалось — 6 сотень 9-го Донского полка и 4 сотни 10-го Донского полка (2 сотни ушли въ Новгородъ), отъ Уссурійской конной дивизіи было въ моемъ распоряженіи: 6 сотень 1-го Нерчинскаго полка и 2 сотни 1-го Амурскаго полка. Изъ бывшихъ въ корпусѣ 24 орудій Донской артиллеріи оставалось при мнѣ 12 орудій, да было 4 орудія только-что сформированной и почти необученной, во всякомъ случаѣ, ни разу не стрѣлявшей 1-й Амурской казачьей батареи. Вмѣсто грозной силы въ 50 сотень мы имѣли только 18 сотень разныхъ полковъ. *

* Корпусъ состоялъ изъ 9-го (6 сотень), 10-го (6 сотень), 13-го (6 сотень), 15-го (6 сотень) Донскихъ казачьихъ полковъ, Приморскаго драгунскаго (6 эскадроновъ), 1-го Нерчинскаго казачьяго (6 сотень), 1-го Амурскаго к. (6 сотень), 1-го Уссурійскаго казачьяго (6 сотень) полковъ и Уссурійскаго казачьяго (2 сотни) дивизіона и 6 Донскихъ и 1 Амурской батарей.

Можно ли говорить, что большевики не готовились планомѣрно къ своему выступленію 25-го октября? Но кто имъ помогалъ?

23-го Октября весь «корпусъ», — то-есть оставшіяся 18 сотень — было приказано передвинуть въ районъ Стараго Пебальга и Вендена, гдѣ поступить въ распоряженіе штаба 1-й Арміи, потому что тамъ ожидались безпорядки и массовые эксцессы. Я поѣхалъ въ Псковъ узнать обстановку, а 24-го Октября отправилъ въ штабъ І-й Арміи квартирьеровъ и приступилъ къ погрузкѣ 10-го Донского казачьяго полка въ вагоны.

25-го Октября я получилъ телеграмму. Точнаго содержанія ея не помню, но общій смыслъ былъ тотъ: Донскую дивизію спѣшно отправить въ Петроградъ; въ Петроградѣ безпорядки, поднятые большевиками. Подписана телеграмма двумя лицами «Главковерхъ Керенскій» и полковникъ Грековъ.

Полковникъ Грековъ — донской артиллерійскій офицеръ и помощникъ предсѣдателя Совѣта союза казачьихъ войскъ, казачьяго учрежденія, пользующагося большимъ вліяніемъ у казаковъ.

Ловко! подумалъ я. Но откуда же при теперешней разрухѣ я подамъ спѣшно всю 1-ю Донскую дивизію къ Петрограду?

Тѣмъ не менѣе 9-й полкъ направилъ къ погрузкѣ въ вагоны. 4 сотни 10-го полка приказалъ остановить на станціи, послалъ телеграммы въ Ревель и Новгородъ о сосредоточеніи къ Лугѣ, откуда рѣшилъ идти походомъ, чтобы не повторять ошибки Крымова, увы, уже сдѣланной мудрыми распоряженіями штаба фронта.

А квартирьеры? Они уже ушли и рыщутъ вѣроятно по имѣніямъ и мызамъ, отыскивая помѣщенія. Послалъ нарочнаго и за ними...

Самъ поѣхалъ въ Псковъ просить начальника штаба и начальника военныхъ сообщеній ускорить всѣ эти перевозки такъ, чтобы хотя бы къ вечеру 26-го я могъ бы имѣть часть изъ Ревеля и Новгорода въ Лугѣ.

Все было обѣщано сдѣлать. Въ штабѣ я нашелъ большую тревогу. Тихо шопотомъ передавали, что Временное Правительство свергнуто и не то разбѣжалось, не то борется въ Зимнемъ дворцѣ, отстаиваемое юнкерами; вся власть захвачена Совѣтами съ Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ.

Вернувшись изъ Пскова, я напечаталъ приказъ, гдѣ полностью передалъ телеграмму Керенскаго и Грекова и призывалъ казаковъ къ увѣреннымъ и смѣлымъ дѣйствіямъ. Приказъ послалъ съ нарочными и въ Ревель, и въ Новгородъ. Послѣ чего собрался самъ и поѣхалъ на станцію Островъ, гдѣ уже былъ погруженъ штабъ 1-й Донской дивизіи, безъ ея начальника, случайно бывшаго въ отпуску въ Петроградѣ.

XIV

Измѣна штаба фронта

Глухая осенняя ночь. Пути Островской станціи заставлены красными вагонами. Въ нихъ лошади и казаки, казаки и лошади. Кто сидитъ уже второй день, кто только-что погрузился. На станціи санитары, врачи и двѣ сестры Проскуровскаго отряда. Просятъ, чтобы имъ разрѣшено было отправиться съ первыми эшелонами, чтобы быть при первомъ дѣлѣ.

Казаки, кто спитъ въ вагонахъ, кто стоитъ у открытыхъ воротъ вагона и поетъ въ полголоса свои пѣсни.

Ахъ, да ты подуй,
Подуй вѣтеръ съ полуночи,
Ты развей, развей тоску!..

слышится откуда-то съ дальняго пути.

Вдоль пути шмыгаютъ темныя личности, но ихъ мало слушаютъ. Большевики не въ фаворѣ у казаковъ и агитаторы это чуютъ.

Послѣ цѣлаго ряда распоряженій относительно остающихся частей — штаба Уссурійской дивизіи, 1-го Нерчинскаго полка и 1-й Амурской батареи, и длительныхъ разговоровъ съ новымъ командующимъ дивизіей, генералъ-маіоромъ Хрещатицкимъ, я, въ 11 часовъ ночи, прибылъ на станцію.

— Лошади погружены? — спросилъ я.

— Погружены, — отвѣчалъ мнѣ полковникъ Поповъ.

— Значитъ, можно ѣхать?

— Нѣтъ.

— Но вѣдь нашему эшелону назначено въ 11 часовъ, а теперь безъ двухъ минутъ одиннадцать.

— Ни одинъ эшелонъ еще не отошелъ.

— Какъ? А девятый полкъ?

— Стоитъ на путяхъ.

— Стоило гнать, сломя голову. Но что же вышло?

— Комендантъ станціи говоритъ, — нѣтъ разрѣшенія выпустить эшелоны.

Пошелъ къ коменданту. Комендантъ былъ сильно растерянъ и смущенъ.

— Я ничего не понимаю. Получена телеграмма выгружать эшелоны и оставаться въ Островѣ, — сказалъ онъ.

— Кто приказываетъ?

— Начальниквъ военныхъ сообщеній.

Я соединился съ Псковомъ. Полковникъ Карамышевъ, какъ будто бы, ожидалъ меня у аппарата.

— Въ чемъ дѣло?

— Главкосѣвъ приказалъ выгружать дивизію и оставаться въ Островѣ.

— Но вы знаете распоряженіе Главковерха? Идти спѣшно на Петроградъ.

— Знаю.

— Ну такъ чье же приказаніе мы должны исполнить?

— Не знаю. Главкосѣвъ приказалъ. Я эшелоны не трону. И въ Ревель и въ Новгородъ послано: отставить.

Начиналась уже серьезная путаница. Надо было выяснить положеніе. Можетъ быть, справились сами, одни усмирили большевиковъ. Одно — идти съ генераломъ Корниловымъ противъ адвоката Керенскаго, кумира толпы и другое — идти съ этимъ кумиромъ противъ Ленина, который далеко не всѣмъ солдатамъ нравился.

Я послалъ за автомобилемъ, сѣлъ въ него съ Поповымъ и погналъ въ Псковъ.

Позднею глухою ночью я пріѣхалъ въ спящій Псковъ. Тихо и мертво на улицахъ. Всѣ окна темныя, нигдѣ ни огонька. Пріѣхалъ въ штабъ.

Насилу дозвонился. Вышелъ заспанный жандармъ. Въ штабѣ никого. Хорошо, подумалъ я, штабъ Сѣвернаго фронта реагируетъ на безпорядки и переворотъ въ Петроградѣ.

— А, можетъ быть, уже все кончено, сказалъ мнѣ Поповъ, — и мы напрасно безпокоимся. Теперь бы спать и спать...

— Гдѣ начальникъ штаба? — спросилъ я у жандарма.

— У себя на квартирѣ.

— Гдѣ онъ живетъ?

Жандармъ началъ объяснять, но я не могъ его понять.

— Постойте, я одѣнусь, провожу васъ.

Полковникъ Поповъ пошелъ на телеграфъ переговорить съ Островомъ, тамъ напряженно ждали выгружаться или нѣтъ, а я поѣхалъ съ жандармомъ къ генералу Лукирскому. Парадная лѣстница заперта. На стуки и звонки никакого отвѣта. Нигдѣ ни огонька. Пошли искать по черной. Насилу добились деньщика.

— Генералъ спитъ и не приказали будить.

Съ трудомъ добился отъ него, чтобы пошелъ разбудить начальника штаба.

Наконецъ въ столовую, куда я прошелъ, вышелъ заспанный Лукирскій въ шинели, одѣтой поверхъ бѣлья. Я доложилъ ему о томъ, что имѣю два взаимно противорѣчащихъ приказанія, и не знаю, какъ поступить.

— Я ничего не знаю, — лѣниво и устало сказалъ мнѣ Лукирскій.

— Какъ ничего не знаете? Но вѣдь вы начальникъ штаба.

— Обратитесь къ главнокомандующему. Вы его сейчасъ застанете дома на совѣтѣ. А я ничего не знаю.

Пошелъ къ главнокомандующему. Весь верхній этажъ его дома на берегу рѣки Великой ярко освѣщенъ. Кажется единственное освѣщенное мѣсто въ Псковѣ. Съ трескомъ отскочилъ отъ него автомобиль съ какими-то солдатами и помчался вверхъ по городу.

Опять тотъ же адъютантъ съ громкой еврейской фамиліей меня встрѣтилъ.

— Главкосѣвъ занятъ въ совѣтѣ, — сказалъ онъ на мою просьбу доложить обо мнѣ, — и я не могу его безпокоить.

— Я все-таки настаиваю, чтобы вы доложили. Дѣло не можетъ быть отложено до утра.

Адъютантъ съ видимой неохотой открылъ дверь, изъ-за которой я слышалъ чей-то мѣрный голосъ. Въ открытую дверь я увидалъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и за нимъ человѣкъ двадцать солдатъ и рабочихъ. Въ головѣ стола сидѣлъ Черемисовъ. Онъ съ неудовольствіемъ выслушалъ адъютанта и что-то сказалъ ему.

— Хорошо, сказалъ возвращаясь адъютантъ, — Главкосѣвъ васъ приметъ, но только на одну минуту.

Меня провели въ кабинетъ главнокомандующаго. Минутъ десять я ожидалъ, стоя передъ громадной картой, на которой цвѣтными полосами было показано, какъ катился назадъ нашъ фронтъ этимъ лѣтомъ. Сдали Ригу... Отошли къ Вендену... Сдали Эзель... Къ веснѣ, кто знаетъ, — можетъ быть, нѣмцы уже будутъ въ Петроградѣ?

Дверь медленно отворилась и въ кабинетъ вошелъ Черемисовъ. Лицо у него было сѣрое отъ утомленія. Глаза смотрѣли тускло и избѣгали

глядѣть на меня. Онъ зѣвалъ не то нервною зѣвотою, не то искусственною, чтобы показать мнѣ насколько все то, о чемъ я говорю ему, пустяки.

— Временное Правительство въ опасности, — говорилъ я, — а мы присягали Временному Правительству и нашъ долгъ...

Черемисовъ посмотрѣлъ на меня.

— Временнаго Правительства нѣтъ, — устало, но настойчиво, какъ будто, убѣждая меня, сказалъ онъ.

— Какъ нѣтъ? — воскликнулъ я.

Черемисовъ молчалъ. Наконецъ тихо и устало сказалъ:

— Я вамъ приказываю выгружать ваши эшелоны и оставаться въ Островѣ. Этого вамъ достаточно. Все равно вы ничего не можете сдѣлать.

— Дайте мнѣ письменное приказаніе, — сказалъ я.

Черемисовъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня, пожалъ плечами и, подавая мнѣ руку, сказалъ:

— Я вамъ искренно совѣтую оставаться въ Островѣ и ничего не дѣлать. Повѣрьте, такъ будетъ лучше.

И онъ пошелъ опять туда — въ «совѣтъ».

Я вышелъ на улицу. У автомобиля меня ожидалъ Поповъ. Я разсказалъ ему результатъ свиданія.

— Знаете, — сказалъ мнѣ Поповъ. — Это дѣло политическое. Пойдемте къ комиссару. Войтинскій все это время былъ порядочнымъ человѣкомъ. Его долгъ намъ подать совѣтъ. Да безъ комиссара мы и части не повернемъ. Вонъ уже 9-й полкъ волнуется отъ того, что сидитъ сутки въ вагонахъ.

Я согласился и мы поѣхали въ комиссаріатъ.

Войтинскаго, который и жилъ въ комиссаріатѣ, не было тамъ. По словамъ дежурнаго «товарища» онъ ушелъ куда-то на засѣданіе, но долженъ скоро вернуться.

Мы сѣли въ комнатѣ «товарища» и ждали. Уныло тикали стѣнные часы и медленно ползла осенняя ночь. Било три, било половина четвертаго. Наконецъ, около четырехъ часовъ Войтинскій пріѣхалъ.

Онъ обрадовался, увидавши насъ. Все лицо его некрасивое, усталое, просіяло.

— Вы какъ нельзя болѣе кстати, — сказалъ онъ и началъ распрашивать про обстановку, про настроеніе частей.

— Что говорилъ Черемисовъ? — быстро спрашивалъ онъ. — А вы какъ думаете?.. Прямо Богъ послалъ васъ сюда именно сегодня... Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ. Пойдемте ко мнѣ.

Мы пошли по пустымъ комнатамъ комиссаріата. Кое-гдѣ тускло горѣли лампы. Наконецъ въ какой-то дальней комнатѣ онъ остановился, тщательно заперъ двери и подойдя ко мнѣ вплотную, таинственно шопотомъ сказалъ:

— Вы знаете... Онъ здѣсь!

Я не понялъ, о комъ онъ говоритъ, и спросилъ: — Кто онъ?

— Керенскій!... Никто не знаетъ... Онъ тайно только-что пріѣхалъ изъ Петрограда... Вырвался на автомобилѣ... Идетъ осада Зимняго дворца... Но онъ спасетъ... Теперь, когда онъ съ войсками, онъ спасетъ... Пойдемте къ нему... Или лучше я скажу вамъ его адресъ... Намъ неудобно идти вмѣстѣ... Идите... Идите къ нему. Сейчасъ...

XV

Чѣмъ былъ для меня Керенскій

Мѣсяцъ лукавымъ таинственнымъ свѣтомъ заливалъ улицы стараго Пскова. Романическимъ средневѣковьемъ вѣяло отъ крутыхъ стѣнъ и узкихъ проулковъ. Мы шли съ Поповымъ пѣшкомъ, чтобы не привлекать вниманія автомобилемъ. Шли какъ заговорщики... Да по существу мы и были заговорщиками — двумя мушкетерами средневѣковаго романа!

Ночь была въ той части, когда утомленная она готова уже уступить утру и когда сонъ обывателя становится особенно крѣпкимъ, а грезы фантастическими. И временами, когда я глядѣлъ на закрытыя ставни, на плотно опущенныя занавѣски, на окна, подернутыя капельками росы и сверкающія отраженіями высокой луны, мнѣ казалось, что и я сплю, и этотъ городъ, и то, что было, и то, что есть, не болѣе, какъ кошмарный сонъ.

Я шелъ къ Керенскому. Къ тому Керенскому, который...

Я никогда, ни одной минуты не былъ поклонникомъ Керенскаго. Я его никогда не видалъ, очень мало читалъ его рѣчи, но все мнѣ было въ немъ противно до гадливаго отвращенія.

Противна была его самоувѣренность и то, что онъ за все брался и все умѣлъ. Когда онъ былъ министромъ юстиціи — я молчалъ. Но, когда Керенскій сталъ военнымъ и морскимъ министромъ, все возмутилось во мнѣ. Какъ, думалъ я, во время войны управлять военнымъ дѣломъ берется человѣкъ, ничего въ немъ не понимающій! Военное искусство одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ, потому что оно помимо знаній требуетъ особаго воспитанія ума и воли. Если во всякомъ искусствѣ диллетантизмъ не желателенъ, то въ военномъ искусствѣ онъ не допустимъ.

Керенскій полководецъ!.. Петръ, Румянцевъ, Суворовъ, Кутузовъ, Ермоловъ, Скобелевъ.... и Керенскій.

Онъ разрушилъ армію, надругался надъ военною наукою и за то я презиралъ и ненавидѣлъ его.

А вотъ иду же я къ нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, какъ къ Верховному Главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь ввѣренныхъ мнѣ людей въ его полное распоряженіе?

Да, иду. Потому что не къ Керенскому иду я, а къ Родинѣ, къ великой Россіи, отъ которой отречься я не могу. И если Россія съ Керенскимъ, я пойду съ нимъ. Его буду ненавидѣть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россію. Она его избрала, она пошла за нимъ, она не сумѣла найти вождя способнѣе, пойду помогать ему, если онъ за Россію...

Вотъ о чемъ грезили, о чемъ переговаривались мы съ С. П. Поповымъ, пока искали квартиру полковника Барановскаго, у котораго былъ Керенскій.

Искали долго. Спросить? — не у кого. Городъ спитъ, никого на улицахъ. Наконецъ, скорѣе по догадкѣ, усмотрѣвши въ одномъ домѣ два освѣщенныхъ окна во второмъ этажѣ, завернули въ него и нашли много неспящихъ людей, суету, суматоху, безтолочь, воспаленные глаза, блѣдныя лица, квартиру, перевернутую кверху дномъ и самого Керенскаго.

XVI

Керенскій

— Генералъ, гдѣ вашъ корпусъ? Онъ идетъ сюда? Онъ здѣсь уже, близко? Я надѣялся встрѣтить его подъ Лугой?

Лицо со слѣдами тяжелыхъ безсонныхъ ночей. Блѣдное, нездоровое, съ больною кожей и опухшими красными глазами. Бритые усы и бритая борода, какъ у актера. Голова слишкомъ большая по туловищу. Френчъ, галифэ, сапоги съ гетрами — все это дѣлало его похожимъ на штатскаго, вырядившагося па воскресную прогулку верхомъ. Смотритъ проницательно, прямо въ глаза, будто ищетъ отвѣта въ глубинѣ души, а не въ словахъ; фразы короткія, повелительныя. Не сомнѣвается въ томъ, что сказано, то и исполнено. Но чувствуется какой-то нервный надрывъ, ненормальность. Несмотря на повелительность тона и умышленную рѣзкость манеръ, несмотря на это «генералъ», которое сыпется въ концѣ каждаго вопроса — ничего величественнаго. Скорѣе — больное и жалкое. Какъ то, на одномъ любительскомъ спектаклѣ, я слышалъ, какъ довольно талантливо молодой человѣкъ читалъ стихотвореніе Апухтина «Сумасшедшій». Вотъ такая же повелительность была и въ словахъ этого плотнаго средняго роста человѣка, чуть рыжеватаго, одѣтаго въ защитное, бѣгающаго по гостиной между столикомъ съ допитыми чашками кофе, угловатыми диванчиками и пуфами и вдругъ останавливающагося противъ меня и дающаго приказаніе или говорящаго фразу, и казалось, что все это закончится безумнымъ смѣхомъ, плачемъ, истерикой и дикими криками: — «все васильки, красные, синіе въ полѣ!»....

Я сразу узналъ Керенскаго по тому множеству портретовъ, которые я видалъ, по тѣмъ фотографіямъ, которыя печатались тогда во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Не Наполеонъ, но безусловно позируетъ на Наполеона. Слушаетъ невнимательно. Будто не вѣритъ тому, что ему говорятъ. Все лицо говоритъ тогда — знаю я васъ; у васъ всегда отговорки, но нужно сдѣлать и вы сдѣлаете.

Я доложилъ о томъ, что не только нѣтъ корпуса, но нѣтъ и дивизіи, что части разбросаны по всему сѣверозападу Россіи и ихъ раньше необходимо собрать. Двигаться малыми частями — безуміе.

— Пустяки! Вся армія стоитъ за мною противъ этихъ негодяевъ. Я вамъ поведу ее и за мною пойдутъ всѣ. Тамъ никто имъ не сочувствуетъ. Скажите, что вамъ надо? N. N. — обратился онъ къ Барановскому * — запишите, что угодно генералу.

Я сталъ диктовать Барановскому, гдѣ и какія части у меня находятся и какъ ихъ оттуда вызволить. Онъ записывалъ, но записывалъ невнимательно. Точно мы играли, а не въ серьезъ дѣлали. Я говорилъ ему, что-то, а онъ дѣлалъ видъ, что записываетъ.

— Вы получите всѣ ваши части, — сказалъ Барановскій. — Не только Донскую, но и Уссурійскую дивизію. Кромѣ того, вамъ будутъ приданы

* Я не помню имени и отчества Барановскаго.

37-ая пѣхотная дивизія, 1-ая кавалерійская дивизія и весь XVII-ый армейскій корпусъ, кажется все, кромѣ разныхъ мелкихъ частей.

— Ну вотъ, генералъ. Довольны? — сказалъ Керенскій.

— Да, сказалъ я, — если это все соберется и если пѣхота пойдетъ съ нами, Петроградъ будетъ занятъ и освобожденъ отъ большевиковъ.

Слыша о такихъ значительныхъ силахъ я уже не сомнѣвался въ успѣхѣ. Дѣло было иное. Можно будетъ выгрузить казаковъ и въ Гатчинѣ и составить изъ нихъ развѣдывательный отрядъ, подъ прикрытіемъ котораго высаживать части XVII-го корпуса и 37-й дивизіи на фронтѣ Тосно — Гатчино и быстро двигаться, охватывая Петроградъ и отрѣзая его отъ Кронштадта и Морского канала. Моя задача сводилась къ болѣе простымъ дѣйствіямъ. Стало легче на душѣ... Но если бы это было такъ — развѣ сидѣлъ бы Черемисовъ теперь съ Совѣтомъ? развѣ принялъ бы онъ меня извѣстіемъ, что Временнаго Правительства уже нѣтъ? Три дивизіи пѣхоты и столько же кавалеріи, безпрепятственно идущія среди моря арміи, это показываетъ, что армія на сторонѣ Керенскаго, а если такъ — бунтовался бы развѣ гарнизонъ Петрограда, задерживали бы эшелоны въ Островѣ? Нѣтъ, тутъ что-то было не такъ. Сомнѣніе закрадывалось въ душу и я высказалъ его Керенскому.

Мнѣ показалось, что онъ не только не увѣренъ въ томъ, что названныя части пойдутъ по его приказу, но неувѣренъ даже и въ томъ, что Ставка, то-есть, генералъ Духонинъ передалъ приказанія. Казалось, что онъ и Пскова боится. Онъ какъ-то вдругъ сразу осѣлъ, завялъ, глаза стали тусклыми, движенія вялыми.

Ему надо отдохнуть, подумалъ я и сталъ прощаться.

— Куда вы, генералъ?

— Въ Островъ, двигать то, что я имѣю, чтобы закрѣпить за собою Гатчину.

— Отлично. Я поѣду съ вами.

Онъ отдалъ приказаніе подать свой автомобиль.

— Когда мы тамъ будемъ? — спросилъ онъ.

— Если хорошо ѣхать, черезъ часъ съ четвертью мы будемъ въ Островѣ.

— Соберите къ одиннадцати часамъ дивизіонные и другіе комитеты, я хочу поговорить съ ними.

— Ахъ, зачѣмъ это! — подумалъ я, но отвѣтилъ согласіемъ. Кто его знаетъ, можетъ быть, у него особенный даръ, умѣнье вліять на толпу. Вѣдь почему-нибудь приняла же его Россія? Были же ему и оваціи и восторженныя встрѣчи и любовь и поклоненіе. Пусть казаки увидятъ его и знаютъ, что самъ Керенскій съ ними.

Минутъ черезъ десять автомобили были готовы, я разыскалъ свой и мы поѣхали. Я — по приказанію Керенскаго — впереди, Керенскій съ адъютантами сзади. Городъ все такъ же крѣпко спалъ и шумъ двухъ автомобилей не разбудилъ его. Мы никого не встрѣтили и благополучно выбрались на Островское шоссе.

XVII

Выступленіе въ походъ

Блѣднымъ утромъ мы подъѣзжали къ Острову. Верстахъ въ пяти отъ города я встрѣтилъ сотни 9-го Донского полка, идущія изъ города по своимъ деревнямъ. Я остановилъ ихъ.

— Куда вы? — спросилъ я.

— Ночью было передано отъ васъ приказаніе выгружаться и идти по домамъ, — отвѣчалъ командиръ сотни.

— Я не отдавалъ такого приказанія. Поворачивайте назадъ, мы сейчасъ ѣдемъ на Петроградъ, съ нами ѣдетъ Керенскій.

— Какъ, Керенскій? — съ удивленіемъ спросилъ командиръ сотни. Казаки, прислушивавшіеся къ моимъ словамъ, стали передавать одинъ другому: — «Керенскій здѣсь, Керенскій здѣсь».

Въ эту минуту подъѣхалъ и Керенскій. Онъ поздоровался съ казаками. Казаки довольно дружно ему отвѣтили. Сомнѣній не было и сотни стали заходить плечомъ къ Острову. Мы поѣхали дальше. Мнѣ негдѣ было устроить Керенскаго. Моя квартира была разорена и я поѣхалъ съ нимъ въ собраніе, гдѣ предложилъ ему чай и закусить, а самъ пошелъ отдавать распоряженія. Мимо меня прошли сотни 9-го полка, лица казаковъ выражали любопытство.

Вѣсть о томъ, что Керенскій въ Островѣ сама собою распространилась по городу. Улица передъ собраніемъ стала запружаться толпою. Явились дамы съ цвѣтами, явились матросы и солдаты Морского артиллерійскаго дивизіона, стоявшаго по ту сторону рѣки Великой въ предмѣстьи Острова. Я поставилъ часовыхъ у дверей дома и вызвалъ въ ружье всю Енисейскую сотню, которая стала въ длинномъ корридорѣ, ведшемъ къ столовой и никого не пропускала. Наверху собирались комитеты. Какъ ни слѣдили мы, чтобы не было постороннихъ, но таковыхъ набралось не мало. Однако передніе ряды были заняты комитетомъ 1-й Донской казачьей дивизіи, бравыми казаками, на лицахъ которыхъ было только любопытство и никакого озлобленія. Совершенно иначе былъ настроенъ комитетъ Уссурійской дивизіи и особенно представители Амурскаго казачьяго полка, въ которомъ было много большевиковъ.

Я пошелъ доложить Керенскому, что комитеты готовы. Керенскій спалъ, сидя за столомъ. Лицо его выражало крайнее утомленіе. При моемъ входѣ онъ сразу проснулся.

— А! Хорошо. Сейчасъ иду. А потомъ и поѣдемъ, — сказалъ онъ.

Я никогда не слыхалъ Керенскаго и только слышалъ восторженные отзывы о его рѣчахъ и о силѣ его ораторскаго таланта. Можетъ быть, потому я слишкомъ много ожидалъ отъ него. Можетъ быть, онъ сильно усталъ и не приготовился, но его рѣчь, произнесенная передъ людьми, которыхъ онъ хотѣлъ вести на Петроградъ, была во всѣхъ отношеніяхъ слаба. Это были истерическіе выкрики отдѣльныхъ, часто не имѣющихъ связи между собою фразъ. Все тѣ же избитыя слова, избитые лозунги. «Завоеванія революціи въ опасности». «Русскій народъ самый свободный народъ въ мірѣ». «Революція совершилась безъ крови — безумцы большевики хотятъ полить ее кровью». «Предательство передъ союзниками» — и т. д. и т. д.

Донцы слушали внимательно, многіе, затаивъ дыханіе, восторженно, съ раскрытыми ртами. Сзади въ двухъ, трехъ мѣстахъ раздались крики: — «неправда! Большевики не этого хотятъ!» Кричалъ злобный круглолицый урядникъ Амурскаго полка.

Когда Керенскій кончилъ, раздались довольно жидкіе апплодисменты. И сейчасъ же раздался полный ненависти голосъ урядника-амурца.

— Мало кровушки нашей солдатской попили! Товарищи! передъ вами новая Корниловщина! Помѣщики и капиталисты!..

— Довольно!.. Будетъ!.. Остановите его... — кричали изъ переднихъ рядовъ.

— Нѣтъ, дайте сказать!.. Товарищи! насъ обманываютъ... Это дѣло замышляется противъ народа...

Я послалъ вывести оратора и уговорилъ уйти Керенскаго.

Керенскій торопился ѣхать на станцію, но оттуда передавали, что нѣтъ еще вагона.

Толпа у дома, гдѣ былъ Керенскій становилась гуще. Офицеры мнѣ передавали, что настроеніе ея далеко не дружелюбное и не совѣтовали отправлять Керенскаго безъ конвоя. Я вышелъ на улицу. Стояли какія-то дамы съ цвѣтами.

— Что, скоро выйдетъ Керенскій? — спросили онѣ. — Ахъ, я никогда не видала Керенскаго! Попросите его поговорить съ толпой.

— Большевики за дѣло стоятъ, — говорили въ толпѣ. — Солдату что нужно? — миръ, а онъ опять о войнѣ завелъ шарманку, — говорили солдаты.

— Схватить его и предоставить Ленину, — вотъ и все.

— А казаки?

— Казаки ничего не сдѣлаютъ.

Я вызвалъ со станціи конный взводъ 9-го Донского полка для конвоированія автомобиля и приказалъ на станціи выставить почетный караулъ. Около перваго часа пополудни мы поѣхали на станцію.

Почетный караулъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ былъ великолѣпенъ. Вр. командующій полкомъ, войсковой старшина Лаврухинъ (командиръ полка, полковникъ Короченцовъ заболѣлъ дипломатическою болѣзнью) постарался. Громадная сотня была отлично одѣта. Шинели сверкали георгіевскими крестами и медалями. На привѣтствіе Керенскаго она дружно гаркнула: — «здравія желаемъ, господинъ верховный главнокомандующій», а потомъ прошла церемоніальнымъ маршомъ, тщательно отбивая шагъ. Толпа, стоявшая у вокзала, притихла. Вагонъ явился, какъ изъ-подъ земли, и комендантъ станціи объяснялъ свою медлительность тѣмъ, что онъ хотѣлъ подать «для господина Верховнаго Главнокомандующаго салонъ-вагонъ» и стѣснялся дать этотъ потрепанный микстъ.

Мы сѣли въ вагонъ, я отдалъ приказаніе двигать эшелоны. Паровозы свистятъ, маневрируютъ. По путямъ ходятъ солдаты Островскаго гарнизона, число ихъ увеличивается, а мы все стоимъ, насъ никуда не прицѣпляютъ и никуда не двигаютъ.

Я вышелъ и пригрозилъ расправой. Полная угодливость въ словахъ и никакого исполненія.

Командиръ Енисейской сотни, есаулъ Коршуновъ, начальникъ моего конвоя, служилъ когда-то помощникомъ машиниста. Онъ взялся провезти насъ, сталъ на паровозъ съ двумя казаками и дѣло пошло.

Все было ясно. Добровольно никто не хотѣлъ исполнять приказанія Керенскаго, такъ какъ неизвѣстно чья возьметъ; «примѣните силу и у насъ явится оправданіе, что мы дѣйствовали не по своей волѣ».

Зная настроеніе Псковскаго гарнизона и то, что, конечно, изъ Острова уже дали знать въ Псковъ, что съ казаками ѣдетъ Керенскій, я приказалъ Коршунову вести поѣздъ, нигдѣ не останавливаясь, набрать воды передъ Псковомъ, и Псковъ пассажирскій, и Псковъ товарный проскочить полнымъ ходомъ — и не напрасно.

Наконецъ около трехъ часовъ пополудни мы тронулись.

На станціи Черской остановка. Начальникъ военныхъ сообщеній, генералъ Кондратьевъ, ожидалъ насъ, онъ просилъ пропустить его къ Керенскому. Я присутствовалъ при разговорѣ. Керенскій накричалъ на него за промедленіе съ эшелонами. Полная угодливость со стороны Кондратьева.

Керенскій продиктовалъ ему, какія части должны быть направлены въ первую очередь, рѣчь шла о цѣлой арміи. Кондратьевъ почтительно кланялся.

Мнѣ и полковнику Попову, бывшему со мной въ одномъ купэ, это показалось хорошей примѣтой. Значитъ, Черемисовъ пойдетъ съ Керенскимъ — рѣшили мы.

На станціи Псковъ громадная, въ нѣсколько тысячъ, толпа солдатъ. Наполовину вооруженная. При приближеніи поѣзда она волнуется, подвигается ближе. Я стою на площадкѣ; у паровоза Коршуновъ и его лихіе енисейцы; поѣздъ ускоряетъ ходъ и станція, забитая сѣрыми шинелями, уплываетъ за нами.

Въ вагонахъ на рѣдкихъ остановкахъ слышны пѣсни. Раздаютъ запоздалый ужинъ. Пахнетъ казачьими щами. Слышна передобѣденная молитва: «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ». Никакихъ агитаторовъ. Все идетъ хорошо.

Со встрѣчнымъ Петроградскимъ поѣздомъ прибыли офицеры, бывшіе въ Петроградѣ. Сотникъ Карташовъ подробно докладываетъ мнѣ о томъ, какъ юнкера обороняютъ Зимній дворецъ, о настроеніи гарнизона, колеблющагося, не знающаго на чью сторону стать, держащаго нейтралитетъ. Въ купэ входитъ Керенскій.

— Доложите мнѣ, поручикъ, — говоритъ онъ, это очень интересно, — и протягиваетъ руку Карташову. Тотъ вытягивается, стоитъ смирно и не даетъ своей руки.

— Поручикъ, я подаю вамъ руку, внушительно заявляетъ Керенскій.

— Виноватъ, господинъ верховный главнокомандующій, — отчетливо говоритъ Карташовъ, — я не могу подать вамъ руки. Я — Корниловецъ!

Краска заливаетъ лицо Керенскаго. Онъ пожимается и выходитъ изъ купэ.

— Взыщите съ этого офицера — на ходу кидаетъ онъ мнѣ...

Поѣздъ мчится, прорѣзая мракъ холодной, тихой сентябрьской ночи. Проѣхали, не останавливаясь, Лугу... Приближаемся къ Гатчинѣ. Всюду тишина. Смолкли казачьи пѣсни. Но безпрерывное движеніе поѣзда вселяетъ почему-то увѣренность въ успѣхѣ.

Я задремалъ. Дверь купэ распахнулась. Я открываю глаза. Въ дверяхъ Керенскій и съ нимъ политическій комиссаръ, капитанъ Кузьминъ.

— Генералъ, — торжественно говоритъ мнѣ Керенскій. — Я назначаю васъ командующимъ арміей, идущей на Петроградъ; поздравляю васъ, генералъ!..

И перемѣнивши тонъ, добавляетъ обыкновеннымъ голосомъ:

— У васъ не найдется полевой книжки? Я напишу сейчасъ объ этомъ приказъ.

Я молча подаю ему свою книжку. Онъ выходитъ. Командующій арміей, идущей на Петроградъ! Идетъ пока, считая синицу въ рукахъ — шесть сотень 9-го полка и четыре сотни 10-го полка. Слабаго состава сотни, по 70 человѣкъ. Всего 700 всадниковъ — меньше полка нормальнаго штата. А если намъ придется спѣшиться, откинуть одну треть на коноводовъ — останется боевой силы всего 466 человѣкъ — двѣ роты военнаго времени!!..

Командующій арміей и двѣ роты!

Мнѣ смѣшно... Игра въ солдатики! Какъ она соблазнительна съ ея пышными титулами и фразами!!!..

Блѣдное утро смотритъ въ окно. Сѣрый тоскливый осенній день. Станціонная постройка, выкрашенная красной краской. Мокрая рябина, покрытая гроздьями спѣлыхъ, хваченныхъ морозомъ ягодъ. Мы стоимъ на Гатчино товарной...

XVIII

«Взятіе» Гатчины

Въ Гатчино меня ожидало пріятное извѣстіе. Изъ Новгорода прибылъ эшелонъ 10-го Донского полка, двѣ сотни и 2 орудія. Командиръ эшелона, чудный офицеръ, есаулъ Ушаковъ пробился силою, несмотря на всѣ препятствія со стороны желѣзнодорожниковъ. Я приказалъ выгружаться, имѣя цѣлью захватить Гатчино врасплохъ. Въ полутьмѣ ранняго утра вышли сотни 9-го и 10-го полковъ и артиллерія. Я послалъ развѣдку въ городъ, а самъ съ сотнями выдвинулся на Петербургское шоссе. Офицеры, сопровождавшіе Керенскаго, четыре человѣка, въ какой-то придорожной чайной устроили чай для Керенскаго.

Въ Гатчино тихо. Гатчино спитъ. Развѣдка донесла, что на Балтійской желѣзной дорогѣ выгружается рота, только-что прибывшая изъ Петрограда, и матросы. Посылаю туда сотни и самъ ѣду съ ними. Казаки со всѣхъ сторонъ забѣгаютъ къ станціи. Видно, какъ рота выстраивается на перронѣ. Кругомъ ходитъ публика, желѣзнодорожные служащіе. Рота стоитъ развернутымъ строемъ, представляя собою громадную мишень. Я приказываю снять одно орудіе съ передковъ и ставлю его на путяхъ. Отъ пушки до роты не болѣе тысячи шаговъ. Человѣкъ восемь казаковъ Енисейской сотни съ тѣмъ же молодцомъ Коршуновымъ бѣгутъ къ ротѣ. Короткій разговоръ и рота сдаетъ ружья. Это рота Л. Гв. Измайловскаго полка и команда матросовъ.

Ко мнѣ ведутъ офицеровъ. Безусые растерянные мальчики.

— Господа, какъ вамъ не стыдно! — говорю я имъ.

Молчатъ. Тупо смотрятъ на меня, сами видимо не понимаютъ, что произошло.

— Вы пошли противъ Временнаго Правительства, — возвышая голосъ говорю я. — Вы измѣнили Родинѣ. Я повѣсить васъ долженъ.

Лица блѣднѣютъ.

— Господинъ генералъ, — лепечетъ одинъ изъ нихъ, мы не шли противъ Временнаго Правительства.

— Куда же вы шли?

— Мы шли... Мы шли въ Гатчино... Охранять Гатчино отъ... отъ разграбленія.

Что я буду дѣлать съ плѣнными? Ихъ 360 человѣкъ, а въ моихъ трехъ сотняхъ едва наберется 200!

Обезоруживши ихъ, я отпускаю ихъ на всѣ четыре стороны. Мнѣ ихъ некуда дѣвать и некѣмъ охранять. Когда еще придетъ 37-ая пѣхотпая и 1-ая кавалерійская дивизіи, когда еще подойдетъ XVII армейскій корпусъ. Да и придутъ ли?

Какая опасность отъ этихъ людей?

— Мы можемъ ѣхать обратно? — спрашиваютъ солдаты.

— Поѣзжайте и скажите вашимъ товарищамъ, чтобы они не глупили, говорю я имъ.

— Да мы что! Мы ничего! — добродушно заявляютъ солдаты. — Намъ что прикажутъ, мы то и дѣлаемъ.

Ко мнѣ подъѣзжаетъ казакъ. Варшавская станція занята казаками. Взята въ плѣнъ рота и 14 пулеметовъ. Что прикажете дѣлать съ плѣнными?..

— Обезоружить и отпустить!

Ихъ некуда было дѣвать и прятать, ихъ нечѣмъ было кормить, потому что базы и тыла у насъ не было. Отправлять въ Лугу? — но отношеніе Луги къ намъ неизвѣстно. Посылать въ Псковъ? — но Псковъ явно враждебенъ къ намъ. Оставалось распускать ихъ, надѣясь, что они распылятся, разойдутся по своимъ деревнямъ, на нѣсколько дней станутъ безопасны. А тамъ подойдетъ XVII корпусъ и можно будетъ ихъ, или снова мобилизовать, или, если будетъ надо, посадить за проволоку.

Ясно было, что Гатчино обороняться не будетъ. Я еще отдавалъ на площади передъ Балтійской станціей приказанія, когда мнѣ доложили, что Керенскій уже находится въ Гатчинскомъ дворцѣ и требуетъ меня для распоряженій.

Я нашелъ его въ одной изъ квартиръ Запасной половины. Съ нимъ его адъютанты — молодые люди, капитанъ Свистуновъ, комендантъ дворца, капитанъ Кузьминъ и какія-то двѣ молодыя, нарядно одѣтыя, красивыя женщины. Онѣ закусывали. Обстановка была не для серьезнаго разговора и я увелъ Керенскаго въ другую комнату. Онъ настаивалъ на немедленномъ движеніи дальше. Но съ кѣмъ? Было у меня три сотни и 2 орудія. Гатчино спокойно, но кто знаетъ, каково будетъ настроеніе ея частей, когда они увидятъ, что мы уйдемъ и насъ слишкомъ мало. Даже на разъѣзды не хватитъ!

— Но вы сами видите, что сопротивленія никакого не будетъ. Петроградскій гарнизонъ на нашей сторонѣ, — сказалъ Керенскій.

Я, однако, отказался идти въ разбродъ. Надо было дождаться подхода остальныхъ эшелоновъ, хотя бы своихъ, послать разъѣзды къ Царскому, Красному и Петергофу и всѣми возможными способами выяснить, что

дѣлается въ Петроградѣ. Оттуда непрерывно прибывали юнкера и офицеры, бѣжавшие отъ большевиковъ, было много частныхъ лицъ, которые всѣ допрашивались мною. Моя жена жила въ Царскомъ Селѣ у подруги моего дѣтства, жены одного артиллерійскаго генерала, мнѣ удалось связаться съ нею городскимъ телефономъ и получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Царскомъ. Всѣ полученныя донесенія сводились къ слѣдующему:

Въ Царскомъ спокойно. Къ вечеру съ великими трудами удалось собрать двѣ роты, одна пошла къ Гатчино, другая къ Красному Селу. Шли въ безпорядкѣ, въ разбродъ.

Въ Петроградѣ идетъ борьба между большевиками и Правительствомъ. На сторонѣ большевиковъ матросы, которыхъ считаютъ до пяти тысячъ и вооруженные рабочіе. На сторонѣ Правительства только юнкера. По существу, Правительства нѣтъ. Оно разсѣялось и никакихъ распоряженій не отдаетъ, но въ Городской думѣ засѣдаетъ какой-то «Комитетъ спасенія Родины и Революціи», который организуетъ борьбу съ большевиками и ведетъ агитацію въ частяхъ Петроградскаго гарнизона. Солдаты держатся пассивно. Никакого желанія выходить изъ города и воевать. Были случаи, что солдатскіе патрули обезоруживались женщинами на улицѣ. Преображенскій и Волынскій полки будто бы рѣшили выступить противъ большевиковъ, какъ только мы подойдемъ къ Петрограду. 1-й, 4-й и 14-й Донскіе полки собираются выступить къ намъ навстрѣчу, къ Пулково, и идти съ нами. Ихъ убѣждаетъ сдѣлать это совѣтъ союза казачьихъ войскъ, который очень энергично работаетъ. Этотъ совѣтъ непрерывно снабжалъ меня донесеніями. Отъ 1-го Донского казачьяго полка пріѣхала даже делегація. Я ее принялъ. Три казака весьма подлаго вида. Косятся, выспрашиваютъ, производятъ впечатлѣніе развѣдчиковъ нашихъ настроеній, а не переговорщиковъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Нашъ донской комитетъ, руководимый доблестнымъ и прекраснымъ офицеромъ, подъесауломъ Ажогинымъ, обрушился на нихъ, говоря имъ, что они позорятъ казачье имя, что имъ нельзя будетъ вернуться на Донъ. Они отмалчивались, но уходя заявили — какой же это демократическій комитетъ, когда въ него допущены офицеры?..

Но были свѣдѣнія и менѣе оптимистическія. Они говорили, что Петроградскій гарнизонъ ничто — съ нимъ и сами большевики не считаются. Онъ не выступитъ ни на чьей сторонѣ и ничего дѣлать не будетъ. Опора большевиковъ матросы и красногвардейцы — то-есть вооруженные рабочіе, которыхъ будто бы больше ста тысячъ. Рабочіе очень воинственно настроены и хорошо сорганизованы. Изъ Кронштадта въ Неву пришла «Аврора» и нѣсколько миноносцевъ. Большевистскіе вожди распоряжаются съ подавляющей энергіей и организуютъ все новые полки при полномъ бездѣйствіи Правительства и властей. Верховскій, Полковниковъ и все военное начальство находится въ состояніи растерянности и лавируетъ такъ, чтобы сохранить свое положеніе при всякомъ правительствѣ.

Я это видѣлъ и въ Гатчино. Въ Гатчино находилась школа прапорщиковъ. Почти батальонъ молодыхъ людей отнюдь не большевистскаго настроенія. Но начальство ея выступить съ нами отказалось. Самое больше, что они могли взять на себя — это поставить заставы на дорогахъ и наблюдать за внутреннимъ порядкомъ въ городѣ. Офицеры авіаціонной школы всѣ были съ нами, но боялись своихъ солдатъ и могли только дать два аэроплана, которые полетѣли въ Петроградъ разбрасывать мои

приказы «командующаго арміей, идущей на Петроградъ» и воззванія Керенскаго.

Эшелоны съ войсками приходили туго. Пришло еще двѣ сотни 9-го Донского полка и пулеметная команда, полъ-сотни 1-го Амурскаго полка и совершенно мнѣ ненужный штабъ Уссурійской конной дивизіи.

— А гдѣ Нерчинцы? — спросилъ я у генерала Хрещатицкаго.

— Главкосѣвъ Черемисовъ оставилъ ихъ въ Псковѣ для охраны штаба фронта, — отвѣчалъ Хрещатицкій.

— Да вѣдь вы получили категорическое приказаніе отправить ихъ въ Гатчино.

— Главкосѣвъ приказалъ командиру полка и они высадились, — отвѣчалъ начальникъ дивизіи.

Въ распоряженія Керенскаго и мои вмѣшивались сотни лицъ. Ставка— Духонинъ — бездѣйствовала, была парализована. Изъ Ревеля примчался ко мнѣ офицеръ и передалъ мнѣ, что начальникъ гарнизона отмѣнилъ погрузку 13-го и 15-го Донскихъ полковъ «впредь до выясненія обстановки». Ни 37-й пѣхотной, ни 1-й кавалерійской дивизій, ни частей XVII корпуса не было видно на горизонтѣ. Тщетно справлялся я по всѣмъ телеграфамъ Николаевской дороги. Никакихъ эшелоновъ на сѣверъ не шло. Приморскій полкъ въ Витебскѣ отказался исполнить мой приказъ.

Таково было отношеніе начальства — именно начальства, — то-есть Черемисова въ Псковѣ, начальника гарнизона въ Ревелѣ, Духонина въ Ставкѣ, командира XVII корпуса и начальниковъ дивизій, 37-й пѣхотной и 1-й кавалерійской, къ выступленію большевиковъ. Никто не пошелъ противъ нихъ.

Отозвалась только Луга; — 1-й осадный полкъ въ составѣ 800 человѣкъ рѣшилъ идти на помощь Керенскому и погрузился въ Лугѣ. Да уже ночью ко мнѣ пришелъ отличный офицеръ, капитанъ Артифексовъ, котораго я зналъ по службѣ въ 1-мъ Сибирскомъ полку, командовавшій теперь броневымъ дивизіономъ въ Рѣжицѣ, и обѣщалъ придти ко мнѣ на помощь со своими броневыми машинами.

Разъѣздъ, шедшій на Пулково, встрѣтилъ застрявшій броневикъ «Непобѣдимый» и не долго думая атаковалъ его. Команда «Непобѣдимаго» бѣжала и онъ достался намъ. Въ авіаціонной школѣ нашлись офицеры добровольцы, которые взялись исправить броневикъ и составить его команду. Къ 11-ти часамъ вечера онъ былъ доставленъ на дворъ Гатчинскаго дворца и офицеры принялись его чинить.

Къ вечеру 27-го Октября я имѣлъ: 3 сотни 9-го Донского полка, 2 сотни 10-го Донского полка, 1 сотню 13-го Донского полка, 8 пулеметовъ и 16 конныхъ орудій. То-есть, моихъ людей едва хватало на прикрытіе артиллеріи. Всего казаковъ у меня было, считая съ Енисейцами — 480 человѣкъ, а при спѣшиваніи — 320.

Идти съ этими силами на Царское Село, гдѣ гарнизонъ насчитывалъ 16.000, и далѣе на Петроградъ, гдѣ было около 200.000, — никакая тактика не позволяла; это было бы не безумство храбрыхъ, а просто глупость. Но гражданская война — не война. Ея правила иныя, въ ней — рѣшительность и натискъ все; взялъ же Коршуновъ съ 8-ю енисейцами въ плѣнъ полторы роты съ пулеметами. Обычаи и настроеніе Петроградскаго гарнизона мнѣ были хорошо извѣстны. Ложатся поздно, долго гуляютъ

по трактирамъ и кинематографамъ, за то и утромъ ихъ не поднимешь — захватъ Царскаго на разсвѣтѣ, когда силы не видны, казался возможнымъ; занятіе Царскаго и наше приближеніе къ Петрограду должно было повліять морально на гарнизонъ, укрѣпить положеніе борющихся противъ большевиковъ и заставить перейти на нашу сторону гарнизонъ. Вѣдь — опять-таки думалъ я — идетъ не царскій генералъ Корниловъ, но соціалистическій вождь — демократъ Керенскій, вчерашній кумиръ солдатской толпы, идетъ за то же Учредительное Собраніе, о которомъ такъ кричали солдаты...

Я собралъ комитеты. Въ этой подлой войнѣ они мнѣ были нужны для того, чтобы и то, что у меня было, не развалилось. Высказалъ свои соображенія. Казаки вполнѣ согласились со мною.

На 2 часа утра 28-го Октября было назначено выступленіе.

XIX

«Взятіе» Царскаго Села

Въ 2 часа мнѣ доложили, что отрядъ готовъ. На площади передъ дворцомъ въ резервной колоннѣ стоялъ казачій полкъ, батареи вытянулись по улицѣ. Я объѣхалъ ряды. Все было въ порядкѣ. Головная сотня по моему приказанію вытянулась впередъ, бойко застучали копытами по грязному шоссе лошади дозорныхъ казаковъ. За второю отъ головы сотнею потянулись громыхая казачьи пушки. Гатчино притаилось. Нигдѣ ни огонька, нигдѣ не свѣтится ни одна щель ставни. Врядъ ли спала она въ эту тревожную ночь, когда быстро стучали конскія копыта по камнямъ и тяжело гремѣли и звенѣли пушки?

Было темно. Я попробовалъ вести отрядъ перемѣнными аллюрами, но батареи отставали — пришлось идти шагомъ. Отошли четыре версты, остановились, слѣзли, подтянули подпруги и пошли дальше. Въ восьми верстахъ отъ Гатчино, — не доходя деревни Романова, остановились. Въ чемъ дѣло?

Впереди застава — рота стрѣлковъ. Не пропускаетъ. Что же дѣлаетъ? — Разговариваетъ.

Прорысилъ мимо меня дивизіонный комитетъ съ подъесауломъ Ажогинымъ. Такая «война» была мнѣ противна, но при малыхъ моихъ силахъ приходилось покоряться: — она была выгодна для меня.

Разговоры затягиваются, время идетъ. Близокъ разсвѣтъ. Я командую: — «шагомъ маршъ» и ѣду къ заставѣ. На срединѣ шоссе три офицера стрѣлка и нѣсколько солдатъ.

— Сдавайтесь, господа, говорю я имъ ласково.

— Уже сдаютъ винтовки, говоритъ мнѣ командиръ головной сотни.

Мы ѣдемъ дальше. Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ видна выстраивающаяся рота безъ оружія. Съ поля, изъ наскоро нарытаго окопа подходятъ люди, несутъ и отдаютъ казакамъ винтовки. Путь свободенъ.

— Куда прикажете вести людей? — спрашиваетъ меня офицеръ стрѣлокъ.

— Оставайтесь въ деревнѣ до обѣда, отдохните, а послѣ обѣда идите домой, въ Царское Село...

Не разстрѣливать же ихъ поголовно? А другого исхода не было. Или на волю, или перестрѣлять.

Въ мутномъ свѣтѣ наступающаго хорошаго солнечнаго дня показалось Царское Село. Опять остановка. Дорогу преграждаетъ цѣпь. Солдатъ много. Не меньше батальона (800 человѣкъ). Раздаются рѣдкіе выстрѣлы. Заставы мои прижались за домами деревни Перелѣсино. Наступаетъ психологическій моментъ — отъ него зависитъ все дальнѣйшее. Я приказываю спѣшить двѣ головныя сотни и выѣхать на позицію тремъ батареямъ. Остальнымъ сотнямъ ихъ прикрывать. Самъ ѣду къ цѣпямъ.

Огонь со стороны стрѣлковъ усиливается. Трещитъ пулеметъ, но все-таки это не настоящій огонь батальона. Или у нихъ мало патроновъ, или они не хотятъ стрѣлять. Я приказываю энергично наступать, а артиллеріи открыть огонь по казармамъ. Тамъ, подлѣ казармъ живетъ моя жена — это знаютъ многіе казаки и офицеры, бывавшіе у нея тогда, когда мы стояли въ Царскомъ. Командиръ батареи деликатно бьетъ на высокихъ разрывахъ. Казармы Царскаго окутываются дымками шрапнелей. Но цѣпи не отходятъ. Идти впередъ? Но насъ до смѣшного мало. Продвигаясь впередъ, мы попадаемъ подъ обстрѣлъ съ обоихъ фланговъ.

Опять выручаютъ Енисейцы. Коршуновъ ведетъ ихъ — всего 30 человѣкъ — въ обходъ.

И цѣпи стрѣлковъ отходятъ. Мы продвигаемся за Перелѣсино. Видны въ концѣ шоссе ворота Царскосельскаго парка. Тамъ все кишитъ людьми. Весь гарнизонъ столпился у воротъ. Если они откроютъ дружный огонь по насъ, то моихъ казаковъ смететъ такъ же, какъ смела 111-ая пѣхотная дивизія моихъ Кубанцевъ. Но они не стрѣляютъ. Похоже, что тамъ митингъ. Дивизіонный комитетъ садится на лошадей и ѣдетъ впередъ. По нему раздается пять, шесть выстрѣловъ. Онъ, не обращая вниманія, ѣдетъ дальше Кучка въ 9 всадниковъ быстро приближается къ толпѣ. Отъ толпы отдѣляется нѣсколько человѣкъ.

Разговоры...

Октябрьское солнце поднимается на блѣдномъ небѣ. Серебрится роса на рыжей травѣ и кочкахъ болота, блестятъ дощатыя крыши домовъ, ярко сверкаютъ зеленые купола Софійскаго собора. День настаетъ, а они все разговариваютъ. Это надо кончить. Я сажусь на свою громадную лошадь и въ сопровожденіи адъютанта, ротмистра Рыкова, и двухъ вѣстовыхъ галопомъ ѣду туда.

Комитетъ окруженъ офицерами стрѣлками. Идутъ разговоры. Или они стараются выиграть время, ожидая помощи (конечно моральной — физической силы у нихъ было слишкомъ достаточно) изъ Петрограда, или сами не знаютъ, что дѣлать.

— Господа, — говорю я имъ. — Не нужно кровопролитія. Сдавайте оружіе и расходитесь по домамъ.

Офицеры соглашаются со мною и идутъ уговаривать стрѣлковъ. Но между стрѣлками расколъ. Часть — около полка — густой колонной отдѣляется впередъ и идетъ къ намъ, чтобы сдать ружья. Но другая часть бѣжитъ въ цѣпь по опушкѣ парка, стараясь отхватить насъ. Я и комитетъ отъѣзжаемъ къ цѣпямъ.

Въ цѣпяхъ разговариваетъ съ казаками статный, красивый человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ выправкой отличнаго спортсмена въ полувоенномъ платьѣ,

съ амуницiей и биноклемъ. Съ нимъ какiе-то два молодыхъ человѣка и офицеръ-казакъ.

— Савинковъ, говоритъ онъ мнѣ.

Мы здороваемся. Савинковъ распрашиваетъ про обстановку.

— Что вы думаете дѣлать? спрашиваетъ онъ меня.

— Идти впередъ, говорю я. — Или мы побѣдимъ, или погибнемъ; но если пойдемъ назадъ, погибнемъ навѣрно.

Савинковъ соглашается со мною. Онъ говоритъ мнѣ нѣсколько словъ по поводу того, какъ лестно обо мнѣ и любовно отзывались казаки.

Революцiонеръ и царскiй слуга!

Какъ все это странно!?

Сзади изъ Гатчины подходитъ нашъ починенный броневикъ, за нимъ мчатся автомобили — это Керенскiй со своими адъютантами и какими-то нарядными экспансивными дамами.

— Въ чемъ дѣло, генералъ? отрывисто обращается онъ ко мнѣ. — Почему вы ни о чемъ мнѣ не доносили? Я сидѣлъ въ Гатчинѣ, ничего не зная.

— Доносить было не о чемъ, говорю я. — Все торгуемся.

И я докладываю ему обстановку.

Керенскiй въ сильномъ нервномъ возбужденiи. Глаза его горятъ. Дамы въ автомобилѣ, и ихъ видъ праздничный, отзывающiй пикникомъ, такъ неумѣстенъ здѣсь, гдѣ только-что стрѣляли пушки. Я прошу Керенскаго уѣхать въ Гатчино.

— Вы думаете, генералъ? щурясь говоритъ Керенскiй. — Напротивъ, я поѣду къ нимъ. Я уговорю ихъ.

Я приказываю Енисейской сотнѣ сѣсть на лошадей и сопровождать Керенскаго, ѣду и самъ.

Керенскiй врѣзается въ толпу колеблющихся солдатъ, стоящихъ въ двухъ верстахъ отъ Царскаго Села. Автомобиль останавливается. Керенскiй становится на сидѣнье и я опять слышу проникновенный, истеричный голосъ. Осеннiй вѣтеръ схватываетъ слова и несетъ ихъ въ толпу, отрывистыя, тусклыя, уже никому ненужныя, желтыя и поблекшiя, какъ осеннiе листья.

...Завоеванiя революцiи... Ударъ въ спину... Нѣмецкiе наемники и предатели!..

Казаки енисейцы въѣзжаютъ въ толпу и силой отбираютъ винтовки. Сзади подъѣхалъ нашъ грузовикъ и гора винтовокъ растетъ на немъ.

Обезоруженные солдаты сконфуженно идутъ прямо полемъ къ казармамъ. Но тамъ, у воротъ Царскаго настроенiе иное. Тамъ кто-то распоряжается. Цѣпи выходятъ изъ парка, они учуяли нашу малочисленность и стараются окружить насъ. Съ моего праваго фланга тревожныя донесенiя. На него изъ Павловска наступаютъ пѣпи и оттуда стрѣляетъ батарея.

Я прошу Керенскаго отъѣхать назадъ и вызываю взводъ Донской батареи; той самой батареи, которая не разъ выручала меня въ тяжелыя минуты въ настоящей войнѣ. Донскiя пушки становятся на шоссе въ какой-нибудь верстѣ отъ цѣпей и громаднаго скопища солдатъ у воротъ Царскосельскаго парка. Молодцовъ артиллеристовъ можно перестрѣлять, какъ куропатокъ. Я и енисейцы отъѣзжаемъ въ боковыя улички предмѣстья.

Наступаетъ томительная тишина. И вдругъ — тахъ, тахъ, тахъ, — затрещали ружья по нашему лѣвому флангу.

— Первое!.. — раздалась команда, — пли!

И за первой, почти сливаясь, ударила вторая пушка. И затихла. Два бѣлыхъ мячика разрыва отчетливо сверкнули надъ самыми головами центральной толпы. И будто слизнули они все это море головъ и блестящихъ штыками винтовокъ. Все стало пусто. Вся эта громадная многотысячная толпа метнулась въ сторону и побѣжала сломя голову къ станціи, наваливаясь въ вагоны и требуя отправки въ Петроградъ.

Казаки стали входить въ Царское.

Въ сумеркахъ Царское было занято. Солдаты гарнизона, не успѣвшіе убѣжать по желѣзной дорогѣ, попрятались въ казармы, отказывались выдать оружіе, но и не предпринимали ничего враждебнаго противъ насъ. Казаки почти безъ сопротивленія овладѣли станціей желѣзной дороги, подошли къ Александровской и заняли радіостанцію и телефонъ.

Побѣда была за нами, но она съѣла насъ безъ остатка.

XX

Въ Царскомъ Селѣ

До часа ночи я оставался на окраинѣ Царскаго Села, устанавливая связь со своими частями. Тактически мнѣ не надо было входить въ Царское. Окруженное громадными парками съ путанными дорожками, представляющее изъ себя множество домовъ, легкихъ для обороны и трудныхъ для атаки, требующее большого гарнизона для наблюденія за порядкомъ — оно было мнѣ не нужно. Но политически нужно было не только войти въ него, но и занять дворцы, сѣсть въ нихъ прочно, выкурить оттуда мѣстныя силы. Царское занято тогда, когда Керенскій будетъ сидѣть во дворцѣ, а я на своей старой штабъ-квартирѣ — въ служительскомъ домѣ дворца Маріи Павловны; безъ этого Царское не повѣритъ, что оно взято, а не повѣритъ Царское — не повѣритъ и Петроградъ. Въ часъ ночи я перешелъ въ центръ Царскаго Села и маленькая горсть казаковъ, всего двѣ сотни. стала на дворѣ дворца Маріи Павловны. Надо было отдохнуть, накормить людей и лошадей, обдумать положеніе.

И опять для того, чтобы продолжить моральную побѣду, надо было идти, не останавливаясь, буде возможно тою же ночью — на Петроградъ.

Хорошо идти? Но съ кѣмъ?

За весь день, 28 Октября, къ намъ подошло три сотни 1-го Амурскаго казачьяго полка, но амурцы заявили, что «въ братоубійственной войнѣ принимать участія не будутъ, что они держатъ нейтралитетъ» и отказались даже выставить заставы для охраны Царскаго Села и смѣнить усталыхъ донцовъ... Они стали въ деревняхъ, не доходя до Царскаго Села.

Тѣ люди, которые шли со мною были сильно утомлены. Они двое сутокъ провели безъ сна въ непрерывномъ нервномъ напряженіи. Лошади отупѣли, не имѣя отдыха. Необходимо было дать передышку. Но мои люди не столько устали физически, сколько истомились въ ожиданіи помощи. Комитеты мнѣ заявили, что казаки до подхода пѣхоты дальше не пойдутъ. Надежда на то, что кто-либо подойдетъ за день и желаніе лучше

выяснить обстановку заставила меня назначить на 29 Октября дневку въ Царскомъ Селѣ.

Офицеры моего отряда — все Корниловцы — возмущались поведеніемъ Керенскаго. Онъ обѣщалъ дать помощь, но онъ не только не даетъ намъ постороннихъ войскъ, но и не можетъ принудить вернуть корпусу части, входящія въ него. Его популярность пала, онъ ничто въ Россіи и глупо поддерживать его. Вѣроятно подъ вліяніемъ разговоровъ съ офицерами и казаками, которые говорили: — пойдемъ съ кѣмъ угодно, но не съ Керенскимъ, ко мнѣ зашелъ Савинковъ и предложилъ мнѣ убрать Керенскаго, арестовать его и самому стать во главѣ движенія.

— Съ вами и за вами пойдутъ всѣ, говорилъ мнѣ Савинковъ.

Но я зналъ, что это было не такъ. Я былъ генералъ, это вопервыхъ. Во-вторыхъ мое отношеніе къ войнѣ и побѣдѣ было слишкомъ хорошо извѣстно солдатскимъ массамъ. Я могъ усмирить солдатское море не изъ Петрограда, а изъ Ставки, ставши Верховнымъ Главнокомандующимъ и отдавши приказъ о немедленномъ перемиріи съ нѣмцами на какихъ угодно условіяхъ. Только такая постановка дѣла могла привлечь на мою сторону солдатскія массы. Но, конечно, на это я не могъ пойти. Да это не спасло бы Россію отъ разгрома. Съ этимъ не согласились бы офицеры и лучшая часть общества. А безъ этого, — безъ мира — сверженіе и арестъ Керенскаго только сдѣлали бы изъ него героя и еще болѣе усилили бы разруху.

Была и еще одна деликатная сторона дѣла. Керенскій явился ко мнѣ искать у меня спасенія и помощи. Я не отказалъ въ ней, я не прогналъ его сразу. Онъ былъ до нѣкоторой степени гостемъ у меня, онъ мнѣ довѣрился и арестовывать его было бы не честно, не благородно, не по-солдатски. Я отвергъ предложеніе Савинкова.

Но съ извѣстными настроеніями казаковъ все-таки приходилось считаться. 9-й Донской казачій полкъ волновался. Ко мнѣ явился войсковой старшина Лаврухинъ, окруженный крайне возбужденными казаками, почти съ требованіемъ немедленно удалить Керенскаго изъ отряда, потому-что казаки ему не вѣрятъ, считаютъ, что онъ идетъ за одно съ большевиками и предаетъ насъ для того, чтобы уничтожить единственныхъ вѣрныхъ Правительству людей, а отчасти мстя за участіе въ походѣ съ Корниловымъ. На мое счастіе въ Царское пріѣхали Станкевичъ и Войтинскій. Я просилъ ихъ поговорить съ казаками и разъяснить имъ всю политическую сторону борьбы и необходимость наступленія на Петроградъ во что бы то ни стало, а самъ отправился къ Керенскому. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось уговорить его переѣхать въ Гатчино, гдѣ отношеніе было лучше, куда прибылъ мой штабъ корпуса, установилъ аппаратъ Юза со Ставкой и откуда онъ могъ скорѣе подать намъ помощь.

Другой моею заботою было усилить до предѣловъ возможнаго свой отрядъ за счетъ Царскосельскаго гарнизона. Неужели изъ 16.000 солдатъ стрѣлковъ не найдется хотя бы одной тысячи, которая согласилась бы пойти съ нами! Я вызвалъ офицеровъ къ себѣ. Они всѣ были противъ большевиковъ и обѣщали повліять на солдатъ. Начались митинги. Но резолюціи были самыя неутѣшительныя. Солдаты обѣщали не вмѣшиваться въ «братоубійственную» войну и держать полный нейтралитетъ. Я и этому долженъ былъ быть радъ, по крайней мѣрѣ не ударятъ въ спину.

Въ Царскомъ Селѣ находилась пулеметная команда 14-го Донского казачьяго полка. Я вызвалъ ея офицеровъ и комитетъ. Явились самые настоящіе большевики. Злые, упорные, тупые, все ненавидящіе. Тщетно и я и чины дивизіоннаго комитета говорили имъ о любви къ Дону, о необходимости согласія всѣхъ казаковъ между собою, о призывѣ отъ совѣта союза казачьихъ войскъ стать на защиту правительства. Напрасно простые казаки комитета, энергично разрушая программу большевистскихъ вождей, говорили: «намъ, господа, казакамъ, съ большевиками никакъ не по пути», — представители 14-го полка уперлись, какъ бараны, что они заодно съ Ленинымъ, что Ленинъ за миръ и категорически отказались помочь.

Весь день прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ. Пришли ко мнѣ помогать нѣсколько человѣкъ юнкеровъ изъ Петрограда, запасная сотня оренбурцевъ Л. Гв. Своднаго казачьяго полка, вооруженная одними шашками и предводительствуемая очень лихимъ юношей, два орудія запасной конной батареи изъ Павловска, наполовину безъ прислуги, отличный блиндированный поѣздъ, да къ вечеру я узналъ, что три сотни 9-го Донского казачьяго полка высадились въ Гатчино. Я послалъ имъ приказаніе спѣшно выступить походомъ къ Царскому Селу.

Итакъ, къ вечеру 29 Октября, мои силы были — 9 сотень, или 630 конныхъ казаковъ, или 420 спѣшенныхъ, 18 орудій, броневикъ «Непобѣдимый» и блиндированный поѣздъ. Если настроеніе Петроградскаго гарнизона такое же, какъ настроеніе гарнизоновъ Гатчины и Царскаго Села — войти въ городъ будетъ возможно... А тамъ? Тамъ это будетъ уже дѣло Керенскаго, Войтинскаго и Станкевича, дѣло комитета спасенія Родины и Революціи, дѣло совѣтовъ союза казачьихъ войскъ, наконецъ, дѣло Савинкова и министровъ организовать гарнизонъ Петрограда и произвести съ помощью его, а не насъ, необходимую чистку города и аресты.

Керенскій, Савинковъ и Станкевичъ настаивали на наступленіи. По ихъ свѣдѣніямъ въ Петроградѣ борьба съ большевиками въ полномъ разгарѣ. Насъ ждутъ, мы должны придти и спасти жителей города и Россію отъ большевистскаго ига. Вечеромъ ко мнѣ явились комитеты 1-й Донской и Уссурійской дивизій. Подъесаулъ Ажогинъ конфузясь и стѣсняясь заявилъ, что казаки отказываются идти на Петроградъ одни, безъ пѣхоты. Если пѣхота не приходитъ — значитъ она вся противъ правительства и идетъ съ большевиками. Намъ однимъ все равно ее не побѣдить. Я горячо началъ возражать имъ. Я говорилъ, что пѣхота сама не знаетъ, чего она хочетъ. Заняли же мы безъ боя Гатчино и Царское? Какъ можемъ мы отказываться идти впередъ, не зная, что будетъ. А если правда, что 1-й, 4-й и 14-й Донскіе полки выйдутъ намъ навстрѣчу, если Преображенцы и Волынцы только и ожидаютъ насъ. Мы должны развѣдать, узнать все и тогда рѣшить. Я самъ понимаю, что девятью сотнями намъ Петрограда не взять, да если бы и взяли, такъ не охранили бы, но къ намъ примкнутъ сотни тысячъ людей; будетъ великимъ позоромъ для нашихъ славныхъ знаменъ, если мы откажемся даже развѣдать.

— Вы меня знаете за всю войну, горячо говорилъ я казакамъ. — Развѣ я водилъ васъ когда-либо очертя голову? Сдѣлаемъ развѣдку, произведемъ усиленную рекогносцировку съ боемъ, а тогда и увидимъ, кто нашъ противникъ. И, если нельзя — то нельзя. Отойдемъ, будемъ обороняться и ждать помощи.

— Не придетъ эта помощь! Всѣ противъ насъ! — съ тоскою сказалъ кто-то изъ казаковъ.

Но комитетъ сдался. — Попробовать надо, раздавались голоса. — Какъ же такъ, безъ развѣдки-то никакъ не возможно. Генералъ правъ...

Разошлись, постановивъ на томъ, что мой приказъ исполнять точно. Я понималъ, что при такомъ настроеніи казаковъ нечего было и думать о серьезномъ боѣ, да и мало было насъ — и отдалъ приказъ объ усиленной рекогносцировкѣ въ направленіи на Пулково.

Всю ночь казачьи заставы перестрѣливались съ матросами у Александровской станціи. Небольшая команда матросовъ прошла къ віадуку, лежащему между Александровской и р. Пудостью и здѣсь обстрѣляла поѣздъ, шедшій съ осаднымъ полкомъ изъ Луги. Солдаты осаднаго полка остановили поѣздъ, частью сдались, частью разбѣжались, куда глаза глядятъ, бросивши свои пушки на платформахъ. Мнѣ стоило большого труда уже своими казаками, офицерами и юнкерами при помощи броневого поѣзда довезти эти пушки обратно въ Гатчино.

Отъ Артифексова — ничего. Позднѣе я узналъ, что его дивизіонъ отказался грузиться въ Рѣжицѣ. Онъ повелъ его походомъ. Но на пути солдаты взбунтовались. Ему пришлось двоихъ застрѣлить изъ револьвера и только этимъ спастись и бѣжать отъ своего дивизіона.

Да... Не везло...

Рано утромъ 30-го, прорвавшійся изъ Петрограда гимназистъ передалъ мнѣ клочокъ бумаги, величиной немного болѣе гербовой марки, на которомъ стоялъ бланкъ совѣта союза казачьихъ войскъ и мелко было написано:

«Положеніе Петрограда ужасно. Рѣжутъ, избиваютъ юнкеровъ, которые «являются пока единственными защитниками населенія. Пѣхотные полки ко- «леблются и стоятъ. Казаки ждутъ, пока пойдутъ пѣхотныя части. Со- «вѣтъ союза требуетъ вашего немедленнаго движенія на Петроградъ. Ваше «промедленіе грозитъ полнымъ уничтоженіемъ дѣтей-юнкеровъ. Не забывайте, «что ваше желаніе безкровно захватить власть — фикція, такъ какъ здѣсь «будетъ поголовное истребленіе юнкеровъ. Подробности узнаете отъ по- «сланныхъ. *

Предсѣдатель А. Михѣевъ.
Секр. Соколовъ».

Я объявилъ эту записку собравшимся казакамъ и казалось поднялъ въ нихъ настроеніе.

XXI

Бой подъ Пулковымъ

Свѣжій осенній день. То солнце, то косой холодный дождь. На западной окраинѣ Царскосельскаго парка въ виду Александровской станціи выстраивается мой отрядъ. У Александровской идетъ рѣдкая перестрѣлка. Я направляю сотню 13-го полка по шоссе на Красное Село на дер.

* Эта записка совершенно случайно сохранилась у меня въ одной изъ моихъ записныхъ книжекъ. Печальный свидѣтель начала кроваваго кошмара.

Сузи, — сотню 9-го полка на Петроградское шоссе на дер. Рѣдкое Кузьмино, полусотню на нижнюю дорогу на Большое Кузьмино въ обходъ Пулково, взводъ на Славянку и къ Колпино. Ушли... и у меня почти никого не осталось. Ожидаю донесеній. Обстановка совсѣмъ какого либо малаго маневра подъ Краснымъ Селомъ. Даже и развѣдка на короткѣ... Не прошло и часа, какъ я получилъ извѣстіе, что сотни остановились. У Сузи и у Кузьмино началась перестрѣлка.

Идемъ на выстрѣлы. Броневой поѣздъ продвигается по Варшавской вѣткѣ къ Петрограду.

Я выѣзжаю въ Кузьмино. По Кузьмину уже свищутъ пули. Приходится слѣзать и идти пѣшкомъ. За мною цѣлая свита, чего я такъ не люблю. Савинковъ не отстаетъ отъ меня, какъ бы рисуясь своимъ нахожденіемъ въ цѣпяхъ. Съ нимъ два какихъ-то штатскихъ, только-что прибывшихъ изъ Петрограда. Мнѣ называютъ ихъ. Кажется, господа Гоцъ и Данъ. Мнѣ эти имена ничего не говорятъ. Я ихъ не знаю, но знаю одно, что имъ не мѣсто въ цѣпяхъ, въ бою и я ихъ подъ разными предлогами удаляю. Помогаетъ мнѣ въ этомъ и все усиливающійся огонь противника. Часто свистящія пули заставляютъ исчезнуть съ поля битвы какихъ-то гимназистовъ-велосипедистовъ, офицера съ двумя барышнями, вышедшими изъ дачъ посмотрѣть на бой. Только мужики и бабы съ ребятишками все не могутъ понять, что это не маневры и никакъ не уходятъ. Офицеры прогоняютъ ихъ.

— Ну чего гонишь то! Эка невидаль. Сколько маневровъ-то тутъ было. Никогда не гоняли. И царь пріѣзжалъ и то не гоняли, — ворчатъ мужики.

Но появляются раненые и настроеніе мѣняется. Рѣдкое Кузьмино пустѣетъ. Постороннихъ никого. Одинъ Савинковъ безстрашно ходитъ по цѣпямъ и смотритъ въ бинокль на Пулково.

Съ окраины дер. Рѣдкое Кузьмино, гдѣ залегли казаки, позиція противника и вся мѣстность до Петрограда видны отлично. За Рѣдкимъ Кузьминымъ глубокій оврагъ, по дну котораго въ осыпяхъ голубой глины течетъ рѣка Славянка. Этотъ оврагъ отдѣляетъ насъ отъ большевиковъ. За оврагомъ небольшая деревушка, потомъ Пулково. Всѣ склоны Пулковской горы изрыты окопами и черны отъ красной гвардіи. Даже на глазъ можно сказать, что тамъ не менѣе пяти, шести тысячъ. Они то разсыпаются въ цѣпи, то сбиваются въ кучи. Густыя, длинныя цѣпи ихъ спускаются внизъ и идутъ къ оврагу. Въ бинокль видно, что это не солдаты. Цѣпи двухъ видовъ. Однѣ въ черныхъ штатскихъ пальто, идутъ неровно, то подаются впередъ, то бѣгутъ назадъ — это красная гвардія. Другія одѣтыя въ черные, короткіе бушлаты, наступаютъ, соблюдая строгое равненіе, быстро залегаютъ, примѣняясь къ мѣстности — это матросы. Красная гвардія въ центрѣ, на Пулковой горѣ, матросы по флангамъ. Три броневика работаютъ по шоссе. Они снабжены пушками и обстрѣливаютъ Рѣдкое Кузьмино. Другой артиллеріи — пока нѣтъ.

Моя сила въ артиллеріи и броневомъ поѣздѣ. Я разставилъ батареи за Рѣдкимъ Кузьминымъ — одну батарею вызвалъ совсѣмъ открыто передъ Рѣдкое Кузьмино и артиллерійскимъ огнемъ держу противника въ почтительномъ отдаленіи. Одинъ изъ нашихъ снарядовъ попалъ подлѣ броневика и видно какъ изъ него убѣжала команда, а броневикъ остался стоять за

дер. Сузи. Кто-то, вѣроятно, начальникъ и распорядитель боя носился въ автомобилѣ по шоссе, но и его остановили на шоссе удачнымъ попаданіемъ...

Слѣва мои пулеметчики перешли въ наступленіе и заставили отойти противника къ деревнѣ Сузи. Мнѣ уже было очевидно, что противникъ рѣшилъ сопротивляться, что однимъ огнемъ артиллеріи его не собьешь, а живой силы, чтобы надавить на него, у меня недостаточно, рекогносцировка дала свои результаты, но я не уходилъ. У меня были другія ожиданія. Громъ пушекъ подъ самымъ Петроградомъ, извѣстіе, что мы деремся подъ Пулково, должны же были какъ-нибудь повліять на Петроградскій гарнизонъ и на донскіе полки, тамъ находящіеся. Если они станутъ на нашу сторону, если въ Петроградѣ произойдетъ возстаніе не однихъ юнкеровъ — Пулково будетъ очищено. Но на это нужно время. Хотя бы до вечера. И до вечера надо драться. Около полудня я получилъ донесеніе, что большая колонна солдатъ — тысячъ до десяти, движется отъ Московскаго шоссе на переѣздъ Варшавской желѣзной дороги, выходя намъ въ тылъ къ Большому Кузьмину. Я послалъ бронепой поѣздъ и тридцать конныхъ казаковъ. Послѣ получаса томительнаго ожиданія донесеніе: колона — Л. Гв. Измайловскій полкъ, въ полномъ составѣ, послѣ первой же шрапнели бѣжалъ въ безпорядкѣ, одинъ офицеръ взятъ въ плѣнъ.

Офицера привели ко мнѣ. Онъ показалъ, что солдаты, услышавши выстрѣлы подъ Пулковымъ выступили въ весьма воинственномъ настроеніи. Но по мѣрѣ того, какъ подходили ближе къ мѣсту боя, настроеніе падало. Онъ съ комиссаромъ полка пошли впередъ, чтобы подать примѣръ. Когда подошелъ поѣздъ, они залегли въ канавѣ. Послѣ перваго выстрѣла комиссаръ выскочилъ изъ канавы и побѣжалъ къ полку съ крикомъ: «спасайся, кто можетъ». Офицеру показалось совѣстно лежать въ канавѣ, онъ пошелъ къ поѣзду и сдался. Полкъ разбѣжался.

Разговоры объ этомъ произвели сильное впечатлѣніе на молодого офицера Л. Гв. Своднаго Казачьяго полка, стоявшаго за неимѣніемъ винтовокъ у его казаковъ въ бездѣйствіи сзади Александровской. Онъ прискакалъ ко мнѣ и просилъ разрѣшить ему атаковать деревню Сузи.

— Погодите, сказалъ я ему. — Еще рано. Вы атакуете вмѣстѣ со всѣми.

Но не понялъ ли онъ меня, или уже очень хотѣлось ему отличиться и потѣшиться надъ большевиками, но не прошло и пяти минутъ, какъ за домами стали мелькать конныя фигуры скачущихъ казаковъ. Ко мнѣ подошелъ полковникъ Поповъ и съ тревогою спросилъ: «вы приказывали атаковать оренбуржцамъ».

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Смотрите, они уже атакуютъ!

Вернуть было невозможно. Сотня оренбургской молодежи съ беззавѣтною лихостью развернулась въ лаву и ринулась на деревню Сузи, занятую матросами.

Мы всѣ вышли изъ-за домовъ слѣдить за нею. Казалось, что вотъ-вотъ она достигнетъ своей цѣли и — кто знаетъ — потрясетъ противника. Правѣе Сузи, внѣ поля атаки, цѣлыя толпы черныхъ фигуръ въ безпорядкѣ кинулись бѣжать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались

на мѣстахъ. Донцы пулеметчики бѣгомъ побѣжали впередъ, чтобы пулеметнымъ огнемъ помочь атакующей части...

Но казаки наткнулись на болотную канаву. Лошади стали вязнуть и атака остановилась. Еще секунда напряженнаго волненія. Видно, какъ подъ выстрѣлами, едва не въ упоръ, падаютъ люди. Командиръ сотни убитъ. И сотня — кто верхомъ, кто, соскочивши съ лошади, пѣшкомъ побѣжала назадъ. Освободившіяся отъ всадниковъ лошади задравши хвосты метались вдоль фронта и падали, сраженныя пулями матросовъ.

Потери сотни были не такъ велики, какъ того можно было ожидать. Убитъ командиръ сотни и около 18-ти казаковъ было ранено, да погибло до сорока лошадей, но морально эта неудачная атака была очень невыгодна для насъ. Она показала стойкость матросовъ. А матросы численно болѣе нежели въ 10 разъ превосходили насъ. Какъ же было бороться при такихъ условіяхъ?

Бой сталъ затихать. Прибывшія изъ Гатчино двѣ сотни 9-го полка съ великою неохотою спѣшивались и вступали въ бой. То та, то другая батарея смолкала. Снаряды были на исходѣ. Патроновъ было мало. Я послалъ за снарядами и патронами въ Царское Село. Но тамъ у артиллерійскаго склада стояла сильная вооруженная команда, которая сказала, что въ виду заявленнаго нейтралитета она никому ни снарядовъ, ни патроновъ не дастъ.

Ко всему этому на Пулковской горѣ матросы установили морское дальнобойное орудіе и начали обстрѣливать мой тылъ, бросая снаряды вдоль шоссе по коноводамъ. Снаряды долетали и до Царскаго Села и падали возлѣ Экономическаго Общества и дворца Великой Княгини Маріи Павловны. Это начало вліять на Царскосельскій гарнизонъ. Во всѣхъ полкахъ собрались митинги.

Царскосельская молодежь, студенты, лицеисты и кадеты, кто верхомъ, кто на велосипедѣ, кто на извощикѣ, все время поддерживали связь со мною, сообщая мнѣ о всемъ, что творится у меня въ тылу. Они безстрашно проникали въ казармы, присутствовали на митингахъ, нѣкоторые даже вступали въ споры, и поставляли меня въ извѣстность о всѣхъ резолюціяхъ Царскосельскаго гарнизона.

Резолюціи были одинаковы: — потребовать отъ казаковъ прекращенія боя съ угрозой, что иначе весь гарнизонъ съ оружіемъ въ рукахъ выйдетъ казакамъ въ тылъ. Эти резолюціи волновали коноводовъ. Обремененные, кто тремя, кто четырьмя лошадьми, они чувствовали себя подъ такою угрозой совсѣмъ плохо.

Смеркалось. Короткій осенній день смѣнялся сумерками ненастной ночи. Моросилъ дождь. Артиллерійскій огонь смолкалъ. Батареи безъ приказа отходили назадъ. Матросы, не сдерживаемые артиллерійскимъ огнемъ, перешли въ наступленіе. Съ большимъ искусствомъ они стали накапливаться на обоихъ флангахъ; не только Большое Кузьмино было занято ими, но они выходили уже па Варшавскую желѣзную дорогу, на царскую вѣтку и приближались къ станціи Царское Село, выходя мнѣ въ тылъ. Пули прорѣзывали деревню Рѣдкое Кузьмино съ трехъ сторонъ. Я приказалъ отойти за полотно Варшавской дороги. Уходилъ я послѣднимъ. У меня болѣла лѣвая нога и я хромая не могъ поспѣвать за быстро уходящими казаками. Матросы уже входили въ Рѣдкое Кузьмино,

непрерывно стрѣляя. Но стрѣляли они плохо. Казаки, укрываясь за домами, перебѣгали отъ дома къ дому, я шелъ съ подъесауломъ Кульгавовымъ и ротмистромъ Рыковымъ прямо по дорогѣ. Пули свистали близко, но ни одна не попала.

Съ трудомъ перелѣзъ я черезъ крутую насыпь желѣзной дороги и прошелъ въ одну изъ ближайшихъ дачъ, чтобы написать приказъ объ отходѣ. Въ ста шагахъ вдоль по насыпи лежала рѣдкая казачья цѣпь. Дальше все Рѣдкое Кузьмино было полно матросами и красногвардейцами. Они подходили уже и къ станціи Александровской, но изъ Рѣдкаго Кузьмина не выходили. Боялись темноты.

Черная непогодливая ночь наступала.

XXII

«Перемиріе» съ большевиками

Въ несуразной обстановкѣ дачной гостиной — дачи, спѣшно покинутой жильцами, при свѣтѣ кухонной чадной лампочки, достанной у дворника, я писалъ приказъ «III конному корпусу». «Усиленная рекогносцировка, произведенная сегодня выяснила то, что... для овладѣнія Петроградомъ считаю нашихъ силъ недостаточно... Царское село постепенно окружается матросами и красногвардейцами... Необходимость выжидать подхода обѣщанныхъ силъ вынуждаетъ меня отойти къ Гатчино, гдѣ занять оборонительное положеніе... для чего: — головной отрядъ и т. д.».

Къ чему я это писалъ? Развѣ что для исторіи. Въ «обѣщанныя силы» никто не вѣрилъ. Онѣ были обѣщаны и имъ послано приказаніе еще 25 Октября, прошло пять дней и никто не подошелъ. Зрѣли планы отсидѣться въ Гатчино за рѣками Пудостью и Ижорой, укрѣпить мосты. А тамъ, что Богъ дастъ. Въ крайности, въ случаѣ нажима непріятеля отходить съ боемъ на Донъ. Лишь бы люди дрались, не измѣнили и не предали.

Командиры полковъ, батарей и сотенъ собирались получить приказанія. Лица хмурыя, недовѣрчивыя, усталыя. Чувствуется глубокое разочарованіе и страшный надрывъ. Тяготитъ и безпокоитъ вопросъ о раненыхъ и убитыхъ. Не бросать же ихъ большевикамъ. Мы видали сегодня утромъ трупы солдатъ осаднаго полка. Они были раздѣты и изуродованы красной гвардіей до неузнаваемости.

Глухою ночью, когда зги не было видно, подошли коноводы къ опушкѣ парка, цѣпи незамѣтно сошли съ насыпи и разошлись по лошадямъ. Я не могъ идти и послалъ за своею лошадью. Долго отыскивали ее, наконецъ, ее подали. Ничего не видно со свѣта.

— Алпатовъ, гдѣ вы? — окликнулъ я. Лошадь узнала мой голосъ и отвѣтила тихимъ ржаніемъ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ Алпатовъ. Я ощупью нашелъ стремя и сѣлъ. Поѣхалъ за полками въ Царское. На штабной квартирѣ никого. Ожидаетъ послѣдній мой автомобиль. Я послалъ его за моей женой: ей уже не безопасно было оставаться въ Царскомъ. Казармы стрѣлковъ ярко освѣщены и въ окнахъ толпятся солдаты. Ни выстрѣловъ, ни криковъ. Насъ пятеро конныхъ ѣдетъ мимо нихъ темными силуетами, мелькая вдоль

парка. «Кто ѣдетъ?» — Молчимъ. Зловѣщая тишина провожаетъ насъ. Въ небѣ не видно звѣздъ. Мелкій надоѣдливый дождь начинаетъ накрапывать.

За Царскимъ Селомъ я пошелъ рысью, нагналъ и сталъ обгонять полки. Шли въ порядкѣ. Пулеметчики 9-го полка шли пѣшкомъ и волокли за собою пулеметы. Коноводы ихъ удрали и не подали имъ лошадей. Но ругали они коноводовъ, а со мною разговаривали безъ озлобленія.

Около часа ночи я былъ въ Гатчино. Керенскій меня ожидалъ. Онъ былъ растерянъ.

— Что же дѣлать, генералъ? спросилъ онъ меня.

— Будетъ помощь? спросилъ я его.

— Да, да, конечно. Поляки обѣщали прислать свой корпусъ. Навѣрно будетъ.

— Если подойдетъ пѣхота, то будемъ и драться и возьмемъ Петроградъ. Если никто не придетъ — ничего не выйдетъ. Придется уходить.

Отдалъ распоряженіе на всѣ дороги къ переправамъ поставить заставы съ артиллеріей, и глубокою ночью прилегъ отдохнуть. Не успѣлъ я заснуть, какъ меня разбудили. У меня полковникъ Марковъ, командиръ артиллерійскаго дивизіона.

— Ваше превосходительство, взволнованно говоритъ онъ, — казаки отказываются идти на заставы и не берутъ снарядовъ. Сказали, что по своимъ больше стрѣлять не будутъ.

— Передайте, что я приказываю разобрать снаряды и выполнить мой боевой приказъ.

Едва ушелъ Марковъ, какъ явился Лаврухинъ и заявилъ, что 9-й Донской полкъ не взялъ патроновъ и не пошелъ на заставы. Гатчино никѣмъ не охраняется.

Наканунѣ вечеромъ пришли двѣ сотни 10-го Донского полка изъ Острова. Я направилъ ихъ на заставы и ожидалъ установки съ ними связи. Рано утромъ поѣхалъ ихъ провѣрить. Въ Гатчино спокойно, но какъ-то сумрачно. Донцы 10-го полка устроили окопы, перекопали шоссе, чтобы броневыя машины не могли подойти, смотрятъ на холодныя воды рѣки Пудости и говорятъ: — никогда красногвардеецъ въ бродъ не пойдетъ, а тутъ удержимъ.

На душѣ стало немного спокойнѣе. Поѣхалъ назадъ уговаривать артиллерію. На дворцовомъ дворѣ, гдѣ стояли казаки, нашелъ толпы казаковъ и среди нихъ матросовъ. Это прибыли переговорщики. Они вели переговоры не отъ себя, а отъ таинственнаго союза желѣзнодорожниковъ «викжеля». «Викжель» уговаривалъ прекратить братоубійственную войну и сговориться миромъ. Онъ угрожалъ въ противномъ случаѣ желѣзнодорожной забастовкой. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія казаковъ. Идея мира на внутреннемъ фронтѣ казалась имъ не менѣе заманчивой, нежели идея мира на фронтѣ внѣшнемъ. Всѣ, даже самые солидные казаки, носились съ этою идеею и находили ее прекрасной. Я вызвалъ комитеты. Говорятъ одно, но думаютъ другое.

«Никогда Донскіе казаки не подпадутъ подъ власть Ленина и Бронштейна»... «Этому не бывать». «Намъ съ большевиками не по пути!»...

И рядомъ съ этимъ: — «отчего не вступить въ мирные переговоры, можетъ быть, до чего-нибудь и договоримся. Что же, развѣ большевики не

люди?» «Они тоже драться не хотятъ». «Это дѣло Керенскаго». «Онъ заварилъ кашу, онъ пускай и расхлебываетъ». «Время протянется, можетъ быть, къ намъ и подойдетъ кто. Тогда со свѣжими силами можно и снова войну начать». «Все одно намъ, однимъ казакамъ, противъ всей Россіи не устоять. Если вся Россія съ ними — что же будемъ дѣлать?»

Тщетно я, Ажогинъ и фельдшеръ Ярцевъ, лихой казакъ, перевязывавшій мнѣ рану, когда меня ранили въ 1915 году въ бою подъ Незвиской, уговаривали и доказывали, что съ большевиками мира быть не можетъ — у казаковъ крѣпко засѣла мысль не только мира съ ними, но и черезъ посредство большевиковъ отправленія домой на Донъ, и съ этимъ уже не было никакой силы бороться. Въ концѣ переговоровъ ко мнѣ пришелъ адъютантъ Керенскаго, онъ просилъ меня, предсѣдателя комитета и начальника штаба придти къ нему на совѣщаніе.

Въ дворцовой гостиной запасной половины Керенскій насъ ожидалъ. Онъ получилъ телеграмму отъ Викжеля повидимому съ ультимативными требованіями сговориться съ большевиками. Съ нимъ былъ капитанъ Кузьминъ и Апаньевъ, членъ совѣта союза казачьихъ войскъ; онъ послалъ за Савинковымъ и Станкевичемъ.

Разговоръ шелъ о высшей политикѣ. Возможно или невозможно примиреніе съ большевиками? Керенскій стоялъ на томъ, что если хотя одинъ большевикъ войдетъ въ правительство, то все пропало, работа станетъ невозможна, Станкевичъ полагалъ, что съ большевиками сговориться все-таки можно, допускъ ихъ къ власти и сознаніе отвѣтственности за эту власть ихъ должно отрезвить, Савинковъ настаивалъ на продолженіи военныхъ дѣйствій, говорилъ, что надо отстояться въ Гатчино, онъ самъ сейчасъ поѣдетъ къ командиру польскаго корпуса Довборъ-Мусницкому, который готовъ драться, Войтинскій поѣдетъ въ Псковъ и Ставку, а разъ явится сила, то можно будетъ сломить большевиковъ.

Я, начальникъ штаба, полковникъ Поповъ, и подъесаулъ Ажогинъ молчали. Образованіе новаго министерства съ большевиками, или безъ нихъ — это было дѣло правительства, а не войска, и насъ не касалось.

На вопросъ, поставленный мнѣ Савинковымъ, можемъ ли мы продержаться нѣсколько дней въ Гатчинѣ, я отвѣтилъ, оцѣнивая позицію у Пудости и Таицъ и боеспособность красной гвардіи — да, можемъ, но, оцѣнивая моральное состояніе казаковъ, отказавшихся брать снаряды и патроны и воевать, конечно, нѣтъ. Перемиріе намъ необходимо, чтобы выиграть время, если за это время къ намъ подойдетъ хотя одинъ батальонъ свѣжихъ войскъ, мы продержимся и боемъ.

Рѣшено было войти въ переговоры о перемиріи съ «викжелемъ». Противъ этого былъ только Савинковъ. Станкевичъ долженъ былъ поѣхать въ Петроградъ искать тамъ соглашенія, или помощи, Савинковъ ѣхалъ за поляками, а Войтинскій въ Ставку просить ударные батальоны.

Но пока шло совѣщаніе начальства, другое совѣщаніе шло у комитетовъ. Прибывшіе матросы парламентеры, безбожно льстя казакамъ и суля имъ немедленную отправку спеціальными поѣздами прямо на Донъ, заявили, что они заключать миръ съ генералами не согласны, а они желаютъ заключить миръ черезъ головы генераловъ съ подлинной демократіей, съ самими казаками.

Казаки явились ко мнѣ. Они просили меня составить имъ текстъ

договора, который они и будутъ отстаивать отъ своего имени, какъ бы игнорируя меня.

Я составилъ текстъ такого содержанія:

— Большевики прекращаютъ всякій бой въ Петроградѣ и даютъ полную амнистію всѣмъ офицерамъ и юнкерамъ, боровшимся противъ нихъ.

— Они отводятъ свои войска къ Четыремъ рукамъ. Лигово и Пулково нейтральны. Наша кавалерія занимаетъ исключительно въ видахъ охраны Царское Село, Павловскъ и Петергофъ.

— Ни та, ни другая сторона до окончанія переговоровъ между правительствами не перейдетъ указанной линіи. Въ случаѣ разрыва переговоровъ о переходѣ линіи надо предупредить за 24 часа.

Съ такими мирными предложеніями наши представители казаки отправились уже поздно вечеромъ 31-го Октября къ большевикамъ.

Керенскій выработалъ свой текстъ, мнѣ неизвѣстный, и съ этимъ текстомъ на большевистскій фронтъ поѣхалъ на автомобилѣ капитанъ Кузьминъ.

Казаки вздохнули свободно. Они вѣрили въ возможность мира съ большевиками.

Совсѣмъ иначе чувствовали себя я и офицеры. Только борьба и побѣда могли сломить большевиковъ.

Вечеромъ изъ Ставки въ Гатчино прибылъ французскій генералъ Ниссель. Онъ долго говорилъ съ Керенскимъ, потомъ пригласили меня. Я сказалъ Нисселю, что считаю положеніе безнадежнымъ. Если бы можно было дать хоть одинъ батальонъ иностранныхъ войскъ, то съ этимъ батальономъ можно было бы заставить Царскосельскій и Петроградскій гарнизоны повиноваться правительству силой. Ниссель выслушалъ меня, ничего не сказалъ и поспѣшно уѣхалъ.

Ночью пришли тревожныя телеграммы изъ Москвы и Смоленска. Тамъ шли кровавые бои и рѣзня офицеровъ и юнкеровъ. Ни одинъ солдатъ не всталъ за Временное Правительство. Мы были одиноки и преданы всѣми . . .

XXIII

Бѣгство Керенскаго. Въ плѣну у большевиковъ

Я не хочу испытывать терпѣніе читателя и потому не передаю многихъ мелкихъ подробностей. Эти дни были сплошнымъ горѣніемъ нервной силы. Ночь сливалась съ днемъ и день смѣнялъ ночь не только безъ отдыха, но даже безъ ѣды, потому-что некогда было ѣсть. Разговоры съ Керенскимъ, совѣщанія съ комитетами, разговоры съ офицерами воздухоплаватeльной школы, разговоры съ солдатами этой школы, разговоры съ юнкерами школы прапорщиковъ, чинами городского управленія, городской думы, писаніе прокламацій, воззваній, приказовъ и пр. и пр. Всѣ волнуются, всѣ требуютъ сказать, что будетъ, и имѣютъ право волноваться, потому-что вопросъ идетъ о жизни и смерти. Всѣ ищутъ совѣта и указаній, а что посовѣтуешь, когда кругомъ стала непроглядная осенняя ночь, кругомъ рѣжутъ, бьютъ, разстрѣливаютъ и вопятъ дикими голосами: — га! мало кровушки нашей попили!

Инстинктивно все сжалось во дворцѣ. Офицеры сбились въ одну комнату, спали на полу, не раздѣваясь, казаки, не разставаясь съ ружьями,

лежали въ коридорахъ. И уже не вѣрили другъ другу. Казаки караулили офицеровъ, потому-что, и не вѣря имъ, все-таки только въ нихъ видѣли свое спасеніе, офицеры надѣялись на меня и не вѣрили и ненавидѣли Керенскаго.

Утромъ, 1-го Ноября, вернулись переговорщики и съ ними толпа матросовъ. Наше перемиріе было принято, подписано представителемъ матросовъ Дыбенко, который и самъ пожаловалъ къ намъ. Громаднаго роста, красавецъ мужчина съ вьющимися черными кудрями, черными усами и юной бородкой, съ большими томными глазами, бѣлолицый, румяный, заразительно веселый, сверкающій бѣлыми зубами, съ готовой шуткой на смѣющемся ртѣ, физически силачъ, позирующій на благородство, онъ очаровалъ въ нѣсколько минутъ не только казаковъ, но и многихъ офицеровъ.

— Давайте намъ Керенскаго, а мы вамъ Ленина предоставимъ, хотите ухо на ухо помѣняемъ! — говорилъ онъ смѣясь.

Казаки вѣрили ему. Они пришли ко мнѣ и сказали, что требуютъ обмѣна Керенскаго на Ленина, котораго они тутъ же у дворца повѣсятъ.

— Пускай доставятъ сюда Ленина, тогда и будемъ говорить, сказалъ я казакамъ и выгналъ ихъ отъ себя. Но около полудня за мной прислалъ Керенскій. Онъ слыхалъ объ этихъ разговорахъ и волновался. Онъ просилъ, чтобы казачій караулъ у его дверей былъ замѣненъ карауломъ отъ юнкеровъ.

— Ваши казаки предадутъ меня, съ огорченіемъ сказалъ Керенскій.

— Раньше они предадутъ меня, сказалъ я, и приказалъ снять казачьи посты отъ дверей квартиры Керенскаго.

Что-то гнусное творилось кругомъ. Пахло гадкимъ предательствомъ. Большевистская зараза только тронула казаковъ, какъ уже были утеряны ими всѣ понятія права и чести.

Въ три часа дня ко мнѣ ворвался комитетъ 9-го Донского полка съ войсковымъ старшиною Лаврухинымъ. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенскаго, котораго они сами подъ своей охраной отведутъ въ Смольный.

— Ничего ему не будетъ. Мы волоса на его головѣ не позволимъ тронуть.

Очевидно, это было требованіе большевиковъ.

— Какъ вамъ не стыдно, станичники! сказалъ я. — Много преступленій вы уже взяли на свою совѣсть, но предателями казаки никогда не были. Вспомните, какъ наши дѣды отвѣчали царямъ Московскимъ: — съ Дона выдачи нѣтъ!.. Кто бы ни былъ онъ — судитъ его будетъ нашъ русскій судъ, а не большевики...

— Онъ самъ большевикъ!

— Это его дѣло. Но предавать человѣка, довѣрившагося намъ, неблагородно и вы этого не сдѣлаете.

— Мы поставимъ свой караулъ къ нему, чтобы онъ не убѣжалъ. Мы выберемъ вѣрныхъ людей, которымъ мы довѣряемъ, кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказалъ я.

Когда они вышли, я прошелъ къ Керенскому. Я засталъ его смертельно блѣднымъ, въ дальней комнатѣ его квартиры. Я разсказалъ ему, что настало время, когда ему надо уйти. Дворъ былъ полонъ матросами

и казаками, но дворецъ имѣлъ и другіе выходы. Я указалъ на то, что часовые стоятъ только у параднаго входа.

— Какъ ни велика вина ваша передъ Россіей, — сказалъ я, я не считаю себя вправѣ судить васъ. За полчаса времени я вамъ ручаюсь.

Выйдя отъ Керенскаго, я черезъ надежныхъ казаковъ устроилъ такъ, что караулъ долго не могли собрать. Когда онъ явился и пошелъ осматривать помѣщеніе, Керенскаго не было. Онъ бѣжалъ.

Казаки кинулись ко мнѣ. Они были страшно возбуждены противъ меня. Раздавались голоса о моемъ арестѣ, о томъ, что я предалъ ихъ, давши возможность бѣжать Керенскому.

Но тутъ произошло новое событіе, которое совершенно все перевернуло. Къ Гатчинскому дворцу, въ стройномъ порядкѣ сверкая штыками, подходила густая колонна солдатъ. Она тянулась далеко по дорогѣ, идущей къ Петрограду. Люди были отлично одѣты, на всѣхъ взводахъ, сверкая погонами, шли офицеры. Это шелъ Л. Гв. Финляндскій полкъ. Онъ сталъ выстраиваться въ резервную колонну противъ дворца. Казаки оставили меня и разбѣжались куда попало. Я остался одинъ. Офицеры штаба находились всѣ вмѣстѣ въ сосѣдней комнатѣ.

Въ мою комнату вошло человѣкъ двадцать вооруженныхъ финляндцевъ.

— Господинъ генералъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. Финляндскій полкъ требуетъ, чтобы вы вышли къ нему на площадь.

— Какъ смѣете вы! — закричалъ я что было силы на нихъ, — требовать меня, корпуснаго командира! Вонъ отсюда, чтобы и духа вашего не было.

И къ моему удивленію солдаты стали пятиться и, толкая другъ друга, выбѣжали изъ моей комнаты. Прошло минутъ десять въ грозной томительной тишинѣ. Въ мою комнату постучали.

— Можно войти, послышался голосъ.

— Войдите, отвѣчалъ я, готовый на все.

Вошелъ элегантно одѣтый капитанъ Финляндскаго полка, видимо кадровый офицеръ.

— Господинъ генералъ, сказалъ онъ, — честь имѣю представиться: командующій Л. Гв. Финляндскимъ полкомъ. Я долженъ извиниться передъ вами. Мои люди безъ меня позволили себѣ самочинно ворваться къ вамъ. Гдѣ разрѣшите стать полку на ночлегъ? Люди сильно устали. Они походомъ шли изъ Петрограда.

Что сей сонъ обозначаетъ, — подумалъ я, — уже не помощь ли это пришла къ намъ?

— Становитесь въ Кирасирскихъ казармахъ, любезно сказалъ я.

— Слушаюсь. Будетъ исполнено.

Повернулся кругомъ и вышелъ.

Я пошелъ взглянуть, что происходитъ. Неужели дѣйствительно помощь? Но за финляндцами шли матросы, за матросами красная гвардія. Въ окна, сколько было видно, все было черно отъ черныхъ шинелей матросовъ и пальто красной гвардіи. Тысячъ двадцать народа заполнило Гатчино и въ ихъ темной массѣ совершенно растворились казаки.

Таково было большевистское перемиріе.

И вотъ въ эту-то пору ко мнѣ пришелъ Лаврухинъ и сказалъ, что 9-й полкъ проситъ меня выйти и объяснить ему, какъ бѣжалъ Керенскій.

Я пошелъ. Казаки 9-го полка были построены въ резервную колонну при винтовкахъ, пѣшкомъ. Ихъ окружала густая толпа солдатъ, матросовъ, красногвардейцевъ и любопытныхъ жителей Гатчины. Я протолкался черезъ нихъ и, подходя къ полку, обычнымъ голосомъ крикнулъ, какъ кричалъ имъ и въ 1914 и 1915 годахъ на поляхъ настоящей войны.

— Здорово молодцы станичники!

Привычка взяла свое.

Громовой отвѣтъ: «здравія желаемъ, господинъ генералъ», раздался изъ рядовъ полка.

Положеніе было спасено.

Я глубоко вошелъ въ ряды полка, сталъ среди казаковъ.

— Да, сказалъ я, — Керенскій бѣжалъ. И это къ нашему счастью. Какъ охраняли бы мы его теперь, когда мы окружены врагами?

— Мы бы его выдали, глухо пронеслось по рядамъ.

— А Ленина вы получили? Вы бы выдали его, чтобы позоромъ покрыть свое имя, чтобы про васъ говорили, что вы предатели. Хорошо? А?

Казаки молчали.

— Я знаю, что я дѣлаю. Я васъ привелъ сюда и я васъ отсюда выведу. Поняли это! Вѣрьте мнѣ и вы не погибнете, а будете на Дону.

И я спокойно, въ гробовой тишинѣ притихшаго полка вышелъ изъ его рядовъ. Когда я проходилъ черезъ толпу я слышалъ, какъ тамъ говорили: — Керенскій бѣжалъ. — И одни говорили это со вздохомъ радости, другіе со вздохомъ разочарованія.

XXIV

Кошмаръ

Во дворцѣ творилось, чортъ знаетъ что. Матросы, красногвардейцы и солдаты шатались по комнатамъ, тащили ковры, подушки, матрацы. Казаки сбились въ кучу въ коридорѣ и притихли, за ними въ двухъ комнатахъ были офицеры. Начальникъ Уссурійской дивизіи со штабомъ и комитетомъ подъ суматоху сѣлъ на лошадь и уѣхалъ изъ Гатчины.

Уже въ сумеркахъ ко мнѣ вбѣжалъ какой-то штатскій съ жидкой бородкой и типичнымъ еврейскимъ лицомъ. За нимъ неотступно слѣдовалъ маленькій казакъ 10-го Донского полка съ винтовкой, больше его роста, въ рукахъ и одинъ изъ адъютантовъ Керенскаго.

— Генералъ, сказалъ, останавливаясь противъ стола, за которымъ я сидѣлъ, штатскій; — прикажите этому казаку отстать отъ насъ.

— А вы кто такіе? — спросилъ я.

Штатскій сталъ въ картинную позу и гордо кинулъ мнѣ:

— Я — Троцкій.

Я внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ну-же! Генералъ! — крикнулъ онъ мнѣ. — Я Троцкій.

— То-есть Бронштейнъ, — сказалъ я. — Въ чемъ дѣло?

— Ваше превосходительство, — закричалъ маленькій казакъ, — да какъ же это можно? Я поставленъ стеречь господина офицера, чтобы онъ не убѣгъ, вдругъ приходитъ этотъ еврейчикъ и говоритъ ему: — я Троцкій,

идите за мной. Офицеръ пошелъ. Я часовой, я за нимъ. Я его не отпущу безъ разводящаго.

— Ахъ, какъ это глупо, — морщась, сказалъ Троцкій, и вышелъ сопровождаемый адъютантомъ Керенскаго и уцѣпившимся въ его рукавъ маленькимъ, но бойкимъ казачишкой.

— Какая великолѣпная сцена для моего будущаго романа! — сказалъ я толпившимся у дверей офицерамъ.

Но было не до романа. Было ясно, что перемиріе полетѣло къ чорту и все погибло. Мы въ плѣну у большевиковъ. Однако эксцессовъ почти не было. Кое гдѣ матросы задѣвали офицеровъ, но сейчасъ же являлся Дыбенко, или юный и юркій Рошаль и разгонялъ матросовъ.

— Товарищи! — говорилъ Рошаль офицерамъ, — съ ними надо умѣючи. Въ морду ихъ! Въ морду!

И онъ тыкалъ въ морды улыбающимся красногвардейцамъ.

Я присматривался къ этимъ новымъ войскамъ. Дикою разбойничьею вольницею, смѣшанною съ современною разнузданною хулиганщиною несло отъ нихъ. Шарятъ повсюду, крадутъ что попало. У одного изъ нашихъ штабныхъ офицеровъ украли револьверъ, у другого сумку, но если ихъ поймаютъ съ поличнымъ, то отдаютъ и смѣются: «товарищъ, не клади плохо! Я отдалъ, а другой не отдастъ». Разоружили одну сотню 10-го Донского казачьяго полка, я пошелъ съ комитетомъ объясняться съ Дыбенко. Какъ же это, молъ, такъ — по перемирію оружіе остается у насъ — оружіе вернули, но не преминули слизнуть какое-то тряпье. Шутки грубыя, голоса хриплые. То-и-дѣло въ комнату, гдѣ ютились офицеры, заглядывали вооруженные матросы.

— А, буржуи, говорили они, — ну погодите, скоро мы всѣхъ васъ передушимъ.

И это уже не шутка, это дѣйствительная угроза. Офицеры III-го Коннаго корпуса входили на ту Голгоѳу страданій, которую пройти пришлось всему офицерству и которая еще не кончилась и теперь.

Несмотря на позднее время всюду во дворцѣ по коридорамъ и комнатамъ, по дворамъ и на улицѣ, при свѣтѣ лампъ и фонарей споры и митинги. Матросы ругаютъ Керенскаго, но и Ленина не хвалятъ.

— Намъ что Ленинъ! Окажется Ленинъ плохъ и его вздернемъ. Ленинъ намъ не указъ.

Чувствуется полное безвластіе наверху. Сейчасъ вожди Дыбенко, Рошаль и другіе. За ними пока пустое мѣсто. Возьметъ власть тотъ, кто дастъ миръ этому народу и разгонитъ его по домамъ и тогда уже будетъ создавать новую силу, болѣе послушную и менѣе мятежную.

Около часа ночи меня позвали обѣдать. За всѣми этими событіями мы ничего еще не ѣли.

Обѣдъ приходилъ къ концу, когда въ коридорѣ послышался шумъ. Быстро приближалась къ намъ толпа, грозно стуча сапогами и винтовками. Громадныя двери распахнулись на обѣ половины и въ комнату ворвалось, наполняя ее, нѣсколько солдатъ и во главѣ ихъ высокій худощавый загорѣлый офицеръ съ полковничьими погонами. Онъ направился ко мнѣ и, протягивая властнымъ жестомъ руку и становясь въ величественную театральную позу, воскликнулъ:

Удостовѣреніе № 17.

Предъявитель сего, есть дѣйствительно вахтеръ дивизіоннаго интендантства 6-ой пѣхотной дивизіи Иванъ Никановъ командированный за покупки рыбы въ разн. города Россійской Республики. что подписью съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряется

Дивизіонный Интендантъ

12. Января 1918 г.

6-ой ПѢХ. ДИВИЗІИ

Председатель Комитета · Чувашевъ

СОВѢТЪ

Союза Казачьихъ

Войскъ.

30 Окт. 1917 года.

№ —

ПЕТРОГРАДЪ.

Генералу

г. Краснову

Положение Петрограда ужасно.

Режут, избивают юнкеров, которые

являются пока единственными защит-

никами населения. [illegible] [illegible]

юнкеров и офицеров. Казаки ждут [illegible]

пока пойдут [illegible] [illegible]. Совет

Союза требует Вашего немедленного

движения на Петроград. Ваше про-

медление грозит полным уничто-

жением [illegible] юнкеров. Не

забывайте, что Ваше [illegible]

[illegible] [illegible] власть —

[illegible], тогда наша задача будет

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible]

[illegible]

Союза Казачьих Войск

Председатель А. Мих[illegible].

Секр. [illegible]

— Генералъ, я васъ арестую! — онъ сдѣлалъ паузу, обвелъ рукою кругомъ и добавилъ: и со всѣмъ вашимъ штабомъ!

— Кто вы такой? — спросилъ я.

— Полковникъ Муравьевъ! — торжественно заявилъ офицеръ. Вы мой трофей!..

Въ комнатѣ стало тихо. Театральность обстановки повліяла на офицеровъ. Но вдругъ къ самому носу полковника Муравьева протолкался блѣдный, исхудалый, измученный подъесаулъ Ажогинъ и за нимъ, какъ два его постоянныхъ ассистента, сотникъ Коротковъ и фельдшеръ Ярцевъ.

— Я требую, полковникъ, — кричалъ маленькій Ажогинъ, чтобы вы немедленно извинились передъ генераломъ и нами въ томъ, что вы вошли сюда, не спросивши разрѣшенія.

Муравьевъ презрительно скосилъ глаза.

— П-п-аззвольте! Пажжалуйста... Какъ вы, оберъ-офицеръ, говорите съ полковникомъ! — начальственнымъ тономъ заявилъ Муравьевъ. — Вы з-заб-бываетесь!..

— Я и не зналъ, что въ демократической арміи существуетъ чинопочитаніе, — съ ироніей воскликнулъ Ажогинъ. Кромѣ того я предсѣдатель дивизіоннаго комитета, выборный отъ пяти тысячъ казаковъ и не мнѣ съ вами, а вамъ со мною нужно считаться.

Муравьевъ опѣшилъ отъ такого стремительнаго натиска. А Ажогинъ такъ и сыпалъ. Хороша, молъ, честность большевиковъ, хорошо ихъ слово! Дыбенко клянется и божится, что никто и тронуть не смѣетъ, а уже иачинаются аресты.

— Я ничего не зналъ, — сказалъ Муравьевъ.

— Да гдѣ вы были тогда, когда мы переговаривались?

— Я былъ въ полѣ...

— Пока вы были въ полѣ и ничего не дѣлали, все было сдѣлано безъ васъ.

Начался длинный, бурный споръ, потомъ помирились, Муравьевъ заявилъ, что онъ извиняется передъ нами и сѣлъ за столъ, а съ нимъ и его свита. Вдругъ вспомнили, что гдѣ-то видались на войнѣ, были вмѣстѣ и передъ нами вмѣсто грознаго вождя большевиковъ оказался добрый малый, армейскій забулдыга-полковникъ, и офицеры стали говорить съ нимъ о подробностяхъ боя подъ Пулковымъ и о потеряхъ сторонъ. Мы скрыли свои потери. У насъ было 3 убитыхъ и 28 раненыхъ, большевики, по словамъ Муравьева, потеряли больше 400 человѣкъ.

Споръ о моемъ арестѣ былъ исчерпанъ, но множество вопросовъ было еще не рѣшено и ко мнѣ въ комнату пришелъ Дыбенко и подпоручикъ одного изъ гвардейскихъ полковъ Тарасовъ-Родіоновъ, человѣкъ лѣтъ тридцати съ университетскимъ значкомъ.

— Генералъ, — сказалъ Тарасовъ, мы просимъ васъ завтра поѣхать со мною въ Смольный для переговоровъ. Надо рѣшить, что дѣлать съ казаками.

— Это скрытый арестъ? — спросилъ я.

— Даю вамъ честное слово, что нѣтъ, — сказалъ Тарасовъ.

— Я ручаюсь вамъ, генералъ, — сказалъ Дыбенко, что васъ никто не тронетъ. Въ 10 часовъ вы будете въ Смольномъ, а въ 11 мы вернемъ васъ обратно.

— Вы понимаете, — сказалъ Тарасовъ-Родіоновъ, или намъ придется арестовать и разоружить вашъ отрядъ, или взять васъ для переговоровъ.

— Хорошо, я поѣду, — сказалъ я.

— Я поѣду съ вами, — рѣшительно заявилъ и. д. начальника штаба, полковникъ С. П. Поповъ.

Когда офицеры штаба узнали, что я ѣду въ Смольный, они стали настаивать, чтобы я взялъ съ собою и ихъ. Особенно домогались мои адъютанты, подъесаулъ Кульгавовъ и ротмистръ Рыковъ, но я попросилъ поѣхать съ собою только сына подруги моего дѣтства — Гришу Чеботарева, который зналъ, гдѣ находится моя жена, и долженъ былъ увѣдомить ее, если бы что либо случилось...

До утра во дворцѣ продолжался шумъ и гамъ. То арестовывали, то освобождали офицеровъ. Матросы явно ухаживали за казаками и льстили имъ.

— Въ Россіи, только и есть войско, товарищи, что матросы, да казаки, — остальное дрянь одна.

— Соединимся, товарищи, вмѣстѣ и Россія наша. Пойдемъ вмѣстѣ.

— На Ленина! — лукаво подмигивая говорилъ казакъ.

— А хоть бы и на Ленина. Ну его къ бѣсу! На что онъ намъ сдался, шутъ гороховый...

— Такъ чего же вы, товарищи, воевали? — говорили казаки.

— А вы чего?

И разводили руками. И никто не понималъ, изъ-за чего пролита была кровь и лежали мертвые у готовыхъ могилъ, офицеръ оренбурецъ и два казака, и страдали по госпиталямъ раненые...

XXV

Въ Смольномъ

Передъ разсвѣтомъ выпалъ снѣгъ и тонкою пеленою покрылъ замерзшую грязь дорогъ, поля и сучья деревьевъ. Славно пахнуло легкимъ морозомъ и тихою зимою.

Автомобиль должны были подать къ 8-ми часамъ, но подали еле къ 10-ти. Тарасовъ-Родіоновъ волновался и нервничалъ. То просилъ меня выйти, то обождать въ корридорѣ. Рошаль собралъ вокругъ себя на внутреннемъ дворцовомъ дворѣ всѣхъ матросовъ и, ставши на телѣгу, что-то говорилъ имъ. У дворца громадная толпа солдатъ и красной гвардіи и это нервитъ Тарасова, онъ отдаетъ дрожащимъ голосомъ приказанія шофферамъ.

Мы садимся. Впереди Поповъ и Гриша Чеботаревъ, сзади я и Тарасовъ-Родіоновъ. Автомобиль тихо выѣзжаетъ изъ дворцовыхъ воротъ.

Какой-то громадный солдатъ въ пяти шагахъ отъ насъ схватываетъ винтовку на изготовку и кричитъ:

— Стрѣлять этихъ генераловъ надо, а не на автомобиляхъ раскатывать!

Тарасовъ мертвенно блѣденъ. Я спокоенъ — тотъ, кто выстрѣлитъ, тотъ не кричитъ объ этомъ. Этотъ не выстрѣлитъ. Я смотрю въ злобные сѣрые глаза солдата и только думаю: за что? — онъ и не знаетъ меня вовсе.

— Скорѣе! скорѣе! — говоритъ Тарасовъ шофферамъ, но тѣ и сами понимаютъ, что зѣвать нельзя.

Автомобиль поворачивается налѣво и мчится мимо статуи Павла I, стоящаго съ тростью и засыпаннаго бѣлымъ чистымъ снѣгомъ, мимо обелиска, поворачиваетъ еще разъ — мы на шоссе.

Въ Гатчинѣ людно. Шатаются солдаты и красногвардейцы. У Мозино мы обгоняемъ роту красной гвардіи. Она запрудила все шоссе, автомобиль даетъ гудки и красногвардейцы сторонятся, косятся, бросаютъ злобные взгляды, но молчатъ.

Подъ Пулковымъ изъ какого-то дома по насъ стрѣляли. Одна пуля щелкнула подлѣ автомобиля, другая ударила въ его край.

— Скорѣй! — говоритъ Тарасовъ-Родіоновъ.

Третьяго дня здѣсь былъ бой. По сторонамъ дороги видны окопы, лежатъ неубранные трупы лошадей оренбургскихъ казаковъ, видны воронки отъ снарядовъ.

За Пулковымъ Тарасовъ-Родіоновъ становится спокойнѣе. Онъ начинаетъ мнѣ разсказывать, сколько счастья дадутъ Русскому народу большевики.

— У каждаго будетъ свой уголъ, свой домикъ, свой кусокъ земли. И у васъ будетъ покой на старости лѣтъ.

— Позвольте, — говорю я, — но вѣдь вы коммунисты, какъ же это у меня будетъ свой домъ и своя земля. Развѣ вы признаете собственность?

Молчаніе.

— Вы меня не такъ поняли, — наконецъ, говоритъ Тарасовъ. — Все это принадлежитъ государству, но оно какъ бы ваше. Не все ли вамъ равно? Вы живете. Вы наслаждаетесь жизнью, никто у васъ не можетъ отнять, но собственность это дѣйствительно государственная.

— Значитъ будетъ государство, будетъ Россія? — спрашиваю я.

— О! да еще и какая сильная! Россія народная! — отвѣчаетъ восторженно Тарасовъ-Родіоновъ.

— А какъ же интернаціоналъ? Вѣдь Россія и Русскіе это только зоологическое понятіе.

— Вы меня не такъ поняли, — говоритъ Тарасовъ и умолкаетъ.

Мы въѣзжаемъ въ тріумфальныя ворота. Когда-то ихъ любовно строилъ народъ для своей побѣдоносной гвардіи, теперь . . . гдѣ эта гвардія?

— Увижу я Ленина? Представятъ меня передъ его свѣтлыя очи? — спрашиваю я Тарасова.

— Я думаю, что нѣтъ. Онъ никому не показывается. Онъ очень занятъ, — говоритъ Тарасовъ.

Знакомыя, родныя мѣста. Вотъ Лафонская площадь, вотъ окна конюшни казачьяго отдѣла, манежъ № 1, гдѣ я провелъ столько счастливыхъ часовъ, служа въ постоянномъ составѣ школы. Тамъ дальше на Шпалерной моя бывшая квартира. Не нарочно ли судьба даетъ мнѣ послѣдній разъ посмотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ я испыталъ столько счастья и радости . . . Печальное предчувствіе сжимаетъ мое сердце.

Послѣдствіе усталости, безсонныхъ ночей, недоѣданія, слабость? . . . Не нужно этого.

У Смольнаго толпа. Крутится кинематографъ, снимая насъ. Ну какъ же! Привезли трофеи побѣды красной гвардіи — командира III кавалерійскаго корпуса!!

Въ Смольномъ хаосъ. На каждой площадкѣ лѣстницы пропускной постъ. Столикъ, барышня, подлѣ два, три лохматыхъ «товарища» и повѣрка «мандатовъ». Все вооружено до зубовъ. Пулеметныя ленты сплошь да рядомъ безъ патроновъ крестъ на крестъ перекручены поверхъ потрепавныхъ пиджаковъ и пальто, винтовки, которыя никто не умѣетъ держать, револьверы, шашки, кинжалы, кухонные ножи.

И несмотря на все это вооруженіе толпа довольно мирнаго характера и множество — дамъ, нѣтъ это не дамы, и не барышни, и не женщины, а тѣ «товарищи» въ юбкахъ, которыя вдругъ, какъ тараканы изъ щелей, повылѣзали въ Петроградѣ и стали липнуть къ красной гвардіи и большевикамъ, — претенціозно одѣтыя, съ разухабистыми манерами онѣ такъ и шныряютъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ.

— Товарищъ, ваше удостовѣреніе?

— Членъ слѣдственной комиссіи Тарасовъ-Родіоновъ, генералъ Красновъ, его начальникъ штаба...

— Проходите, товарищъ.

— Куда вы, товарищъ?

— Къ товарищу Антонову...

Такъ съ рукъ на руки насъ передавали и вели среди непрерывнаго движенія разныхъ людей вверхъ и внизъ на третій этажъ, гдѣ, наконецъ, насъ пропустили въ комнату, у дверей которой стояло два часовыхъ матроса.

Комната полна народа. Есть и знакомыя лица. Капитанъ Свистуновъ, комендантъ Гатчинскаго дворца, одинъ изъ адъютантовъ Керенскаго, а затѣмъ различныя штатскія и военныя лица изъ числа сочувствовавшихъ движенію. Настроеніе разное. Одни блѣдны, предчувствуя плохой конецъ, другіе взвинченно веселы, что-то замышляютъ. Новая власть близка, источникъ повышеній здѣсь, игра еще не проиграна.

Кто сидитъ третій день, уже сорганизовался. Оказывается кормятъ недурно, даютъ чай, можно сложиться и купить сахаръ, тутъ и лавочка спеціальная есть въ Смольномъ.

— Но вѣдь это арестъ?

— Да арестъ, — отвѣчаютъ мнѣ. — Но будетъ и хуже. Вчера генерала Карачана, начальника артиллерійскаго училища, взяли, вывели за Смольный и въ переулкѣ застрѣлили. Какъ бы и вамъ того же не было, генералъ, — говоритъ одинъ.

— Ну, зачѣмъ такъ, — говоритъ другой, — можетъ быть, только посадятъ въ Кресты, или Петропавловку.

— Въ Крестахъ лучше. Я сидѣлъ, — говоритъ третій.

Вниманіе, возбужденное нашимъ приходомъ, ослабѣваетъ. Каждый занятъ своими дѣлами. Пришла жена одного изъ арестованныхъ, они садятся въ углу и тихо бесѣдуютъ.

Часы медленно ползутъ. Въ два часа принесли обѣдъ. Супъ съ мясомъ и лапшой, большіе куски чернаго хлѣба, чай въ кружкахъ.

Рядомъ комната. Бывшая умывальная институтокъ. Въ ней тише. Я прошелъ туда, снялъ шинель, положилъ подъ голову и прилегъ на асфальтовомъ полу, чтобы отдохнуть и обдумать свое положеніе. Болѣе чѣмъ очевидно, что Тарасовъ-Родіоновъ обманулъ, что меня заманили и я попалъ въ западню.

Въ 5 часовъ я проснулся. Ко мнѣ пришелъ Тарасовъ-Родіоновъ и съ нимъ блѣдный лохматый матросъ.

— Вотъ, — сказалъ мнѣ Тарасовъ, — товарищъ съ васъ сниметъ допросъ.

— Позвольте, — говорю я, — поручикъ, вы обѣщали мнѣ, что черезъ часъ отпустите, а держите меня въ этой свинской обстановкѣ цѣлый день. Гдѣ же ваше слово?

— Простите, генералъ, — ускользая въ двери, проговорилъ Тарасовъ. — Но лучшее наше помѣщеніе, гдѣ есть кровать, занято великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, если его сегодня отпустятъ, мы переведемъ васъ въ его комнату. Тамъ будетъ великолѣпно.

Матросъ, назначенный для слѣдствія, имѣлъ усталый и измученный видъ. Онъ далъ бумагу, чернила и перо и просилъ написать, какъ и по чьему приказу мы выступили и какъ бѣжалъ Керенскій.

Вдвоемъ съ Сергѣемъ Петровичемъ Поповымъ мы составили безличный отчетъ и подали матросу.

— Теперь мы свободны? — спросилъ Поповъ.

Матросъ загадочно посмотрѣлъ на насъ, ничего не отвѣтилъ и ушелъ.

Я долго смотрѣлъ, какъ сгущались сумерки надъ Невою и загорались огни на набережной и на мосту Петра Великаго. Скоро темная ночь стала за окномъ. Въ нашихъ двухъ комнатахъ тускло горѣло по одной электрической лампочкѣ. Кто читалъ, кто щелкалъ на машинкѣ, учась писать, кто примащивался спать на полу. Кое-кого увели. Увели Свистунова и пронесся слухъ, что онъ получаетъ какое-то крупное назначеніе у большевиковъ, увели адъютанта Керенскаго, еще троихъ выпустили. Всего оставалось человѣкъ восемь, не считая насъ.

И вдругъ въ комнату шумно, сопровождаемый Дыбенко, ворвался весь нашъ комитетъ 1-й Донской дивизіи.

— Ваше превосходительство, — кричалъ мнѣ Ажогинъ, — слава Богу! Вы живы. Сейчасъ мы все устроимъ. Эти канальи хотѣли разоружить казаковъ и взять пушки вопреки условію. Мы имъ покажемъ! Вы говорите, что это зависитъ отъ Крыленко, — обратился Ажогинъ къ Дыбенко, — тащите ко мнѣ этого Крыленко. Я съ нимъ поговорю, какъ слѣдуетъ.

Онъ горѣлъ и кипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, этотъ доблестный донской офицеръ, и его волненіемъ заражались и чины комитета, сотникъ Карташовъ, не подавшій руки Керенскому, фельдшеръ Ярцевъ и тотъ маленькій казачокъ, что привязался къ Троцкому; всѣ они были при шашкахъ, въ шинеляхъ, возбужденные быстрой ѣздой на автомобилѣ и морознымъ воздухомъ, шумные, смѣлые, давящіе большевиковъ своею инициативой.

Дыбенко былъ на ихъ сторонѣ. Самъ такой же шумный, онъ, казалось, не прочь былъ пристать къ этой казачьей вольницѣ, которой на самого Ленина начихать.

Черезъ полчаса меня попросили въ другую комнату. Я пошелъ съ Поповымъ и Чеботаревымъ. У дверей стояло два мальчика лѣтъ по 12-ти, одѣтыхъ въ матросскую форму, съ винтовками.

— Что, видно у большевиковъ солдатъ не стало, что они дѣтей въ матросы записали, — сказалъ Поповъ одному изъ нихъ.

— Мы не дѣти, — басомъ отвѣтилъ матросъ и улыбнулся жалкой, блѣдной улыбкой.

Въ комнатѣ классной дамы, по серединѣ стоялъ небольшой столикъ и стулъ. Я сѣлъ за этотъ столъ. Приходили матросы, заглядывали на насъ и уходили снова. По коридору такъ же, какъ и днемъ, непрерывно сновали люди.

Наконецъ, пришелъ небольшой человѣкъ въ помятомъ кителѣ съ прапорщичьими погонами, фигура невзрачная, лицо темное, прокуренное. Мнѣ онъ почему-то напомнилъ учителя исторіи захолустной гимназіи. Я сидѣлъ, онъ остановился противъ меня. Въ дверяхъ толпилось человѣкъ пять солдатъ въ шинеляхъ.

Это и былъ прапорщикъ Крыленко.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ, — у насъ несогласія съ вашимъ комитетомъ. Мы договорились отпустить казаковъ на Донъ съ оружіемъ, но пушки мы должны отобрать. Онѣ намъ нужны на фронтѣ и я прошу васъ приказать артиллеристамъ сдать эти пушки.

— Это невозможно, — сказалъ я. — Артиллеристы никогда своихъ пушекъ не отдадутъ.

— Но, судите сами, здѣсь комитетъ V арміи требуетъ эти пушки, — сказалъ Крыленко. — Каково наше положеніе. Мы должны исполнить требованіе комитета V арміи. Товарищи, пожалуйте сюда.

Солдаты, стоявшіе у дверей, вошли въ комнату и съ ними ворвался комитетъ 1-й Донской дивизіи.

Начался жестокій споръ, временами доходившій до ругательствъ, между казаками и солдатами.

— Живыми пушки не отдадимъ! — кричали казаки. — Безчестья не потерпимъ. Какъ мы безъ пушекъ домой явимся! Да насъ отцы не примутъ, жены смѣяться будутъ.

Въ концѣ-концовъ убѣдили, что пушки останутся за казаками. Комитеты ругаясь ушли. Мы остались опять съ Крыленко.

— Скажите, ваше превосходительство, — обратился ко мнѣ Крыленко, — вы не имѣете свѣдѣній о Калединѣ? Правда, онъ подъ Москвой?

А вотъ оно что! — подумалъ я. — Вы еще не сильны. Мы еще не побѣждены. Поборемся.

— Не знаю, — сказалъ я съ многозначительнымъ видомъ. — Калединъ мой большой другъ... Но я не думаю, чтобы у него были причины спѣшить сюда. Особенно, если вы не тронете и хорошо обойдетесь съ казаками.

Я зналъ, что на Дону Калединъ едва держался и по личному опыту зналъ, что поднять казаковъ невозможно.

— Имѣйте въ виду, прапорщикъ, — сказалъ я, — что вы обѣщали меня отпустить черезъ часъ, а держите цѣлыя сутки. Это можетъ возмутить казаковъ.

— Отпустить васъ мы не можемъ, — какъ бы про себя, сказалъ Крыленко, — но и держать васъ здѣсь негдѣ. У васъ здѣсь нѣтъ кого-либо, у кого вы могли бы поселиться, пока выяснится ваше дѣло.

— У меня здѣсь есть квартира на Офицерской улицѣ, — сказалъ я.

— Хорошо. Мы васъ отправимъ на вашу квартиру, но раньше я поговорю съ вашимъ начальникомъ штаба.

Крыленко ушелъ съ Поповымъ. Я отправилъ Чеботарева съ автомобилемъ въ Гатчино для того, чтобы моя жена переѣхала въ Петроградъ. Вскорѣ вернулся Поповъ. Онъ широко улыбался.

— Вы знаете, зачѣмъ меня звали? — сказалъ онъ.

— Ну? — спросилъ я.

— Троцкій спрашивалъ меня, какъ отнеслись бы вы, если бы правительство, то-есть большевики, конечно, предложили бы вамъ какой-либо высокій постъ.

— Ну и что же вы отвѣтили?

— Я сказалъ: — пойдите предлагать сами, генералъ вамъ въ морду дастъ!

Я горячо пожалъ руку Попову. Милѣйшая личность былъ этотъ Поповъ. Въ самыя тяжелыя, критическія минуты онъ не только не терялъ присутствія духа, но и не разставался со своимъ природнымъ юморомъ. Онъ весь день нашего заключенія въ Смольномъ, то издѣвался надъ Дыбенко, то изводилъ Тарасова-Родіонова, то критиковалъ и смѣялся надъ порядками Смольнаго института. Онъ и тутъ остался вѣренъ себѣ. О томъ, что мы играли нашими головами, мы не думали, мы давно считали, что дѣло наше кончено и что выйти отсюда, несмотря на всѣ обѣщанія, врядъ ли удастся.

— Вы знаете, ваше превосходительство, — сказалъ мнѣ Поповъ серьезно, — мнѣ кажется, что дѣло еще не вполнѣ проиграно. По всему тому, что мнѣ говорилъ и о чемъ спрашивалъ Троцкій, они васъ боятся. Они не увѣрены въ побѣдѣ. Эхъ! если бы казаки вели себя иначе...

Насъ перевели въ прежнее помѣщеніе и о томъ, чтобы отправлять на квартиру, не было ни слова. Наступила ночь. Заключенные понемногу затихали, устраиваясь спать въ самыхъ неудобныхъ позахъ, кто сидя, кто лежа на полу, кто на стульяхъ, не раздѣваясь, какъ спятъ на станціи желѣзной дороги, въ ожиданіи поѣзда; да каждый изъ нихъ и ждалъ чего-то. Вѣдь они были приведены сюда только для допроса.

Наконецъ, въ 11 часовъ вечера, къ намъ пришелъ Тарасовъ-Родіоновъ.

— Пойдемте, господа, — сказалъ онъ.

Часовые хотѣли было насъ задержать, но Тарасовъ сказалъ имъ что-то и они пропустили.

Въ Смольномъ все та же суматоха. Такъ же одни озабоченно идутъ наверхъ, другіе внизъ, такъ же все полно вооруженными людьми, стучатъ приклады, гремитъ уроненная на каменной лѣстницѣ винтовка.

У выхода толпа матросовъ.

— Куда идете, товарищи?

Тарасовъ-Родіоновъ начинаетъ объяснять.

— По приказу Троцкаго, — говоритъ онъ.

— Плевать намъ на Троцкаго. Приканчивать надо эту канитель, а не освобождать.

— Товарищи, постойте... Это самосудъ!

— Ну да, своимъ-то судомъ правильнѣе и скорѣе.

Гуще и сильнѣе разгорѣлась перебранка между двумя партіями матросовъ. Объектомъ спора были мы съ Поповымъ. Матросы не хотѣли выпускать своей добычи. Вдругъ чья-то могучая широкая спина заслонила меня, какой-то гигантъ наперъ на меня, ловко притиснулъ къ двери,

открылъ ее, и я, Поповъ и великанъ красавецъ въ бушлатѣ гвардейскаго экипажа и въ черной фуражкѣ съ козырькомъ и офицерской кокардой втиснулся съ нами въ маленькую швейцарскую.

Передъ нами красавецъ боцманъ, типичный представитель стараго гвардейскаго экипажа. Такіе боцмана были рулевыми на императорскихъ вельботахъ. Сытый, холеный, могучій и красивый.

— Простите, ваше превосходительство, — сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ, — но такъ вамъ много спокойнѣе будетъ. Я не сильно толкнулъ васъ? Ребята ничего. Пошумятъ и разойдутся безъ васъ. А то, какъ бы чего нехорошаго не вышло. Темнаго народа много.

И дѣйствительно шумъ и брань за дверьми стала стихать, наконецъ, и совсѣмъ прекратилась.

— Васъ куда предоставить прикажете? — спросилъ меня боцманъ.

Я сказалъ свой адресъ.

— Только простите, я васъ отправлю на автомобилѣ скорой помощи, такъ менѣе примѣтно. А то сами понимаете, народъ-то какой!.. А людей я вамъ дамъ надежныхъ. Ребята славные.

Насъ вывели матросы гвардейскаго экипажа. Долго мы бродили по грязному двору, заставленному автомобилями, слышали выклики между шофферами, какъ въ старину, только имена звучали другія.

— Товарища Ленина машину подавайте! — кричалъ кто-то изъ сырого сумрака.

— Сейчасъ, — отзывался сиплый голосъ.

— Товарища Троцкаго!

— Есть...

Въ эту грозную эпоху со стоическимъ хладнокровіемъ несли службу и оставались на своихъ постахъ желѣзнодорожники и шофферы... Сегодня эшелоны Корнилова, завтра Керенскаго, потомъ товарища Крыленко, потомъ еще чьи-нибудь. Сегодня машина собственнаго его величества гаража, завтра товарища Керенскаго, потомъ Ленина. Лица смѣнялись съ быстротою молніи и plus que ça change, ça reste la même chose...

Громадный автомобиль Краснаго Креста, въ который влѣзли я, Поповъ, Тарасовъ-Родіоновъ и шесть гвардейскихъ матросовъ съ неистовымъ шумомъ сорвался съ мѣста и тяжело покатился къ воротамъ. У разведеннаго костра грѣлись красногвардейцы. При видѣ матросовъ они пропустили автомобиль, не опрашивая и не заглядывая во внутрь.

Въ городѣ темно. Фонари горятъ рѣдко, прохожихъ нигдѣ не видно. Черезъ четверть часа я былъ дома. Почти одновременно подъѣхала моя жена съ Гришей Чеботаревымъ и командиромъ Енисейской сотни, есауломъ Коршуновымъ.

XXVI

Въ Великихъ Лукахъ. Конецъ III Коннаго корпуса

Писать ли дальше? Я жилъ дома, пользуясь полной свободой. Ко мнѣ приходили гости, жена моя уходила въ городъ и приходила, мы говорили по телефону. Въ прихожей неотлучно находилось два матроса, но это были не часовые, а скорѣе генеральскіе ординарцы. Они помогали

гостямъ одѣваться. На кухнѣ и черной лѣстницѣ не было никого. Я въ любую минуту могъ переодѣться въ штатское платье и бѣжать.

Но, повторяю, бѣжать я и теперь не хотѣлъ, это не въ моей натурѣ, да и глубоко я вѣрилъ въ то, что отъ своей судьбы не убѣжишь.

А Донской комитетъ, непрерывно сообщаясь со мною и совѣтуясь у меня, дѣлалъ свое дѣло. 4-го Ноября онъ добился отправки эшелоновъ въ районъ Великихъ Лукъ, куда стягивался весь корпусъ. 6-го Ноября комитетъ явился ко мнѣ съ подъесауломъ 53-го Донского казачьяго полка Петровымъ, назвавшимся чѣмъ-то въ родѣ комиссара новаго правительства. Мнѣ показалось, что онъ играетъ двойную роль. Хочетъ служить большевикамъ и въ то же время на всякій случай подслуживается ко мнѣ. Такихъ людей въ ту пору было много. Я рѣшилъ использовать его. Въ Кронштадтѣ сидѣло три офицера 13-го Донского казачьяго полка, захваченные матросами, когда они ѣхали ко мнѣ изъ Ревеля, и есаулъ Коршуновъ, арестованный въ Петроградѣ. Я далъ задачу Петрову освободить ихъ.

Петровъ добился ихъ освобожденія.

Наконецъ, вечеромъ, 6-го Ноября, члены комитета сотникъ Каргашовъ и подхорунжій Кривцовъ привезли мнѣ пропускъ на выѣздъ изъ Петрограда. Я не знаю, насколько этотъ пропускъ былъ настоящій. Мы объ этомъ тогда не говорили, но мнѣ рекомендовали его не очень давать разглядывать. Это былъ клочокъ сѣрой бумаги съ печатью Военнаго Исполнительнаго Комитета С. С. и Р. Д. съ подписью товарища Антонова, кажется того самаго матроса, который снималъ съ меня показаніе. Въ сумерки, 7-го Ноября, я, моя жена, полковникъ Поповъ и подхорунжій Кравцовъ, забравши кое-что изъ платья и бѣлья, сѣли на сильную машину штаба корпуса и поѣхали за городъ. Мы всѣ были въ формѣ, я съ погонами съ шифровкой III корпуса, при оружіи.

Въ наступившей темнотѣ мы промчались черезъ заставу, гдѣ что-то махалъ руками растерявшійся красногвардеецъ и понеслись, минуя Царское Село, по Новгородскому шоссе. Въ 10 часовъ вечера мы были въ Новгородѣ, гдѣ остановились для того, чтобы добыть бензинъ.

А въ это время на Петроградскую мою квартиру явился отъ Троцкаго нарядъ Красной гвардіи, чтобы окончательно меня арестовать.

На другое утро мы были въ Старой Руссѣ, гдѣ среди толпы солдатъ сѣли на поѣздъ и поѣхали въ Великіе Луки.

9-го Ноября я былъ въ Великихъ Лукахъ и здѣсь испыталъ серьезное огорченіе. Въ Великихъ Лукахъ стояли эшелоны 10-го Донского казачьяго полка, моего полка. Казаки этого полка были мною воспитаны, они со мною вмѣстѣ были въ бояхъ, мы жили тѣсною, дружескою жизнью. Кому-то изъ моихъ адъютантовъ пришло въ голову, что самое безопасное будетъ, если я поѣду съ ними на Донъ и онъ пошелъ въ полкъ переговорить объ этомъ.

Казаки отказались взять меня, потому-что это было для нихъ опасно.

Не то огорчило меня, что они не взяли меня. Я бы все равно не поѣхалъ, потому-что долгъ мой передъ корпусомъ не былъ выполненъ, мнѣ надо было его собрать и отправить къ Каледину, а огорчилъ мотивъ отказа — трусость.

Ядъ большевизма вошелъ въ сердца людей моего полка, который я

считалъ лучшимъ, наиболѣе мнѣ вѣрнымъ, чего же я могъ ожидать отъ остальныхъ?

Я поселился въ Великихъ Лукахъ.

Я считался командиромъ III кавалерійскаго корпуса, со мною былъ громадный штабъ и при мнѣ было казначейство съ двумя милліонами рублей денегъ, но всѣ дни мои проходили въ разговорахъ съ казаками. Все неудержимо хлынуло на Донъ. Не къ Каледину, чтобы сражаться противъ большевиковъ, отстаивая свободу Дона, а домой въ свои станицы, чтобы ничего не дѣлать и отдыхать, не чувствуя и не понимая страшнаго позора націи.

Они готовы были какою угодно цѣною ѣхать по домамъ. И приходилось часами уговаривать ихъ, чтобы ѣхали то они, хотя бы, честно, съ оружіемъ и знаменами.

Это было то же дезертирство съ фронта, которое охватило пѣхоту, но пѣхота бѣжала безпорядочно, толпами, а это было организованное дезертирство, гдѣ люди ѣхали сотнями, со своими офицерами въ полномъ порядкѣ, но не все ли равно — они ѣхали домой, ѣхали съ фронта, покидая позиціи, они были дезертирами. Я говорилъ имъ это, говорилъ часами. Они слушали меня, убѣждались какъ будто и послѣ трехъ, четырехъ часовъ разговоровъ наступало молчаніе, лица становились упрямыми и кто-нибудь говорилъ общую всѣмъ мысль.

— Когда же, господинъ генералъ, будетъ намъ отправка?

Одна мысль, одна мечта была у нихъ — домой! Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы, на какомъ бы то ни было фронтѣ. Имъ нужно было, какъ Ильѣ Муромцу, коснуться родной земли, чтобы набрать новыя силы. Я написалъ атаману Каледину свои соображенія по этому поводу. Я писалъ ему, что переживши весь развалъ арміи въ строю, непосредственно командуя частями, я пришелъ къ тому заключенію, что казаки стали совершенно небоеспособными, что единственное средство вернуть войску силу, это отпустить всѣхъ по домамъ, призвать на ихъ мѣсто подъ знамена молодежь, не бывшую на войнѣ, и начать учить ее по старымъ методамъ. Для подготовки же офицеровъ, которые были далеко не на высотѣ знаній, создать въ Новочеркасскѣ офицерскую школу и расширить училище и корпусъ. Въ станицахъ образовать спортивныя общества и кружки.

Отвѣтъ отъ Каледина получился въ видѣ нервно, порывисто написаннаго на листѣ почтовой бумаги письма. Калединъ соглашался со мною, но писалъ, что это невозможно, что у него для этого нѣтъ власти. Я понялъ, что онъ плыветъ по теченію, а теченіе несло неудержимо къ большевикамъ.

12-го Ноября 1-ая Донская дивизія потекла на Донъ и успокоилась, но начала волноваться Уссурійская конная дивизія, требуя отправки ея на дальній востокъ. Это не входило въ мои планы. Я хотѣлъ отправить ее тоже на Донъ, гдѣ она могла бы быть полезной. Но комитетъ дивизіи поѣхалъ самъ въ Ставку къ Крыленко и добился отъ него пропуска на востокъ.

6-го Декабря началась отправка эшелоновъ Уссурійской конной дивизіи.

Въ серединѣ Декабря въ Великихъ Лукахъ, переполненныхъ большевистскими пѣхотными полками, оставался только прикомандированный къ

корпусу 3-й Уральскій казачій полкъ и команды штаба корпуса. Уральскіе казаки одиночнымъ порядкомъ уходили по домамъ и полкъ таялъ съ каждымъ днемъ. Моя квартира охранялась только моимъ деньщикомъ и вѣстовымъ, спавшими такъ крѣпко, что разбудить ихъ было не легко. Но большевики еще не опредѣлили своего отношенія къ казакамъ и казачеству. Казаки были, какъ бы, государство въ государствѣ и ихъ пока не трогали, съ ними заигрывали. Такъ, 6-го Декабря начальникъ пѣхотнаго гарнизона полковникъ Патрикѣевъ, отдалъ приказъ о снятіи погонъ и знаковъ отличій, но сейчасъ же добавилъ, что это не касается частей III-го корпуса, которыя, какъ казачьи, имѣютъ право продолжать носить погоны, такъ какъ управляются своими законами. Съ мѣстнымъ комиссаромъ Пучковымъ мы жили дружно. Онъ, хотя и называлъ себя большевикомъ, но оказался ярымъ монархистомъ, офицеры штаба корпуса часто бывали у него, дѣло всегда оканчивалось выпивкой и воспоминаніями отнюдь не большевистскаго характера. Я рѣшилъ использовать это выгодное положеніе и добиться пропуска для штаба корпуса въ Пятигорскъ, для расформированія. Моя цѣль была остановить эшелонъ въ Великокняжеской и передать все имущество корпуса Каледину. Имущество было не малое. Оставалось полъ милліона денегъ, было болѣе тысячи комплектовъ прекраснаго обмундированія, вагонъ чая, вагонъ сахара, нѣсколько автомобилей, аппаратъ Юза, радіостанція и т. д. Генерала Солнышкина я командировалъ въ Ставку и онъ, благодаря личному знакомству съ Бончъ-Бруевичемъ, бывшимъ начальникомъ штаба у Крыленко и генераломъ Раттелемъ, начальникомъ военныхъ сообщеній, добился назначенія эшелона на Пятигорскъ и пропусковъ.

Дѣло это шло медленно, а положеніе наше въ Великихъ Лукахъ становилось очень тяжелымъ. Послѣдніе казаки покидали городъ, мы остались одни. Носить погоны больше стало немыслимо. Солдаты съ ножами охотились за офицерами. Но снимать погоны мы считали для себя оскорбительнымъ и потому 21-го Декабря всѣ переодѣлись въ штатское. Однако это не улучшило положенія. Насъ знали въ лицо и готовились расправиться съ нами и особенно со мной. Я каждый день ѣздилъ верхомъ. Разъ за мною погнались солдаты съ ножами, другой разъ въ деревнѣ стрѣляли по мнѣ.

Можетъ быть, думалъ я, настало время бѣжать, но какъ бѣжать? За мною слѣдили команды штаба, писаря, мой деньщикъ и вѣстовой наблюдали за мной. Конечно, я могъ выѣхать на прогулку верхомъ и не вернуться. Я часто ѣздилъ одинъ. Но тогда пришлось бы бросить жену и офицеровъ штаба, которые такъ надѣялись на меня, что я ихъ выведу.

А между тѣмъ, несмотря на всѣ обѣщанія объ отправкѣ штаба въ Пятигорскъ, эшелоновъ намъ все не давали. 11-го Января 1918 года пришло требованіе сдать всѣ деньги корпуснаго казначейства въ Великолуцкое уѣздное казначейство. Деньги сдали, протестовать было безполезно, да и законнаго права не было. Корпусъ былъ расформированъ.

Наконецъ 16-го Января намъ дали поѣздъ на Пятигорскъ. Совершенно благополучно погрузились офицеры и чиновники корпуса, остатки командъ, погрузили имущество, автомобили, лошадей, сѣли и мы. Все шло гладко. Я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и проѣхать съ женою къ ея сестрѣ въ Москву съ тѣмъ, чтобы догнать эшелоны въ пути.

Въ Москвѣ я узналъ, что атаманъ Калединъ объявленъ большевиками

измѣнникомъ, что гдѣ-то у станціи Чертково идутъ бои между большевиками и донскими казаками. Съ трудомъ въ товарномъ вагонѣ, переполненномъ солдатами, неистово ругавшими Корнилова, Каледина и два раза помянувшими и меня, я съ женою 28-го Января добрался до Царицына. Надо было искать свой эшелонъ. Справляться на станціи, оцѣпленной солдатами, матросами и красногвардейцами, было рисковано и я пошелъ въ городъ. Въ гостинницѣ я увидалъ одного изъ офицеровъ штаба, ротмистра фонъ-Кюгельгена, который сообщилъ мнѣ, что накануне въ Царицынѣ ихъ эшелонъ остановили, отобрали все имущество, лошадей, повсюду искали меня. Я приговоренъ къ смертной казни, мои портреты, найденные въ вещахъ моей жены, посланы по всѣмъ станціямъ отъ Царицына до Пятигорска, чтобы искать меня. По всему городу ходятъ солдаты и красногвардейцы, разыскивая меня, такъ какъ есть свѣдѣнія, что я въ Царицынѣ.

Настало время бѣжать.

Ротмистръ Кюгельгенъ и ротмистръ Щербачевъ, стоявшій здѣсь же въ гостинницѣ, провели меня въ номеръ жены начальника штаба, которая была больна, и у нея я дождался вечера. Тѣмъ временемъ Щербачевъ изготовилъ мнѣ документъ, что я артельщикъ 44-й пѣхотной дивизіи Семенъ Никоновъ, командированный для закупки рыбы на югѣ Россіи. У жены моей былъ ея настоящій паспортъ.

Вечеромъ мы сѣли съ женой въ поѣздъ, идущій на Тихорѣцкую. Въ маленькомъ купе набилось 11 пассажировъ. Было темно. Тускло горѣла свѣча въ фонарѣ. Пришелъ патруль. Матросъ и два красногвардейца. Я сталъ въ тѣни и подалъ свой документъ. На мнѣ старое пальто съ барашковымъ воротникомъ и шапка поддѣльнаго бобра. Матросъ посмотрѣлъ мой документъ и молча вернулъ его мнѣ. Документы всѣхъ мужчинъ были провѣрены. Моя жена документа не дала.

Матросъ пошелъ къ выходу.

— А у дамы документа не смотрѣли, — сказалъ красногвардеецъ.

— Мы у дамочекъ документовъ не провѣряемъ, — галантно отвѣчалъ матросъ и вышелъ изъ вагона.

Былъ осмотръ вещей. У меня въ чемоданѣ лежало военное платье, погоны, послужной списокъ, дневники. Но красногвардейцамъ надоѣла провѣрка, пассажировъ было много, начальникъ станціи ворчалъ, что поѣздъ слишкомъ задерживаютъ и до нашего вагона осмотръ не дошелъ.

Поздно ночью мы тронулись...

На другое утро мы переѣхали границу войска Донского. Станція Котельниково. Я спокойно выхожу изъ вагона. Спасенъ... Свои!..

На дверяхъ дамской комнаты большой плакатъ: «Канцелярія Котельниковскаго Совѣта солдатскихъ, рабочихъ, крестьянскихъ и казачьихъ депутатовъ»...

И тутъ уже была совѣтская власть.

Поспѣшно иду въ вагонъ.

Три казака и солдатъ останавливаютъ меня у самаго вагона.

— Товарищъ, вы кто такое будете? — спрашиваютъ они меня.

— А вамъ какое дѣло, — кидаю я и сажусь въ вагонъ.

На счастье поѣздъ трогается.

Въ 5 часовъ дня въ Великокняжеской. Здѣсь еще держится атаманская

власть. Мои дорогіе члены Донского комитета, Ажогинъ, Карташовъ въ штабѣ дивизіи. Но уже все кончено. Всѣ казаки штаба разошлись. Офицеры сами чистятъ лошадей. Дивизіи давно нѣтъ. Завтра, или послѣзавтра здѣсь будетъ признана Совѣтская власть. О Калединѣ ничего не знаютъ. Бои идутъ подъ Новочеркасскомъ, но, кажется, Новочеркасскъ еще не занятъ большевиками.

Все-таки надо ѣхать туда. Коннозаводчикъ Михалюковъ даетъ мнѣ лошадей и 30-го Января подъ проливнымъ дождемъ мы ѣдемъ въ открытомъ шарабанѣ.

Два дня я ѣхалъ по родной Донской степи. Мѣнялъ лошадей, обѣдалъ и ночевалъ на зимовникахъ у коннозаводчиковъ. Тишина и безмолвіе кругомъ. Поютъ жаворонки, солнце пригрѣваетъ, голубое марево играетъ на горизонтѣ.

На зимовникѣ Вонифатія Яковлевича Королькова комитетъ изъ 2-хъ казаковъ, 2-хъ солдатъ и 2-хъ германскихъ военноплѣнныхъ. Онъ взялъ опеку надъ имѣніемъ, чтобы «народное хозяйство» не расхищалось. Узнали о моемъ пріѣздѣ, пришли ко мнѣ.

— Вы что за человѣкъ? — хмуро и сердито спрашиваетъ казакъ и вдругъ лицо его расплывается въ широкую улыбку, — а вы не генералъ Красновъ будете?

— Если знаете, такъ чего же спрашиваете? — говорю я.

— А я у васъ въ дивизіи въ конносаперной командѣ служилъ, помните Акимцевъ казакъ*, — радостно говоритъ «членъ комитета». — Вамъ лошадей? Сейчасъ подамъ.

Очевидно здѣсь не скроешься. «Попа», какъ говоритъ пословица, — «и въ рогожѣ узнаешь».

Черезъ полчаса мнѣ поданъ четверикъ въ отличной коляскѣ. «Комитетъ» провожаетъ меня наилучшими пожеланіями.

Ночью 31-го Января я былъ на берегу замерзшаго Дона въ станицѣ Богаевской. Изъ оконъ въѣзжей избы видны огни Новочеркасска, ярко горятъ электрическіе фонари по Крещенскому спуску и у собора. До Новочеркасска 23 версты.

Но лошадей нѣтъ. Надо ждать до утра.

На въѣзжей, въ комнатѣ, гдѣ вмѣсто свѣчей тускло мигаетъ лампадка, три молодыхъ офицера. Я достаю свѣчу и зажигаю ее. Одинъ всматривается въ меня и вдругъ говоритъ:

— Вы генералъ Красновъ?.. А меня помните? Мальчикомъ я у васъ въ трубаческой командѣ служилъ. Помните, когда вы адъютантомъ были.

Гдѣ же узнать! Это было 16 лѣтъ тому назадъ, и ему было лѣтъ 15.

— Тяжело, ваше превосходительство, на Дону. Третьяго дня мы бѣжали изъ Нижне-Чирской станицы. Большевики заняли... А вчера, слышно, Калединъ застрѣлился!..

— Какъ застрѣлился? — говорю я.

— Такъ точно. Сегодня похоронили...

Я не могу больше говорить. Первый разъ нервы измѣняютъ мнѣ. Я выхожу на улицу и долго мы ходимъ вдвоемъ съ женой по узкой тропинкѣ по берегу Дона.

---

* Если память мнѣ не измѣняетъ въ фамиліи.

Калединъ застрѣлился! Что тамъ въ Новочеркасскѣ, который такъ таинственно мигаетъ своими электрическими фонарями, что за широкимъ Довомъ и займищемъ, поросшимъ кустами, на гордомъ обрывѣ, гдѣ стоитъ златоглавый соборъ и бронзовый Ермакъ протягиваетъ сибирскую корону Московскому царю? Что тамъ, гдѣ подъ скалою, накрытою буркою, спитъ вѣчнымъ сномъ Баклановъ?

Ужели Совѣтская власть?

Куда ѣхать? Гдѣ скрыться тому, у кого на каждомъ хуторѣ есть сослуживцы, есть друзья и враги?

1-го Ферваля на трясской телѣгѣ, запряженной парой худыхъ лошадей, я въѣзжалъ въ Новочеркасскъ, потому-что куда же мнѣ было и ѣхать больше?!...*

---

* Въ Великихъ Лукахъ мною было составлено оффиціальное «Описаніе дѣйствій III коннаго корпуса подъ Петроградомъ противъ Совѣтскихъ войскъ съ 25 октября по 8 ноября». Въ описаніи этомъ воспроизведены всѣ приказы мои и Керенскаго, всѣ телеграммы и юзограммы, относящіеся къ походу. Описаніе было напечатано въ 100 экземплярахъ въ типографіи штаба корпуса. При разгромѣ Штабного эшелона въ Царицынѣ большевики съ особеннымъ усердіемъ искали и уничтожали эти книжки. Единственый экземпляръ, оставшійся у меня, былъ мною переданъ въ Новочеркасскѣ Павлу Ник. Милюкову и у него пропалъ въ Кіевѣ. Настоящее описаніе сдѣлано мною по моимъ дневникамъ и по памяти въ іюлѣ 1920 года.

Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г.

Р. Донского*

Внуку моему Всеволоду

Править Русью призванъ только черный народъ.
То по старой сплетнѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ.
Гр. А. Толстой. «Потокъ Богатырь».

Дорогой мой Лодочка! Морознымъ вечеромъ 1920 года, когда тебѣ еще не было 2-хъ лѣтъ, мы сидѣли съ тобою въ нетопленной комнаткѣ небольшого домика на одной изъ окраинъ города Минска. Надвигались сумерки. Мать и бабка возились съ печкой, а ты въ теплой шубенкѣ и шапкѣ прикурнулъ у меня на рукахъ. Мы только что вырвались изъ отвратительной, грязной гостиницы, въ которой прожили три дня, и устраивались на новой квартирѣ. На душѣ было скверно и тоскливо. Поляки отобрали у меня всѣ деньги, и мы не знали, вернутъ ли ихъ. Всѣ говорили, что въ Германію насъ не пропустятъ. А отношеніе къ намъ въ Польшѣ было таково, что оставаться тамъ было немыслимо. Ты пригрѣлся у моего мѣхового воротника и мирно дремалъ, а я смотрѣлъ на твою безмятежную рожицу и горько раскаивался въ томъ, что вытащилъ тебя изъ Москвы въ полную неизвѣстность, ожидающую насъ впереди.

Вотъ въ этотъ то вечеръ я и рѣшилъ записать подробно наше бѣгство изъ Москвы и обстоятельства, побудившія насъ покинуть Россію, чтобы, когда ты выростешь и научишься читать и понимать прочитанное, ты могъ самъ рѣшить, правъ ли былъ твой дѣдъ, увозя тебя, или неправъ. А если ты, прочитавъ мои записки, припомнишь немного исторію, ты поймешь, что жизнь человѣчества подвержена тѣмъ же законамъ, какъ и жизнь отдѣльныхъ индивидуумовъ. Такія же внезапныя пробужденія атавистическихъ инстинктовъ, какія наблюдаются у послѣднихъ, періодически проявляются и въ жизни человѣчества. Привыкнувъ къ жизни большого культурнаго

* Р. Донской—литературный псевдонимъ одного изъ московскихъ профессоровъ, находящагося нынѣ за границей. Псевдонимъ этотъ авторъ воспоминаній по вполнѣ понятнымъ причинамъ пока раскрывать не желаетъ. Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія предназначались авторомъ не для печати, а для семейнаго архива, и редакція съ ними ознакомилась случайно.

центра, къ своимъ лекціямъ, книгамъ, театрамъ, трамваямъ, поѣздамъ, телефонамъ и т. д. и т. д., я совершенно забылъ о возможности такихъ атавистическихъ взрывовъ и никакъ не ждалъ, что въ началѣ XX вѣка къ намъ ворвется первобытная жизнь во всей ея неприкрашенной наготѣ и перевернетъ все вверхъ дномъ. Я радуюсь за тебя, моя крошка, что ты пережилъ все это въ раннемъ дѣтствѣ. Къ тому времени, когда ты выростешь, жизнь, вѣроятно, успѣетъ вернуться къ культурнымъ формамъ, періода затишья на твой вѣкъ хватитъ и тебѣ не придется на склонѣ дней ломать налаженной жизни, какъ пришлось это мнѣ съ бабкой.

Итакъ, малютка, слушай.

Родился ты въ Москвѣ 5 Марта 1918 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ большевистскаго переворота. Жили вы около Тверского бульвара и занимали одну комнату, гдѣ ютились отецъ, мать, ты и твоя няня Мариша. Когда тебѣ было нѣсколько недѣль отъ роду, меня съ бабкой часовъ въ 6 утра разбудила твоя мать, прибѣжавшая къ намъ вся въ слезахъ. Ночью у васъ былъ обыскъ, ворвались солдаты съ винтовками, перевернули все вверхъ дномъ и перепугали на смерть Маришу, съ которой сдѣлалось нервное разстройство.

— Мнѣ нужно въ госпиталь, я не могу оставаться дома, плакала мать, отцу тоже надо ѣхать на службу, а Мариша совсѣмъ съ ума сошла, въ каждомъ углу ей мерещатся солдаты съ ружьями, что будетъ съ Лодкой.

Бабка отмѣнила уроки и пошла стеречь тебя, пока вернутся отецъ съ матерью.

Мѣсяца черезъ два вашъ домъ реквизировали, давши вамъ три дня на пріисканіе новой квартиры. Найти что-нибудь такъ быстро, конечно, и думать было нечего. Дядя Шура «уплотнился» и вы въѣхали къ нему, Приблизительно черезъ мѣсяцъ вы нашли двѣ комнаты неподалеку отъ насъ у бѣженцевъ изъ Варшавы, которые скоро уѣхали, и вся квартира осталась за вами, но ненадолго. По «стратегическимъ соображеніямъ» изъ верхнихъ этажей вашего дома опять таки въ трехдневный срокъ выбросили всѣхъ жильцовъ, въ томъ числѣ и васъ. На этотъ разъ васъ пріютили знакомые, у которыхъ вы прожили съ мѣсяцъ и вамъ вскорѣ повезло. Въ томъ же домѣ (но въ другомъ подъѣздѣ), гдѣ мы жили, случайно освободилась квартира, которую мнѣ въ качествѣ предсѣдателя домового комитета удалось отвоевать для васъ. И вы переѣхали въ четвертый разъ въ теченіе зимы. Насколько легко давались вамъ эти переѣзды, ты поймешь изъ того, что отецъ бѣгалъ по своимъ службамъ съ 9 утра до $2^1/_2$ ночи, а мать, несмотря на болѣзнь почекъ, служила въ двухъ больницахъ. (Въ Россійской Федеративной Соціалистической Республикѣ это называлось восьмичасовымъ рабочимъ днемъ).

Мы съ бабкой въ отношеніи реквизицій были счастливѣй, ибо насъ спасала моя лабораторія. Попытокъ уплотнить насъ было не мало, приходили и матросы, и солдаты, и еще какіе то люди. Въ качествѣ предсѣдателя домового комитета ихъ принималъ я лично и, въ концѣ концовъ, научился съ ними обходиться. Съ однимъ приходилось говорить на равной ногѣ и сказать нѣсколько словъ о значеніи науки, другимъ импонировалъ больше сухой оффиціальный тонъ, третьи больше подавались на

просьбу «войти въ положеніе». Словомъ приходилось лавировать. Кстати о предсѣдательствѣ въ домовомъ комитетѣ. Если бы ты могъ представить себѣ, во что превратила совѣтская власть это хорошее по существу учрежденіе. Какихъ только бумагъ мнѣ не приходилось подписывать. Одной жилицѣ, которую я совершенно не зналъ, я ежемѣсячно удостовѣрялъ право на пенсію, которую она гдѣ-то все-таки ухитрялась получать, несмотря на отмѣну пенсій. Выдалъ нѣсколько разрѣшеній вступить въ бракъ (честное слово, малютка, дѣдъ не шутитъ), а одинъ разъ удостовѣрилъ «крайнюю необходимость вымыться въ банѣ». Подписывалъ все и только просилъ жильцовъ приносить уже готовыя удостовѣренія.

Лѣтомъ 1918 года мнѣ было предложено организовать новую научную лабораторію. Дѣло было интересное, и за него я взялся горячо. Начались поиски помѣщенія. Полагая, что лучше всего дѣйствовать изъ центра и сверху, я пошелъ къ предсѣдателю Московскаго совдепа, Владимірскому (если не ошибаюсь, онъ раньше былъ секретаремъ Городской управы). Выслушавъ меня, онъ предложилъ обратиться въ жилищный отдѣлъ, завѣдующимъ коего была его жена (вѣроятно, во исполненіе декрета о томъ, что мужъ и жена не могутъ служить въ одномъ и томъ же учрежденіи). На вопросъ, гдѣ Владимірская, мнѣ показали на большой залъ засѣданій (дѣло было въ Городской думѣ), на дверяхъ котораго висѣлъ аншлагъ: постороннимъ входъ воспрещается. Я заглянулъ въ дверь: огромный залъ былъ заставленъ столами, за которыми работало нѣсколько сотъ человѣкъ. Между столами расхаживала Владимірская. Я велѣлъ доложить о себѣ. Прошло больше часа, Владимірская все ходила между столами.

— Попробуйте пройти къ секретарю, посовѣтовали мнѣ.

Въ большой комнатѣ шелъ пріемъ просителей. Я сталъ въ очередь. Это были все выселяемые интеллигенты, которые просили либо о предоставленіи новыхъ помѣщеній, либо объ оставленіи ихъ въ старыхъ. Пріемъ вела дѣвица коммунистка, изъ тѣхъ, что одинъ ученикъ бабки за рѣшительность ихъ нрава прозвалъ «большевистскими валькиріями». Пріемъ шелъ быстро. Два, три громкихъ окрика валькиріи и проситель вылеталъ бомбой. Передо мной стоялъ предсѣдатель домового комитета уплотняемаго дома. Съ цифрами въ рукахъ, иллюстрирующими кубическое содержаніе воздуха въ домѣ, количество жильцовъ и пр., онъ началъ доказывать невозможность уплотненія.

— Я давно знаю наизусть все, что вы собираетесь мнѣ сказать, перебила валькирія его первую же фразу. Выбросьте въ сарай всѣ ваши гостинныя-ампиры и прочій хламъ и вы увидите, сколько у васъ мѣста освободится! Вамъ что? обратилась она ко мнѣ.

Я изложилъ дѣло.

— Въ 17-ую комнату! Вамъ что?

Выходя я припомнилъ характеристику жизненныхъ запросовъ идейныхъ работниковъ коммунизма, данную инженеромъ Л., однимъ изъ виднѣйшихъ представителей большевизма, который получилъ воспитаніе за границей и долго прожилъ въ Германіи, занимая крупный постъ въ ея промышленномъ мірѣ. Большевики употребляли его для непосредственныхъ сношеній съ западной Европой.

— Что же вы хотите, сказалъ онъ, отъ людей, которые верхомъ человѣческаго благополучія привыкли считать наличность кровати, стула и трехногаго стола со стопкой бумаги и портретомъ Карла Маркса на немъ?

17-ая комната оказалась тою же самой, гдѣ я ждалъ раньше Владимірскую. Прошло еще болѣе часа въ ожиданіи. Владимірская все ходила между столами. Наконецъ, я окончательно потерялъ терпѣніе, рѣшилъ войти безъ доклада. Подошелъ къ ней и попробовалъ представиться.

— Вы читали надпись на дверяхъ?

— Читалъ.

— Уходите!

— Изложивъ дѣло, съ удовольствіемъ.

— Я позову швейцара.

— Зовите.

— Пойдемте! И она подвела меня къ одному изъ столовъ.

— Составьте протоколъ! распорядилась она и отошла.

— Чиновникъ взялъ четвертушку бумаги.

— Ваше имя?

— Профессоръ Московскаго университета имя рекъ.

— По какому дѣлу?

— Командированъ такимъ то вѣдомствомъ по такому то дѣлу.

— Присядьте на минутку.

— Онъ подошелъ къ Владимірской и началъ ей что то шептать. Черезъ минуту она подошла ко мнѣ.

— Уходите, показала она мнѣ величественнымъ жестомъ на дверь.

— Прежде чѣмъ не подпишу протокола, я не уйду.

— Я позову швейцара.

— Зовите.

Она отошла. Я сѣлъ, а чиновникъ принялся за текущую работу. Давъ мнѣ остыть, онъ сказалъ мнѣ:

— Профессоръ, вѣдь вы же врачъ.

Я понялъ, что онъ хочетъ сказать.

— Я уйду, отвѣтилъ я. Но вы теперь знаете мое дѣло. Дайте мнѣ хорошій совѣтъ.

— Самое простое — найти подходящее помѣщеніе самому и дѣйствовать черезъ мѣстный совдепъ. Этотъ путь будетъ самымъ вѣрнымъ.

Начались поиски. Цѣной мѣсячной бѣготни по Москвѣ, я нашелъ подходящій домъ въ Зубовѣ, занятый трамвайными кондукторами, и отправился въ Хамовническій совдепъ просить отвести помѣщеніе мнѣ. Приняла меня секретарь жилищнаго отдѣла, но уже не изъ типа валькирій, а простой милый ребенокъ лѣтъ 15—16. Я изложилъ ей дѣло, но она отвѣтила категорическимъ отказомъ: рабочихъ тронуть нельзя. И она начала говорить о жилищной нуждѣ рабочихъ.

— Если бы вы были знакомы съ литературой вопроса, вы не стали бы настаивать, закончила она.

Я, видя, что съ нею каши не сваришь, попросилъ провести меня къ предсѣдателю, каковымъ оказалась тоже дѣвочка, но уже постарше — лѣтъ 18—19. Внимательно выслушала меня и тоже отказала. Я сталъ

доказывать, что общежитіе можно устроить въ любомъ домѣ, а для лабораторіи нужно особое оборудованіе — газъ и прочее.

— Я согласна, но (и дѣвушка постаралась придать своему полу-дѣтскому личику особо многозначительное выраженіе) этотъ домъ намъ важенъ по своему положенію. Вы понимаете?

— Нѣтъ.

— Здѣсь имѣютъ значеніе соображенія чисто стратегическаго свойства.

— Въ стратегіи я не силенъ, согласился я съ ней, а потому спорить не берусь.

— Да почему вы настаиваете именно на этомъ домѣ? Мы вамъ можемъ дать лучшее помѣщеніе. Вамъ районъ Дѣвичьяго поля подходитъ?

— Очень.

— Такъ мы вамъ реквизируемъ нервную клинику. Она все равно пустуетъ. Это очень просто.

Я поспѣшилъ ретироваться, боясь, какъ бы она и впрямъ не привела въ исполненіе этой простой мысли. Вѣдь отъ такого срама я бы во всю жизнь не омылся.

До осени все же удалось получить помѣщеніе въ одномъ изъ ликвидированныхъ старыхъ учрежденій. Мнѣ предстояло уѣхать изъ Москвы мѣсяца на полтора и передъ отъѣздомъ я зашелъ въ Лефортовскій военный госпиталь, съ которымъ у меня остались связи послѣ войны. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія на Ленина. Тамъ во дворѣ анатомическаго театра я увидѣлъ разостланный огромный брезентъ, изъ подъ котораго торчала пара мертвыхъ ногъ въноскахъ.

— У васъ опять подвалъ затопило, что трупы не убраны? — спросилъ я служителя Григорія, съ которымъ мы были пріятелями еще съ войны.

Тотъ вмѣсто отвѣта отбросилъ брезентъ и я увидѣлъ 24 трупа съ раздробленными черепами. Всѣ лежали въ одномъ бѣльѣ, въ разнообразныхъ позахъ, въ два ряда, голова къ головѣ. Черепа ихъ напоминали разбитые спѣлые арбузы, и изъ широкихъ отверстій съ развороченными краями вываливались обезображенные мозги и обломки костей. Я не могъ не узнать всесокрушающаго дѣйствія выстрѣла изъ винтовки въ упоръ. Большинству стрѣляли въ високъ, нѣкоторымъ въ лобъ. Все было понятно.

— Въ первый разъ привезли? — спросилъ я Григорія.

— Въ первый. Предупредили, что сегодня ночью привезутъ еще сорокъ.

Я посмотрѣлъ Григорію въ глаза, онъ отвернулся и мы пошли прочь. Въ Учредительное собраніе Григорій подавалъ голосъ за эсъ-эровъ, а въ городскую думу за большевиковъ.

— Программа у нихъ больно хороша, объяснилъ онъ мнѣ тогда.

— Ну, а земля, какъ же, Григорій?

— Земля моя! Я, чтобы заплатить за нее, 5 лѣтъ въ шахтѣ работалъ.

— Да вѣдь въ программѣ то совсѣмъ другое.

— Мало бы что другое! А если я не отдамъ, тогда что?

Теперь я вспомнилъ этотъ разговоръ и спросилъ.

— Что же Григорій, у большевиковъ программа все-таки хорошая?

— Вездѣ убиваютъ, уклончиво отвѣтилъ онъ, отвернувшись въ сторону.

На другой день послѣ посѣщенія госпиталя я былъ по дѣлу о

помѣщеніи лабораторіи въ бывшемъ IX отдѣленіи управы (врачебно-санитарное). Нужнаго мнѣ врача я засталъ у телефона. Насколько я понялъ разговоръ шелъ о томъ, чтобы казненныхъ перестали возить для погребенія въ больницы.

— А много къ вамъ доставляютъ? спросилъ я его.

— Полными грузовиками, отвѣтилъ онъ, сильно понизивъ голосъ. Сегодня въ Солдатенковскую доставили что то около 30. Подняли смотрителя ночью, онъ было запротестовалъ, начали грозить ружьями. Когда стали выгружать, оказалось, что одинъ еще живъ. Смотритель отказался принять его. Тогда тѣ усмѣхнулись, положили живого на грузовикъ, отъѣхали на Ходынку и черезъ пять минутъ вернулись — дошелъ, говорятъ, принимайте.

— И во всѣ больницы привозятъ?

— Въ большинство.

Изъ разговора съ прозекторами я выяснилъ, что разстрѣливаютъ обычно изъ винтовки въ упоръ, стрѣляя въ голову. Но, повидимому, практиковались и другіе методы. Одна изъ учениць бабки разсказала ей слѣдующій случай. Мужа ея сестры тоже приговорили, и, посадивъ съ другими осужденными на автомобиль, вывезли на Петроградское шоссе за Всесвятское. Тамъ было устроено нѣчто въ родѣ охоты на куропатокъ. Осужденныхъ по очереди спускали съ автомобиля, задержавъ его ходъ и кричали: — Бѣги! Тотъ инстинктивно бросался къ лѣсу, и его подстрѣливали съ бѣгущаго автомобиля. Зять ученицы былъ спущенъ однимъ изъ первыхъ. Раздался выстрѣлъ, попавшій въ плечо и онъ упалъ. Когда автомобиль отъѣхалъ, онъ поползъ къ Серебрянному бору и укрылся въ кустахъ. Черезъ нѣсколько времени разразилась гроза, и автомобиль, собирая подстрѣленныхъ возвратился къ мѣсту, гдѣ тотъ упалъ подъ проливнымъ дождемъ. Его немного поискали, поспорили о мѣстѣ, гдѣ упалъ казненный (одни говорили здѣсь, другіе дальше) и, не желая мокнуть, уѣхали. Просидѣвъ весь день въ Серебряномъ бору, спасшійся чудомъ молодой человѣкъ ночью прокрался въ Москву и ему удалось убѣжать въ провинцію.

Это было самое начало террора и отвѣтъ на покушеніе на Ленина. Профессоръ М., лечившій Ленина, говорилъ мнѣ, что тотъ поразилъ его необычайной силой воли и той стойкостью, съ которой онъ выносилъ мучительныя перевязки. М. смотрѣлъ на разыгрывавшуюся въ Россіи трагедію изъ первыхъ рядовъ партера. Я по своей спеціальности попалъ за кулисы и своими глазами видѣлъ какъ Ленинъ расправлялся съ тѣми, кто заставилъ его выносить эти перевязки. И онъ очевидно вошелъ во вкусъ. Весной 1919 года я послалъ одного изъ ассистентовъ за матеріаломъ въ анатомическій театръ Яузской больницы, и онъ тамъ нашелъ уже 80 труповъ съ раздробленными черепами. А въ Москвѣ въ то время не было ни заговоровъ, ни волненій. Очевидно у Ленина — просто размахнулась рука, раззудилось плечо, а пріѣхавшій недавно въ Берлинъ профессоръ С. разсказалъ мнѣ слѣдующее. Лѣтомъ 1920 г., вскорѣ послѣ оффиціальной отмѣны смертной казни, у д-ра N. разстрѣляли взрослаго сына. Одинъ изъ его товарищей, который былъ хорошъ съ прозекторомъ, пошелъ въ анатомическій театръ разыскивать трупъ и увидѣлъ картину. Небольшой подвалъ былъ до потолка набитъ казненными, которые были сложены, какъ штабель дровъ. Объ опознаніи трупа не могло быть конечно и рѣчи. Тогда

старуха мать подкупила могильщиковъ и пришла въ назначенную ночь на кладбище. Тамъ ей предъявляли подрядъ всѣ трупы, прежде чѣмъ бросить ихъ въ общую яму, и она опознала дорогое ей, обезображенное лицо. За баснословную сумму денегъ она добилась, что сына ея зарыли не въ общей, а въ отдѣльной ямѣ, которую она обозначила своимъ условнымъ знакомъ...

Вскорѣ послѣ посѣщенія Лефортовскаго госпиталя я уѣхалъ. Когда я вернулся черезъ пять недѣль, я не узналъ Первопрестольной. Уѣзжая я оставилъ магазины открытыми, хотя и значительно опустѣвшими. Вернулся же я въ разгаръ національзаціи торговли, когда во всей Москвѣ сдирали вывѣски. Такой ободранный домъ становился разноцвѣтнымъ: мѣсто, покрытое вывѣской переставали штукатурить, а вывѣски вѣшались въ различное время; когда ихъ удалили подъ ними оказался цвѣтъ, въ который былъ оштукатуренъ домъ когда-то раньше, зачастую отличный отъ послѣдняго. Особенно жалкій видъ имѣли маленькіе дома, когда-то сплошь покрытые вывѣсками. Раздѣвшись, они являли москвичамъ всю убогость своихъ облупленныхъ фасадовъ, прикрытыхъ раньше разноцвѣтными плакатами. Но самое скверное было, конечно, не обезображиваніе домовъ, а то, что съ закрытіемъ магазиновъ ничего нельзя было купить. Сначала мы недоумѣвали, какъ будемъ жить, но потомъ жизнь устроилась по своему. Табачные магазины были замѣнены мальчишками, продававшими на улицахъ папиросы и спички, кое-что изъ припасовъ начали таскать на домъ различные спекулянты, главнымъ образомъ дворники. А все что угодно — отъ великолѣпной кружевной блузки до Цейссовскаго микроскопа, можно было купить на Сухаревкѣ. Это буржуи (или, вѣрнѣе, люди интеллигентныхъ профессій, ибо истые буржуи давно разбѣжались) въ поискахъ за пропитаніемъ продавали свое имущество. Трудно даже представить себѣ, чего только не претворяла Сухаревка въ совѣтскіе рубли. Однажды я увидѣлъ тамъ приличнаго господина въ драповомъ пальто, продававшаго клѣтчатую подкладку этого самаго пальто, очевидно разсудившаго, что подкладка — буржуазный предразсудокъ.

*

* *

Черезъ недѣлю по возвращеніи я пошелъ въ засѣданіе факультета и засталъ тамъ неожиданную для меня картину. Число членовъ возрасло съ тридцати до трехсотъ (вошло въ него свыше 100 приватъ-доцентовъ, почти столько же студентовъ и почти столько же ассистентовъ). Рядомъ съ деканомъ сидѣлъ политическій комиссаръ, молоденькая женщина врачъ Познеръ. Деканомъ въ мое отсутствіе выбрали В. С. Гулевича. Атмосфера была напряженная. Студенты положительно горѣли жаждой реформъ преподаванія. Но въ чемъ должны состоять эти реформы, конечно, яснаго отчета не отдавали себѣ. Профессора насторожились, ожидая натиска и разрушенія и собираясь отстаивать дорогую имъ alma mater. Шли выборы президіума (деканата) и на очереди стоялъ вопросъ о выборѣ товарища декана. Я до сихъ поръ любуюсь тѣмъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, съ какимъ велъ засѣданія В. С. Гулевичъ, какъ умѣло онъ отводилъ готовыя разразиться бури и съ какимъ тактомъ онъ выяснялъ политическому комиссару неумѣстность нѣкоторыхъ его выступленій. Справедливость требуетъ оговорить, что г-жа Познеръ («гувернантка» какъ мы ее

прозвали) была одушевляема самыми лучшими намѣреніями и, если дѣлала промахи, то по незнанію академической жизни и ея обычаевъ. И такихъ промаховъ было немного.

Выборы товарища декана заняли два засѣданія. Студенты выставили кандидатуру профессора Б. и упорно держались за нее. Но собрать большинства онъ не смогъ. Баллотировался онъ четыре раза, но безуспѣшно. Съ другой стороны проваливались и кандидаты старой профессуры. Наконецъ, послѣ безконечныхъ «перерывовъ» и «частныхъ совѣщаній» сошлись на пріемлемой для старой профессуры кандидатурѣ. Съ другими кандидатами происходила таже исторія. И на конструкцію деканата ушло больше мѣсяца. Наконецъ, факультетъ сконструировался и началась академическая жизнь. Но какая! На первый курсъ было принято по распоряженію комиссаріата 5000 человѣкъ, а помѣщенія были разсчитаны на 250 человѣкъ. На вступительной лекціи по анатоміи набилась полная аудиторія и во дворѣ осталась огромная толпа. У проф. Граве на вступительной лекціи одному студенту сдѣлалось дурно, но онъ остался въ стоячемъ положеніи, стиснутый толпой, и ни профессоръ, ни ассистенты не могли къ нему подойти, пока аудиторія не была частью освобождена. Это все было на первыхъ лекціяхъ. Но скоро рвеніе остыло, а съ наступленіемъ морозовъ занятія фактически прекратились.

Дровъ у университета не было, и въ аудиторіяхъ стояла температура отъ минусъ трехъ до плюсъ двухъ градусовъ, глядя по погодѣ. Читать чисто теоретическія лекціи, сопровождая ихъ показываніемъ рисунковъ было, хотя и трудно, но все же возможно. О настоящихъ же демонстраціяхъ, особенно, чтеніи на больныхъ, не могло быть и рѣчи. А безъ демонстрацій что же за лекціи на медицинскомъ факультетѣ? Практическія занятія вести было невозможно при установившейся температурѣ, и академическая жизнь замерла на всю зиму. Лабораторіи и музеи въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ стали постепенно разрушаться. Какъ то я зашелъ въ патолого-анатомическій институтъ и увидѣлъ картину: въ корридорѣ лежали сваленные въ кучи ледяные кубики въ родѣ брусковъ искусственнаго льда. Это были замерзшіе вынутые изъ лопнувшихъ банокъ, зачастую рѣдчайшіе препараты, представляющіе огромную цѣнность.

Въ клиникахъ количество больныхъ сократилось до минимума, и могущіе ходить проводили цѣлый день въ «кубовой», гдѣ топились печи. Здѣсь же происходили врачебные осмотры и нѣчто въ родѣ лекцій.

Почти вся академическая жизнь сосредоточилась на засѣданіяхъ факультета, которыя въ силу его огромности носили зачастую сумбурный характеръ, доходившій при баллотировкахъ до того, что никто не понималъ, какой вопросъ и въ какой формулировкѣ баллотируется. (В. С. Гулевичъ вскорѣ послѣ начала учебнаго года былъ избранъ ректоромъ и ушелъ изъ декановъ). Особенно донимали декреты, зачастую противорѣчивые и въ большинствѣ невыполнимые. Разобраться въ нихъ въ собраніи въ 300 человѣкъ было, конечно, немыслимо, и пришлось избрать особую постоянную комиссію для ихъ толкованія, которую такъ и назвали «декретная комиссія».

Весною было рѣшено устроить лѣтній семестръ для пополненія дефектовъ зимняго. Но пополнить удалось немногое и на экзаменахъ студенты поражали невѣжествомъ, котораго раньше даже и представить себѣ было невозможно.

Моя работа цѣликомъ сосредоточилась въ этомъ году въ новой лабораторіи, которую удавалось отапливать, гдѣ былъ еще запасъ реактивовъ и гдѣ подобрались очень хорошіе врачи. Работа у насъ шла во всю, и даже удалось провести повторительные курсы для врачей. Было сдѣлано нѣсколько интересныхъ научныхъ работъ, напечатать которыя къ сожалѣнію было негдѣ. Но моя лабораторія была однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній, благодаря тому, что удалось получить какимъ то чудомъ дрова и благодаря тому, что врачи ея отличались совершенно исключительною любовью къ дѣлу. Значительное же большинство московскихъ научныхъ лабораторій стало уже въ эту зиму.

*
* *

Насколько замерла научная работа Москвы, настолько оживилась театральная. Помимо переполненныхъ театральныхъ и концертныхъ залъ спектакли и концерты шли непрерывно во всякихъ пролеткультахъ, клубахъ, организаціяхъ, лазаретахъ и т. д. Прежняя интеллигентская публика оказалась совершенно вытѣсненной изъ театральныхъ и концертныхъ залъ, которые наполнялись солдатами, матросами, рабочими и представителями «новой буржуазіи». Но это былъ подъемъ лишь количественный. Качественно же театральное искусство въ Москвѣ упало, какъ никогда. Ни одинъ серьезный театръ не далъ послѣ большевистской революціи ни одной новой достойной вниманія постановки.

А насколько я понялъ изъ разговоровъ со многими артистами, никогда они еще не получали такъ мало удовлетворенія отъ своей работы. По крайней мѣрѣ никогда раньше у русскаго актера я не замѣчалъ и намека на недоброжелательство къ публикѣ. А теперь ничего кромѣ презрѣнія къ публикѣ я отъ нихъ не слышалъ. Случайно одинъ артистъ Большого театра сказалъ мнѣ, что онъ всѣ оперные костюмы одѣваетъ наверхъ толстой лыжной фуфайки (обычный московскій костюмъ того времени) и, когда я удивился этому, онъ со злостью спросилъ:

— А для кого я мерзнуть стану? Для товарищей и ихъ дамъ, которыя во время моего пѣнія подсолнухи лущатъ?

Другой драматическій артистъ жаловался мнѣ:

— Вы не можете себѣ представить, что переживаешь, когда сидишь въ нетопленной уборной въ одномъ бѣльѣ и натираешь лицо полузамерзшей краской. А въ головѣ одна мысль — для кого ты стараешься, и что въ твоей игрѣ понимаютъ?

А многіе оперные артисты говорили мнѣ, что наибольшее удовлетвореніе онѣ получали отъ церковныхъ концертовъ. Многіе церковные приходы, желая прійти на помощь своимъ священнослужителямъ, стали устраивать въ церквахъ платные концерты, на которыхъ оперные артисты исполняли духовныя пѣснопѣнія. И эта новая для нихъ музыка удовлетворяла ихъ больше привычной работы на сценѣ, благодаря иному составу слушателей. Разъ я слышалъ Шаляпина и никогда я не видѣлъ его на эстрадѣ такимъ злымъ. Съ самаго его выхода начались крики «дубинушку». Шаляпинъ, исполнявшій программный номеръ во фракѣ, вышелъ въ шубѣ, буквально прокричалъ «дубинушку» и уѣхалъ. А передъ моимъ

отъѣздомъ одинъ изъ большихъ симфоническихъ дирижеровъ, прощаясь со мною, говорилъ мнѣ беззвучнымъ злымъ шепотомъ.

— Бетховена! Вѣдь я имъ подлецамъ Бетховена дирижирую. И они думаютъ, что это и дальше такъ пойдетъ. Нѣтъ, дудки.

Теперь, когда я пишу эти строки, этотъ дирижеръ находится въ Парижѣ.

Что особенно убивало артистовъ, это — халтуры по всевозможнымъ пролеткультамъ и солдатскимъ клубамъ. А на нихъ приходилось ѣздить по тому, что за многія платили продуктами. Кромѣ того на этихъ халтурахъ открывалась возможность напиться чаю съ настоящимъ сахаромъ, а иногда получить къ нему даже и бутербродъ, намазанный топленымъ масломъ. Отправлялись на такіе концерты всѣ участники сразу. Пѣшкомъ съ пустыми мѣшками собирались они въ назначенное мѣсто въ центрѣ города, гдѣ ихъ ждалъ грузовикъ или нѣсколько дровней; и обратно возвращались тѣмъ же порядкомъ, но уже съ полными мѣшками. Одна изъ ученицъ бабки, очаровательное колоратурное сопрано, спеціалистка по Моцарту и французскимъ Bergerettes XVIII вѣка, жила главнымъ образомъ этими халтурами.

— Если бы я могла спѣть имъ «дубинушку», мечтала она всегда.

Такъ мы просуществовали зиму. Жить не жили, а прозябать коекакъ удавалось.

*

* *

Несмотря на категорическое заявленіе медицинскаго факультета о невозможности принять на первый курсъ больше 300 человѣкъ, весною выяснилось, что будутъ приняты всѣ желающіе. Представленіе о томъ, что на медицинскій факультетъ нельзя принимать людей безъ опредѣленной подготовки, тоже было оставлено безъ вниманія и попрежнему единственнымъ условіемъ пріема осталось достиженіе 16-ти лѣтъ (о необходимости умѣть читать и писать хотя бы по орѳографіи Мануйлова-Луначарского условія пріема не упоминали). Если даже принять во вниманіе, что далеко не всѣ принятые посѣщаютъ университетъ, то и при этомъ условіи объ удовлетвореніи потребностямъ преподаванія существующими учебно вспомогательными университета не могло быть и рѣчи. Поэтому поднялся вопросъ объ открытіи новаго медицинскаго факультета, за что взялся московскій университетъ. Я былъ избранъ въ комиссію и лѣто у меня прошло въ интенсивной работѣ. Съ осени удалось открыть новую школу. Въ качествѣ клиникъ мы получали огромный генеральный военный госпиталь Петра I (2400 кроватей). Мы надѣялись, что военному вѣдомству удастся отапливать госпиталь и что такимъ образомъ будутъ налажены клиническія занятія. Но наши надежды, увы, не сбылись.

Осень началась при тяжелыхъ ауспиціяхъ. Домовые комитеты были разгромлены и управленіе домами было передано назначеннымъ центральной властью квартальнымъ управленіямъ (квартупхозамъ). Въ результатѣ цѣны на квартиры сразу вскочили вдвое и всѣ дома съ центральнымъ отопленіемъ остались безъ дровъ. Кромѣ того, были прекращены какіе бы то ни было ремонты, починки водопроводовъ, канализацій и т. д. Пришлось запасаться дровами каждой квартирѣ въ отдѣльности и ставить печи. Тутъ проявилось

въ полной силѣ тяготѣющее на большевикахъ проклятіе: къ чему бы ни прикасались эти коммунисты, отовсюду безъ остатка вытравлялись коммунистическія начала и, взявъ въ свои руки управленіе московскими домами, они первымъ долгомъ замѣнили коммунистическое центральное отопленіе индивидуальнымъ печнымъ. Съ осени же началась массовая ломка деревянныхъ домовъ на топливо. Жильцы дома, подлежащаго слому, выбрасывались вонъ, а организація, получая ордеръ на домъ, запасшись соотвѣтственными инструментами, приступала къ слому. Какъ только на улицѣ раздавался грохотъ падающихъ балокъ, населеніе сбѣгалось и окружало счастливцевъ, получившихъ домъ. Каждый норовилъ утащить хоть нѣсколько щепокъ. Наблюдающій за сломомъ милиціонеръ строго слѣдилъ, чтобы домъ достался именно тѣмъ, кто имѣлъ на него ордеръ и время отъ времени стрѣлялъ для острастки въ воздухъ и тогда толпа сразу разсыпалась. А черезъ минуту она уже снова была на мѣстѣ и высматривала плохо лежащіе щепки и чурбаны. Приступали къ сломкѣ рано утромъ и спѣшили закончить ее къ вечеру, ибо оставить на ночь полуразрушенный домъ значило утромъ найти уже пустое мѣсто. По окончаніи сломки предстояла трудная задача — безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ доставить балки и доски по назначенію. Дѣлалось это такъ: на балку накидывалась веревка, въ которую впрягались смотря по толщинѣ и длинѣ одинъ, два и больше человѣкъ и они волокомъ тащили балку по улицамъ. Иногда приходилось видѣть всю улицу запруженную людьми, тащащими въ разныя стороны длинныя толстыя бревна. Въ результатѣ Москва рѣзко измѣнила свой обликъ. Къ концу осени, столь характерныхъ для нея деревянныхъ домиковъ съ мезонинами совсѣмъ не стало. Не стало и ея безконечныхъ деревянныхъ заборовъ (послѣдніе растаскивались ночами безъ всякихъ ордеровъ). Рядъ улицъ превратился въ новыя большія площади съ уныло торчащими посреди нихъ остатками печей. Когда то отгороженные отъ улицъ заборами, частные сады соединились съ послѣдними и тоже образовали площади. Иной разъ даже трудно было оріентироваться въ мѣстности и получалось впечатлѣніе, что ошибся дорогой.

Осенью съ пропитаніемъ стало замѣтно хуже, чѣмъ лѣтомъ. Картина запустѣнія все увеличивалась. Трупы лошадей попадались на улицѣ все чаще и чаще. Они, конечно, не убирались за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, да и нужды въ этомъ не было, ибо такой трупъ очень быстро пожирался собаками. Какъ быстро онѣ справлялись со своимъ дѣломъ, ты можешь заключить изъ слѣдующаго примѣра. Однажды я, идя въ лабораторію, увидѣлъ на Кремлевской набережной трупъ лошади. Она, очевидно, только что пала. По крайней мѣрѣ около нея было всего двѣ собаки. Одна едва начала обдирать заднюю ногу, другая, прогрызши животъ, лакомилась внутренностями и отъ нея былъ виденъ только хвостъ и заднія ноги; это было въ половинѣ одиннадцатаго. А въ три, когда я шелъ домой, отъ лошади остался лишь скелетъ. Студенты въ анатомическомъ театрѣ не справились бы такъ быстро съ этой работой и едва ли бы отработали скелетъ такъ чисто и аккуратно.

*

* *

Съ осени работать въ лабораторіи стали гораздо труднѣе. Запасы реактивовъ истощились и пришлось добывать новые. А это было не легко. Для бѣготни за разрѣшеніями на покупки я приспособилъ одного изъ служителей, расторопнаго и пронырливаго буржуйчика, бывшаго владѣльца націонализированной часовой мастерской. Онъ цѣлые дни бѣгалъ по всякимъ центрамъ, икамъ, комамъ, главкамъ, хозамъ, продамъ и пр. Но дѣло плохо спорилось. Въ какихъ условіяхъ приходилось работать, ты поймешь изъ слѣдующаго примѣра. Для моихъ работъ постоянно нужна менделѣевская замазка — смѣсь воска, канифоли и муміи. Раньше, когда выходилъ запасъ замазки, я давалъ служителю цѣлковый, онъ бѣжалъ въ ближайщую скобяную лавочку и черезъ 20 минутъ замазка была готова. Теперь, когда она мнѣ понадобилась, пришлось сначала найти всѣ нужныя составныя части, а затѣмъ получить разрѣшеніе на покупку. Все, что нужно, нашлось въ ближайшей скобяной лавкѣ, но воскъ оказался на учетѣ въ центрожирѣ, канифоль въ центросмолѣ, а мумія въ центрокраскѣ. Всѣ три учрежденія помѣщались на трехъ различныхъ окраинахъ Москвы, а лабораторія на четвертой. Написали три бумаги и часовщикъ ихъ началъ разносить (трамвай къ этому времени пересталъ ходить). На это ушло три полныхъ дня. Слѣдующіе три дня ушли на полученіе отвѣтовъ, которые всѣ гласили одно: сообщить подробно, для какихъ именно работъ нужны просимыя вещества и мотивировать необходимость производства этихъ работъ. Написали еще три бумаги. Еще шесть дней ушли на бѣготню. Два учрежденія дали разрѣшеніе на пріобрѣтеніе, а одно отказало, и я, прогонявъ двѣ недѣли человѣка, замазки все таки не получилъ. Что же мудренаго въ томъ, что мой часовщикъ сбѣжалъ, ссылаясь на дороговизну сапогъ. Расстались мы большими друзьями и онъ на прощанье предложилъ сдѣлать мнѣ серебряную зажигалку (спички достигли 60 руб. за коробокъ).

— Можетъ быть, у васъ найдется пара ломанныхъ серебряныхъ ложекъ. Принесите — я сдѣлаю изящную вещицу.

Ложки я принесъ и черезъ недѣло получилъ зажигалку. Она работала великолѣпно.

— А вы на свѣтъ посмотрите, похвалился часовщикъ, и показалъ на два маленькихъ кругленькихъ стеклышка. Я посмотрѣлъ и обмеръ.

— Плакали мои ложки, подумалъ я про себя, зажигалку съ такими картинками нельзя вынуть изъ кармана въ приличномъ обществѣ. Перестарался мой часовщикъ.

И я вспомнилъ исторію съ замазкой. Достать нужныхъ реактивовъ нельзя, а такой мерзости, какая вставлена въ зажигалку, сколько хочешь.

Вскорѣ на лабораторію свалилось новое несчастіе. Доставать опытныхъ животныхъ до сихъ поръ было трудно, но все же возможно. Свинка стоила 200 руб. Иногда за ними приходилось посылать въ Орелъ, что обходилось дороже, но все же свинки были. Итакъ дѣло шло, пока комиссаріатъ здравоохраненія (наркомздравъ) не рѣшилъ централизовать дѣло снабженія лабораторій животными (учредить центросвинку, какъ сострилъ мой ассистентъ). Во всѣ города, гдѣ имѣлись питомники, былъ отправленъ чиновникъ, который реквизировалъ всѣхъ свинокъ и привезъ ихъ въ Москву — 420 штукъ. Изъ нихъ черезъ недѣлю издохло отъ неумѣлаго ухода 409, а 11 были отправлены на поправку въ деревню, въ качествѣ неприкосновеннаго запаса. Мы же остались безъ свинокъ. Или, вѣрнѣе, почти безъ

свинюкъ, ибо кое что отъ реквизиціи все таки уцѣлѣло, но цѣна сразу же поднялась до 1000—1500 за свинку и находить ихъ стало очень трудно. Такихъ денегъ лабораторія платить не могла и работы почти прекратились. А съ наступленіемъ морозовъ онѣ и совсѣмъ стали; ибо разрѣшить топливнаго вопроса мы не смогли.

Работа стала не только въ лабораторіяхъ, но сдѣлалась почти невозможной даже въ канцеляріяхъ, ибо замерзало чернило. А отогрѣвать его было нечѣмъ. Пришлось выработать новый методъ растапливанія льда безъ огня. Для этого нѣсколько совѣтскихъ барышенъ садились около чернильницы и начинали усиленно дышать на нее, пока чернило не оттаетъ. Къ сожалѣнію оно вновь замерзало и процессъ оттаиванія требовалъ гораздо больше времени, чѣмъ процессъ замерзанія. Такъ что совѣтскія дѣвицы большую часть времени службы употребляли не на писаніе, а на дышаніе на чернильницу. Работа шла, конечно, въ шубахъ, шапкахъ и теплыхъ перчаткахъ. Однажды, зайдя въ одинъ изъ нархозовъ къ знакомому инженеру, я засталъ въ его канцеляріи слѣдующую картину. Четыре дѣвицы въ шубахъ возились съ большой пилой около громаднаго покрытаго корой пня въ полтора обхвата, тщетно пытаясь напилить изъ него дровъ. Какъ онѣ бѣдненькія умудрились втащить эту махину на четвертый этажъ, я до сихъ поръ не пойму. Очевидно страхъ окончательно замерзнуть придалъ имъ силы.

— Здѣсь Иванъ Ивановичъ? спросилъ я.

Но онѣ были такъ заняты своей пилой, которую едва удерживали въ равновѣсіи, что даже не оглянулись. А на столахъ лежали кучи подлежащихъ исполненію бумагъ.

*

* *

Съ наступленіемъ холодовъ сыпной тифъ достигъ поистинѣ гомерическихъ размѣровъ. Прошлогодняя эпидемія намъ казалась кошмарной, но тогда смертность была невелика. Теперь же она значительно увеличилась, а заболѣваемость по весьма несовершенной статистикѣ бывшаго IX отдѣленія управы возрасла приблизительно втрое. Условія пользованія больныхъ въ больницахъ представить себѣ трудно. Больные лежали въ нетопленныхъ палатахъ въ собственномъ бѣльѣ, почти безъ присмотра, ибо въ большинствѣ сыпнотифозныхъ больницъ на врача приходилось 150—200 больныхъ, а въ нѣкоторыхъ и больше. Переполненіе достигало крайнихъ предѣловъ и число больныхъ въ большинствѣ больницъ превышало число кроватей. Въ разгарѣ заболѣванія сыпнотифозные находятся въ сильно возбужденномъ состояніи — бредятъ, кричатъ, поютъ, ловятъ чортиковъ, бѣгаютъ по палатамъ, выскакиваютъ въ окна. Такихъ больныхъ за неимѣніемъ снотворныхъ приходилось связывать. За отсутствіемъ же горячечныхъ рубахъ ихъ просто привязывали къ кроватямъ, чѣмъ попало. Если ты это все вспомнишь, то поймешь, какой адъ творился въ такихъ биткомъ набитыхъ палатахъ съ воющими больными, привязанными къ кроватямъ. Тамъ обычно стоялъ такой содомъ, что разговаривая съ сидѣлками, приходилось почти кричать. Къ этому нужно прибавить почти полное отсутствіе лѣкарствъ и инструментовъ.

Какъ то я разговорился съ однимъ милымъ молодымъ врачомъ, докторомъ Павловымъ, который частенько заходилъ ко мнѣ въ лабораторію. На его долю въ больницѣ приходилось до 300 больныхъ.

— Ну скажите, что же вы дѣлаете на обходахъ?

— Щупаю пульсъ.

— И больше ничего?

— А что же я еще могу дѣлать?

— А если пульсъ плохъ?

— Когда есть сердечныя, назначаю ихъ.

— А часто онѣ бываютъ?

— Разъ на разъ не приходится.

— Ну а предосторожности принимаете?

— Какія же могутъ быть предосторожности, усмѣхнулся онъ. Безъ халата не хожу, воротникъ халата и рукава мочу въ керосинѣ, когда онъ есть. Но только это ни къ чему. Попробуйте ка сюда не впустить вошь.

И онъ поднялъ ногу. Сапоги у него расползлись, пальцы вылѣзали наружу, на задникахъ сіяли дыры.

Дня черезъ три онъ зашелъ ко мнѣ изъ больницы съ температурой. Я забезпокоился, не сыпнякъ ли.

— Возможно, сказалъ онъ просто. Но начало что то не характерное, возможно, что обойдется.

Черезъ четыре дня я былъ на его отпѣваніи.

Въ эту эпидемію врачи заболѣвали въ огромномъ количествѣ и мало кто изъ заболѣвшихъ выздоравливалъ. Такъ что тѣмъ, кто успѣлъ перенести сыпной тифъ въ прошломъ году, когда эпидемія была не такая злая, всѣ завидовали.

Такая же картина запустѣнія, какъ въ больницахъ, наблюдалась и въ аптекахъ, которыя стояли почти безъ лѣкарствъ. Къ тому же онѣ были націонализированы, въ нихъ былъ введенъ 8-ми часовой рабочій день, всѣ аптекарскіе ученики стали чиновниками, и въ аптеку сразу ворвался чуждый ей дотолѣ духъ бюрократизма. Раньше сутокъ послѣ заказа лѣкарство получить стало невозможнымъ. Это въ лучшемъ случаѣ, а то срокъ изготовленія назначался въ 2—3 дня. Никакія просьбы и мольбы не помогали. Профессія врача развиваетъ черствость — это несомнѣнно, ибо врачъ на страданія больного никогда не реагируетъ такъ живо, какъ рядовой обыватель. Есть эта черствость, конечно, и во мнѣ. И не смотря на нее, нѣкоторыя сцены, которыя я видѣлъ въ аптекахъ, потрясли меня до глубины души. Особенно рѣзко запечатлѣлась одна изъ такихъ сценъ. Мужчина среднихъ лѣтъ пришелъ за лѣкарствомъ.

— Адреналина нѣтъ, отвѣтили ему.

— А безъ адреналина вы сдѣлали?

— Прописано съ адреналиномъ.

— Такъ я же просилъ, если не будетъ адреналина, сдѣлать безъ него.

— Прописано съ адреналиномъ.

Мужчина заплакалъ.

— Моя жена при смерти, лепеталъ онъ, я сутки жду солевого раствора для вливанія, и вы его не хотите сдѣлать. Когда же вы сдѣлаете?

— Черезъ 24 часа.

Господинъ взялъ рецептъ и, шатаясь, вышелъ. А я отозвалъ въ сторону аптекаря, пошептался съ нимъ и, уплативъ ему баснословную сумму, положилъ въ карманъ цѣлую банку съ адреналиномъ, который былъ необходимъ задыхавшейся въ астматическомъ припадкѣ бабкѣ. Ушедшему ни съ чѣмъ господину нужно было всего нѣсколько капель адреналина, но онъ къ сожалѣнію ушелъ раньше и я не могъ подѣлиться съ нимъ. Пришлось утѣшить себя тѣмъ, что «соціологическій опытъ», объектомъ коего былъ плакавшій въ аптекѣ мужчина, течетъ совершенно правильно, какъ предсказалъ Ленинъ: за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ по Москвѣ ходило его весьма глубокомысленное изреченіе.

— То, что теперь у насъ, еще не голодъ. Голодъ будетъ тогда, когда 10 человѣкъ будутъ драться изъ за одной дохлой крысы.

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ смертность въ Москвѣ достигла небывалыхъ размѣровъ и что хоронить покойниковъ становилось съ каждымъ мѣсяцемъ труднѣе. Въ 1918 году я хоронилъ свою мать. Совѣтскія похороны стоили тогда 600 рублей, причемъ гробъ давался на прокатъ и везли его на кладбище на дровняхъ. Ждать очереди приходилось въ среднемъ около 10 дней, въ теченіе которыхъ покойникъ разлагался въ квартирѣ. Я заплатилъ за похороны 3000 руб. и получилъ на пятый день въ собственность простой еловый гробъ, но слегка подкрашенный въ коричневый цвѣтъ и обитый узенькимъ позументомъ по краю, и дроги въ одну лошадь. Помогалъ мнѣ во всемъ мой часовщикъ. Мы поставили гробъ на дроги и тронулись на кладбище. На душѣ было тяжко и обидно. Никогда не думалъ раньше, что придется хоронить свою мать, какъ нищую. А когда мы шли по Арбату, я услышалъ нѣсколько замѣчаній.

— Вотъ это гробъ такъ гробъ! говорили встрѣчныя бабы. Его обратно уже не повезутъ. Это похороны.

На кладбищѣ я понялъ ихъ восторгъ, увидѣвши совѣтскія похороны, и разсмотрѣвъ черезъ щели гробовъ полуразложившіеся трупы, которые вытряхивались въ общія ямы.

Это было въ 1918 г., а въ 1919 съ похоронами стало куда хуже. Мой товарищъ докторъ С. хоронилъ жену. Везти ее ему пришлось уже не на дрогахъ, а въ извощичьихъ санкахъ, поставивъ гробъ на колѣни. Дорогой санки перевернулись на сугробѣ и гробъ покатился по улицѣ.

*
* *

Съ осени я сосредоточилъ свою дѣятельность на новой школѣ и читалъ лекціи въ Лефортовскомъ госпиталѣ. Когда выпалъ снѣгъ, трамваи окончательно стали и пришлось ходить на лекціи пѣшкомъ. Выходилъ я изъ дому въ 8 часовъ утра. Въ это время улицы обычно были полны народомъ, который шелъ молча, опустивъ угрюмо головы, съ пустыми мѣшками за плечами или съ салазками. Это московская интеллигенція, нынѣ армія совѣтскихъ чиновниковъ, отправлялась на службу и въ чаяніи перехватить гдѣ нибудь мерзлой картошки тащила мѣшки и салазки. Большинство было въ самодѣльныхъ теплыхъ сапогахъ, нѣкоторые въ валенкахъ. Попадались люди, завернутые вмѣсто шубъ въ байковыя одѣяла и подпоясанные веревками. Я вступалъ въ ряды этой арміи и начиналъ отмѣривать версты. Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ больше рѣдѣли ряды прохожихъ, которые постепенно

расходились по своимъ учрежденіямъ. Къ 10 часамъ улицы пустѣли и снова сразу наполнялись около 4 часовъ, когда армія направлялась домой. Большинство тащили салазки и мѣшки опять пустыми, ибо добыть продукты удавалось не всякому. Къ этому времени на перекрестки и площади выползали бабы съ ведрами горячей каши, и нѣкоторые изъ толпы, вытащивъ ложки, останавливались пообѣдать. Это были немногіе счастливцы, ибо лакомое блюдо изъ хорошей крупы съ масломъ стоило очень дорого. Большинство довольствовалось дешевыми обѣдами въ «комиссаріатскихъ» столовыхъ изъ двухъ блюдъ. На первое обычно давалась горячая, ничѣмъ не подкрашенная, вода съ небольшимъ количествомъ вареной капусты, а иногда и съ хвостикомъ воблы. На второе мерзлая вареная картофелина, иногда политая клюквеннымъ отваромъ. Изрѣдка давалось на второе четверть селедки. Тогда въ столовой былъ настоящій праздникъ. Нѣкоторые, съѣвъ такой обѣдъ на службѣ, второй забирали домой на ужинъ. Но это допускалось не во всѣхъ комиссаріатахъ.

По дорогѣ въ госпиталъ я обычно дѣлалъ двѣ остановки на 20 минутъ для отдыха и въ госпиталь приходилъ къ половинѣ одиннадцатаго. Въ нетопленной аудиторіи, не снимая шубы, шапки и перчатокъ, я читалъ, едва ворочая отъ усталости языкомъ, двухчасовую лекцію безъ какихъ либо намековъ на демонстраціи. Слушалъ меня десятокъ, другой такихъ же усталыхъ и замерзшихъ студентовъ, пришедшихъ сюда съ мѣшками мерзлой картошки за плечами. По окончаніи лекціи я шелъ отдохнуть въ одно изъ отдѣленій госпиталя, гдѣ, не снимая шубы, валился на вшивую кровать, а черезъ часъ уходилъ домой, куда попадалъ къ половинѣ четвертаго: и того одна двухчасовая лекціи отнимала у меня $7^1/_2$ часовъ.

Послѣ одной изъ такихъ лекцій я зашелъ въ анатомическій театръ и засталъ прозектора за работой: онъ при помощи Григорія вытаскивалъ мебель и инструменты изъ небольшого кабинетика рядомъ съ комнатой служителей.

— Готовлю себѣ съ женой зимнее логовище, объяснилъ онъ. Тутъ общая печка со служителями, значитъ, будетъ тепло.

У него была казенная квартира въ госпиталѣ изъ трехъ хорошихъ комнатъ,а освобождаемая комната была маленькая — 4 па 5 аршинъ, рядомъ со вскрывочной и выходила въ корридоръ, по которому носили трупы.

— Неужели же вы не можете отопить хотя бы одной комнаты? спросилъ я.

— Отопить бы можно, да ко мнѣ вселили слесаря — вотъ главное.

Я вспомнилъ, глядя на него, о томъ, какой скандалъ поднялъ во-время войны командующій войсками, когда увидѣлъ при посѣщеніи госпиталя, что въ зданіи анатомическаго театра живутъ служителя. А ихъ комната была втрое больше этой и занимала изолированное положеніе.

— Что же, Григорій, вы все еще большевикъ? спросилъ я своего пріятеля.

— Никакъ нѣтъ, г. докторъ. Я теперь никто.

— Что такъ? Разочаровались въ программѣ?

— Программы всѣ хороши, отвѣтилъ онъ сердито. А вотъ поступаютъ всѣ скверно.

Такъ завершилась политическая эволюція Григорія, отъ безсознательныхъ къ безпартійнымъ черезъ эсъ-эрство и коммунизмъ.

*

По дорогѣ въ госпиталь я обычно отдыхалъ въ трамвайныхъ будочкахъ на наружныхъ скамейкахъ, ибо зайти внутрь было невозможно по очень простой причинѣ, съ которой я ознакомился во время перваго же рейса въ госпиталь. Когда я вошелъ въ будку на Театральной площади, я наткнулся въ углу на огромную кучу испражненій. Отскочилъ въ другой, но и тамъ было тоже. Рѣшивъ присѣсть на наружной скамейкѣ, я повернулся къ выходу и увидѣлъ сидящаго на корточкахъ солдата, привѣтливо смотрящаго на меня.

— Не стѣсняйтесь, товарищъ, присаживайтесь, пригласилъ онъ меня.

— Я не стѣсняюсь, но только вѣдь это трамвайная будка.

— Да вѣдь мы ихъ давно въ н—ки обратили, самодовольно похвалился онъ.

Это происходило въ двухъ шагахъ отъ общественной ретирады. Вообще я долженъ сказать, что правящій классъ Россійской соціалистической федеративной совѣтской республики (эр—эс—эф—эс—эр) имѣлъ въ то время весьма смутное представленіе о назначеніи ватеръ-клозетовъ. Одинъ изъ артистовъ Большого театра, которому много приходилось пѣть въ различныхъ пролеткультахъ, занявшихъ лучшіе московскіе особняки, повѣдалъ мнѣ, что въ большинствѣ изъ нихъ онъ находилъ чашки унитасовъ идеально чистыми, но за то кругомъ на полу лежали громадныя кучи испражненій Такія же кучи онъ находилъ и въ роскошныхъ ваннахъ этихъ особняковъ. Причемъ нерѣдко зловонная жидкость вытекала и въ коридоръ.

Во время большевистскаго возстанія въ Маломъ театрѣ было какое то большевистское учрежденіе. И когда артисты въ первый разъ вошли въ «домъ Щепкина», они нашли полы своихъ уборныхъ покрытыми такими же кучами. А я своими глазами видѣлъ въ 1918 году протоколъ ученаго комитета главнаго военно-санитарного управленія, въ которомъ прочиталъ слѣдующее. Одинъ полковой командиръ сообщалъ, что его казарма настолько загрязнена человѣческими испражненіями, что жить въ ней уже нельзя. Сначала онъ хотѣлъ ее очистить и вывезти нечистоты, но ихъ оказалось столько, что у полка не хватитъ перевозочныхъ средствъ. Тогда онъ сталъ думать о томъ, чтобы сжечь ихъ во дворѣ казармы. Но встрѣтилась новая бѣда. Въ его распоряженіи не оказалось достаточнаго количества горючихъ матеріаловъ. И теперь бѣдный полковой командиръ, стоя безпомощно передъ этими благоухающими горами, запрашиваетъ ученый комитетъ, не изыщетъ ли тотъ какое либо средство для ихъ уничтоженія, «доступное въ условіяхъ времени и мѣста». Эта поучительная для потомства исторія хранится теперь за соотвѣтственнымъ номеромъ въ дѣлахъ ученаго комитета съ приложеніемъ рапорта, подписаннаго безпомощными каракулями полкового командира.

По вечерамъ, раза два въ недѣлю, та армія интеллигентовъ, находящихся на совѣтской службѣ, которая ежедневно отъ 8 до 10 и отъ 4 до 6 заполняла пустынныя обычно московскія улицы, выгонялась для очистки снѣга. Раньше это дѣлали дворники. Но теперь они были заняты другимъ, болѣе важнымъ дѣломъ — они кормили насъ. Не будь этихъ благодѣтелей, продававшихъ намъ по баснословнымъ цѣнамъ пищевые продукты, добываемые отъ деревенскихъ «родственниковъ», мы, конечно, давно умерли бы съ голоду. А поэтому намъ нечего было роптать на то, что мы дѣлаемъ и ихъ работу, а они, наши кормильцы, заложивъ руки за спину, важно прохаживаются около насъ и смотрятъ, чтобы буржуи работали, какъ слѣдуетъ. Да по

правдѣ сказать, мы и не работали, а только дѣлали видъ, что работаемъ. И въ результатѣ нашей работы улицы только ухудшались. Если бы онѣ были предоставлены самимъ себѣ, онѣ къ концу зимы стали бы только на аршинъ, полтора выше тротуаровъ (тротуары чистили дворники), но по нимъ можно было бы ѣздить. А послѣ нашего вмѣшательства снѣга не убавлялось, за-то улицы превращались въ нѣчто похожее на замерзшія морскія волны и ѣздить по нимъ было еще труднѣе, чѣмъ по «желѣзному озеру» берлинскаго Луна-парка. Но насъ это не касалось, ибо (большевики достаточно развили въ насъ классовое самосознаніе) — мы ходили пѣшкомъ, а ѣздили только комиссары. И выгоняли насъ сюда только ради нихъ. Такъ какой же смыслъ былъ намъ трудиться? Правда, иногда и нашему брату приходилось прокатиться въ автомобилѣ, но это къ счастью доводилось не часто и не всякому, и такихъ прогулокъ мы боялись пуще огня.

*

* *

Но не подумай, малютка, что нашего брата возили въ автомобиляхъ исключительно въ чрезвычайку. Бывало и иначе, особенно съ врачами. Какъ то утромъ на Дѣвичьемъ полѣ я встрѣтилъ нашего декана завтракающимъ: онъ на ходу очищалъ перочиннымъ ножомъ сырую морковку и съ видимымъ отвращеніемъ глоталъ ее. А черезъ два часа я встрѣтилъ его уже у себя въ переулкѣ па автомобилѣ, прыгающемъ по проложеннымъ моими руками рытвинамъ.

— Батюшки, подумалъ я, М—а въ чрезвычайку везутъ.

Но гляжу — нѣтъ, не похоже. Съ нимъ только одинъ человѣкъ, да и тотъ вполнѣ приличнаго вида, а самъ онъ сидитъ важно, развалясь, будто и впрямь комиссаръ ѣдетъ. Что за притча?

Черезъ нѣсколько дней въ засѣданіи факультета я разсказалъ ему о своемъ испугѣ, но онъ мечтательно улыбнулся и глаза его подернулись матовой влагой.

— Меня вызывали въ Метрополь (тамъ помѣщались квартиры народныхъ комиссаровъ и видныхъ коммунистовъ).

Истинный смыслъ этой счастливой улыбки и затуманеннаго взора, я понялъ нѣсколько дней спустя, особенно въ сопоставленіи съ его завтракомъ сырой морковкой. Я сидѣлъ въ дежурной комнатѣ одной изъ московскихъ больницъ, послѣ дѣлежки привезенной изъ провинціи партіи мерзлаго картофеля. Въ углу укладывалъ свой мѣшокъ извѣстный московскій педіатръ Ю. Онъ считалъ, что ему не додали двухъ съ половиною фунтовъ и, завязывая веревку, отчаянно ругался. Пиджакъ на немъ, несмотря на надѣтую подъ нимъ толстую лыжную фуфайку, висѣлъ, какъ на вѣшалкѣ. Когда то полное лицо исхудало до неузнаваемости и сморщилось. Высокій, крутой, лысый лобъ отъ этого выдался еще болѣе и все лицо несмотря на очки и жидкую бороденку стало похоже на лицо маленькаго рахитика.

— Чѣмъ вы были и чѣмъ вы стали? сказалъ я ему. Кто бы могъ подумать два года назадъ, что человѣкъ съ вашей практикой будетъ такъ браниться изъ за двухъ съ половиною фунтовъ несъѣдобнаго картофеля.

Педіатръ надѣлъ шубу, которая благодаря исчезнувшему животу, спереди висѣла почти на четверть ниже, чѣмъ сзади, и началъ укрѣплять на спинѣ мѣшокъ.

— Да, батюшка, было, да прошло. Былъ когда-то и у меня собственный выѣздъ. А вотъ теперь самъ впрягаюсь.

И онъ, согнувшись подъ тяжестью мѣшка, неловко, ловилъ за спиной ускользающую веревку. Я ему помогъ и, зная, что онъ вторую недѣлю посѣщаетъ Метрополь, гдѣ лечитъ ребенка одного изъ народныхъ комиссаровъ, спросилъ, какія новости въ сферахъ.

— Гонораръ вчера получилъ, вотъ какія новости. И сморщенное личико его расплылось въ широкую улыбку.

— Небось, тысячу рублей на серебряномъ блюдѣ вынесли?

— Да, нашли дурака. Барыня суетъ мнѣ въ руку желтую бумажку, а я отстранилъ ее и говорю: я денегъ не признаю и жду съ нетерпѣніемъ того времени, когда они будутъ доведены до полнаго абсурда (повторяю фразу, сказанную когда то ея мужемъ). Барыня смутилась. Вы, говоритъ, докторъ, меня въ неловкое положеніе ставите. А я говорю: извиняюсь, сударыня, но я въ этомъ не виноватъ, и откланиваюсь. На другой день красноармеецъ привезъ мнѣ двухъ утокъ. Хорошая птица — сама себя жаритъ, мечтательно прибавилъ онъ.

— То-есть?

— Это жена моя такъ говоритъ. Значитъ, масла не нужно.

Получилъ однажды приглашеніе въ Метрополь и я. Нужно было взять кровь у одного подростка изъ комиссарской семьи для изслѣдованія, не сыпной ли тифъ. Мнѣ не хотѣлось отправляться туда и я попросилъ съѣздить одного изъ ассистентовъ. Онъ такъ формулировалъ свои впечатлѣнія.

— Никогда бы не думалъ, чтобы такую гостиницу, какъ Метрополь, въ такой короткій срокъ можно до такой степени загадить.

— Очень грязно?

— Это не слово. Закатилъ у больной рукавъ колоть вену, а подъ нимъ вши ползаютъ. А ротъ! Да если бы въ доброе старое время я у себя въ 1-ой городской больницѣ увидалъ такой ротъ, какъ у этой бѣдной дѣвочки, вотъ бы съ трескомъ вылетѣла сестра.

А бабкѣ твоей посчастливилось попасть по дѣлу не только въ Метрополь, а и въ самый Кремль, въ квартиру одного изъ вліятельнѣйшихъ народныхъ комиссаровъ. Квартира помѣщалась въ парадныхъ царскихъ апартаментахъ. Проходя мимо зимняго сада, соединяющаго дворецъ съ оружейной палатой, бабка увидѣла, что садъ превращенъ въ сушильную для бѣлья: тамъ были развѣшаны батистовыя dessous народной комиссарши.

* * *

Теперь, моя малютка, нѣсколько словъ о жизни нашей семьи въ эту зиму. Я уже сказалъ тебѣ, что центральное отопленіе не дѣйствовало и пришлось ставить печи. Онѣ были сдѣланы изъ кровельнаго желѣза и формой напоминали гробики. Отъ печи отходили желѣзныя трубы въ дымоходъ. Постановка одной такой печи обходилась отъ 5 до 10.000 руб., глядя по длинѣ трубы. Это по вольнымъ цѣнамъ. По карточкамъ стоило гораздо дешевле. Но по карточкамъ давали только одинъ аршинъ трубъ и одно колѣно. А мнѣ, напримѣръ, нужно было 12 аршинъ и 2 колѣна. Къ тому же съ карточкой приходилось стоять въ очередяхъ, а это, помимо потери времени, было не всегда безопасно. Такъ, поэтъ Балтрушайтисъ хотѣлъ

купить себѣ по карточкѣ шляпу и сталъ въ очередь. Произошло какое-то недоразумѣніе и всю очередь отвели въ чрезвычайку, гдѣ Балтрушайтисъ просидѣлъ три недѣли. Купивши печь, нужно было добыть кирпичей и глины, чтобы обложить ее изнутри, а ни того, ни другого купить было нельзя. Глины, наконецъ, гдѣ то твой отецъ добылъ и привезъ на салазкахъ. Я же натаскалъ кирпичей изъ ломаемаго по близости дома. Смѣшавшись съ толпой «безордерныхъ», я усердно разбиралъ печку. Милиціонеръ нѣсколько разъ пугалъ насъ выстрѣлами, но мы продолжали дѣлать свое дѣло. Набравъ мѣшокъ кирпичей, я взваливалъ его на спину и тащилъ домой. Всего пришлось сдѣлать три рейса. У васъ въ квартирѣ былъ передъ кухней коридоръ необычайной длины, а потому вамъ пришлось покупать очень много трубъ. Не имѣя возможности платить по 400 руб. за аршинъ, отецъ рѣшилъ замѣнить ихъ дождевыми трубами, которыя онъ ходилъ по ночамъ сдирать съ сосѣднихъ домовъ. Дѣлалъ онъ это не одинъ. И къ началу зимы въ Москвѣ осталось очень мало домовъ съ цѣлыми водосточными трубами. Въ большинствѣ висѣли одни остатки, рѣдко доходящіе до половины дома. Послѣ невѣроятныхъ усилій мы устроили въ каждой квартирѣ по логовищу изъ двухъ теплыхъ комнатъ, гдѣ спали, ѣли, работали, принимали гостей.

Дровъ намъ удалось добыть по сносной цѣнѣ, изъ кооператива. Я ихъ сложилъ, конечно, не въ сараѣ, а у себя въ квартирѣ, занявши полкомнаты.

Этихъ новыхъ печей я боялся такъ, какъ ихъ и слѣдовало бояться — какъ огня. Мнѣ устанавливалъ печь печникъ и я былъ спокоенъ. А въ другихъ квартирахъ работали сами жильцы и нерѣдко выводили трубы не въ дымоходы, а въ вентиляторы, обшитые деревомъ, что, конечно, угрожало пожаромъ. Я, въ качествѣ бывшаго предсѣдателя домового комитета, усиленно пропагандировалъ осторожность, бѣгалъ по квартирамъ, осматривалъ проводки, словомъ надоѣлъ жильцамъ до нельзя. Когда начали топить эти импровизированныя печи, пошли пожары. Въ твоей комнатѣ загорѣлась поздно вечеромъ перегородка, черезъ которую была проложена труба. Рѣдкая недѣля проходила безъ пожара. Въ тушеніи принимали участіе всѣ жильцы дома: рубили топорами тлѣющія перегородки, таскали ведрами воду и такъ далѣе. А грязь послѣ такого пожара приходилось убирать уже лично квартирохозяину. Наконецъ, пожары кончились и, казалось, всѣ дефекты были исправлены.

Но у насъ въ домѣ что-то не ладилось, и каждая топка сопровождалась появленіемъ дыма изъ подъ половъ. Я полѣзъ на чердакъ и увидѣлъ, что изъ щелей вентиляціоннаго хода идетъ дымъ. Ясно было, что гдѣ то печь выведена въ вентиляторъ. Но гдѣ? Обошелъ еще разъ всѣ квартиры — все въ порядкѣ. Вызвалъ пожарныхъ, они осмотрѣли весь домъ и ничего не нашли. Тогда я рѣшилъ пробовать печи по очереди. Распорядившись, чтобы вездѣ огонь былъ потушенъ, я затопилъ свою печь и къ ужасу своему увидѣлъ — дымъ, выходящій изъ подъ пола. Печь потушили и сорвали трубы. Оказалось, что печникъ, взявшій съ меня 1500 руб. за три часа работы, ошибся и пробилъ стѣну не надъ дымоходомъ, а надъ идущимъ рядомъ съ нимъ вентиляторомъ. Исправлять ошибку ему было лѣнь и онъ вывелъ трубу въ вентиляторъ. Когда жильцы узнали, что я, отравляя ихъ жизнь своими осмотрами, самъ полъ зимы топилъ черезъ вентиляторъ, веселью ихъ не было предѣловъ и они нѣсколько дней не давали мнѣ проходу. Но мнѣ

было не до смѣха. Я вспоминалъ о запасахъ дровъ, сложенныхъ во всѣхъ квартирахъ и думалъ о томъ, что ты, моя малютка, прожилъ половину зимы на кострѣ, котораго чуть чуть не поджегъ твой собственный дѣдъ.

Многіе изъ жителей Москвы не сумѣли добыть себѣ печей и переселились въ ванныя, гдѣ обогрѣвались колонками. Въ ванной жила и наша бывшая домовладѣлица. При одномъ изъ осмотровъ печей я былъ у нея въ квартирѣ и засталъ ея дѣтишекъ въ ванной. Старшій 12-ти лѣтъ варилъ въ колонкѣ картофель, а младшая 6-ти лѣтъ прикурнула на скамеечкѣ, облокотившись на ванную въ ожиданіи завтрака. Электричества днемъ не было и ванная освѣщалась только печуркой. Мать ихъ была на службѣ въ одномъ изъ безчисленныхъ «комовъ». Эти заброшенныя малютки были два года назадъ одними изъ богатѣйшихъ людей въ Москвѣ, и въ гостинныхъ рядомъ съ этой ванной давались еженедѣльные балы съ оркестромъ музыки. А теперь въ гостинныхъ жили какіе то пятистепенные комиссары и благодаря этому хозяйка ихъ была лишена возможности получать обычный для людей ея положенія источникъ существованія путемъ постепенной продажи обстановки и довольствовалась жалованіемъ.

Запасъ дровъ у насъ хотя и былъ, но очень небольшой и приходилось пополнять его тѣми или иными способами. Въ Гоголевскомъ училищѣ былъ когда то госпиталь, выбравшійся оттуда и отъ него осталось нѣсколько сотъ складныхъ кроватей, которыя были свалены въ сараѣ. Учителя рѣшили разобрать ихъ на топливо и одна изъ преподовательницъ, пріятельница твоей матери, приняла въ долю и насъ. Мать, возвращаясь изъ клиникъ, ежедневно заходила въ школу, ей выносили кровать, которую она взваливала на плечи и тащила на себѣ отъ Дѣвичьяго поля до Арбатскихъ воротъ.

Съ наступленіемъ крѣпкихъ морозовъ въ домѣ начали лопаться клозетныя трубы. Лопнули онѣ и въ нашей квартирѣ, у васъ же какъ то уцѣлѣли и намъ пришлось ходить черезъ дворъ въ вашъ клозетъ. Какъ то вечеромъ, когда вы всѣ сидѣли у насъ, я пошелъ туда, захвативъ ключъ отъ чернаго хода и въ темной кухнѣ столкнулся съ двумя грабителями (это была четвертая кража у васъ). Одного я схватилъ за руку. Но онъ выстрѣтилъ изъ револьвера, и я его выпустилъ. Хорошо, что мы жили въ первомъ этажѣ — ходить было близко. А вотъ тѣмъ, кто снималъ квартиру выше, тѣмъ приходилось хуже. Эти разрѣшали канализаціонный вопросъ довольно своеобразно. Разостлавъ на полу номеръ «совѣтскихъ извѣстій», они слѣдовали примѣру солдата изъ трамвайной будки. Затѣмъ сложивъ «Извѣстія» въ аккуратный пакетъ, они выбрасывали его въ форточку. Пакетъ быстро превращался въ ледышку и такихъ мерзлыхъ пакетовъ валялось на улицахъ Москвы великое множество. О томъ, что съ ними будетъ, когда наступитъ оттепелъ никто не думалъ. Всѣ жили настоящимъ днемъ и такъ далеко, какъ время желанной оттепели, никто не загадывалъ. Вопросъ о клозетахъ сильно безпокоилъ московскіе квартупхозы. И они намѣтили разрѣшить его такъ. Всѣ клозеты предполагалось запереть и въ каждомъ домѣ оставить одинъ, отапливаемый квартупхозомъ. Хозяинъ квартиры, осчастливленный выборомъ, долженъ былъ безпрепятственно впускать къ себѣ всѣхъ жильцовъ дома. Проведенія въ жизнь этого геніальнаго плана мы не дождались и уѣхали раньше его осуществленія.

На наше счастье у насъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ водопроводъ. А вотъ тѣмъ, у кого лопнулъ, приходилось совсѣмъ плохо. Особенно страдала отъ недостатка водопровода одна изъ моихъ ассистентокъ Ф., обаятельный человѣкъ, близкая подруга твоей матери. Она заканчивала очень интересную работу и до поздняго вечера засиживалась въ нетопленной лабораторіи одна, при свѣтѣ коптящей керосиновой лампы. Домой на шестой этажъ она возвращалась къ 8 часамъ и сейчасъ же принималась за стряпню ужина, спѣша закончить все къ приходу мужа, который возвращался къ девяти. Но для этого нужно было принести со двора воды. Черная лѣстница была очень крутая и не освѣщалась, а вода, которую расплескивали на нее изъ ведеръ жильцы дома, образовала на каждой ступенькѣ скользкіе ледяные валики.

— Повѣрите, говорила она мнѣ, когда я стою въ полной темнотѣ на этомъ покатомъ ледяномъ каткѣ съ уклономъ въ 50 градусовъ, на уровнѣ четвертаго или пятаго этажа, уцѣпившись одной рукой за перила, а другой держа полное, тяжелое, расплескивающееся ведро, мною иногда овладѣваетъ такой ужасъ, что я готова громко кричать о помощи.

Вставъ утромъ, мы справляли хозяйственныя дѣла, кололи дрова, убирали комнаты и прочее. Самое тяжелое — была колка дровъ. И твоя мать передъ самымъ отъѣздомъ отрубила себѣ топоромъ кусокъ большого пальца съ костью. Затѣмъ отецъ, мать и я разбѣгались на службу, а Мариша, сплавивъ тебя бабкѣ, спѣшила въ очереди за продуктами. Часовъ съ 10—11 къ бабкѣ приходили ученики и время до обѣда ты проводилъ у нея въ классѣ, играя съ учениками, дожидающимися очереди, а иногда часами просиживая за роялемъ на колѣняхъ у бабки и терпѣливо выслушивая вокализы.

Обѣдали мы въ четыре часа, причемъ для сокращенія расходовъ вели общее хозяйство. Съ продуктами становилось все хуже и хуже. Цѣны росли ежечасно. Хлѣбъ дошелъ до 250 руб. за фунтъ, мерзлый картофель до 65, масло до 2000, сахаръ 1200. Одно твое молоко стоило намъ 1000 р. въ день. По карточкамъ выдавали только одинъ хлѣбъ, да и тотъ нерегулярно. Въ среднемъ на человѣка доставалось 25 граммъ въ день. Всѣ усилія приходилось направлять на то, чтобы прилично питать тебя, а самимъ довольствоваться главнымъ образомъ мерзлой картошкой. Но самое ужасное — это была каша изъ вареной ржи, которую зачастую приходилось ѣсть безъ масла. Прожевать ее стоило такихъ усилій, что послѣ обѣда болѣло за ушами. А проглотить было еще труднѣе: толкаешь ее бывало въ пищеводъ, а она лѣзетъ обратно въ глотку. Но, въ концѣ концовъ, мы все таки приспособились и каждый глотокъ такой каши запивали чаемъ, или просто горячей водой. Тогда она проходила гораздо легче. Но даже и при такомъ питаніи мѣсячнаго заработка четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ нѣсколько мѣстъ (у меня было 4) хватало едва на недѣлю съ небольшимъ. Исхудали мы всѣ страшно, особенно твоя мать, отъ которой осталась одна тѣнь и платья висѣли на насъ, какъ на вѣшалкахъ. Одинъ ты росъ на радость намъ крѣпкимъ бутузомъ и никто не хотѣлъ вѣрить, что тебѣ только $1^1/_2$ года.

Обѣдъ кончался быстро. Отецъ сейчасъ же убѣгалъ на вечернія занятія, мать шла отдыхать (она бѣгала по госпиталямъ изъ послѣднихъ силъ и мнѣ было совершенно ясно, что въ случаѣ зараженія сыпнякомъ она не вынесетъ), бабка шла къ себѣ продолжать уроки, а мы оставались

вдвоемъ въ моемъ большомъ заставленномъ книжными полками кабинетѣ, служившемъ одновременно и столовой и моей спальней, и начинали сумерничать. Я ложился на диванъ, а ты ползалъ по мнѣ, сосредоточенно и методически, обыскивая мои карманы, куда я имѣлъ обыкновеніе прятать для тебя крошечные кусочки сахара.

— Хахаръ, лаконически констатировалъ ты свою находку и отправлялъ найденное за щеку.

Сумерки постепенно сгущались. Черные переплеты уходили куда-то въ темноту, а вокализы звучали въ сосѣдней комнатѣ все грустнѣе и унылѣе. Не вынося темноты, ты начиналъ нудиться, а я старался развлечь тебя сказками. Но вотъ внезапно вспыхивала на потолкѣ двухсотсвѣчная полуватная лампа, отражаясь искрами отъ золота переплетовъ. Ты вскакивалъ, хлопая въ ладоши.

— Огоникъ! Огоникъ, привѣтствовалъ ты появленіе тока. И затѣмъ радостно протягивалъ мнѣ ручонки.

— Дѣдъ тисать, требовалъ ты.

Мы садились за письменный столъ, ты хваталъ ручку, раза три—четыре поворачивалъ ее въ чернильницѣ такъ, что перо скрипѣло, насаживалъ крупную кляксу и размазывалъ ее. Затѣмъ слѣдовала игра телефономъ и пишущей машиной. Наскучивъ ты лѣзъ на руки и просилъ:

— Дѣдъ! Ль.

Ль на твоемъ языкѣ обозначало все, что шумитъ и движется — отъ автомобиля до электрической центрофуги включительно. Мы шли въ лабораторію, я пускалъ центрофугу и ты весь замиралъ отъ восторга. Я смотрѣлъ на твою крохотную фигурку, стоящую посреди большого стола, заставленнаго реактивными стклянками и болѣлъ душой за твое уродливое дѣтство, протекающее между роялемъ и центрофугой, безъ игрушекъ, безъ сверстниковъ, безъ правильнаго питанія.

— Бѣжать, во что бы то ни стало, бѣжать, думалъ я. Куда бы то ни было бѣжать, но спасти ребенка.

Скоро приходила Мариша и уносила тебя спать. Ученики бабки расходились, и мы начинали топить печку. Это было большое событіе дня. Отогрѣвшись у огня, я надѣвалъ шубу и шелъ въ нетопленную лабораторію дѣлать анализы, если таковые бывали (что случалось послѣднее время рѣдко) или садился за письменный столъ. Это было время, когда я привыкъ читать свои журналы. Но теперь ихъ не было. Я бралъ съ полки какую нибудь книгу, чаще всего комедіи Аристофана и погружался въ чтеніе. Очень любилъ я перечитывать также жизнеописаніе Сократа и небольшую книжку Lasslaux выучилъ почти наизусть. Бабка ложилась рано, я же привыкъ засиживаться, и ждалъ обычнаго сигнала: во второмъ часу со стороны Арбатской площади раздавался винтовочный выстрѣлъ и спусти минуту по нашему переулку вихремъ проносился чудесный автомобиль. Что это значило, я не зналъ. Но это повторялось изъ ночи въ ночь и служило мнѣ сигналомъ ложиться спать. Не снимая лыжной фуфайки, я залѣзалъ подъ теплое одѣяло и начиналъ стараться заснуть. Если электричество своевременно гасло — сонъ приходилъ быстро. Если же оно продолжало горѣть — это значило, что въ нашемъ кварталѣ будетъ обыскъ и тогда ночь текла тревожно. При каждомъ шумѣ автомобиля мы вскакивали и выглядывали въ окна. Иногда автомобиль пробѣгалъ мимо, иногда останавливался по

близости, изъ него выходили люди съ винтовками и скрывались въ подъѣздѣ.

Ты, можетъ быть, удивишься, малютка, почему мы такъ боялись обысковъ, разъ мы были внѣ политики. Но, вѣдь мы, интеллигенты, были виноваты всегда и во всякую минуту, стоило только захотѣть обнаружить нашу вину. У меня было цѣлыхъ 4 сажени дровъ, полпуда муки, три четверти фунта масла, 2 фунта сахару и три пиджака. Развѣ этого мало? Вѣдь было же напечатано въ «совѣтскихъ извѣстіяхъ» разъясненіе по поводу одного разстрѣла: «обыскъ показалъ квартирную обстановку типичнаго спекулянта, такъ напр. были обнаружены крахмальные воротнички и цѣлый ассортиментъ галстуковъ (6 штукъ)». Къ тому же жизнь наша была регулирована декретами до такихъ мелочей, что при желаніи несоблюденіе декрета найти всегда было не трудно.

До какой детализаціи доходило правительство, регулируя нашу жизнь, ты поймешь изъ слѣдующаго случая. Однажды я шелъ глубоко задумавшись по Кисловкѣ и былъ пробужденъ крикомъ, раздавшимся спереди и, какъ будто, исходящимъ изъ самой земли:

— Подъ ноги нужно смотрѣть, а не въ небо.

Въ ту же минуту я обо что то споткнулся и потерялъ равновѣсіе, а тотъ же голосъ прокричалъ по моему адресу непечатное ругательство, по уже сзади и тоже снизу. Отбросивъ запутавшееся между ногъ полѣно, я оглянулся и увидѣлъ, сидящаго на корточкахъ интеллигента съ его неизмѣннымъ каракулевымъ воротникомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ топоръ, а лѣвой тянулся къ полѣну, которое я очевидно выбилъ у него изъ рукъ.

— Что это вы такъ неудобно устроились? спросилъ я его.

— Да вѣдь это же по декрету! взвизгнулъ онъ высокой фистулой, исполненной отчаянія.

Тутъ только я вспомнилъ, что на дняхъ дѣйствительно вышелъ декретъ, строго запрещающій колоть дрова въ кухняхъ и на лѣстницахъ и категорически требующій, чтобы это дѣлалось на тротуарахъ. Передо мной сидѣлъ на корточкахъ несомнѣнно новый русскій типъ — «запуганный интеллигентъ», происходящій, видимо, по прямой линіи отъ «кающагося интеллигента». Фигура его была настолько комична, а въ голосѣ чувствовалось столько тоски и столько искренней готовности выполнить декретъ, что я невольно расхохотался.

— Да, вамъ смѣшно, ворчалъ запуганный интеллигентъ, а мнѣ.... Куда прешь, образина! заревѣлъ онъ вдругъ яростнымъ басомъ старушкѣ, наткнувшейся на только-что наставленное полѣно. Старушка отъ неожиданности отпрыгнула въ бокъ и, всплеснувъ руками, затараторила.

— Батюшки! Съ ума сошелъ. На тротуарѣ дрова колетъ. Никому проходу не даетъ.

Запуганный интеллигентъ поднялся, сердито плюнулъ и, забравъ полѣно и топоръ, рѣшительнымъ шагомъ направился къ себѣ на верхъ, съ явнымъ намѣреніемъ оказать неподчиненіе декрету.

Мудрено ли проштрафиться при такой регламентировкѣ всѣхъ мелочей жизни, послѣ которой любой каторжный режимъ и аракчеевскія поселенія покажутся верхомъ безсистемности и безпорядочности. А потому я ничуть не удивился, когда однажды Мариша, разбудивъ меня часовъ въ семь

объявила, что «Якова Васильевича забрали», хотя и зналъ, что онъ въ политическомъ отношенiи такъ же невиненъ, какъ и ты, мой младенецъ. Немного страшнымъ мнѣ казалось лишь то обстоятельство, что въ эту ночь электричество потухло своевременно. Очевидно примѣты не всегда сбываются, подумалъ я.

Яковъ Васильевичъ былъ врачъ, жившiй въ одномъ подъѣздѣ съ нами. За нѣсколько дней передъ тѣмъ жена его перенесла тяжелую операцiю и лежала въ постели. Нужно было видѣть, какъ справлялся со свалившимся на семью несчастiемъ его пятнадцатилѣтнiй сынишка Боря, общiй прiятель всего дома. Онъ и по очередямъ бѣгалъ, и обѣдъ варилъ, и за матерью ходилъ, и отцу въ чрезвычайку ѣду носилъ (заключеннымъ казеннаго довольствiя не полагалось). Одного только не успѣвалъ онъ дѣлать — ходить въ гимназiю, которую онъ бросилъ уже больше года изъ за хлопотъ по хозяйству. Якова Васильевича выпустили черезъ три недѣли. Такъ онъ и не добился, за что его арестовали. Да, правду сказать, особенно и не добивался — радъ былъ, что выпускаютъ. Появился онъ домой такъ же неожиданно, какъ и исчезъ, но растолстѣвшимъ и свѣжимъ: сказались трехнедѣльный отдыхъ отъ пѣшеходныхъ визитовъ и Борины хлопоты, который любилъ отца до безумiя и таскалъ ему самые сладкiе куски.

А сколько было такихъ вывихнутыхъ, какъ Боря. Дѣти большинства интеллигентовъ бросили гимназiи и занимались хозяйственными дѣлами или служили въ совѣтскихъ учрежденiяхъ. Это въ лучшемъ случаѣ.. А сколько ихъ оказалось вовлеченными въ омутъ спекуляцiи. У одного моего товарища врача разстрѣляли сына, пятнадцатилѣтняго гимназиста, за спекуляцiю.

* * *

Родной мой мальчикъ! Сейчасъ я прочиталъ написанное. Пока я читалъ, ты сидѣлъ рядомъ съ моимъ письменнымъ столомъ, за своимъ дѣтскимъ столикомъ и тоже дѣлалъ видъ, что читаешь. Когда я дома, ты все дѣлаешь, «какъ дѣдъ». Тебѣ даже пришлось дать мои старые очки безъ стеколъ, которые ты важно надѣваешь, садясь за свой столикъ. Я взглянулъ на твою комичную рожицу въ этихъ очкахъ и подумалъ.

— Выростетъ Лодка, и дѣдъ перестанетъ быть его идеаломъ. Онъ начнетъ даже критиковать дѣда и, прочтя то, что я написалъ, скажетъ: сгустилъ дѣдъ краски. Разсердился, что жизнь выбила его изъ колеи на старости лѣтъ и брюзжитъ. Взглянулъ съ эгоистической точки зрѣнiя на мiровое явленiе и показываетъ мнѣ только одну сторону медали — оборотную. А лицевой не замѣтилъ.

Такъ вотъ, милый мой мальчикъ, смѣю тебя увѣрить, что сгущенiя красокъ нѣтъ. Изъ всего, что разсказалъ я тебѣ, только два факта приведены со словъ третьяго лица — разстрѣлъ у Серебрянаго бора и арестъ Балтрушайтиса — все остальное я самъ видѣлъ. Конечно, современники не судьи описываемыхъ ими событiй. Окончательную оцѣнку переживаемой нами эпохи дамъ не я и даже не твои сверстники — это дѣло будущихъ историковъ. Я же лишь хочу дать тебѣ правдивую картину того, что мы переживали. Хотя кое что изъ пережитаго можетъ быть подвергнуто и моей оцѣнкѣ, несмотря на то, что я не историкъ и не экономистъ: самъ вѣдь Ленинъ часто заявлялъ, что то, что дѣлаютъ большевики, представляетъ

собой лишь соціалистическій экспериментъ. А научный экспериментъ это моя область, малютка, и въ ней я проработалъ всю жизнь. Конечно, дѣдъ твой далеко не Мечниковъ и не Павловъ, но методикой эксперимента онъ владѣетъ настолько, что такому неопытному экспериментатору, какъ Ленину, приступающему къ первому опыту въ своей жизни, было бы чему у него поучиться. Вѣдь общія основы методики научнаго эксперимента остаются неизмѣнными и для физика, и для химика, и для біолога, и для патолога, и для соціолога. Мѣняются объекты, инструменты, техника, но такія основы, какъ выработка правильнаго общаго плана, оцѣнка возможности произвести опытъ въ данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, соблюденіе предосторожностей (Kautelen, какъ говорятъ нѣмцы) установленіе необходимыхъ контролей поправки въ предѣлахъ точности метода и проч. и проч., то-есть все то, что отличаетъ научный экспериментъ отъ стряпни невѣжественной кухарки — все это остается неизмѣннымъ для спеціалистовъ всѣхъ областей. Я не взялся бы судить о такихъ сложныхъ историческихъ явленіяхъ, какъ дифференцировка классовъ, протекающихъ въ условіяхъ историческаго развитія. Но тѣ же явленія въ условіяхъ эксперимента, гдѣ процессъ, требующій многихъ десятковъ лѣтъ, завершался у меня на глазахъ въ теченіе немногихъ дней, были для меня гораздо яснѣе.

И такъ о дифференцировкѣ классовъ. Когда совершилась большевистская революція и была объявлена диктатура пролетаріата, я сталъ задумываться надъ тѣмъ, гдѣ же теперь мое мѣсто. Денегъ и недвижимости у меня не было. Правда, у меня была недурная библіотека, и небольшая, но хорошо оборудованная лабораторія, а у бабки въ классѣ стоялъ хорошій Ренишъ. Но вѣдь это все по соціологической терминологіи было не имущество, а «орудія производства». Имущество же состояло изъ небольшого запаса платья и бѣлья, не возобновлявшагося съ первыхъ годовъ войны, кухоннаго скарба и небольшого количества мебели, среди которой настоящей мебелью можно было назвать только пять креселъ (три у меня въ кабинетѣ и два у бабки), да прелестный, сдѣланный по моему рисунку шахматный столикъ (два письменныхъ стола въ кабинетѣ, очевидно, тоже были «орудіями производства»). Къ тому же все это имущество и всѣ «орудія производства» были пріобрѣтены мною личнымъ трудомъ и я за всю свою жизнь ни разу не испыталъ, что такое эксплуатація труда себѣ подобнаго и «добавочная цѣнность».

— Неужели, думалъ я, противъ шахматнаго столика и пары креселъ, хотя бы и на англійскихъ пружинахъ, можетъ быть пущено въ ходъ такое громоздкое средство, какъ диктатура. Нѣтъ, я несомнѣнный пролетарій и мое мѣсто среди диктаторовъ.

Такъ думалъ я въ простотѣ душевной, тогда еще совершеннѣйшій политическій младенецъ. Увы, я не только не получилъ мѣста среди диктаторовъ, но былъ сдѣланъ объектомъ диктатуры. И произошло это вотъ почему.

Русская буржуазія проявила поразительно малую сопротивляемость и вмѣсто борьбы предпочла разбѣжаться за предѣлы Совдепіи. Осталась лишь мелкая рыбка, которая и была быстро до чиста обобрана. Въ результатѣ буржуазіи не оказалось. Но разъ не было объекта для диктатуры, то послѣдняя сама собой падала. И вотъ объектъ былъ найденъ въ лицѣ интеллигенціи, которую стали называть буржуазіей. И, конечно, совершенно

неосновательно. Ибо, повторяю, буржуазія очень скоро послѣ переворота (въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ) окончательно исчезла и остались лишь двѣ большихъ группы пролетаріата, изъ коихъ одна сморкалась въ руку, а другая употребляла носовые платки. Или, если тебѣ больше нравится антропологическое сравненіе—чернокожіе и бѣлые пролетаріи. У бѣлыхъ гражданскія права немедленно отняли, а чернокожихъ надули самымъ примитивнымъ образомъ, какъ можно надуть только чернокожихъ. Сказавъ, что въ ихъ руки передается вся полнота власти, имъ предоставили осуществлять свою диктатуру черезъ четырехъ- и пятистепенную систему выборовъ, даже не обезпечивъ тайной подачи голосовъ. Мы всѣ когда то жестоко критиковали избирательный законъ 3 іюня. А вѣдь какой это былъ образцовый государственный актъ по сравненію съ явно мошеннической избирательной системой совѣтской конституціи. Въ результатѣ и бѣлые и красные одинаково оказались крѣпостными въ рукахъ олигархической шайки, усвоившей себѣ способы управленія XIII и XIV вѣка.

Такъ длилось недолго, ибо деревенскій пролетаріатъ, раздѣлившій помѣщичью землю, быстро превратился въ буржуазію, которая начала эксплоатацію бѣлаго пролетаріата со свирѣпостью, до которой ни одна буржуазія въ мірѣ не доходила. Понизивъ производство пищевыхъ продуктовъ до минимума и взвинтивъ до гомерическихъ предѣловъ ихъ стоимость, деревенская буржуазія снимала съ бѣлаго пролетарія, выражаясь отнюдь не фигурально, послѣднюю рубашку. Значительная часть городского чернокожаго пролетаріата быстро оріентировалась въ положеніи и, выступивъ въ роли посредника, тоже начала довольно быстро превращаться въ буржуазію. До какой беззастѣнчивости доходила эксплоатація бѣлыхъ вновь народившейся чернокожей буржуазіей, ты поймешь хотя бы изъ того, что отправка въ деревню дорогого піанино въ обмѣнъ на пудъ — два муки было отнюдь не рѣдкостью. Такъ произошло у насъ на глазахъ новое разслоеніе классовъ, въ условіяхъ «соціологическаго опыта».

О томъ, что я буржуй, а не пролетарій, я впервые узналъ на трамваѣ, вскорѣ послѣ большевистскаго переворота. На лекціи я раньше ѣздилъ всегда на извозчикѣ, какъ на вокзалъ, съ чемоданами и ящиками, набитыми препаратами, съ папками и пр. Когда, послѣ большевистскаго переворота, стоимость одного конца на извозчикѣ достигла приблизительно трети моего мѣсячнаго жалованія, демонстраціи пришлось сократить, чтобы можно было ѣздить на трамваѣ. Я захватывалъ съ собой пару стѣнныхъ таблицъ, три, четыре банки съ препаратами и десятокъ, другой діапозитивовъ. Но и эта, больше чѣмъ скромная, демонстрація составляла нѣсколько весьма солидныхъ пакетовъ. Когда я однажды, навьюченный ими, влѣзъ на переднюю площадку трамвая, вожатый привѣтствовалъ меня озлобленнымъ окрикомъ.

— Ишь буржуй нагрузился! Недощупались еще до тебя!

Я тогда былъ еще политически совершенно невоспитанъ и въ простотѣ душевной думалъ, что чернокожему, помимо ременной плетки, гуляющей по его спинѣ, можетъ быть доступна и иная аргументація. И я попробовалъ объяснить ему, куда я ѣду и что везу съ собой.

— Ѣздить на лекціи на передней площадкѣ всякій дуракъ сумѣетъ, отвѣтилъ онъ мнѣ. А ты вотъ на ручкѣ постой! Это работа нервная.

Когда я разсказалъ объ этомъ случаѣ своему другу Р., правовѣрному большевику, вступившему въ ихъ ряды тотчасъ послѣ раскола партіи, онъ мнѣ сказалъ.

— Конечно, не къ чему было съ нимъ разговаривать. Я на твоемъ мѣстѣ просто отстранилъ бы его и повелъ вагонъ самъ. Увидя, что тебя вагонъ слушается не хуже, чѣмъ его, онъ сразу понялъ бы, что «ручка» ужъ не такое мудреное дѣло.

— А я попалъ бы въ комиссаріатъ.

— Не думаю. Онъ бы такъ обалдѣлъ, что и крикнуть не догадался.

Исполнить совѣта Р. я не могъ уже потому, что вскорѣ насъ прогнали съ передней площадки, доступъ на которую былъ признанъ исключительной привилегіей чернокожихъ. И я сталъ ѣздить на лекціи, повиснувъ на подножкахъ или стоя на буферѣ. О какихъ бы то ни было демонстраціяхъ при такихъ условіяхъ думать, конечно, не приходилось и я сталъ читать изъ «чистаго разума» (такъ выражался нашъ служитель Маркъ о лекціяхъ безъ демонстрацій).

Такъ, результаты эксперимента дали совѣтскимъ соціологамъ совершенно неожиданные результаты. Что реакція идетъ иной разъ въ опытѣ какъ разъ совершенно въ обратную сторону, чѣмъ ожидалъ экспериментаторъ — это тебѣ засвидѣтельствуетъ всякій химикъ. Но въ данномъ случаѣ было не то. Опытъ былъ поставленъ съ такимъ невѣжествомъ въ области методики, что никакой реакціи вообще не получилось. Вмѣсто нея была простая смѣна элементовъ. Если ты хочешь произвести какую либо реакцію въ безвоздушномъ пространствѣ, ты долженъ выкачать изъ подъ колпака воздухъ, а потомъ закрыть кранъ. Если ты этого не сдѣлаешь, подъ колпакъ войдетъ новый воздухъ и реакція пойдетъ въ прежнихъ условіяхъ. Новымъ въ опытѣ получится только простая смѣна элементовъ подъ колпакомъ. Вотъ крана то Ленинъ и не сумѣлъ закрыть. Онъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ пойдетъ жизнь страны безъ частной торговли. Это — тотъ же опытъ выкачиванія, который онъ произвелъ весьма примитивно по методу Стеньки Разина съ ватагой. (Этому отцу примѣненной имъ методики соціологическаго изслѣдованія онъ даже поставилъ на Красной площади памятникъ, но потомъ убралъ. Ужъ что то очень неподходящее вылѣпилъ ему Коненковъ). Ограбить купцовъ «во всероссійскимъ масштабѣ» и провести такимъ образомъ первую часть опыта — самое выкачиваніе — было, конечно, не трудно. А вотъ закрыть кранъ — это была задача посложнѣе и съ нею чернокожіе соціологи не справились. Родился новый Мюръ и Мерилизъ — Сухаревка. Тѣстовыхъ замѣнили бабы съ кашей, магазины — торговля въ разносъ. Въ корнѣ же все осталось, какъ прежде. Только товаръ сталъ дороже и хуже, да «добавочная стоимость» попала въ новый карманъ. Получилась не реакція, а простая перегруппировка элементовъ, и не научный соціологическій экспериментъ, а самый обыкновенный грабежъ, отличавшійся отъ грабежа Стеньки только размахомъ масштаба. Пожалуй, была и еще одна разница. Плоды волжскихъ соціалистическихъ экспериментовъ пожиналъ Стенька съ ватагой, а тутъ попользовалась одна ватага. Я разумѣю толпу чернокожихъ комиссаровъ, присосавшихся къ незадачливому экспериментатору.

Съ деревней произошло тоже самое. Выкачать помѣщиковъ было, конечно, нетрудно. А вотъ закрыть кранъ помѣшалъ мой пріятель Григорій 120 милліоновъ такихъ же, какъ онъ. Григорій былъ коммунистомъ только

до тѣхъ поръ, пока къ той землѣ, которую онъ заработалъ, сидя въ шахтѣ ему не удалось прирѣзать помѣщичьей. А прирѣзавъ, онъ сразу сталъ безпартійнымъ и, ухватившись за кранъ, твердо и рѣшительно сказалъ:

— Земля моя!

Съ фабриками дѣло обстояло иначе. Но отнюдь не потому, что здѣсь опытъ удался, а потому, что фабричное хозяйство — организмъ болѣе сложный и труднѣе возстанавливаемый, чѣмъ сельское или торговое. На фабрикахъ даже простой перегруппировки элементовъ не произошло. Просто осталась пустыня.

Вотъ тебѣ мнѣніе стараго экспериментатора о соціологическомъ опытѣ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Это былъ не научный экспериментъ и даже не стряпня невѣжественной кухарки, а нѣчто худшее. Чернокожіе экспериментаторы, добравшись до инструментовъ необычайной силы, пустили ихъ въ ходъ, не умѣя съ ними обращаться, и взорвали лабораторію.

Конечно, въ мірѣ ничто не проходитъ безслѣдно. И этотъ гигантскій взрывъ будетъ тоже имѣть свои послѣдствія. Какія? Вопросъ заходитъ за предѣлы эксперимента и переходитъ въ область исторической эволюціи, а потому судить объ этомъ я не берусь. Для этого нужно быть соціологомъ и экономистомъ. Я же повторяю, хочу дать тебѣ картину того, что мы переживали и это отступленіе вышло у меня случайно. Думаю только, что возстановленіе жизни пойдетъ по своимъ собственнымъ законамъ и внѣ воли обанкротившихся чернокожихъ экспериментаторовъ.

Въ нашемъ кругу въ то время были очень въ ходу споры о томъ, что представляетъ собой Ленинъ, честный ли онъ человѣкъ и т. д. Я полагаю, что Ленинъ былъ честенъ постольку, поскольку можно назвать честнымъ разбойничьяго атамана, грабящаго не въ свою пользу, а только въ пользу своей ватаги. Но этотъ вопросъ для меня второстепененъ. Гораздо интереснѣе для меня вопросъ о томъ, имѣлъ ли право Ленинъ приступить къ своему эксперименту. Мнѣ никогда не приходилось экспериментировать на людяхъ и къ этому я чувствовалъ всегда инстинктивное отвращеніе, хотя и не могу совершенно отрицательно отнестись къ такого рода экспериментамъ. Не задолго до войны, напримѣръ, на каторжникахъ были поставлены, въ Западной Европѣ, въ широкомъ масштабѣ очень важные опыты иммунизаціи живыми чумными бактеріями. Но эти эксперименты производили люди очень опытные и притомъ, предварительно выяснивъ ихъ возможность громадной подготовительной работой на животныхъ. Ленинъ, приступая къ своему опыту, объектомъ коего долженъ былъ явиться не кроликъ и не человѣкъ, а цѣлый народъ, даже не потрудился толкомъ дать себѣ отчетъ въ возможности произвести опытъ, а начавъ его производство, онъ проявилъ такую бездну невѣжества, при наличности которой даже опытъ на лягушкахъ становится безнравственнымъ дѣломъ.

* * *

— Но, скажешь ты, если дѣду жилось плохо, то можетъ быть стало лучше его служителю.

Изволь, малютка! мой служитель раньше получалъ 20 руб. въ мѣсяцъ и могъ купить на эти деньги 10 пудовъ чудесной бѣлой муки. Когда я уѣзжалъ, онъ сталъ получать 2500 руб. и этого ему хватало на

10 фунтовъ несъѣдобнаго хлѣба (по карточкамъ онъ получалъ около 25 гр. въ день и нѣсколько кусковъ сахара въ мѣсяцъ).

— Но неужели же жизнь, сплошь состояла изъ однихъ мрачныхъ фактовъ? Были же и положительныя стороны, были и свѣтлыя, радостныя явленія, были же и среди большевиковъ честные люди! воскликнешь ты.

Поищемъ. Положительныя стороны..... Что могу я отмѣтить, какъ врачъ теоретикъ? Академическая жизнь замерла, научная работа стала, печатный станокъ работалъ только въ экспедиціи заготовленія денежныхъ знаковъ. Правда, открылось широкое поле для изученія эпидемическихъ заболѣваній, достигшихъ небывалыхъ размѣровъ. Но по приведеннымъ выше условіямъ работы использовать можно было лишь незначительную часть матеріала. Тоже можно сказать объ изслѣдованіи патологіи голоданія, которое при иныхъ условіяхъ работы можно было бы поставить очень широко, ибо падающихъ отъ голода людей подбирали на улицѣ очень часто. Подобрали въ такомъ же состояніи и бывшаго редактора одной провинціальной газеты, у котораго я проработалъ 10 лѣтъ и съ которымъ былъ друженъ. Онъ былъ изъ извѣстной всей Россіи семьи милліонеровъ. Широкое поле открылось и для гистологовъ, для которыхъ очень важно имѣть органы совершенно здоровыхъ людей тотчасъ послѣ смерти. Въ прежнее время сдѣлать это было очень трудно, теперь же матеріала было сколько хочешь. Но я не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ моихъ коллегъ коллекціонировалъ на трупахъ казненныхъ — отвращеніе къ террору преодолѣвало ихъ научные интересы.

Вотъ и все положительное, что я могу отмѣтить, какъ спеціалистъ — если только это можно назвать положительнымъ. Какъ не спеціалистъ — тоже не могу сказать ничего хорошаго. Если бы оно было, конечно, о немъ упоминали бы рѣчи народныхъ комиссаровъ на съѣздахъ совѣтовъ, гдѣ показывался товаръ лицомъ. Припоминая теперь всѣ эти рѣчи, которыя я читалъ всегда очень внимательно, я могу сказать, что всѣ онѣ, признавая безнадежность переживаемаго момента, призывали къ терпѣнію во имя грядущаго свѣтлаго будущаго. Оправдаются ли эти пророчества — на этотъ вопросъ ты со временемъ дашь лучшій отвѣтъ, чѣмъ могу сдѣлать я. Я уже сказалъ тебѣ, что я не соціологъ и пророчествовать о томъ, что произойдетъ на мѣстѣ гигантскаго взрыва, которымъ закончился «соціологическій опытъ», я не берусь.

Да, милый мой мальчикъ, вспомнилъ одно свѣтлое явленіе. Большевики сняли памятникъ Скобелеву — этотъ безобразнѣйшій и безграмотнѣйшій памятникъ, который я когда либо видѣлъ, и отъ котораго Москва въ свое время открещивалась всѣми силами. И на его мѣстѣ поставили обелискъ съ превосходной статуей Андреева.

— Статуей свободы, какъ они говорили. — Статуей мира, какъ мнѣ сказалъ лично Андреевъ.

Кромѣ того они разрушили каланчу на Тверской части, отъ чего сильно выиграло это прекрасное зданіе. Но они же разрушили юго-восточную башню Кремля и фасадъ Чудова монастыря, которыхъ не возстановили. А часы на Спасской башнѣ они не совсѣмъ удачно попытались заставить играть «интернаціоналъ» вмѣсто «коль славенъ» (ни одинъ музыкантъ не разберетъ, что они теперь играютъ). И отъ всего этого Кремль ужъ никакъ не выигралъ. Они же пробовали сдѣлать изъ лучшаго русскаго

оспопрививательнаго института въ Воспитательномъ домѣ центральную молочную кухню. Институтъ сломать сумѣли, а кухни у нихъ не вышло. Такъ зданіе, когда я уѣзжалъ, второй годъ и стояло въ состояніи полнаго разгрома.

Заговоривъ объ обелискѣ, я не могу не сказать тебѣ нѣсколько словъ о тѣхъ памятникахъ, которые большевики понаставили въ огромномъ количествѣ на всѣхъ площадяхъ, скверахъ и улицахъ Москвы. Среди нихъ я могу отмѣтить чудесный памятникъ Дантону, работы Андреева (отрубленная, безобразная голова Дантона, изрытая оспой, съ перебитымъ носомъ, лежащая на кафедрѣ, съ которой онъ говорилъ свои рѣчи), и милую работу Волнухина, незатѣйливую статую Шевченко. Все остальное было верхомъ безграмотности, по сравненію съ которой даже блаженной памяти Скобелевскій памятникъ казался образцомъ художественности. Я долго стоялъ передъ памятникомъ Стеньки Разина работы Коненкова и все не могъ рѣшить вопроса, въ серьезъ работалъ Коненковъ или посмѣялся надъ чернокожими меценатами. Думаю, что посмѣялся. Къ счастью у большевиковъ не было ни бронзы, ни чугуна для постановки памятниковъ и они отливали свои «monumenta aere peraennia» изъ гипса, который естественно не могъ противостоять московскимъ дождямъ и снѣгамъ. И теперь огромное большинство ихъ разсыпалось. Разсыпались они какъ то сразу. Однажды, я, идя на службу, увидѣлъ кучу мусора на мѣстѣ, гдѣ еще вчера кукольная фигурка Каляева съ поднятой въ рукѣ бомбой высилась на какихъ то непонятныхъ гипсовыхъ пѣтушиныхъ языкахъ, огромнаго размѣра . . . (Я думалъ, что эти языки не совсѣмъ удачное воспроизведеніе пламени, и полагалъ, что памятникъ символизируетъ гибель Каляева ради грядущихъ свѣтлыхъ лѣтъ жизни. Но мнѣ объяснили, что это совсѣмъ не пламя, а революціонная волна, вынесшая на своемъ гребнѣ Каляева.) Такъ разсыпалось большинство памятниковъ и среди нихъ, къ моему глубокому сожалѣнію, и Дантонъ. Одинъ только деревянный, пестро размалеванный Стенька стойко выдерживалъ московскіе ливни и метели и продолжалъ выситься со ватагой на Красной площади, словно парикмахерская вывѣска. Его чернокожіе меценаты вскорѣ сами убрали, очевидно разобравши, въ чемъ дѣло. Такъ неудачно закончилась ихъ затѣя съ украшеніемъ Москвы.

Были ли среди большевиковъ хорошіе, честные люди? Конечно, были. И, вѣроятно, много. Я лично зналъ нѣсколькихъ. Ко мнѣ частенько заходилъ д-ръ В. изъ бывшихъ земскихъ врачей, чистокровный идеалистъ. Онъ жилъ въ Метрополѣ, но довольствовался пайкомъ и былъ всегда голоденъ. Однажды, бабка, доставъ крупчатки, подала намъ къ чаю бѣлыхъ булочекъ. Если бы ты видѣлъ, какъ у него загорѣлись глаза.

— Такихъ вещей въ Метрополѣ нѣтъ! — сказалъ онъ, и началъ отправлять въ ротъ булку за булкой. Даже о чаѣ забылъ.

Я смотрѣлъ на него, вспоминалъ утокъ д-ра Ю-а, которыя сами себя жарятъ и мнѣ хотѣлось сказать ему то, что сказалъ мнѣ сегодня ты, выдавивъ на мою рукопись цѣлый тюбикъ, забытаго мной на столѣ, синдетикона. А сказалъ ты мнѣ слѣдующее:

— Дуракъ ты, дуракъ, дѣдъ.

Д-ръ В. былъ прекрасный шахматистъ. Когда онъ приходилъ, мы усаживались за мой чудесный шахматный столикъ (кто-то теперь на немъ

играетъ?) и онъ объявлялъ мнѣ матъ за матомъ, разсказывая послѣднія новости изъ «сферъ».

— Пріѣхали представители треста, сообщилъ онъ однажды, и на дняхъ мы подписываемъ концессію на постройку желѣзной дороги отъ Мурмана до Владивостока и цѣлаго ряда заводовъ вдоль нея. На Мурманскомъ побережьѣ будетъ деревообдѣлочный заводъ, способный по своей мощности обслуживать всю Россію, консервный заводъ для приготовленія солонины и кожевенный заводъ, который снабдитъ всю Россію подметками изъ пресованной оленьей кожи. Такая подошва почти неизносима и представляетъ собой тоненькую пластинку (онъ поднялъ ногу и на своемъ продыравленномъ сапогѣ показалъ толщину) — вотъ такую. Въ Архангельскѣ будутъ заводы для приготовленія консервовъ изъ рыбы...

Послѣдовалъ длиннѣйшій перечень полѣзнѣйшихъ заводовъ до самаго Владивостока. Позже я узналъ изъ газетъ, что представители дѣйствительно пріѣзжали и чуть-чуть было не получили авансовъ. Но они оказались не представителями, а обыкновенными жуликами.

Въ другой разъ, когда я разсказалъ ему наши канализаціонныя несчастія, онъ отвѣтилъ мнѣ.

— Да, Москва разрушается, мы это знаемъ. Но возстановлять ее не стоитъ. Гораздо дешевле вывести городъ за теперешнюю черту, построивъ новый городъ-садъ. Соотвѣтственный проэктъ уже разрабатывается.

Милый русскій мечтатель, жаждущій обуть всю Россію въ подметки изъ прессованвой кожи, а самъ щеголяющій почти босикомъ!

Во время Девикинскаго наступленія его послали наладить эвакуацію сыпнотифозныхъ. Ну и надѣлалъ же онъ тамъ дѣлъ! Завѣдующій отдѣломъ эвакуаціи главваго военво-санитарнаго управленія, образованный историкъ и одинъ изъ умнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чиновниковъ, какихъ я зналъ (а зналъ я ихъ не мало) волосы на себѣ рвалъ, разсказывая мнѣ о его подвигахъ.

Другой большевикъ, съ которымъ я былъ близокъ, былъ Гриша Т., молоденькій студентъ, другъ дѣтства твоей матери. Онъ тоже голодалъ, ходилъ въ дырявыхъ сапогахъ, и женившись, никакъ не могъ купить кровати для своей жены. Мы съ нимъ вели безконечные споры объ индивидуализмѣ и коллективизмѣ. Однажды, придя къ намъ, онъ сообщилъ, что только что вернулся съ фронта, гдѣ командовалъ арміей.

— Милый Гриша, спросилъ я его, не думаете ли вы, что прежде чѣмъ стать командующимъ арміей нужно много и долго учиться?

— Это наука простая, отвѣтилъ онъ, и я постигъ ее очень быстро.

— Вы такъ думаете? А вотъ Сократъ думалъ иначе. Онъ говорилъ, что управленіе государствомъ самая трудная изъ всѣхъ наукъ и не переставалъ твердить это аѳинянамъ. За это аѳинскіе большевики и расправились съ нимъ.

— Старикъ ошибался, пошутилъ Гриша.

Но я закусилъ удила.

— А вы знаете, что сказалъ Сократъ о вашемъ историческомъ прототипѣ, кожевникѣ Клеонѣ, когда тотъ принялъ начальствованіе надъ войсками, оперирующими противъ Сфактеріи?

— Не знаю, скажите, кисло улыбнулся Гриша, очевидно не ожидая услышать изъ устъ Сократа ничего добраго по своему адресу.

Я взялъ книжку Lasslaux и прочиталъ ему.

— Одному изъ учениковъ Сократа приписывается горькая шутка: онъ посовѣтовалъ произвести въ званіе лошадей всѣхъ аѳинскихъ ословъ, полагая, что это легче, чѣмъ изъ перваго встрѣчнаго сдѣлать полководца.

Гриша обидѣлся и видимо охладѣлъ ко мнѣ.

Третьимъ былъ мой самый близкій другъ, проф. Р., талантливый анатомъ со свѣтлой головой и большимъ практическимъ смысломъ. Онъ былъ въ правительствѣ въ качествѣ члена высшей инспекціи*. И я долженъ сказать, что такой убійственной оцѣнки личности и дѣятельности Ленина, какую я слышалъ отъ него, едва ли тотъ удостаивался отъ самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ. Когда мы уѣзжали, Р. умиралъ въ хирургической клиникѣ отъ рака гортани. На меня пала тяжелая обязанность установить окончательный діагнозъ и продемонстрировать ему микроскопическій препаратъ, явившійся для него смертнымъ приговоромъ. Дня за три до отъѣзда онъ прислалъ мнѣ письмо, прося зайти къ нему. Я зналъ, о чемъ будетъ разговоръ. Давно, давно я оказалъ ему большую услугу. Тогда онъ убѣгалъ отъ преслѣдованій царскихъ жандармовъ и его жена уѣхала по паспорту твоей бабки. Теперь роли перемѣнились. Убѣгалъ я, но онъ этого еще не зналъ и звалъ меня, чтобы попросить у меня второй услуги — поручить мнѣ своего сына. Что могъ я ему отвѣтить? И я уѣхалъ, не зайдя къ нему.

Вотъ тѣ дѣйствительно честные большевики, которыхъ я зналъ, малютка. Честные и единственные. Другихъ я не зналъ.

Я говорю, конечно, объ идейныхъ руководителяхъ движенія. Что же касается до исполнителей ихъ предначертаній и техническаго персонала по производству опыта — то-есть до комиссаровъ мелкаго калибра, то объ этой публикѣ можно говорить, конечно, только въ юмористическихъ тонахъ. Когда я во время войны впервые вошелъ въ военный госпиталь, я былъ пораженъ косностью бюрократической машины военнаго вѣдомства.

— Не удивляйтесь, сказалъ мнѣ одинъ старый кадровый военный врачъ. До сихъ поръ вы имѣли дѣло только съ Щедринскими типами. У насъ живы еще Гоголевскіе.

Но тѣ, что мы увидѣли въ совѣтскихъ канцеляріяхъ, были уже не Гоголевскими и даже не фонъ-Визинскими типами. Это были просто чернокожіе, усѣвшіеся за письменные столы.

* * *

Первая мысль о необходимости бѣгства явилась мнѣ, когда мы однажды пускали съ тобой электрическую центрофугу. Чѣмъ дальше обдумывалъ я наше положеніе, тѣмъ сильнѣе крѣпла во мнѣ эта мысль. Мы жили — какъ всѣ интеллигенты въ то время — распродавая свое имущество. Его должно было хватить намъ еще на полгода, съ трудомъ на годъ. А тамъ предстоялъ голодъ не только для насъ — къ нему мы уже привыкли — а и для тебя. Не лучше ли продать все сразу, увезти съ собой вырученную сумму и попытаться устроиться при ея помощи за границей. Нравственнаго удовлетворенія жизнь въ Москвѣ не давала, ѣсть было

* Нѣчто въ родѣ прежняго государственнаго контроля. Это было единственное учрежденіе, гдѣ допускалось хотя бы подобіе критики дѣйствій правительства.

нечего — о чемъ же дальше думать. Домашніе согласились со мною быстро. Рѣшить уѣхать было одно, а выполнить рѣшеніе другое. Въ то время всѣ граждане Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики были обращены въ крѣпостную зависимость и передвигаться изъ города въ городъ было возможно только по казеннымъ, а отнюдь не личнымъ надобностямъ. Насколько строго соблюдалось это правило, ты можешь судить хотя бы по тому, что не за долго до нашего отъѣзда одинъ изъ моихъ ассистентовъ хотѣлъ съѣздить въ провинцію проститься съ умирающей матерью. Дѣло дошло до управляющаго дѣлами совѣта народныхъ комиссаровъ и бѣдная старуха умерла, не дождавшись его разрѣшенія. У меня созрѣлъ такой планъ. Нужно было получить командировку на фронтъ, а затѣмъ перейти границу съ контрабандистами — обычный въ то время заграничный маршрутъ русскихъ интеллигентовъ. Командировку мнѣ добыть было не трудно: стоило только придумать экспедицію въ прифронтную полосу для борьбы съ сыпнымъ тифомъ. И я быстро получилъ мандатъ, подписанный народнымъ комиссаромъ, себѣ и двумъ ассистентамъ. Въ качествѣ одного должна была ѣхать, конечно, мать, а бабку я надѣялся провести фуксомъ, подъ видомъ другого. Затрудненіе встрѣтилось съ отцомъ. Конечно, я могъ вытребовать и трехъ ассистентовъ, но вести двухъ неспеціалистовъ было уже опаснѣе. Къ счастью отцу удалось устроиться въ другой соотвѣтственной партіи въ качествѣ спеціалиста, онъ уѣхалъ раньше насъ и вся тяжесть и ликвидаціи и выѣзда легла на мои плечи. Мѣсяцъ, ушедшій на распродажу имущества, я провелъ какъ въ туманѣ и изъ этого времени почти ничего не помню. Приходили какіе то люди, представители новой буржуазіи, осматривали мебель, мѣряли мои костюмы — и все это смѣшалось въ памяти въ какую то сѣрую кашу. Выплываютъ лишь отдѣльные эпизоды. Ясно помню, какъ выносили въ мѣшкахъ мою библіотеку, которую я собиралъ 15 лѣтъ, экономя изъ своего скромнаго жалованья, и до сихъ поръ еще (прошло уже больше полугода) ощущаю острое чувство боли и незаслуженной обиды. Помню какого то чернокожаго, который надѣвъ задомъ напередъ мою плюшевую шляпу смотрѣлъ на себя въ зеркало и самодовольно говорилъ:

— Въ аккуратъ къ моему коричневому пальту.

Запечатлѣлась въ памяти одна спекулянтша, которая всегда носила намъ продукты. Она торговала у бабки платье и, стараясь сбавить цѣну, хвалилась покупками.

— Танькѣ замужъ пора, такъ ей подвѣнечное платье купила.

И она развернула совсѣмъ прозрачное combinaison все изъ прошивокъ.

— Вотъ тутъ подпорю, она показала на панталоны — а тутъ стачаю. Хорошее платье и стоитъ недорого . . .

Возни съ распродажей имущества было не мало. Получалъ я совѣтскими деньгами, которыя приходилось мѣнять на крупныя купюры царскихъ обязательствъ, чтобы было меньше прятать. Дѣлало это для меня нѣсколько человѣкъ: одинъ бывшій директоръ банка, два бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ биржевой маклеръ и одинъ антикварій. Подпольная биржа работала во всю. Собиралась она на Ильинкѣ въ подворотняхъ и тамъ совершались сдѣлки и устанавливались цѣны. Торговали всѣмъ, какъ на настоящей биржѣ: чеками на заграничные банки, иностранными деньгами, процентными бумагами. Но всѣ расплаты на крупныя суммы шли по частнымъ

квартирамъ, ибо носить товаръ на Ильинку было опасно. Какъ-то въ обѣдъ ко мнѣ прибѣжалъ мой маклеръ въ совсѣмъ растрепанныхъ чувствахъ.

— Вы знаете откуда я къ вамъ? Прямо изъ чрезвычайки.

— Какимъ образомъ?

— Да подходитъ ко мнѣ сегодня на биржѣ коллега и говоритъ: «Берешь Петры *?» Сколько? «Два». — Почемъ? «По одиннадцати съ половиной» — Беру. «Пойдемъ въ подворотню». Только что онъ полѣзъ въ карманъ, а тутъ, какъ изъ подъ земли, выросли двое въ кожаныхъ тужуркахъ. Приставили револьверы. — Руки вверхъ! Обыскали, отняли Петровъ и повели. Только дорогой я сообразилъ, что имъ подалъ сигналъ мальчишка, который, пока мы торговались, терся около насъ. Ну идемъ. На Лубянской площади встрѣтили знакомаго. «Ich bin verhaftet», крикнулъ я ему. Думаю — пускай женѣ скажетъ. А на Лубянкѣ насъ нагнали еще двое въ кожаныхъ тужуркахъ. «Что у васъ товарищи?» — Двухъ Петровъ поймали. «Ну что вы съ ерундой возитесь. Тамъ серьезное дѣло идетъ, пойдемъ скорѣе». И ушли всѣ четверо, унеся Петровъ. А я забѣжалъ за бумажкой и пришелъ къ вамъ. Только слегка попорчена.

И онъ развернулъ стотысячный вексель государственнаго казначейства. На оборотѣ была сдѣлана невѣроятными каракулями надпись на манеръ передаточной, въ которой я могъ разобрать только одно слово «уплатить». Подъ подписью стояла подпись тою же рукой, въ которой я съ трудомъ прочиталъ «финанцывой комисаръ», а около красовалась печать тульскаго совдепа. Бумагу, конечно, пришлось признать испорченной.

На другой день утромъ одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщилъ новость, что нашего маклера забрали. Я его успокоилъ, но мы такъ и не смогли рѣшить вопроса, кто арестовалъ маклера — дѣйствительные вечекисты или просто жулики.

Съ директоромъ банка у меня былъ особенный телефонный шифръ. Онъ бывало звонитъ.

— Я досталъ вамъ сто граммъ адреналина для вашей супруги.

— Въ какой укупоркѣ?

— Одинъ флаконъ въ 50 граммъ, а два по 25.

— Чистый препаратъ или съ кокаиномъ?

— Одна маленькая баночка съ кокаиномъ, а остальныя чистыя.

Это значило: куплено на 100 тысячъ обязательствъ. Одна купюра въ 50 тысячъ, двѣ по 25. Одна 25-ти тысячная, зарегистрированная совѣтскимъ правительствомъ, другія нѣтъ.

Обычно я выдавалъ деньги на руки упомянутымъ выше лицамъ у себя на дому, а они черезъ нѣкоторое время приносили мнѣ бумаги. Выдавать приходилось иногда очень крупныя суммы до 300.000 совѣтскихъ. Деньги эти, прежде чѣмъ превратиться въ бумагу, проходили черезъ рядъ рукъ. Все безъ расписокъ, на основаніи личнаго довѣрія. И ни разу не пропало у меня ни одной копѣйки. Иногда бывало и такъ.

— Къ вамъ сегодня въ 5 часовъ, звонили мнѣ по телефону, придетъ мой добрый знакомый и принесетъ вамъ изслѣдованіе. Вы будете въ это время дома?

* Царскія пятисотрублевки.

Это значило, что бумага съ изъяномъ и безъ меня ее купить не рѣшаются. А владѣлецъ боится выпустить ее изъ рукъ. Такихъ людей приходило порядочно. Одни приносили бумаги задѣланными въ переплеты книгъ, кто похрабрѣе снималъ сапогъ и вытаскивалъ бумагу изъ-подъ стельки. Одну бумагу принесли совершенно истлѣвшей. Владѣлица проносила ее больше года на груди, подъ рубашкой.

Дома деньги и бумаги я пряталъ между двойными стѣнками термостата, въ которомъ стояли живыя холерныя и дифтерійныя культуры. Послѣднія гарантировали мнѣ цѣлость денегъ въ случаѣ обыска. Къ концу декабря все было ликвидировано и отъѣздъ былъ назначенъ.

* * *

Московскій Художественный театръ обычно устраивалъ у себя встрѣчу новаго года. Не измѣнилъ онъ себѣ и на этотъ разъ. Уѣзжая навсегда изъ Россіи, намъ очень хотѣлось проститься со старой Москвой, гдѣ мы съ бабкой провели лучшія 15 лѣтъ жизни и которую отъ души любили; и мы пошли. Я снялъ свою лыжную фуфайку и надѣлъ визитку. Пріятно было войти въ хорошо знакомые ярко освѣщенные коридоры, полные прилично и чисто одѣтыми людьми (Станиславскій и Немировичъ были даже во фракахъ). Но это радостное настроеніе быстро упало и смѣнилось тяжкимъ ощущеніемъ, которое обычно испытываешь на погребальныхъ обѣдахъ. Отъ веселья, бившаго раньше ключомъ на вечеринкахъ Художественнаго театра, не осталось и помина. Лучшая часть труппы еще лѣтомъ перебралась къ бѣлымъ. А оставшіеся были въ самомъ убійственномъ настроеніи. Къ тому же, вечеръ почтила своимъ присутствіемъ театральная коммиссарша Малиновская. Въ бархатномъ платьѣ, съ лицомъ кухарки за повара и съ осанкой невѣнчанной королевы, она ни на шагъ не отступала отъ Станиславскаго и Немировича, которые, какъ могли, играли роль любезныхъ хозяевъ. А вокругъ нихъ была пустота. Большинство артистовъ пробѣгали мимо нихъ бочкомъ съ очень любезными лицами, но съ явной опаской, какъ бы случайно не задержаться.

На другой день я пошелъ доставать разрѣшенія отъ чрезвычайной комиссіи на выѣздъ. Ибо мандата было мало для полученія билетовъ и чрезвычайка имѣла право налагать свои запреты на передвиженія. Принималъ прошенія полуграмотный солдатъ латышъ, вооруженный до зубовъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ объяснялся съ какой-то дряхлой старушкой, со сморщеннымъ отъ голода личикомъ величиной съ кулакъ. Старуха плакала горькими слезами и причитывала:

— Батюшка, до чего мы дожили. Мнѣ же ѣсть здѣсь нечего, а тамъ у меня дочь. Выпусти Христа ради.

— Нельзя, упрямо говорилъ латышъ. Лазлѣсается только по казеннымъ командировкамъ.

— Ради Христа! молила старушка.

Латышъ тупо смотрѣлъ на нее и вдругъ безсмысленно заоралъ:

— Уцетъ тлудовыхъ силъ! Понимаесь! Тебѣ сто? обратился онъ ко мнѣ.

Я подалъ ему мандатъ и бумагу, подписанную народнымъ комиссаромъ съ просьбой о выдачѣ мнѣ разрѣшенія на поѣздку. Тотъ просмотрѣлъ документы и вернулъ все обратно.

— Удостовѣленія по мѣсту службы нужно.

Мое было у меня въ карманѣ. Но бабкинаго я представить не могъ. ибо тамъ было сказано, что она преподавательница пѣнія. Значитъ, вся моя комбинація рушнлась. Я началъ доказывать, что мандатъ народнаго комиссара — тоже удостовѣреніе. Но латышъ озлился.

— Я сказалъ тебѣ, сто по мѣсту службы, а не отъ налоднаго комиссала.

Дѣлать было нечего. Я повернулся уходить и столкнулся съ какимъ-то запуганнымъ интеллигентомъ, который пришелъ сюда за тѣмъ же, зачѣмъ и я. На лицѣ у него былъ написанъ ужасъ и онъ отъ самой двери началъ отвѣшивать латышу почтительные поклоны. Вышелъ я въ отвратительномъ настроеніи, ибо затрудненіе съ вывозомъ бабки встрѣтилось очень серьезное. Но вдругъ меня осѣнило.

— Вѣдь у меня въ лабораторіи есть свободное мѣсто препаратора.

Опредѣлить бабку на службу было не трудно и на другой день въ рукахъ у меня уже была нужная бумажка. «Р. С. Ф. С. Р. и т. д. Настоящимъ удостовѣряется, что товарищъ Л. И. Д. — дѣйствительно состоитъ препараторомъ лабораторіи и т. д.» А внизу «пицать», какъ говорили латыши. Такъ твоя бабка, чтобы выѣхать изъ Москвы, превратилась изъ пѣвицы въ нѣчто чуть-чуть высшее, чѣмъ лабораторная служительница. Я вручилъ латышу эту, больше чѣмъ комическую, бумажку и получилъ разрѣшеніе.

Разрѣшеніе вцика прошло гладко и осталось выхлопотать только мѣста въ штабномъ вагонѣ. Это былъ единственный плацкартный классный. Остальные были 3 класса, обычно биткомъ набитые и вшивые до послѣдней степени. Подъ флагомъ сыпного тифа это удалось безъ труда и всѣ формальности съ выѣздомъ на этомъ кончились.

Поѣздъ отходилъ въ 10 часовъ вечера. Дня отъѣзда я совершенно не помню. Утромъ у меня былъ д-ръ Л., которому я сдавалъ счета и авансы лабораторіи, а что мы дѣлали послѣ его ухода, я рѣшительно не помню. Кто-то приходилъ прощаться, кто-то плакалъ — а кто, не знаю. Когда стемнѣло я взялъ двухъ извозчиковъ и мы съ однимъ знакомымъ поѣхали на вокзалъ съ вещами. Часа два отняла у насъ процедура полученія билетовъ и мѣстъ въ штабномъ вагонѣ. Потомъ подъѣхали на двухъ извозчикахъ мать съ бабкой, Мариша съ тобою и одна ученица бабки. Послѣ вашего пріѣзда у меня немного просвѣтилось въ памяти. Отчетливо запечатлѣлся залъ перваго класса, въ которомъ мы сидѣли, ожидая впуска въ вагоны, длиннѣйшая очередь пассажировъ у выходной двери, охраняемой вооруженными солдатами и сыщики чрезвычайки, шнырявшіе въ толпѣ. Ты былъ въ новой котиковой шапкѣ, въ новой шубѣ, доходившей до пять и въ валенкахъ, за которые мать заплатила 2000 руб. (за одни валенки). На мнѣ были самодѣльные теплые сапоги выше колѣнъ, бабка была одѣта въ мое спортивное пальто, а мать въ бабкину шубу. Почему мы совершили этотъ маскарадъ и почему мать и бабка не поѣхали каждая въ своей шубѣ, я такъ до сихъ поръ и не понимаю. Просто потеряли голову передъ отъѣздомъ. Мать почему-то бросила въ Москвѣ все свое бѣлье, и все твое и ея имущество уложилось въ маленькую ручную корзиночку. Остальной багажъ составляли большой хорошій Globetrotter съ бѣльемъ и платьемъ моимъ и бабкинымъ, чемоданъ съ моими книгами и рукописями, портпледъ,

лабораторія, коробка съ индивидуальными пакетами и большой ящикъ съ гипсовой формой скульптурной каррикатуры на меня, сдѣланной твоимъ дядькой Володей. Послѣднія три вещи требуютъ поясненій. Въ виду того, что мы ѣхали якобы для обслѣдованія прифронтовой полосы, необходимо было имѣть при себѣ походную лабораторію. Такую бутафорскую лабораторію я и захватилъ съ собой. Она представляла собою небольшую шкатулку съ двойнымъ дномъ, въ которое я спряталъ деньги, раздѣленную перегородками на рядъ мѣстъ для реактивовъ, склянокъ и аппаратовъ. Изъ аппаратовъ былъ только одинъ, да и тотъ не лабораторный — бабкинъ ингаляторъ. А вмѣсто реактивовъ стояло твое молоко и нѣсколько бутылочекъ со спиртомъ, предназначенныхъ для раздачи въ дорогѣ, въ качествѣ взятокъ. (Въ то время бутылка спирта стоила въ подпольной продажѣ нѣсколько тысячъ и достать его безъ соотвѣтственныхъ знакомствъ было невозможно). Вотъ этой-то безхитростной «Лабораторіей» я и импонировалъ всю дорогу чернокожимъ комиссарамъ. Ибо у меня была бумага о томъ, что я везу съ собой «лабораторное имущество исключительной цѣнности», а потому имѣю право на мѣста въ штабномъ вагонѣ вмѣстѣ съ ассистентами. Индивидуальные пакеты предназначались для матери, которая, какъ я уже тебѣ сказалъ незадолго до отъѣзда, коля дрова, отрубила себѣ кусокъ большого пальца съ костью. Рана была нешуточная и требовала ухода и чистыхъ перевязокъ. Наконецъ, третья вещь — ящикъ съ формою — имѣетъ самую смѣшную исторію. У меня была гипсовая каррикатура на меня въ видѣ фавна, работы дяди Володи и единственная память о немъ. Уѣзжая я со всѣмъ смогъ разстаться — даже со своей библіотекой, но бросить память дяди Володи у меня не хватило духа. Везти же съ собой въ научную командировку бюстъ, сработанный явно съ меня, было невозможно, даже уповая на непроходимую глупость чернокожихъ комиссаровъ. Поэтому я рѣшилъ сдѣлать съ бюста гипсовую форму, которая, конечно, затушевала бы сходство и въ случаѣ обыска объяснить чернокожимъ, что это слѣпокъ съ рогатого человѣка, котораго я нашелъ въ деревнѣ. Всѣ домашніе смѣялись надо мной и убѣждали бросить свою затѣю, пророча мнѣ непріятности. Но я возражалъ, что когда чернокожій увидитъ у меня слѣпокъ рогатаго человѣка, то онъ проникнется къ моей учености большимъ уваженіемъ, чѣмъ отъ всѣхъ моихъ рукописей. Такъ на мое и вышло и въ Л. «рогатый» (какъ мы стали въ дорогѣ называть нашу самую крупную и громоздкую вещь) сослужилъ свою службу. Но объ этомъ послѣ.

И такъ мы сидѣли на вокзалѣ, въ грязномъ, запущенномъ, едва освѣщенномъ залѣ не было никого, кромѣ насъ. По срединѣ были свалены наши вещи. Бабка сидѣла на «рогатомъ» и набивала папиросы. Было невыразимо тяжко. И рѣзкимъ контрастомъ съ общимъ погребальнымъ настроеніемъ звучали твои ликующіе крики. Увидѣвъ себя въ новой обстановкѣ, ты положительно пришелъ въ ражъ. Выдѣлывалъ антраша въ своей неуклюжей, доходящей до пятъ шубкѣ, лазалъ по скамейкамъ и вопилъ въ истошный голосъ. Шубу съ тебя пришлось снять и тогда ты окончательно разошелся. Бѣгалъ ты быстро, а валенки тебѣ мѣшали и ты отбрасывалъ ноги какъ-то такъ неуклюже, что получалось впечатлѣніе будто онѣ движутся сами по себѣ, независимо отъ туловища. А вся твоя ликующая крохотная фигурка въ сѣрой фуфайкѣ и вязанныхъ штанахъ и въ коричневыхъ дѣтскихъ валенкахъ напоминала заводную игрушку.

Часа черезъ полтора ожиданія я съ бабкой пошелъ занять мѣста въ очереди. У дверей на платформу стоялъ огромный хвостъ на общіе вагоны и рядомъ другой поменьше на штабной. Мы помѣстились во второмъ. Я захватилъ Globetrotter, бабка «лабораторію». Стали мы съ тѣмъ, чтобы занять мѣста въ вагонѣ, а потомъ мнѣ предстояло перетащить на себѣ всѣ вещи, ибо носильщиковъ дозваться было немыслимо. Около трехъ четвертей часа прошло въ ожиданіи, послѣ чего двери открыли и на платформу ринулась штабная очередь. Въ этотъ моментъ одинъ изъ шнырявшихъ въ залѣ шпиковъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону для обыска. Я сунулъ ему мандатъ, онъ прочиталъ его, вѣжливо раскланялся и сказалъ «пожалуйста, товарищъ». Мы бросились къ дверямъ, но увы! штабная очередь успѣла выйти и въ двери перла вереница чернокожихъ, съ огромными сундуками и мѣшками за спинами — это имущество бѣлыхъ переправлялось въ деревню. Съ большимъ трудомъ протискались мы подъ общіе озлобленные крики.

— Ишь, буржуи чемоданы тащатъ.

Тутъ только понялъ я, что не слѣдовало брать съ собой щегольскаго Globetrotter. Не будь его, не было бы попытка обыска.

У вагона новое недоразумѣніе. Чернокожій, провѣряющій пропуски, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, неграмотнымъ. У меня было написано «три мѣста въ штабномъ вагонѣ», а онъ почему-то читалъ одно мѣсто. Наконецъ, и это недоразумѣніе разсѣялось и мы заняли маленькое купэ. Вагонъ былъ хорошій, но ничѣмъ не освѣщался, такъ что вещи приходилось разставлять ощупью въ полной темнотѣ. Оставивъ бабку одну, я пошелъ обратно за тобою съ матерью и за вещами. Отъ Мариши тебя пришлось оторвать почти силой, такъ она бѣдная плакала, прощаясь съ тобою. На мое счастье, наконецъ, попался носильщикъ, который согласился за 600 руб. помочь мнѣ перенести вещи. Часть изъ нихъ я взвалилъ на себя, остальныя взялъ носильщикъ. Мать подхватила тебя и мы тронулись, справившись однимъ рейсомъ. Попавъ въ темный вагонъ, ты испугался и заскулилъ.

— Баба? Баба? началъ ты звать.

— Я здѣсь, Лодочка, отозвался изъ темноты знакомый голосъ.

Черезъ минуту ты былъ уже на рукахъ у бабки.

— Дѣда? началъ ты тогда хныкать.

Я подошелъ къ тебѣ, а ты, удостовѣрившись, что и я здѣсь, уже звалъ маму, которую потерялъ въ темнотѣ.

Но мать доставала свѣчи и черезъ минуту ты уже немного успокоился при свѣтѣ огарка. Не успѣли мы толкомъ разложиться, какъ поѣздъ тронулся и мимо поплыли такъ хорошо знакомые столбы Александровскаго вокзала. Сколько разъ мы уѣзжали съ этого самаго перрона за границу, и какая разница — тогда и теперь . . .

Столбы бѣжали все быстрѣе и быстрѣе. Прощай Москва и, вѣроятно, на вѣки; 15 лучшихъ лѣтъ жизни у меня и у бабки оставались позади ускоряющаго бѣгъ поѣзда. А что впереди неизвѣстно. Не дай Богъ, малютка, тебѣ испытать когда нибудь то, что мы съ бабкой испытывали въ этотъ вечеръ.

* * *

Сутки до Орши прошли сѣренько. Въ вагонѣ ѣхало нѣсколько офицеровъ на фронтъ, агитаторы и еще какая-то неопредѣленная публика. Мы сидѣли въ своемъ купэ, забавлялись съ тобою и пили чай, съ захваченнымъ изъ Москвы жаренымъ мясомъ. Въ сосѣднемъ вагонѣ помѣщался «буфетъ», изъ котораго я носилъ кипятокъ по 2 руб. стаканъ. Тамъ же продавались котлеты по 100 руб. штука и бѣлыя лепешки по 40 руб. штука. Для тебя въ «лабораторіи» стояли два литра молока, которые мы подогрѣвали тутъ же на спиртовкѣ. Ты былъ настроенъ чудесно, много спалъ и истреблялъ невѣроятное количество «хахара».

Дорогой чрезвычайка нѣсколько разъ провѣряла документы. Когда вошла первая комиссія, ты привѣтствовалъ ее возгласомъ:

— Товарищи окаянные!

Это явилось для насъ сюрпризомъ, ибо никогда ничего подобнаго мы отъ тебя не слышали. Къ счастью ты произнесъ эти новыя слова не совсѣмъ разборчиво и они ихъ не поняли. Провѣрки не обошлись безъ курьезовъ. Такъ у ѣхавшаго въ сосѣднемъ купэ полкового командира, направлявшагося въ Смоленскъ принимать полкъ, отобрали револьверъ. Что отобрали, это еще ничего. Но въ простотѣ душевной даже расписку выдали.

Въ Оршу мы прибыли въ десятомъ часу вечера. Небольшой грязный вокзалъ, совершенно неосвѣщенный. Ходить приходилось буквально ощупью держась за стѣну. И въ этой темнотѣ пришлось разыскивать помѣщенія всякихъ комиссій, долженствовавшихъ выдать разрѣшеніе на покупку билетовъ до Л. Кое какъ справившись съ этой трудной задачей, я, наконецъ, досталъ билеты и пошелъ наводить справки о поѣздѣ. Онъ стоялъ далеко на путяхъ и весь состоялъ изъ вшивыхъ товарныхъ вагоновъ и одного вагона третьяго класса, служившаго въ качествѣ почтоваго. Ѣхать ночь въ товарномъ вагонѣ не хотѣлось и я завелъ переговоры съ почтовыми чиновниками.

— Товарищъ, я профессоръ, ѣду на борьбу съ сыпнымъ тифомъ, везу цѣнное имущество, лабораторію, не впустите ли меня къ себѣ?

— Мы, товарищъ, рады бы, да, сами знаете, отвѣтственность, въ случаѣ контроля. Никакъ не возможно.

— Товарищъ, наклонился я къ его уху, у меня въ лабораторіи есть спиртъ. Много вамъ предложить не могу, но граммъ. 200 выкрою.

— Постойте, я поговорю со своимъ товарищемъ, сразу перемѣнилъ онъ тонъ и черезъ минуту уже высунулся въ окно.

— Пожалуйте, пригласилъ онъ меня.

— Я, конечно, не заставилъ себя долго просить и, втащивъ въ вагонъ «рогатого», началъ его пристраивать между скамьями.

— А это еще кто? услышалъ я съ площадки вагона окрикъ того же чиновника.

— Ассистенты профессора Д., отвѣчалъ голосъ бабки. Обычно звонкій и увѣренный въ себѣ, онъ на этотъ разъ прозвучалъ такъ тихо и такъ робко, что я его сразу даже не узналъ.

— Много васъ?

— Двое.

Я вмѣшался въ дѣло и черезъ минуту старшій ассистентъ уже бѣгалъ по вагону и совалъ въ печку дрова, приговаривая:

— Лода печу топитъ.

Чугунная печка разгоралась все жарче, чайникъ весело шумѣлъ на ней, чиновники распивали свои 200 граммъ, ты спалъ на подстилкѣ изъ шубъ, а ночь бѣжала быстро, быстро. Изрѣдка ты просыпался, прислушивался къ монотонному стуку колесъ и говорилъ: «Гудитъ ль! Гудитъ!» и снова засыпалъ. Къ разсвѣту мы были въ Л., куда я имѣлъ рекомендательное письмо къ одному еврею Ж—чу, который долженъ былъ свести меня съ контрабандистами, занимающимися переправкой черезъ польскую границу.

* * *

Когда мы вылѣзли изъ вагона, было еще темно. Чиновники подавали мнѣ вещи, а я оттаскивалъ ихъ къ сторонкѣ на темной платформѣ. Когда я положилъ первые чемоданы, изъ сосѣдней теплушки выскочилъ десятокъ красноармейцевъ. Они подбѣжали къ вещамъ, окруживъ ихъ узкимъ кольцомъ, и начали «оправляться» у самыхъ чемодановъ. Я очень сдержанно попросилъ ихъ отойти къ сторонкѣ, но въ отвѣтъ получилъ нѣсколько непечатныхъ ругательствъ. Дѣлать нечего — къ сторонкѣ отошелъ я и сталъ ждать, пока они кончатъ. Морозъ, слава Богу, былъ крѣпкій и пока я вытащилъ остальныя вещи и изъ вагона вылѣзли бабка съ матерью и съ тобою, огромная лужа, которую они оставили, уже замерзла. Поѣздъ отошелъ дальше и мы остались одни на платформѣ. Ночь была темная и заря еще не занималась. На платформѣ ни души. Было жутко. Нужно было идти разыскивать Ж—ча. Оставить васъ троихъ съ вещами было страшно. А забрать вещи съ собой невозможно. Сначала я думалъ взять «лабораторію» и идти одному. Но, обсудивъ вопросъ, рѣшили, что безопаснѣе оставить все съ вами, ибо если бы начали грабить на вокзалѣ, то прежде всего бросились бы на чемоданы, а не на «лабораторію». А если бы меня ограбили по дорогѣ, то, конечно, забрали бы то, что я несу, то-есть все наше состояніе. Розыскавъ съ трудомъ станціоннаго сторожа, я узналъ отъ него, какъ пройти къ Ж—чу и нырнулъ въ темную невѣдомую мнѣ улицу. Домикъ стоялъ въ 5 минутахъ отъ станціи. На стукъ въ дверь никто не отвѣтилъ. Я попробовалъ нажать — она открылась и я очутился въ кухнѣ. Громадная русская печь пылала во всю и ярко освѣщала растрепанную старуху съ ухватомъ въ рукахъ.

— Ж—чъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь. Я его сейчасъ разбужу. А вы пройдите въ столовую.

Въ столовой у стола, едва освѣщеннаго коптящей лампочкой, сидѣло душъ пять красноармейцевъ. Черезъ пару минутъ вышла заспанная жена Ж—ча.

— Мужъ сейчасъ встанетъ, а вы присядьте.

Я объяснилъ, что мнѣ нужно бы забрать съ вокзала вещи. Она откуда то достала красноармейца и мы пошли съ нимъ на вокзалъ. Бѣжалъ я туда рысью, ибо очень боялся за васъ. Вхожу на платформу, смотрю въ вашу сторону — ничего не видно. Бѣгу дальше, наконецъ, вырисовываются очертанія людей и вещей. Слава Богу, все благополучно. Ты лежишь сверху на Globetrotter'ѣ, закутанный въ старую бабкину шубу поверхъ своей одежды и сладко спишь. Еврейчикъ-красноармеецъ началъ таскать вещи, а мы всѣ остались на платформѣ. Пока онъ справился, занялась заря и дорогой мы уже могли осмотрѣть Л. Оно оказалось поселкомъ изъ

8—10 избъ, стоящимъ у самаго лѣса. Когда мы пришли, Ж—чъ уже всталъ. Это былъ молчаливый, спокойный еврей лѣтъ 50-ти. Онъ стоялъ у стола, за которымъ сидѣли красноармейцы. Я подалъ ему письмо. Онъ молча прочиталъ его, положилъ въ карманъ, помолчалъ съ минуту.

— Я уже знаю. Моему сыну говорилъ о васъ М—нъ.

— А у васъ можно прожить нѣсколько дней?

— Почему же нѣтъ?

Опять молчаніе. Мы всѣ стоимъ.

— Ребенка уложить бы хорошо.

— Можно и уложить.

Подошла его жена и объяснила, что бабкѣ, матери и тебѣ будетъ отдѣльная комната, а мнѣ придется жить въ конторѣ. Комната оказалась закуткомъ въ два съ половиной на три аршина. По стѣнамъ стояли двѣ кровати, настолько короткія, что даже матери приходилось лежать, свернувшись калачикомъ. А что за матрацы были на нихъ! Впечатлѣніе получалось, будто лежишь на булыжной мостовой.

Уложили тебя и снова вышли въ столовую. Красноармейцы ушли, лампа была потушена и въ окна смотрѣло тусклое январьское утро. У стола сидѣлъ Ж—чъ и клевалъ носомъ. Помолчали. Оглядѣли помѣщеніе. Грязь была невообразимая. Отъ столовой былъ отгороженъ не доходящими до потолка перегородками рядъ «спаленъ» такой же величины, какъ ваша. Вмѣсто дверей висѣли какія то тряпки, изъ за которыхъ виднѣлись неубранныя кровати. Въ первый разъ въ жизни пришлось быть въ такой обстановкѣ. Помолчали еще. Я подвинулся поближе къ Ж—чу, и убѣдившись, что никого кромѣ насъ въ комнатѣ нѣтъ, заговорилъ шепотомъ.

— Г. Ж—чъ, вы знаете, зачѣмъ мы пріѣхали?

— Сыну же М—нъ сказалъ.

— И вы думаете, удастся?

— А почему бы нѣтъ.

Опять молчаніе.

— Какъ же это сдѣлать?

— Я этимъ не занимаюсь. Встанетъ сынъ, онъ знаетъ людей, которые занимаются.

Опять замолчали.

Потомъ пили чай. Потомъ Ж—чъ ушелъ въ свою спальню, мать и бабка умудрились какъ то устроиться на одной кровати (другая была занята тобою). А я прилегъ на кушеткѣ въ конторѣ. Часовъ около 10 въ контору вошелъ какой то молодой человѣкъ, въ рубашкѣ и съ полотенцемъ черезъ плечо.

— Вы молодой Ж—чъ?

— Нѣтъ я конторщикъ. Ж—чъ еще спитъ, — и пошелъ въ кухню умываться.

Я опять легъ. Въ контору приходили какіе то люди въ солдатскихъ шинеляхъ. Посидятъ, покурятъ и уйдутъ. Конторщикъ пробовалъ ихъ выпроводить.

— Сегодня праздникъ, что вы лѣзете сюда!

— Контора наша, отвѣчали они, мы и сидимъ.

Наконецъ, появился Ж—чъ, умылся и сѣлъ пить чай. Онъ былъ похожъ на отца и заставить его говорить было такъ же трудно. Онъ былъ такъ же невозмутимъ и любимымъ его выраженіемъ было:

— Наплевать. Ничего не значитъ.

Къ тому же говорить о дѣлѣ было невозможно, ибо все время мимо шныряли какіе то люди. Все, что мнѣ удалось узнать это то, что намъ придется сходить въ мѣстечко, которое лежитъ въ 6 верстахъ отъ станціи. Я заторопился идти, но Ж—чъ заявилъ, что еще рано.

— Пойдемъ, немного погодя.

Я опять легъ. Время тянулось нудно. Народъ толокся и ругался съ Ж—чемъ и конторщикомъ, которые доказывали, что разъ контора закрыта, то нечего и сидѣть здѣсь.

— Контора наша, отвѣчали они, такъ вамъ что за дѣло.

— Что это за народъ? спросилъ я Ж—ча.

— Наши.

— Рабочіе?

— Нѣтъ, такъ наши.

Такъ я ничего и не понялъ. Прошло съ часъ времени. Ты проснулся и поминутно выскакивалъ изъ своей клѣтушки и мать и бабка едва удерживали тебя сказками.

— Не пора ли намъ идти?

— Нѣтъ, рано.

Прошло еще нѣсколько часовъ, которые молодой Ж—чъ провелъ, сидя у окна и любуясь видомъ на станцію.

Наконецъ, онъ всталъ.

— Мама, gieb mir Essen!

Подали обѣдъ. Я сѣлъ ѣсть съ нимъ. Вытащилъ изъ «лабораторіи» бутылочку со спиртомъ и сдѣлалъ водку. У отца съ сыномъ лица просвѣтлѣли. Выпили по рюмкѣ и закусили чернымъ хлѣбомъ съ солью. Публика изъ конторы собралась около стола и съ завистью на насъ смотрѣла. Выпили по второй и закусили супомъ. И все молча. Потомъ выпили по третьей и закусили мясомъ. Обѣдъ былъ прѣсный и невкусный, но послѣ Москвы казался настоящимъ пиромъ. Ѣли свѣжее хорошее мясо, и рядомъ не было матери, которая въ Москвѣ несла тяжелую обязанность считать и распредѣлять куски.

— Наконецъ, послѣ обѣда Ж—чъ надѣлъ шапку съ наушниками и кратко сказалъ.

— Ну, теперь пора.

Вышли. Дорога шла все время чудеснымъ сосновымъ боромъ. Былъ яркій солнечный морозный день. Ж—чъ немного разговорился. Оказалось, что границу переходятъ ежедневно и дѣло налажено хорошо. Я немного успокоился. Часа черезъ полтора мы пришли въ какую то еврейскую лавку, въ углу которой были составлены въ козлы 4 винтовки. Хозяинъ — старый еврей съ плутоватымъ лицомъ. Мы присѣли въ углу и завели разговоръ въ полголоса.

— То-есть, что я вамъ скажу. Я самъ поѣду съ вами и сдамъ на руки польскому офицеру. Онъ всегда выходитъ ко мнѣ на встрѣчу. У насъ такъ заведено.

— Гдѣ же это? Въ полѣ?

— Зачѣмъ въ полѣ? Вотъ деревня занятая поляками, а вотъ нейтральная полоса въ 10 верстъ. И вотъ вы ждете въ нейтральной деревнѣ, а къ вамъ приходитъ польскій офицеръ и приноситъ пропускъ до самой Варшавы. Накажи меня Богъ. И все это стоитъ 2000 руб. царскими съ человѣка.

Черезъ лавку изъ внутреннихъ комнатъ прошло двое солдатъ.

— Предсѣдатель чрезвычайной комиссіи, пояснилъ хозяинъ. Онъ у меня уже полгода живетъ. Это ихъ винтовки.

Я съежился.

— И вы у него подъ носомъ занимаетесь такими дѣлами?

— Ну, конечно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ у меня поселился, я свѣтъ увидѣлъ и узналъ, что такое спокойная жизнь.

Я сдуру не захватилъ съ собой царскихъ денегъ и у меня были только совѣтскія, думскія и краткосрочныя обязательства. Еврей мой о послѣднихъ деньгахъ даже не слышалъ и побѣжалъ справляться къ какому-то знакомому, а я остался одинъ (Ж—чъ ушелъ раньше). Вдругъ входитъ Ж—чъ и дѣлаетъ мнѣ таинственный знакъ.

— Пойдемте.

Я рѣшилъ, что дѣло не ладно съ чрезвычайкой, и поспѣшно вышелъ. Но оказалось другое.

— Я сейчасъ узналъ, что этотъ работаетъ не отъ себя. Онъ только комиссіонеръ. Такъ мы пойдемъ прямо къ тому, у кого онъ работаетъ — къ Л.

Л. жилъ въ совсѣмъ приличномъ домикѣ, обставленномъ даже уютно. Мы сѣли въ пріемной и начали бесѣдовать. Условія тѣ же, но нѣтъ хвастовства и обѣщаній, что встрѣчать будетъ польскій офицеръ. Стараюсь выяснить всю процедуру переѣзда. Оказывается, выѣзжать придется вечеромъ и всю ночь ѣхать на лошадяхъ лѣсомъ. Къ разсвѣту пріѣдемъ въ деревню на нейтральной полосѣ. Тамъ сдадутъ насъ уже новому лицу, которое доставитъ насъ на польскіе аванпосты. Путешествіе ночью мнѣ не улыбается и я пробую убѣдить ихъ ѣхать днемъ. Показываю свой мандатъ и доказываю, что встрѣчи съ большевистскими патрулями мнѣ опасаться нечего. Л. прочиталъ мандатъ.

— Мандатъ хорошій. Только я бы вамъ совѣтовалъ даже и съ нимъ избѣгать встрѣчи. Къ тому же вы поѣдете не одни, мы возимъ партіями. А у вашихъ попутчиковъ такихъ мандатовъ нѣтъ.

Я увидѣлъ, что ихъ не заставишь измѣнить своихъ плановъ, и попытался выяснить дорогу, которой мы поѣдемъ. Досталъ десятиверстку и развернулъ ее на столѣ.

— Мнѣ говорили въ Москвѣ, что удобнѣе всего ѣхать на мѣстечко П.

— Мы такъ и возили. Но теперь эта дорога испорчена.

— То-есть?

— На дняхъ насъ тамъ накрыли.

— Арестовали?

— Ну, зачѣмъ арестовали. Пришлось заплатить сто тысячъ. И теперь у насъ другая дорога. Вчера поѣхала первая партія. Вы поѣдете вторыми.

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ человѣкъ въ щегольскомъ фрэнчѣ и съ пачкой «совѣтскихъ извѣстій».

— Кто это? спросилъ я Л.

— Комиссаръ мѣстечка.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?
— Комнату у меня снимаетъ.

Я поспѣшилъ покончить дѣло. Условились по 2000 руб. царскими съ человѣка. Но такъ какъ царскихъ у меня не было, то согласились, что я заплачу часть вещами, часть думскими. Окончательный торгъ долженъ былъ состояться въ тотъ же вечеръ у меня по осмотрѣ вещей.

Когда мы шли домой я выразилъ Ж—чу опасеніе, какъ бы мы не попались. Въ самомъ дѣлѣ, я говорилъ о переѣздѣ два раза и оба раза за дверью сидѣли совѣтскіе комиссары. Одинъ видѣлъ меня надъ картой. Но онъ обнадежилъ меня.

— Наплевать. Ничего не значитъ!

— Ну, а тотъ народъ, что толчется у васъ, вѣдь онъ же можетъ заподозрить истину. Могутъ донести.

— Тоже наплевать, ничего не значитъ.

Домой пришли, когда совсѣмъ уже смеркалось. Часовъ въ 9 пріѣхалъ Л. съ братомъ и началась торговля. Я отдалъ ему дюжину превосходныхъ до-военныхъ рубахъ, дюжину кальсонъ, полдюжины носковъ, бабкино шелковое платье и еще кое-какія мелочи. Все это онъ оцѣнилъ въ 2000 р. царскихъ и потребовалъ доплаты 20.000 р. думскими. Торговаться не приходилось и мы тотчасъ же покончили, условившись, что на другой день въ 4 часа за нами пріѣдутъ подводы. Въ результатѣ сдѣлки мы остались почти голыми съ двумя смѣнами бѣлья каждый и въ одномъ костюмѣ. Но отдавали все радостно, разсчитывая купить нужное въ Берлинѣ. Когда же пріѣхали въ Берлинъ, оказалось, что они забрали у насъ вещей по самому скромному подсчету на 20.000 руб. царскими. Проводивъ Л., легли спать. Я легъ въ конторѣ на кушеткѣ и со мной легло еще двое человѣкъ на двухъ диванахъ. Когда же проснулся на другой день, я увидѣлъ, что и на трехъ столахъ конторы тоже лежитъ по человѣку.

Слѣдующій день прошелъ такъ же тоскливо. Ходилъ на станцію и далъ въ Москву «служебную» телеграмму по условленному шифру о томъ, что все благополучно и что сегодня выѣзжаемъ на границу. До обѣда коротали время въ вашей «комнатѣ», сидя па кроватяхъ и на вещахъ и забавляясь съ тобой. Ты окончательно истомился сидѣть сиднемъ въ крохотномъ закутѣ и поминутно открывалъ дверь, а мы старались держать ее закрытой, чтобы не мозолить глаза праздношатающейся публикѣ. Была суббота и Ж—чи шабашевали. Утромъ у нихъ было что то въ родѣ богослуженія: старый еврей, набросивъ на плечи полосатый платокъ, читалъ библію и всѣ слушали. Около 2-хъ часовъ уложились и стали ждать подводъ. Время тянулось невыразимо медленно. Часа въ три открылась дверь нашей «комнаты» и вошла какая то непристойнѣйшая физіономія въ синемъ пенснэ.

— Вы куда ѣдете, товарищъ?
— А вы почему интересуетесь?
— Я слѣдователь чрезвычайной комиссіи.
— Тогда извольте мандатъ.

Непристойнѣйшая физіономія прочитала и вытянулась. Потомъ начала просить навѣстить предсѣдателя чрезвычайной комиссіи, который боленъ уже нѣсколько дней. Пошли съ матерью. Больной лежалъ на станціи въ вагонѣ и у него оказался сыпной тифъ. Пришли обратно и стали ждать.

Часы дошли до четырехъ. Подводъ нѣтъ. Половина пятаго — нѣтъ. Пять — нѣтъ. Половина шестого — нѣтъ. Мы совершенно истомились и уже не знаемъ, что думать. Наконецъ, около 6 часовъ пріѣхали. Оказалось, что извозчикъ — еврей не захотѣлъ выѣзжать въ субботу до захода солнца. Быстро нагрузили вещи, расплатились со Ж—чемъ (1500 руб. керенками за прожитіе и 500 руб. совѣтскими за доставку вещей со станціи), сѣли въ сани и хотѣли ѣхать. Но не тутъ то было. Какой то типъ во френчѣ во время погрузки стоявшій у самыхъ саней и наблюдавшій, какъ клали чемоданы, остановилъ возницу.

— Подъѣзжайте къ угловой избѣ.

Оказывается чрезвычайка.

Отдаю мандатъ, который уносятъ въ избу и черезъ минуту выносятъ обратно съ резолюціей: обыскать. Открываютъ первый чемоданъ, вытряхиваютъ все до дна и начинаютъ осматривать каждую вещь. Я соображаю, что съ такимъ обыскомъ они проканителятся часа три. А насъ въ мѣстечкѣ ждутъ и мы уже опаздываемъ на два часа. И я пускаюсь на хитрость.

— Товарищъ Т—ва, кричу я матери, которая возится у чемодана. Не трудитесь съ обратной укладкой, мы дальше не ѣдемъ.

— Почему?

— Я не могу работать при такихъ условіяхъ и возвращаюсь въ Москву съ докладомъ народному комиссару, что мнѣ не дали возможности выполнить командировку.

Мое заявленіе производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, но не особенно сильное, ибо обыскъ продолжается.

— Вы, товарищъ, не волнуйтесь, обратился ко мнѣ парень во френчѣ.

— Я и не волнуюсь. Но только я пріѣхалъ работать, а не таскаться по обыскамъ. А сегодня это второй разъ со мною. Я вижу, что работать здѣсь нельзя, и уѣзжаю обратно — только и всего.

— Вотъ нашелъ что то, торжественно заявилъ парень, ощупывающій подушки, и запустилъ руку подъ наволочку. Всѣ насторожились и парень вытащилъ твои штанишки.

— Молодецъ, похвалилъ я его, сразу видно, что вы свое дѣло понимаете.

— А тутъ у васъ что?, указалъ парень на ящикъ съ «рогатымъ».

— Тутъ слѣпокъ съ рогатаго человѣка.

— Съ какого рогатаго?

— Я въ Оршѣ нашелъ человѣка съ рогами и сдѣлалъ съ него слѣпокъ для университетскаго музея.

Парень во френчѣ задумался.

— Прекратите пока обыскъ, распорядился онъ. А васъ товарищъ, я попрошу въ канцелярію.

Тамъ онъ пошептался съ двумя такими же парнями, какъ онъ самъ.

— Вы куда сейчасъ направляетесь?

— Въ мѣстечко Л., гдѣ нашелъ помѣщеніе для лабораторіи, а оттуда развернувшись будемъ объѣзжать сосѣднія деревни.

Парни во френчахъ еще пошептались.

— Можете ѣхать, положилъ резолюцію начальникъ.

Мы быстро уложились и ударили по лошадямъ. Смеркалось быстро и мы гнали крупной рысью по опушкѣ лѣса — я впереди съ вещами, а сзади

мать, бабка и ты. Дорогой встрѣтились съ пьяными красноармейцами, стрѣлявшими изъ винтовокъ въ воздухъ. Къ мѣстечку подъѣхали уже въ полной темнотѣ и рѣшили не останавливаться, чтобы не обращать на себя лишняго вниманія, а остальную компанію ждать въ лѣсу за рѣкой.

— Наши увидятъ, что мы проѣхали, объяснилъ извозчикъ.

Деревню мы пролетѣли вихремъ вскачь. Мелькнула плотина водяной мельницы и небольшая избушка около нея.

— Здѣшняя чрезвычайка, объяснилъ мнѣ ямщикъ.

За мельницей на ходу къ намъ въ сани вскочилъ Л.

— Что вы такъ долго?

— Насъ обыскивали.

— Ждите у лѣса, — и онъ, соскочивъ, уже бѣжалъ въ деревню.

У лѣса мы простояли съ полчаса, пока подъѣхали остальные. Всѣ были на одной подводѣ. Л. на ходу соскочилъ, сѣлъ ко мнѣ и велѣлъ трогать. Черезъ минуту на поворотѣ изъ заднихъ саней я услышалъ неистовый крикъ бабки.

— Лодочка, Лодочка!

Выскакиваю изъ саней и вижу картину. Ваши сани перевернулись на косогорѣ, вещи высыпались, а мать съ бабкой копошатся въ снѣгу. Къ счастью, падать было мягко и никто даже не ушибся. Уложили вещи на ново и, такъ какъ матери съ больной рукой тебя держать было неудобно, она сѣла на первыя сани, а я съ бабкой и съ тобой на вторыя. Тебѣ устроили нѣчто въ родѣ постели. Подъ голову положили въ видѣ подушки одѣяло, укутали тебя шубой, ты сразу же уснулъ и потянулась дорога.

Ночь была не очень холодная, ясная и безлунная. Звѣзды горѣли ярко, ярко, а лѣсъ, одѣтый снѣговымъ уборомъ, при ихъ мерцающемъ свѣтѣ едва вырисовывалъ свои очертанія и тихо шумѣлъ.

Бабка боялась, что ты замерзнешь и все прикрывала шубой твою рожицу. Но ты сейчасъ же просыпался и протестовалъ.

— Откррр . . .требовалъ ты.

Мы курили папиросу за папиросой, чтобы разогнать сонъ и время отъ времени щупали твой носикъ — теплый ли онъ, и твои ножки — не сползли ли валенки. Ты время отъ времени просыпался и кричалъ:

— Откррр . . . .

Это шапка сползала тебѣ на лобъ слишкомъ низко. Мы поправляли ее, ты поводилъ сонными глазенками, прислушивался къ шуму лѣса и говорилъ:

— Гудитъ ль, гудитъ!

Очевидно, ты принималъ его во снѣ за стукъ вагона. Затѣмъ ты снова засыпалъ. Деревья причудливыхъ очертаній, одѣтыя снѣгомъ, бѣжали мимо. Попадались спящія деревни, которыя мы пролетали вихремъ. И опять начинался лѣсъ. Лѣсомъ ѣхать было жутко. Думали о волкахъ и медвѣдяхъ. Вспоминался видѣнный въ берлинскомъ зоологическомъ саду великолѣпный экземпляръ бураго звѣря съ надписью «Russischer Bär. Minsk» — какъ разъ изъ этого самаго лѣса. Но еще хуже чѣмъ въ лѣсу было въ деревняхъ. Уходящій въ полную тьму рядъ избъ съ запертыми ставнями. Ни одного огонька. Мертвая тишина, нарушаемая лишь мѣрнымъ звукомъ копытъ, да изрѣдка собачьимъ лаемъ. А за каждой избой грезится засада. Промелькнетъ черное пятно такой деревни и въ лѣсу становится опять легче

на душѣ. И съ каждой промелькнувшей мимо деревней крѣпнетъ сознаніе, что граница становится все ближе и ближе.

Во второмъ часу ночи подводы остановились среди густого лѣса. Подошелъ Л.

— Мы въ полуверстѣ отъ большевистской части. Развѣдчикъ идетъ въ деревню узнать, какъ сегодня разставлены патрули и свободна ли дорога. Пожалуйста, соблюдайте полную тишину.

Только-что онъ отошелъ, какъ изъ-подъ твоей шубы раздался знакомый повелительный окрикъ:

— Откррр....

У насъ съ бабкой такъ и упало все внутри. Вѣдь ты, одѣтый въ шубу, пролежалъ въ одной позѣ на очень неудобномъ ложѣ около 8 часовъ. Значитъ и покричать тебѣ было бы не грѣшно. Вотъ тебѣ и выйдетъ «полная тишина!» Я наклонился къ твоему уху и началъ разсказывать тебѣ шопотомъ твою любимую сказку про зайку и лисичку. Ты внимательно слушалъ, поводя глазками, и изрѣдка шепталъ:

— Гудитъ ль, гудитъ.

А минутъ черезъ десять ты уже мирно спалъ. Развѣдчика мы прождали минутъ сорокъ. И эти сорокъ минутъ по своей напряженности стоили всей оставшейся позади ночи. Дорога оказалась занятой патрулями и намъ пришлось дѣлать кругъ лѣсомъ безъ всякой дороги верстъ въ пятнадцать. Вести насъ долженъ былъ пришедшій изъ деревни вмѣстѣ съ развѣдчикомъ мужикъ. Повернули лошадей и тронулись. Какъ мы выбрались, до сихъ поръ не понимаю. Лошади временами вязли въ снѣгу по брюхо. Вѣтки ельника хлестали насъ по лицамъ. Часа черезъ два показалась дорога. Мы завернули и погнали вскачь. Послѣ я уже узналъ, что это была самая опасная часть пути, ибо здѣсь часто ѣздятъ большевистскіе разъѣзды. Проскакали мы такъ минутъ пятнадцать, потомъ круто завернули и выѣхали на гладкое снѣжное поле. На востокѣ чуть брезжила красная полоска и клала розовые блики на снѣжную пелену. Вдали что-то чернѣло.

— Деревня Ш., объяснилъ ямщикъ. А тамъ за рѣкой уже польскія позиціи.

Поле промелькнуло быстро и на разсвѣтѣ мы уже высаживались на дворѣ какой-то избы.

Тутъ только разсмотрѣли мы своихъ спутниковъ. Это была пара молодыхъ евреевъ Д—ъ. Онъ типичный спекулянтъ, она тонная дама въ великолѣпной дохѣ. Съ ними молоденькій студентикъ изъ Вильны.

— Хорошо бы самоварчикъ, — предложилъ я.

— Самоваръ у насъ унесли тѣ, къ кому вы ѣдете, — съ озлобленіемъ отвѣтила мнѣ хозяйка.

Я оглянулся и увидѣлъ полуразвалившуюся избу, едва освѣщенную коптящей лучиной, лежащей на краю стола. Такого убожества и грязи я никогда себѣ не представлялъ. Оказывается, деревня съ 1915 года все время переходила изъ рукъ въ руки и въ ней поочередно побывали и австрійцы, и нѣмцы, и большевики, и поляки. И всѣ грабили. Въ результатѣ отъ деревни уцѣлѣло всего нѣсколько полуразвалившихся избъ, жители разбѣжались, а оставшіеся оказались обобранными до чиста.

Настало тягостное молчаніе, которое прервалъ твой радостный голосокъ.

— Ававка... (Собака).

И ты показывалъ на печку, съ которой въ это время слѣзалъ старый растрепанный, одѣтый въ грязныя лохмотья еврей, дѣйствительно напоминающій большую собаку.

Тебя всѣ окружили и начали хвалить, какъ ты себя велъ дорогой. Когда наши попутчики узнали, что имъ придется ѣхать съ ребенкомъ, они такъ испугались, что даже хотѣли остаться.

Затопили печку и поставили кипятить воду въ котелкѣ для чая.

Пришелъ Л., съ нѣкіимъ паномъ В—имъ, типичнымъ полякомъ. Дальнѣйшую нашу переправу онъ бралъ на себя. Мы усѣлись за столомъ и стали слушать. Оказалось, что польскій поручикъ, съ которымъ онъ ведетъ дѣла, выѣхалъ въ Борисовъ и вернется сегодня ночью. До утра намъ нужно просидѣть въ Ш., а на разсвѣтѣ намъ подадутъ подводы и мы выѣдемъ одни. У поста насъ встрѣтитъ панъ В—ій и сдастъ патрулю. Мы заволновались. Д—амъ оказывается было обѣщано доставить пропускъ до Варшавы въ Ш. и они подняли крикъ, что ихъ обманули. Я въ эти пропуски не вѣрилъ, ибо прекрасно понималъ, что на передовыхъ позиціяхъ они не выдаются. Но все же сидѣть сутки въ Ш., куда каждую минуту могли нагрянуть большевики, мнѣ вовсе не улыбалось. Я началъ требовать, чтобы мнѣ дали подводы и отвезли на аванпосты, не дожидаясь поручика. Но В—ій не соглашался, увѣряя, что это можетъ для насъ плохо кончиться. Дѣлать было нечего и пришлось размѣщаться. Д—овъ отвели въ сосѣднюю избу къ кузнецу, а насъ оставили тамъ, гдѣ мы были. Избенка была маленькая, темная, невѣроятно грязная. Вся обстановка состояла изъ ужасающаго вида кровати, стола и трехъ деревянныхъ скамеекъ 6 вершковъ ширины и 2 аршина длиной. Вся эта «мебель» была предоставлена намъ. А хозяева, старикъ и старуха, спали на лежанкахъ на русской печкѣ. На кровать никто изъ насъ лечь не рѣшился и ею воспользовался Л. Мы же устроились на лавкахъ, предварительно вымывъ ихъ захваченной изъ Москвы дезинфекціонной смѣсью, и на вещахъ. Но кромѣ тебя никто не заснулъ. Часовъ съ 11 началъ стучать пулеметъ на польскихъ позиціяхъ (деревня Ш. стоитъ на берегу Березины, а противоположный берегъ былъ занятъ поляками). Мнѣ, конечно, представилось, что это уже началось сраженіе съ большевиками. Прошу Л. привести В—аго или меня проводить къ нему. Онъ пошелъ и принесъ отвѣтъ, что В—ій зайдетъ. Пулеметъ постучалъ, постучалъ и замолкъ. Бабка занялась хозяйствомъ. Достала баранины и картофеля и начала готовить обѣдъ. Ты гонялся за кошкой, лѣзъ во всѣ грязные углы и ведра и выпачкался до нельзя. Мать и бабка нервничали, я ходилъ изъ угла въ уголъ, самъ не свой, и никто не могъ толкомъ занять тебя. Пулеметъ то стучалъ, то замолкалъ и наводилъ уныніе. Часа черезъ два пришелъ В—ій, которому я сообщилъ свои опасенія. Онъ началъ успокаивать меня. Большевики не показывались въ Ш. больше двухъ мѣсяцевъ. Но для меня это былъ не доводъ и я опять началъ просить переправить насъ съ вечера. Онъ обѣщался, когда стемнѣетъ, пройти на позиціи и постараться устроить дѣло. И потянулся нескончаемый день. Подъ размѣренный стукъ пулемета въ голову лѣзла всякая чушь. Что будетъ, если нагрянетъ большевистскій пикетъ? У меня мандатъ. Но вѣдь даже большевики не повѣрятъ, что я занимаюсь научной работой въ разоренной деревнѣ въ полуверстѣ отъ польскихъ позицій. Не лучше ли плюнуть на В—аго и сейчасъ же

пѣшкомъ переправиться черезъ Березину до аванпостовъ. Разъ пять принимались обсуждать этотъ вопросъ. И все-таки каждый разъ рѣшали ждать. Бабка приготовила чудесный обѣдъ изъ жареной баранины съ картофелемъ. Несмотря на тяжелое душевное состояніе, съѣли его съ аппетитомъ, ибо никто изъ насъ и не помнилъ, когда онъ ѣлъ такія вкусныя вещи. Потомъ сѣли пить чай. Забѣжали на минуту Д—ы. Возмущались, что ихъ надули. Оказывается, что они изъ-за этого мифическаго пропуска прожили лишнюю недѣлю въ Л. Начало смеркаться. Зажгли лучину. И это немного отвлекло. Нужно было періодически обламывать сгорѣвшую часть и замѣнять одну лучину другою. Часовъ въ 9 пришелъ В—ій. На позиціяхъ условились принять насъ въ 6 часовъ утра. Въ 5 часовъ мы должны были сѣсть на подводы и переѣхать черезъ рѣку съ ямщиками. А у пикета насъ встрѣтитъ В—ій. Значитъ предстояла еще одна тревожная ночь. Начали снова укладываться. Не спавши сутки, я такъ измочалился, что, преодолѣвъ отвращеніе, одѣтый свалился на отвратительную грязную кровать. Ночь прошла тревожно. Постукивалъ пулеметъ. У старика хозяина разстроился желудокъ и онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ избы. Каждый разъ, когда онъ хлопалъ дверью, мы вскакивали и намъ казалось, что пришли большевики. Наконецъ, забрезжилъ свѣтъ и мы начали укладываться. Заплатили за постой 1200 рублей и черезъ часъ уже сидѣли на саняхъ и задворками направлялись къ рѣкѣ. Берегъ былъ крутой и съ тобою ѣхать мы не рѣшились. Вылѣзли изъ саней, я взялъ тебя на руки и, увязая въ снѣгу по колѣна, мы начали спускаться на ледъ на встрѣчу къ новой жизни, которая олицетворялась намъ въ эту минуту въ образѣ польскаго часового, стоявшаго на деревянной вышкѣ по ту сторону рѣки. У подножія вышки вырисовывалась на бѣломъ снѣгу высокая черная фигура В—аго, въ шубѣ и въ остроконечной шапкѣ.

— Кто идетъ? — раздался сверху окрикъ часового.

— Утикинеры, — отвѣтилъ по-польски ямщикъ.

Часовой сбѣжалъ съ лѣстницы.

— За мною, — скомандовалъ онъ.

Панъ В—ій пожелалъ намъ счастливаго пути и мы простились. Часовой пошелъ по направленію къ кучѣ избушекъ, примостившихся у рѣки, а мы шажкомъ тронулись за нимъ. Внутри у насъ все пѣло и въ головѣ стояла одна мысль:

— Вырвались таки!

Петроградъ — Вятка въ 1919 — 20 году

С. Воронова

Октябрьская революція застала меня въ одномъ изъ Петроградскихъ Гвардейскихъ полковъ, въ который я былъ призванъ, какъ ратникъ ополченія. Къ этому времени жизнь въ полку окончательно развалилась. Солдатская служба оторвала меня отъ управленія, принадлежащаго мнѣ, коммерческаго предпріятія и я воспользовался предоставившейся мнѣ свободой, чтобы привести въ порядокъ мои запущенныя дѣла. Въ то время казалось, что большевизмъ не сумѣетъ разорить всю жизнь страны. Въ началѣ декабря я официально былъ уволенъ изъ полка декретомъ о демобилизаціи арміи. Въ теченіе всего восемнадцатого года я былъ занятъ своимъ дѣломъ, которое вынужденно прекратило свое существованіе лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ. Съ этого времени начинаются мои мытарства. Средства мои быстро изсякали, большая часть моего имущества была конфискована и я поддерживалъ существованіе своей семьи продажей нашей обстановки, платья и т. д. Изъ опасенія попасть на общественныя работы я поступилъ на службу конторщикомъ одного изъ районовъ комиссаріата продовольствія. Въ мои обязанности входило веденіе книгъ по открывшимся въ то время общественнымъ чайнымъ. Чайныя эти просуществовали не долго и къ осени того же года были закрыты за отсутствіемъ топлива, чая и сладостей.

Сѣро и скучно тянулась жизнь въ комиссаріатѣ, переполненномъ служащими, высчитывавшими доли золотниковъ продуктовъ, перепадавшихъ на петроградскаго обывателя. Единственнымъ яркимъ пятномъ на фонѣ этой мертвой канцелярщины являлся комиссаръ нашего района — 20-лѣтній приказчикъ галантерейнаго магазина, назначенный на этотъ постъ мѣстнымъ совдепомъ за стойкость своего большевистскаго міросозерцанія. Несмотря на свои 20 лѣтъ, этотъ молодой администраторъ былъ привычнымъ пьяницей и не проходило недѣли, чтобы служащіе комиссаріата не были свидѣтелями какой-нибудь пьяной продѣлки этого молодца. Къ концу моего пребыванія на этой службѣ, комиссаръ, гуляя какъ то ночью въ пьяномъ видѣ, занялся выбиваніемъ стеколъ въ подвальныхъ этажахъ. За этимъ занятіемъ онъ былъ арестованъ и избитъ проходившими милиціонерами. На утро онъ, конечно, былъ освобожденъ своимъ собутыльникомъ-начальникомъ районной милиціи и по долгу службы въ тотъ же день явился въ комиссаріатъ съ распухшимъ отъ пьянства лицомъ, подбитыми глазами и

забинтованными руками, израненными отъ битья стеколъ. Въ маѣ мѣсяцѣ я ушелъ изъ комиссаріата и поступилъ въ однъ изъ красноармейскихъ лазаретовъ въ качествѣ дѣлопроизводителя. Служба эта предоставляла мнѣ полуголодный красноармейскій паекъ, благодаря которому я имѣлъ ежедневно 1 фунтъ хлѣба, правда неудобоваримаго, кое-когда пшенную кашу и неизмѣнный супъ изъ воблы, плюсъ два фунта сахару въ мѣсяцъ. При существовавшихъ тогда въ Петроградѣ цѣнахъ — 1 ф. хлѣба — 250 руб., масло — 2000, фунтъ крупы — 400 руб., 1 ф. соли 300, паекъ этотъ при всей своей скудости являлся большимъ благомъ. Благодаря пайку я пользовался еще однимъ преимуществомъ: старшій врачъ обезпечилъ мнѣ ночлегъ въ своемъ кабинетѣ.

Квартира моя, какъ и большинство жилыхъ помѣщеній, стояла нетопленной, водопроводъ и электричество не дѣйствовали, уборныя не функціонировали. Обитатели столицы выливали экскременты прямо на дворъ. При этихъ условіяхъ, освѣщаемый, а иногда и отапливаемый кабинетъ старшаго врача казался мнѣ раемъ, несмотря на присутствіе въ немъ вшей, и вопреки тому, что нѣсколько разъ въ ночь сонъ мой прерывался телефонными переговорами о прибытіи новыхъ больныхъ, увозѣ сыпнотифозныхъ и т. д. Однако мое сибаритство въ лазаретѣ продолжалось недолго. Въ нашъ лазаретъ, для высшаго надзора и коммунистической пропаганды среди служащихъ и больныхъ, былъ назначенъ комиссаръ. Комиссаромъ этимъ оказалась 18-ти лѣтняя дѣвица, не то работница, не то проститутка — дѣвица, обладавшая большой дозой развязности, замѣнявшей ей всѣ остальныя качества администратора. Ей удалось завербовать въ партію трехъ неграмотныхъ сидѣлокъ, соблазнившихся перспективой получить новые сапоги, якобы предоставляемые вновь поступающимъ въ партію. Для развлеченія же и просвѣщенія больныхъ новая комиссарша организовала нѣсколько концертовъ и митинговъ. Артисты довольно охотно участвовали въ такихъ концертахъ, дававшихъ имъ однодневный паекъ. На митингахъ же гастролирующіе ораторы просвѣщали красноармейцевъ по вопросамъ текущаго момента.

Помню на одномъ изъ такихъ митинговъ, на которомъ присутствовало 200-300 красноармейцевъ, ораторъ разъяснялъ солдатамъ о истинной сущности контръ-революціонныхъ генераловъ Колчака и Деникина, о томъ, какіе ужасы несутъ за собой побѣды этихъ генераловъ и какъ хорошо живется народу подъ сѣнью двуглаваго символа большевистской власти Ленина и Троцкаго.

Ораторъ говорилъ съ жаромъ, доступно и, казалось, долженъ былъ произвести на слушателей желаемое впечатлѣніе. По окончаніи почти часовой рѣчи въ аудиторіи царитъ гробовое молчаніе. Ораторъ спрашиваетъ, все ли было ясно въ его изложеніи и нѣтъ ли какихъ нибудь вопросовъ. Солдатики сосредоточенно молчатъ. Ораторъ повторяетъ свой вопросъ. Тогда изъ заднихъ рядовъ поднимается немолодой уже солдатъ и, собравшись съ духомъ, обращается къ новому начальству: «А вотъ насчетъ отлучекъ изъ лазарета какъ же? Намъ бы съ ночевкой». —

Возвращаюсь къ вопросу о моей спальнѣ. Комиссаръ-дѣвица рѣшила, быть можетъ и не безъ основанія, что ночевать мнѣ въ кабинетѣ старшаго врача негоже и мнѣ пришлось подчиниться. Жизнь моя съ этихъ поръ стало совершенно невыносимой, мнѣ ежедневно приходилось мѣнять мѣста

моихъ ночевокъ и, если я сегодня спалъ на плитѣ въ кухнѣ нашего бывшаго старшаго дворника, нынѣ члена К. П. и комиссара нѣсколькихъ національизированныхъ домовъ, въ обществѣ самого комиссара, его жены и любовницы, то на завтра я долженъ былъ довольствоваться ночлегомъ на полу темнаго коридорчика, на который однако выходила топившаяся печь изъ сосѣдней комнаты, въ которой жило семейство моихъ друзей: мужъ, жена и 2 дѣтей.

Въ это время я началъ подумывать о поѣздкѣ въ Вятку, гдѣ находилась еще съ лѣта моя семья. Но выѣздъ изъ Петрограда былъ запрещенъ и право пользованія желѣзной дорогой предоставлялось либо по командировкамъ, либо по отпускамъ по болѣзни, даваемымъ особой комиссіей врачей. Первый путь былъ для меня закрытъ и я прибѣгнулъ поэтому ко второму. Шансовъ на отпускъ по болѣзни, несмотря на мое исхуданіе и большую слабость, не было никакихъ. Отпуска давались либо чахоточнымъ въ послѣднемъ градусѣ, либо оправлявшимся послѣ сыпного или иныхъ тифовъ. Врачи же, засѣдавшіе въ комиссіяхъ, были запуганы и исполняли свои обязанности сурово. И тѣмъ не менѣе я получилъ отпускъ, благодаря случайно находившемуся въ составѣ комиссіи знакомому врачу. Но, получивъ медицинское свидѣтельство, я для осуществленія своего права на выѣздъ изъ Петрограда долженъ былъ бы еще недѣли двѣ ходить по разнымъ учрежденіямъ, стоять въ безконечныхъ очередяхъ на морозѣ и т. д. Половина моего мѣсячнаго отпуска ушла бы на выполненіе этихъ формальностей. Какъ преодолѣвали всѣ эти мытарства остальные — мнѣ совершенно непонятно.

И на этотъ разъ мнѣ помогла моя служба въ лазаретѣ: я получилъ для проѣзда военный литеръ, который нужно было засвидѣтельствовать только у коменданта Петрограда. Уже черезъ день я находился на Николаевскомъ вокзалѣ въ толпѣ красноармейцевъ — въ ожиданіи поѣзда. Поѣзда въ Вятку идутъ разъ въ день; единственными пассажирами являются красноармейцы, ѣдущіе въ отпускъ по болѣзни. Громадная толпа изможденныхъ, плохо одѣтыхъ солдатъ, съ утра расположилась на дебаркадерѣ, въ ожиданіи поѣзда. Въ 2 часа подается поѣздъ и толпа съ шумомъ устремляется занимать мѣста. Вагоновъ мало, народу много. Шумъ, толкотня, обычная россійская ругань... Публика, наконецъ, разсѣлась. Въ вагонахъ яблоку упасть негдѣ, площадки забиты людьми. На платформѣ продолжается суматоха и крики красноармейцевъ, не попавшихъ въ поѣздъ и вынужденныхъ дожидаться слѣдующаго дня. Въ составъ поѣзда входитъ вагоновъ 8 третьяго класса, 1 вагонъ микстъ и одинъ международный. Большевистскія власти отмѣнили классы, но, какъ и всѣ ихъ распоряженія, такъ и этотъ декретъ сохраняетъ свою силу только на бумагѣ. Вмѣсто старой номенклатуры — I, II, и III классъ — первые два класса сохранили свое значеніе подъ новымъ титуломъ: мѣста съ мягкимъ сидѣніемъ. Правда, въ смыслѣ заразы сыпнымъ тифомъ эти мягкія сидѣнія, кишащія вшами — труднѣе удаляемыми, чѣмъ съ деревянныхъ скамей III класса, опаснѣе, но пассажиры, ѣдущіе по командировкѣ или больные по медицинскому свидѣтельству, имѣющіе право на «мягкое сидѣніе», добиваются своего права. Къ разочарованію этихъ лицъ оба вагона съ мягкими сидѣніями оказались закрытыми и охраняемыми вооруженными красноармейцами. Какъ мы узнали въ пути, мѣста въ этихъ вагонахъ сохранялись для особо привиллегированныхъ чиновниковъ, ѣхавшихъ по особо

важнымъ дѣламъ и удобно расположившихся въ нихъ въ сопровожденіи какихъ то молодыхъ, хорошо упитанныхъ и весьма веселыхъ дамъ.

Въ вагонѣ, въ который попалъ я, царилъ адъ кромѣшный. Верхнія и нижнія полки, мѣста для багажа, проходы — все было полно. На лавкахъ лежали по двое. Выйти изъ вагона было немыслимо. Вагонъ еще не тронулся, но духота стояла невообразимая. Солдаты курили и усиленно плевали на полъ, послѣднее они продѣлывали довольно искусно, не задѣвая сосѣдей. Черезъ нѣсколько часовъ полъ представлялъ изъ себя скользкое болото, въ которомъ ноги буквально вязли. Къ ужасу моему я обнаружилъ на своей лавкѣ присутствіе вшей. Для предохраненія отъ этихъ насѣкомыхъ я везъ съ собой дезинфекціонную жидкость, которой я время отъ времени обмазывалъ шею и руки, кромѣ того я былъ обвѣшанъ мѣшочками съ сѣрой — однако находка моя меня не на шутку встревожила.

Путешествіе нынѣ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ влечетъ за собою по отзыву врачей почти неминуемую опасность заразы тифомъ — пассажиръ, совершившій два три рейса и оставшійся здоровымъ, представляетъ счастливое исключеніе.

Въ первое время я занялся было уничтоженіемъ вшей, но скоро убѣдился въ тщетности моихъ усилій, тѣмъ болѣе, что сосѣди мои относились къ этому явленію совершенно индифферентно. Вши уже давно стали въ Россіи обычными домашними животными, а въ послѣднее время пріобрѣли даже опредѣленную довольно высокую цѣну: ѣхавшіе со мной красноармейцы увѣряли меня, что въ нѣкоторыхъ частяхъ вши отъ сыпнотифозныхъ больныхъ продаются по 1000 рублей за баночку. Расчетъ здѣсь слѣдующій: красноармеецъ, перенесшій сыпной тифъ, обязательно получаетъ мѣсячный отпускъ.

Въ нашемъ вагонѣ, кромѣ красноармейцевъ, ѣхали еще двѣ три безбилетныхъ бабы, спекулянтки, скрывавшіяся отъ часто проходившаго контроля подъ лавками, не взирая на ужасающее состояніе пола, о которомъ я упомянулъ выше — дѣвица; по виду мѣщанка, лежавшая на средней лавкѣ въ объятіяхъ молодаго рыжаго солдата (по интимнымъ разговорамъ и не менѣе интимнымъ тѣлодвиженіямъ этой пары, я предполагалъ, если не родство, то старинное знакомство между ними, какъ оказалось, однако, эти люди встрѣтились въ этомъ вагонѣ впервые и на второй день я къ удивленію моему услышалъ, какъ дѣвица, въ антрактахъ между горячими поцѣлуями, задумчиво спрашивала своего кавалера: «А интересно бъ мнѣ узнать вашу фамилію и какъ васъ звать?») и молодой коммунистъ изъ военной развѣдки штаба 7-ой арміи, въ кожанной курткѣ и въ безукоризненныхъ сапогахъ, ѣхавшій въ сопровожденіи своей жены въ командировку по дѣламъ на станцію Буй. Таинственность и совершенная непонятность такой командировки разъяснилась впослѣдствіи чрезвычайно просто: молодой коммунистъ ѣхалъ на мѣсто своей родины за продуктами. По долгу своего званія коммунистъ пытался вести по пути душеспасительную пропаганду, но не находилъ никакого сочувствія среди окружающихъ. Особенно онъ преслѣдовалъ спекулянтку, скрывавшуюся отъ контроля, разъясняя, что баба, помимо зазорности своего ремесла, наноситъ ущербъ государству, безплатно пользуясь желѣзной дорогой. Кстати для свѣдѣнія непосвященныхъ читателей упомяну, что обычный составъ пассажировъ — уволенные въ отпускъ красноармейцы пользуются даровымъ проѣздомъ по военнымъ литерамъ.

Итакъ, коммунистъ велъ неудачную пропаганду, спекулянтка жаловалась на тяжесть жизни, парочка на верхней полкѣ продолжала свой флиртъ, а крестьяне вели обычную бесѣду о крестьянскихъ нуждахъ и, судя по ихъ разговорамъ, казалось, ничего не измѣнилось на Руси.

До Вологды — голодный край, на станціяхъ достать ничего нельзя; послѣ Вологды картина нѣсколько мѣняется: въ буфетѣ вы за 8-10 рублей можете получить тарелку пустыхъ щей, а у крестьянъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ деревень, вымѣнять на табакъ, соль и нитки — молоко, жареную рыбу, а иногда и хлѣбъ. Денегъ крестьяне не берутъ. За восьмушку махорки даютъ $1^1/_2$—2 бутылки молока или 2—3 фунта хлѣба. Чѣмъ ближе къ Вяткѣ, тѣмъ больше появляется хлѣба, въ Галичѣ рыба. Какъ только поѣздъ останавливается, красноармейская масса волной устремляется на крестьянъ и въ мгновеніе ока товарообмѣнъ законченъ и рынокъ пустъ. Маленькая глухая станція Сѣв. жел. дор. на нѣсколько мгновеній оживляется и превращается въ шумный рынокъ — тысячная толпа шумитъ и съ необыкновенной быстротой заключаетъ разнообразныя коммерческія сдѣлки. Оборотъ такого рынка, конечно, не великъ — въ среднемъ всѣ товары, предлагаемые на немъ, врядъ ли достигаютъ стоимости въ 10 рублей, по цѣнамъ до-военнаго времени, но въ результатѣ путешествующая публика кое-какъ утоляетъ свой голодъ, крестьяне снабжаются продуктами городского производства — принципъ коммунистическаго товарообмѣна торжествуетъ, и продавцы, и покупатели разсчитываютъ свою прибыль и убытки до слѣдующаго раза.

До Вятки ѣдемъ двое-трое сутокъ — вмѣсто нормальныхъ 24 часовъ. Но за то поѣзда идутъ ежедневно безъ пересадки и, за исключеніемъ поѣзда Петроградъ—Москва, путь въ Вятку — единственный, сохранившій классные вагоны и подобіе росписанія. Далѣе Вятки составъ поѣзда мѣняется — классные вагоны замѣняются теплушками, а скорость поѣзда зависитъ отъ имѣющагося въ наличности топлива, состоянія мостовъ, расположенія машиниста и тысячи другихъ непредвидимыхъ причинъ. Путь отъ Вятки до Перми поѣздъ въ то время дѣлалъ отъ пяти до десяти дней.

Станція Вятка, какъ и многія станціи по пути, украшена хвойными гирляндами, по срединѣ красуются лики Ленина и Троцкаго, на дверяхъ пестрѣютъ загадочные инициалы — «У. Т. Ч. К.» (участковая транспортная чрезвычайная комиссія) имѣется и «Агитпунктъ» и складъ большевистской пропагандной литературы.

На станціи васъ ожидаютъ извозчики и за 200—300 рублей везутъ въ городъ. Вы ѣдете по пустыннымъ занесеннымъ снѣгомъ улицамъ, проѣзжаете черезъ цѣлый рядъ тріумфальныхъ, съ портретами и безъ портретовъ, арокъ, сооруженныхъ нынѣшними властителями и съ изумленіемъ читаете красующіяся на углахъ новыя названія улицъ: Проспектъ Карла Маркса — передѣланный вятичами въ «Карлу Марлу» —, Ленина, улица Меринга, тов. Дерендяева, Либкнехта, Розы Люксембургъ, Маклина и многихъ другихъ, близкихъ вятскому уму и сердцу.

Вятка переполнена людьми, бѣжавшими отъ голода и холода изъ Петрограда и Москвы. Здѣсь вы могли встрѣтить столичныхъ профессоровъ, адвокатовъ, учителей. Въ квартирѣ, въ которой жила моя семья, помѣщалось въ пяти комнатахъ и чуланѣ 18 человѣкъ. Въ другихъ домахъ — та же картина. И тѣмъ не менѣе, на улицахъ человѣческаго движенія не

замѣтно, прячутся ли люди въ домахъ отъ вятскихъ холодовъ или считаютъ небезопаснымъ привлекать на себя вниманіе начальства, лишній разъ появляясь на улицѣ?.. Бросается въ глаза петроградскому жителю большое количество хорошо упитанныхъ лошадей, на которыхъ окрестные крестьяне за 30 и 40 верстъ привозятъ припасы въ мѣстныя совѣтскія учрежденія и на рынокъ. Въ Вяткѣ жизнь, конечно, легче чѣмъ въ столицахъ. Есть дрова, правда сырые, въ домахъ горитъ электричество, продовольствіе сравнительно дешево. Хлѣбъ 40—50 руб. за фунтъ, масло — 500 руб., молоко — 30 руб., мясо — 75—80 руб. Но добыча этихъ продуктовъ весьма затруднительна. Съ утра вятская публика тянется по 30-ти градусному морозу на рынокъ — разстоянія большія. На рынкѣ нѣсколько рядовъ крестьянскихъ розвальней и возлѣ нихъ толпится громадное количество народа. Съ трудомъ проталкиваешься и видишь, что продается не то, что тебѣ нужно. Найдя необходимый предметъ, покупай не зѣвая, ибо на каждый фунтъ мяса, масла или хлѣба масса покупателей. Хорошо если крестьянинъ продастъ на деньги, а не на «мѣнокъ». Въ послѣднемъ случаѣ затрудненія непреодолимыя: крестьянинъ требуетъ того, въ чемъ нуждается и горожанинъ: керосинъ, соль, табакъ, ткани, сапоги. Крестьяне непривѣтливы и весьма односложны. Желѣзный законъ спроса и предложенія явно благопріятствуетъ крестьянамъ. Съ крестьянками сговориться еще труднѣе, онѣ издаютъ какіе то нечленораздѣльные звуки и крайне недовѣрчивы. Вятское нарѣчіе съ непривычки трудно усваивается петроградскимъ ухомъ. Представьте себѣ всю эту картину на фонѣ леденящаго жилы холода и вы поймете, что положеніе создается не изъ пріятныхъ.

Площадь рынка большая, народу масса, но опять, какъ на маленькой станціи, стоимость имѣющагося въ наличности товара до смѣшного мала. По прежнимъ цѣнамъ товаръ въ самые большіе базарные дни врядъ ли достигаетъ 100 рублей, по приблизительному подсчету. Мѣновая цѣнность предметовъ также представляетъ интересъ: за восьмушку махорки давали 3—4 фунта хлѣба, за фунтъ соли — фунтъ масла. Рыночная цѣна мануфактуры стояла весьма высоко — за аршинъ ситца давали $1^1/_2$—2 фунта масла. За старую шелковую нижнюю юбку было выручено 3 фунта масла и одинъ пудъ муки. Однимъ изъ курьезныхъ объектовъ мѣновой торговли являлась папиросная бумага, употреблявшаяся для закручиванія папиросъ. Я привезъ съ собой нѣсколько старыхъ, использованныхъ копировальныхъ книгъ изъ моей конторы. За листъ такой книги съ ясными копіями моей прежней англійской переписки давали 10 руб., такимъ образомъ 10 привезенныхъ мною книгъ представляли капиталъ въ 50,000 руб., при томъ капиталъ постоянно возроставшій, ибо цѣны на предметы продовольствія и обихода и въ Вяткѣ росли съ головокружительной быстротой и за мѣсяцъ моего пребыванія тамъ повысились отъ 50 до 100%.

Днемъ вся городская жизнь сосредоточивается въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, гдѣ кипитъ работа, увы, какъ и вездѣ безплодная. Тѣ же неподготовленные рабочіе стоятъ во главѣ учрежденій и, напрягая мускулы лица, силятся войти въ премудрость подаваемыхъ имъ для подписи бумагъ. Тѣ же бойкіе молодые люди, дѣлающіе карьеру и пишущіе эти никому ненужныя бумаги, и, наконецъ, неизмѣнныя совѣтскія барышни. Вечеромъ вы всю эту публику можете встрѣтить въ театрѣ и на многочисленныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ служащими отдѣльныхъ учрежденій въ самихъ же учрежденіяхъ.

Большевики и тутъ не зѣваютъ и на митингахъ неутомимо пережевываютъ все тѣ же двѣ, три мысли, предписанныя имъ изъ далекой Москвы. Но публика перестала посѣщать эти митинги и тутъ большевики прибѣгли къ весьма остроумному средству. Они назначаютъ митингъ въ театрѣ за часъ раньше представленія, скажемъ въ 7 часовъ. Но русская публика тоже не лыкомъ шита, приходитъ въ театръ къ 8. Оказывается митингъ еще не начался, упорные большевики ожидаютъ полнаго сбора публики. Въ 8 часовъ публика почти въ сборѣ и первый ораторъ заявляетъ, что ввиду запаздыванія публики митингъ можетъ начаться только теперь и ужъ пусть посѣтители не пеняютъ, если спектаклъ придется начать позже. Волей неволей приходится принимать всю дозу большевистской пропаганды. Большевики перехитрили. Содержаніе рѣчей: прежде всего текущій моментъ, а затѣмъ особая тема, предписанная въ то время сверху: привлеченіе интеллигенціи къ дружной совмѣстной работой съ совѣтской властью. Въ Петроградѣ на большихъ митингахъ, спеціально устроенныхъ для интеллигенціи, говорилъ Зиновьевъ и читалъ по бумажкѣ самъ себя стѣсняющійся Горькій, а здѣсь подвизались dii minores. Нѣкоторые говорили недурно: напоминали аудиторіи о старинной тоскѣ русской интеллигенціи по плодотворной работѣ для народа, ссылаясь на ненаходившаго примѣненія своихъ способностей Евгенія Онѣгина, на Рудина, указывали, что нынѣ осуществилась мечта интеллигенціи, нынѣ ей открыты всѣ пути для примѣненія своихъ силъ, своихъ познаній на пользу народа и сѣтовали, что нынѣ интеллигенцію надо уговаривать и тащить на работу. Но любопытнѣе всего, что весь этотъ бисеръ предназначался для аудиторіи, на семь восьмыхъ состоящей изъ совѣтскихъ барышенъ и молодыхъ людей во френчахъ съ безукоризненными проборами, пришедшими послушать новую пьесу или потанцевать, и что они принимались ораторами за русскую интеллигенцію. Въ концѣ концовъ, рѣчи казенныхъ ораторовъ кончались (оппонентовъ на нынѣшнихъ митингахъ нѣтъ) и присутствовавшая «интеллигенція» принималась за болѣе свойственныя ей задачи, чѣмъ тѣ, къ которымъ призывали ее ораторы.

Въ Вяткѣ имѣется довольно богатая публичная библіотека имени Герцена, весьма интересенъ французскій и польскій отдѣлы — дары бывшихъ ссыльныхъ поляковъ. Во время наступленія Колчака большевики почему-то рѣшили эвакуировать и библіотеку. Протесты администраціи библіотеки не приводили ни къ чему. Книги были упакованы и увезены изъ помѣщенія библіотеки. По счастливой случайности черезъ Вятку проѣзжалъ Троцкій. Завѣдующій библіотекой обратился къ нему и послѣ большихъ затрудненій удостоился аудіенціи. Троцкій распорядился книги вернуть. Конечно, много книгъ пропало, много было повреждено, а разборка и приведеніе библіотеки въ прежній видъ потребовала много мѣсяцевъ.

Помимо эвакуацій, обоснованныхъ, или безсмысленныхъ вродѣ приведенной, въ Россіи сейчасъ наблюдается повсемѣстно очень интересное явленіе: это особая страсть учрежденій къ переѣздамъ. Вятскій Совнархозъ (губернскій совѣтъ народнаго хозяйства) за два мѣсяца перемѣнилъ 3 мѣстожительства, по причинамъ никому неизвѣстнымъ. Иногда учрежденія мѣняются своими мѣстами, иногда на долгое время помѣщенія остаются пустыми. По закону комбинацій каждое учрежденіе при дальнѣйшемъ развитіи этой жажды путешествій должно будетъ неизбѣжно вернуться къ первоначальному своему мѣстожительству. Злые языки утверждаютъ, что переѣзды эти имѣютъ

болѣе глубокое основаніе, ибо такимъ путемъ хоронятся всякаго рода злоупотребленія и заметаются слѣды совершенныхъ преступленій. При въѣздѣ въ новое помѣщеніе неудобныхъ документовъ не оказывается — они де затерялись въ пути.

Добыча продовольствія, какъ я уже упомянулъ, являлась въ Вяткѣ дѣломъ не легкимъ и поэтому я надумалъ поѣхать поискать счастья по деревнямъ. У меня имѣлось нѣкоторое количество табаку, соли и кой-какая мануфактура, и я разсчитывалъ, что взамѣнъ имѣвшихся у меня продуктовъ, я привезу въ Вятку достаточное количество разныхъ съѣдобныхъ вещей. Самъ Вятскій уѣздъ въ этомъ отношеніи интереса не представлялъ, съ новаго года крестьяне сами уже покупали хлѣбъ, а молока еле хватало на собственныя нужды, такъ что масла никто не билъ. Ѣхать нужно было въ Совѣтскій уѣздъ (бывшій Кукоревскій) и сосѣдній съ нимъ Нолинскій. Оба эти уѣзда всегда считались богатыми, хлѣбородными, въ былое время оттуда даже экспортировался хлѣбъ въ сосѣднюю Архангельскую губернію, и по этимъ уѣздамъ Вятка считалась когда-то «хлѣбу матка».

Ѣхать предстояло на лошадяхъ, верстъ 130—150 отъ Вятки. Первый возникшій вопросъ — откуда достать лошадей. Если нанять подводу изъ Вятки то за одинъ конецъ туда придется заплатить 1500—2000 руб. Кто то посовѣтовалъ мнѣ подежурить утромъ у Губпродкома, куда крестьяне подвозятъ муку изъ казенныхъ ссыпокъ. Подвозъ муки для крестьянъ является натуральной повинностью, но власть платитъ за такія поѣздки довольно щедро для казеннаго учрежденія по 6 руб. за версту за лошадь и поэтому повинность эта исполняется крестьянами довольно аккуратно. Подежуривъ два утра, я нашелъ попутчика въ Совѣтскій уѣздъ и сговорился съ нимъ за 600 руб.

Возница мой участвовалъ въ послѣдней войнѣ, былъ въ плѣну у нѣмцевъ и вернулся оттуда значительно окультуреннымъ. Нѣмецкую жизнь (онъ работалъ у нѣмецкихъ крестьянъ) онъ весьма хвалилъ и жалѣлъ, что вернулся въ Россію. Однако идеи большевизма ему отчасти нравились и онъ только скорбѣлъ о томъ, что благодаря хищничеству комиссаровъ и косности крестьянъ нельзя осуществить ихъ въ жизни. То же положеніе, которое получалось въ дѣйствительности, онъ считалъ невыносимымъ. На первомъ же привалѣ въ одной изъ деревень, верстъ за 30 отъ Вятки, дѣло было къ вечеру, вы могли получить нѣкоторое представленіе о положеніи деревни въ Совѣтской Россіи. Большинство крестьянъ обуты въ лапти (это зимой), избы освѣщаются лучиной — бережливые крестьяне, какъ будто бы въ предвидѣніи тяжелаго времени, сохранили штативы для лучинъ, словомъ, какъ въ старое доброе время «въ избушкѣ распѣвая дѣва прядетъ и, зимній другъ ночей, трещитъ лучина передъ ней». Керосиновая лампа недолго просуществовала въ русской деревнѣ, впервые она появилась лѣтъ 40 тому назадъ.

Ѣсть пріѣзжающему нечего, ни хлѣба, ни молока достать нельзя. Предсказаніе моихъ вятскихъ друзей относительно голоднаго Вятскаго уѣзда оправдывается. На слѣдующихъ остановкахъ кой-гдѣ намъ удавалось получить хлѣбъ и молоко, и то только благодаря связямъ моего возницы. Крестьяне, узнавъ, что я изъ Петрограда, осторожно спрашивали меня о томъ что слышно, явно не довѣряютъ мнѣ — я одѣтъ въ военный полушубокъ, въ высокихъ сапогахъ — меня очевидно принимаютъ за комиссара и поэтому относятся ко мнѣ... ну, какъ бы къ земскому

начальнику. На другой день мы переѣзжаемъ въ Совѣтскій уѣздъ. Здѣсь царитъ необычная суматоха изъ-за того, что по уѣзду разъѣзжаетъ карательный отрядъ, по сбору невнесенныхъ крестьянами съ прошлой осени налоговъ натурой. Налоги эти касались только Совѣтскаго и смежнаго съ нимъ Нолинскаго уѣздовъ, какъ самыхъ хлѣбородныхъ въ губерніи. Исчислены же они были по урожаю прошлаго года и каждая волость обязана была доставить по этой нормѣ опредѣленное количество зерна. Но дѣло въ томъ, что за послѣдній годъ крестьяне запахали меньше земли, такимъ образомъ, норма налога была черезчуръ велика, а съ другой стороны, разверстка по волостямъ дала поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны мѣстныхъ совѣтовъ и платить по отдѣльнымъ деревнямъ пришлось какъ разъ наиболѣе неимущимъ крестьянамъ.

Въ настоящее время въ мѣстныхъ совѣтахъ сидятъ по преимуществу хозяйственные мужики. Со времени Февральской революціи составъ волостного правленія, нынѣ нареченнаго совѣтомъ — рѣзко измѣнился. Лѣтомъ 1917 года я случайно присутствовалъ на новыхъ выборахъ — по всѣмъ правиламъ четырехвостки въ волостное правленіе, въ одной изъ деревень Костромской губерніи. Обстоятельные крестьяне, очевидно не вполнѣ довѣряя новымъ порядкамъ, а отчасти и не одобряя ихъ, даже кандидатуръ своихъ не выставляли и избранными оказывались люди случайные и далеко не пользовавшіеся авторитетомъ и довѣріемъ своихъ земляковъ. Въ первые большевистскіе комитеты крестьянской бѣдноты попали уже сознательные деревенскіе отбросы. Но съ той поры утекло много воды, крестьяне убѣдились, что большевики воцарились не на одинъ день и рѣшивъ, что такъ или иначе съ волками приходится по волчьи выть, выставили изъ совѣтовъ «бѣдноту» и, воспользовавшись упрощенной большевиками выборной системой, устроились такъ, какъ въ былое время до революціи. Понятно, что при такомъ составѣ совѣта, правильнаго распредѣленія налоговъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ ожидать было нельзя.

Въ ожиданіи карательнаго отряда крестьяне прятали остатки своихъ запасовъ и не скрывали своего озлобленія противъ нынѣшняго правительства. Въ одной избѣ я испыталъ это на себѣ. Старуха-крестьянка, принимая меня за носителя власти, категорически отказалась накормить меня: «Вы и такъ у насъ все отняли, ничего у меня не осталось». И только послѣ моихъ разъясненій, подкрѣпленныхъ возницей, что я ни въ какихъ отношеніяхъ къ нынѣшнему правительству не состою, хозяйка смягчилась и продала мнѣ и молоко и хлѣбъ и даже пару яицъ.

Карательные отряды свирѣпствовали и безчинствовали, забирали все, что попадалось подъ руку, и тѣмъ не менѣе не собрали и десятой доли того, что требовалось. Но для меня это служило небольшимъ утѣшеніемъ, ибо и мнѣ пришлось отправиться во свояси съ пустыми руками. Крестьяне не соглашались продавать что либо изъ запрятаннаго ими продовольствія, изъ боязни попасться подъ тяжелую руку сборщиковъ податей. На обратномъ пути одинъ изъ крестьянъ, правда, согласился уступить мнѣ кое-что изъ своихъ запасовъ, но предлагаемые мною въ обмѣнъ товары ему были не нужны и онъ требовалъ у меня мой тулупъ и мѣховую шапку, предоставляя мнѣ ѣхать домой безъ верхнихъ вещей. Принявъ во вниманіе, что до Вятки мнѣ еще оставалось верстъ 70 и, учитывая стоявшій на дворѣ 30-ти градусный морозъ, мнѣ пришлось отказаться отъ этой сдѣлки.

Такимъ образомъ главная цѣль моей поѣздки не увѣнчалась успѣхомъ. Но за недѣльное мое путешествіе по деревнямъ и селамъ я успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ крестьянской жизнью во время совѣтскаго режима и усмотрѣть новыя начала, внесеныя въ нее большевизмомъ. Совѣтское правительство особенно гордится своею дѣятельностью въ области народнаго образованія. Усилія нынѣшней власти превратить Россію въ грамотную страну, открыть для народа двери въ школу, начиная съ низшей и кончая высшей, выработанныя по школьному дѣлу широковѣщательныя программы, съ примѣненіемъ новѣйшихъ методовъ воспитанія и преподаванія, все это вызвало интересъ и своего рода признаніе, даже въ нѣкоторыхъ заграничныхъ кругахъ. Эта реформаторская дѣятельность сказалась въ деревнѣ слѣдующимъ образомъ.

Деревенская школа, называемая по новой программѣ школой первой ступени, измѣнилась весьма мало. Въ этой школѣ остался старый преподавательскій персоналъ, обучающій ребятъ по старому методу. Существуетъ еще кой-какая дисциплина, а ученики, далекіе отъ вліянія «коммунистическаго» города, еще являются матеріаломъ, способнымъ къ воспріятію грамоты. Но, уже начиная съ села, картина мѣняется. Здѣсь появляется школа второй ступени, соотвѣтствующая прежней гимназіи, или вѣрнѣе реальному училищу. Такихъ школъ большевики пооткрывали почти въ каждомъ крупномъ селѣ. И вотъ тутъ получилась слѣдующая картина. — Прежде всего полный недостатокъ преподавательскаго персонала, преподаваніе находится въ лучшемъ случаѣ въ рукахъ учительницы, окончившей или просто учившейся въ епархіальномъ училищѣ. Неудивительно, поэтому, что въ одной изъ такихъ школъ учительница сообщила дѣтямъ изумительный фактъ о прохожденіи свѣта со скоростью 30 верстъ въ минуту. Объ этомъ мнѣ съ сокрушеніемъ разсказывалъ рабочій-электротехникъ, заброшенный совѣтской судьбой въ глухой уголъ Вятской губерніи и добывавшій свое пропитаніе починкою часовъ, желѣзной посуды и т. п.

Что касается состава учениковъ, то характеръ таковаго рѣзко отличается отъ деревенской школы, причемъ чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ дѣло съ учениками обстоитъ хуже. Въ сельской школѣ уже имѣются ученики, разбирающіеся въ «задачахъ текущаго момента», имѣется также ученическая организація, являющаяся, собственно говоря, хозяиномъ школы. Въ результатѣ: сокращеніе до минимума занятій и организація за счетъ ученія всякаго рода вечеровъ, танцевъ, спектаклей и т. д. Жизнь учительницы въ такой школѣ — настоящая каторга. Послѣ трудового дня, состоящаго не столько въ преподаваніи, сколько въ уговариваніи строптивыхъ учениковъ (какія бы то ни было кары не допускаются и даже самое слово «наказаніе» запрещено), вполнѣ исчерпывающаго силы недоѣдающей учительницы, она, наконецъ, добирается домой, чтобы заняться приготовленіемъ несложнаго обѣда. Но вечеръ также не принадлежитъ этой несчастной труженицѣ, сплошь да рядомъ она получаетъ записку отъ «Комуча», то-есть комитета учениковъ, съ предписаніемъ организовать вечеринку для учащихся, или заняться постановкой спектакля или исполнять роль тапера на танцевальномъ вечерѣ, если къ своему несчастью учительница играетъ на роялѣ.

Но функціи учительницы этимъ не исчерпываются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ учительница получаетъ предписаніе свыше объѣхать окрестныя школы для чтенія лекцій или для пропаганды совѣтскаго строя. Но, такъ какъ

начальство не довѣряетъ лойяльности такой пропагандистки, то въ качествѣ цензора къ ней прикомандировывается одинъ изъ ея воспитанниковъ — членъ Комуча.

Обо всемъ этомъ разсказывала мнѣ со слезами на глазахъ учительница одной изъ такихъ школъ въ присутствіи крестьянъ — родителей своихъ учениковъ, которые, очевидно, безсильны бороться съ укоренившимися въ школѣ нравами.

Большое неудовольствіе вызываетъ у крестьянъ запрещеніе преподавать въ школахъ Законъ Божій. Къ отдѣленію церкви отъ государства крестьяне, насколько я знаю, относятся индифферентно, они вѣрнѣе и не замѣтили и не поняли смысла этого декрета. Положеніе сельскаго духовенства, ни въ какія времена не пользовавшагося особой любовью и уваженіемъ крестьянства, и никогда не бывшаго блестящимъ, — въ настоящее время стало совершенно невыносимымъ: — сельскій священникъ обратился въ настоящаго пролетарія, не пользующагося однако никакимъ покровительствомъ со стороны пролетарскаго правительства, а наоборотъ, подвергающагося съ его стороны всяческимъ скорпіонамъ.

При поискахъ лошадей для обратнаго пути, я встрѣтился съ большимъ затрудненіемъ: крестьяне запрашивали за поѣздку 3000 руб. Оставалось ѣхать на перекладныхъ. Хотя для права пользованія перекладными необходимо было особое удостовѣреніе на то со стороны мѣстныхъ властей, и несмотря на мое недовѣріе къ организаціи большевиками такого рода транспорта, я рѣшилъ прибѣгнуть къ этому способу передвиженія. Отправившись на почтовую станцію и предъявивъ возсѣдавшему тамъ крестьянину, какую то бумагу, снабженную многочисленными печатями, но не имѣвшую никакого отношенія къ праву пользоваться перекладными, я, къ моему счастью, немедленно получилъ отъ него какую то квитанцію для проѣзда до слѣдующей станціи. Въ дальнѣйшемъ мнѣ приходилось только обмѣнивать старыя квитанціи на новыя и, такимъ образомъ, право мое въ пути не подвергалось никакимъ сомнѣніямъ. Помимо всѣхъ ожиданій, организація транспорта оказалась блестящей: лошадей у крестьянъ еще достаточно (до слѣдующей реквизиціи на нужды красной арміи), очередную свою повинность они несутъ аккуратно и лошадей на промежуточныхъ станціяхъ дожидаться не приходилось. Со временъ Пушкинскаго станціоннаго смотрителя и сравнительно недавняго времени въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда мнѣ въ качествѣ чиновника Министерства Земледѣлія приходилось ѣздить на перекладныхъ — прогрессъ большой.

Квитанціи на дальнѣйшіе переѣзды вы всякій разъ получаете въ мѣстномъ совѣтѣ, гдѣ установлено 24 часовое дежурство членовъ Совѣта для пріема почты, отправки проѣзжающихъ и всякихъ другихъ обязанностей, коими изобилуетъ всякая совѣтская служба. Главную роль, какъ и вездѣ, играетъ писарь. Членъ совѣта встрѣчаетъ меня на крыльцѣ, и снова ошибаясь, судя по одеждѣ о моей персонѣ, помогаетъ мнѣ вылѣзть изъ саней и несетъ мои пожитки въ избу. Изба украшена портретами нынѣшнихъ властителей: прищуривъ калмыцкіе глаза, предсѣдатель Совнаркома скептически смотритъ на стоящаго передъ мной въ почтительной позѣ крестьянина «средняка», низшаго представителя законодательной и исполнительной власти республики, а рядомъ съ нимъ рѣзко чернѣетъ птичій профиль Троцкаго. Въ одномъ изъ совѣтовъ въ красномъ углу виситъ большой портретъ

Карла Маркса. Я не удерживаюсь и спрашиваю дежурнаго члена, кого изображаетъ портретъ. «Это», говоритъ онъ: «Карлъ Марксъ». «А кто же это такой?» не унимаюсь я. Крестьянинъ недовѣрчиво смотритъ на меня, боясь подвоха. «А Богъ его знаетъ, изъ какихъ онъ будетъ» — нехотя бурчитъ онъ, наконецъ. «Такъ-съ», продолжаю я, «стало быть, онъ вмѣсто образовъ повѣшенъ». Крестьянинъ чувствуетъ иронію моего замѣчанія, лицо его просвѣтляется и онъ шопотомъ начинаетъ посвящать меня въ ужасы современнаго режима и въ чинимыя нынѣ карательными отрядами безчинства. Къ сожалѣнію мнѣ не привелось лично видѣть работу карательныхъ отрядовъ, но по отзывамъ крестьянъ, у меня сложилась картина, напоминающая набѣги половцевъ и печенѣговъ на древнюю Русь.

Итакъ послѣ недѣльнаго скитанія по снѣжнымъ равнинамъ Вятской губерніи, я явился въ городъ съ пустыми руками. Отпускъ мой кончался и я съ ужасомъ думалъ о предстоящемъ мнѣ возвращеніи въ Петроградъ. Состояніе мое напоминало чувство человѣка, невинно ссылаемаго на безсрочную каторгу, отъ которой его могла избавить одна только смерть. Съ такими чувствами я возвратился на свою родину, въ когда-то любимый мною Петроградъ.

На обратномъ пути мнѣ удалось получить мѣсто въ вагонѣ Международнаго О—ва. Хотя, какъ я упоминалъ выше, вагоны съ мягкими сидѣньями въ смыслѣ риска заразы сыпнымъ тифомъ представляются болѣе опасными, чѣмъ вагоны III класса, но за то я ѣхалъ въ купэ, въ обществѣ всего двухъ пассажировъ, а тщательное обслѣдованіе купэ къ счастью дало отрицательные результаты. Поэтому, забравшись на верхнюю скамейку, я старался не думать о томъ, что меня ждало въ будущемъ, и принялъ участіе въ разговорѣ моихъ спутниковъ. Одинъ изъ нихъ ѣхалъ изъ Перми и чтобы добраться до Вятки провелъ 10 дней въ теплушкѣ въ ужасающихъ условіяхъ, другой сѣлъ въ Вяткѣ. Оба по виду казались интеллигентами, разговоръ же все время вертѣлся вокругъ продовольственныхъ вопросовъ и каждый старался сообщить другому, сколько продуктовъ онъ везетъ съ собой и за какіе товары продукты эти были получены. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что оба мои спутника профессора высшихъ учебныхъ заведеній, одинъ Петроградскаго, а другой Нижегородскаго университета. Изъ разговора я узналъ, что дѣло съ университетами обстоитъ почти также, какъ съ сельскими школами. Основанъ цѣлый рядъ университетовъ, доступъ слушателей въ нихъ свободный, а преподаватели отсутствуютъ. Недостатокъ преподавательскаго персонала во вновь открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчался и въ столицахъ, гдѣ для пополненія профессорскаго кадра, были выпечены свѣжіе спеціально для этого случая ученые. Въ провинціальныхъ же университетахъ дѣло съ профессорами носитъ катастрофическій характеръ. Жизнь пришла этому на помощь и создала гастролирующихъ профессоровъ, переѣзжающихъ изъ университета въ университетъ. Предоставляю читателямъ судить о раціональности такого способа распространенія просвѣщенія, принимая во вниманіе, что поѣздъ въ Россіи дѣлаетъ въ настоящее время отъ 5 до максимумъ 25 верстъ въ часъ. Сами профессора, однако, ничего не имѣютъ противъ создавшагося положенія, ибо оно даетъ имъ возможность совершать частыя поѣздки въ провинцію, гдѣ они закупаютъ для своихъ голодныхъ семей предметы продовольствія.

Что касается широкой массы, получившей доступъ въ университеты, то,

самой собой разумѣется, она оказалась совершенно неподготовленной для воспріятія высшей науки. Неунывающее правительство и тутъ нашло выходъ въ созданіи т. н. рабочихъ университетовъ, въ которыхъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ проходится курсъ средней школы. Въ смежномъ съ нами купэ ѣхало трое рабочихъ изъ Перми, слушатели такого рабочаго университета, делегированные своимъ университетомъ на Всероссійскій Съѣздъ рабочихъ университетовъ въ Москву. И я и мои спутники не были знакомы съ постановкой преподаванія въ этихъ университетахъ, гдѣ въ теченіе 6 мѣсяцевъ полуграмотный человѣкъ обучается всѣмъ наукамъ средней школы. Но къ нашему сожалѣнію и означенные делегаты не имѣли ни малѣйшаго представленія объ этомъ вопросѣ. Пермскій рабочій университетъ очевидно находился еще въ проектѣ, и въ умахъ нашихъ делегатовъ казалось сложился очень своеобразный взглядъ на это учрежденіе, какъ на своего рода прикладные техническіе курсы. На предстоящемъ съѣздѣ они во всякомъ случаѣ рѣшили возбудить ходатайство объ отпускѣ на нужды своего университета машинъ и станковъ для устройства мастерскихъ и полагали, что правительство дастъ имъ разрѣшеніе получить эти орудія изъ столичныхъ техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Мирныя наши бесѣды о судьбахъ отечественнаго просвѣщенія были прерваны на второй день нашего путешествія заградительнымъ отрядомъ, напавшимъ на нашъ поѣздъ на ст. Череповецъ. Чины заградительнаго отряда, вооруженные съ ногъ до головы, составляютъ цѣлую армію, т. н. Вохр (войска внутренней охраны) и между прочими обязанностями обслуживаютъ продовольственныя мѣропріятія правительства. Появленіе этихъ «вохровъ» произвело цѣлый переполохъ и надо признаться отнюдь не необоснованный, ибо въ результатѣ пассажиры поѣзда оказались основательно обобранными. У наиболѣе робкихъ отобрали самыя минимальныя количества масла, сала и муки, (чуть ли не $^1/_2$ фунта), а наше купэ благодаря затраченной энергіи отстояло свои продукты. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ числѣ лицъ, не пострадавшихъ отъ отряда, находился какой то инспекторъ милиціи, ѣхавшій изъ Вологды и везшій съ собой въ вагонѣ восемь пудовъ масла, то-есть состояніе выше милліона рублей по тогдашнимъ петроградскимъ цѣнамъ.

Къ Петрограду мы подъѣхали къ часу ночи. Публика обсуждала вопросъ, куда дѣваться въ эту ночь. Гостинницъ нѣтъ, извощики, если и имѣются, стоятъ не менѣе 10.000 рублей за конецъ, оставаться до утра въ вагонѣ не разрѣшено, а перспектива переночевать въ зданіи вокзала, на полу, среди цѣлой арміи солдатъ, покрытыхъ вшами, никому не улыбалась.

Жуткое чувство охватило меня, когда я среди темной ночи очутился на Знаменской площади, окруженный толпой мужчинъ и женщинъ, предлагавшихъ за хлѣбъ, везти на телѣжкахъ мой багажъ. За 2 фунта хлѣба одинъ изъ этихъ рикшъ доставилъ меня съ Николаевскаго вокзала на Пески.

За время моего отсутствія жизнь въ Петроградѣ сдѣлалась еще тяжелѣе, или быть можетъ такъ показалась мнѣ, избалованному Вятской роскошью. Цѣны на продукты во всякомъ случаѣ значительно поднялись. Весна въ этомъ году установилась ранняя. Благодаря теплымъ днямъ начали оттаивать груды экскрементовъ, наваленныхъ въ каждомъ дворѣ. Запахъ

на улицахъ стоялъ невообразимый. Городскія власти распорядились вывезти накопившіяся за зиму нечистоты. Обязанность по этой уборкѣ легла конечно на населеніе. Въ мѣстахъ, гдѣ проходила трамвайная сѣть, жители домовъ вывозили нечистоты прямо на улицу, гдѣ они лежали 2—3 дня въ ожиданіи вагоновъ, вывозившихъ ихъ на свалку. Невообразимую картину представлялъ Невскій, гдѣ по обѣ стороны проспекта тянулись сложенныя такимъ образомъ возвышенія. Въ дома, находившіеся вдали отъ трамвая, за нечистотами пріѣзжали фургоны, запряженные лошадьми англійской упряжью — остатки транспортныхъ средствъ бывшаго дворцоваго вѣдомства.

Къ веснѣ я снова перемѣнилъ мѣсто своей службы и, оставивъ лазаретъ, переселился въ Царское, нынѣ Дѣтское Село, гдѣ получилъ мѣсто воспитателя въ одномъ изъ тамошнихъ дѣтскихъ пріютовъ. Печальную картину являетъ нѣкогда блестящее Царское Село. Грязь, пустынныя улицы, во многихъ мѣстахъ зіяющая пустота сломанныхъ на дрова домовъ; деревянные заборы пошли на тѣ же нужды. Съ каждымъ пріѣзжающимъ изъ Петрограда поѣздомъ улица на короткое время оживляется вереницею измученныхъ мужчинъ и женщинъ, съ непремѣнными для каждаго совѣтскаго обывателя котомками за спиной. Почти все пропитаніе привозится царскоселами изъ Петрограда. Коммуна не выдавала своимъ жителямъ съ самой осени даже $1/4$ фунта хлѣба, которымъ пользовались петроградцы. Существовавшій въ Царскомъ Селѣ ежедневный базаръ въ смыслѣ пропитанія не давалъ ничего: нѣсколько фунтовъ мяса, тухлой конины, кой-какія овощи и молоко, главнымъ же предметомъ торговли являлись предметы обихода, остатки котораго царскосельскіе жители продавали съѣзжавшимся на базаръ окрестнымъ крестьянамъ. Здѣсь царила та же пестрота и тоже разнообразіе, что на Петроградскомъ рынкѣ: сапоги, поношенное мужское и женское платье, вѣера, посуда, бинокли, картины и т. д.

Временами на этотъ рынокъ производились облавы: отрядъ красноармейцевъ внезапно окружалъ все пространство рынка, продавцы спѣшно собирали свои товары, тщетно стараясь укрыть таковые, покупатели въ паническомъ ужасѣ метались по площади рынка. Въ результатѣ: всѣ имѣвшіеся на лицо товары конфисковывались, а люди отправлялись на общественныя работы. Большинство отпускалось къ концу того же дня и на другой день базаръ снова кишѣлъ людьми.

Пребываніе мое въ пріютѣ въ качествѣ преподавателя продолжалось недолго и уже въ концѣ мая я, воспользовавшись предоставившимся мнѣ случаемъ, бѣжалъ изъ Россіи съ эшелономъ, отправлявшимся на родину, нѣмецкихъ военноплѣнныхъ.

* * *

Окидывая взоромъ мою жизнь втеченіе $2^1/_2$ лѣтъ въ Совдепіи, я долженъ признаться, что несмотря на всѣ испытанныя мною физическія и моральныя страданія — меня, по сравненію съ другими россійскими гражданами, не покидала счастливая звѣзда. Я не подчинялся никакимъ предписаніямъ совѣтской власти, нигдѣ и никогда не регистрировался, не платилъ никакихъ налагаемыхъ на буржуазію ни натуральныхъ, ни денежныхъ налоговъ, не ходилъ ни на какія повинности по уборкѣ снѣга, нечистотъ и т. д.

и несмотря на все это, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, ни разу не былъ арестованъ, если не считать одного случая, заслуживающаго упоминанія. Во время моей службы въ лазаретѣ намъ, какъ то разъ, было выдано нѣсколько фунтовъ селедки на каждаго служащаго. Селедки я этой не выносилъ, поэтому рѣшилъ обмѣнять ее на папиросы. Съ этой цѣлью я отправился въ сосѣднюю лавочку — какимъ то чудомъ (или за взятку) оставшейся не закрытой. Лавочка эта принадлежала весьма предпріимчивой женщинѣ, торговавшей всякими съѣстными припасами и снабжавшей ими всѣ сосѣдніе дома. Между прочимъ въ этой лавочкѣ можно было достать молоко по 20 руб. за стаканъ и что то вродѣ пирожныхъ по 30 руб. Войдя въ лавочку, я замѣтилъ сидѣвшихъ за столикомъ двухъ молодыхъ людей, пившихъ молоко съ пирожными, остальная довольно многочисленная публика толпилась въ лавочкѣ въ ожиданіи своей очереди. Когда таковая дошла до меня, я предложилъ торговкѣ свою селедку и къ большому моему удовлетворенію получилъ 25 штукъ папиросъ. Тутъ же я сообщилъ ей, что я зайду попозже обмѣнять на папиросы оставшіяся у меня селедки. Выходя изъ лавочки, я былъ остановленъ однимъ изъ сидѣвшихъ за столикомъ молодыхъ людей, потребовавшимъ отъ меня предъявленія моихъ документовъ. На мой вопросъ, по какому праву онъ обращается ко мнѣ съ такимъ требованіемъ, онъ показалъ мнѣ свою карточку агента уголовной милиціи. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ приказалъ своему спутнику закрыть входъ въ лавочку и объявилъ, что всѣ находящіеся въ ней арестованы. Начался допросъ и обслѣдованіе покупателей. Оба представителя власти не стѣснялись ни въ способѣ обращенія съ публикой, ни въ выборѣ выраженій. «Убирайся къ черту, старикъ, отъ тебя воняетъ, какъ изъ с . . . а» съ этими словами одинъ изъ агентовъ выпроваживаетъ изъ лавочки почтеннаго старика. «Будешь долго со мной разговаривать, такъ я съ тобой поговорю еще не такъ», обращается другой къ прилично одѣтой дамѣ, протестовавшей противъ его грубыхъ пріемовъ. Какого то молодого человѣка, уже допрошеннаго и замѣшкавшагося въ лавочкѣ, выпроваживаютъ силой. Наконецъ, лавочка очищена отъ посѣтителей за исключеніемъ меня и какого-то господина съ жестянымъ бидономъ. Подозрѣніе сыщиковъ привлекъ именно этотъ бидонъ. По показаніямъ арестованнаго, онъ ходилъ съ этимъ бидономъ на рынокъ за керосиномъ, но керосина на рынкѣ не оказалось, въ лавочку онъ пришелъ за картофелемъ. Это показаніе не удовлетворяетъ агента, по его утвержденію бидонъ пахнетъ спиртомъ. Между мной и агентомъ происходитъ слѣдующій діалогъ. «Разрѣшите узнать, за что я арестованъ?» «За спекуляцію». Я объясняю ему, что получилъ по красноармейскому пайку нѣсколько селедокъ и мѣняю ихъ на папиросы, въ чемъ врядъ ли можно усмотрѣть признаки спекуляціи. «Почемъ я знаю», отвѣчаетъ агентъ, «можетъ быть, у васъ нѣсколько вагоновъ селедки. Такихъ господъ, какъ васъ, разстрѣливаютъ». И въ подкрѣпленіе своихъ словъ онъ подноситъ къ моему лицу револьверъ. Въ слѣдующую минуту онъ грозитъ тѣмъ же револьверомъ маленькому мальчику, подошедшему извнѣ къ окну магазина. Мальчикъ не смущается и отъ окна не отходитъ, что вызываетъ одобреніе сыщика. Начинается обыскъ лавочки. Издѣвательства надъ перепуганной торговкой сыпятся, какъ изъ рога изобилія. Одинъ изъ агентовъ входитъ въ ражъ. «Я видалъ», кричитъ онъ лавочницѣ, «какъ ты шептала кому то изъ покупателей

и посылала его за твоимъ пріятелемъ; тебя никто не спасетъ, пусть самъ Зиновьевъ придетъ сюда, я плевать на него хочу, я исполняю свои обязанности, я служу пролетаріату» и т. д. Въ лавочку стучится молодой. человѣкъ во френчѣ. Ему открываютъ дверь. Онъ оказывается знакомымъ обоихъ агентовъ, узнавшимъ ихъ изъ окна и пришедшимъ посмотрѣть на ихъ работу. Не стѣсняясь присутствіемъ арестованныхъ, молодые люди, очевидно давно не видѣвшіеся, начинають вспоминать былые дни. Всѣ они оказываются бывшими клубными шулерами, нынѣ временно прекратившими свою дѣятельность. Воспоминаній много и всѣ весьма поучительныя. Въ лавочку входитъ еще одно дѣйствующее лицо: мѣстный комиссаръ милиціи, за которымъ очевидно и посылала лавочница. Обыскъ переходитъ въ комнату, находящуюся за лавкой. Милиціонеръ слѣдуетъ за сыщиками туда же. Въ комнатѣ тонъ разговора мѣняется и понижается до дружественнаго шопота. Очевидно сговариваются о величинѣ взятки. Черезъ нѣсколько минутъ вся компанія выходитъ съ довольными лицами и освобождаетъ насъ отъ ареста.

Предсказаніе русской революціи*

Однажды утромъ, въ серединѣ Января 1917 г., я былъ вызванъ къ телефону. Кто-то по-русски спросилъ, дѣйствительно ли я Неклюдовъ?

«Да, это я. Кто говоритъ?»

«Я — Ризовъ, болгарскій посланникъ въ Берлинѣ, очень хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами. Можете ли вы меня принять, и когда?»

Мнѣ нужно было нѣсколько минутъ, чтобы оправиться отъ неожиданности и обдумать свой отвѣтъ; я сказалъ ему, что я не могу дать отвѣта до полудня и что онъ долженъ позвонить въ двѣнадцать часовъ, чтобы узнать о моемъ рѣшеніи.

Я тотчасъ пригласилъ своихъ коллегъ, англійскаго, французскаго и итальянскаго посланника, и передалъ на ихъ обсужденіе вопросъ о томъ, долженъ ли я принять Ризова. Г-нъ Томмазини, единственный изъ трехъ моихъ коллегъ, зналъ Ризова; но зналъ его великолѣпно. На нашемъ совѣщаніи мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: пребываніе Ризова въ Берлинѣ и предпринятый имъ шагъ долженъ быть хорошо извѣстенъ Берлину: возможно даже, что Ризовъ телефонировалъ мнѣ изъ дома барона фонъ-Луціуса. Тѣмъ не менѣе, я долженъ принять Ризова, хотя бы для того, чтобы увидѣть, какъ онъ себя будетъ вести. Такимъ образомъ, когда въ полдень Ризовъ позвонилъ мнѣ, я сказалъ ему, что я приму его въ 2 часа.

Ровно въ 2 часа Ризовъ былъ у меня въ кабинетѣ. Я не протянулъ ему руки, но попросилъ его сѣсть и предложилъ папиросу. «Какова цѣль вашего посѣщенія, г-нъ Ризовъ?» спросилъ я послѣ минуты взаимнаго молчанія. Нѣсколько подавленный холодностью моего пріема, Ризовъ началъ говорить съ явнымъ затрудненіемъ. Онъ сказалъ, что предпринятый имъ шагъ носитъ совершенно частный характеръ, что онъ пришелъ, чтобы сообщить мнѣ о политическихъ мнѣніяхъ и комбинаціяхъ, являющихся его личными убѣжденіями, что онъ имѣетъ основаніе полагать — послѣ своего недавняго посѣщенія Софіи, — что взгляды болгарскаго правительства совершенно согласуются съ его взглядами. Тутъ я его прервалъ: «Скажите мнѣ, Ризовъ, предпринятый вами шагъ извѣстенъ въ Берлинѣ? Мнѣ

* Приводимый отрывокъ заимствованъ изъ вышедшей недавно на англійскомъ языкѣ книги б. русскаго посланника въ Швеціи, Н. А. Неклюдова.

кажется невозможнымъ, чтобы онъ не былъ бы извѣстенъ и чтобы баронъ фонъ-Луціусъ не былъ точно освѣдомленъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Стокгольмъ».

«Нѣтъ», — было отвѣтомъ: «Я ничего не сообщалъ объ этомъ германскому правительству. Оффиціальной цѣлью моего путешествія является созданіе болѣе тѣсныхъ коммерческихъ и политическихъ отношеній со Скандинавскими странами, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ настоящее время мы нуждаемся въ рядѣ товаровъ, которыми насъ можетъ снабдить одна Швеція. Отсюда я поѣду въ Христіанію. Я только-что пріѣхалъ изъ Копенгагена, я путешествую подъ вымышленнымъ именемъ и въ германской миссіи не знаютъ даже моего адреса».

Я смотрѣлъ на своего собесѣдника со столь явно выраженнымъ недовѣріемъ, что онъ началъ заикаться и смутился; потомъ онъ вернулся къ своей политической темѣ. Онъ не сказалъ абсолютно ничего опредѣленнаго; по его мнѣнію, настоящая война между Болгаріей и Россіей является совершенно ненормальной и должна быть прекращена, какъ можно скорѣе. Болгары (я продолжаю цитировать Ризова) имѣютъ достаточныя основанія, чтобы таить злобу противъ оффиціальной Россіи; но въ сердцѣ своемъ они питаютъ нерушимую любовь къ русскому народу. Для обѣихъ сторонъ было бы важно облегчить примиреніе; быть можетъ, настоящій моментъ является подходящимъ, чтобы начать совершенно конфиденціальныя бесѣды, которыя могутъ привести къ дѣйствительнымъ переговорамъ.

Въ то время, какъ Ризовъ высказывалъ всѣ эти мысли, я хранилъ полное молчаніе, все еще ожидая, не сдѣлаетъ ли онъ какихъ-нибудь конкретныхъ предложеній, которыхъ мнѣ такъ и не удалось дождаться. Подъ конецъ, раздраженный моимъ молчаніемъ и выраженіемъ моего лица, Ризовъ остановился и, послѣ небольшой паузы, сказалъ:

«Могу ли я надѣяться, милостивый государь, что вы сообщите въ Петроградъ все то, что я вамъ сказалъ?»

«Послушайте, г-нъ Ризовъ, — отвѣчалъ я, — вы достаточно долго служили на дипломатическомъ поприщѣ, чтобы понимать, что моимъ долгомъ является извѣстить г-на Покровскаго о вашемъ посѣщеніи и обо всемъ, что вы сказали; но я васъ долженъ предупредить, что я къ своему отчету не прибавлю ни слова, выражающаго мое личное мнѣніе».

«Но могу ли я надѣяться, что въ Петроградѣ моему шагу будетъ приписана вся та важность, которую онъ заслуживаетъ и что мнѣ будетъ присланъ оттуда черезъ Васъ отвѣтъ?»

«А! .. Что касается этого, — отвѣчалъ я, — я не могу вамъ дать никакихъ обѣщаній. Вы сами заявили мнѣ, что вашъ шагъ носитъ совершенно частный характеръ, и какъ ни интересны взгляды и слова г-на Ризова, возможно, что у меня на родинѣ не сочтутъ необходимымъ отвѣчать на нихъ. Съ другой стороны, въ высшей степени вѣроятно, что я получу отвѣтъ на телеграмму, которую я отправлю еще сегодня».

«Могу я надѣяться на отвѣтъ въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней, такъ какъ я долженъ ѣхать въ Христіанію и не могу далѣе этого срока откладывать мой отъѣздъ?»

«О, нѣтъ. Я не могу гарантировать столь скораго отвѣта. Не знаю, будетъ ли вообще отвѣтъ».

«Въ такомъ случаѣ, будьте любезны сообщить мнѣ по телефону во вторникъ, пришелъ ли отвѣтъ изъ Петрограда. Мой номеръ ....».

«Нѣтъ, г-нъ Ризовъ, я не буду вамъ телефонировать. Вы можете протелефонировать мнѣ за нѣсколько часовъ до вашего отъѣзда въ Христіанію, и я скажу вамъ, имѣю ли я что-либо вамъ сообщить».

Ризовъ поднялся, чтобы уходить.

«Я вижу, — сказалъ онъ, — что вы мало обращаете вниманія на то, что я вамъ сказалъ и не хотите говорить со мной откровенно. **Но черезъ мѣсяцъ, или самое позднее черезъ полтора, произойдутъ событія, послѣ которыхъ, я увѣренъ, что съ русской стороны будутъ болѣе склонны къ разговорамъ съ нами.** Быть можетъ, вы меня тогда вновь увидите!»

Въ тотъ же вечеръ я отправилъ Покровскому телеграмму, въ которой я доносилъ весь мой разговоръ съ Ризовымъ и мнѣніе моихъ союзныхъ коллегъ по поводу шага, предпринятаго болгарскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Я прибавилъ, что, если въ Софіи дѣйствительно желаютъ вступить съ нами въ переговоры, то Ризовъ — въ силу своего настоящаго положенія и той роли, которую онъ игралъ раньше, — является человѣкомъ, наименѣе способнымъ вызвать наше довѣріе. Въ этомъ случаѣ была бы интересной и успѣшной бесѣда съ вліятельными болгарскими генералами или ихъ довѣренными лицами; и такъ какъ обѣ арміи противостоятъ другъ другу на нижнемъ Дунаѣ, то было бы въ высшей степени легко для болгаръ устроить тамъ свиданіе съ нашими представителями. Четыре дня спустя Ризовъ вызвалъ меня къ телефону.

«Получили ли вы отвѣтъ, милостивый государь?»

«Нѣтъ, пока нѣтъ».

«Въ такомъ случаѣ я не могу больше ждать, я уѣзжаю въ Христіанію сегодня вечеромъ. У меня только къ Вамъ еще одна просьба: я надѣюсь, что моя бесѣда не извѣстна представителямъ вашихъ союзниковъ».

«Послушайте, Ризовъ, прервалъ я его, я отказываюсь вести подобные разговоры по телефону. Насъ могутъ подслушать. Желаю вамъ всего хорошаго». И я повѣсилъ трубку.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда Ризова я получилъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ телеграмму, предлагающую мнѣ — въ случаѣ вторичнаго визита Ризова — внимательно выслушать его и постараться заставить его сдѣлать болѣе опредѣленныя предложенія; такія же инструкціи получилъ и мой коллега въ Христіаніи.

Я слышалъ впослѣдствіи, что мой коллега — г-нъ Гулькевичъ — въ соотвѣтствіи съ этими инструкціями имѣлъ болѣе значительныя бесѣды съ Ризовымъ, чѣмъ моя. Но и эти бесѣды окончились ничѣмъ*.

Ризовъ, который, повидимому, былъ совершенно здоровъ, когда онъ приходилъ ко мнѣ въ Стокгольмѣ, умеръ внезапно вскорѣ спустя.

---

* «Таймсъ» опубликовалъ въ No. отъ 4 Октября 1918 г. статью, касающуюся переговоровъ, якобы имѣвшихъ мѣсто между Ризовымъ и нѣкоторыми русскими представителями въ Христіаніи и въ **Стокгольмѣ**. Я поспѣшилъ исправить это изложеніе, въ письмѣ, отправленномъ изъ Ниццы къ издателю «Таймса», поскольку оно касалось лично меня и Стокгольма. Къ сожалѣнію, «Таймсъ» не нашелъ возможнымъ отпечать мое исправленіе, указывая, въ качествѣ извиненія на вынужденную экономію въ матеріалѣ «въ эти дни».

Документы и письма

Основы Конституціи Россійскаго Государства

Написалъ

Докторъ К. П. Крамаржъ. *

Когда я былъ въ Парижѣ на мирной конференціи, французскіе и другіе политическіе дѣятели постоянно спрашивали меня, какимъ образомъ предполагаютъ Русскіе разрѣшить вопросъ національностей, представители коихъ вели въ Парижѣ столь интенсивную агитацію, что она не могла не оказать вліянія на конференцію, бывшую, именно вначалѣ, вполнѣ подъ вліяніемъ четырнадцати пунктовъ Вильсона.

Въ русской средѣ я не получилъ точнаго и единогласнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому мнѣ казалось полезнымъ, чтобъ по крайней мѣрѣ представители Россіи въ Парижѣ могли объединиться на ясно формулированной программѣ будущаго устройства ихъ отечества; и такъ какъ вся жизнь моя была посвящена борьбѣ за устроеніе федеративной Австріи, то вопросы централизма, автономіи и федераціи мнѣ очень близки. Поэтому я набросалъ «Конституцію Россійскаго Государства», которую сначала далъ Б. В. Савинкову, а потомъ просмотрѣлъ съ Ю. В. Ключниковымъ. Послѣднему я очень обязанъ за сотрудничество по разработкѣ деталей русскаго государственнаго устройства, ибо эти детали были мнѣ всеже мало знакомы за отсутствіемъ за границей изданій по русскому государственному праву. Мой проектъ былъ разсмотрѣнъ разными политическими дѣятелями въ Парижѣ и посланъ лѣтомъ 1919 года съ миссіей ген. Драгомирова въ Ростовъ и Таганрогъ. Въ мою бытность въ Ростовѣ этотъ проектъ разбирала со мной особая комиссія. Впрочемъ я лично смотрю на свою работу только какъ на одинъ изъ проектовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе тѣмъ, кто будетъ призванъ вырабатывать новую конституцію Россіи и какъ на примѣръ возможнаго удовлетворенія справедливыхъ требованій всѣхъ народовъ безъ федераціи или конфедераціи въ единой великой Россіи.

---

* *Примѣчаніе.* Печатаемый проектъ конституціи Россійскаго Государства разработанъ извѣстнымъ другомъ Россіи, виднымъ ученымъ и политическимъ дѣятелемъ докторомъ К. П. Крамаржемъ. Проектъ этотъ, во время пребыванія д-ра Крамаржа въ Парижѣ, былъ разсмотрѣнъ группой лицъ различныхъ политическихъ направленій въ составѣ кн. Г. Е. Львова, П. Б. Струве, В. А. Маклакова, Б. В. Савинкова, М. А. Стаховича, М. М. Винавера и М. С. Аджемова. Изъ Парижа д-ръ Крамаржъ проѣхалъ въ Крымъ и Ростовъ, гдѣ проектъ вновь подвергся обсужденію, въ которомъ участвовали проф. П. И. Новгородцевъ, А. В. Кривошеинъ, Н. Н. Львовъ, кн. Павелъ Долгоруковъ, Н. И. Астровъ и Н. Н. Чебышевъ.

Конституція Россійскаго Государства

1. Учредительное собраніе имѣетъ опредѣлить форму и основы государственнаго устройства Россіи.

2. Основные законы опредѣляютъ, а также обезпечиваютъ свободу вѣроисповѣданія, свободу національную, свободу слова и печати, обществъ, союзовъ и собраній, неприкосновенность личности, обезпеченную судебными гарантіями.

I. Глава Государства

3. Глава Государства избирается общимъ собраніемъ обѣихъ палатъ простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ. Кворумъ выборовъ долженъ быть не менѣе двухъ третей ($^2/_3$) числа членовъ обѣихъ палатъ.

4. Глава Государства отвѣтственъ лишь за покушеніе на ниспроверженіе конституціи.

5. Въ случаѣ отказа, смерти или отрѣшенія по суду должны быть произведены не позже двухъ недѣль новые выборы. Пока новый Глава Государства не вступитъ въ исполненіе своихъ обязанностей, его права и обязанности переходятъ на предсѣдателя Государственнаго Совѣта, котораго на это время замѣняетъ его товарищъ.

6. Глава Государства назначаетъ и увольняетъ всѣхъ чиновниковъ общеимперскихъ и областныхъ не ниже IV класса.

7. Назначеніе общеимперскихъ министровъ и предсѣдателей областныхъ министерствъ контрасигнуется общеимперскимъ канцлеромъ. Назначеніе областныхъ министровъ контрасигнуютъ предсѣдатели областныхъ министерствъ.

8. Ни одинъ актъ главы государства не имѣетъ обязательной силы, если онъ не скрѣпленъ подписью канцлера или главой соотвѣтствующаго вѣдомства.

Глава Государства санкціонируетъ и обнародываетъ законы имперскіе и областные, скрѣпленные отвѣтственными министрами. Онъ утверждаетъ общеимперскіе законы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по принятіи ихъ палатами. Если послѣ отказа главы государства въ утвержденіи закона обѣ палаты приняли тотъ-же законъ безъ измѣненія вторично, глава государства или утверждаетъ законъ, или распускаетъ палаты. Въ случаѣ принятія того же закона обѣими палатами новаго состава, глава государства обязанъ законъ немедленно утвердить.

9. Глава государства созываетъ палаты и областные сеймы, опредѣляетъ сроки ихъ открытія и закрытія и имѣетъ право ихъ роспуска.

Выборы въ Государственную или Областную Думу, въ Государственный Совѣтъ новаго созыва должны быть произведены въ теченіе трехъ мѣсяцевъ во всей имперіи. Новыя палаты, выбранныя послѣ роспуска, должны быть созваны не позже шести недѣль послѣ окончанія выборовъ.

10. Глава Государства объявляетъ войну по рѣшенію обѣихъ палатъ; онъ же заключаетъ миръ и ратифицируетъ международные договоры по одобренію обѣихъ палатъ.

11. Глава Государства является верховнымъ начальникомъ арміи и флота, назначаетъ и увольняетъ офицеровъ всѣхъ чиновъ по предложенію министра военныхъ дѣлъ.

12. Глава Государства имѣетъ право помилованія, жалуетъ ордена и другіе знаки отличія.

II. Государственная Дума и Государственный Совѣтъ

13. Законодательная власть осуществляется двумя палатами: Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Государственная Дума имѣетъ .... Государственный Совѣтъ .... членовъ.

14. Государственная Дума избирается на основаніи всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права на шесть (6) лѣтъ.

15. Право избирать въ Государственную Думу обезпечено всѣмъ гражданамъ 25-тилѣтняго (двадцать пять) возраста, пользующимся полнотой гражданскихъ правъ и проживающимъ въ мѣстѣ выборовъ не менѣе года. Всѣ граждане старше 30 лѣтъ (тридцать), имѣющіе избирательное право, могутъ быть избираемы членами Государственной Думы. Специальный избирательный законъ опредѣлитъ подробности избирательнаго права и производства выборовъ.

16. Членамъ обѣихъ палатъ обезпечивается право неприкосновенности и безотвѣтственности за рѣчи и работу въ палатахъ. Судебному или административному преслѣдованію они могутъ быть подвергнуты только съ позволенія палаты, къ которой принадлежатъ. Безъ этого позволенія они могутъ быть подвергнуты заключенію или задержанію лишь въ случаѣ опасности побѣга.

17. Члены Государственнаго Совѣта избираются на шесть лѣтъ областными сеймами, согласно съ постановленіями спеціальнаго избирательнаго закона; члены Совѣта могутъ быть одновременно членами сеймовъ; для избранія требуется 40 лѣтній (сорокалѣтній) возрастъ.

18. Компетенцію палатъ составляютъ слѣдующіе вопросы:

а) Вопросы иностранной политики. Утвержденіе международныхъ договоровъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ. Объявленіе войны и заключеніе мирныхъ договоровъ.

б) Военные законы, законы о наборѣ, срокѣ службы, о жалованіи, содержаніи и пособіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, военные расходы и т. д.

в) Законы о православной церкви, о жалованіи, содержаніи и пособіяхъ священнослужителей и о смѣтѣ церковныхъ учрежденій.

г) Общіе финансы государства; общеимперская смѣта, общеимперскіе налоги и подати, всякіе общеимперскіе займы.

д) Законы о порядкѣ контроля общихъ и областныхъ финансовъ.

е) Законодательство о монетной системѣ, о Государственномъ Банкѣ.

ж) Законодательство о мѣрахъ и вѣсахъ. Законодательство о Банкахъ и Акціонерныхъ обществахъ.

з) Законодательство о таможенныхъ пошлинахъ.

и) Законодательство о государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ, о портахъ, о правилахъ провоза и тарифной политики на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, о воздухоплаваніи, объ урегулированіи рѣкъ и постройкѣ каналовъ, которые будутъ признаны общеимперскими.

і) Законодательство о почтѣ, телеграфѣ, телефонѣ, о почтовыхъ сберегательныхъ кассахъ.

к) Законы о воспитаніи, о школьной повинности, объ учрежденіи, управленіи и учебныхъ основахъ школъ всѣхъ типовъ, о жалованіи, содержаніи и пособіяхъ учительскаго персонала во всей имперіи.

л) Законодательство о соціальныхъ мѣропріятіяхъ, соціальномъ призрѣніи и здравохраненіи.

м) Законодательство о правѣ гражданскомъ, о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ, о правѣ торговомъ, вексельномъ.

н) Законодательство объ аграрномъ правѣ, объ охранѣ лѣсовъ, о правѣ пользованія водами.

о) Законодательство о государственныхъ монополіяхъ.

п) Основные законы о государственномъ Управленіи, общемъ и областномъ, о жандармеріи и полиціи.

р) Измѣненіе основныхъ законовъ, упомянутыхъ въ § 2.

19. Всѣ касающіеся финансовыхъ вопросовъ законы, предложенные правительствомъ, должны первоначально разсматриваться въ Государственной Думѣ.

20. Для измѣненія основныхъ законовъ требуется большинство двухъ третей ($^2/_3$) голосовъ каждой изъ палатъ при наличіи половины законнаго числа ихъ членовъ.

21. Государственный Совѣтъ можетъ отклонять или измѣнять законы, принятые Государственной Думой, но лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ по полученіи закона изъ Государственной Думы.

Если Государственная Дума приметъ вторично $^2/_3$ голосовъ въ первоначальномъ видѣ тотъ-же законъ, отклоненный или измѣненный Государственнымъ Совѣтомъ, то таковой поступаетъ на утвержденіе Главы государства помимо согласія Государственнаго Совѣта, кромѣ случая, указаннаго въ § 19.

Если Государственный Совѣтъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ законъ, принятый Государственной Думой, не отклонитъ, не измѣнитъ или вообще не разсмотритъ, то, несмотря на это, онъ поступаетъ на утвержденіе Главы государства.

22. Члены обѣихъ палатъ имѣютъ право дѣлать предложеніе законовъ и запросы правительству. Предложенія и запросы должны быть подписаны не менѣе чѣмъ двадцатью членами Думы, десятью Государственнаго Совѣта. Правительство обязано отвѣтить на запросы въ теченіе одного мѣсяца.

23. Обѣ палаты созываются одновременно декретомъ Главы Государства ежегодно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ.

24. Очередная сессія палатъ объявляется оконченной декретомъ Главы государства не ранѣе принятія ими бюджета.

III. Общегосударственное управленіе

25. Общеимперское Управленіе Государства состоитъ изъ слѣдующихъ министровъ:

1. Государственный Канцлеръ.
2. Министръ Иностранныхъ дѣлъ.
3. Министръ Военныхъ дѣлъ.
4. Министръ Морской.
5. Министръ Общеимперскихъ финансовъ.
6. Министръ Торговли и Промышленности.
7. Министръ Путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ.
8. Министръ Юстиціи.
9. Министръ Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.
10. Министръ Земледѣлія.
11. Министръ Труда (общественныхъ работъ).
12. Министръ Соціальнаго законодательства, призрѣнія и здравоохраненія.

26. Государственный канцлеръ и министры отвѣтственны передъ Государственной Думой. Въ судебномъ порядкѣ они привлекаются лишь по постановленію Государственной Думы, принятому большинствомъ $^2/_3$ голосовъ и отвѣчаютъ передъ трибуналомъ, состоящимъ изъ всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта по избранію.

27. Высшей судебной инстанціей являются Верховный уголовный и гражданскій и Верховный административній судъ. Предсѣдатели и члены этихъ судовъ назначаются Главой Государства, при чемъ половину членовъ Верховнаго административнаго

суда имперскій министръ юстиціи предлагаетъ изъ числа лицъ, представляемыхъ областными правительствами.

28. Православная церковь управляется патріархомъ и св. синодомъ.

29. Глава Государства имѣетъ право отвода кандидатовъ въ патріархи и главъ другихъ вѣроисповѣданій и Государственный канцлеръ право отвода кандидатовъ въ члены св. синода и высшихъ церковныхъ управленій другихъ вѣроисповѣданій.

30. Управленіе военной частью и жандармеріей находится въ исключительномъ вѣдѣніи общеимперскаго министерства военныхъ дѣлъ.

31. Военное министерство предлагаетъ Главѣ Государства назначеніе военныхъ начальниковъ въ областныхъ главныхъ городахъ и въ губерніяхъ. Губернскіе военные начальники подчинены областнымъ и послѣдніе прямо военному министерству.

32. Правительство областное, губернаторы и уѣздные начальники могутъ потребовать военныя части для поддержанія порядка или въ случаѣ разныхъ катастрофъ. Но войско подчинено исключительно своимъ военнымъ начальникамъ, каковые имѣютъ право требовать удовлетворенія всѣхъ принадлежащихъ имъ по закону правъ относительно постоя, прокормленія, транспорта и т. д. отъ гражданскихъ властей. Обязанности гражданскихъ властей относительно постройкъ казармъ, предоставленія мѣста для обученія войскъ и т. д. опредѣляются общеимперскимъ закономъ.

33. Таможенное управленіе подвѣдомственно исключительно общеимперскому министерству финансовъ, равно какъ и различныя управленія монополій и налоговъ, доходъ отъ коихъ предназначенъ для общеимперской казны.

34. Общеимперское министерство финансовъ для взиманія своихъ налоговъ пользуется имперскими казначействами, которыя имѣетъ право учреждать по всей имперіи; оно также имѣетъ право, гдѣ сіе понадобится, по соглашенію съ соотвѣтствующимъ областнымъ правительствомъ, пользоваться и областными казначействами.

35. Фабричная инспекція вѣдается общеимперскимъ инспекторатомъ, согласующимъ общеимперскіе и областные интересы.

36. Всѣ пути сообщенія, за исключеніемъ мѣстныхъ, порты, а также почта, телеграфъ и телефонъ являются общегосударственными и находятся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ.

37. Министерства торговли, народнаго просвѣщенія, земледѣлія, труда, соціальнаго призрѣнія и здравоохраненія могутъ имѣть, насколько это требуется для проведенія общегосударственныхъ законовъ, или свои учрежденія въ областяхъ, или могутъ командировать общегосударственныхъ инспекторовъ для наблюденія за проведеніемъ этихъ законовъ въ областяхъ, если оно поручено областнымъ учрежденіямъ.

38. Контроль Государственнаго хозяйства, общегосударственнаго и областнаго, производится общегосударственнымъ контролемъ, который имѣетъ свои отдѣленія во всѣхъ областяхъ.

Всѣ государственныя учрежденія обязаны давать отчётъ въ своемъ финансовомъ хозяйствѣ. Учрежденія общегосударственныя — общегосударственному главному контролю, областныя — его областнымъ отдѣленіямъ.

39. Государственный контроль единъ и независимъ. Государственнаго контролера назначаетъ Глава Государства по предложенію Государственнаго Канцлера изъ числа четырехъ кандидатовъ, избранныхъ по два Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ.

40. Государственный контролеръ обязанъ въ особенности слѣдить за тѣмъ, чтобы на государство или области ни въ какой формѣ не возлагались финансовыя обязательства, не отвѣчающія въ полной мѣрѣ требованіямъ закона и чтобы ни въ какой формѣ не были бы заключены займы или иныя обязательства, не дозволенные закономъ.

41. Докладъ Государственнаго контролера долженъ предлагаться ежегодно палатамъ и областнымъ сеймамъ.

Свои заключенія Государственный контролеръ представляетъ Государственному Канцлеру или областнымъ предсѣдателямъ Совѣта министровъ по принадлежности.

Въ случаяхъ большой важности Государственный контролеръ имѣетъ право сообщить о своихъ заключеніяхъ прямо палатамъ или областному сейму.

IV. Областное законодательство и управленіе

42. Россійское Государство раздѣляется учредительнымъ собраніемъ на области, сообразно національнымъ, экономическимъ и соціальнымъ мѣстнымъ условіямъ.

Каждая область управляется областнымъ сеймомъ и правительствомъ.

43. Областные сеймы состоятъ изъ одной палаты, избираемой на шесть лѣтъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Государственная Дума.

Число депутатовъ сеймовъ опредѣляется въ соотвѣтствіи съ числомъ жителей областей, по разсчету одинъ депутатъ на .... жителей.

44. Депутаты пользуются правомъ неприкосновенности и безотвѣтственности на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и члены Государственной Думы. Депутаты тоже имѣютъ право предлагать законы и иныя постанавленія сеймамъ и дѣлать запросы областному правительству. Предложенія законовъ и запросы должны быть подписаны не менѣе чѣмъ десятью членами сейма. Правительство обязано отвѣтить въ теченіе двухъ недѣль.

45. Областные сеймы созываются обязательно ежегодно, но не одновременно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ.

Если по какой либо причинѣ областной сеймъ не приметъ закона о бюджетѣ, то послѣдній сеймомъ принятый и Главой Государства утвержденный бюджетъ остается въ силѣ до того времени, пока новый не будетъ принятъ сеймомъ.

46. Компетенціи областныхъ сеймовъ подлежатъ:

1. Установленіе смѣты областныхъ доходовъ и расходовъ.
2. Законодательство о мѣстныхъ областныхъ и земскихъ налогахъ, кредитныхъ операціяхъ и о контролѣ финансоваго хозяйства земствъ.
3. Учрежденіе разныхъ училищъ, кромѣ нисшихъ, и ихъ смѣты, а также постановленія относительно примѣненія и изученія русскаго языка, поскольку таковыя выходятъ за предѣлы статьи 56.
4. Законодательство о правахъ мѣстныхъ языковъ.
5. Законодательство о мѣстныхъ церквахъ, о поддержкѣ ихъ учрежденій и ихъ смѣтѣ.
6. Законодательство о мѣстныхъ путяхъ сообщеній.
7. Законодательство объ урегулированіи рѣкъ, о постройкѣ каналовъ, поскольку сооруженіе и управленіе послѣднихъ не подлежитъ имперскимъ учрежденіямъ.
8. Законодательство о правѣ аграрномъ, поскольку оно предоставлено общимъ законодательствомъ областнымъ сеймамъ.
9. Законодательство о ремесленныхъ корпораціяхъ.
10. Законодательство соціальное, поскольку областнымъ сеймамъ таковое предоставлено общеимперскими законами.
11. Созданіе учрежденій общественнаго здравоохраненія, призрѣнія и т. д.

12. Законодательство о мѣстномъ управленіи и мѣстной полиціи, поскольку оно предоставлено общимъ законодательствомъ сеймамъ *.
13. Законы, изданіе которыхъ спеціально предоставляется областнымъ сеймамъ общеимперскимъ законодательствомъ.

47. Областное Управленіе осуществляется областнымъ министерсвомъ, въ составъ котораго входятъ министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, и министры, назначаемые по предложенію предсѣдателя совѣта и за его подписью Главой Государства.

48. Министры отвѣтственны передъ областнымъ сеймомъ за исполненіе законовъ сейма. Въ судебномъ порядкѣ они привлекаются лишь по постановленію областного сейма, принятому большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, и отвѣчаютъ передъ судомъ, состоящимъ изъ всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта по избранію.

Въ составъ областного кабинета входятъ:

1. Предсѣдатель областного министерства, министръ внутреннихъ дѣлъ.
2. Министръ Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ мѣстныхъ.
3. Министръ Юстиціи.
4. Министръ Земледѣлія.
5. Министръ Мѣстныхъ путей сообщенія.
6. Министръ Торговли и Промышленности.
7. Министръ Соціальнаго призрѣнія и общественной гигіены.
8. Министръ Финансовъ.

49. Областные чиновники ниже IV класса, отъ V до X включительно, назначаются и увольняются областнымъ правительствомъ. Областной министръ внутреннихъ дѣлъ назначаетъ всѣхъ чиновъ мѣстной полиціи.

V. Вопросъ объ языкахъ

50. Русскій языкъ является языкомъ государственнымъ. Общіе законы публикуются на русскомъ языкѣ въ общемъ государственномъ сборникѣ законовъ и на русскомъ языкѣ съ переводомъ на мѣстный въ собраніяхъ законовъ мѣстныхъ.

51. Областные законы публикуются на языкахъ, допускаемыхъ въ засѣданіяхъ областныхъ сеймовъ и на русскомъ языкѣ.

51. Подлинникомъ считается русскій текстъ въ общихъ законахъ; въ областныхъ — мѣстные и русскій.

52. Въ общеимперскихъ центральныхъ установленіяхъ допускается только русскій языкъ. Въ общеимперскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ областяхъ, можно пользоваться при взаимныхъ сношеніяхъ съ жителями областей язы-

* *Примѣчаніе.* Областной сеймъ имѣетъ, поэтому, право и обязанность заботиться между прочимъ о постройкѣ и управленіи общественныхъ училищъ, если таковыя не состоятъ на попеченіи земствъ, о постройкѣ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и большихъ шоссе, соединяющихъ разныя губерніи области, о работахъ на рѣкахъ; право издавать законы объ обязательномъ страхованіи, объ устройствѣ элеваторовъ и магазиновъ для земледѣльческихъ продуктовъ, объ укрѣпленіи овраговъ, облѣсеніи; объ устройствѣ кассъ и банковъ взаимнаго, аграрнаго и ремесленнаго кредита, заботиться о постройкѣ больницъ въ главныхъ городахъ областей, домовъ для душевно больныхъ и глухонѣмыхъ, большихъ родильныхъ пріютовъ, пріютовъ для сиротъ, покинутыхъ, безпризорныхъ дѣтей и пр.

ками, принятыми для областныхъ учрежденій. При взаимныхъ сношеніяхъ съ мѣстными учрежденіями нужно пользоваться только русскимъ языкомъ.

53. Въ областныхъ сеймахъ допускаются тѣ языки, которые приняты для сего рѣшеніемъ областного сейма и, кромѣ того, русскій.

55. Вопросъ объ языкѣ областныхъ учрежденій рѣшается областными сеймами, но во всемъ государствѣ на ходатайства и заявленія, поданныя на русскомъ языкѣ, устно или письменно, отвѣтъ дается на русскомъ языкѣ.

56. На монетахъ, почтовыхъ, гербовыхъ маркахъ—языкъ русскій. На бумажныхъ деньгахъ можно обозначать цѣнность и на мѣстныхъ языкахъ.

57. Языкъ преподаванія въ школахъ устанавливается рѣшеніемъ мѣстныхъ сеймовъ, но преподаваніе русскаго языка должно быть обязательнымъ во всѣхъ школахъ государства. На русскомъ языкѣ должно, кромѣ того, обязательно вестись по крайней мѣрѣ въ начальныхъ и среднихъ школахъ преподаваніе русской исторіи и въ областныхъ не русскихъ университетахъ русской исторіи, исторіи русскаго права, права гражданскаго и уголовнаго и ихъ судопроизводствъ.

58. Всѣ Государственные чиновники, общеимперскіе и областные, должны вполнѣ владѣть русскимъ языкомъ. Чиновники нисшихъ классовъ общегосударственныхъ учрежденій, принимаемые на службу въ областяхъ, должны вполнѣ владѣть мѣстными языками, допускаемыми для пользованія въ мѣстныхъ сеймахъ.

59. Всѣ надписи правительственныхъ учрежденій, правительственныя публикаціи, правительственныя бумаги и т. д. во всемъ государствѣ на первомъ мѣстѣ должны быть на русскомъ языкѣ.

VI. Земства

60. Области раздѣляются въ административномъ отношеніи на губерніи, уѣзды и волости. Въ губерніяхъ имѣются губернскія, въ уѣздахъ уѣздныя, въ волостяхъ волостныя земства.

61. Въ губернскія, уѣздныя и волостныя земства особо выбираются представители отъ городовъ и деревень.

Общее число гласныхъ въ губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ земствахъ устанавливается областнымъ сеймомъ, а также и относительное число гласныхъ отъ городскихъ и сельскихъ жителей.

При этомъ учитывается не только количество населенія въ городахъ и деревняхъ, но также количество платимыхъ ими налоговъ.

62. Земства не могутъ собираться въ засѣданіе въ одно время съ областнымъ сеймомъ.

63. Компетенціи Земствъ принадлежатъ между прочимъ:

1. Устройство нисшихъ школъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ.
2. Постройка мѣстныхъ шоссе, соединяющихъ города и деревни одной губерніи и ихъ поддержаніе (паровые катки, губернскія каменоломни и т. д.).
3. Устройство больницъ и родильныхъ пріютовъ, организація медицинской помощи въ городахъ и деревняхъ.
4. Учрежденіе опытныхъ агрономическихъ станцій, образцовыхъ хозяйствъ, губернскихъ магазиновъ; элеваторовъ съ очистильными станціями и т. п.
5. Устройство артезіанскихъ колодцевъ, резервуаровъ, работы по лѣсоразведенію, укрѣпленію овраговъ и т. д.
6. Устройство пожарной полиціи въ городахъ и деревняхъ.
7. Установленіе и способъ покрытія земскихъ нуждъ и т. д.

63. Областные сеймы распредѣляютъ сферы компетенціи губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ земствъ.

65. Областные сеймы могутъ закономъ передавать часть своей компетенціи земствамъ.

66. Чиновники въ губерніяхъ и уѣздахъ, служащіе въ управленіи областномъ и земскомъ, назначаются исключительно областнымъ правительствомъ.

Чиновники въ губерніяхъ и уѣздахъ отвѣтствены передъ своимъ начальствомъ въ областномъ правительствѣ. Въ сферѣ компетенціи земствъ губернскихъ и уѣздныхъ земства имѣютъ право запросовъ, на которые указанные чиновники обязаны отвѣчать. Политическую отвѣтственность за ихъ дѣйствія несутъ областные министры.

67. Изъ должностныхъ лицъ въ губерніи (главный школьный инспекторъ, губернскій главный врачъ, губернскій инспекторъ ремесленныхъ организацій и ремесленныхъ школъ, губернскій главный агрономъ, губернскій начальникъ финансовой части, губернскій главный инженеръ и т. д.) при губернаторѣ устанавливается общее собраніе, собираемое періодически, а также въ особомъ случаѣ по его усмотрѣнію, для обсужденія вопросовъ общаго управленія губернскихъ дѣлъ.

68. Всѣ распоряженія полицейскаго и военнаго характера, а также рѣшенія спѣшныя, принимаются самимъ губернаторомъ или уѣзднымъ начальникомъ подъ ихъ личной отвѣтственностью.

69. Для дѣлъ, которыя не признаны особо спѣшными, какъ напримѣръ для школьныхъ, дорожныхъ, агрономическихъ, для рѣшенія вопросовъ о разрѣшеніи новыхъ фабрикъ, промышленныхъ заведеній; для вопросовъ больничныхъ, общественной гигіены и т. д. образуются спеціальныя смѣшанныя комиссіи изъ представителей соотвѣтствующихъ вѣдомствъ въ губерніи, уѣздахъ и изъ гласныхъ земствъ.

Эти смѣшанныя комиссіи составляютъ также ежегодный докладъ о всѣхъ нуждахъ губерніи или уѣзда, каковыя нужды должны найти свое удовлетвореніе по смѣтѣ областнаго сейма, а также губернскаго или уѣзднаго земства.

70. Апеляція противъ рѣшенія мѣстныхъ властей идетъ къ губернатору и въ послѣдней инстанціи къ областному министерству.

71. По всѣмъ дѣламъ административной юстиціи апеляція идетъ къ административному суду, учрежденному въ каждой области и въ послѣдней инстанціи къ Верховному общегосударственному административному суду.

VII. Города и деревни

72. Города и деревни выбираютъ свое представительство всеобщей подачей голосовъ. Право голосованія имѣютъ всѣ жители не моложе 25 лѣтъ, проживающіе по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ данномъ городѣ или деревнѣ и не лишенные гражданскихъ правъ.

73. Города и деревни пекутся о мѣстныхъ нуждахъ, о порядкѣ, чистотѣ, гигіенѣ, о бѣдныхъ, къ работѣ неспособныхъ и т. д.

Земство можетъ возложить на города и деревни опредѣленныя обязательства въ отношеніи школъ.

74. Города и деревни имѣютъ право устанавливать особыя прибавки къ прямымъ и косвеннымъ налогамъ, взимаемымъ на мѣстахъ. Въ томъ случаѣ, если эти прибавки превышаютъ 10%, онѣ должены быть утверждены уѣзднымъ земствомъ, также и заключеніе займовъ, если таковые увеличиваютъ общую сумму задолженности городовъ больше чѣмъ на 10 000 рублей, а въ деревняхъ на 1000 рублей. Если прибавки превышаютъ 20%, а задолженность 25 000 р. или 2500 рублей — земствомъ губернскимъ.

75. Для этой цѣли губернскія и уѣздныя земства должны избрать специальную комиссію. Губернская комиссія рѣшаетъ всѣ дѣла городовъ и деревень во второй инстанціи.

76. Конечная аппеляція идетъ къ совѣту по городскимъ и деревенскимъ дѣламъ, избираемому областнымъ сеймомъ изъ числа своихъ членовъ.

77. По дѣламъ административной юстиціи большой важности (напр. о концессіяхъ для фабрикъ, для продажи вещей, о строительныхъ вопросахъ и т. д.), предоставленнымъ областнымъ закономъ на рѣшеніе городовъ, рѣшающей инстанціей служитъ административный судъ въ главномъ городѣ области.

Примѣчанія къ главнымъ статьямъ Конституціи

Мнѣ кажется, что споръ о томъ, должна-ли Россія стать федеративной или остаться единой и дать автонономію своимъ областямъ, на которыя она была-бы раздѣлена, могъ возникнуть только вслѣдствіи нѣсколько небрежнаго употребленія словъ федерація и автономія. Это не ново. Въ странѣ вѣчныхъ споровъ объ этихъ вопросахъ, въ бывшей Австріи, смѣшиваніе этихъ двухъ словъ было почти правиломъ.

Тѣмъ понятнѣе это въ странахъ, гдѣ вопросами этими никогда не имѣли надобности заниматься. Иначе не могли бы такъ легко принять русскую революціонную фразу о «федеративной русской республикѣ». Вѣдь федерація предполагаетъ добровольный договоръ независимыхъ, самостоятельныхъ государствъ о соединеніи въ одно федеративное государство для точно опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей. Примѣры извѣстны: Сѣверо-Американскіе Штаты, Швейцарія, Германія.

Подобныхъ свободныхъ государствъ въ Россіи не было и, поэтому, для будущей Россіи нѣтъ субъектовъ, т. е. свободныхъ государствъ, для такого федеративнаго договора. Тотъ фактъ, что въ каждой національности нашлось нѣсколько человѣкъ, болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей, которые въ Парижѣ провозгласили себя представителями того или другаго новаго государства, этотъ фактъ не можетъ всё же быть достаточнымъ, чтобы эти государства въ смыслѣ международнаго права дѣйствительно существовали. Для этого было бы нужно не только признаніе ихъ державами, но и добровольное или вынужденное согласіе государства, частью котораго они были, т. е. Россіи. Во всякомъ случаѣ нельзя говорить о новыхъ Государствахъ безъ формальнаго международнаго акта. Нельзя творить государства подобно тому, какъ открываютъ лавочки или фабрики и не достаточно о томъ заявленія въ газетахъ или посылки письма къ предсѣдателю конференціи объ «открытіи» государства и его конторы въ Парижѣ. И нельзя предположить, чтобъ союзныя державы за миллiоны жизней, принеся которыя, Россія сдѣлала возможной ихъ побѣду, хотѣли вознаградить великую страдалицу-союзницу разрываніемъ ее на куски.

Если теперь, вслѣдствіи нежданно долгаго существованія совѣтской власти, державы должны были считаться съ разными государственными образованіями, возникшими на окраинахъ Россіи и если державы и признали ихъ, то признали ихъ только какъ правительства de facto, а не de jure, не желая сдѣлать чего-либо предосудительнаго по отношенію къ будущей Россіи. Разумѣется, что также разные миры, заключенные совѣтскимъ правительствомъ съ этими «Государствами», не имѣютъ для Учредительнаго Собранія никакого значенія и ни къ чему послѣднее не обязываютъ. Оно одно будетъ имѣть право рѣшать о границахъ государства. Я сомнѣваюсь, что Россія начнетъ свою новую жизнь согласіемъ на расчлененіе своей земли, которую ея народъ въ

столѣтнихъ бояхъ собралъ своею кровью, не изъ жадности къ чужому добру, а просто потому, что хотѣлъ свободно дышать, а это ни для какого великаго народа невозможно безъ свободнаго доступа къ морю. Русскій народъ не можетъ допустить, чтобъ маленькія народности по побережью Балтійскаго моря милостиво разрѣшали ему выходъ въ широкій Божій міръ и чтобы выходъ этотъ по желанію могли закрыть. Также на Каспійскомъ морѣ Россія не можетъ допустить существованія такихъ государствъ, которыя могли-бы офиціально и еще чаще неофиціально препятствовать свободному плаванію русскихъ кораблей по этому внутреннему русскому морю, наполненному водой русской Волги. Хотѣть этого значитъ хотѣть будущихъ войнъ, потому что великій народъ просто не можетъ не стремиться всѣми силами къ тому, чтобы исправить ошибки свои или своихъ представителей, тѣмъ болѣе, если этими ошибками были затронуты его жизненные интересы. Это вопросъ чести и достоинства будущей Россіи. Итакъ, для нея никакихъ государствъ, возникшихъ на ея территоріи, не существуетъ и навѣрное существовать не будетъ. Слѣдовательно нѣтъ юридическихъ основаній говорить о какой-то федеративной Россіи. *Россія* должна была-бы сначала создать своимъ согласіемъ эти государства, еслибъ хотѣла устроить имперію, какъ федерацію.

Думаю, что никакія заманчивыя перспективы могущества и процвѣтанія будущаго федеративнаго государства не могутъ соблазнить русскій народъ, потому что опытъ дѣятельности и отношеніе всѣхъ этихъ «самостійныхъ» формацій къ Россіи не очень привлекателенъ, такъ это было, какъ при Германо-Австрійскомъ хозяйничаньѣ въ этихъ «республикахъ», такъ и послѣ побѣды союзниковъ. И гдѣ гарантія, что всѣ эти маленькія государства, по признаніи ихъ Россіей, захотятъ вступить въ федеративный союзъ съ ней? Нельзя закрывать глаза передъ тѣмъ, что ихъ существованіе сдѣлалось довольно важнымъ факторомъ въ политикѣ разныхъ державъ. Такимъ образомъ, вопросъ о заключеніи федеративнаго договора съ Россіей и вопросъ о томъ, что въ этой федераціи будетъ общимъ, пересталъ-бы быть вопросомъ, касающимся исключительно Россіи и этихъ народностей, какъ тому надлежало бы быть. Все это для Россіи не допустимо. Россія своей кровью добыла себѣ свободный выходъ къ морю и черезъ Кавказъ и не можетъ торговаться, подъ какими условіями было-бы ей возможно вновь получить туда свободный доступъ.

Россія страшно, ужасно пострадала за свой прекрасный подвигъ защиты свободы малаго славянскаго народа, но она не забыла и не забудетъ, что безъ нея не было-бы побѣды, что она Таненбергомъ сдѣлала возможной Марну и потому никогда не допуститъ, чтобы въ отплату за все это она должна была бы потерять самыя важныя части своей территоріи, или была бы вынуждена выкупать цѣлость Россіи разными концессіями.

Но съ другой стороны, Россія все же за свои страданія получила возможность новой жизни не только для Русскихъ, но и для всѣхъ нерусскихъ пародностей старой Россіи. Самодержавіе не могло существовать безъ бюрократическаго централизма. Новая Россія будетъ свободная и поэтому можетъ быть и децентрализована и безъ всякой боязни можетъ дать разнымъ нерусскимъ народностямъ полную свободу національной жизни и національнаго развитія. Она не захочетъ держать народы полицейской и военной силой, но свободной внутренней привязанностью къ новой, свободной Россіи и не только за то, что имъ будетъ возможно жить по своему, безъ всякаго гнёта, но еще и потому, что не будутъ порваны ихъ столѣтнія экономическія связи съ Россіей, которыми всѣ эти народы до сихъ поръ жили и безъ которыхъ имъ было-бы очень трудно дальше существовать.

Въ этомъ отношеніи не они нужны Россіи, а Россія имъ. Какъ независимыя государства они были бы только предметомъ интригъ разныхъ державъ, какъ то было

раньше съ Польшей; а въ децентрализованной, свободной Россіи они будутъ жить исключительно для внутренняго развитія своего народа, безъ страха за свою внѣшнюю свободу.

Въ будущей Россіи имъ нечего бояться. Внутренній русскій имперіализмъ, равно какъ и внѣшній, умеръ навсегда и будущая Россія станетъ дѣйствительно страной демократической свободы для всѣхъ своихъ гражданъ безъ различія народности.

Но эту свободу Россія должна дать себѣ сама свободнымъ своимъ почином, безъ всякаго давленія извнѣ, какъ свободное проявленіе верховной воли всѣхъ гражданъ новой Россіи въ свободно избранномъ учредительномъ или народномъ собраніи.

Для этой свободы нѣтъ лучшаго пути, чѣмъ автономія отдѣльныхъ областей, т. е. право ихъ давать себѣ свободно законы по всѣмъ нуждамъ мѣстнаго характера и имѣть для приведенія этихъ законовъ свое независимое правительство, отвѣтственное областному законодательному учрежденію. Но эти области не государства. Ихъ права ограничены, и въ то же время гарантированы основнымъ закономъ, принятымъ общеимперскими палатами и утвержденнымъ Главой Государства. И тѣмъ же основнымъ закономъ должны быть обезпечены также права общеимперскаго законодательства и общеимперскаго управленія.

При этомъ возникаютъ разные вопросы:

1. Слѣдуетъ ли раздѣлить всю Россію на области или только выдѣлить отдѣльныя области для разныхъ національностей?
2. Какое основное правило должно быть принято для раздѣленія компетенціи между центромъ и областями теперь и въ будущемъ?
3. Какъ обезпечить необходимое вліяніе центра на управленіе областей?
4. Нужно ли особое учрежденіе для рѣшенія споровъ о компетенціи между центромъ и областями?

ад 1. Мнѣ кажется, что для будущаго развитія Россіи было-бы большой опасностью, еслибы внутреннему ея устройству предназначено было выполнять лишь одну задачу: обезпечить свободное развитіе разныхъ національностей и такимъ способомъ уничтожить ихъ сепаратизмъ. Изъ такой тенденціи вышло бы недопустимое, для будущности особенно опасное устройство государства. Всё не русское въ Россіи было бы, какъ бы нарочно, подчеркнуто. При бѣгломъ взглядѣ на карту Россіи становилась бы ясной вся опасность, угрожающая ей отъ окраинъ. Избѣжать ея надо во что бы то ни стало. Также нельзя допустить двоякаго гражданства въ будущей Россіи. Россія имѣла бы гражданъ съ автономными правами, зависящихъ отъ центра только въ сферѣ общихъ государственныхъ интересовъ и поэтому болѣе свободныхъ, чѣмъ граждане остальной централизованной Россіи. Положеніе послѣднихъ при новыхъ порядкахъ отличалось-бы отъ стараго лишь новыми политическими и конституціонными правами. Но эти граждане не имѣли бы права въ своихъ географически и климатически однородныхъ мѣстностяхъ работать свободно и независимо отъ опеки дальняго центра на пользу развитія всѣхъ природныхъ и другихъ богатствъ близкаго ихъ душѣ родного края. Національно отдѣленныя области работали бы непремѣнно гораздо интенсивнѣе, чѣмъ остальная огромная Россія. Сравненіе обѣихъ неизбѣжно усиливало бы самомнѣніе окраинныхъ областей относительно ихъ высокой культурности, — уже и теперь они ее приводятъ въ оправданіе своего стремленія къ сепаратизму, — и развитіе русской государственной жизни неминуемо шло-бы путемъ постоянно усиливающагося обособленія окраинъ отъ остальной Россіи. Нельзя себѣ представить что-либо болѣе опасное для будущаго единства Россіи.

Но и сама русская Россія совсѣмъ незаслуженно пострадала бы отъ такою рѣшенія. Централистическая Россія не въ состояніи вывести народъ и страну изъ ужаснаго

положенія, въ какомъ они находятся послѣ войны и большевиковъ. Если Россія передъ войной представляла совершенно недопустимую теперь картину некультурной массы съ тонкимъ слоемъ культурныхъ элементовъ и если, не смотря на это, возможно было управленіе столь огромной страной, то только потому что вся государственная работа ограничивалась организаціей внѣшней военной и внутренней полицейской силы государства, оставляя почти совсѣмъ въ сторонѣ народъ, его культурное и экономическое развитіе. Вся страшная опасность этой неразумной политики обнаружилась во время войны и за революцію. Новая Россія можетъ возродиться только при такомъ устройствѣ внутренняго управленія, какое будетъ содѣйствовать самой интенсивной народной работѣ на мѣстахъ, на всемъ необъятномъ пространствѣ русской территоріи. Эту огромную задачу централизмъ никогда не разрѣшитъ.

Такимъ образомъ и русская Россія слишкомъ обширна для интенсивной административной работы, которая могла бы удовлетворять всѣмъ нуждамъ и потребностямъ населенія; а съ другой стороны, война и систематическое избіеніе интеллигенціи такъ уменьшили число людей, пригодныхъ для государственной работы, что при централистической системѣ было-бы невозможно найти ихъ въ достаточномъ количествѣ. Надо на мѣстахъ искать людей, любящихъ свой родной край и готовыхъ посвятить себя работѣ на поднятіе благосостоянія тѣхъ мѣстъ, которыя имъ дороги и близки. Трудно найти людей для управленія громаднымъ государствомъ, но возможно ихъ найти для работы на мѣстахъ. Изъ этихъ людей потомъ выработаются дѣятели, которые будутъ полезны на болѣе широкомъ поприщѣ.

Надо всю Россію децентрализовать, раздѣлить на области и дать этимъ областямъ возможность не только свободно работать, но еще возможность самаго идеальнаго соревнованія, чтобы каждая область стремилась раньше и лучше другихъ привести себя къ полному расцвѣту. Для этого области должны быть въ своемъ законодательствѣ, въ управленіи и главное въ финансахъ совершенно свободны и независимы.

Я умышленно не опредѣляю размѣровъ областей. Это сдѣлаютъ спеціалисты по политической и экономической географіи Россіи. Я хочу только сказать, что представляю себѣ области довольно большими, имъ придется заключать въ себѣ нѣсколько губерній съ ихъ земствами. Мнѣ казалось напр. возможнымъ раздѣлить Великороссію на четыре области, Малороссію — на три и т. д.

Думаю еще, что не необходимо формировать область изъ одной лишь народности; на Кавказѣ напр. это повело бы къ абсурду. Свободное развитіе каждой народности, если ихъ нѣсколько въ одной области, можно закрѣпить національной автономіей и обезпеченіемъ соотвѣтствующаго численности каждой народности участія въ управленіи области, какъ центральномъ, такъ и мѣстномъ.

Возможно также, что нельзя будетъ дать нѣкоторымъ частямъ государства, какъ напр. въ Азіи, такую же полноту автономныхъ правъ, какъ всѣмъ другимъ областямъ. Но такое исключеніе не можетъ служить аргументомъ противъ необходимости одинаковаго рѣшенія вопроса о внутреннемъ управленіи во всей Россіи.

ад 2. Раздѣленіе компетенціи между центромъ и областями предлагаю рѣшить на основаніи принциповъ, которые мы всегда защищали въ нашей долголѣтней борьбѣ противъ централизма въ Австріи. Современное государство требуетъ единаго управленія на всемъ своемъ протяженіи не только въ вопросахъ внѣшняго могущества и силы т. е. иностранной политики и управленія военнымъ дѣломъ, но требуетъ еще единства законодательства и управленія во всѣхъ вопросахъ экономической и соціальной политики, поскольку это единство необходимо для того, чтобъ государство было способно къ экономической борьбѣ на всемірномъ рынкѣ.

Для этого тоже неизбѣжно нужно, чтобы правовыя условія промышленнаго предпринимательства и условія работы, созданныя соціальными законами, были одинаковы во всей Россіи; а также и основныя условія аграрной политики, напр. вопросъ о частной собственности на крестьянскую землю; опредѣленіе maximum'а помѣщичьяго владѣнія и вопросъ о томъ, должна ли его величина быть одинаковою или различною въ разныхъ частяхъ Россіи; также и главные принципы школьной политики, столь важные для душевной и физической работоспособности всего населенія. Въ этомъ отношеніи устанавленіе одинаковой платы всему учительскому персоналу явится важной гарантіей того, что не будетъ привилегированныхъ, богатыхъ областей въ вопросѣ народнаго воспитанія.

Но не одно только законодательство требуетъ единства въ этихъ экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ, и управленіе должно также быть во многихъ отрасляхъ въ рукахъ центральнаго вѣдомства. При этомъ, можно идти на встрѣчу мѣстнымъ интересамъ, разрѣшивъ выбирать чиновниковъ до извѣстнаго класса изъ мѣстныхъ компетентныхъ лицъ, что не представитъ особыхъ затрудненій, такъ какъ и центральное управленіе должно быть раздѣлено на округа, которымъ можно дать право самостоятельно принимать на службу нисшихъ чиновниковъ. Но что касается должностей, имѣющихъ распорядительную власть, то выборъ центральнаго вѣдомства не смѣетъ быть ничѣмъ ограниченъ, если весь аппаратъ долженъ дѣйствовать безошибочно. Это особенно важно для всѣхъ отраслей транспорта, не имѣющаго исключительно мѣстнаго характера, равно какъ и для управленія таможень, портовъ, почты и телеграфа, монополій, общегосударственныхъ финансовъ и т. д.

Я затрудняюсь предложить опредѣленное рѣшеніе финансовыхъ вопросовъ, потому что не имѣю никакихъ данныхъ относительно будущихъ нуждъ центральнаго управленія Россіи. Приходится ограничиться одними принципами. Косвенные налоги или имѣютъ большое значеніе для промышленности и потому требуютъ равномѣрнаго управленія во всемъ государствѣ, или потребленіе предметовъ, ими обложенныхъ, не всегда бываетъ локальнымъ, такъ что было бы несправедливо оставить ихъ взиманіе на мѣстахъ производства; съ другой стороны очень трудно распредѣлить ихъ взиманіе по количеству фактическаго потребленія въ разныхъ областяхъ. Тоже самое можно сказать о государственныхъ монополіяхъ, потребленіе предметовъ которыхъ никогда не бываетъ локальнымъ. Что касается прямыхъ налоговъ, то всѣ налоги на промышленность, торговлю, на акціонерныя общества должны быть установлены равномѣрно во всемъ государствѣ и ихъ взиманіе должно находиться въ вѣдѣніи общеимперскихъ казначействъ, равно какъ и подоходный налогъ. Нельзя допустить, чтобы одна какая-нибудь область притягивала промышленность на счетъ другой области пониженіемъ налоговъ или податными облегченіями. Но доходъ съ этихъ налоговъ, поскольку онъ не нуженъ для центральныхъ финансовъ, долженъ быть возвращенъ областному казначейству въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ онъ изъ каждой области поступилъ. Разумѣется, нельзя думать о какихъ-то матрикулярныхъ взносахъ отдѣльныхъ областей по примѣру Германіи. Области не государства, а на интересы цѣлаго государства слѣдуетъ смотрѣть, какъ на интересы основные (primaires), поэтому нужды государства должны быть покрыты собственными доходами.

Компетенція и центра, и областей высчитана taxative и сдѣлано это умышленно. Въ бывшей Австріи мы спорили о томъ, что именно представляетъ основу государства: Королевства и Земли, или же центръ — Вѣна? Мы, Чехи, защищавшіе историческое право Земель Чешской Короны на самоопредѣленіе, слѣдовательно и федеративный характеръ Австріи, мы всегда утверждали, что основнымъ законодательнымъ собраніемъ являются сеймы и что центральный Reichsrat имѣетъ только компетенцію taxative,

высчитанную въ основныхъ законахъ, и законодательство о всёмъ томъ, что общественная жизнь приноситъ новаго, должно было-бы по этимъ основнымъ законамъ принадлежать сеймамъ. Таково было право, но Вѣна была сильнѣе, чѣмъ право и логика, почему развитіе и шло путемъ обратнымъ. Это вело къ непрерывной борьбѣ и было одной изъ главныхъ причинъ развала Австріи.

Поэтому, мнѣ кажется, что нельзя предоставить будущее развитіе компетенціи центра и областей одному случаю или вопросу, кто будетъ сильнѣй въ толкованіи основныхъ законовъ. Мнѣ представляется самымъ благоразумнымъ оставить рѣшеніе о всѣхъ измѣненіяхъ компетенціи центральной Думѣ и государственному Совѣту, гдѣ представители областныхъ сеймовъ будутъ имѣть рѣшающее большинство. Для измѣненія основныхъ законовъ нужно большинство $^2/_3$ голосовъ обѣихъ палатъ. Ст. 20 относится только къ обыкновеннымъ законамъ, для которыхъ конституція не требуетъ $^2/_3$ голосовъ *обѣихъ* палатъ. Слѣдовательно, нельзя безъ согласія государственнаго Совѣта, представляющаго областные сеймы, перемѣнить основные законы въ ущербъ областной автономіи. Можно еще впрочемъ прибавить, что еслибы въ государственномъ Совѣтѣ были также члены, выбранные корпораціями или назначенные главой государства, то объ измѣненіи компетенціи центра или областей могутъ голосовать въ государственномъ Совѣтѣ только тѣ его члены, которые выбраны сеймами, но не члены, выбранные разными корпораціями, или назначенные главой государства и что для принятія измѣненія надо $^2/_3$ всего состава этихъ выбранныхъ членовъ Совѣта. Это было-бы достаточной зарукой для народностей, а также для того, чтобы перемѣны компетенціи, центра и областей не были дѣломъ случайныхъ увлеченій или политическихъ страстей.

ад 3. Многіе политики, охотно дающіе областямъ самыя широкія права, озабочены тѣмъ, что центральное правительство не будетъ имѣть достаточнаго вліянія на политику областей, если не будетъ спеціальнаго органа центральной власти на мѣстѣ, который имѣлъ бы не только право смотрѣть за всѣмъ, что тамъ дѣлается, но которому кромѣ того хотѣли бы дать право назначать мѣстныхъ министровъ. Боясь, что въ центрѣ не окажется достаточнаго знанія мѣстныхъ людей, предлагаютъ назначать въ области, какъ представителей главы государства, нѣчто вродѣ ген.-губернаторовъ.

Признаюсь, что съ этимъ мнѣніемъ мнѣ невозможно согласиться; я даже считаю учрежденіе ген.-губернаторства довольно опаснымъ. Именно народности приняли бы его теперь непремѣнно съ недовѣріемъ, какъ отзвукъ старыхъ временъ и такимъ образомъ было бы потеряно много хорошихъ плодовъ новой эры. А главное, я не могу себѣ ясно представить конституціонный характеръ такого ген.-губернатора. Онъ не можетъ быть главой областного правительства, такъ какъ при этомъ онъ долженъ быть отвѣтственъ передъ областнымъ сеймомъ и поэтому потерялъ бы возвышенный характеръ представителя центральной власти.

Вслѣдствіе этого пришлось бы такого ген.-губернатора сдѣлать чѣмъ то вродѣ намѣстника. Но еслибы ему дано было бы право назначать областныхъ министровъ, то нельзя было бы подчинить его государственному канцлеру, а только главѣ государства. Центральное правительство потеряло бы при этомъ всякую возможность вліять на дѣла областей и трудно было бы сохранить равномѣрное развитіе послѣднихъ, что такъ необходимо для блага цѣлаго. Такимъ образомъ, области развивались бы болѣе самостоятельно, чѣмъ это желательно, и это со временемъ могло бы представлять большую опасность для единства Россіи. Трудно было бы избѣжать этой опасности, такъ какъ сами ген.-губернаторы поддерживали бы такія центробѣжныя стремленія для возвышенія своей власти и своего авторитета; особенно, если ген.-губернаторъ былъ бы назначенъ изъ народности, въ области преобладающей, чего

слѣдовало-бы ожидать, дабы не дать повода къ жалобамъ на старыя русскія централистическія замашки.

Итакъ, мнѣ кажется, что предложенный мною способъ управленія областями больше гарантируетъ единство Россіи, хотя онъ повидимому и придаетъ правительствамъ областей самостоятельный характеръ. По моему мнѣнію нельзя допустить, чтобы кто-либо другой, чѣмъ глава государства, назначалъ областныя правительства. Именно въ силу того, что Россія даетъ своимъ частямъ такую широкую автономію, слѣдуетъ сохранить единый источникъ всей государственной власти для центра и для областей. Нельзя забывать, что областныя правительства суть дѣйствительно правительства, исполняющія важныя государственныя функціи. Это не просто расширенныя земства. Областные сеймы и правительства имѣютъ большую часть государственныхъ правъ и обязанностей, которыя раньше принадлежали центральному русскому правительству и государственной Думѣ. И такъ какъ главой всей исполнительной власти во всей Россіи, какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, не можетъ быть никто иной, какъ глава государства, то и слѣдуетъ, чтобы всѣ управляющіе именемъ главы государства, какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, были прямо назначены главой государства, а не посредствомъ кого-либо другого. Иначе было-бы совсѣмъ несправедливо умалено значеніе областной государственности и это было-бы тѣмъ менѣе допустимо, чѣмъ обширнѣй компетенція областныхъ сеймовъ.

Такъ какъ управляющіе разными вѣдомствами въ областяхъ являются послѣдней инстанціей, прямыми представителями верховной власти и такъ ихъ вѣдомства являются важнѣйшими отраслями внутренней государственной жизни, то правительства областей слѣдуетъ сдѣлать министерствами, отвѣственными за исполненіе областныхъ законовъ передъ областными сеймами, подобно тому, какъ общегосударственные министры отвѣтственны передъ Думой и Совѣтомъ. Поэтому конституціонно необходимо, чтобы областное правительство было министерскимъ кабинетомъ съ предсѣдателемъ министерства во главѣ политнчески отвѣтственнымъ передъ областнымъ сеймомъ. Хотя въ Россіи такимъ образомъ будетъ больше министровъ, чѣмъ обыкновенно бывало, но это все же при 150 милліонномъ населеніи нельзя считать серьезнымъ препятствіемъ для послѣдовательнаго проведенія конституціонныхъ принциповъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни.

Не смотря на то, что при этой системѣ области получаютъ почти обликъ государства, можно легче, чѣмъ съ какимъ нибудь ген.-губернаторомъ, сохранить нужное вліяніе центра на области. Во первыхъ, глава государства назначаетъ и увольняетъ всѣхъ областныхъ министровъ. Этимъ сохраняется непосредственная связь области съ центромъ. Кромѣ того, я предлагаю, чтобы назначеніе областнаго предсѣдателя министерства, который одновременно долженъ быть и министромъ внутреннихъ дѣлъ, было контрасигновано государственнымъ канцлеромъ. Это не простая формальность. Государственный канцлеръ этимъ самымъ принимаетъ на себя отвѣтственность за это назначеніе и его послѣдствія передъ государственной Думой и Совѣтомъ, почему имѣетъ право и обязанность слѣдить за ходомъ дѣлъ въ областяхъ. При такомъ устройствѣ, государственный канцлеръ и областной министръ-президентъ естественно сочтутъ нужнымъ сговориться не только о томъ, какъ вести внутреннюю политику областей, но также относительно состава областного Кабинета, хотя назначеніе отдѣльныхъ областныхъ министровъ и должно быть контрасигновано только предсѣдателемъ областного министерства. Такъ, наилучшимъ образомъ будетъ обезпечена равномѣрность развитія всѣхъ областей и единство *духа* правленія во всей Россіи. Всё это легко можно будетъ контролировать, потому что вопросы будутъ рѣшаться не въ тайныхъ бюрократическихъ канцеляріяхъ, а открытыми дѣйствіями прави-

тельствъ, отвѣтственныхъ передъ сеймами, гдѣ общественная критика не будетъ отсутствовать.

Впрочемъ, это не единственная возможность вліянія центра. Областные законы должны будутъ утверждаться главой государства и, разумѣется, глава государства сочтетъ своей обязанностью спросить мнѣніе общегосударственнаго правительства, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ областные законы должны быть проведеніемъ принциповъ, установленныхъ общегосударственнымъ закономъ (такъ наз. Rahmengesetz). Кромѣ того, всѣ высшіе областные чиновники (до IV класса) будутъ назначены главой государства, который можетъ при этомъ совѣщаться съ центральнымъ правительствомъ.

Въ этомъ не только залогъ единства Россіи, но также гарантія для областей, что не будетъ излишнихъ треній между частями и цѣлымъ. Для того, чтобъ центръ не назначалъ личностей, для областей непріемлемыхъ, достаточно власти сеймовъ, которымъ областное правительство, контрасигнующее всякое подобное назначеніе, должно быть за это отвѣтственнымъ.

Помимо этого, во всѣхъ областяхъ будутъ военные начальники, которымъ также должна быть подчинена жандармерія, и общегосударственные чиновники (казначействъ, монополій, почтъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.), долженствующіе всегда наглядно представлять единство государства.

Наконецъ, я предлагаю по примѣру Англіи назначеніе особыхъ инспекторовъ центральнаго правительства, которые слѣдили бы за проведеніемъ тѣхъ общегосударственныхъ законовъ, коихъ проведеніе предоставлено областному законодательству. Это учрежденіе всего лучше обезпечило-бы единство принциповъ, но также могло бы отлично содѣйствовать и тому, чтобъ въ различныхъ областяхъ не укоренилась лѣнивая пассивность и чтобъ всѣ работали во взаимномъ соревнованіи для возстановленія мощи и экономическаго возрожденія Россіи.

ad 4. Одной изъ важныхъ заботъ лицъ, размышляющихъ о будущей децентрализованной Россіи, является опасеніе споровъ о компетенціи между центромъ и областями. Для разрѣшенія этихъ споровъ предлагаютъ какой то верховный судъ, подобно существующему въ Соединенныхъ Штатахъ. Мнѣ кажется, что нельзя всѣ учрежденія другихъ странъ просто переносить въ Россію. Не могу себѣ представить составъ такого суда, который не встрѣтилъ бы протеста и опасеній ни съ той, ни съ другой стороны. Прошлое Россіи слишкомъ мало располагаетъ къ довѣрію къ личному составу правительства и къ его готовности воздержаться отъ оказанія вліянія всѣми способами на рѣшенія такого суда.

Къ тому же, можно свободно обойтись и безъ него. Центральная власть въ новой Россіи не будетъ больше абсолютическимъ правительствомъ бюрократовъ, привыкшихъ смотрѣть на централизмъ, какъ на единственное спасеніе Россіи отъ развала. Общегосударственное управленіе будетъ конституціонное, отвѣтственное передъ палатами. И вся Россія будетъ построена на принципѣ силы центра и свободы частей. Въ самостоятельной, дѣятельной жизни частей общегосударственная власть должна видѣть самое первое условіе собственнаго могущества и силы Россіи извнѣ и внутри; слѣдовательно, скорѣе приходится опасаться слишкомъ усиленнаго обособленія частей.

Но правительство, сильное не только войскомъ, но прежде всего благоразумной политикой, съ благоволеніемъ смотрящее на автономную жизнь областей и при этомъ твердо хранящее всѣ прерогативы центральной власти, будетъ имѣть достаточно средствъ, чтобы не допустить уменьшенія компетенціи центра. Выше мы уже о нихъ говорили.

Что же касается споровъ о компетенціи центральныхъ и областныхъ административныхъ учрежденій, то слѣдуетъ дать верховному административному суду достаточный авторитетъ, —подборомъ его состава, дабы возможно было бы передавать ему рѣшеніе вышеупомянутыхъ конфликтовъ. При конфликтахъ изъ-за компетенціи въ области законодательства можно полагаться на государственную Думу и Совѣтъ. Именно Совѣтъ, состоящій изъ представителей областныхъ сеймовъ, не допуститъ умаленія правъ областей. А съ другой стороны обѣ палаты, избавленныя отъ заботъ о мелочахъ, убивавшихъ работоспособность старой Думы, поставятъ себѣ въ обязанность заниматься самыми высшими и важнѣйшими вопросами государственной жизни всей России и, воспитанныя такимъ образомъ въ общегосударственномъ духѣ, сдѣлаются лучшими защитниками интересовъ всего государства противъ всякаго рода вреднаго партикуляризма.

Не подлежитъ сомнѣнію, что важную роль въ переустройствѣ Россіи будетъ играть особа государственнаго канцлера, который долженъ воплощать въ себѣ идею примиренія децентрализаціи Россіи съ крѣпкой центральной властью. Задача безспорно очень трудная! Но слѣдуетъ вѣрить, что Россія найдетъ своихъ строителей, какъ найдетъ своихъ освободителей. Россія, основанная только на силѣ централистической бюрократіи, развалилась, какъ карточный домикъ, и этотъ опытъ будетъ для всѣхъ лучшимъ предостереженіемъ на тернистомъ пути къ возрожденію отечества.

Къ подробностямъ проекта мнѣ хочется прибавить нѣсколько замѣчаній. Въ первоначальномъ проектѣ говорилось о президентѣ республики. Но признаюсь, что это было очень нелогично. Статья первая гласитъ, что форму правленія опредѣлитъ учредительное собраніе, — иначе и быть не можетъ, а дальше говорилось о президентѣ республики. Поэтому теперь, не предрѣшая вопроса, я говорю вообще о главѣ государства, которымъ можетъ быть или царь, или президентъ. Я далекъ отъ всякой попытки повліять на рѣшеніе представителей Россіи. Тѣмъ болѣе, что на вопросъ республики или монархіи смотрю не какъ на догматъ, а какъ на вопросъ о томъ, что могло бы быть въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ для государства полезнѣй. Но во всякомъ случаю, даже если Учредительное Собраніе рѣшитъ, что Россія должна быть царствомъ, думаю, что царь не долженъ бы имѣть больше власти, чѣмъ президентъ республики и что онъ долженъ бы быть выбранъ палатами лишь пожизненно. Мнѣ тоже не хочется, чтобы президентъ республики, выбранный палатами на 7 лѣтъ, былъ безвластной фигурой, служащей лишь для декораціи. Поэтому мой проектъ даетъ главѣ государства, будь то президентъ или царь, право распускать палаты и сеймы безъ какихъ-либо ограниченій, считая это въ конституціонномъ государствѣ за самое сильное орудіе власти его главы. Такимъ образомъ возможно въ моемъ проектѣ слово президентъ безъ существенныхъ измѣненій замѣнить выраженіемъ глава государства.

Еще во время моего заключенія въ тюрьмѣ, я очень основательно занимался всѣми этими вопросами и тогда меня очень плѣняла мысль объ избираемомъ царѣ изъ рода Романовыхъ, который былъ бы избираемъ тѣмъ же способомъ, какъ президентъ республики. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ лучше всего были-бы примирены и символъ, и трехсотлѣтняя традиція, и принципъ верховной воли народа.

Это было въ первые дни революціи, передъ избіеніемъ царскаго семейства и великихъ князей. Но и позже, чѣмъ больше размышлялъ я объ этомъ по-истинѣ жгучемъ вопросѣ, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ, что теперь, послѣ революціи и всемірной войны, и всѣхъ переворотовъ въ старинныхъ европейскихъ монархіяхъ, едва ли можно желать возстановленія наслѣдственной монархіи. Принципъ наслѣдственности

наивысшей мощи въ государствѣ слишкомъ феодаленъ для нашего времени. Слишкомъ сильно нужно было бы вѣрить въ сверхъестественныя начала монархіи, а это послѣ историческихъ и недавнихъ опытовъ довольно трудно.

Съ другой стороны всемірная война съ ея милліонами людскихъ жертвъ во всѣхъ государствахъ дала волѣ народа совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ это было передъ войной. Трудно себѣ представить, чтобы народъ могъ теперь удовлетвориться однимъ фактомъ рожденія, чтобы слѣпой случай рѣшалъ о томъ, будетъ ли царь хорошъ или плохъ и чтобы народъ не хотѣлъ оказывать вліянія при избраніи своего «хозяина». Теперь надо считаться и въ Россіи съ болѣе развитымъ народнымъ сознаніемъ. Къ тому же рѣшеніе о свободномъ избраніи своего царя и избраніе лица, наиболѣе достойнаго принять имя монарха, было бы, въ случаѣ постановленія учредительнаго собранія о монархіи въ Россіи, наилучшимъ примиреніемъ и монархическаго и современнаго принципа, по которому вся власть исходитъ изъ народа.

Это было бы тоже самымъ лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ самодержавныхъ поползновеній монарха. Наслѣдственнаго монарха воспитываютъ въ традиціи «Помазанника Божія», и иначе быть не можетъ. Такое воспитаніе, получаемое монархомъ, не остается безъ вредныхъ послѣдствій, такъ какъ съ дѣтства будущему государю внушается мысль, что онъ существо высшее надъ всѣмъ народомъ. При избирательной монархіи не было бы «наслѣдственнаго» двора и всего, съ нимъ связаннаго, что часто еще хуже вліяло на дѣла страны, чѣмъ воля монарха. Члены семейства монарха были бы принуждены вести иную жизнь, чѣмъ раньше. Наслѣдственная монархія ихъ прямо толкала къ паразитному существованію. Все имъ доставалось по рожденію: доходы, положеніе, чины; ничто — по заслугамъ. Часто личныя заслуги были имъ даже вредны. Въ избирательной монархіи дѣло обстояло бы иначе. Никто изъ семейства монарха не былъ-бы лишенъ возможности быть избраннымъ, но избраніе это находилось бы въ обязательной зависимости отъ личныхъ заслугъ избираемаго и довѣрія къ нему страны. Интриги въ данномъ случаѣ много не помогли бы. Нельзя получить большинство голосовъ членовъ государственной Думы и государственнаго Совѣта при помощи только одной подпольной работы, разными болѣе или менѣе сомнительными средствами, именно въ нынѣшнія времена, когда вся политическая жизнь протекаетъ при открытыхъ дверяхъ. Все это и было бы тѣмъ важнѣе, еслибы въ Россіи было принято рѣшеніе выбирать царя изъ дома Романовыхъ. Но мнѣ кажется, что царю, избранному волею народа, его представителями въ обѣихъ палатахъ, тоже необходимо было бы дать посвященіе на царство народной церковью. Этого требуетъ психологія народа, еслибы онъ самъ захотѣлъ царя. Вообще слѣдовало бы выборному акту придать торжественный характеръ, какъ то приличествуетъ наивысшему проявленію народной воли. Избраніе не смѣло бы быть публичнымъ. Только послѣ того, какъ обѣ палаты въ общемъ засѣданіи выбрали бы будущаго царя требуемымъ большинствомъ, слѣдовало бы провозгласить имя избраннаго въ торжественномъ, публичномъ, общемъ засѣданіи палатъ. Предсѣдателемъ избирательнаго конгресса долженъ бы быть по очереди предсѣдатель государственной Думы и предсѣдатель государственнаго Совѣта. Жребій рѣшилъ бы о предсѣдателѣ перваго избирательнаго конгресса. При помазаніи на царство предсѣдатель избирательнаго конгресса возложилъ-бы корону на голову избраннаго, а въ руку его вложилъ бы жезлъ предсѣдатель другой палаты. Этимъ было-бы наглядно выражено, что, не смотря на помазаніе, источникъ власти царя въ волѣ народа. Разумѣется, обрядъ помазанія совершался бы только надъ царемъ; царица не короновалась-бы.

Нежелательно, чтобы царь въ настоящія времена былъ бы собственникомъ большихъ латифундій или промышленныхъ предпріятій. Для избѣжанія слишкомъ авто-

кратическихъ поползновенiй царя было-бы хорошо доходъ его сдѣлать зависимымъ отъ рѣшенiя палатъ. «La liste civile» определялась бы всегда на десять лѣтъ закономъ. Противъ возможныхъ попытокъ избраннаго царя измѣнить избирательную монархiю въ наслѣдственную необходимо было бы оградиться такимъ образомъ, чтобы въ присягѣ войскъ и чиновниковъ было настоятельно сказано, что они присягаютъ на вѣрность только избранному палатами монарху и обязаны защищать конституцiю всѣми средствами противъ всякаго посягательства на ея прицины, еслибы даже это сдѣлалъ самъ избранный царь. Разумѣется, что царь долженъ былъ бы тоже передъ коронацiей присягать на вѣрность конституцiи. Въ присягѣ слѣдовало бы дать право каждому бороться всѣми средствами противъ нарушенiя конституцiи и главное противъ всякой насильственной попытки измѣнить избирательную монархiю въ наслѣдственную. Не только президентъ республики, но и царь могъ бы быть преданъ суду за покушенiе на конституцiю.

Въ случаѣ продолжительной болѣзни, дѣлающей царя совершенно неспособнымъ исполнять свои обязанности, мѣсто его занималъ-бы регентъ, выбранный палатами такимъ-же образомъ, какъ царь. Конечно нельзя для выбора новаго царя или президента распускать палаты и назначать новые выборы. Такiя проволочки были бы очень опасными перiодами междувластiя и могли бы дать поводъ къ очень серьезнымъ агитацiямъ.

Я знаю, что мысль объ избираемомъ царѣ есть мысль непривычная, но, можетъ быть, именно она могла бы примирить въ Россiи и тѣхъ, которые послѣ революцiи и большевизма еще глубже, чѣмъ когда либо раньше, вѣрятъ въ неизбѣжность монархiи для Россiи, и тѣхъ, которые даже послѣ ужасовъ послѣднихъ лѣтъ не потеряли вѣры въ народъ и въ его право быть вершителемъ своихъ судебъ.

Въ «Основахъ» не говорится о верховной судебной власти главы государства. Это сдѣлано умышленно, ибо въ этомъ отношенiи была бы существенная разница между президентомъ республики и царемъ. Если Россiя была бы республикой, то рѣшенiя всѣхъ судовъ провозглашались бы во имя Россiйской республики; если царствомъ — во имя царя. Это дѣло конечной редакцiи конституцiи, послѣ того, какъ учредительное собранiе рѣшитъ о формѣ государства.

Что касается законодательныхъ палатъ, то возможно было бы устроить государственный совѣтъ такимъ образомъ, чтобъ $^3/_4$ (три четверти) его членовъ были выбраны областными сеймами, а послѣдняя четверть была составлена слѣдующимъ образомъ: одну ея половину выбирали бы разныя корпорацiи и учрежденiя (университеты, высшiя техническiя училища, академiя наукъ, торговыя палаты, центральныя рабочiя организацiи, земледѣльческiе институты); другую половину назначалъ бы глава государства. Такимъ образомъ была-бы дана возможность участiя въ государственномъ Совѣтѣ также и представителямъ литературы, науки, кромѣ лицъ, выбранныхъ университетами, и вообще выдающимся личностямъ, которыя по выбору не могли бы или даже не хотѣли работать на пользу государства въ учрежденiи, наиболѣе для того пригодномъ. Съ другой стороны, участiе такихъ личностей въ законодательныхъ работахъ подняло бы безъ сомнѣнiя престижъ законодательныхъ учрежденiй въ Россiи и за границей.

Разумѣется, что назначеніе членовъ Совѣта главой государства не было-бы его личнымъ актомъ и должно бы быть скрѣплено подписью государственнаго канцлера во избѣжаніе старорежимныхъ привычекъ дѣлать изъ государственнаго совѣта хранилище болѣе или менѣе неудачныхъ сановниковъ. Это назначеніе не было бы пожизненнымъ, а только на время законодательнаго періода государственнаго Совѣта и продолжалось бы лишь до роспуска палатъ.

Относительно областныхъ сеймовъ я долженъ сказать, что между лицами, занимающимися вопросами будущаго устройства Россіи, преобладаетъ мнѣніе, что депутаты этихъ сеймовъ должны быть выбраны губернскими земствами. Съ этимъ можно было бы согласиться въ томъ случаѣ, еслибы для первоначальныхъ выборовъ въ городскую Думу и въ деревенское Управленіе сохранено было равное, тайное и общее голосованіе. Но во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось бы очень полезнымъ для работы въ областныхъ сеймахъ, еслибы часть ихъ была выбрана экономическими, культурно просвѣтительными и соціальными корпораціями, какъ то: торговыми палатами, земледѣльческими совѣтами, ремесленными корпораціями, рабочими организаціями, университетами и т. п. Конечно нельзя установливать, чтобы назначеніе этихъ представителей разныхъ учрежденій въ областные сеймы дѣлалось главой государства, потому что исключеніе, допущенное для государственнаго Совѣта, не имѣло бы здѣсь никакого оправданія.

Что касается вообще выборовъ въ законодательныя палаты, то излишне увѣрять, что я лично стою за всеобщее, тайное, равное и прямое избирательное право. Мое столь рѣшающее участіе въ парламентской борьбѣ за всеобщее избирательное право въ бывшей Австріи служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что мы пришли къ этому послѣднему слову избирательнаго права лишь послѣ сорокалѣтней парламентской жизни и послѣ ряда постепенныхъ реформъ въ смыслѣ демократизаціи избирательнаго права. Также нельзя забывать, что въ продолженіе сорока лѣтъ была въ Австріи общая школьная повинность; и не смотря на это, общее избирательное право показало, что широкія массы избирателей не всегда находятся на высотѣ своего избирательнаго права. Когда въ 1908 году, въ округѣ мнѣ очень близкомъ, который всегда славился своей культурностью, былъ выбранъ депутатомъ соціалистъ, много мужчинъ и женщинъ пришли дѣлить землю и имущество. Надо имѣть ввиду, что право выбирать членовъ законодательнаго собранія не есть право абстрактное, но очень существенное съ очень опредѣленнымъ и очень важнымъ содержаніемъ, для котораго нужна сознательность тѣхъ, кто правомъ этимъ пользуется. Теперь мы ясно видимъ, куда приводитъ инстинктивный, не совсѣмъ сознательный выборъ широкихъ массъ, такъ много пострадавшихъ и еще страдающихъ отъ послѣдствій войны и какъ злоба, отчаяніе и мечты о новой жизни заглушаютъ въ нихъ часто голосъ холоднаго разсудка. Въ результатѣ всего этого получилась, что я въ «Конституціи Россійскаго Государства» въ ст. 14 выпустилъ изъ традиціонной формулы слово «прямое». Никому въ точности не извѣстно психическое состояніе русской деревни; но можно думать, что едва ли теперь деревня въ партійномъ смыслѣ стала сознательнѣй. Быть можетъ, она возненавидѣла политику. Если еще раньше было совсѣмъ рисковано ожидать отъ неграмотнаго мужика и тѣмъ болѣе отъ его бабы сознательныхъ выборовъ, то едва ли теперь дѣло обстоитъ иначе.

Несмотря на это, я не хотѣлъ бы нарушить принципъ всеобщаго права голосованія. Это фундаментъ новой, свободной Россіи. Но въ какой формѣ воля *всего* народа осуществится, это уже не вопросъ принципа, а возможности настоящаго, сознательнаго выбора. Поэтому я примирился бы съ такого рода рѣшеніемъ, чтобъ деревни и города съ населеніемъ ниже извѣстной цыфры (напр. до 10 000 человѣкъ) выбирали черезъ избирателей. Обыкновенному мужику очень трудно сознательно дать голосъ за кого-нибудь ему лично неизвѣстнаго, или за ту или другую партію. Но онъ охотно выберетъ въ избиратели человѣка, котораго онъ лично знаетъ и образъ мыслей и желанія котораго такіе же, какъ и его. Этимъ избраннымъ было бы гораздо легче объяснить потомъ политическое значеніе выборовъ. Конечно этимъ не исключается политическая работа въ деревнѣ ради вліянія на выборы избирателей, но всё же въ общемъ выборы для мужика ближе и, можно сказать, конкретнѣе, когда онъ выбираетъ своего сосѣда, будь онъ того или другого политическаго направленія, чѣмъ неизвѣстнаго ему депутата. Послѣ введенія общей школьной повинности на новыхъ началахъ, когда воспитаніе всѣхъ жителей деревни уже дастъ свои плоды, тогда можно будетъ по всей новой Россіи ввести прямое избирательное право.

Нельзя также забывать тяжелыя современныя условія, которыя дѣлаютъ почти невозможнымъ составленіе въ короткій срокъ списка избирателей для прямыхъ выборовъ. Но во всякомъ случаѣ я предлагаю тайные выборы, дабы избѣжать какого-либо давленія при выборахъ. Мнѣ кажется, что теперь, послѣ большевистскаго режима это нужнѣе, чѣмъ было когда-либо раньше.

Способъ выборовъ черезъ избирателей могъ бы быть слѣдующій. Для выборовъ въ государственную Думу и областные сеймы каждая деревня или городъ съ населеніемъ ниже 10 000 жителей выбираетъ одного избирателя на 500 жителей. Избиратели выбираютъ депутата въ своихъ уѣздныхъ городахъ. Оставляя прямые выборы для тѣхъ городовъ и деревень, которые имѣютъ больше 10 000 жителей, я не хочу этимъ сказать, чтобы жители деревень были гражданами второго разряда. Но въ густо населенныхъ мѣстахъ отсутствуетъ главный моментъ, который говоритъ за выборы избирателей, т. е. знаніе личностей избирателей, а съ нимъ ихъ политическаго и соціальнаго направленія. Въ большихъ городахъ тоже можно легче объяснить реальное значеніе выбора того или другого лица, — въ деревняхъ при настоящемъ культурномъ уровнѣ мужика нужно больше полагаться на личное знакомство и личное довѣріе его къ тому, кому онъ дастъ право выбирать за себя представителя въ Думу.

. Областные министры отвѣтственны передъ сеймами только за проведеніе законовъ, принятыхъ этими сеймами. Предсѣдатель совѣта областныхъ министровъ — за общую областную политику кабинета. Изъ этого слѣдуетъ, что предсѣдатель долженъ быть также министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ политика областей будетъ, за отсутствіемъ политики иностранной, сосредоточена главнымъ образомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Этимъ также усилится вліяніе государственнаго канцлера на всю внутреннюю политику областей и, такимъ образомъ, лучше всего удержится равномѣрное развитіе всѣхъ областей огромнаго Государства. Если-бы центральное правительство передало по особымъ причинамъ кое-что изъ своей компетенціи областному правительству, то послѣднее за эту дѣятельность отвѣчало бы не передъ областнымъ сеймомъ, а передъ центральнымъ правительствомъ. Я настаиваю на точномъ разграниченіи отвѣтственности каждаго исполнительнаго органа законодательной власти передъ центральными палатами и областными сеймами, потому что это составляетъ, по моему мнѣнію, самую надежную охрану конституціонныхъ порядковъ.

Эту отвѣтственность исполнительныхъ органовъ я тоже хотѣлъ бы сохранить въ предлагаемой мною системѣ земствъ. Между правительствомъ и земствами съ ихъ органами была пропасть, ставшая непроходимой отъ враждебной политики абсолютической бюрократіи противъ гражданскаго самоуправленія. Но и въ странахъ, гдѣ нѣтъ этой острой враждебности, мы видимъ антагонизмъ между бюрократіей и органами самоуправленія, служащій препятствіемъ правильному развитію общественной жизни. Поэтому въ наукѣ и въ политическихъ программахъ говорится о необходимости устраненія такого двоевластія.

Это возможно только тогда, когда граждане не чувствуютъ правительственную власть, какъ нѣчто чужое, враждебное, но какъ свое, потому что видятъ въ государствѣ все то, что дорого имъ самимъ. Граждане такого государства не будутъ имѣть никакого интереса урвать часть власти у правительства и получить ее въ собственныя руки. Наоборотъ, ихъ самымъ важнымъ интересомъ будетъ, чтобы все правленіе сверху до низу, не только въ центрѣ, но также на мѣстахъ, въ губерніяхъ, уѣздахъ было какъ можно лучше, чтобы оно имѣло всю полноту правъ государственной администраціи и въ то же время, чтобы повсюду выборные элементы населенія имѣли право и возможность контроля и критики. При этомъ, каждый органъ правленія, даже въ низшихъ инстанціяхъ, долженъ быть отвѣтственъ не только передъ своимъ начальствомъ въ губерніи или области, но также передъ мѣстнымъ земствомъ, уѣзднымъ или областнымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что лучшимъ исполнительнымъ органомъ будетъ чиновникъ, назначенный областнымъ правительствомъ и ему подчиненный, а не чиновникъ, назначенный мѣстнымъ земствомъ. Земская служба имѣла выдающихся людей, но все-же ихъ служебная карьера земствомъ и заканчивалась, что не вредно и для нихъ самихъ, и для интересовъ общества. Также слишкомъ большая зависимость отъ земства не всегда бываетъ полезна, равно какъ, съ другой стороны, чиновники земства часто имѣютъ больше вліянія на ходъ дѣлъ, чѣмъ земство и управа. Это не исключительно русскій опытъ. Всюду, гдѣ выборные элементы призваны къ исполнительной дѣятельности, какъ напр. у насъ въ Чехіи въ уѣздныхъ управахъ, чиновникъ управы, какъ постоянный и поэтому лучше всѣхъ знающій дѣло, играетъ болѣе рѣшающую роль, чѣмъ это отвѣчаетъ идеѣ самоуправленія въ смыслѣ русскомъ или нашемъ. Эта идея предполагаетъ непосредственную дѣятельность выборныхъ элементовъ, хотя само дѣло отъ преобладанія чиновническаго элемента въ большинствѣ случаевъ ничего не теряетъ, даже часто выигрываетъ.

Какъ всюду, такъ и здѣсь желательно ясное, опредѣленное отношеніе. Несомнѣнно, что роль исполнителей для выборныхъ элементовъ мыслима и полезна лишь въ самыхъ узкихъ рамкахъ мѣстной дѣятельности. На болѣе широкомъ поприщѣ и при болѣе сложной, интенсивной работѣ необходимо дать предпочтеніе чиновнику, обладающему соотвѣтствующими качествами. Ихъ имѣетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ и можетъ имѣть, обыкновенно чиновникъ, отвѣчающій условіямъ принятія на государственную службу, пользующійся, — что очень важно, — авторитетомъ государственной власти и могущій подыматься на всѣ ступени должностей, соотвѣтствующихъ его знаніямъ.

Для удовлетворенія правъ гражданскаго элемента въ самоуправленіи будетъ совершенно достаточно, если земство получитъ право контроля надъ чиновниками, право запросовъ, и право и обязанность высказывать въ мѣстномъ земствѣ мнѣніе населенія о дѣятельности чиновниковъ на мѣстѣ. Здѣсь этотъ контроль можетъ быть дѣйствительнѣе, чѣмъ въ областномъ сеймѣ или въ Думѣ, гдѣ и критика, и правительство могутъ очень легко воспользоваться незнаніемъ дѣла всѣхъ другихъ не мѣстныхъ депутатовъ. Еще по другой причинѣ контроль этотъ дѣйствительнѣй,

чѣмъ въ томъ случаѣ, когда чиновникъ не самостоятельный государственный органъ, а только помощникъ управы. Послѣдняя слишкомъ близка чиновнику, онъ ея органъ, отвѣтственность несетъ не чиновникъ, а членъ управы, т. е. выборный, вліятельный членъ земства. Вслѣдствіи этого контроль не имѣетъ достаточной и необходимой отдаленности, чтобы быть дѣйствительнымъ и безпощаднымъ.

Но я не вижу нужды препятствовать земствамъ въ ихъ по крайней мѣрѣ косвенномъ вліяніи на назначеніе тѣхъ чиновниковъ, которые по своей службѣ приходятъ въ тѣсное соприкосновеніе съ выборными элементами (смѣшанныя комиссіи) и которые не призваны рѣшать самостоятельно вопросовъ управленія.

При этой системѣ исчезнетъ антагонизмъ между государственными и земскими чиновниками. Этотъ антагонизмъ и въ свободномъ государствѣ вредитъ управленію, а въ странахъ, гдѣ населеніе въ оппозиціи противъ правительства, выростаетъ въ непримиримую вражду. Именно въ Россіи, гдѣ въ этомъ антагонизмѣ сосредоточилась борьба свободной Россіи противъ самодержавія и гдѣ эти воспоминанія не могутъ скоро исчезнуть, необходимо замѣнить старую земскую систему новой. Надо не допускать вновь появленія пагубнаго антагонизма между земствомъ и правительствомъ, хотя бы областнымъ и автономнымъ, антагонизма, который неизбѣжно возникъ бы въ силу старыхъ традицій и воспоминаній.

Полное самоуправленіе и съ выборными чиновниками мой проектъ предоставляетъ только городамъ, деревнямъ и волостямъ исключительно для мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Здѣсь все близко, интересы чисто локальные, такъ что заботы о нихъ можно поручить мѣстному самоуправленію. Но и здѣсь нуженъ контроль высшихъ инстанцій въ земствахъ и областяхъ, именно въ вопросахъ финансовыхъ, когда расходы и главное задолженность превышаютъ извѣстную норму. Но этотъ контроль производится также при участіи выборныхъ элементовъ и не представляетъ бюрократической опеки самоуправленія.

Въ заключеніе мнѣ хочется еще предложить для избѣжанія бюрократизаціи мѣстнаго управленія учрежденіе смѣшанныхъ комиссій изъ членовъ земствъ и представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ передъ войной объ этомъ много говорилось. Конечно, такое «коллегіальное» рѣшеніе не допустимо тамъ, гдѣ администрація должна дѣйствовать быстро, безъ проволочекъ, именно въ случаяхъ общественной опасности, въ дѣлахъ военныхъ и т. д., и когда нужно принимать политическую отвѣтственность. Но тамъ, гдѣ возможно обсудить дѣло безъ спѣха, гдѣ требуются спеціальныя знанія мѣстныя или техническія, какъ напр. въ дѣлахъ строительныхъ, въ вопросахъ концессій для разныхъ предпріятій, въ вопросахъ школьныхъ, аграрныхъ, ремесленныхъ, вопросахъ гигіены или гдѣ вопросъ касается индивидуальныхъ правъ, которыя можно защищать въ порядкѣ административной юстиціи, тамъ такія смѣшанныя комиссіи даютъ наилучшую гарантію противъ ошибокъ и односторонностей бюрократизма.

Послѣ этого могу, надѣюсь, сказать, что въ системѣ, мной предложенной, доведенъ до послѣдней возможности принципъ участія выборныхъ элементовъ во всемъ государственномъ управленіи, не только въ видѣ контроля общегосударственныхъ палатъ и областныхъ сеймовъ, но также вездѣ въ губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ, а въ послѣднихъ даже прямымъ участіемъ выборныхъ представителей при рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ государственнаго управленія, гдѣ не требуется немедленное рѣшеніе, за которое власти отвѣчаютъ не только передъ законодательными собраніями, но также въ порядкѣ административнаго суда.

По моему мнѣнію это самый лучшій способъ рѣшенія вопроса объ участіи гражданъ въ государственномъ управленіи. Непосредственная административная дѣятель-

ность выборныхъ гражданскихъ элементовъ потеряла свои преимущества съ того момента, когда и мѣстное управленіе сдѣлалось столь сложнымъ и отвѣтственнымъ, что непремѣнно требуетъ полнаго посвященія всѣхъ силъ такому дѣлу. Это возможно только для чиновника, но не для гражданина. Послѣдній можетъ посвятить общественному дѣлу только часть своего времени и отъ него нельзя требовать спеціальной подготовки, необходимой для исполненія сложныхъ задачъ управленія общаго и мѣстнаго, если оно должно находиться на высотѣ современныхъ требованій. Лишь бы контроль былъ строгій, благоразумный, понимающій дѣло и его будетъ достаточно для охраненія гражданскихъ правъ и свободъ.

Я писалъ проектъ русской конституціи, когда мы всѣ надѣялись, что возрожденіе Россіи, установленіе въ ней порядка очень близки и съ этимъ близка огромная задача дать многострадальной имперіи конституцію, которая принесла бы всѣмъ гражданамъ необъятнаго Государства заруки свободы и порядка и возможность интенсивной работой въ центрѣ и на мѣстахъ возстановить силу и славу отечества. Обстоятельства измѣнились, но моимъ глубокимъ убѣжденіемъ остается, что Россія воскреснетъ и что всѣ задачи ея внутренняго устройства остаются неизмѣнными и жгучими.

Россія возродится! Быть можетъ, позже чѣмъ мы ожидали, но возродится непремѣнно и тѣ, которые должны будутъ дать ей внутреннее устройство, осуществляющее возможность свободно жить и работать на пользу родины всюду, въ каждомъ уголкѣ огромной земли и приносящее нерусскимъ народностямъ полную обезпеченность свободной жизни въ возрожденномъ государствѣ, тѣ должны уже теперь знать, что они предложатъ учредительному собранію, а не потомъ лишь искать путь, по которому должна идти Россія къ новой славѣ и новому могуществу. И я былъ-бы счастливъ, еслибы мнѣ удалось убѣдить всѣхъ, любящихъ Россію, что спасеніе идетъ не сверху, а снизу. Всюду на мѣстахъ должна кипѣть работа, для которой конституція Россіи обязана дать всю свободу и всѣ возможности.

Сверху Россію погубили автократическій бюрократизмъ и большевитское насиліе. Пусть грядущая Россія возродится работой снизу, дружной работой всѣхъ русскихъ и нерусскихъ своихъ гражданъ! Потомъ она станетъ неразрушима, даже еслибы новыя бури сломили ея верхушки. Пусть будетъ каждый русскій человѣкъ строителемъ своего новаго отечества и не найдется больше силы, которая подорвала бы могущество свободной Россіи.

Прага, 25 января 1920 года

Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ Мартѣ 1918 года.*

Ко времени вступленія нѣмецкихъ войскъ на Украину тамъ царилъ полный хаосъ. При занятіи Кіева большевиками значительная часть украинскихъ войскъ заявила о своемъ нейтралитетѣ. И когда оставшіяся вѣрными правительству войска были разбиты, то Рада и министры бѣжали въ Житоміръ. Однако въ Житомірѣ отказались принять Раду и члены ея разъѣхались въ разныя стороны. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыя украинскія части еще держались, но онѣ не поддерживали связей другъ съ другомъ, и можно сказать, что Рада къ моменту подписанія мирнаго договора фактически не имѣла ни власти, ни сторонниковъ въ странѣ.

Внутреннее положеніе Украины болѣе всего напоминаетъ состояніе Мексики послѣ паденія Хузрты. Въ странѣ нѣтъ никакой центральной власти, захватывающей болѣе или менѣе значительную территорію. Вся страна раздѣлена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ областей, ограничивающихся предѣлами уѣзда, города, а иногда даже отдѣльными селами и деревнями. Власть въ такихъ областяхъ принадлежитъ различнымъ партіямъ, а также и отдѣльнымъ политическимъ авантюристамъ, разбойникамъ и диктаторамъ. Можно встрѣтить деревни, опоясанныя окопами и ведущія другъ съ другомъ войну изъ за помѣщичьей земли. Отдѣльные атаманы властвуютъ въ областяхъ, подчиненія которыхъ они добиваются съ помощью своихъ приближенныхъ и наемниковъ. Въ ихъ распоряженіи находятся пулеметы, орудія и бронированные автомобили; какъ и вообще много оружія растаскано населеніемъ.

Нельзя сказать, что большевики опираются лишь на оставшіяся въ Украинѣ русскія войска и на пришедшія изъ Великороссіи банды; они имѣютъ и много сторон-

---

* Авторъ доклада извѣстный нѣмецкій публицистъ Колинъ Россъ служилъ съ осени 1917 года въ военномъ отдѣленіи министерства Иностранныхъ дѣлъ (Militärische Stelle des Auswärtigen Amtes), въ обязанности котораго входило снабженіе иностранной печати свѣдѣніями о ходѣ военныхъ операцій. Въ качествѣ служащаго этого отдѣленія онъ часто посѣщалъ всѣ фронты и наблюдалъ за ходомъ военныхъ операцій изъ передовыхъ линій. При занятіи нѣмцами Украины Колинъ Россъ находился при передовыхъ нѣмецкихъ отрядахъ, съ которыми и вступилъ въ Кіевъ.

Печатаемый докладъ былъ составленъ по просьбѣ начальника операціоннаго отдѣленія восточнаго фронта (Ober-Ost). Послѣ представленія доклада Колинъ Россъ имѣлъ бесѣду съ генераломъ Гофманомъ, который на рядъ указаній относительно необходимости упорядоченія отношеній съ Украиной и ошибокъ, совершенныхъ нѣмецкимъ военнымъ командованіемъ, отвѣтилъ: «Ха! Вся Украина меня интересуетъ только до ближайшаго урожая. А тамъ, пусть съ ней будетъ все, что угодно.»

никовъ на Украинѣ. Всѣ рабочіе настроены большевистски, какъ и значительная часть демобилизованныхъ солдатъ. Трудно установить, каково отношеніе крестьянъ къ большевикамъ. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ побывали большевистскія банды, гдѣ онѣ грабили и реквизировали, крестьяне настроены антибольшевистски. Но въ другихъ мѣстахъ, повидимому, большевистская пропаганда имѣла успѣхъ и среди крестьянъ.

Главный интересъ крестьянъ сосредоточенъ на вопросѣ о надѣленіи землей; они пойдутъ за Радой, если она не откажется отъ распредѣленія помѣщичьей земли между крестьянами. Но если Рада что либо измѣнитъ въ 3-емъ и 4-омъ Универсалѣ, въ которыхъ провозглашается безвозмездное отчужденіе земли въ пользу крестьянъ, то крестьяне пойдутъ за большевиками. И хотя большевики изъ за своего террора во многихъ мѣстахъ очень быстро лишились власти, все же ихъ лозунгъ: «Бери, все твое»,слишкомъ заманчивъ, чтобы снова и снова не оказывать своего соблазнительнаго вліянія на народныя массы.

Украинская самостійность, на которую опирается Рада, имѣетъ въ странѣ чрезвычайно слабые корни. Главнымъ ея защитникомъ является небольшая группа политическихъ идеалистовъ.

Въ народѣ часто можно встрѣтить полное отсутствіе интереса къ національной самобытности. Съ другой стороны и украинцы не являются сплоченной политической группой, но дѣлятся на различныя соціалистическія теченія. Рада, власть которой усиливается со времени прихода нѣмцевъ съ каждымъ днемъ, все же опирается теперь, какъ, по всей вѣроятности, еще долго и въ будущемъ, на нѣмецкіе штыки.

Состоятельные круги населенія, интеллигенція и офицеры относятся пассивно къ смѣнѣ правительствъ. Они пойдутъ со всякимъ правительствомъ, которое не будетъ слишкомъ соціалистическимъ и, хотя бы отчасти, будетъ защищать ихъ интересы.

Евреи были всецѣло на сторонѣ большевиковъ и большинство руководителей большевиковъ — евреи.

Особую роль играютъ многичесленные здѣсь поляки и среди нихъ, прежде всего, представители экспропріированнаго польскаго крупнаго землевладѣнія. Они пытаются завязать сношенія съ нѣмецкими штабами и офицерами и ведутъ травлю противъ Рады.

Среди военныхъ образованій, объявившихъ о своемъ политическомъ нейтралитетѣ, надо упомянуть о самостоятельныхъ воинскихъ частяхъ другихъ народностей, о польскихъ частяхъ и, прежде всего, о чехо-словацкихъ.

Какъ ни велика политическая сумятица въ странѣ, все же усталость отъ войны и революціи и потребность въ покоѣ и порядкѣ во всѣхъ слояхъ населенія чрезвычайно велика. Можно сказать, что всякое правительство, которое будетъ въ извѣстной мѣрѣ опираться на большинство народа и будетъ въ состояніи обезпечить покой и порядокъ, сможетъ укрѣпиться.

Нынѣшнее правительство Рады развиваетъ, опираясь на нѣмецкія войска, чрезвычайную дѣятельность. Но, при различіи, а отчасти, и непримиримости соціальныхъ интересовъ, трудности, которыя ему предстоитъ преодолѣть, въ высшей степени велики. Еще долгое время будетъ длиться ожесточеннѣйшая внутренная борьба. И главная трудность заключается въ томъ, что народъ деморализованъ революціей и большевистской пропагандой и въ корнѣ поколеблены понятія власти и дисциплины.

Украинское войско

Украинское войско—войско наемниковъ; оно состоитъ изъ бывшихъ солдатъ и офицеровъ, безработныхъ и авантюристовъ. Въ основѣ своей оно совершенно демократично. Чиновъ никакихъ нѣтъ, есть только должности командующихъ отдѣльными воинскими единицами. Простые солдаты получаютъ жалованье въ 333 рублей въ мѣсяцъ и, кромѣ того, пропитаніе, квартиру и одежду. Семьи ихъ получаютъ пособіе. Командующій каждой воинской единицы получаетъ на 15% больше непосредственно ему подчиненныхъ. Власть и авторитетъ командующаго чрезвычайно не велики. Денщиковъ или прислуги нѣтъ даже и у высшихъ офицеровъ. Военный министръ самъ себѣ чиститъ сапоги. Характерно, что въ поѣздѣ военнаго министра австрійскіе военноплѣнные исполняютъ обязанности поваровъ.

Численность Украинской арміи приблизительно равна 2000 человѣкъ; армія дѣлится на цѣлый рядъ отрядовъ, отличающихся другъ отъ друга своей формой. Въ ея распоряженіи находится небольшое количество орудій, пулеметовъ и бронированныхъ автомобилей. Боевая ея сила чрезвычайно мала.

Командующимъ всѣми вооруженными силами является военный министръ Жуковскій, начальникъ его штаба—генералъ Ожецкій; оба, повидимому, бывшіе офицеры русскаго Генеральнаго Штаба. Кромѣ нихъ пользуются особой извѣстностью генералы Прессовскій и Петлюра. Послѣдній—авантюристъ, пользующійся большой популярностью.

Смѣна руководителей военнаго и гражданскаго управленія чрезвычайно часта. Насколько согласована работа военныхъ и гражданскихъ властей и насколько она затруднена взаимными интригами, трудно сказать. Повидимому, идетъ ожесточенная, скрытая борьба за власть. При моемъ отъѣздѣ изъ Кіева говорили, что генералъ Петлюра вышелъ въ отставку; возможно, что его большая популярность, ярко проявившаяся во время вступленія украинскихъ войскъ, показалась опасной военному министру.

Самъ Жуковскій производитъ впечатлѣніе энергичнаго человѣка, знающаго, что онъ хочетъ. Въ настоящее время онъ чрезвычайно напряженно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы держать армію въ своихъ рукахъ. Онъ хочетъ постепенно пріучить войска къ дисциплинѣ, и, кромѣ того, по его плану въ ряды арміи должны быть призваны новобранцы за одинъ годъ.

Украинское войско носитъ пока русскую форму, отличительнымъ его знакомъ является голубая или желто-голубая повязка на лѣвой рукѣ. Фантастическимъ не то казацкимъ, не то татарскимъ головнымъ уборомъ въ родѣ длинныхъ цвѣтныхъ колпаковъ и т. п. стараются придать войску національный характеръ и этимъ повліять на моральное состояніе и на національное чувство солдатъ. Вооруженіе крайне разнообразно. По примѣру всѣхъ революціонныхъ войскъ, каждый стремится имѣть на себѣ какъ можно больше оружія.

Военная оцѣнка

И при дальнѣйшихъ военныхъ операціяхъ нельзя разсчитывать на серьезную поддержку со стороны украинскихъ войскъ, но они важны въ качествѣ политической декораціи. Война до сихъ поръ была желѣзно-дорожной войной; и возможна она была только благодаря благожелательному отношенію желѣзнодорожныхъ служащихъ, относившихся нейтрально къ происходившей до сихъ поръ борьбѣ партій; эти служащіе по всюду, куда ни приходили нѣмцы, оказывали имъ помощь и поддержку, и только благодаря ихъ готовности помочь было возможно функціонированіе желѣз-

ныхъ дорогъ. Самымъ важнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшаго веденія войны является общая усталость отъ войны, малая боеспособность большевистскихъ войскъ и почти сказочный страхъ, съ которымъ повсюду встрѣчаютъ извѣстіе о приближеніи «германцевъ». Сохраненіе этого моральнаго престижа является основой дальнѣйшихъ успѣховъ.

До сихъ поръ почти не приходилось наталкиваться на организованное вражеское сопротивленіе. Въ качествѣ наиболѣе дисциплинированныхъ и боеспособныхъ частей проявили себя чехо-словацкі войска. Возможно, однако, что при перерывѣ или замедленіи дальнѣйшаго продвиженія прійдется натолкнуться на болѣе энергичное сопротивленіе; больше всего надо опасаться, что вожди большевистскаго движенія найдутъ время для разрушенія всяческихъ техническихъ сооруженій, а также для увоза или уничтоженія продовольственныхъ запасовъ. По моему личному впечатлѣнію, создавшемуся во время моего передвиженія съ передовыми отрядами въ самыхъ разныхъ мѣстахъ, незначительные воинскіе отряды при поддержкѣ бронированныхъ поѣздовъ или же бронированныхъ автомобилей, сопровождаемыхъ грузовыми автомобилями съ пулеметными командами, — могутъ пройти сотни километровъ вглубь страны и захватить самыя важныя техническія сооруженія, узловыя желѣзнодорожныя станціи, а также продовольственные склады и удержать ихъ до подхода подкрѣпленій. Лично у меня впечатлѣніе, что дѣйствительно организованныя большевистскія силы чрезвычайно не велики; такъ напримѣръ ихъ въ Кіевѣ было отъ 4 до (максимально) 8 тысячъ человѣкъ, но при помощи террора они господствовали въ городѣ въ 600 000 жителей, среди которыхъ было 30 000 офицеровъ.

Экономическое положеніе

Украина производитъ впечатлѣніе страны, не испытывающей ни въ чемъ недостатка. Даже въ явно плохо снабженныхъ городахъ, даже въ Кіевѣ, переживающемъ такія трудности, можно увидѣть въ магазинахъ и гостинницахъ всяческіе жизненные продукты въ неограниченномъ количествѣ. Единственный продуктъ питанія, недостатокъ котораго чувствуется въ городахъ, это—хлѣбъ, такъ какъ крестьяне не везутъ хлѣба въ городъ. Зато мясо можно найти по всюду въ любомъ количествѣ.

По словамъ жителей повсюду въ деревняхъ есть большіе запасы зерна, спрятаннаго и зарытаго въ землю. Трудно сказать насколько это сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но, по моему впечатлѣнію, это — такъ. При моемъ посѣщеніи многихъ деревень, я видѣлъ, что крестьяне чрезвычайно хорошо живутъ, у нихъ очень много мелкаго скота, и они предлагаютъ въ большомъ количествѣ шпикъ, свое національное кушаніе. Вдоль желѣзнодорожной линіи, и прежде всего на узловыхъ станціяхъ, я наталкивался на значительные продовольственные склады.

Но полученіе продовольственныхъ продуктовъ, особенно запасовъ зерна, будетъ связано съ большими трудностями. Крестьянинъ, располагающій значительными запасами зерна и деньгами, не хочетъ ничего продавать. Количество кредитныхъ билетовъ, благодаря неограниченному ихъ печатанію, такъ велико и ихъ цѣнность такъ упала, что обладаніе ими не представляетъ никакого соблазна для крестьянина. Кромѣ того онъ не знаетъ, что и когда онъ сможетъ получить за свои продукты, и поэтому онъ предпочитаетъ держать ихъ спрятанными. Къ тому же играетъ еще большую роль антагонизмъ между городомъ и деревней. При ужасающемъ недостаткѣ подвижного состава крестьянинъ не можетъ купить въ городѣ ничего изъ того, въ чемъ онъ нуждается. И даже при очень высокой цѣнѣ на хлѣбъ трудно будетъ склонить крестьянина продать жизненные припасы въ значительномъ количествѣ. Но онъ

охотно обмѣняетъ ихъ на товары, въ которыхъ онъ испытываетъ острую нужду. Это, въ первую голову, — сельско-хозяйственныя орудія, кожа, посуда, платье и сапоги.

Другимъ основаніемъ для нежеланія продавать хлѣбъ является запрещеніе продажи алкоголя и отмѣна правительственной винной монополіи. Водка, какъ и вообще алкоголь, является на Украинѣ въ высшей степени ходкимъ товаромъ, и въ городахъ ее можно получить лишь за баснословную цѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ крестьяне приготовляютъ изъ зерна водку. А такъ какъ высшая цѣна на зерно не превышаетъ 18 рублей за пудъ, а изъ пуда зерна можно получить 3 бутылки водки цѣнностью въ 90 рублей, то перегонка водки является новымъ основаніемъ для крестьянъ не продавать зерна, какъ продукта питанія.

Рада стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что крестьяне противозаконно захватили большіе запасы продовольствія изъ государственныхъ магазиновъ, служившихъ для снабженія фронта. Она хочетъ съ помощью нѣмецкихъ войскъ оказать давленіе на крестьянъ и принудить ихъ выдать запасы. Иногда при приближеніи нѣмецкихъ войскъ крестьяне выдавали комиссарамъ Рады продовольствіе, лошадей и т. п. Но такіе пріемы, въ случаѣ ихъ длительнаго примѣненія, конечно, вызовутъ сильную ненависть всего крестьянскаго населенія къ нѣмецкимъ войскамъ, и представляется значительно болѣе цѣлесообразнымъ получить продовольственные припасы отъ крестьянъ добромъ.

Что касается дальнѣйшаго снабженія страны и центральныхъ державъ, то всѣ представители крупнаго землевладѣнія указываютъ, что крестьяне обрабатываютъ землю только для собственнаго потребленія и что избытокъ для вывоза можетъ быть полученъ только съ помощью крупнаго землевладѣнія. Часть имѣній были засѣяны осенью и дали хорошіе всходы. Но для дальнѣйшаго веденія хозяйства нѣтъ необходимыхъ средствъ, такъ какъ крестьяне захватили живой инвентарь и орудія. Кромѣ того въ имѣніяхъ никто не хочетъ сѣять, не зная, кто будетъ снимать урожай. Дальнѣйшимъ препятствіемъ для веденія хозяйства въ большихъ имѣніяхъ является и высокая оплата труда.

Эта высокая оплата, а также и трудность, а иногда и невозможность, найти рабочія руки является главнымъ препятствіемъ для экономическаго развитія Украины. Она обусловливается деморализаціей народа и тѣмъ, что онъ отвыкъ отъ всякой работы. Чрезвычайно важнымъ препятствіемъ для налаживанія и въ будущемъ хозяйственныхъ отношеній между Украиной и центральными державами является полное обезцѣненіе денегъ. Финансовое положеніе Украины совершенно хаотично. Въ обращеніи находится громадное количество ничѣмъ не покрытыхъ бумажныхъ денегъ различныхъ правительствъ. И финансовымъ фундаментомъ настоящаго правительства, не располагающаго никакими податями или другими доходами, является выпускъ ни чѣмъ не покрытыхъ кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіи этого цѣнность рубля уменьшилась въ 10 разъ. Вздорожаніе прямо фантастическое. И вмѣстѣ съ тѣмъ каждый до простого чернорабочаго, бродяги или демобилизованнаго солдата располагаетъ громадными денежными суммами, такъ какъ самый пустяковый физическій трудъ, какъ напримѣръ, разгрузка желѣзнодорожнаго вагона, оплачивается отъ 30 до 50 рублей въ день.

Во время вступленія нѣмецкихъ войскъ населеніе оцѣнивало марку въ рубль; и купцы были въ восторгѣ, когда нѣмцы принимали этотъ курсъ. Но затѣмъ военныя власти установили курсъ въ 1 марку 50 пфен. Обезцѣненіе марки этимъ, однако, не закончилось, и въ мартѣ Рада объявила во всѣхъ газетахъ, что по соглашеніи съ нѣмецкими военными властями курсъ рубля установленъ въ 2 марки. Это извѣстіе распространилось невѣроятно скоро, такъ что даже крестьяне въ деревняхъ прини-

мали марку только за 50 коп. Появилась даже тенденція оцѣнивать ее лишь въ 48 коп.

Это быстрое обезцѣненіе марки имѣло прямо чудовищныя послѣдствія. Всякій русскій солдатъ и всякій чернорабочій располагаетъ болѣе значительными средствами, чѣмъ нѣмецкій офицеръ. А нѣмецкій солдатъ не имѣетъ никакой возможности пріобрѣсти себѣ въ деревнѣ столь желанную прибавку къ своему часто скромному пайку. При значительномъ обиліи жизненныхъ припасовъ такое положеніе вызываетъ естественное озлобленіе офицеровъ и солдатъ и можетъ легко привести къ незаконнымъ реквизиціямъ и. т. п. Кромѣ того нѣмецкій офицеръ по отношенію къ русскому, а также по отношенію къ тѣмъ слоямъ населенія, среди которыхъ онъ вращается, находится въ странномъ положеніи, такъ какъ онъ никакъ не можетъ жить съ ними на равной ногѣ, не располагая очень большими средствами.

Въ виду того, что поднять теперь курсъ марки кажется нецѣлесообразнымъ, и во всякомъ случаѣ чрезвычайно труднымъ и это можетъ вызвать большое озлобленіе, то единственнымъ способомъ оздоровить эти уродливыя отношенія заключается въ полномъ прекращеніи притока нѣмецкихъ денегъ на Украину и оплаты арміи по болѣе высокой ставкѣ въ рубляхъ. Эти расходы, какъ и вообще всѣ расходы, связанные съ дальнѣйшими военными операціями должна нести Украина.

Противо-нѣмецкое настроеніе

Отношеніе къ нѣмцамъ пока хорошо. Состоятельные круги населенія, интеллигенція и офицерство встрѣчали нѣмцевъ съ искреннимъ ликованіемъ и привѣтствовали ихъ, какъ освободителей отъ невыносимаго гнета. Это особенно проявилось въ Кіевѣ въ первые дни послѣ прихода. Въ этомъ отношеніи украинцы не отличались отъ великороссовъ и поляковъ. Великорусское населеніе особенно привѣтливо встрѣчало нѣмцевъ. Большевики изливали свою ненависть преимущественно на офицерахъ. Въ Кіевѣ по достовѣрнымъ даннымъ было разстрѣляно, по крайней мѣрѣ, 1000 офицеровъ, а, вѣроятно, и больше.

Также и низшіе слои населенія въ большинствѣ своемъ относятся дружественно или, по крайней мѣрѣ, безразлично къ нѣмцамъ и лишь еле замѣтное меньшинство — враждебно. Какъ опредѣленные враги нѣмцевъ, пока выступаютъ большевистски настроенные рабочіе.

Но уже и теперь есть симптомы, указывающіе, что въ недалекомъ будущемъ это доброжелательное отношеніе къ нѣмцамъ измѣнится. Чѣмъ дольше будетъ пребываніе нѣмцевъ, тѣмъ больше будутъ забываться ужасы большевистскаго террора, и тѣмъ острѣе будутъ ощущаться неудобства оккупаціи. Населеніе пока еще убѣждено, что съ установленіемъ связи съ Германіей оно получаетъ въ неограниченномъ количествѣ товары. Но чѣмъ яснѣе станетъ для него, что объ этомъ не можетъ быть никакой рѣчи, и что оно наоборотъ обречено испытывать такую же нужду въ товарахъ, какъ и центральная Европа, тѣмъ враждебнѣе будетъ отношеніе къ нѣмцамъ.

Конечно, ухудшеніе отношенія вызывается отчасти и поведеніемъ отдѣльныхъ солдатъ и офицеровъ. Реквизиціи встрѣчаютъ съ недовѣріемъ, ибо населеніе не увѣрено въ томъ, что онѣ будутъ оплачены. Имѣли мѣсто и насильственныя реквизиціи безъ выдачи квитанцій, какъ и обращеніе церквей въ конюшню, покрытіе лошадей церковнымъ облаченіемъ и т. п. Въ Кіевѣ уже въ первые дни носились мало отрадные слухи о томъ, что нѣмецкіе офицеры били на улицахъ русскихъ солдатъ и т. п.

Политика, печать, пропаганда

Въ настоящее время каждый нѣмецкій офицеръ и солдатъ на Украинѣ играютъ роль видныхъ политическихъ дѣятелей. Ихъ слова принимаются за офиціальныя заявленія Германской имперіи и народа. Но при этомъ они совершенно не получаютъ опредѣленныхъ директивъ. Можно сказать, что каждый штабъ и каждый офицеръ дѣлаетъ и вынужденъ дѣлать политику на свой манеръ. Куда бы ни пришелъ нѣмецкій отрядъ, хотя бы взводъ пѣхоты или бронированный автомобиль, сейчасъ же командующій офицеръ вступаетъ въ переговоры съ мѣстной Радой и вынужденъ рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ высшей политики. Вслѣдъ за нимъ приходитъ старшій офицеръ, который часто придерживается другихъ взглядовъ, и такія перемѣны происходятъ по нѣсколько разъ, пока дѣло не дойдетъ до штаба.

Нѣмецкіе офицеры часто придерживаются того взгляда, что съ Радой — этой бандой соціалистовъ-революціонеровъ, разумѣется, нельзя поддерживать сношеній, и что, какъ можно скорѣе, должно быть образовано другое правительство. И естественно, что всѣ слои населенія, стремящіеся установить другіе порядки—представители крупнаго землевладѣнія и монархисты—стараются завязать сношенія съ нѣмецкими офицерами и штабами, и склонить ихъ на свою сторону. А такъ какъ противоположныя теченія въ гораздо меньшей степени доступны наблюденію нѣмецкой арміи, то естественно, что общая картина неправильно освѣщается, и легко создается оцѣнка вещей, не соотвѣтствующая дѣйсвтительному положенію.

При этомъ, общее положеніе въ настоящее время чрезвычайно благопріятно для нѣмецкой пропаганды среди населенія. Вся страна уже нѣсколько недѣль отрѣзана отъ внѣшняго міра и лихорадочно жаждетъ извѣстій. Мѣстныя газеты вынуждены ограничиваться свѣдѣніями, почерпаемыми изъ случайно попадающихъ иностранныхъ газетъ. Такъ напримѣръ, послѣднія нѣмецкія газеты, прибывшія въ Кіевъ, были отъ середины Декабря прошлаго года.

Немедленное снабженіе страны извѣстіями изъ нѣмецкихъ источниковъ является крайно необходимымъ; при этомъ кажется цѣлесообразнымъ созданіе большого офиціальнаго учрежденія, работающаго въ первую голову съ помощью нѣмецкой печати и нѣмецкихъ корреспондентовъ.

Далѣе кажется необходимымъ немедленно начать рѣшительную борьбу съ чрезвычайно искусной пропагандой Антанты, которая уже ведется и теперь. Такъ, въ началѣ марта было распространено сообщеніе, что англичане прорвали Дарданеллы и высадили войска въ Одессѣ; это сообщеніе было отпечатано въ газетахъ, и ему всѣ повѣрили.

Заключеніе

Въ заключеніи я хотѣлъ бы сказать слѣдующее: Рада держится только благодаря нѣмецкой оккупаціи. Но ея власть усиливается съ каждымъ днемъ. И можно предполагать, что параллельно съ усиленіемъ власти Рады, ея отношеніе къ нѣмцамъ будетъ становится все враждебнѣе.

Образованіе сѣверо-западнаго Правительства

Незадолго до пріѣзда въ Финляндію генерала Юденича, въ Гельсингфорсѣ образовался подъ пресѣдательствомъ А. Ф. Трепова особый комитетъ по дѣламъ русскихъ въ Финляндіи. Комитетъ былъ организованъ съ разрѣшенія финскаго правительства, которое выдало ему ссуду въ пятьсотъ тысячъ марокъ. Трепову, однако, недолго пришлось оставаться на посту предсѣдателя. Въ началѣ 1919 года въ Финляндію бѣжали изъ Петербурга П. Б. Струве и А. В. Карташевъ. Въ это время въ Выборгѣ былъ созванъ съѣздъ представителей русской промышленности и торговли, послѣ котораго на мѣсто Трепова во главѣ комитета былъ поставленъ Карташевъ, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ т. н. національнаго центра, подпольной организиціи, образовавшейся въ Россіи для борьбы съ большевиками.

Комитетъ тоже состоялъ главнымъ образомъ изъ русскихъ промышленниковъ и фабрикантовъ; изъ другихъ элементовъ въ немъ игралъ видную роль кн. В. М. Волконскій, б. товарищъ пресѣдателя гос. думы и товарищъ министра вн. дѣлъ и гр. Буксгевденъ, б. чиновникъ особыхъ порученій при моск. генералъ губернаторѣ, обвинявшійся въ организаціи убійства депутата Іоллоса и покушенія на убійство гр. Витте. Какъ Комитетъ, такъ и выдѣленный изъ него Совѣтъ промышленности подъ предсѣдательствомъ Ф. Ф. Утемана, хотя по уставамъ своимъ и не долженъ былъ вмѣшиваться въ политику, поставилъ главной своей задачей оказаніе помощи Юденичу, для чего въ гельсингфорскихъ банкахъ и былъ сдѣланъ подъ общимъ поручительствомъ заемъ въ два милліона марокъ. Однако отношенія между комитетомъ и совѣтомъ, съ одной стороны, и Юденичемъ, съ другой, далеко не были свободны отъ треній. Въ самомъ комитетѣ царило несогласіе и онъ дѣлился на двѣ группы, которыя другъ друга обвиняли въ «нѣмецкой оріентаціи», что тогда считалось тяжкимъ преступленіемъ. Каждая изъ этихъ группъ старалась пріобрѣсти вліяніе на Юденича и генералъ склонялся то на ту, то на другую сторону. Ближайшіе совѣтники генерала постоянно мѣнялись; кромѣ того, имѣлись таковые и внѣ названныхъ организацій, къ числу ихъ принадлежалъ на первомъ мѣстѣ англичанинъ Личъ, тоже оказывавшій Юденичу помощь. Впослѣдствіи, когда Юденичъ началъ свое наступленіе на Петербургъ и, казалось, вотъ-вотъ возьметъ столицу, Личъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ извѣстнымъ банкиромъ Рубинштейномъ въ Финляндію, получилъ отъ генерала неосуществившуюся концессію на устройство эмиссіонаго банка въ Петербургѣ съ устраненіемъ всѣхъ русскихъ банковъ. Укрывшіеся въ Финляндіи представители т. н. общественнаго элемента, стоявшіе внѣ комитета и совѣта, недовольные такимъ положеніемъ дѣлъ, образовали подъ предсѣдательствомъ Е. И. Кедрина группу, которая всячески стремилась добиться, чтобы при Юденичѣ было образовано какое нибудь совѣщаніе изъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, которое бы опредѣлило направленіе его дѣятельности. Генералъ шелъ на это неохотно и медленно, но все же уступалъ. Однако

первое совѣщаніе, имъ образованное по своему выбору, не состоялось. Совѣтъ промышленности запротестовалъ, требуя, чтобы представители промышленности были избраны самимъ совѣтомъ, а другіе члены совѣщанія были назначены по соглашенію съ нимъ. Тогда названная группа приступила къ выработкѣ положенія о совѣщаніи и представила проектъ Юденичу, причемъ предполагалось, что совѣщаніе будетъ находиться «въ контактѣ» съ группой. Генералъ проектъ одобрилъ и назначилъ пять лицъ (Ліанозова, Кузьмина-Караваева, Суворова, Карташева и Кондырева) членами «Политическаго Совѣщанія». Совѣщаніе это быстро эмансипировалось отъ всякой связи съ группой, а съ другой стороны не наладило отношеній и къ Комитету и Совѣту, напротивъ, послужило новымъ источникомъ взаимныхъ недоразумѣній и счетовъ.

Совѣщаніе продолжало начатые уже Юденичемъ переговоры съ финскимъ правительствомъ объ оказаніи военной помощи въ борьбѣ съ большевиками, но вслѣдствіи внутреннихъ политическихъ осложненій переговоры подвигались очень туго. Финляндіи предстоялъ непосредственно выборъ президента, причемъ наиболѣе серьезнымъ кандидатомъ былъ естественно Маннергеймъ, который однако имѣлъ много противниковъ. Маннергеймъ, полагавшій, что походъ противъ большевиковъ укрѣпитъ его положеніе, стоялъ за интервенцію и на этой же точкѣ зрѣнія стояли всѣ его сторонники. Напротивъ, его противники, уже какъ таковые, были противъ интервенціи, опасаясь, что она сдѣлаетъ неизбѣжнымъ избраніе Маннергейма президентомъ. Когда послѣ острой борьбы президентомъ былъ избранъ Стольбергъ, переговоры съ финскимъ правительствомъ постепенно сошли на нѣтъ и вниманіе Совѣщанія перенеслось въ сторону Эстоніи, куда члены его и стали ѣздить для переговоровъ съ эстонскимъ правительствомъ и для выясненія на мѣстѣ обстановки, въ которой организовались русскіе отряды.

Къ этому времени въ Финляндію и Эстонію прибыла англійская военная миссія подъ начальствомъ генераловъ Гофа и Марша, назначеніе которой, какъ потомъ утверждали изъ англійскихъ источниковъ, было состоять при Юденичѣ, но фактически они считали себя распорядителями.

Но и внутри себя политическое совѣщаніе было несвободно отъ серьезныхъ недоразумѣній и нѣкоторые члены его тщетно добивались отъ Юденича опубликованія какой нибудь опредѣленной программы дѣйствій, которая была тѣмъ болѣе необходима, что поведеніе начальниковъ отрядовъ въ Эстоніи не способно было внушить довѣріе къ ихъ настроеніямъ и цѣлямъ. Въ то время, какъ Политическое Совѣщаніе, опираясь на помощь англійской миссіи, развивало свою дѣятельность, генералъ Маршъ за спиной его съ необычайной скоропалительностью подготовилъ образованіе сѣверозападнаго правительства. О томъ, какъ образованіе этого правительства, завершившееся полнымъ пораженіемъ Юденича, произошло, разсказали впослѣдствіи въ своемъ докладѣ Карташевъ, Кузьминъ-Караваевъ и Суворовъ. Изъ этого доклада мы и заимствуемъ его чисто фактическую часть и приложенные къ нему документы. Послѣдній изъ печатаемыхъ документовъ, рисующій отношенія генераля Гофа къ Юденичу, къ упомянутому докладу не приложенъ и доставленъ намъ непосредственно.

Образованіе сѣверозападнаго правительства, сочетавшееся съ признаніемъ независимости Эстоніи, привело, какъ извѣстно, къ недоразумѣніямъ между Англіей и Франціей. Гофъ и Маршъ были отозваны, руководительство операціями на сѣверозападномъ фронтѣ было передано Франціи, которая рѣшила послать генерала Манжена; но тотъ отказался. Тогда оно было поручено генералу Нисселю, который однако до Ревеля и Гельсингфорса не доѣхалъ, отдавъ всѣ свои заботы ликвидаціи бермонтовскаго инцидента. Наступленіе Юденича потерпѣло полное крушеніе.

Изъ доклада Карташева, Кузьмина-Караваевъ и Суворова

I

Съ 31 іюля по 7-ое августа всѣ члены Политическаго Совѣщанія, кромѣ члена совѣщанія по должности, — начальника штаба Главнокомандующаго, были въ Ревелѣ, откуда В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. В. Карташевъ и М. Н. Суворовъ на 3-е августа выѣзжали въ Нарву. С. Г. Ліанозовъ былъ занятъ въ Ревелѣ дѣлами ввѣренныхъ ему Отдѣловъ и въ Нарву не ѣздилъ. Равнымъ образомъ, С. Г. Ліанозовъ, въ виду неотложной дѣловой работы въ Ревелѣ, и 7-го августа не вернулся въ Гельсингфорсъ.

8 и 9 августа мы имѣли чрезвычайно тревожныя телефонныя сообщенія отъ С. Г. Ліанозова изъ Ревеля, говорившаго намъ, что въ отношеніяхъ съ эстонцами внезапно произошелъ грозящій разрывомъ рѣзкій поворотъ и требовавшаго немедленнаго нашего пріѣзда въ Ревель. Безотлагательно же нами были начаты хлопоты по полученію визъ, и 10-го августа мы выѣхали на пароходѣ въ Ревель. Передъ отъѣздомъ нами были получены свѣдѣнія, что нашего пріѣзда ожидаетъ генералъ Маршъ.

На пароходной пристани въ Ревелѣ А. В. Карташева и М. Н. Суворова встрѣтилъ англійскій офицеръ, который доложилъ, что онъ присланъ генераломъ Маршемъ и имѣетъ порученіе просить немедленно, вмѣстѣ съ нимъ, ѣхать на автомобилѣ въ англійское консульство. В. Д. Кузьмину-Караваеву встрѣчавшій насъ также на пристани полковникъ Б. П. Поляковъ объяснилъ, что приглашеніе къ нему не обращено, вѣроятно, исключительно вслѣдствіе того, что его пріѣзда не ожидали. А потому В. Д. Кузьминъ-Караваевъ тоже отправился въ консульство, гдѣ и ему было сообщено, что генералъ Маршъ проситъ его принять участіе въ созванномъ совѣщаніи.

Въ залѣ консульства, когда мы вошли, были генералъ Маршъ съ чинами англійской миссіи, а равно представители миссій американской и французской. Изъ русскихъ здѣсь же находились: полковникъ К. А. Крузенштернъ, К. А. Александровъ, М. С. Маргуліесъ, М. М. Филиппео, С. Г. Ліанозовъ и два лично намъ неизвѣстныхъ, какъ потомъ оказалось, гг. Горнъ и Ивановъ. Кромѣ того въ залѣ были: корреспондентъ газеты «Times» г. Поллокъ и секретарь отдѣла внѣшнихъ сношеній штаба Сѣверо-Западной арміи ротмистръ Барщъ.

Генералъ Маршъ предложилъ всѣмъ сѣсть и обратился къ собраннымъ имъ русскимъ съ рѣчью на русскомъ языкѣ, сущность которой сводится къ слѣдующему. Положеніе сѣверо-западной арміи катастрофическое. Безъ совмѣстныхъ дѣйствій съ эстонцами продолжать операцію на Петроградъ невозможно. Эстонцы требуютъ, для совмѣстныхъ дѣйствій, предварительнаго признанія независимости Эстоніи, ибо они должны дать ясный лозунгъ своимъ войскамъ, во имя котораго солдаты будутъ проливать кровь. У русскихъ нѣтъ организованной авторитетной власти, съ которой эстонцы могутъ заключить договоръ на почвѣ признанія независимости Эстоніи. Русскіе сами ни на чемъ между собой сговориться не могутъ. Русскіе только говорятъ и спорятъ. Довольно словъ — нужно дѣло. «Я васъ пригласилъ, продолжалъ далѣе ген. Маршъ, и вижу передъ собой самыхъ выдающихся русскихъ людей, собранныхъ безъ различія партій и политическихъ воззрѣній». Затѣмъ ген. Маршъ предложилъ намъ, русскимъ, немедленно, не выходя изъ комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить договоръ съ эстонскимъ правительствомъ. Текстъ договора онъ тутъ же огласилъ. Если, прибавилъ ген. Маршъ въ заключеніе, правительство не будетъ къ 7 часамъ образовано, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ же прекращена. Его буквальныя слова: «Мы васъ будемъ бросать.» Ген. Маршъ передалъ М. Г. Суворову текстъ предложеннаго къ заключенію съ эстонцами соглашенія и списокъ лицъ, которыхъ онъ пред-

лагаетъ включить въ составъ правительства Сѣверо-Западной Области (прилож. № 1 и № 2), и вмѣстѣ съ представителями англійской, французской и американской миссій удалился, заявивъ, что вернется за отвѣтомъ въ 7 часовъ. Въ это время было 6 час. 20 мин.

Объ отказѣ исполнить требованіе генерала Марша, предъявленное въ столь ультимативной формѣ и къ тому же совершенно для насъ неожиданно, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Намъ слишкомъ хорошо было извѣстно, до какой степени разстройства дошло положеніе дѣла, какъ на фронтѣ, т. е. въ войскахъ, такъ равно и въ тылу, т. е. въ занятыхъ мѣстностяхъ — главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что помощь вооруженіемъ, снаряженіемъ и обмундированіемъ, категорически обѣщанная союзниками еще въ іюнѣ, запоздала прибытіемъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. И для насъ слишкомъ ясно рисовались неустранимыя послѣдствія приведенія въ исполненіе угрозы, объявленной ген. Маршемъ: гибель надежды освободить Петроградъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда только что прибыли изъ Англіи два парохода съ танками, снарядами, ружьями и пушками, съ сапогами и съ обмундированіемъ на десять тысячъ человѣкъ и когда со дня на день ожидалось прибытіе еще двухъ пароходовъ, и полный окончательный развалъ неодѣтой, необутой и неполучавшей два мѣсяца жалованья арміи.

При такихъ условіяхъ, единогласный отвѣтъ генералу Маршу былъ готовъ даже раньше назначеннаго имъ срока. По уполномочію приглашенныхъ ген. Маршемъ лицъ, отвѣтъ былъ формулированъ ему, снова въ присутствіи представителей союзныхъ миссій, М. Н. Суворовымъ. М. Н. Суворовъ сказалъ, что приглашенныя ген. Маршемъ лица принимаютъ на себя обязательство въ кратчайшій срокъ образовать правительственную власть и, впредь до ея образованія, берутъ на свою отвѣтственность общее руководство русскимъ дѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ сохранить за ними право смотрѣть на переданный списокъ министровъ, какъ на списокъ предположительный и въ отношеніи состава, и въ отношеніи распредѣленія портфелей, а равно право извѣстить о происшедшемъ главнокомандующаго, генерала Юденича, и до его пріѣзда не принимать окончательнаго рѣшенія о конструкціи правительственной власти и о составѣ членовъ правительства.

Ген. Маршъ согласился съ нашимъ отвѣтомъ, но сказалъ, что ему, во всякомъ случаѣ, необходимы три лица, немедленно снабженныя полномочіями для подписанія предложеннаго имъ текста соглашенія съ представителями эстонскаго правительства, которые приглашены и сейчасъ прибудутъ. Съ своей стороны, ген. Маршъ предложилъ дать эти полномочія первымъ тремъ лицамъ по переданному имъ списку: С. Г. Ліанозову, М. Н. Суворову и К. А. Крузенштерну. Отъ насъ, русскихъ, это не встрѣтило возраженій, но нами было подчеркнуто, что мы уполномачиваемъ названныхъ лицъ на данное опредѣленное дѣйствіе, т. е. на подписаніе соглашенія, не предрѣшая вопроса о нихъ, какъ министрахъ уже образованнаго правительства. Далѣе, ген. Маршъ подвергъ свое предложеніе голосованію поднятіемъ рукъ, и оно было единогласно принято.

Представители эстонскаго правительства дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, прибыли, но подписаніе соглашенія не состоялось, такъ какъ они заявили, что не имѣютъ на то полномочій отъ Государственнаго Совѣта, засѣданіе коего будетъ лишь утромъ на слѣдующій день. Генералъ Маршъ отложилъ подписаніе соглашенія до 6 часовъ вечера 11 августа.

Въ теченіе вечера 10 августа, а равно днемъ 11 августа мы собирались въ составѣ лицъ, которыя были приглашены ген. Маршемъ. На этихъ собраніяхъ было принято рѣшеніе извѣстить генерала Юденича и просить, какъ главнокомандующаго, такъ и старшихъ военныхъ начальниковъ, пріѣхать въ Ревель. Далѣе былъ подвергнутъ

обсужденію текстъ предложеннаго ген. Маршемъ соглашенія съ эстонскимъ правительствомъ и обсуждался вопросъ о конструкціи правительственной власти на основѣ требованія ген. Марша. Текстъ соглашенія былъ нѣсколько видоизмѣненъ, главнымъ образомъ, въ смыслѣ его грамматическаго упорядоченія и устраненія возможности его толкованія, какъ обѣщанія эстонскаго правительства учредить въ Петроградѣ демократическое русское правительство. При обсужденіи вопроса о конструкціи правительственной власти обнаружилось коренное различие мнѣній. Но большинство, впрочемъ, видимо склонялось къ системѣ конструкціи правительства «при главнокомандующемъ».

До назначеннаго ген. Маршемъ, для подписанія соглашенія, на 11-ое августа срока генералъ Юденичъ не имѣлъ возможности пріѣхать. М. Н. Суворовымъ, по его порученію, было получено по прямому проводу сообщеніе, въ которомъ ген. Юденичъ извѣщалъ, что, вслѣдствіе порчи пути, можетъ пріѣхать лишь ночью и, какъ глава русскаго дѣла въ раіонѣ Сѣверо-Западной арміи, просилъ передать генералу Маршу, что онъ требуетъ, чтобы до его пріѣзда, задержаннаго случайнымъ обстоятельствомъ, не было принимаемо никакого окончательнаго рѣшенія.

11 августа, въ назначенный часъ, мы собрались въ англійскомъ консульствѣ, кромѣ А. В. Карташева, который, въ виду принятаго имъ рѣшенія не входить въ составъ правительства, отъ прибытія къ ген. Маршу уклонился. Постепенно прибывали представители миссій.

Ген. Маршъ, не открывая засѣданія, предложилъ всѣмъ иностранцамъ перейти въ сосѣднюю комнату, куда затѣмъ пригласилъ вмѣстѣ съ собою С. Г. Ліанозова. Тамъ, въ этой комнатѣ, С. Г. Ліанозову было предложено, не читая, подписать «Заявленіе эстонскому правительству и представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Великобритании въ Ревелѣ», подъ тестомъ коего было напечатано: «Премьеръ-Министръ, Министръ финансовъ» и далѣе шелъ перечень шестнадцати министровъ, а внизу значилось: «Вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ. Генералъ, Главнокомандующій Сѣверо-Западной русской арміей.» И когда С. Г. Ліанозовъ подписать «Заявленіе», не читая, отказался, ген. Маршъ сказалъ, что русскіе все только говорятъ и спорятъ, а потому онъ желалъ получить, какъ первую, подпись С. Г. Ліанозова, послѣ чего имѣлъ въ виду вызывать въ ту же комнату по одному для подписи «Заявленія» и всѣхъ другихъ приглашенныхъ имъ лицъ. На замѣчаніе, что для дѣйствительности «Заявленія», повидимому, считается необходимой и подпись генерала Юденича, котораго въ данную минуту нѣтъ въ Ревелѣ и который можетъ своей подписи не дать, — ген. Маршъ сказалъ, что на случай, если ген. Юденичъ «Заявленія» не подпишетъ, «у насъ готовъ другой главнокомандующій».

Тѣмъ не менѣе, С. Г. Ліанозовъ настоялъ на томъ, что раньше, чѣмъ подписать «Заявленіе», онъ обязанъ не только его прочесть, но и ознакомить съ его содержаніемъ насъ, ожидавшихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Первое же наше бѣглое ознакомленіе съ текстомъ «Заявленія» (прилож. № 3) привело къ единодушному заключенію, что текстъ имѣетъ такіе дефекты, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны изложенія, что даже при наличности оговорки о вынужденности его принятія онъ уважающими свои имена людьми не можетъ быть ни подписанъ, ни тѣмъ болѣе врученъ эстонскому правительству и представителямъ миссій. И съ этимъ, послѣ переговоровъ, которые опять въ нашемъ отсутствіи велъ С. Г. Ліанозовъ, ген. Маршъ согласился. Но онъ, всетаки, потребовалъ чтобы «Заявленіе» было безотлагательно подписано. Онъ сдѣлалъ лишь слѣдующую уступку: вычеркнулъ слова «и временно во Псковѣ», т. е. исключилъ указаніе на созывъ временнаго Учредительнаго Собранія во Псковѣ, и въ заголовкѣ назвалъ заявленіе

«предварительнымъ», съ оговоркою обязанности подписавшихъ представить не позже слѣдующаго дня другой, имп выработанный, текстъ. Прп этомъ ген. Маршъ сказалъ С. Г. Ліанозову: «Это никуда не пойдетъ, будетъ у насъ въ карманѣ».

«Предварительное» заявленіе подписали «министры»: С. Г. Ліанозовъ, М. С. Маргуліесъ, К. А. Александровъ, М. М. Филиппео, г. Ивановъ и г. Горнъ. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ мотивировалъ отказъ дать свою подпись тѣмъ, что онъ министромъ себя не считаетъ и министромъ не будетъ, о чемъ еще утромъ заявлялъ С. Г. Ліанозову. М. Н. Суворовъ — тѣмъ, что онъ, какъ военный генералъ, принимать званіе военнаго министра безъ разрѣшенія Главнокомандующаго, а тѣмъ болѣе даже безъ его вѣдома, не имѣетъ права.

Послѣ подписанія «Заявленія» ген. Маршъ вышелъ къ собравшимся и привѣтствовалъ образовавшееся правительство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Маршъ принесъ извиненіе за тѣ формы, въ которыхъ дѣйствовалъ, сославшись на то, что, какъ солдатъ, онъ привыкъ дѣйствовать рѣшительно, не заботясь о формахъ. На предложенные ему затѣмъ вопросы, ген. Маршъ сказалъ, что телеграмму ген. Юденича онъ прочелъ. «Эта телеграмма, — заявилъ онъ, — слишкомъ автократична, она пришлась намъ не по вкусу».

II

Еще 7-го іюня мы имѣли продолжительную бесѣду въ Ревелѣ съ представителями эстонскаго правительства. И, резюмируя эту бесѣду, эстонскій премьеръ-министръ г. Штрандманъ, оговорившись, что не считаетъ себя дипломатомъ и будетъ формулировать свою точку зрѣнія съ полной откровенностью, сказалъ: «Мы оцѣниваемъ положеніе и понимаемъ, что вы, русскіе, во что бы то ни стало нуждаетесь въ нашей военной помощи. И мы не исполнили бы нашего долга передъ своей родиной, еслибы не стремились всѣми мѣрами использовать исключительно для насъ благопріятную минуту, дабы формально закрѣпить за Эстоніей фактически ей принадлежащую государственную самостоятельность и независимость.» На это мы могли только отвѣтить, что вполнѣ понимаемъ такую постановку вопроса со стороны эстонскаго правительства, но съ своей стороны, каково бы ни было наше личное отношеніе къ признанію независимости Эстоніи, исхода изъ положенія, при подобной постановкѣ вопроса, не видимъ.

А потому мы предложили представителямъ эстонскаго правительства ограничиться заключеніемъ договора военно-техническаго характера съ командиромъ сѣвернаго корпуса. Такого рода договоръ существовалъ и ранѣе.

Наше предложеніе было принято. И съ того момента переговоры, на предметъ заключенія военно-техническаго соглашенія, хотя шли медленно, но не прерывались. Сѣверо-Западная армія безпрепятственно пользовалась эстонскими желѣзными дорогами и, въ мѣрѣ возможности для Эстоніи, получала помощь вооруженіемъ и даже деньгами. Еще 4 августа, генералъ Лайдонеръ, при разговорѣ съ членомъ Политическаго Совѣщанія С. Г. Ліанозовымъ, завѣдывавшимъ отдѣломъ финансовъ, въ виду критическаго денежнаго положенія, выразилъ согласіе немедленно выплатить жалованье чинамъ арміи по тѣмъ нормамъ числа чиновъ и окладовъ, которые были опредѣлены въ прежнемъ соглашеніи.

Вмѣшательство генерала Марша вернуло вопросъ въ ту плоскость, въ которой онъ находился ранѣе. Тотъ текстъ, который 10 августа былъ предложенъ генераломъ Маршемъ приглашеннымъ имъ русскимъ, для подписанія «не выходя изъ комнаты», былъ составленъ въ формѣ двухсторонняго обязательства. Онъ заключалъ въ себѣ съ русской стороны признаніе абсолютной независимости Эстоніи, со стороны эстонской — обѣщаніе оказать немедленную поддержку вооруженной силой.

На слѣдующій день, 11 августа, министрамъ демократическаго правительства Сѣверо-Западной Области Россіи было предложено для подписи уже одностороннее обязательство, которое, безъ всякихъ гарантій для русскаго дѣла, заключало въ себѣ признаніе абсолютной независимости Эстоніи, просьбу, обращенную къ представителямъ союзныхъ державъ, добиться отъ своихъ правительствъ признанія эстонской независимости, признаніе генерала Юденича Главнокомандующимъ, и просьбу, обращенную къ ген. Юденичу, начать переговоры съ Главнокомандующимъ эстонской арміей.

Ген. Юденичъ пріѣхалъ въ ночь на 12-ое августа. Оказалось, что 7 августа въ Нарвѣ былъ ген. Гофъ, съ которымъ ген. Юденичъ велъ продолжительную бесѣду и съ вѣдома котораго ген. Юденичъ составилъ письмо на имя главнокомандующаго эстонскими войсками ген. Лайдонера. Въ этомъ письмѣ ген. Юденичъ заявлялъ, что онъ, какъ глава русской власти въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта, признаетъ независимость Эстоніи подъ условіемъ безотлагательнаго участія эстонскихъ войскъ въ развитіи операцій на Петроградъ, и далѣе излагалъ подробности военно-техническаго соглашенія. Письмо имъ было вручено генералу Гофу. При этомъ, въ довѣрительномъ разговорѣ съ ген. Гофомъ, ген. Юденичъ не скрылъ, что смотритъ на свое признаніе независимости Эстоніи, какъ на вынужденное, и въ откровенныхъ выраженіяхъ квалифицировалъ настойчивыя требованія эстонцевъ, чтобы онъ, генералъ Юденичъ, призналъ эстонскую независимость.

Генералъ Гофъ, передавая письмо ген. Юденича, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ отъ своего имени меморандумъ, и въ меморандумѣ повторилъ тѣ выраженія, которыя довѣрительно слышалъ отъ ген. Юденича. Всѣхъ подробностей своего разговора съ ген. Гофомъ, ген. Юденичъ намъ не передавалъ. Но у насъ осталось впечатлѣніе, что письмо ген. Лайдонеру было прямымъ результатомъ этого разговора. Далѣе отъ ген. Юденича мы узнали, что въ русскихъ войскахъ и собственно на русскомъ фронтѣ въ послѣдніе дни ничего особенно тревожнаго не произошло, а что въ двухъ эстонскихъ полкахъ были волненія, съ признаками роста большевистскаго настроенія.

Что касается отношенія Верховнаго Правителя Колчака, то онъ еще 14 іюня изъ Омска телеграфировалъ генералу Юденичу: «Верховная власть Россійскаго Правительства, возглавляемая Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, въ губерніяхъ, освобождаемыхъ ввѣренными Вамъ войсками, осуществляется Вами именемъ Верховнаго Правителя. Поэтому никакого новаго правительства на ввѣренной Вамъ территоріи допускать не слѣдуетъ.»

На телеграмму «правительства г. Ліанозова», генераломъ Юденичемъ была получена телеграмма изъ Омска отъ 28 августа, начинающаяся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Освѣдомившись о перемѣнѣ управленія Сѣверо-Западной Области, Верховный Правитель повелѣлъ передать, что Вамъ будетъ оказано всемѣрное содѣйствіе для успѣшнаго завершенія борьбы съ большевизмомъ въ Петроградскомъ раіонѣ». И далѣе опять дважды подчеркивается, что адмиралъ Колчакъ попрежнему продолжаетъ считать высшимъ представителемъ мѣстной русской власти — и военной, и гражданской — лично генерала Юденича.

Приложеніе № 1

Текстъ договора, предложеннаго генераломъ Маршемъ 10-го августа 1919 года въ Ревелѣ, для немедленнаго подписанія отъ лица Россіи и Эстоніи.

1. Правительство Русской Сѣверо-Западной Области, включая прежнихъ губерній: Петроградской, Псковской и Новгородской, признало абсолютную независимость Эстоніи.

2. Эстонское Правительство обѣщаетъ оказать немедленную поддержку Русской Сѣверо-Западной Области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи отъ большевистскаго ига, и установить въ Петроградѣ демократическое правительство, которое будетъ уважать человѣческія права, какъ-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3. Военное командованіе союзными силами объединено въ рукахъ генерала Юденича и генерала Лайдонера, черезъ коихъ Союзная Военная Миссія снабжала и продолжаетъ снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутыхъ цѣлей.

Приложеніе № 2

Переводъ съ англійскаго

Составъ правительства Русской Сѣверо-Западной Области, предложенный генераломъ Маршемъ 10 августа 1919 года въ Ревелѣ приглашеннымъ имъ русскимъ гражданамъ.

1. Премьеръ-министръ и министръ финансовъ	Ліанозовъ.
2. Военный министръ	Суворовъ.
3. Министръ иностранныхъ дѣлъ	Крузенштернъ.
4. Министръ культа	Карташевъ.
5. Министръ внутреннихъ дѣлъ	Александровъ.
6. Министръ торговли, народнаго здравія и снабженія	Маргуліесъ.
7. Министръ юстиціи	Сенаторъ Ивановъ.
8. Морской министръ	Пилкинъ.
9. Министръ продовольствія	Эйшинскій.
10. Государственный контроль	Горнъ.
11. Министръ просвѣщенія	Эрнъ.
12. Министръ земледѣлія	Богдановъ.
13. Министръ почтъ и телеграфа	Филиппео.
14. Министръ переустройства фабрикъ	Бутлеровъ.
15. Министръ народнаго благосостоянія	Кондыревъ.
16. Министръ безъ портфеля	Ивановъ.

Приложеніе № 3

Текстъ «Заявленія», предложенный генераломъ Маршемъ для немедленной подписи 11 августа въ Ревелѣ.

Заявленіе

Эстонскому Правительству и Представителямъ Соединенныхъ Штатовъ Франціи и Велико-Британіи въ Ревелѣ.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое Правительство для Сѣверо-Западной Области Россіи, единственно съ которымъ Эстонское Правительство согласно вести переговоры съ цѣлью способствовать русской дѣйствующей арміи освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губерніи отъ большевистской тираніи, учредить въ Петроградѣ и временно во Псковѣ Учредительное Собраніе, которое либо подтвердитъ, либо измѣнитъ, какъ можно выразиться на юридическомъ языкѣ, наши соотвѣтствующія назначенія, какъ министры, каковыя мы принуждены (въ подлинникѣ напечатано: «принужденмъ») обстоятельствами, независящими отъ нашей воли принять на себя, мы, нижеподписавшіеся, симъ заявляемъ, что Прави-

тельство Сѣверо-Западной Россіи сформировано, какъ указано ниже. Какъ первый актъ въ интересахъ нашей страны, мы симъ признаемъ абсолютную независимость Эстоніи и просимъ Представителей Соединенныхъ Штатовъ Америки, Франціи и Велико-Британіи добиться отъ своихъ Правительствъ признанія абсолютной независимости Эстоніи. Какъ нашъ второй актъ, мы признаемъ Генерала Юденича Главнокомандующимъ Сѣверо-Западной русской арміи и просимъ его начать немедленно переговоры съ Главнокомандующимъ Эстонской Арміей относительно военныхъ деталей, обезпечивающихъ дѣйствительную помощь эстонскихъ войскъ.

Премьеръ-министръ
Министръ финансовъ
Военный министръ
Министръ Иностранныхъ дѣлъ
Министръ Культа
Министръ Внутреннихъ дѣлъ
Министръ Торговли, Народнаго здравія и Снабженія
Министръ Юстиціи
Морской Министръ
Министръ Продовольствія
Государственный контроль
Министръ Просвѣщенія
Министръ Земледѣлія
Министръ Почтъ и Телеграфа
Министръ переустройства фабрикъ
Министръ народнаго благосостоянія
Министръ безъ портфеля

.... августа 1919 г.

Ревель

Вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ

.... августа 1919 г.

Ревель

Генералъ

Главнокомандующій Сѣверо-Западной русской Арміей

Послѣ переговоровъ ген. Марша съ С. Г. Ліанозовымъ, въ текстъ были внесены слѣдующія измѣненія: въ заголовкѣ передъ словомъ «Заявленіе» было поставлено слово «Предварительное» и въ концѣ заголовка: «съ обязанностью представить завтра окончательный текстъ», были зачеркнуты слова «и временно во Псковѣ» и зачеркнуты обозначенія портфелей подписавшихъ «Заявленіе» министровъ.

Приложеніе № 4

Составъ Сѣверо-Западнаго правительства къ 24-му августа 1919 года, согласно подписямъ подъ опубликованной деклараціей.

1. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ и финансовъ . . . . С. Г. Ліанозовъ.
2. Министръ Внутреннихъ дѣлъ . . . . К. А. Александровъ.
3. Министръ Военный . . . . ген. Н. Н. Юденичъ.

4. Министръ Торговли и Промышленности, Снабженія и Народнаго Здравія	М. С. Маргуліесъ.
5. Министръ Юстиціи	Е. И. Кедринъ.
6. Министръ Продовольствія	Ф. Г. Эйшинскій.
7. Министръ Морской	В. К. Пилкинъ.
8. Министръ Народнаго Просвѣщенія	Ф. А. Эрнъ.
9. Министръ Общественнаго Призрѣнія	А. С. Пѣшковъ.
10. Государственный Контролеръ	В. Л. Горнъ.
11. Министръ Земледѣлія	П. А. Богдановъ.
12. Министръ Исповѣданій	И. Ф. Евсѣевъ.
13. Министръ Почтъ и Телеграфа	М. М. Филиппео.
14. Министръ Общественныхъ работъ	Н. Н. Ивановъ.

Приложеніе № 5

Текстъ декларации, составленной Политическимъ Совѣщаніемъ и предложенной 3 августа 1919 года Главнокомандующему генералу Юденичу для утвержденія.

Къ населенію русской территоріи Сѣверо-Западнаго фронта.

Объявляю русскимъ гражданамъ, населяющимъ русскую территорію сѣверо-западнаго фронта:

Какъ Главнокомандующій всѣми русскими вооруженными сухопутными и морскими силами сѣверо-западнаго фронта, я являюсь органомъ государственной власти, подчиненнымъ Всероссійскому Правительству и получившимъ отъ него свои полномочія. Этимъ опредѣляется моя государственная и политическая программа, которой руководствуется и состоящее при мнѣ Политическое Совѣщаніе. А посему въ основу своей военной и государственной работы я полагаю тѣ же обновляющія начала политической свободы и демократіи, о которыхъ неоднократно и торжественно заявлялъ Верховный Правитель.

Начала сіи таковы:

1. Рѣшительный отказъ отъ возврата къ старому режиму.

2. Возсоздаваемая всероссійская власть должна быть укрѣплена на основѣ народовластія. Для сего немедленно по очищеніи Родины отъ большевиковъ и по водвореніи законнаго порядка, должно быть созвано Всероссійское Учредительное Собраніе на началахъ всеобщаго избирательнаго права, дабы народъ могъ безпрепятственно выявить свою волю и установить ту форму правленія, которая дѣйствительно осуществитъ великія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру.

3. Единство Великой Россіи должно сочетаться съ утвержденіемъ за всѣми народностями, обитающими на ея исторической территоріи права развивать свою національно-культурную жизнь. Въ борьбѣ съ разложившимъ Отечество большевизмомъ всѣ народы Россіи обрѣтутъ право на устроеніе ихъ государственнаго бытія, въ формахъ самостоятельности, соотвѣтственно ихъ усиліямъ и участію въ общемъ дѣлѣ побѣды надъ разложеніемъ.

4. Административное управленіе государства должно быть усовершенствовано путемъ установленія ближайшей и органической его связи съ мѣстнымъ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ.

5. Всѣ граждане государства Россійскаго, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и классовъ, равны въ правахъ и обязанностяхъ передъ закономъ.

6. Всѣмъ обезпечивается по возстановленіи государственно-правовой жизни неприкосновенность личности и жилища и гражданская свобода: религіозной совѣсти, слова устнаго и печатнаго, союзовъ, собраній и стачекъ.

7. Земельный вопросъ рѣшается согласно съ волей народа. Земля будетъ передана трудящемуся земледѣльческому населенію для закрѣпленія въ собственность.

8. Интересы рабочаго класса найдутъ полное и всестороннее обезпеченіе въ особыхъ законахъ.

Граждане, призываю васъ сплотиться вокругъ знамени возсоздаваемой на новыхъ началахъ Великой Россіи. Приложите всѣ силы къ низверженію противной волѣ русскаго народа варварской тираніи большевиковъ, чтобы положить конецъ начатой большевиками братоубійственной войнѣ.

Приложеніе № 6

Воззваніе къ гражданамъ Пскова

Граждане Пскова!

Трудности нынѣшняго положенія столь увеличились, что было рѣшено обратиться къ демократическимъ чувствамъ Русскаго народа и выяснить, какъ русскому народу, такъ и союзнымъ демократіямъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ столь важный фактъ, что русскія силы, борющіяся нынѣ противъ большевиковъ, дѣйствительно воодушевлены искренней любовью къ свободѣ русскаго народа и стремятся возстановить права демократическаго самоуправленія для тѣхъ русскихъ, которые находятся сейчасъ въ рабствѣ у ненавистныхъ большевиковъ, этихъ тирановъ, болѣе деспотичныхъ и болѣе самодержавно-жестокихъ, чѣмъ любой изъ царей.

Для этихъ цѣлей, руководящіе государственные люди Сѣверо-Западной Россіи объединились, чтобы создать свободное и демократическое правительство для губерній Псковской, Петроградской и Новгородской.

Это правительство составлено изъ представителей всѣхъ партій, такъ какъ существенно необходимо, чтобы, пока существуетъ большевистская тиранія, не было бы междуусобныхъ треній между свободными русскими.

Это правительство пользуется совѣтами и матеріальной помощью союзниковъ Россіи, которые нынѣ выгрузили запасы продовольствія, оружія, одежды и снаряженія, чтобы дать возможность вновь образованному правительству освободить какъ можно болѣе русскихъ изъ подъ тираніи большевиковъ.

Это вновь образованное правительство не только пользуется совѣтами и помощью союзниковъ, но оно обезпечило себѣ чистосердечное сотрудничество и довѣріе всѣхъ выдающихся русскихъ Сѣверо-Западной Россіи настолько, что самъ генералъ Юденичъ не только призналъ правительство г-на Ліанозова, но предоставилъ себя въ полное его распоряженіе и принялъ участіе въ его трудахъ и отвѣтственности.

Граждане Пскова! Я описалъ вамъ, такимъ образомъ, правительство, которое нынѣ образовано для Сѣверо-Западной Россіи, съ одобренія представителей союзниковъ, и я имѣю удовольствіе сообщить вамъ, что вашъ согражданинъ и городской голова г. Эйшинскій избранъ въ число лицъ, призванныхъ руководить судьбами Россіи, дабы возстановить и навѣки обезпечить демократическія гарантіи для всѣхъ свободныхъ русскихъ.

Говоря съ вами, какъ другъ свободной Россіи и какъ представитель союзной демократіи Великобританіи, я обращаюсь къ вамъ, дабы вы мужественно согласились предоставить въ распоряженіе вашей, находящейся въ бѣдствіяхъ, страны работу

вашего городского головы, дабы онъ могъ нести тяжелую долю участія въ работахъ новаго правительства, которому, съ Божьей помощью, предназначено стать орудіемъ освобожденія вашего народа отъ тирановъ.

Когда я читаю описаніе того, что псковичи сдѣлали въ защиту свободы въ старые дни, я исполняюсь надеждой, что они снова объединятся и гордо пошлютъ своего городского голову занести новыя страницы въ исторію города и снова включить имя Пскова въ число тѣхъ городовъ, которые заслужили благодарность Россіи своей мужественной защитой демократическихъ свободъ народа.

А потому я призываю васъ, граждане Пскова, не только дать то разрѣшеніе, которое я прошу отъ васъ во имя свободной Россіи и ея союзниковъ и во имя самой цивилизаціи, но дать его быстро, дабы вашъ городской голова могъ занять мѣсто среди другихъ министровъ, когда они пріѣдутъ на демократическій конгрессъ представителей народа, который созванъ въ Юрьевѣ.

Граждане Пскова! Прежде, чѣмъ проститься съ вами, я молюсь всемогущему Богу, даровавшему западнымъ демократіямъ побѣду надъ германцами, дабы онъ вдохновилъ ваши души, преуспѣялъ ваше оружіе и даровалъ русской демократіи побѣду надъ ея врагами и освобожденіе отъ ея угнетателей.

Г. Пири-Гордонъ,
Уполномоченный.

Великобританская Дипломатическая
Коммиссія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Воззваніе было напечатано въ газетѣ «Заря Россіи», во Псковѣ, 21 августа 1919 года № 19.

Письмо генерала Гофа генералу Юденичу

Ваше Высокопревосходительство

Имѣя ввиду тѣ многочисленныя затрудненія, съ которыми Вамъ приходится бороться, посылаю Вамъ нижеслѣдующія замѣтки, дабы онѣ были бы Вамъ въ помощь для борьбы съ недовольствомъ и интригами, которыя существуютъ, благодаря нынѣшнему печальному положенію злосчастной Россіи. Одновременно мнѣ хотѣлось бы лично Вамъ выразить мое полное удовлетвореніе Вашимъ отношеніемъ и лояльностью, съ которой Вы отвергали всякія попытки вовлечь Васъ въ политическія интриги. Мнѣ извѣстно изъ многихъ источниковъ, что крайнее неудовольствіе царитъ въ Сѣверо-Западной Арміи. Главныя причины этого неудовольствія слѣдующія:

а) Неприбытіе военнаго снаряженія изъ Англіи.
б) Отсутствіе помощи со стороны Союзниковъ.
в) Помощь, предложенная Германіей безъ вознагражденія.
г) Прибытіе войскъ князя Ливена, хорошо снаряженныхъ нѣмцами.
д) Эстонцы имѣютъ англійскіе сапоги и обмундированіе, тогда какъ русская Сѣверо-Западная Армія таковыхъ не имѣетъ.

Такъ какъ вышеуказанныя причины тренія безусловно результатъ незнанія истиннаго положенія вещей и раздуваются нѣмецкими или большевистскими интригами, то я считаю необходимымъ вкратцѣ довести до Вашего свѣдѣнія нижеслѣдующіе пункты, отвѣчая по очереди на каждую жалобу.

а) Причина неприбытія военнаго снаряженія изъ Англіи, аварія парохода, который, уже выйдя въ море, долженъ былъ изъ за порчи машинъ возвратиться въ гавань и разгрузиться. Эти припасы теперь прибыли, и я думаю, что Вы сами

согласитесь, что прибыли въ очень короткій срокъ принимая во вниманіе всѣ затрудненія морскихъ перевозокъ.

б) До моего прибытія Вамъ не было обѣщано никакой помощи.

Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиковъ, сердца Вашихъ людей были вѣрны и ихъ лица были обращены въ сторону врага.

Наше обѣщаніе помочь Вамъ повидимому развело мягкотѣльность среди людей.

Заявленіе, что Союзники совсѣмъ не помогаютъ русскимъ — явный вздоръ, такъ какъ списки снаряженія, отправленнаго Колчаку и Деникину (см. прил. А, Б, В) ярко доказываютъ это.

Милліоны пудовъ, тысячи тоннъ и колоссальное количество военнаго снаряженія уже получены русскими Арміями.

До какой степени было велико напряженіе и до какой степени малы результаты, что врядъ ли общественное мнѣніе (Англіи) согласится нести такое бремя.

Среди русскихъ есть многіе, которые, вмѣсто того чтобы сражаться за свою родину, стараются всѣми силами отрѣзать тѣ жизненныя струи помощи, которыя идутъ отъ Союзниковъ. Союзниковъ начинаетъ тяготить эта черная неблагодарность, и имѣя дома столько не разрѣшенныхъ проблемъ, нельзя ожидать, чтобы они позволили бы такое отношеніе къ себѣ.

в) Вы должны настоять, чтобы Ваши старшіе офицеры, а по возможности всѣ офицеры, прочли бы §§ 116—118, 160, 163—165, 170, 171, 179, 198, 200—208, 258, 259, 292, 293, 483 — Мирнаго договора.

Помощь и самопожертвованіе Великой Россіи въ первый годъ войны дали возможность нѣсколько лѣтъ спустя составить и подписать этотъ замѣчательный документъ.

За помощь Великой Россіи въ тѣ дни Союзники будутъ навсегда благодарны. Но мы уже болѣе чѣмъ возвратили нашъ долгъ натурой. Берегитесь, иначе тѣ самые элементы, которые были причиной законнаго неудовольствія въ русской Арміи, снова доведутъ бѣлыя силы Россіи до полнаго уничтоженія.

Германія возлелѣяла большевиковъ за счетъ человѣчества и ея руки обагрены кровью Русскихъ.

Многіе русскіе командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорятъ о необходимости обратиться за помощью къ нѣмцамъ, противъ воли Союзныхъ Державъ. Скажите этимъ дуракамъ, чтобы они прочли Мирный договоръ. Все, что Германія имѣетъ, уже ею потеряно. Гдѣ находятся ея корабли для перевозки припасовъ, гдѣ находятся ея подвижной составъ?

Когда Союзники, огорченные неумѣніемъ и неблагодарностью, прекратятъ помогать бѣлымъ частямъ, тогда, проведенное съ такимъ затрудненіемъ, кольцо, сдавливающее Красную Россію, лопнетъ.

Какими путями могутъ германскія войска прибыть въ Мурманскъ, на Кавказъ или на Колчаковскій фронтъ?

г) Нѣмцы снарядили войска Ливена краденными припасами. Черезъ нѣсколько недѣль всѣ германскіе припасы должны быть сданы намъ, а нѣкоторые изъ Вашихъ офицеровъ до такой степени глупы и никакъ не могутъ сообразить, что Германія отнюдь не давала этихъ припасовъ изъ желанія помочь или отъ доброты сердечной, а потому давала, что знала, что эти припасы уже ею утеряны.

Я приложилъ въ видѣ отвѣта на § Д копію радіограммы, посланной Маршаломъ Фошъ Генералу фонъ-деръ-Гольцъ. Передайте Вашимъ офицерамъ эту радіограмму и спросите у нихъ, куда они хотятъ идти, на соединеніе съ нѣмцами? Кто будетъ распоряжаться германскими боевыми припасами? Желаютъ ли они союза съ ничтожной

кучкой юнкеровъ, которыхъ не признаетъ германскій народъ и которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ потопили весь міръ въ морѣ крови. Это та самая ничтожная кучка, которая, когда ее заставили принять бой ею же вызванный, стала пользоваться большевизмомъ и подводной войной. Пріемы, которые заставили отшатнуться отъ нея всѣхъ порядочныхъ европейскихъ и азіатскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и оставили Россію истекающую отъ ранъ. Тѣ изъ Вашихъ офицеровъ, которые жалуются, вмѣсто того чтобы сражаться, предлагаютъ исцѣлить эти раны при помощи нѣмцевъ же. Понимаютъ ли эти недовольные, что они со своими необосиованными и реакціонными рѣчами, отталкиваютъ отъ своихъ же братьевъ крестоносцевъ весь демократическій міръ.

д) Тотъ маленькій фактъ, что Россія не смогла объединить Эстонію, Латвію и латышей въ одну демократическую единицу, затѣмъ двинуться сообща на красную Россію, не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ для того класса бѣлыхъ русскихъ, которые въ данную минуту обращаютъ во враговъ своихъ друзей и приводятъ въ уныніе всѣхъ желающихъ Россіи добра. Эстонцы уже купили и заплатили, до моего прибытія, за то снаряженіе, которое они сейчасъ получили. Въ заключеніе я хочу указать на то, что какова бы то ни была будущность Россіи, она во всякомъ случаѣ будетъ демократическая. Только тѣ, которые ставятъ свою родину выше собственныхъ интересовъ, готовы сражаться и молча терпѣть нужду, будутъ имѣть отвѣтственное положеніе въ возрожденной Россіи и будутъ поддержаны Союзниками. Теперь настало время, чтобы ясно доказать, кто достоинъ управлять Новой Россіей, которая, хотя и медленно эволюціонируетъ, но съ достаточной быстротой, чтобы ясно доказать всѣмъ реакціонерамъ и узкимъ доктринерамъ, что для нихъ тамъ нѣтъ мѣста. Армія, находящаяся подъ Вашимъ командованіемъ, имѣетъ возможность взять Петроградъ и этимъ самымъ матеріально помочь другимъ Вашимъ болѣе значительнымъ Арміямъ, находящимся на полѣ брани. Укажите Вашимъ офицерамъ и солдатамъ, что всѣ раздоры и недовольства должны быть поглощены однимъ пламеннымъ желаніемъ взять Петроградъ.

Съ имѣющимися у Васъ силами, подкрѣпленными аэропланами, боевыми припасами и танками, которыми Васъ снабжаемъ, и съ тѣми трофеями, которые будутъ взяты у непріятеля, Вы имѣете полную возможность взять Петроградъ. Но при существующемъ настроеніи Вашихъ офицеровъ наступленіе немыслимо. И если не будетъ улучшенія въ этомъ направленіи и не будетъ выражено искреннее желаніе схватиться на смертный бой съ большевиками, то мнѣ придется серіозно подумать о томъ, не лучше ли послать боевые припасы, предназначенные для Васъ, на другой фронтъ, гдѣ они будутъ использованы въ борьбѣ противъ большевиковъ, а не противъ Вашихъ друзей и сосѣдей.

Начальникъ всѣхъ Союзныхъ Военныхъ Миссій
въ Финляндіи и въ Прибалтійскихъ Штатахъ
Генералъ-Лейтенантъ

Гофъ.

Гельсингфорсъ,
4 августа 1919 г.

Копіи № 1, 2, 3, 4 — Генералу *Юденичу.*
Копія № 5
Копія № 6 — Капитану *де Фарамондъ.*
Копія № 7 — Полковнику *Данеле.*
Копія № 8 — Капитану *Гризино.*

Изъ частной переписки

Послѣдніе дни Леонида Андреева

Въ концѣ февраля 1919 года мнѣ удалось, благодаря подкупности большевистскихъ комиссаровъ, бѣжать въ Финляндію, гдѣ я прежде всего попалъ въ карантинъ. Тамъ я долженъ былъ отсидѣть недѣлю, причемъ доступъ постороннимъ въ карантинъ воспрещался. Каково же было мое радостное удивленіе, когда на третій день моего пребыванія къ намъ въ комнату ввалился въ огромной дохѣ и высокихъ валенкахъ Леонидъ Николаевичъ Андреевъ. Непосредственно передъ большевистскимъ переворотомъ газета «Русская Воля», которую онъ съ увлеченіемъ редактировалъ, порешла въ другія руки и редакторомъ ея намѣченъ былъ Савинковъ. Леонидъ Николаевичъ наканунѣ переворота уѣхалъ въ Финляндію и поселился въ Тюрисевѣ недалеко отъ своей великолѣпной дачи.

Послѣ горячихъ привѣтствій начался неумолкаемый разговоръ: я коротко разсказалъ ему все, что пришлось пережить въ Петербургѣ за время владычества большевиковъ и послѣ этого нить бесѣды взялъ въ свои руки Леонидъ Николаевичъ, и въ теченіе двухъ часовъ въ яркихъ образахъ развивалъ свои взгляды на положеніе Россіи. Рѣчь его была насквозь проникнута такой нѣжной задушевной любовью къ несчастной родинѣ и она вызывала страстное негодованіе, когда онъ говорилъ о большевистскихъ экспериментаторахъ, въ особенности, о Горькомъ. На другой день Л. Н. снова пробрался ко мнѣ, а когда я вышелъ изъ карантина, то прежде чѣмъ уѣхать въ Гельсингфорсъ, я провелъ у Л. Н. цѣлый день на его дачѣ. Большими шагами онъ ходилъ все время по кабинету и отъ времени до времени задыхаясь, настойчиво убѣждалъ меня по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ взять въ свои руки мѣстную газету и все дѣло информаціи: онъ глубоко вѣрилъ, что если познакомить Европу съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, то цивилизованный міръ не можетъ не прійти на помощь во имя спасенія столь многообѣщавшей русской культуры.

По разнымъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, я уклонялся отъ слѣдованія совѣтамъ Андреева, когда же наконецъ вслѣдствіи непрекращающихся настояній друзей я рѣшился вернуться къ газетной работѣ, то первымъ дѣломъ написалъ Леониду Николаевичу, напоминая ему объ его обѣщаніи работать совмѣстно со мною. Между тѣмъ, за это время здоровье Л. Н., быстро разрушавшееся, значительно ухудшилось и прилагаемое письмо его и составляетъ отвѣтъ на мое предложеніе.

Въ началѣ августа, передъ наступленіемъ Юденича, Л. Н. почувствовалъ себя лучше и пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, прожилъ со мною подъ одной крышей двѣ недѣли. Его охватила жажда работы и онъ мечталъ стать во главѣ организаціи антибольшевист-

ской пропаганды. Однако, его стремленіе не встрѣтило сочувствія въ тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ зависѣло осуществленіе его плана и огорченный Л. Н. рѣшилъ уѣхать въ Америку. Мы отправили телеграмму нашему общему пріятелю, видному американскому журналисту и въ ожиданіи его отвѣта Л. Н. уѣхалъ домой, чтобы собраться въ далекій путь.

Увы, не больше недѣли спустя я получилъ отъ супруги его телеграмму, извѣщавшую о внезапной смерти Леонида Николаевича, а еще черезъ два дня я получилъ изъ Нью-Іорка вмѣсто отвѣта запросъ, правда ли что Андреевъ скончался.

Какъ видно изъ письма его, Л. Н. все время находился въ полосѣ стрѣльбы, а когда онъ вернулся изъ Гельсингфорса, ему пришлось пережить налеты большевистскихъ аэроплановъ, произведшіе на него гнетущее впечатлѣніе. Онъ выѣхалъ изъ своей дачи и поселился у пріятеля, но тамъ черезъ нѣсколько дней за работой сердце отказалось служить и Леонида Николаевича не стало. Совершенно готовая, отчетливо сложившаяся въ головѣ характеристика революціи, докатившейся до большевизма, безслѣдно похищена его смертью.

I. Г.

Письмо Леонида Андреева

Дорогой Іосифъ Владиміровичъ! Я сейчасъ, какъ тотъ студентъ, что двѣ ночи дежурилъ на Шаляпина, получилъ билетъ, а на спектаклѣ, когда его пригрѣло и музыка заиграла — заснулъ и крѣпко проспалъ весь вечеръ, пока не разбудилъ капельдинеръ: кончилось. Но тотъ счастливецъ спалъ, пригрѣтый и убаюканный, а я просто боленъ. Боленъ и въ настоящую, по крайней мѣрѣ, минуту инвалидень. Два года я живу въ волненіи, которому не было выхода; всю послѣднюю зиму я тщетно стремился къ планомѣрной (не художественной) работѣ и ея не было. Кончилось тѣмъ, что весь запасъ и волненій и чувствъ обрушился на меня же самого — и сердце сдало. Не могу писать. Самое маленькое напряженіе мысли, легкое волненіе передъ машинкой — и готовъ, сердце бухаетъ, потомъ останавливается, дыханія нѣтъ — хоть помирай.

Докторъ мой призналъ, что сердце «ослабѣло» и запретилъ всякое дѣйствованіе, и умственное и даже физическое. Такимъ манеромъ я живу вотъ уже почти два мѣсяца, ни Богу свѣчка, ни черту кочерга. Принимаю всѣ мѣры, чтобы возстановиться. Переѣхалъ въ свой домъ на Черную Рѣчку и началъ исподволь упражнять физику, работать по саду, ставить заборы. Нѣсколько получшало, но такъ мало еще, что случайный разговоръ о политикѣ или номеръ газеты можетъ сразу вернуть къ сердечнымъ припадкамъ. Писемъ не пишу, людей стараюсь видѣть меньше, читаю сказки. Оттого и Вамъ не писалъ, каялся, но не писалъ, думалъ: потомъ объясню.

А тутъ и Бурцевъ зоветъ работать, и Карташовъ, и вотъ наконецъ Ваше письмо. Бѣда! И опять стараюсь не разстраиваться своей инвалидностью, набираю воздуху, солнца и дыханія, доказываю себѣ, что хворость моя не настоящая и пройдетъ. Иначе, что же? Утѣшаюсь и тѣмъ, что опоздать никуда не могу, ибо работы впереди — цѣлыя горы.

Такъ вотъ какія мои дѣла, дорогой Іосифъ Владиміровичъ. Конечно, какъ только возстановлюсь хоть для маленькой работы, немедленно снесусь съ Вами. А пока буду слушать стрѣльбу, она идетъ каждодневно и иногда съ трехъ сторонъ горизонта; бѣгаю на башню смотрѣть въ бинокль морскіе бои, гадаю и догадываюсь. Вчера ночью гдѣ то за Ино были такіе внушительные залпы и грохоты, что вздрагивалъ домъ. Надо сказать, что всѣ мы привыкли къ стрѣльбѣ, какъ къ простому шуму, и только

мой миролюбивѣйшій песъ, Маркизъ, прячется въ домъ — не выноситъ. Нѣсколько поволновалъ насъ сестрорѣцкій бой — отчетливо слышался пулеметъ, но и это миновало.

А нынче получилъ неожиданное и радостное извѣстіе: телеграмму отъ брата офицера, съ осени пропавшаго, что онъ живъ и здоровъ. И знаете, откуда. Изъ Омска! Прямо такъ и значится: Омскъ — Теріоки. Для меня это прямо чудо. И принесъ это чудо самый обыкновенный почтальошка. Значитъ, братъ добрался и устроился у Колчака, чему я очень радъ, можетъ быть, это отъ плохой жизни, но въ Колчака я твердо вѣрю. Единственный, кто.

Объ англійскомъ S. O. S. съ статьей Павла Н. я слыхалъ и мнѣ чрезвычайно радостно, что предисловіе написалъ какъ разъ П. Н. При всѣхъ его «ошибкахъ», я считаю его самымъ большимъ государственнымъ человѣкомъ Россіи; да и лично онъ внушаетъ мнѣ сильнѣйшую симпатію. И какъ онъ работаетъ! Завидно. Знаю, что и Вы хорошо работаете и . . . да что разстраивать раны.

Крѣпко жму Вашу руку. Будьте здоровы, бодры, работайте, а меня помяните не словомъ укоризны, но вздохомъ дружескаго сожалѣнія.

9 іюня 1919 г. Леонидъ Андреевъ

Описаніе польскаго отступленія

Рига, 26 августа 1920 г.

Милая А. И.

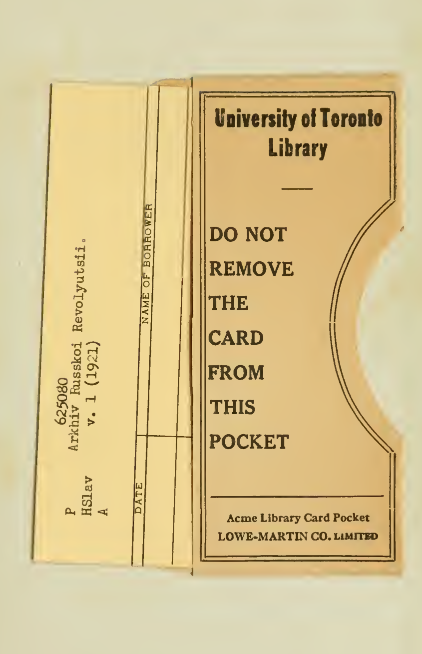
Вы вѣрно удивитесь, получивъ мое письмо изъ Риги; послѣ 26—27-ми дневнаго путешествія на лошадяхъ изъ Минска мы недавно прибыли сюда. Я давно ожидала катастрофы въ нашихъ мѣстахъ, но послѣднее дѣйствіе разыгралось очень ужъ быстро. Мой братъ, прогостивъ у меня 10 дней, спокойно поѣхалъ въ Минскъ, гдѣ еще все было тихо, а на слѣдующій день онъ еле попалъ въ поѣздъ на Варшаву, а еще черезъ день, когда я съ дочерью пріѣхали въ городъ, нельзя было и думать о томъ, чтобы попасть въ поѣздъ. За ночь желѣзнодорожники испортили 25 паровозовъ, а посланные ихъ усмирять и оберегать подвижной составъ жандармскіе и полицейскіе чины отказались повиноваться, солдаты выкидывали публику съ вокзаловъ, грабили и убивали населеніе и поджигали городъ. Мы цѣлый день тщетно прождали своего управляющаго съ лошадьми изъ деревни, а вечеромъ распространился слухъ, что большевики подходятъ къ городу; насъ подхватила на возы послѣдняя отходящая воинская часть. Дочь пришла въ такой ужасъ при мысли снова очутиться у большевиковъ, голодать, поступить на совѣтскую службу, что я рѣшила все сдѣлать, чтобъ выбраться. Мы ѣхали среди грабежей, избіеній и пожаровъ, чинимыхъ отступающей польской арміей. Всѣ мѣстечки на нашемъ пути горѣли. Намъ пришлось 28 верстъ ѣхать сплошнымъ лѣсомъ: распространился слухъ, что большевики устроили засады въ лѣсу, чтобъ перехватить наши обозы. Обезумѣвшіе отъ страха поляки, посыпая какимъ то горючимъ порошкомъ по обѣимъ сторонамъ дороги, устраивали сплошныя огненныя завѣсы. Пылали и трещали громадныя сосны, взрывались снаряды, попадающіе въ огонь, мы задыхались, опалили себѣ щеки и руки, а лошади бока, но ни остановиться, ни податься куда нибудь нельзя было; отстающія подводы бросались на произволъ судьбы, ибо всякое промедленіе могло грозить катастрофой, большевики шли по

пятамъ и окружали лѣсъ. На полъ пути отъ Барановичъ насъ нагналъ нашъ управляющій, мы рѣшили отдѣлиться отъ арміи и повернуть на Лиду. Среди бѣженцевъ и солдатъ появилась дезинтерія и буквально ничего нельзя было купить на всемъ пути, все было съѣдено. Въ Лидѣ мы попали въ другую отступающую отъ Молодечно польскую армію и съ ней докатились до Гродны. Мы пріѣхали въ городъ ночью и сейчасъ же перебрались черезъ мостъ на ту сторону Нѣмана, такъ какъ мостъ собирались уже взрывать. У насъ сломалось колесо и пришлось остановиться въ предмѣстьи въ какой то хатѣ; цѣлыя сутки мы присутствовали при возмутительномъ ограбленіи и избіеніи народа, преимущественно евреевъ; всего не опишешь. На слѣдующій день днемъ внезапно разнесся слухъ, что большевики входятъ въ городъ и со всѣхъ сторонъ на Бѣлостокское шоссе, на которомъ мы стояли, ринулись военные обозы, бѣженцы, артиллерія, пѣхота, автобусы и т. д. Началась настоящая паника; появился опять горючій порошокъ, отъ котораго сгорѣло много телѣгъ, мы сами едва не погибли, вокругъ насъ запылали постройки, взрывались снаряды, вывезенные артиллеріей и тутъ же уничтожаемые вокругъ горящихъ построекъ, солдаты на автобусахъ ревѣли, что ихъ котлы сейчасъ взорвутся, большевики стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій и изъ пулеметовъ, жители бросали бомбы въ отступающую армію, однимъ словомъ настоящій хаосъ; я думала, что мы погибнемъ, но, наконецъ, обозы двинулись и стало немного легче. Мы не поѣхали съ арміей на Бѣлостокъ, а повернули на Оссовецъ и Граево, думали перейти въ Германію, но это оказалось невозможнымъ и мы рѣшили ѣхать навстрѣчу наступающей литовской арміи. Въ Августовскихъ лѣсахъ свободно орудовали шайки грабителей всѣхъ національностей, но мы проскочили; на Литовской границѣ насъ продержали сутки, но, наконецъ, пропустили въ Ковну; здѣсь латвійскій консулъ отказалъ намъ въ визахъ и мы рѣшили ѣхать безъ оныхъ; на границѣ насъ не хотѣли пускать въ Латвію, и гнали назадъ въ Литву; мы простояли цѣлый день на шоссе и только вечеромъ я, наконецъ, добилась, что меня отвели въ штабъ, оставивъ дочь, вещи и лошадей въ залогъ. Въ штабѣ мнѣ удалось договориться и отсюда пошло легче. Насъ подъ конвоемъ отправили въ Митаву, а оттуда пустили и въ Ригу, куда мы попали на 26 день путешествія. Вотъ Вамъ описаніе нашего путешествія вкратцѣ, всего не перескажешь, хотѣли насъ и ограбить, и арестовать, сами мы были больны желудкомъ отъ воды, которую мы пили изъ всѣхъ лужъ ввиду ужасной жары; на насъ костюмы буквально разсыпались, а на дочери половина юбки сгорѣла. Что теперь дѣлать дальше я совсѣмъ не знаю; изъ имѣнія мы уѣхали передъ самымъ снятіемъ большого и хорошаго урожая и передъ совершеніемъ купчихъ на запроданные участки земли. Все, конечно, погибло. У меня есть немного денегъ въ Германіи и на дняхъ отправлю туда дочь къ бабушкѣ; надѣюсь, что ей удастся поступить тамъ на медицинскій факультетъ. Здѣсь университетъ очень плохо поставленъ и необходимъ латвійскій языкъ. Сама я еще останусь немного, чтобъ ликвидировать пару лошадей, на которыхъ мы пріѣхали, и вообще подумать, что дѣлать, но думается плохо, грустно и энергіи нѣтъ.

Содержаніе

*

Напечатано издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED
P
HSlav
A
625080
Arkhiv Russkoi Revolyutsii.
v. 1 (1921)
DATE
NAME OF BORROWER